

Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА

ДРЕВНОСТЬ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

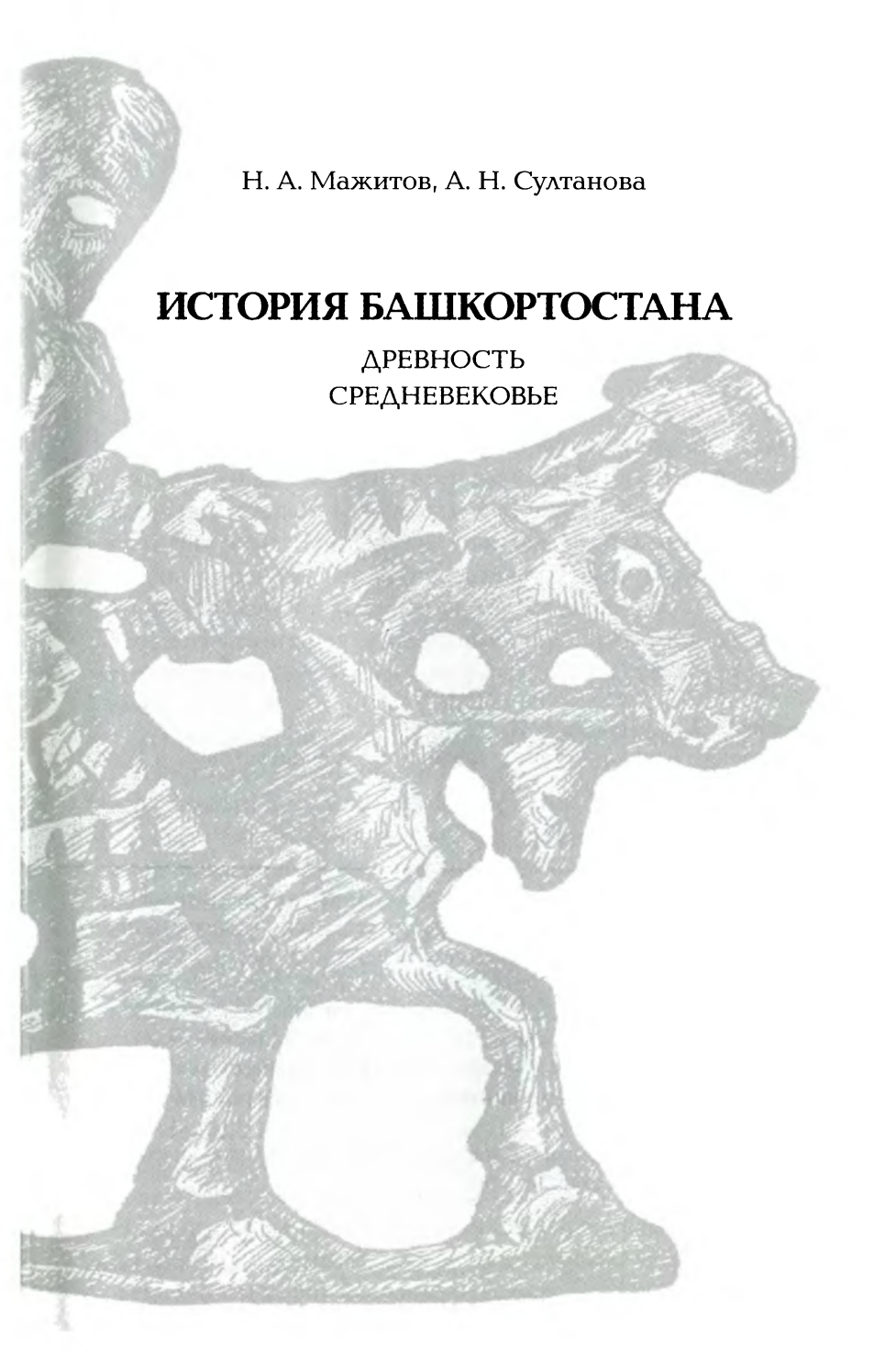

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА

ДРЕВНОСТЬ. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА

ДРЕВНОСТЬ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)
М 13

Мажитов Н. А., Султанова А. Н.

М 13 История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа:
Китап, 2010. – 496 с.: ил.

ISBN 978-5-295-05078-7

Работа посвящена актуальным проблемам этнополитической истории Башкортостана. Основное внимание уделено вопросам этнической преемственности современных башкир и древнего, средневекового населения края. Эта тема освещена на фоне широкого привлечения данных исторической этнографии, фольклора, языка башкир, а также письменных источников. Впервые авторы знакомят читателя с уникальными материалами недавно открытого средневекового города Башкорт V–XVI вв. – предшественника города Уфы на его территории.

Рассчитана на массового читателя, может служить пособием для студентов и учащихся старших классов.

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)

ТП – 2010

ISBN 978-5-295-05078-7

© Мажитов Н. А., Султанова А. Н., 2010

Ризаитдин ФАХРЕТДИНОВ,
выдающийся башкирский ученый-гуманист,
общественный деятель XIX – начала XX в.

От авторов

Народ творит свою историю, а пишут ее отдельные личности. Против справедливости этих слов вряд ли кто осмелится возразить. Нет историка, которого оппоненты не обвинили бы в субъективном взгляде на те или иные исторические события. Особенно трудно специалисту-историку сейчас, когда происходит ломка сложившихся взглядов и представлений о ходе исторического развития. Здесь его поджидает соблазн быть втянутым в газетные «перестрелки», в митинговую демократию площадей и улиц, где факты нужны лишь как довески к эмоциям.

Объективность историка, по нашему мнению, и состоит не в преданности идеям классов, партий, наций, религиозных течений, а в приверженности духу и содержанию фактов, документов и источников.

Было бы большой смелостью утверждать, что авторы предлагаемой вниманию уважаемого читателя книги полностью следовали данным принципам. На нашем пути стояла трудная задача. Башкиры, как и ряд других народов России, были обделены наличием обобщающих исторических исследований в отечественной литературе. Кроме того, древняя и средневековая история Башкортостана систематически начала изучаться лишь в последние 60–70 лет, и в ней еще много «белых пятен» и спорных моментов, где пока не может быть однозначного ответа. Мы старались ознакомить читателя не только с основными вехами древнейшего прошлого края, но и с состоянием его изученности, чтобы он сам смог разобраться в мозаике мнений историков и предвидеть будущее направление исследований. Таким образом, мы старались воссоздать целостное представление о народах, которые жили на Южном Урале, сменяя друг друга с глубокой древности до XVI в. При изложении истории народов последних 2–2,5 тысяч лет в центре нашего внимания оказались древние и средневековые племена, являвшиеся,

по нашему убеждению, дальними и близкими предками современного башкирского народа. Так мы неожиданно для себя пришли к заключению, что формирование башкирского народа охватывало длительный период и неотъемлемой частью этого процесса были VI–X вв. и предшествующие им столетия. В целом, удалось ли нам, авторам, справиться с поставленной задачей – судить нашему читателю.

Настоящая книга посвящена изучению древней и средневековой истории Башкортостана. В связи с названием книги нам хотелось обратить внимание читателя на одно важное обстоятельство.

В научной литературе да и в представлении многих людей под Башкортостаном подразумевается территория современной Республики Башкортостан. Для историков Башкортостана это понятие нуждается в серьезном уточнении.

С момента появления первых достоверных письменных источников о башкирах (IX–XII вв.) до вхождения Башкортостана в состав Российского государства (середина XVI в.) башкиры считались коренным населением огромной территории – от восточных границ Самарской и Саратовской областей (читай: от левого берега р. Волги) до Иртыша в широтном направлении и от Среднего Урала (юг Пермской, Свердловской областей) до северо-казахстанских степей. Потомки средневековых башкир на этих землях живут до сегодняшнего дня на правах коренного населения. В ходе изложения содержания книги мы непременно ознакомим читателя с историческими документами, подтверждающими достоверность указанных границ. Это и есть историческая родина – территория формирования и развития башкирского народа, и, в отличие от Республики Башкортостан, мы рекомендуем называть ее Историческим (Большим) Башкортостаном. В таком понимании нами излагается древняя и средневековая история Башкортостана.

Настоящая книга подготовлена на основе одноименной книги, изданной в 1994 г., но отличается от нее рядом существенных моментов. Под впечатлением новых источниковых материалов нам пришлось обновить содержание глав, посвященных истории племен края эпох бронзы и раннежелезного века. Но это больше всего коснулось глав по истории Башкортостана эпохи средневековья. В плане сказанного принципиальную новизну в наши представления о характере социально-экономической и культурно-политической истории населения Южного Урала эпохи средневековья внесло открытие большого города вокруг городища Уфа-II в центре современной Уфы. Собранные материалы указывают, что этот город возник где-то на рубеже IV–V вв.,

непрерывно существовал до XV – начала XVI в. и уверенно отождествляется с городом Башкорт, не раз упомянутым в мировой историко-географической литературе XIV–XVI вв. Под влиянием этих новых фактов здесь выделена глава о средневековом периоде истории города Уфы, и это позволило расширительно (полнее) излагать этапы этнокультурной и политической истории башкирского народа IX – начала XVI в.

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в приложении к книге приведены имена башкирских ханов и биев, извлеченных из текстов башкирских шежере, надмогильных камней и прочей опубликованной литературы. Деятельность этих выдающихся башкирских предводителей охватывает период, в среднем, от IX до середины XVI в. К подготовке этого списка нас побудило широко бытующее в литературе уничижительное мнение о том, что башкиры до XVI в. находились на стадии родового строя и не достигли уровня создания собственных государственных организаций. Приведенные в текстах глав и приложении имена говорят сами за себя. Это первый опыт систематизации имен правящей элиты башкирского народа до середины XVI в. и хочется надеяться, что он найдет продолжение в исследованиях будущих историков Башкортостана.

Внося такие неизбежные для историка дополнения, мы хотим сделать одну оговорку: эти новшества не вызваны нашим отказом от тех выводов, которые изложены в варианте нашей книги 1994 г., а, наоборот, являются логическим их развитием. По мере знакомства с содержанием книги читатель сам может убедиться в логической последовательности и оправданности внесенных новинок. Подчеркнем, основные выводы настоящей книги в сжатом и популярном виде изложены в историко-культурном энциклопедическом атласе «Башкортостан» (Уфа, 2007), подготовленном и изданном в честь празднования 450-летнего юбилея добровольного вхождения Башкортостана в состав Российского государства.

Раздел I

ДРЕВНОСТЬ

Глава I

КАМЕННЫЙ ВЕК

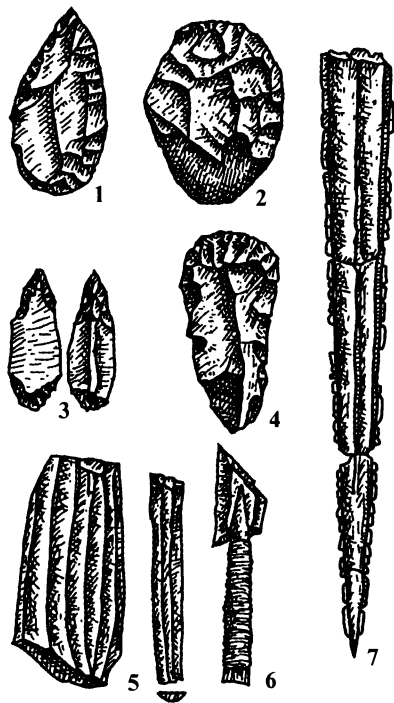
Первичное заселение территории Урала. За последние два десятилетия в области изучения древнейших этапов истории человеческого общества сделаны важные научные открытия, которые в корне изменили все ранее существовавшие представления о времени и характере происхождения человека на Земле. Например, почти единодушно считалось, что человек появился около 1 млн лет тому назад одновременно в различных районах Африки, южных частях Европы и Азии. Полагалось, что в эту зону становления человека входило и Закавказье, где к числу самых древних относилось местонахождение фрагмента нижней челюсти человека в Азыхской пещере в Азербайджане.

Но сейчас никто из историков не сомневается в том, что человечеству около 3 млн лет, и такому трехкратному удревнению времени его появления наука обязана выдающимся открытиям английских археологов семейства Лики. Ими в местностях Олдувай (Танзания), Кооби-Фора и Рудольф (Кения) были обнаружены следы обитания человека в виде изготовленных каменных орудий, черепов и других деталей скелета человека, существовавшего в период от 2 до 2,8 млн лет тому назад. Дата этих стоянок позднее была уточнена до 1,3–1,6 млн лет, но зато на территории Африки открыты новые более древние памятники. К их числу относятся стоянки Гона (возраст 2,6 млн лет), Хадара (3,5 млн лет), а также скелеты человека в Эфиопии и местности Летолин (3,6 млн лет; Кения). Это пока самые древние следы обитания человека на Земле из числа известных.

Археологические открытия в Африке заставили ученых по-новому взглянуть на весь процесс формирования человека и расселения его по земному шару. Преобладающее большинство ученых мира, в том числе и нашей страны, теперь склонилось к мысли о том, что человек перво-

начально появился на территории Южной Африки около 3 млн лет назад и оттуда он начал заселять все остальные материки. Подтверждением этому служат материалы стоянки Дманиси (Восточная Грузия), которая сейчас считается одной из древнейших на территории Евразии и датируется 1,9–1,7 млн лет. Количество стоянок возрастом от 1,2 до 0,6 млн лет значительно больше: они обнаружены на Кавказе, Приазовье (Амирание – гора, Богатыри, Дарвагчай и др.), Таджикистане (Кульдара), Казахстане (Кызыл-тау) и других местах. Исследователи считают, что подобные памятники оставлены группами первых поколений людей, переселившихся сюда с территории Африки¹. Памятники этого времени известны на Алтае (Улалинка) и в Якутии (Диринг). Они тоже возникли в ходе продвижения человека на север с юга Азиатского материка.

Когда человек впервые появился на Урале? Наука пока не в состоянии точно ответить на этот вопрос, но улалинские и дирингские находки позволяют предположить, что здесь, в первую очередь в южной части Урала, человек мог появиться около миллио-

Каменные орудия труда самого древнейшего человека Южного Урала: 1, 2 – ручное рубило; 3 – наконечник стрелы; 4 – скребло; 5 – нуклеус и тонкая пластина, сколотая с него; 6 – способ укрепления тонких ножжевидных пластин на деревянной рукоятке; 7 – нож-кинжал, состоящий из деревянной или костяной основы с тонкими ножжевидными пластинами в пазах

¹ Деревянко А. П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 25–47; Любин В. П., Беляева Е. В. Кавказ в ранней прединтории Евразии // Там же. С. 69–90; Деревянко А. П., Зенин В. Н. Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана // Труды II (XVIII). ВАС. Т. 1. М., 2008. С. 10–12; Шелинский В. Е., Кулаков С. А. Ранний палеолит Приазовья: новые открытия // Там же. С. 170–181.

на лет назад. Но эти самые древние археологические памятники пока остаются ненайденными, что вызвано трудностями поиска: они, как правило, располагаются под многометровой толщей земли и становятся известными специалистам при случайных обстоятельствах. А пока старшей по возрасту здесь остается стоянка Мысовая на берегу оз. Карabalыклы близ дер. Ташбулатово Абзелиловского района. В результате многолетних раскопок известных советских археологов О. Н. Бадера и Г. Н. Матюшина на стоянке собрано большое количество искусно обработанных ручных рубил, нуклеусов и отходов (отщепов) при их изготовлении, датируемых ашель-мустьерским временем (200–40 тыс. лет назад)¹.

На Южном Урале недавно открыта и исследована вторая древняя стоянка Богдановка I на левом берегу реки Урал в Кизильском районе Челябинской области. Более 1 000 предметов из камня (орудия: скребла, ножи, остроконечники, отщепы), а также кости мамонта, носорога, бизона, пещерного медведя и других залежали на глубине 6 м, образуя культурные отложения мощностью до 20 см. Памятник датируется временем 100–40 тыс. лет (эпоха мустье)². Благодаря лучшей сохранности и насыщенности находками стоянка может иметь в будущем опорное значение для изучения истории Южного Урала эпохи древнекаменного века.

Специальные поиски раннепалеолитических памятников, предпринятые в 80–90-х гг. XX в., привели к открытию на Среднем Урале серии местонахождений возраста 250–200 тыс. лет. Сюда относятся Ельники, Большая Глухая, Ганичата I и II, где были обнаружены кварцитовые отщепы со следами искусственной обработки и остатки фауны того времени³. Указанные памятники пока слабо изучены, поэтому до полного исследования настаивать на ранней дате пока не приходится. Примерно ко времени 100–40 тыс. лет назад также относятся стоянки Муллино, Айдос, где обнаружены примитивные каменные орудия и отщепы⁴. Население было редким и состояло из небольших групп охотников-рыболовов.

¹ Матюшин Г. Н. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 86–96.

² Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Челябинск, 2000. С. 20–31.

³ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 41–45.

⁴ Шакуров А. П., Клименко С. И. Стоянка Муллино-2 // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 123–138.

Принято считать, что первые люди на Урал пришли с юга, через территорию Средней Азии и Казахстана, где к настоящему времени открыты десятки стоянок древнекаменного века, в том числе ашель-мустьерского времени (350–300 тыс. лет назад). Среди них территориально самыми близкими к Южному Уралу являются стоянки, расположенные в районе Мугаджар¹, представляющих южные отроги Уральских гор. Не исключается возможность проникновения его сюда через Кавказ и Нижнее Поволжье. Однако, как полагают многие ученые, этот южный путь не был простым, как мы сейчас представляем. Уровень Каспийского моря в глубокой древности был очень высоким, и его северное побережье могло проходить даже севернее нынешней Волгоградской области. Но в освоении северных широт для наших отдаленных предков не было непроходимых препятствий.

В период позднего или верхнего палеолита (40–11 тыс. лет до н. э.) человек обитал уже почти на всей территории Урала. Только на Южном Урале число известных стоянок превышает 20². Памятники этого времени, например, открыты в различных районах Башкортостана (под г. Уфой, Октябрьским), в Курганской (Шикаевка) области, Пермского края (около г. Перми), а также в Республике Коми (Медведь Камень). К этому времени человек научился изготавливать из камня (кремня) наконечники стрел, дротики, отсекал от кремня-основы тонкие ножевидные пластины, которые после дополнительной обработки вставлялись в пазы деревянных основ и использовались как режущие края своеобразных комбинированных орудий труда типа ножей. Известны десятки видов других орудий труда.

Человек конца древнекаменного века уже обладал достаточно богатым объемом знаний, что позволяло ему применять сложные технические приемы при изготовлении оружия и различных предметов украшений. В плане сказанного большой интерес представляют материалы погребения девочки и мальчика в местности Сунгирь под г. Владимиром, среди которых самыми неожиданными оказались 2 копия длиной 2,42 и 1,66 м, изготовленные из годичных колец бивня мамонта. Найденные копия указывают, что тогдашний человек мог путем длительного вымачивания и распаривания над огнем выпрямлять трехметро-

¹ Деревяшко А. П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006. С. 40; Деревяшко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения юго-восточной Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. С. 91–97.

² Древняя история Южного Зауралья... С. 27.

Костяные статуэтки беременных женщин – символ культа матери-прародительницы

вые бивни мамонта, а затем расщеплять их по годичным кольцам на пластины и выстругивать при помощи каменных ножей¹.

Для культуры верхнепалеолитического человека не менее характерны небольшие костяные фигурки беременных женщин, найденные в различных районах Европы и Азии. Широкое распространение подобных находок ученые объясняют существованием развитого культа матери-прародительницы. На Урале они пока неизвестны, но факты указывают, что они, видимо, бытовали и здесь.

Уникальным памятником человека древнекаменного века является пещера Шульганташ (Капова) в Бурзянском районе в верховьях р. Белой. Уже сама эта пещера является выдающимся памятником природы. Она состоит из трех этажей, образованных как русла речки Шульганки. Речка на расстоянии 4–5 км течет по поверхности земли, затем неожиданно уходит в землю и вытекает из-под земли у огромного аркообразного входа в пещеру шириной 39 м, высотой 21 м. Геологическими исследованиями доказано, что ручей Шульганка вначале протекал по верхнему, а затем среднему этажам: сейчас руслом его служит нижний этаж, где в условиях абсолютной тишины подземелья резонанс превращает едва слышный обычный шум ручья в ревущий гул. Несмотря на то, что пещера в науке известна с XVIII в., она еще недостаточно изучена. На верхнем и среднем этажах узкие коридорообразные проходы часто перемежаются большими залами: полагают, что в пещере есть много других залов, вход в которые завален обвалившимися камнями. У входа в пещеру и на глубине верхнего этажа имеются скопления воды – небольшие озера.

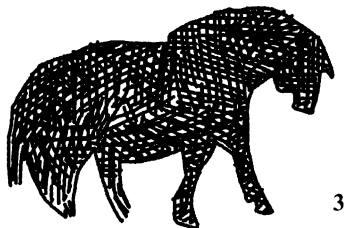
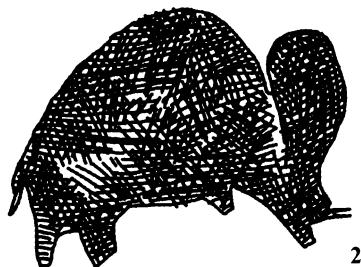
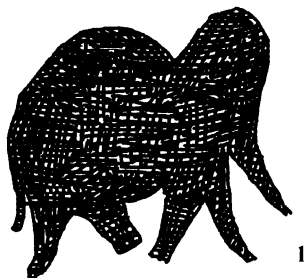
Хорошие природные условия, наличие сухих обширных и легко доступных залов привлекли внимание первобытного человека, и он уже примерно в XIV–XI тысячелетиях до н. э. прочно освоил пещеру. На стенах некоторых залов верхнего и среднего этажей найдены различ-

¹ Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984. С. 233–234.

ные рисунки, сделанные охрой. Главные рисунки собраны на двух стенах зала верхнего этажа, где имеются изображения шести мамонтов, двух лошадей, носорога. Все животные переданы в реалистичной манере и в движении идут влево¹. Новейшие исследования показали, что рисунки выполнены в XII–X тысячелетиях до нашей эры². Любопытно, что при исследовании культурных отложений около рисунков обнаружены обломки каменного сосуда и глиняного сосуда, где хранилась краска. Химический анализ позволил установить, что в составе краски (охры) имелся животный клей.

Рисунки фигур мамонтов, подобные шульганташским, в последние годы обнаружены на стенах Игнатьевской пещеры (башкирское название Ямазы-таш) близ г. Аша. Рисунки в Игнатьевской пещере выполнены охрой и краской черного цвета. Наряду с фигурами мамонтов, лошадей, там имеются изображения человека, других животных, каких-то пятен и знаков. Не исключено, что некоторые рисунки могут относиться к позднему времени.

Для читателя будет интересна следующая деталь. Игнатьевская пещера в 20-х, 30-х и 60-х гг. XX в. неоднократно посещалась такими известными археологами, как С. И. Руденко, С. Н. Бибииков и О. Н. Ба-

Фигуры мамонта (1, 2) и лошади (3) на стенах пещеры Шульганташ. Охра. 12–10 тысячелетия до н. э.

¹ Бадер О. Н. Капова пещера. М., 1965; Ляхницкий Юрий. Сокровища палеолита. Уфа, 2008.

² Любин В. П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (По материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1. С. 39.

дер. Внутри пещеры ими производились небольшие раскопки, выявившие наличие археологических находок, в том числе костей человека. В 70-х гг. в пещере несколько экспедиционных сезонов провел молодой археолог В. Петрин, который впервые обратил внимание на наличие признаков живописи на стенах. В целях лучшего изучения следов рисунков им было принято решение отмыть стены пещеры от многовековой копоти, после чего рисунки обнажились во всей красе. Проведенные раскопки показали, что культурный слой в полу пещеры и рисунки на стенах одновременны, и радиоуглеродным методом был определен их возраст – в пределах XII тыс. лет до н. э.¹

Уральские образцы древней живописи являются единственными в своем роде на территории Восточной Европы и Северной Азии. Аналоги им известны в Западной Европе (Франция, Испания), хотя по своим стилистическим особенностям они образуют особую группу. Но все они, по единодушному мнению исследователей, имели религиозно-мифологическое значение и являлись объектами всеобщего поклонения.

В настенной живописи древнего человека Южного Урала особое место занимал мамонт; кроме того, во многих палеолитических стоянках Северной Евразии встречены скопления костей мамонта, которые использовались как строительный материал при сооружении жилищ, и сырье для изготовления копий и других вещей. Эту роль мамонта в жизни древнего человека до сих пор многие ученые склонны были объяснять тем, что человек охотился на мамонта путем облавы, загоня в заранее подготовленные ямы и т. п. В последнее время появились специальные исследования, которые вносят существенные коррективы в наши представления о нем.

Мамонт – самый крупный зверь севера, его высота в холке достигает от 3 до 4 м, а длина 4–4,5 м. Длина бивней 3,8–4 м, но есть и пятиметровые бивни. Вес мамонта достигал 7 т. Шерсть покрывала все тело, толщина кожи составляла 1,5 см и больше. Исследователи теперь склоняются к мысли о том, что охота на такого мощного зверя для человека была опасным занятием и его кости он мог добыть в местах, которые служили «кладбищами» мамонтов. Человеку эти места были хорошо известны, и он использовал их в своих интересах².

¹ *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

² *Сериков Ю. Б.* Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007. С. 75–83.

Тогдашний человек очень мало знал об окружающем мире, возникновении и развитии жизни на Земле, и его судьба полностью зависела от природы. В этой обстановке у него сложились неверные представления о том, что вся жизнь на Земле управляется богами и они покровительствуют людям, животным, лесам, ветрам и другим явлениям природы; от их желаний зависит успех любого дела человека.

Каркас наземного жилища, состоящего из костей мамонта. Стоянка Межириги. Молдова

Чтобы задобрить богов-покровителей, в их честь приносили жертвы, исполняли различные обрядовые песни, танцы. Не подлежит сомнению, что подобные магические действия совершались и перед рисунками пещер Шульганташ и Игнатьевской. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что шульганташские рисунки оставались доступными населению Южного Урала всех последующих времен, вплоть до современности, оказывая эффективное воздействие на воображение народов края. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники башкирского фольклора, где речь идет о царстве Шульгана, несметных богатствах и бесчисленных стадах животных на дне глубокого озера. Здесь не исключена прямая связь возникновения указанных сюжетов с озерами, рисунками и имени царя, с названием пещеры.

В эпосе «Акбузат» царь Шульган олицетворяет все злые силы, причиняющие вред людям. Главный герой эпоса Хаубан во время охоты на озере подстреливает золотую утку, которая заговорила человеческим языком.

...

*Егет мой, дичь, что подбита тобой,
Вовсе не утка – дочь я царя
Шульгана, –*

говорит она и умоляет отпустить ее, пообещав в уплату табуны лошадей и стада животных. В эпосе говорится:

*Отпусти же, егет, меня, а сам,
Не оглядываясь, уходи.
Разномастными табунами
Выйдут лошади – ты их подожди!*

*Стадо недоенных коров
Выйдет на берег без телят,
Отары блеющих овец
Вслед за коровами запылят.
Рассекая озерную гладь,
Вызвав бурю над всей землей,
Выйдет царь табунов Акбузат
За многомастной скотиною той.*

Батыр Хаубан выслушал утку, отпустил ее, а сам, как она велела, пошел прочь от озера, не оглядываясь назад.

Отошел он немного и вот слышит ржание многочисленных лошадей, мычание коров, блеяние овец. Потом вдруг подул сильный ветер, поднялась буря. Тяжело стало идти Хаубану. В конце концов он не выдержал, оглянулся. Смотрит и глазам своим не верит: всю степь табуны покрыли, застлали стада и отары, а из воды все еще продолжали и продолжали выходить кони, коровы и овцы¹.

Так прослеживается связь тысячелетий через памятники древнего искусства и устного творчества современного башкирского народа.

Среднекаменный век (мезолит). В это время на Урале климат стал значительно теплее, чем в предыдущее время. Массивы льдов, существовавшие ранее на Северном и Среднем Урале, в северных широтах Европы и Азии, растаяли, оставив множество озер, богатые разнотравьем поля и леса. Изменился животный мир: вымерли или отступили вместе с ледником такие хладолюбивые животные, как мамонт, шерстистый носорог, и на смену им пришли зайцы, косули, лоси и другие. Охотиться на них прежними способами теперь было невозможно, и важное значение приобретают такие орудия охоты, как лук и стрелы. Был изобретен костяной гарпун для рыбной ловли. Изменилась техника обработки камня. Массивные ручные рубила, остроконечники предыдущих периодов сменяются легкими и тонкими ножевидными пластинами трапециевидной, треугольной, сегментовидной формы из кремня, которые использовались как режущие края комбинированных ножей. Правда, они появились в период 40–12 тысяч лет до н. э., но теперь становятся главными видами каменных орудий труда. Стоянки с такими находками обнаружены практически на всей территории Южного Урала, что указывает на значительное возрастание численности населения. Наиболее изученными среди них являются стоянки Рома-

¹ Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа, 1987. С. 136–140.

новка и Ильмурзино (под г. Уфой), Сюнь (Бакалинский р-н), Янгелька, Яктыкуль, Мурат (Абзелиловский р-н) и другие¹. Не менее характерными являются так называемые карандашевидные нуклеусы – куски кремня со многими длинными гранями, с которых скалывались тонкие ножевидные пластины.

Кремневый инвентарь этих стоянок настолько богат и разнообразен, что позволяет говорить о возникновении определенных различий в культуре между племенами, расселявшимися в бассейне р. Белой и в Зауралье. Учитывая это, памятники мезолита зауральских районов и бассейна р. Белой выделяют в две большие самостоятельные группы, которые в археологии называются археологическими культурами (янгельская для Зауралья и ильмурзинская)². На основе изучения костных остатков, геолого-почвенных условий в современных радиоуглеродных и других лабораториях устанавливается время существования многих стоянок этих культур. Это период между X–VI тысячелетиями до н. э.³

С изучением истории и культуры племен Южного Урала и прилегающих к нему районов (Южная Сибирь, Поволжье, Казахстан) в исторической науке связана проблема происхождения и расселения по миру древнейших предков современных финно-угорских народов. К их числу относятся венгры, эстонцы, финны (карелы), мари, мордва, удмурты, коми, манси и ханты, которые теперь удалены друг от друга на расстояние в тысячи километров. Но их сближает сходство языка, что подразумевает совместное расселение древнейших носителей финно-угорского языка – основы – на одной территории. Геологическими и археологическими исследованиями точно установлено, что район Прибалтики, где живут эстонцы и финны, начал заселяться не ранее эпохи мезолита. На богатых археологических материалах последующих эпох (неолита, бронзы) удастся точно проследить переселение многочисленных групп населения с одной территории на другую, но это не устанавливается относительно древнейших финно-угорских народов. Путем таких логических исключений ученые пришли к выводу о том, что древнейшая финно-угорская этноязыковая общность первоначально сложилась на Южном Урале с прилегающими к нему районами и отсюда люди впервые начали осваивать пустынные земли севера Вос-

¹ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976; *Он же*. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале... С. 96–110.

² Археологические культуры обычно называются по лучшеизученному памятнику. Это название переносится и на племена творцов памятников.

³ Матюшин Г. Н. Каменный век Южного Урала. Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1985. С. 16; Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 130–133.

точной Европы, в том числе Восточной Прибалтики и Скандинавии¹. В ходе изолированного существования отдельных групп населения на протяжении последующих тысячелетий в их языках возникли различия; так сложились и развивались языки финнов, эстонцев и других родственных им народов.

Неолит. Общепринятой датой неолита Урало-Поволжья и Южной Сибири являются VI–V тысячелетия до н. э. Эта дата недавно получила блестящее подтверждение материалами более 30 стоянок Северного Прикаспия и Среднего Поволжья, полученными методом радиоуглеродного анализа².

В VIII–VI тысячелетиях до н. э. в истории народов южных районов Азии (особенно Передней и Средней Азии) и Европы происходили серьезные изменения, которые впоследствии привели к коренной ломке существовавших тогда условий жизни. Эти изменения связаны с переходом к земледелию и скотоводству, что позволило обеспечить коллективы людей солидными запасами продуктов на длительный срок. Возникновение земледелия и скотоводства в этих регионах земного шара совпадает с изобретением керамики (глиняной посуды), кирпича как строительного материала, прядения и ткачества, зачатками металлургии меди. Как прямой результат улучшения материальных условий жизни происходит быстрый рост численности населения.

Однако отмеченные новшества в жизни населения Сибири и Восточной Европы начали внедряться лишь с рубежа VI–V тысячелетий до н. э. Эпоха первоначального распространения земледелия и скотоводства на Южном Урале знаменуется массовым появлением оседлых поселений по берегам рек и озер, состоящих из прямоугольных жилищ-полуземлянок с очагами на полу. Среди находок из памятников (Муллино, Давлеканово) много костей животных, в том числе домашних: лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Наукой убедительно доказано, что на Южном Урале ни коза, ни овца в диком виде никог-

¹ Брюсов А. Я. Очерки по истории Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 25–42; Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 10, 11.

² Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС. Т. I. М., 2008. С. 191–193; Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. С. 3–140; Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Галимова М. Ш., Денисов В. Л., Ковалюх Н. Н., Лычагина Е. А., Мельничюк А. Ф., Скрипкин В. В. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь, 2008. С. 36–45.

да не водились¹, поэтому это лишний раз свидетельствует о том, что первоначальные навыки занятия земледелием и скотоводством в крае были привнесены людьми южного происхождения.

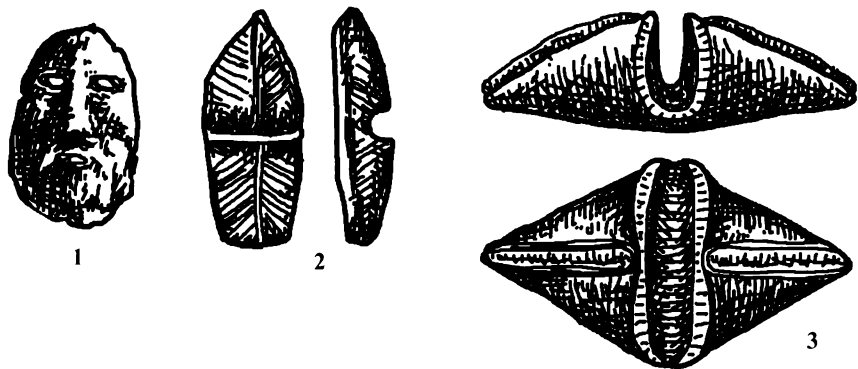
На стоянках найдены и кости диких животных (лося, северного оленя, медведя и др.), а также рыб. Следовательно, традиционные формы хозяйства (охота и рыболовство) еще не потеряли своего значения.

На стоянках найдены обломки самых ранних на Урале глиняных сосудов. Они имели полуяйцевидную форму с острым дном, а вся наружная поверхность украшалась сложным орнаментом. Изобретение глиняной посуды явилось одним из значительных достижений человека эпохи неолита. Глиняная посуда помогла перейти к изготовлению горячей пищи, что, в свою очередь, способствовало укреплению здоровья человека, его нервной системы.

Керамика имеет еще одну важную особенность как ценный информационный материал в археологической науке. Как показывает материал археологических памятников со всего Земного шара, глиняную посуду изготавливали повсеместно, но каждая территориальная группа (союз) племен вырабатывала свойственные для нее формы посуды, состав глины и орнаментацию. Эти технические приемы развивались, сохраняя свои локальные особенности на протяжении нескольких столетий и даже тысячелетий. Племена переселялись на новые территории и там продолжали изготавливать посуду по прежним стандартам. Но археология четко прослеживает и такие сложные исторические факты. Например, на обжитую одной группой племен территорию проникают новые группы племен, и они приносят свои формы посуды, орнамент и другие свойственные им элементы культуры. Длительное совместное проживание непременно приводит к постепенной утрате прежних форм посуды, орнамента и возникновению смешанных типов. Ввиду такого своеобразия керамики археологи смотрят на нее как на «паспорт», свидетельствующий о принадлежности людей той или иной группе племен (археологические культуры).

В неолитическое время расцвета достигает техника обработки камня: люди научились сверлить, пилить, шлифовать камень, улучшается техника ретуши. О произошедшем прогрессе в обработке камня свидетельствуют многочисленные находки наконечников стрел, дротиков, топоров, ножей и других предметов.

¹ Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 277–280; Он же. Время и природные условия сложения производящего хозяйства на Урале // КСИА. М., 1985. С. 117–122.

Материалы неолитических стоянок Южного Урала:

1 – обломок головы от глиняной статуэтки человека; 2, 3 – шлифованные каменные предметы неизвестного назначения (так называемые «утюжки»)

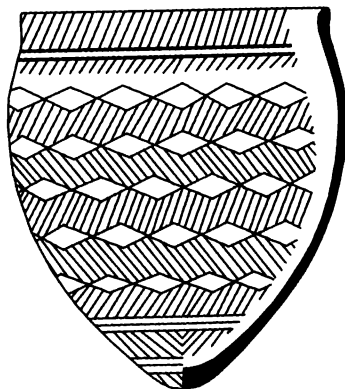
На стоянке в Давлекановском районе впервые обнаружено погребение неолитического человека. Реконструкция его черепа, выполненная известным археологом-антропологом М. М. Герасимовым, показывает, что в V–IV тысячелетиях до н. э. на Южном Урале жили высокорослые, крепкого телосложения люди европеоидного облика с незначительным налетом монголоидности. Принято считать, что такой тип человека впервые сформировался в южных странах, поэтому его называют переднеазиатским. Определенное сходство с таким человеком имеет глиняный портрет (статуэтка) человека, найденный на стоянке Сабакты III¹. Такие находки являются характерным элементом культуры племен Средней Азии рассматриваемого времени. Поэтому можно предположить, что население Южного Урала эпохи неолита сформировалось на основе местных племен эпохи мезолита и новых групп людей, пришедших сюда из районов Средней Азии и Нижнего Поволжья, в процессе дальнейшего распространения на север земледелия и скотоводства.

Энеолит. Время перехода от каменного века к бронзовому выделяют в особый этап, названный энеолитом. Датируется IV – началом III тысячелетия до н. э.² От предыдущего этапа он принципиально отличается

¹ Матюшин Г. Н. Некоторые итоги изучения каменного века на Урале... С. 116. рис. 18, 2; Он же. Каменный век Южного Урала... С. 31.

² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974; Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала...; Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999; Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994; Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.

тем, что земледелие и скотоводство, возникшие в зачаточном состоянии в VI–V тысячелетиях до н. э., теперь получают заметное развитие. Появляется металлургия меди, где, как полагают многие исследователи, первоначальным сырьем послужила самородная медь, которая встречалась во многих регионах, в том числе на Урале, на поверхности земли. Повсюду на берегах рек и озер появляются долговременные стоянки, состоящие из прямоугольных жилищ-полуземлянок с очагами на полу.

*Глиняный сосуд эпохи энеолита.
Стоянка Уфа-IV*

Те элементы материальной культуры, которые возникли в неолите, теперь получили дальнейшее развитие. Например, разнообразнее становятся изделия из камня: сохраняются разнотипные ножевидные пластины, нуклеусы, ножи, наконечники стрел, топоры и другие. Широкое распространение получают так называемые «утюжки» – камни с плоским основанием и полусферической поверхностью; сверху, поперек проходит широкий паз. Назначение таких предметов для археологов остается неясным: они могли иметь культовое назначение, о чем свидетельствует вся до блеска отшлифованная поверхность.

Сохраняет яйцевидную и полуяйцевидную форму глиняная посуда, но усложняется орнамент и возникают существенные различия в керамике разных районов в сочетании тех или иных элементов узоров. На основе различия, главным образом, орнамента глиняной посуды на территории Урало-Поволжья для энеолита исследователи выделяют ряд локальных групп памятников, назвав их археологическими культурами. Это – самарская, хвалынская, суртандинская, аятская, терсекская, ботайская и ямная культуры¹.

Среди носителей названных культур ведущую группу составили племена ямной культуры, которые рассеялись в степях между Волгой и Южным Уралом. На этой территории они представляли лишь восточную группу большого союза родственных племен, которые занимали

¹ *Шорин А. Ф.* Указ. соч. С. 22–107; *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981; *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 33–49.

земли Приазовья на западе. В древней истории юга Восточной Европы племена ямной культуры занимают особое место: им принадлежит заслуга первого широкого освоения степных просторов этого региона за счет внедрения развитого кочевого скотоводства. Доказательством этому является появление в глубокой степи, т. е. на значительном удалении от рек и озер, археологических памятников нового типа – курганов. Они являются одной из разновидностей могильников древнего населения и представляют собой искусственные земляные или каменные насыпи над могилами умерших. Одновременно наблюдается факт прекращения существования большинства стоянок на побережьях степных рек и озер, что обусловлено переходом людей к подвижному скотоводческому хозяйству. Некоторые исследователи происшедшие изменения склонны объяснять наступлением засушливого периода, в результате чего уровень воды в реках и озерах значительно упал и границы степей продвинулись на север.

Самые древние в Урало-Поволжье курганные могильники выделяются в особую археологическую культуру под названием ямной. В них умерших хоронили в широких и глубоких ямах чаще всего скорченно, на правом боку, головой на восток, северо-восток. Встречались и случаи захоронения умерших в сидячем положении. Не исключено, что внутри могилы строились небольшие бревенчатые срубы; на уровне древней поверхности могилы перекрывались бревнами и плахами, а затем – высокими земляными насыпями. Трупы умерших обильно окрашивались охрой. В представлении древних народов охра олицетворяла огонь, солнце, а последние всегда играли очистительную роль. Поэтому, надо думать, ямные племена, окрашивая своих умерших охрой, полагали, что очищают их души от земных грехов. Обращают на себя внимание частые случаи захоронения в курганах племен ямной культуры одних только черепов. Значит, у них существовал культ черепов, имевший в древности повсеместное распространение. Вместе с умершим в могилы клали медные ножи, топоры, шилья, глиняные сосуды; изредка встречаются сверленные каменные топоры, деревянные колеса от повозок. Последняя находка бесспорно указывает на существование такого важного транспортного средства, как повозка на колесах.

Племена ямной культуры одними из первых начали осваивать крупнейшие месторождения медной руды, о чем свидетельствуют многочисленные находки медных изделий. На основе изучения химического

состава найденных предметов и сопоставления результатов с составом руд (геохимический метод) наукой достоверно установлено, что в IV–III тысячелетиях до н. э. на Южном Урале были открыты и действовали Ташказганский (р. Уй), Бакрузьякский (р. Кызыл) и другие рудники по добыче меди. Но самым крупным среди них был Каргалинский рудник близ г. Оренбурга. Следует подчеркнуть, что названные рудники, модернизируясь, функционировали вплоть до современности¹.

Пожалуй, самыми неожиданными для ученых являются неоднократные находки в курганах ямной культуры изделий из железа. Это – стамеска, диски, медные стержни с напаянным железным лезвием и другие вещи. Оказалось, что железные предметы изготовлены из метеоритного железа². Настоящее освоение металлургии железа происходит в X–IX вв. до н. э. Этим временем датируется начало эпохи железа. Металлурги племен ямной культуры знали технологию обработки железа на 1–2 тысячелетия раньше.

По сравнению с предыдущими периодами важные, изменения происходят в общественной жизни ямных племен. Скотоводческое хозяйство, где ведущим было разведение коней, выдвигает на передний план труд мужчины, а это, в свою очередь, дает ему больше прав при решении вопросов в жизни семьи, рода и племени. Так существовавший до сих пор материнский род сменяется отцовским. Начинается эпоха патриархата.

Накопленные материалы свидетельствуют о том, что общество ямных племен в социальном отношении было сильно дифференцированным. Об этом красноречиво говорят распределение погребений на бедные и очень богатые. В этом отношении примечательны курганы огромных размеров (Тамар-Уткуль, I Утевка, Пятилетка и другие в Оренбуржье)³, достигающих в диаметре до 100 и более метров, а в высоту 6 м. Вокруг этих больших курганов располагались курганы диаме-

¹ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 58–60; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 171; Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала... С. 292, 295.

² Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Указ. соч. С. 42, 49; Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья. Оренбург, 2004. С. 66.

³ Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья... С. 66; Пятых Г. Г. Проблема «Синташты» как источник социальных инноваций // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. С. 88–92.

тром до 20 м, высотой до полуметра, которые содержали очень бедные, даже безинвентарные захоронения.

Строительство больших курганов, по сравнению с мелкими, требовало колоссальных затрат (стократно и более) человеческого труда. Если учесть, что погребенные в этих курганах сопровождались богатым набором украшений, вооружения, пищей, убитыми рабами, то легко убедиться в том, что они принадлежали к числу особо знатных людей племен ямной культуры. Подразумевается, что в жизни они могли быть предводителями-вождями союзов племен на правах зарождающегося у племен Южного Урала этого времени сословия правителей. Этот высокий статус требовал соответствующих затрат при отправлении в загробный мир.

Конечно, среди погребенных в больших курганах могли быть старейшины рода, племени, сосредоточившие в своих руках всю власть в коллективе. Они же могли выполнять роль жрецов, т. е. главных лиц-распорядителей при совершении различных религиозных обрядов. Одним из таких высокопривилегированных людей мог быть человек из I Болдыревского кургана. На нем было покрывало с аппликацией в виде расправленных крыльев белой птицы, венчик из белой коры. Вещи были расположены вокруг железного диска, символизировавшего, скорее всего, солнце. Есть явные признаки человеческих жертвоприношений в виде остатков сожжения трупов или их частей. Они обнаружены в самых больших курганах с богатым набором вещей и типичным для ямных племен обрядом захоронения умерших в виде трупоположения¹.

Исследователи обратили внимание также на одну из особенностей погребального обряда ямников, в курганах погребены, как правило, мужчины и в них почти отсутствуют захоронения женщин и детей. Объяснение этим фактам, очевидно, следует искать в следующем: в древности повсюду широко был распространен обычай оставлять на поверхности земли тела умерших. У некоторых народов Евразии этот обычай в пережиточной форме сохранился даже до XIX – начала XX в. Вполне возможно, он был хорошо известен и племенам ямной культуры.

В свете вышеприведенных фактов можно сделать вывод о том, что общество ямных племен состояло из различных социальных групп, и археология четко указывает, что оно возглавлялось (управлялось) знат-

¹ Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья... С. 66.

ными вождями, занимавшими особое положение не только выполняемыми обязанностями, но и богатством и уважением своих соплеменников.

Кочевой образ жизни способствовал дальнейшим передвижениям, развитию торговли, этнокультурных связей. Близость культуры ямных племен Южного Урала и Нижнего Поволжья может быть обусловлена тем, что они жили, образуя крупные союзы родственников по происхождению племен.

Своеобразие памятников ямной культуры проявляется не только в богатстве медных предметов. В курганах впервые для Южного Урала обнаружены деревянные колеса от повозок, что бесспорно указывает на широкое распространение такого вида транспорта на Южном Урале уже в IV–III тысячелетиях до нашей эры. Остатки таких колес найдены в курганах Герасимовка (Новосергиевский район) и Шумаевка (Ташлинский район) Оренбургской области¹. Аналогичные находки известны в одновременных памятниках Прикубанья, Нижнего Приднепровья и Причерноморья, а также Ближнего и Среднего Востока. Эти аналогии позволяют поставить вопрос о том, что повозки в памятниках ямных племен следует рассматривать как элемент материальной культуры, привнесенный из южных стран. Во всяком случае эти и многие другие факты делают весьма вероятным участие определенной группы пришлых из южных (Средняя Азия) и юго-западных (Ближний Восток) стран племен в формировании культуры ямных племен.

Исследователи утверждают, что ямные племена поддерживали активные торгово-экономические и этнокультурные связи с народами Кавказа, Ближнего Востока, Балкано-Дунайского района и других центров древних цивилизаций и были проводниками передовых идей общественного прогресса. Они даже допускают мысль, что само кочевое скотоводческое хозяйство у них могло сложиться под влиянием своих южных соседей². Но данное мнение отнюдь не исключает возможность

¹ Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья... С. 195, 196; Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. Ямные памятники у села Шумаева: новые данные о колесном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003. С. 144–159; Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мецераков Д. В., Турецкий М. А., Халятин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 96. Рис. 63; С. 97. Рис. 64.

² Энеолит СССР. М., 1982. С. 326–329; Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997. С. 147–162; Богданов С. В. Указ. соч. С. 230–250.

сложения кочевого скотоводства в южноуральских и нижеволжских степях путем эволюционного развития скотоводства, приспособленного к местным природно-климатическим условиям. Но роль пришлого компонента в сложении ямной культуры очевидна.

Самыми близкими по территории соседями ямных племен были племена самарской, хвалынской, агиделевской, суртандинской и ботайской культур, которые проживали в лесостепной зоне Урало-Поволжско-Северо-Казахстанского региона. Природно-климатические условия среды обитания не могли не сказаться на их образе жизни и культуре. Например, они вели оседлый (или полуседлый) образ жизни и жили в прямоугольных жилищах полуземляночного типа. Вероятно, стены полуземлянок состояли из невысоких бревенчатых срубов с потолком и крышей. Стены домов могли состоять из плетня с дополнительной глиняной обмазкой.

Сам факт проживания в надежно построенных жилищах говорит о большой привязанности людей этой группы к земле. В культурных слоях найдены обломки керамики, кремниевые ножи, скребки, наконечники стрел и др. Среди них есть единичные экземпляры медных топоров. В составе стада известны все виды домашних животных: лошади, крупный и мелкий рогатый скот. В хозяйстве по-прежнему заметную роль играли охота и рыболовство.

Археолог Г. Н. Матюшин считал, что племена энеолитического времени восточных склонов Урала и бассейна р. Белой достаточно различались между собой по культуре, и поэтому их памятники он выделяет в две самостоятельные археологические культуры: соответственно суртандинскую и агиделевскую¹. Данное положение, ввиду слабой изученности памятников, нуждается в подтверждении новыми научными фактами, но сейчас уже кажется бесспорным, что носители этих культур по своим этнографическим особенностям (типам жилищ, формам и орнаменту глиняной посуды, образу жизни и др.) обнаруживают определенную близость с оседло-скотоводческим населением Среднего Поволжья и районов Южной Сибири и Казахстана, непосредственно примыкающих к Южному Уралу. Энеолитические памятники в этих районах изучены сравнительно лучше и дают много интересных

¹ Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. Названия культур образованы от названий стоянки Суртанды и реки Агидель.

материалов, проливающих свет на вопрос о населении края энеолитического времени.

В этом отношении важные результаты получены в ходе многолетних раскопок стоянок в бассейне р. Ишим, выделяемых теперь в ботайскую культуру (IV–III тыс. до н. э.). Для них характерны жилища-полуземлянки, соединенные между собой углубленными коридорами. Стоянки содержат очень богатый материал (оружие, орудия труда из камня, керамика), в составе которого необычным выглядит обилие костей домашних и диких животных. Причем изучение показало, что из домашних животных разводились исключительно лошади. Они имели высоту в холке 136–144 см, что позволяет классифицировать их как лошадь средней высоты. Лошади ботайских людей отличались также своей толстоногостью, что говорит о хорошей приспособленности их к суровым, резко континентальным условиям южноуральских и казахстанских степей, где одним из важных условий существования было умение добывать себе корм из-под снега. Исследователи единодушно считают, что эта порода лошадей была выведена в процессе одомашнивания диких лошадей, популяции которых во множестве существовали в здешних местах. Одновременно эта же порода лошади считалась самой распространенной у тогдашних народов всей Восточной Европы и Западной Сибири¹.

Итак, состав костей домашних животных убедительно показывает, что племена ботайской культуры, ведя оседлый образ жизни, занимались главным образом коневодством. Надо полагать, эта система хозяйствования была известна племенам горно-лесных и лесостепных районов Урала. Это тем более вероятно, если учесть, что племена ботайской культуры своим происхождением были тесно связаны с южноуральским регионом, в частности с носителями суртандинской культуры².

Более полное представление о культуре энеолитического населения Южного Урала дают материалы памятников Среднего Поволжья, выделяемых в самарскую культуру. Среди ее памятников известны могильники, где умерших хоронили в мелких могилах и не устраива-

¹ *Зайберт В. Ф.* Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 3–17; *Ахинжанов С. Н., Макаров А. Н., Нурумов Т. Н.* К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992. С. 40–52, 155–179 и др.

² *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала... С. 95–115.

ли над ними, подобно племенам ямной культуры, курганные насыпи. Тела большинства умерших, особенно детей, были окрашены охрой. Над могилами в честь умерших устраивали ритуальные захоронения головы, шкур лошади, о чем свидетельствуют найденные конские черепа. Среди находок из могильников обнаружены костяные фигурки лошадей, быков, гарпун, всевозможные украшения, глиняные сосуды, медные ножи, шилья и ряд других вещей¹. Все это – свидетельства множества и разнообразия культуры и образа жизни человека энеолитического времени на Южном Урале и сопредельных территориях.

В работах последних лет, посвященных общей характеристике энеолитических культур лесостепной и лесной полосы Урало-Поволжья, нет принципиальных расхождений мнений авторов в оценке общего уровня развития, культурного своеобразия и общей их близости и их выводы примерно совпадают с вышеизложенными положениями².

¹ *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* У истоков истории Самарского Поволжья. С. 33–49; *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья (Степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.

² *Шорин А. Ф.* Энеолит Урала...; *Моргунова Н. Л.* Археология Оренбуржья...; Древняя история Южного Зауралья; *Мосин В. С.* Зауралье и Северный Казахстан в III тысячелетии до н. э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2007. С. 104–123; *Моргунова Н. Л.* Вклад Оренбургской археологической экспедиции в изучение истории Южного Урала за последнее 30-летие // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2007. С. 6–8.

Глава II

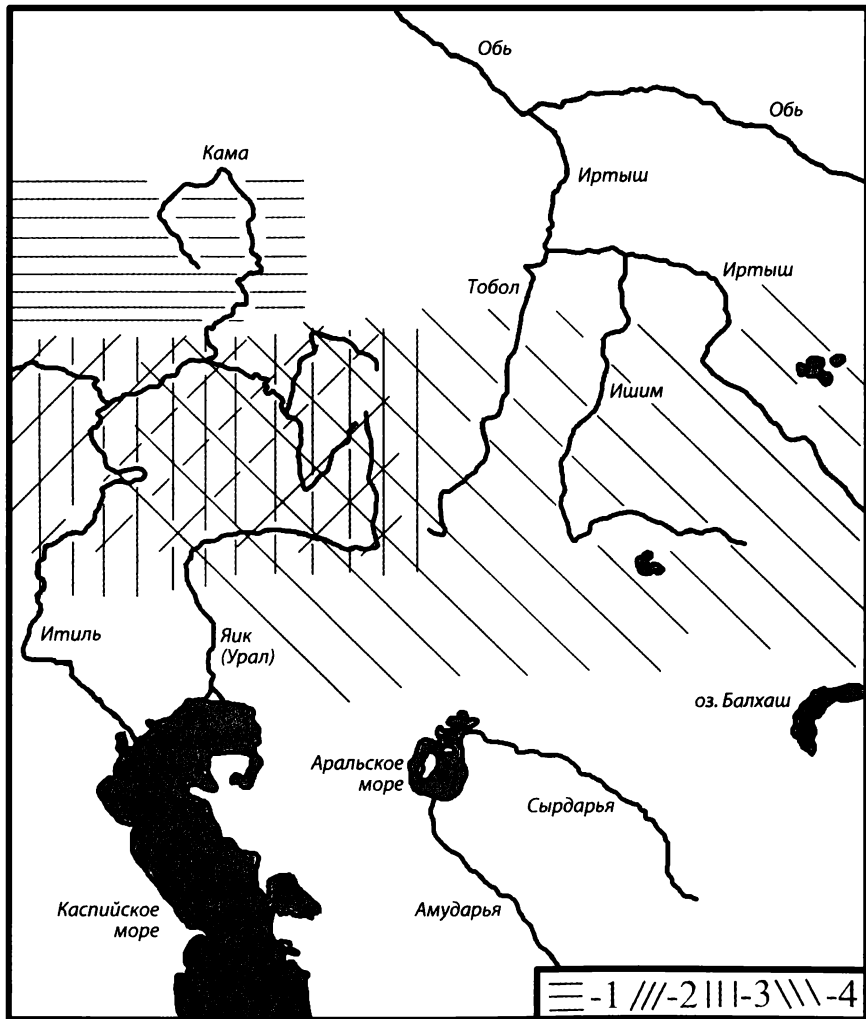
БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Следующим важным периодом в древней истории Южного Урала является эпоха бронзы, датируемая концом IV–II тысячелетиями до н. э. Одним из важных достижений этой эпохи является широкое освоение крупных рудных месторождений меди. Наряду с вышеупомянутыми Ташказганским, Бакрузякским рудниками в непосредственной близости от них действовали Никольский, Еленовский рудники; были широко освоены каргалинские медистые песчаники. Изучение состава находок и руды показало, что медь каждого из этих месторождений имела специфические признаки. Например, из каргалинских медистых песчаников добывали относительно чистую медь, ташказганская руда содержала заметную примесь мышьяка, никольская – серебра¹. Изделия, отлитые из меди указанных месторождений, сохраняли в себе отмеченные особенности.

На Среднем Урале существовал второй крупный металлургический центр (Турбинский), где добывали серебристую медь (сплав меди и серебра). Удалось доказать, что между южно- и среднеуральскими центрами существовали тесные культурные связи, а их изделия широко распространялись за пределами уральского региона: от Среднего и Нижнего Поволжья вплоть до Молдовы. Это свидетельствует о том, что Урал в бронзовом веке превращается в один из крупных культурных центров в Северной Евразии.

Население Южного Урала бронзового века было сравнительно многочисленным, а в этнокультурном плане сильно смешанным. Сейчас на материалах тысяч памятников достоверно установлено существование ряда крупных племенных союзов – носителей самостоятельных архео-

¹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 171–177.

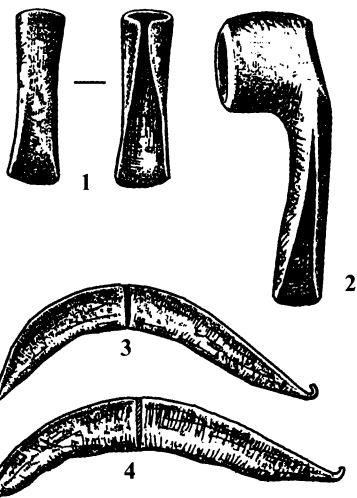
Карта № 1. Распространение археологических культур эпохи бронзы на Южном Урале и сопредельных территориях:
 1 – турбинская культура, 2 – срубная культура,
 3 – абашевская культура, 4 – андроновская
 культурно-историческая общность (федоровская, алакульская,
 черкаскульская, межовская культуры)

логических культур. Территория распространения этих культур включала Южную Сибирь, Казахстан, Среднее Поволжье и Прикамье; Южный Урал играл для них роль контактной зоны, где они входили в активное соприкосновение друг с другом.

Абашевские племена. Они составляют многочисленную группу родственных племен, которая занимала все пространство от Волги до Урала. Они расселялись отдельными группами, образуя с различными племенами смешанное население¹. Исследователи датируют абашевскую культуру XVII–XIV вв. до н. э.² В Башкортостане выявлено сейчас более 60 курганных групп и стоянок.

Абашевцы жили по берегам рек и озер, строя там прямоугольные жилища типа полуземлянок. Они могли быть двухкамерными, соединенными между собой узким коридором, также обложенным бревнами. Стены и каркасные сооружения поддерживались вертикально поставленными столбами. К числу лучше изученных относится I Береговское поселение на берегу р. Нугуш. Судя по составу костей животных, найденных при раскопках, предпочтение в разведении домашних животных отдавалось крупному рогатому скоту. Его удельный вес в составе стада составлял от 61 до 78 %. На втором месте находился мелкий рогатый скот (от 10 до 22 %); далее идут лошадь и свинья.

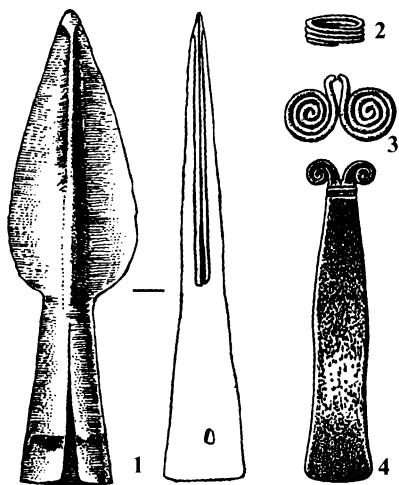
Хорошо знали абашевцы и земледелие. С ним связаны находки большого количества бронзовых серпов и даже отдельных кладов, состоящих из них (Верхне-Кизильский, Абзакровский). На Южном Урале известны также несколько литейных форм для изготовления этих мас-

Орудия труда племен Южного Урала эпохи бронзы: 1, 2 – топоры; 3, 4 – серпы

¹ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 17–136; Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 124–131; Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000, раздел II.

² Об этом см. также: Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 70–71.

Материалы из памятников Южного Урала эпохи бронзы:

1 – наконечник копья; 2 – кольцо;
3 – подвеска от серьги; 4 – долото

памятниках сравнительно чаще встречаются бронзовые ножи, тесла, браслеты, серьги и другие предметы.

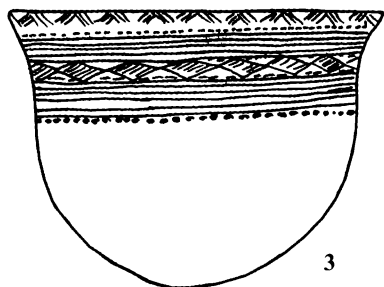
В ряде абашевских памятников обнаружены находки, более конкретно раскрывающие характер переселений и межплеменного обмена на Южном Урале того времени. Здесь имеются в виду большой кусок зеленоватой яшмы весом около 20 кг и пять наконечников стрел из нее из Русско-Тангировского кургана (Кугарчинский р-н). Эта яшма относится к числу лучших сортов для изготовления каменных орудий и была добыта в известном месторождении близ г. Орска. Таким образом, ее привезли с расстояния около 500 км. Может быть, яшму доставило сюда племя в ходе перекочевки с места на место или доставили древние купцы? Эта тайна никогда не будет раскрыта, но приведенный и другие примеры напоминают, что исследователь может совершить ошибку, примитивно восстанавливая уровень исторического развития древних насельников края.

Абашевская культура резко отличается от синхронных ей культур рядом этнографических особенностей, которые четко проявляются

сивных серпов, что не оставляет никакого сомнения в том, что они отливались на месте. Современные исследования с применением методов точных наук позволили установить, что в развитии металлургии меди и бронзы на Южном Урале абашевским племенам принадлежала особая заслуга¹. Так, например, многие из бронзовых изделий, найденные на западных склонах Урала (Баланбаш, Старо-Ябалаклы, Урняк), оказались изготовленными из мышьяковистой медной руды Ташказганского месторождения на р. Уй. Часть изделий отлита из меди, добытой из медистых песчаников, что позволяет связать их и с Каргалинским месторождением. В абашевских

¹ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии... С. 172–177, 220–224.

в керамике. Она представлена горшками преимущественно колоколовидной формы, чашами, мисками и другими формами. Основная часть абашевской керамики богато украшена горизонтальными выпуклыми или врезными линиями вокруг горла, зигзагообразными и волнистыми линиями, образующими сложный орнамент на верхней половине тулова и на дне. Абашевцы хоронили умерших под невысокими земляными насыпями в широких прямоугольных ямах головой преимущественно на восток с некоторыми отклонениями на север и юг. Иногда ямы дополнительно оборудовались каменными плитами в виде ящика и ими же

Образцы глиняной посуды племен Южного Урала эпохи бронзы:

*1 – сосуд племен срубной культуры;
2, 3 – сосуды племен абашевской культуры*

прикрывались сверху; на дно могильных ям могли опускать невысокие срубы, хотя следы их не всегда прослеживаются. Могилы перекрывались также деревянными плахами или бревнами. Насыпи курганов вокруг основания могли обкладываться каменными плитами или ограживались вертикально врытыми столбами.

Как происхождение, так и дальнейшая судьба абашевских племен остаются пока недостаточно изученными. Кстати, это относится и ко всем остальным группам племен Южного Урала эпохи бронзы. Дело в том, что все раскопанные памятники и археологические культуры бронзового века не имеют твердо установленных дат и возраст их, как правило, определяется сравнительным методом, тогда как сами опорные памятники лишены безоговорочных критериев для установления времени их существования. Отсюда разброс во мнениях исследователей в вопросах общеисторического порядка. Например, в литературе 50–70-х гг. было распространено мнение о том, что время существования абашевской культуры на Южном Урале охватывает XVI–XIII вв. до н. э. (К. В. Сальников). За последние два десятилетия взгляды исследователей по этому вопросу претерпели серьезные изменения. Например, они склоняются к мысли о более древнем возрасте культуры

(XVIII–XVII вв. до н. э.)¹. В целом, авторы публикаций придерживаются мнения о том, что абашевская культура первоначально сформировалась в Среднем Поволжье, а затем в результате переселения какой-то части ее носителей на Урал она существовала здесь параллельно с поволжской группой². Все эти приведенные соображения, ввиду слабости доказательств, относятся к области предположений.

Срубные племена. Название за ними утвердилось по характерному признаку: устройству в могилах невысоких срубов, внутри которых хоронили умерших³. В период с начала II тысячелетия по XIV–XIII вв. до н. э. племена срубной культуры широким массивом расселялись между Волгой и Уралом, а на севере до р. Камы⁴. Здесь выявлено более 1 000 их памятников, состоящих из открытых стоянок по берегам рек и озер и курганных могильников. Они являются прямыми потомками племен ямной культуры эпохи энеолита, но в отличие от них вели оседлый образ жизни. Стоянки срубных племен застраивались прямоугольными жилищами-полуземлянками. Они состояли из бревенчатых срубов, которые опускались на дно неглубоких котлованов. Пол был дощатый либо земляной, крыши – одно- или двускатные. Такие жилища отапливались очагами, расположенными прямо на полу. Можно предположить, что срубным племенам и их современникам на Южном Урале были известны наземные бревенчатые дома, хотя археологически это четко не прослеживается. На такую мысль наводит относительно высокий уровень строительного дела у срубных племен.

Жилища-полуземлянки срубников достигают размеров от 100 до 400 кв. м, иногда они подразделяются на две половины бревенчатой стеной. Например, жилище размером 19,5x22 м выявлено при раскопках Тавлыкаевской стоянки в верховьях р. Сакмары. Оно имело форму многоугольника, и его стены поддерживались вертикально поставленными столбами. Не исключена возможность, что такие сложные и большие сооружения предназначались прежде всего для хозяйственных целей, например, для загона скота в зимнее время⁵.

¹ Горбунов В. С. *Бронзовый век на Волго-Уральской лесостепи*. Уфа, 1992. С. 138.

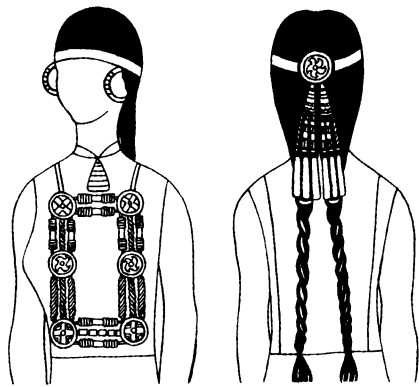
² Кузьмина О. В. *Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье*. Самара, 1992. С. 74–75.

³ По этой теме см.: Сальников К. В. *Очерки древней истории Южного Урала*. М., 1967; Морозов Ю. А. *История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

⁴ Горбунов В. С., Морозов Ю. А. *Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья*. Уфа, 1991. С. 89–92.

⁵ Морозов Ю. А. *Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала*. Уфа, 1983. С. 27. Рис. 8.

Срубные племена вели комплексное хозяйство, где ведущими направлениями считались земледелие и скотоводство. В пользу занятия земледелием свидетельствуют часто находимые бронзовые серпы, каменные зернотерки и глубокие ямы вблизи жилищ, где могло храниться зерно. Среди исследователей распространено мнение о том, что земледелие у племен Южного Урала эпохи бронзы, в том числе у срубников, носило мотыжный характер.

Женский наkosник и нагрудник эпохи бронзы. Старо-Ябалаклинский курган. Реконструкция.

Художник Р. Г. Байназарова

В связи с этим следует подчеркнуть, что орудия труда для обработки земель, включая мотыги, археологами практически не фиксируются, поэтому теоретически не исключено, что племена срубной культуры и их современники могли знать примитивные плуги с применением тягловой силы животных. Среди археологов есть сторонники этого подхода¹. Скотоводство у них носило домашний, т. е. пастушеский характер. Об этом говорит наличие в стаде свиней, что не позволяет совершать далекие перекочевки. Кроме того, они разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Среди находок богато представлены и кости диких животных, которые являлись объектами охоты.

Для культуры срубных племен особенно характерны плоскодонные сосуды горшечной и баночной форм. Они изготовлены от руки, на вид грубы, толстостенны. Орнамент беден и состоит из отпечатков зубчатого штампа в виде треугольников, ромбов или зигзагов.

Не менее характерным элементом культуры являются погребальные сооружения. В большинстве случаев срубники хоронили скорченно, на боку, головой на север. Есть парные погребения, где, видимо, погребены муж и жена. В них, как правило, мужчина лежит на правом, женщина – на левом боку. В погребениях сравнительно мало вещей. Самыми многочисленными среди них являются горшки, украшения из

¹ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 42; *Зданович С. Я.* Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 18.

меди или бронзы (браслеты, серьги, различные подвески), кремневые изделия (наконечники стрел). К числу оригинальных находок относится наконечник из Старо-Ябалаклинского кургана на р. Деме. Он состоит более чем из 30 бронзовых бусин, нанизанных на два ремешка. Нижние концы ремней соединялись треугольной пластиной, к которой прикреплялись две другие широкие пластины. От этих пластин, в свою очередь, расходились по три ремешка, на которые насаживались по две удлиненные пластины-пронизи. Верхние концы ремней, по-видимому, были связаны с головным убором, и все это вместе составляло единый комплект. Общая длина наконечника с нитками бус 58 см¹. Создается впечатление, что наконечник мог быть нашит на широкую кожу или материю; он мог использоваться и как нагрудник.

Такие головные уборы были широко распространены в эпоху бронзы. Они найдены в ряде других могильников срубных племен на Южном Урале; остатки подобных наконечников (или нагрудников) на широкой кожаной основе известны и в синхронных курганах Южной Сибири².

Заслуживает внимания следующий факт. Для современных башкир и других народов Урало-Поволжья (например, марийцам, чувашам) характерны своеобразные головные уборы, составной частью которых были широкие матерчатые полосы, богато украшенные, как и сама шапка, бисером, монетами и свободно спускавшиеся на спину³. Сейчас рискованно проводить прямые параллели, но древнейшим прототипом указанных женских головных уборов мог быть описанный выше комплект головного убора из Старо-Ябалаклинского кургана. Их сближает общая конструкция убора.

Иногда в могилы срубной культуры клали шлаки меди, отходы от выплавки меди (Имангулово, Оренбургская область)⁴. Такие погребения, видимо, принадлежат древним металлургам, и символический кусок шлака мог служить в их представлении своеобразной гарантией того, что в загробной жизни они будут заниматься своим делом. Может быть, эти находки указывают на начало выделения металлургов-профессионалов из остальных членов рода и племени.

Погребения под курганами располагаются, как правило, вокруг одной центральной могилы. Тогда каждый курган представлял, вероят-

¹ Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Указ. соч. С. 83, 84.

² Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988. С. 136; Евдокимов В. В. Работы карагандинского отряда // АО – 1980. М., 1981. С. 434.

³ Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С. 201–211. Табл. XXXII.

⁴ Раскопки Н. А. Мажитова.

но, семейную усыпальницу. Но в то же время иногда срубные племена под одной насыпью хоронили от 40 до 100 человек (с. Кайбелы Ульяновская обл.). Диаметры таких курганов достигают 60–180 м при высоте в несколько метров. Подобные некрополи действовали в течение долгого времени (столетий) и служили местом погребения большого коллектива людей (рода).

Андроновские племена. В бронзовом веке в широких степях Южной Сибири, Казахстана и Южного Урала жили многочисленные группы скотоводческо-земледельческих племен, которые имели большую близость в культуре. Это сходство четко проявляется в устройстве поселений (тип жилищ), погребальных сооружений (типы насыпей, могил), в наборе металлических предметов (орудия труда, украшения), и в нем исследователи справедливо видят отражение реальной общности указанных групп племен в образе жизни, общественных отношениях, происхождении и языке. Учитывая это, в литературе за ними утвердилось имя «андроновцы», а их культура названа андроновской.

Большинство современных археологов придерживается мнения о том, что андроновская общность на такой обширной территории состояла из десятков локальных археологических культур (т. е. группы памятников), отличающихся друг от друга незначительными особенностями материала. Так, например, только для южноуральского региона из памятников ранее единой андроновской культуры теперь выделяют синташтинско-аркаимовскую, петровскую, алакульскую, федоровскую, черкакульскую и межовскую культуры. Но все исследователи единодушно признают общее единство культуры андроновских племен, поэтому, стремясь подчеркнуть эту близость, андроновскую культуру называют андроновской историко-культурной общностью. Для удобства изложения темы ниже мы будем пользоваться традиционным для археологии понятием «андоновская культура».

В науке пока нет единого мнения относительно объяснения причин, приведших к сложению сходной культуры на столь обширной территории. Они, по-видимому, обусловлены тем, что в начале бронзового века на основе дальнейшего развития скотоводства племена начали вести более подвижный образ жизни. Этому, скорее всего, способствовали происшедшие изменения в климате: по утверждению многих исследователей, в евразийских степях в бронзовом веке происходит значительное потепление климата, в результате чего границы степей замет-

но продвинулись на север¹. Под влиянием этих факторов усиливалась роль скотоводства, особенно коневодства, что в свою очередь благоприятствовало переселению народов на большие расстояния, росту торговли, обмену передовыми идеями, развитию крупных языковых групп. За сходством материала археологических памятников андроновской, абашевской и срубной культур подразумеваются, конечно, все эти сложные исторические явления.

Памятники андроновских племен известны в Башкортостане, Оренбургской области, но лучше изучены в Челябинской области и на территории Казахстана (Кустанайская, Северо-Казахстанская, Актюбинская, Кокчетавская и другие области)².

Внешне они очень сильно напоминают памятники срубной и абашевской культур. Например, массовым типом жилых построек у них были прямоугольные полуземлянки, иногда соединенные друг с другом узким коридором. Сейчас бесспорно установлено, что андроновским племенам были широко известны наземные бревенчатые дома³.

Андроновцы строили обычные для Южного Урала бронзового века курганы над широкими могилами. Но, в отличие от срубных и абашевских племен, в этом деле широко применяли камни. Из больших каменных плит, например, они строили в могилах каменные ящики, могилы сверху прикрывались бревнами, а затем каменными плитами или валунами; камнями укрепляли земляные насыпи. Некоторые группы андроновцев над могилами своих умерших вообще не строили никаких насыпей: на поверхности земли они обкладывались камнями.

Большинство андроновских племен своих умерших хоронило в виде труположения, но отдельные группы (например, федоровская) практиковали трупосожжение. Оно производилось на стороне, а мелкие кальцинированные кости – остатки сожжения – кучей складывались на дне широких могил⁴. Курганы с такими захоронениями выявлены в Учалинском и Баймакском районах Башкортостана. Но их гораздо больше в более южных и восточных районах распространения андроновской культуры.

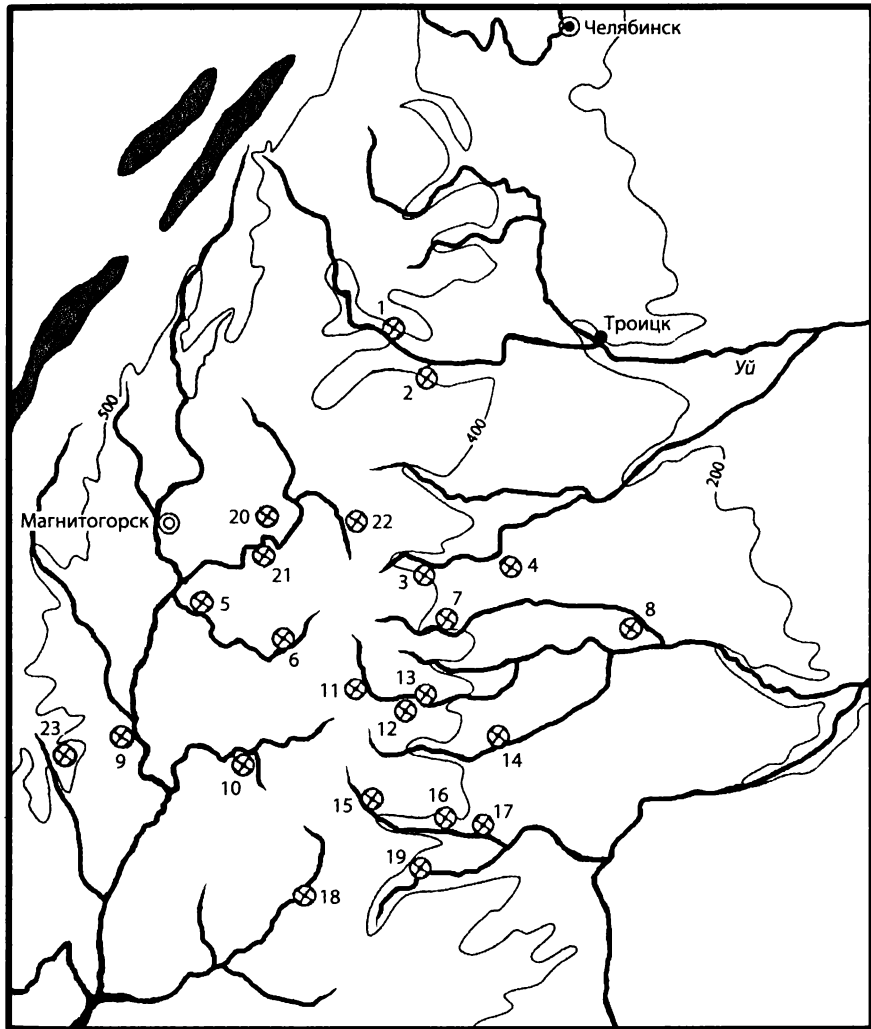
Обряд трупосожжения возникает у древних народов, где был развит культ огня и солнца. Главный смысл этого своеобразного обряда,

¹ *Зданович Г. Б., Зайберт В. Ф.* Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в урало-казахстанских степях // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 70–83.

² *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1989.

³ Там же. С. 121–139.

⁴ *Сальников К. В.* Очерки древней истории... С. 249–325.

Карта № 2. Карта крепостей «страны городов» эпохи бронзы на Южном Урале (по Г. Б. Здановичу):

- 1 – Степное, 2 – Черноречье, 3 – Устье, 4 – Чекотай, 5 – Куйсак, 6 – Сарым-Саклы, 7 – Родники, 8 – Исиней, 9 – Кизильское, 10 – Аркаим, 11 – Коноплянка, 12 – Журумбай, 13 – Ольгинское, 14 – Камысты, 15 – Синташта, 16 – Синташта-II, 17 – Андреевское, 18 – Аландское, 19 – Берсуат, 20 – Шикуртау, 21 – Бахта, 22 – Париж, 23 – Улак-I

возможно, состоит в том, что душа человека после его смерти при помощи огня может возвратиться к богу солнца, считавшемуся практически у всех древних народов самым главным.

Привлекают внимание следующие факты. Андроновцы, независимо от вида захоронения (сожжение или обычный), строили глубокие и широкие могилы под курганами. В могилах с трупосожжением, несмотря на отсутствие останков умершего, глиняные сосуды всегда лежат там же, где и в могилах с труположением – ближе к какому-то углу, т. е. у изголовья¹. Такое строгое расположение вещей в могилах наводит на мысль о том, что федоровская группа племен в могилу, помимо остатков трупосожжения, клала много других вещей, которые до нас не всегда доходят. В числе последних могли быть матерчатые или кожаные манекены в рост человека, так называемые куклы-двойники умерших в их одежде и украшениях. В некоторых памятниках андроновских племен челябинского Зауралья (Кулевчи VI) и Южной Сибири удалось проследить остатки таких манекенных захоронений². Принято считать, что такие куклы-манекены служили вместилищем для души умершего.

Андроновская культура на Южном Урале своего расцвета достигает в развитом бронзовом веке (так называемый петровский этап, ориентировочно XV–XII вв.)³. В этой связи особо следует подчеркнуть обилие бронзовых предметов в памятниках петровского типа, что связано с активным участием андроновцев в освоении рудных месторождений края. Материалы раскопок показывают, что металла было настолько много, что сломанные или износившиеся вещи просто выбрасывались; при избытке исходного сырья, вероятно, переплавка практиковалась редко. В широком хождении были пластинчатые изделия – ножи, серпы, тесла, различные украшения. Путем отливки изготавливались топоры, наконечники копий, серпы и некоторые другие вещи.

Городища-крепости типа Аркаим. В указанное время впервые на Южном Урале появляется новый тип памятников: городища-крепости,

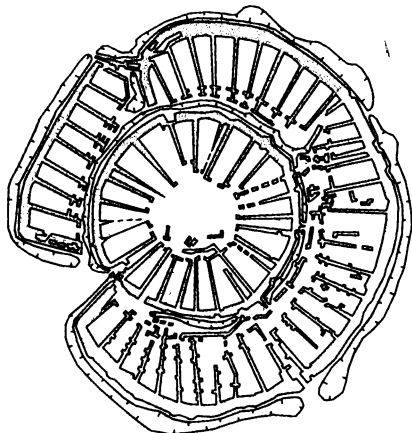
¹ Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у села Федоровки // МИА. М., 1940.

² Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей... С. 153.

³ Абсолютная и относительная хронология археологических культур Южного Урала бронзового века пока разработана очень слабо и строится, за редким исключением, на одних предположениях. По мере выработки бесспорных критериев общепринятые даты могут быть серьезно пересмотрены. Памятники петровского этапа характеризуются рядом признаков развитого бронзового века, поэтому авторы не разделяют раннюю их дату.

окруженные земляными валами и рвами.

Из памятников данного круга первым был раскопан Синташтинский комплекс (городище-крепость, могильник) на берегу р. Синташта на юге Челябинской области, в чем заслуга выдающегося советского археолога В. Ф. Генинга¹. Затем последовало открытие коллектива Челябинского государственного университета под руководством Г. Б. Здановича целой серии городищ-крепостей на территории пограничных районов Челябинской и Оренбургской областей и Башкортостана. Открытие, исследование синташтинско-

*План городища-крепости Аркаим
(по Г. Б. Здановичу)*

аркаимовского круга памятников и ввод в научный оборот добытых материалов мировая наука оценила как крупный вклад в изучение древней истории Южного Урала. Читатель об этих памятниках лучше информирован по публикациям материалов о городище-крепости Аркаим.

Городище-крепость Аркаим находится в Челябинской области, на расстоянии 60–70 км от г. Сибая. Оно представляет собой два кольца оборонительных сооружений, вписанных друг в друга, которые включают жилые помещения площадью до 200 м² и цитадель². Толщина оборонительных стен составляла 4,5–6 м. Наружные и внутренние оборонительные сооружения ограничены стенами из сырцового кирпича, дерева и дерна, а также рвом. Пространство между наружной и внутренней крепостными стенами сплошь застраивалось большими домами типа полуземлянок, размерами 4x12 м. Дома располагались радиально так, что обе длинные стенки одновременно служили стенами для других рядом расположенных жилищ. Стены и кровля поддерживались столбами, которые ставились в ямы, вырытые в полу. Каждый дом имел два входа. Один в углу – с внешней стенки, второй – из

¹ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Челябинск, 1992; Зданович Г. Б., Ботанина И. М. Аркаим – страна городов. Челябинск, 2007.

² Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тысячелетии. Челябинск – Аркаим, 1999.

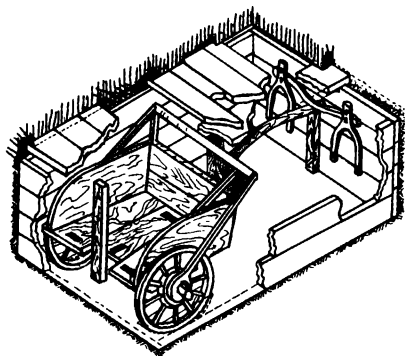
внутреннего дворика, соединенного с деревянной мостовой шириной в шесть метров. Под мостовой проходила канализационная система. Дома отапливались очагами на полу; в каждом доме имелись колодцы, водосточные трубы. Сейчас мы можем уверенно сказать, что на Южном Урале вокруг городищ-крепостей типа Аркаим существовали открытые поселения, состоящие из прямоугольных жилищ-полуземлянок с очагами и глубокими колодцами на полу. Остатки около 10 таких жилищ исследованы в 1995 г. комплексной археологической экспедицией Академии наук РБ на поселении Таналык в Хайбуллинском районе Башкортостана. По конструкции и составу находок жилища идентичны жилищам Аркаима.

Исследования городищ-крепостей эпохи ранней бронзы на Южном Урале только начинаются, поэтому многие обстоятельства, связанные с их возникновением и существованием, остаются для нас еще не выясненными. Но материалы многолетних раскопок на городище Аркаим дают достаточные основания утверждать, что эти памятники являются необычными по своей круглой планировке, сложности фортификационных и малых сооружений, широкому применению сырцовых кирпичей в строительстве. По своей форме они близко напоминают городок-крепости древнего Хорезма, Бактрии и других государств Средней Азии, но памятники типа Аркаима на 600–800 лет древнее их.

Необходимо подчеркнуть, что городища-крепости, полностью аналогичные по планировке, строительной технике и составу находок (глиняные сосуды, бронзовые ножи) выявлены и раскопаны на Галанских высотах Сирии, ныне оккупированных Израилем. Эти городища были открыты при помощи американских спутников и исследованы археологами Израиля, а результаты раскопок полностью были опубликованы в одном из израильских журналов. Близость городищ-крепостей типа Аркаим Южного Урала и упомянутых на Галанских высотах поразительна, и она требует объяснения. Нам представляется, что, как выше отмечалось, в эпоху ранней бронзы (на рубеже III–II тысячелетий) имел место приток на Южный Урал большой группы населения из южных степей, которая находилась в тесных культурно-экономических отношениях с народами Ближнего Востока. Для такого общения у народов сравнимых регионов были прекрасные возможности в виде колесного транспорта – двухколесные повозки, о чем речь пойдет ниже.

На Южном Урале теперь выявлено около 20 городищ типа Аркаима. Один из них расположен близ дер. Баиш Баймакского района Башкортостана. Учитывая особенности планировки, устройства и всего со-

проводящего материала, всю группу памятников типа Аркаим исследователи выделяют в синташтинскую археологическую культуру и датируют XX–XVI вв. до н. э. Возникновение таких необычных памятников – результат глубоких изменений во всех сферах жизни населения края. Оно прежде всего свидетельствует о возникновении потребности защиты мест обитания людей, что бесспорно связано с усиливающимися конфликтами между различными группами племен.

Реконструкция колесницы и ее положения в могиле. Могильник Синташта

Вполне правдоподобным представляется мнение автора открытия проф. Г. Б. Здановича о том, что городища типа Аркаим на Южном Урале выполняли роль опорных пунктов-крепостей по защите от вражеских племен разрабатываемых медных рудников и роль своеобразных караван-сараев, куда прибывали купцы из далеких стран с целью обмена привезенных товаров на медные изделия, пушнину и другие продукты местных племен¹. Исследователь, безусловно, также прав в том, что сооружение таких сложных по архитектуре памятников предполагает относительно высокий уровень социальной организации общества андроновских племен. Представляется, что последние не выглядели как беспорядочно блуждающее население: они объединялись в крупные союзы во главе с авторитетными вождями, которые регулировали порядок пользования земельными угодьями, ведения хозяйства, строительства городищ-крепостей и отношения между родами и племенами, а также со своими дальними и близкими соседями. В плане сказанного эти племенные союзы служили прототипами ранних государственных образований.

Обращает на себя внимание следующее явление. Городища аркаимовского типа имеют культурные слои не более 40–50 см, они бедны находками. Этот факт наводит на мысль о том, что эти памятники на Южном Урале существовали очень короткое время, не более 200–300 лет.

¹ Зданович Г. Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42; Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.

В этой связи особенно привлекательной выглядит мысль профессора Уральского государственного университета Л. П. Коряковой, высказанная на международной научной конференции 1999 г. в городище-крепости Аркаим. Подчеркивая близость синташтинской археологической культуры к обширной андроновской, она отметила, что общее сходство культуры андроновских племен от Алтая до Волги, включая Казахстанские степи, видимо, есть материализованный результат существования на этой обширной территории единого государства-империи, а Южный Урал с городищами типа Аркаим был его политическим центром. Данное предположение заслуживает серьезного внимания.

Имеющиеся сейчас отдельные факты позволяют предположить, что некоторым толчком к началу строительства городищ-крепостей типа Аркаим мог быть приход на Южный Урал какой-то многочисленной группы населения с территории Средней Азии. Археологический след ее четко фиксируется в широком применении в строительном деле саманного кирпича, что вообще несвойственно местным племенам, но является традиционным для народов Средней Азии с VII–VI тысячелетий до н. э. Нельзя упускать из виду и тот факт, что города-крепости с круглой планировкой также являются характерным элементом древней среднеазиатской культуры. В то время на территории Средней Азии начала зарождаться своеобразная религия зороастризм во главе с богом Ахура Мазда, которая с начала железного века утвердилась как официальная религия здешних государств. Вместе с мигрантами из районов Средней Азии, возможно, на Южном Урале тогда могли распространяться основные идеи зороастрийской религии.

С городищами-крепостями Аркаимского круга тесно связаны могильники типа Синташта, которые дали неожиданные для Южного Урала материалы эпохи бронзы. Оказалось, что в них погребены воины с двухколесными боевыми повозками (колесницами), от которых остались четкие следы, позволившие снять их гипсовые отпечатки. Диаметр колес составляет 1–1,2 м, расстояние между ступицами 1,2–1,4 м. Читатель из содержания первой главы уже знает, что двухколесные повозки на Южном Урале впервые появляются на рубеже III–II тысячелетий, что и синташтинские повозки, наверняка, являются дальнейшим развитием повозок из Шумаевских курганов (Оренбургская область) эпохи раннего металла.

Умершие лежали в широких прямоугольных могилах размером 4х2,5 м, глубиной 1,2–1,5 м. В них, кроме того, найдены массовые за-

хоронения коней. Могилы на уровне древней поверхности прикрывали поперечными плахами или бревнами, и на этом прикрытие, как правило, уложены на боку туши (скелеты) коней. Есть случаи, когда хоронили 1, 4 и 7 коней. Некоторые из них лежат в легких углублениях на краю могильных ям!¹ Не подлежит сомнению, что кони специально умерщвлялись. Помимо целых туш, в могилах, в слое заполнения, а также над могилами производились ритуальные захоронения головы, шкуры и конечностей (4 ноги) десятков лошадей, коров, баранов. Кости жертвенных коней, безрогих быков, баранов кучей складывались в специально вырытых неглубоких ямах на площадке между могилами.

Материалы могильников указанного типа позволяют полнее представить сложный материальный и духовный мир андроновских племен. Они свидетельствуют о таком высоком уровне скотоводческого хозяйства, когда полностью удовлетворялись потребности не только в продуктах питания, но в погребальном процессе, в честь умерших производился массовый забой коней, коров, быков и овец. Если три последних вида животных приносились в жертву, очевидно, исключительно в целях обеспечения продуктами участников процессий и якобы душ умерших, то конь уже стал неотъемлемой частью жизни не только на земле, но и в загробном мире. Во все последующие периоды истории, вплоть до позднего средневековья (XII–XIV вв.), в степях Евразии, в том числе Южного Урала, захоронения скотоводов с конем становятся массовыми, т. е. обычным явлением, но в курганах андроновских племен края зафиксированы самые ранние случаи. Значение коня как спутника жизни кочевника у многих народов всегда оставалось неизменным. Об этом красноречиво свидетельствуют сведения древних и средневековых авторов. Так, например, арабский историк Ибн Фадлан, совершивший путешествие в 921–922 гг. через южноуральские степи в Волжскую Болгарию, изучил нравы гузов – ближайших южных соседей башкир. Он писал, что когда гуз умирает, то его хоронят с конем, приговаривая: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Но иногда случается, что гуза хоронят без коня (речь, очевидно, идет о бедном гузе), и тогда через несколько дней один из аксакалов видит его во сне и тот жалуется, что все его товарищи ускакали вперед и он не может их догнать. Аксакалы обсуждают этот сон и решают в честь умершего забить коня: мясо поедается, а шкура

¹ *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73; *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей... С. 72–76. Рис. 29, 4; 135–136.

с головой, хвостом и четырьмя ногами расстилается над его могилой¹. Приведенное свидетельство автора X в. применимо к кочевникам Евразии всех археологических эпох, в том числе к племенам андроновской культуры.

Для понимания особенностей формирования культуры населения Южного Урала эпохи бронзы в материалах андроновских племен примечательны также следующие факты.

Во многих случаях (например, курганы Берлик) все стены могил на всю высоту облицовывались сырцовыми кирпичами, а затем дополнительно обмазывались глиной. Толщина таких кирпичных кладок 10–15 см². Если учесть, что внутримогильное сооружение всегда символизировало типичный для данной группы населения тип жилища, то описанная деталь погребального обряда возникла в этнической среде, где традиционными были саманные дома. Так наука лишней раз находит подтверждение того, что в сложении андроновской культуры активное участие принимали племена южного происхождения (Южный Казахстан, Средняя Азия).

Второй факт не менее интересный. При раскопках Синташтинского могильника бесспорно зафиксированы случаи, когда в могилу клали не труп умершего, а кости человека, очищенные от мягких тканей, хрящей и связок. Иногда кости аккуратно складывались в продолговатую кучу, а череп лежал отдельно³.

Это одна из древнейших, универсальных на земном шаре форм обращения с умершим, согласно которой трупы выставлялись на возвышенных местах (специальные мостки, деревья, вершины гор) и там они находились до тех пор, пока мягкие части трупа не поедались птицами, зверями или грызунами, а затем очищенные кости хоронились в земле. На тысячу лет позже андроновцев так поступали народы Ирана, Средней Азии⁴. Данный обряд почти без изменений вплоть до начала XX в. практиковали тувинцы⁵, народы таежной

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 128–129.

² Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей... С. 136.

³ Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен... С. 62–63.

⁴ Раппопорт Ю. А. Из истории религии Хорезма. М., 1971; Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

⁵ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

зоны Сибири¹. Судя по фольклорным материалам, он был известен и древнейшим предкам башкир. Например, в башкирских сказаниях часто встречаются сюжеты, связанные с оставлением умершего на поверхности земли, когда прямо на земле оставляют черепа или моют скелеты (кости); трупы или скелеты подвешиваются на деревьях, на столбах и т. п. Память о том, что древнейшие предки башкир часто хоронили не трупы, а кости, дошла до наших дней в виде выражений «пришедшие на кости» (һөйәккә килеүселәр) по отношению к людям, участвующим в похоронах². До недавнего прошлого их так же называли казахи³ и, очевидно, многие другие народы. Как видно из материала памятников, этот сложный обряд был известен и среди андроновских племен.

В основе описанного обряда выставления трупов лежат религиозные представления о том, что душа человека бессмертна и она после смерти, покидая тело, может оказаться во владениях добрых и злых царств. Так как самым добрым и главным был бог солнца, который пребывает на небе, то все хотели, чтобы душа умершего попала в это царство и могла достичь его при помощи птиц. Полагали, что души умерших в виде капель дождя или ветров могут снова вернуться на землю и, приобретая различные формы (растений, животных и т. п.), попадут в утробу матери, чтобы вновь вернуться в жизнь⁴. Так представляли древние народы возникновение и развитие жизни на земле, и в этом круговороте жизни птицам отводилась важная роль перенос-

Нагрудник из серебряных пластин, бисера, стеклянных бус (1). Могильник Синташта и современный ему аналог – башкирский нагрудник (2)

¹ *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972; *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX–XX вв. Л., 1971.

² Такое обращение к участникам похорон авторы услышали в 1970 г. в Салаватском районе.

³ *Валиханов Г. Г.* Следы шаманства у киргизов // Соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 469–493.

⁴ *Раннопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма... С. 30–37.

чиков человеческих душ. Поэтому люди, согласно источникам, очень радовались, если первой к трупу подлетит и начнет клевать птица, и меньше радовались, если вместо нее подойдет зверь; считалось несчастьем, если ни птица не подлетит, ни зверь не подойдет, а появится грызун – это означало, что первым прикосновением грызун унесет душу умершего в подземное царство, олицетворяющее скопище злых духов. Так как прилет птицы считался самым желаемым, древнейшие предки башкир, согласно фольклорным сюжетам, в качестве приманки для них ставили зерно. Именно такое смысловое значение, очевидно, имеет сюжет ряда башкирских сказаний, где говорится о том, что рядом с трупом умерших ставили мешок зерна¹. Другим своеобразным отголоском этого явления древности является обычай современных марийцев на территории Башкортостана ставить в изголовье умерших длинные шести с изображением фигуры птицы на вершине, которые выполняли, скорее всего, роль приманки.

В могилах андроновских племен очень много случаев, когда вместо полного скелета лежат только отдельные его части: черепа, скелеты без черепов, половина туловища и т. п. Есть все основания думать, что эти так называемые расчлененные захоронения также являются результатом обряда очищения костей путем выставления трупов. В зависимости от общественного положения умершего (сильный, богатый и т. п.) соплеменники придавали его костям различные магические значения, и тогда они могли служить им оберегами, выполняли роль своеобразных талисманов. В этом случае кости оставались при себе и спустя определенное время могли быть захоронены. Такие расчлененные захоронения – обычное явление в могильниках абашевских и срубных племен; как отмечалось выше, в большом количестве они прослежены и у племен ямной культуры. Отсюда напрашивается вывод: религиозные представления населения Южного Урала и сопредельных территорий эпохи энеолита и бронзы сформировались на общей основе.

Выше, при характеристике культуры срубных племен, мы обратили внимание читателя на широкое распространение у них комплекса украшений из бронзовых пронизок и пластин, которые могли использоваться как нагосники или нагрудники. Находки нагрудников из могильника Синташта с более богатым набором бронзовых украшений засатавливают нас вновь вернуться к этому сюжету.

¹ Башкорт халык ижады. Экиэттәр. Өфө, 1976. 305, 306 бб.

В двух женских синташтинских погребениях найдено по одному роскошному нагруднику, состоящему из серебряных пластин и пронизок, которые прикреплялись на толстую кожу. Им имеются многочисленные аналогии в памятниках эпохи бронзы Южного Урала, Поволжья и Казахстана¹. Общая типологическая близость этих нагрудников с накосником-нагрудником из кургана срубных племен не вызывает сомнения. Здесь обращает внимание нахождение этих комплексов украшений в женских погребениях. На наш взгляд, эти нагрудники – древнейшие, но яркие прототипы женских нагрудников, в массовом порядке сохранившиеся у башкир до современности². Конструктивное сходство между сравниваемыми нагрудниками явное, но их отличает лишь то, что на современных башкирских нагрудниках (по-башкирски *яға, һакал*) для украшения используются бисер, серебряные монеты или простые пластины. Следует подчеркнуть, схожие по конструкции женские нагрудники сохранились у современных марийцев, чувашей и других народов Северной Евразии. Если наши изложенные здесь наблюдения идут в верном направлении, то в распоряжении ученых окажется ценный источниковый материал, свидетельствующий, что наследие племен бронзового века Урало-Поволжского региона, видоизменяясь, сохранялось до нашего времени у народов этого региона. Это послужит достаточным основанием для утверждения, что истоки этногенеза народов степной Евразии, прежде всего регионов Южного Урала, Южной Сибири, Урало-Поволжья, в том числе современных башкир, восходят к племенам бронзового века.

Читатель должен быть информирован о том, что открытие на Южном Урале 22 крепостей-городищ эпохи бронзы и выделение на этой основе археологической культуры с оригинальными признаками для всех археологов Степной Евразии явились большой неожиданностью, и по узловым вопросам истории синташтинских племен пока нет единого мнения. Так, например, у определенной группы исследователей сложилось мнение о том, что синташтинская культура в Южном Зауралье сложилась при активном влиянии пришлых сюда из западных

¹ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Указ. раб. Рис. 99; 188; Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Урала. Уфа, 1991. С. 138. Рис. XXIII, 7; Куприянова Е. В. Женские головные уборы срубной культурно-исторической общности в контексте синташтинско-андроновской традиции // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 52–55; Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские накосные украшения Казахстана эпохи бронзы. Лисаковск, 1998.

² Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995. С. 102–115.

районов племен абашевской культуры. Высказывается даже мнение о том, что эта культура существовала как вариант абашевской¹.

Возникновение крепостей типа Аркаим оппоненты Г. Б. Здановича склонны объяснять как результат взаимодействия племен Урало-Поволжского региона при определенном участии степной группы населения и потомков племен ямной культуры². Некоторые авторы допускают участие в возникновении указанных памятников племен из районов Северного Кавказа³.

Большие разногласия среди исследователей вызывает функциональное назначение памятников типа Аркаим. Многие возражают одному из основных положений в исследованиях Г. Б. Здановича и его коллег о том, что аркаимские поселения с мощными системами укреплений представляли собой протогородские центры, осуществлявшие религиозно-административные, ремесленные и военно-защитные функции⁴. По мнению оппонентов, эти поселения – рядовые, но рано возникшие на Южном Урале городища-крепости населения, ведущего скотоводческо-земледельческий образ жизни. В качестве аргумента своим возражениям они выдвигают тезис о том, что аркаимские поселения не имеют прямых аналогий в южных культурных центрах.

Предвидя такие возражения, в своей книге варианта 1994 г. мы высказали мнение о том, что по планировке аркаимские поселения напоминают города-крепости Хорезма, Бактрии. Мы тогда имели в виду выдающийся бактрийский город Дашлы-3 на севере Афганистана, имеющий, как и Аркаим, круглую планировку: цитадель окружена двумя рядами стен с опорными башнями, а вокруг нее расположены две крепостные стены, пространство между которыми целиком застроено жилыми и хозяйственными сооружениями. Дашлы-3 – выдающийся и

¹ *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 254–262; *Горбунов В. С.* Бронзовый век Волго-Уральской степи. Уфа, 1992. С. 144; *Потемкина Т. М.* Алакульская культура // СА. 1983. № 2. С. 29 и др.

² *Виноградов Н. Б.* Указ. соч. С. 257–262; *Кузьмина О. В.* Металлургические изделия и вопросы относительной абашевской культуры // Древние общества юго-восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации).

³ *Малов Н. М., Филипченко В. В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические Вести. № 4. СПб., 1995. С. 61–62; *Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю.* Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000. С. 35 и др.

⁴ Подробнее об этом см.: *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века... С. 266–269.

сложный памятник-город, он весь построен из саманных кирпичей¹. Основное время существования города датируется второй половиной II – началом I тысячелетия до н. э., но ранние его слои, т. е. время его возникновения, датируется эпохой бронзы. Следовательно, круглые на плане города-крепости с несколькими обводными стенами, на территории Средней Азии возникли в эпоху бронзы и получили дальнейшее развитие в раннежелезном веке, примером чему может послужить хорезмский город Койкрылган-кала². Эти близкие южные аналогии дают основание утверждать, что традиция строительства крепостей типа Аркаим на Южном Урале, скорее всего, восходит к среднеазиатским и средневосточным (Афганистан) аналогам, которые по сравнению с аркаимовскими более совершенны, сложны как по планировке, так и технике строительства.

Нетрудно догадаться, что традиция возведения аркаимовских поселений племенами Южного Урала не заимствована, а внедрена в их среду многочисленной группой населения, пришедшей сюда из южных районов Средней Азии, и им принадлежит заслуга возведения этих оригинальных памятников. В поисках причин возникновения этих крепостей на Южном Урале, на наш взгляд, исследователь обязан учитывать особенности их планировки, строительной техники, а прямые аналогии им имеются в регионе Средней Азии.

Что касается преобладания в составе археологического материала аркаимовских поселений признаков местных культур, то оно тоже легко объяснимо. Пришедшее население здесь оказалось в необычной среде и под ее влиянием в строительстве крепостей стало использовать местный материал (дерево, камень, глину), а в окружении многочисленных местных племен вынуждено было воспринять (полностью или частично) их материальную культуру. Нам кажется, синташтинская культура – классический пример взаимодействия и взаимовлияния двух культурных традиций.

Г. Б. Зданович со своими коллегами прав в том, что аркаимовские поселения-крепости строились по единому плану и организационным началом, а это предполагает существование в это время на Южном Урале политической организации в виде союза племен, который возник и функционировал на правах самого древнего, археологически четко прослеживаемого государственного образования. В таком пони-

¹ Древняя Бактрия. М., 1976. С. 6–8. Рис. 2.

² Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. Табл. CLVI, 1–3.

мании нам следует согласиться с основными положениями исследования Г. Б. Здановича.

В связи с открытием и изучением городищ аркаимовского типа небезынтересна будет следующая мысль. Впервые мнение о возникновении укрепленных городищ-крепостей на Южном Урале в эпоху бронзы высказал К. В. Сальников в начале 60-х годов XX столетия в первом рукописном варианте книги «Очерки древней истории Южного Урала». Поводом для такого утверждения К. В. Сальникову послужило нахождение керамики культур бронзового века в одном из городищ круглой формы. Мысль о возникновении на Южном Урале городищ-крепостей в бронзовом веке противоречила логике тогдашней археологической науки, и во время обсуждения рукописи все сотрудники сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР, в том числе один из авторов настоящей книги, обратили внимание на этот факт, после чего К. В. Сальников данное, невероятное по тем временам положение изъясил из окончательного варианта рукописи. Любопытно подчеркнуть что, аналогичное неприятие коллегами многих важных выводов первооткрывателя аркаимовских памятников наблюдается и в настоящее время. Для науки это обычное явление.

В позднебронзовом веке (XII–IX вв. до н. э.) на Южном Урале продолжали жить потомки андроновских, абашевских и срубных племен. Для этого времени исследователями выделены такие крупные племенные группы, как межовская, саргаринская, курмантауская.

Важной особенностью этой эпохи является дальнейшее увеличение доли скотоводства в общем балансе хозяйства. Это привело к еще большей подвижности населения. Практически в степной зоне забрасываются жилища-полуземлянки и люди начинают жить в наземных бревенчатых домах. Определенные изменения претерпевают другие виды материальной культуры. Как ни странно, поселения типа Аркаим на Южном Урале не получили своего дальнейшего развития и перестали существовать. Этот факт, возможно, связан с потерей значения местных рудников по добыче медной руды, что могло быть вызвано началом развития металлургии железа. Во всяком случае в археологических памятниках резко заметно сокращение производства медно-бронзовых изделий; заметен также общий упадок техники обработки камня. Вместо наконечников стрел, кинжалов и других предметов, изготовленных при помощи техники ретуши, широкое распространение получают каменные топоры, молоты, обработанные путем шлифования, пиления и сверления. Глиняные сосуды лишаются нарядного ор-

намента предшествующего времени. Все эти новые черты культуры и образа жизни подготовили необходимые условия к переходу в начале железного века в широких степях Евразии к ярко выраженному кочевому и полукочевому хозяйству.

В заключение главы мы считаем необходимым высказать свое мнение по вопросу об околонучной дискуссии, связанной с открытием и интерпретацией места и роли городов-крепостей типа Аркаим в древней истории народов центра степной Евразии. Выше нами особо было подчеркнuto, что мировая научная общественность открытие этих памятников оценила как важный вклад в изучение древней истории степной Евразии. Накопленные материалы ясно указывают, что Южный Урал уже в бронзовом веке превратился в один из крупнейших культурно-экономических центров в степной Евразии, что вызвало появление здесь необычных памятников в виде крепостей.

Естественно, открытие и изучение памятников типа Аркаим вызвали интерес у массового читателя, памятники стали объектами массового туризма. Вот эта разъяснительная работа среди любителей археологии в средствах массовой информации и посещающих Аркаим туристов вызывает серьезную озабоченность. Дело в том, что в пропаганду научного значения памятников типа Аркаим вовлечены экстрасенсы, которые стараются внедрить в сознание тысяч любителей истории мистические идеи о наличии особой энергетической силы в Аркаиме. Создается впечатление, что такая пропагандистская шумиха кем-то направляется. Мы должны ясно осознать, что такие утверждения к науке не имеют никакого отношения. Кстати, именно на эти измышления вокруг памятников аркаимовского круга была обращена главная критика участников дискуссии, организованной Институтом археологии РАН (г. Москва) в 2007 г., по вопросу их дальнейшего изучения и пропаганды¹.

Не можем обойти вниманием и еще один вопрос. Во многих публикациях, посвященных теме Аркаима, авторы стремятся утвердить тезис о том, что строители и обитатели аркаимовских памятников были ариями и говорили на древнеиранском языке. Одновременно в литературе высказаны мнения о том, что среди племен Южного Урала бронзового века могли быть носители древних финноугорских, тюркских языков. В связи с этим следует подчеркнуть, что состояние современной науки о языках древних племен степной Евразии таково, что ни одному из пе-

¹ *Коренько В. А., Кузминых С. В.* Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «проблемы Аркаима») // РА. 2007. № 2. С. 173–177.

речисленных мнений мы не можем отдать предпочтение. Учитывая тот очевидный факт, что во все времена древности в степях Евразии происходили сложные миграционные процессы, правильнее будет предположить, что в этноязыковом отношении население Южного Урала и сопредельных с ним регионов было настолько сильно смешанным, что среди него могли находиться носители не только вышеназванных языковых групп, но и многих уже вымерших языков.

Глава III

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Древнейшие письменные источники о племенах Южного Урала. Около X–IX вв. до н. э. человек повсеместно освоил металлургию железа и начал изготавливать из него орудия труда, предметы вооружения и украшения. По своей твердости и дешевизне железо превосходило все известные к этому времени металлы (медь, бронза), поэтому массовое распространение железа вызвало коренные изменения в материальной культуре, и особенно в сфере производства: оно многократно повысило производительность труда в земледелии, обработке дерева и других сферах, что привело к росту богатства, накоплению его в руках родоплеменных вождей.

Другим важным моментом раннежелезного века является окончательное формирование на Южном Урале двух различных укладов жизни – кочевого скотоводства в степной и оседлого скотоводческо-земледельческого в лесостепной части. Такое разделение труда было еще одним шагом вперед в развитии производительных сил первобытного общества, так как давало большие возможности интенсивно развивать отрасли хозяйства, максимально приспособленные к природным условиям. Полное освоение степей стало возможным благодаря быстрому росту коневодства, получившего особенно широкий размах в раннежелезном веке. Труд стал более продуктивным: неизмеримо вырос объем избытка продукта в виде скота, а также мяса, молока, шкур и шерсти, усилился обмен между племенами скотоводческих и земледельческих районов. Использование степняками верховой лошади, появление конницы разрушило культурно-историческую замкнутость отдельных районов, способствовало установлению еще более тесных экономических и культурных связей между соседями, отдельными племенами, народами и государствами. Возникшее в предшествующие периоды социальное неравенство между людьми (членами родового

коллектива) теперь получает еще большее развитие, и на этой основе начинают формироваться раннеклассовые общества с примитивными формами государственности.

В середине I тысячелетия до н. э. в письменных источниках впервые появляются отрывочные сведения о племенах, живших в районе Уральских гор. Эти сведения восходят к трудам античных авторов, которые располагали достаточно конкретными знаниями о южноуральском регионе. Своеобразным ключом для понимания весьма противоречивых, порою туманных сведений источников служит карта Птолемея (II в. до н. э.), являющаяся самой древней из числа сохранившихся. Уральские горы на ней выведены под названием Риммийские горы, откуда вытекает река Даих (Яик), которая впадает в Каспийское море¹. Карта поражает своей точностью. На ней Волга течет с севера, из Гипербореических гор, под которыми древние авторы понимали Северный Урал (истоки Камы), показаны узкий перешеек между Волгой и Доном и два левых притока Волги, берущих свое начало в Уральских горах. Некоторые современные исследователи под этими притоками подразумевают реки Сакмару и Таналык, другие – Кинель².

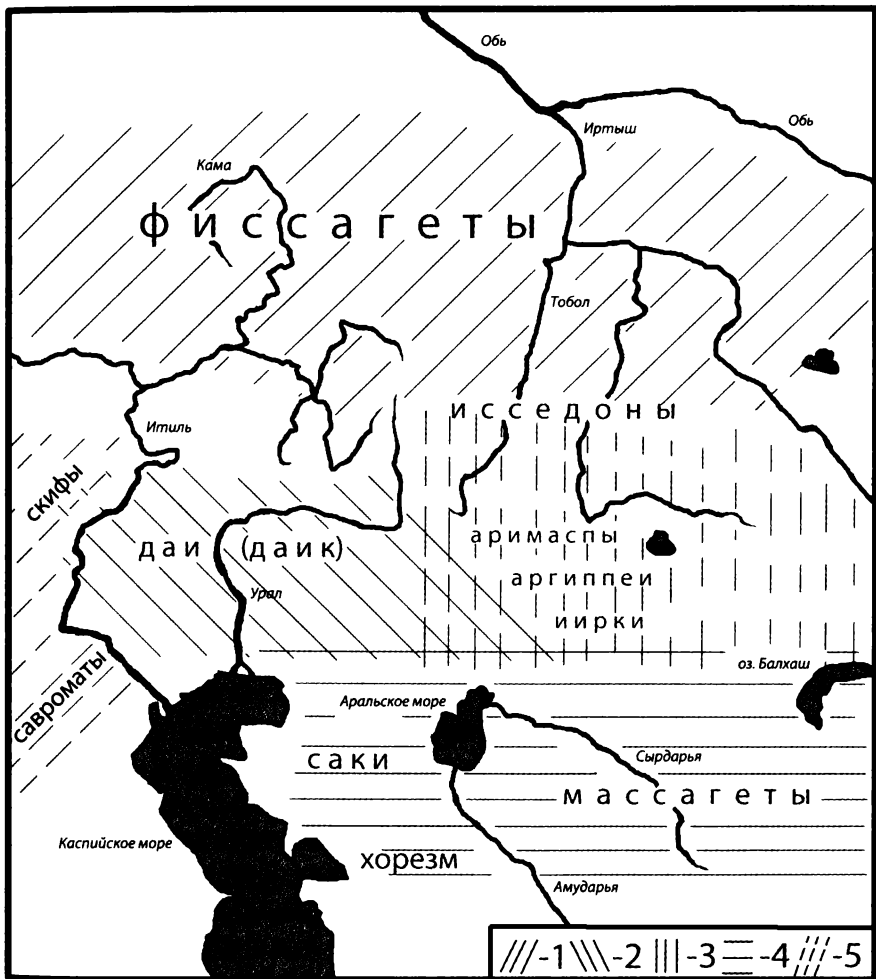
Большой интерес представляет происхождение названия главной реки Южного Урала – Яика, которая в XVIII в. после подавления крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачева была переименована в Урал.

В исторической литературе имеется обоснованное мнение о том, что птолемеевский вариант названия р. Даих образовался от имени дахо-массагетских кочевых племен, широким массивом расселявшихся в пространстве между Аральским морем и Уральскими горами. Другим, более собирательным вариантом дахо-массагетов было имя саки. Отдельные группы этих сако-дахо-массагетов, согласно письменным источникам, именовались саками, массагетами, даями (даи), дахами (дахи), но, по-видимому, в южноуральских степях с глубокой древности (может быть, с эпохи бронзы) численно преобладали выходцы дахского племенного объединения и от их имени Дах-Даих возникло название р. Яик³.

¹ Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1983. № 1. С. 62, 63.

² Абзалов Р. М., Фаткуллин Р. А. Отражение Южного Урала и Приуралья на географических картах и изученность территории с древнейших времен до конца XVII в. // Природное районирование и вопросы охраны природы. Уфа, 1980. С. 123–130.

³ Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 129–139.

Карта № 3. Примерное расселение племен Южного Урала и сопредельных территорий по сведениям Геродота (V в. до н. э.)
 1 – фиссагеты; 2 – даи (даик, дахи); 3 – исседоны, аримаспы, аргиппей, иирки; 4 – саки, массагеты; 5 – савроматы

Не исключено, однако, что имя дахи, или даи, образовалось от названия реки, и в этом смысле Даих более древнего происхождения. В этой связи нельзя не подчеркнуть, что названия рек со словом Ик на Южном Урале являются самыми распространенными (см. Большой Ик, Ик и другие). Во всяком случае для раннежелезного века устанавливается совпадение существования на Южном Урале гидронима Даих и многочисленного союза племен дахо-массагетов.

Другим памятником языка, дошедшим до нас от сако-дахо-массагетского времени, по мнению лингвистов, является название рек Сак и Сакмара, образованного от этнонима «сак». Топонимов со словом «сак» в урало-поволжском регионе встречается очень много (р. Сак-Йылга в Свердловской обл.; дер. Сакмара в Пермской обл.; город Саксин в Астраханской обл.)¹.

Во многих письменных источниках VII–V вв. до н. э. в районе Уральских гор, севернее основной массы сако-массагетских племен (Приаралье), упоминаются племена иирков, исседонов, аримаспов и аргиппеев. Выяснению того, где точно жили эти племена, посвящена огромное количество литературы, но преобладающее большинство современных исследователей локализует их в районе Уральских гор². Наиболее подробные сведения о названных выше народах собрал историк V в. до н. э. Геродот. Он подчеркивает общую близость их в культуре, указав, что все они относятся к числу скифских племен³. Данное обстоятельство указывает, что на карте Птолемея район Уральских (Рим-мийских) гор не случайно назван Скифией. В этой связи любопытно замечание Страбона (II в. до н. э.) о том, что «большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями. Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков»⁴.

Племена иирков Геродот описывает как всадников. Ярко выраженный скотоводческий образ жизни просматривается из описания обычаев исседонов. «Когда умирает чей-нибудь отец, – пишет древний историк, – все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо

¹ *Гарипова Ф. Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991. С. 108, 110; *Закиев М. З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 19–74.

² *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы... См. также: *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. 1972. С. 31–37.

³ *Геродот.* История. Л., 1972. С. 190–193. В трудах античных авторов наиболее распространенным вариантом названия Уральских гор является Риппейские горы.

⁴ *Страбон.* География. XI, VIII, 2; Цитируется: *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы... С. 135.

разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир»¹. Описанный обряд исседонов не содержит ничего оригинального, если учесть, что культ черепов (головы) был развит у племен Южного Урала еще с неолитического времени.

Современник Геродота Гиппократ несколько подробнее описывает образ жизни исседонов. Согласно ему, какая-то часть исседонов жила в кибитках – четырехколесных или шестиколесных, закрытых войлоком, непроницаемым для дождя, снега и ветра. В них живут женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях. За ними следуют их стада овец, коз, коров и табуны лошадей.

В непосредственной близости от иирков и исседонов жили ари-маспы – «многочисленный народ и храбрые воины, владеют большими стадами лошадей, овец и быков» (Аристей), далее «плешивые аргиппеи». Как указывает Геродот, языки названных народов несколько различались друг от друга, о чем свидетельствует тот факт, что собственно скифы (очевидно, причерноморские скифы. – *Н. М., А. С.*) объяснялись с аргиппеями при помощи семи толмачей на семи языках.

Координаты страны аргиппеев точно определены в словах «местожительство аргиппеев у подножия высоких гор, их дома – деревья, покрытые войлоком», т. е. юрты. Они потребляют плоды дерева, похожие на бобовые, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, а из него вытекает черный сок под названием асхи. Сок этот лизут и пьют, смешивая с молоком. Страна исседонов, аримаспов и аргиппеев, по-видимому, была богата золотом, на что указывает упоминание Геродота о том, что здесь обитают грифоны. В другом источнике говорится о том, что одноглазые аримаспы постоянно воюют из-за рудников с грифами, которых предание представляет в виде крылатых зверей, выкапывающих в подземных шахтах золото². Современные комментаторы древних письменных источников по Южному Уралу единодушно утверждают, что речь здесь может идти только о зауральских районах, богатых золотом и медью³. В этой связи не менее важно упоминание Геродота: о существовании между аргиппеями и ближайшими

¹ Геродот. История... С. 193.

² Геродот. История... С. 193; Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота»... С. 56, 58.

³ Там же. С. 52–59.

соседями, с одной стороны, и причерноморскими скифами, с другой, постоянного торгового (караванного) пути. Этот путь прочно оформился в бронзовом веке на основе вывоза меди; он, очевидно, еще больше усилился в эпоху раннего железа в связи с широким освоением богатых месторождений меди, золота.

В этом отношении археология располагает рядом бесспорных свидетельств. Например, южноуральская медь продолжала широко поступать в Северное Причерноморье и в эпоху раннего железа. Об этом стало известно после исследования состава медно-бронзовых изделий из многих памятников VI–IV вв. до н. э.: от 24 до 36 % из них оказались отлитыми из меди, привезенной с Южного Урала¹. На богатом археологическом материале прослежен ввоз товаров в обратном направлении, т. е. на Южный Урал. В это время наблюдается массовый приток сюда ювелирных вещей северо-причерноморского происхождения: ольвийских зеркал, серег и т. п.²

За владение месторождениями золота и меди между исседонами, аримаспами, аргиппеями и другими племенами часто происходили конфликты, что нашло отражение в труде Геродота. Он, в частности, пишет, что «все эти народы часто воюют с соседями, первыми начали войну аримаспы. Аримаспы изгнали исседонов из страны, а исседоны вытеснили скифов»³.

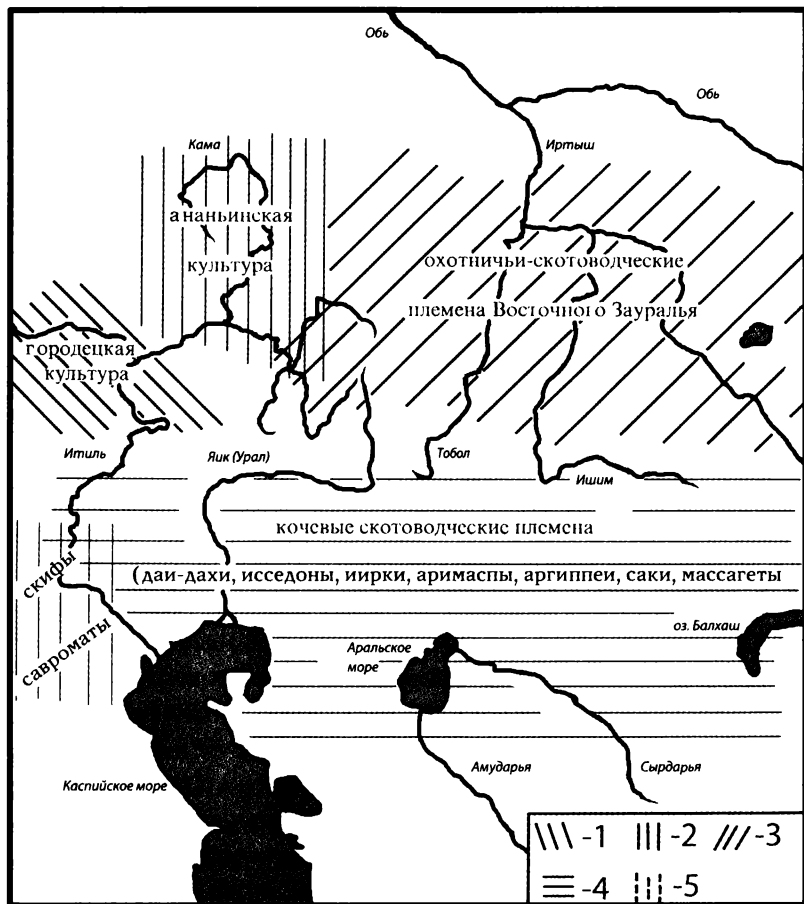
Приведенные выше сведения Геродота восходят к трудам более ранних авторов. Главным среди них является поэт VII в. до н. э. Аристей, совершивший путешествие в страну исседонов. Именно ему принадлежат слова об аримаспах как о народе, богатом табунами и стадами животных. Несколько самостоятельными выглядят сведения Дамаста Сигейского. Он, например, знает Риппейские горы, вдоль которых постоянно дуют холодные северные ветры, что полностью соответствует действительности⁴. Как показывают современные исследования, на Южном Урале, и, особенно, на его восточных склонах, в летнее время господствующими являются северные ветры, иногда достигающие 18–21 м/с. С наступлением их связано значительное похолодание кли-

¹ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.

² Подробнее см: Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота»...

³ Геродот. История... С. 190.

⁴ Хенниг Р. Невидимые земли. Т. 1. 1961. Цитируется: Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота»... С. 56.

Карта № 4. Расселение племен Южного Урала эпохи раннежелезного века по археологическим данным:

1 – городецкая культура; 2 – ананьинская культура;

3 – охотничье-скотоводческие племена Восточного Зауралья;

4 – кочевые скотоводческие племена: даи, исседоны, иирки, аримаспы, аргиппей, саки, массагеты); 5 – скифы, савроматы

мата¹. Такие детали о Южном Урале мог знать только человек, побывавший здесь.

Образ жизни и культура дахо-сако-массагетских племен. Памятники археологии четко отражают тот сложный состав населения Южного Урала, который вырисовывается на основе письменных источников. Самую многочисленную группу среди памятников составляют земляные курганы диаметром 20–50 м при высоте от 0,5 до 2–6 м. Подобные курганы широко распространены по всему Южному Уралу, включая лесостепные районы. Учитывая то, что многие реки здесь имеют названия со словом Ик (Даик), можно предположить, что этот самый распространенный тип курганов оставлен дахами (даи, даих). Впервые эту точку зрения сформулировал академик М. И. Ростовцев в начале XX в. Он не видел никаких различий между саками и дахо-массагетами² и рассматривал их как единый многочисленный народ. Убежденно писал об этом в своих последних работах выдающийся исследователь истории и культуры ранних кочевников Восточной Европы К. Ф. Смирнов³.

Формирование культуры дахо-массагетских племен пришлось на VII–VI вв. до н. э., и она непрерывно существовала до III–II вв. до н. э. Об этом, прежде всего, свидетельствует тот факт, что многие курганные могильники данной группы, возникнув в VII–VI вв. до н. э., функционировали на протяжении нескольких столетий. Образование таких кладбищ возможно лишь при условии, что племя кочует продолжительное время на определенной территории. Значит, основная часть скотоводческого населения имела четкую территорию расселения, внутри которой могли происходить передвижения отдельных родоплеменных групп. Под этими передвижениями прежде всего следует подразумевать выезды на летовки на предгорные пастбища. Учитывая топогра-

¹ Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота»... С. 58: Природа Челябинской области. Челябинск, 1964. С. 78; Справочник по климату СССР. Вып. 9. Ч. IV. Ветер. Свердловск, 1971. С. 709.

² Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975; *Он же.* Сарматы и савроматы...; *Он же.* Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 69.

³ *Rostoytzeff M. I. Animal stule in south Russland Chin* Princeton. 1920. Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы. С. 136. Авторы не поддерживают точку зрения о разделении памятников Южного Урала VII–III вв. до н. э. на две – савроматскую и сарматскую (прохоровскую) культуры. Это единая культура, в развитии которой четко прослеживается ранний (VII–V вв. до н. э.) и поздний (IV–III вв. до н. э.) этапы.

фию известных памятников, исследователи считают, что радиус таких откочевок был небольшим, не более 200 – 400 км.¹

Большие родовые кладбища, видимо, располагались в районе зимников, т. е. в местах, удобных для зимовки скота. Это были богатые лесом поймы рек вблизи больших сыртов, где обычно бывает тонкий снежный покров, что создает удобные условия для тебеневки скота. Здесь племена дахо-массагетов строили бревенчатые дома. Более примитивный тип этих построек имитировали при сооружении могил, подражающих землянкам с плоскими или двускатными крышами².

В то же время современный уровень источников позволяет уверенно утверждать, что какая-то часть, очевидно, богатые и сильные родоплеменные группы дахо-массагетов, совершали ежегодные откочевки на осенне-зимний период в южные степи (Приаралье, Северный Прикаспий), а на весну и лето вновь возвращались на Южный Урал. Кстати, положение о том, что между племенами Южного Урала и Южного Казахстана, прежде всего Приаралья, в эпоху раннего железа существовало тесное неразрывное этнокультурное и хозяйственное единство, в последние годы получило надежное развитие в работах А. Д. Таирова и С. Ю. Гуцалова. Они даже справедливо предлагают рассматривать урало-аральскую территорию как одну культурно-историческую область³. Забегая вперед, следует сказать, что эта, так называемая меридианальная форма кочевания между Уралом и Приаральем, Прикаспием, видимо, возникла еще в бронзовом (энеолите) веке и существовала на протяжении древности и средневековья, вплоть до XVII–XVIII вв., когда на Южном Урале появляются русские пограничные крепости, послужившие важной причиной прерывания этих тысячелетних связей.

В пользу существования таких меридианальных кочевок в дахо-массагетское время, прежде всего, свидетельствует широкое распространение в курганах дахо-массагетов разнообразной посуды – флагов, кувшинов и других, а также различных ювелирных изделий среднеа-

¹ Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. № 3. 1964; Васильев В. Н., Савельев Н. С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.

² Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке... С. 152.

³ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 144–157; Ягодин В. Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в I пол. I тыс. н. э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. С. 103–107; Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007. Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю. Урало-аральская культурно-историческая область // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 11–17.

зиатского происхождения. Привозной посуды так много, что вопрос о проникновении ее сюда путем торговых обменов исключается. Видимо, она привозилась во время ежегодных откочевок туда и обратно.

Судя по костям животных, найденным при раскопках, дахо-массагеты разводили главным образом лошадей и овец, меньше – крупный рогатый скот. «Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей ...а также пьют молоко», – так описывают образ жизни кочевников южноуральских степей античные авторы.

Своеобразие новой эпохи особенно ярко отразилось на материалах курганов. По своему устройству и составу находок курганы сложны и многокомпонентны, но все это многообразие одинаково характерно для культуры скотоводческих племен Казахстана и юга Восточной Европы. Та близость, которая наблюдалась в материалах археологических культур бронзового века, приобретает теперь универсальный характер. Это – один из важных результатов перехода скотоводческих племен широких евразийских степей к кочевническому укладу жизни, способствовавшему активному обмену между народами достижениями в области материального производства, духовной культуры и общественных отношений.

Для полного представления культуры дахо-массагетов важным источником служат свидетельства античных историков. Вот как описывает быт и нравы массагетов Геродот. «Массагеты носят одежду, – пишет он, – подобную скифской и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них есть все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом... Золота и меди там в изобилии»¹.

Дахо-массагеты строили для погребения своих умерших сородичей различные по форме могилы. Среди них численно преобладают узкие глубокие могилы. Вдоль длинных стенок и по углам некоторых таких могил на всю высоту ставились вертикальные столбы (Старые Киишки)². Эти столбы, видимо, предназначались для поддержания деревянных стен и верхнего перекрытия могилы: на них ложились поперечные балки перекрытия, имевшего, скорее всего, двускатную форму.

¹ Геродот. Указ. соч. С. 79.

² Пиеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 104.

Впервые на Южном Урале подобный тип внутримогильного сооружения зафиксирован еще в памятниках андроновской культуры¹.

Наряду с описанным типом, в курганах появляются могилы в виде узких ям с углублениями-нишами в одной из стенок, где производилось захоронение. Иногда углубления в боковых стенках бывают настолько широкими и глубокими, что они приобретают форму катакомб. Более сложными представляются глубокие и широкие могильные ямы, куда вход вел через узкий и длинный, постепенно углубляющийся коридор-дромос. Внутри могила могла оборудоваться бревенчатым срубом, а сверху и коридор, и сама могила прикрывались многорядным бревенчатым накатом².

Над могилами особо знатных людей строились сложные бревенчатые сооружения. Самым распространенным является бревенчатый сруб, в несколько раз превышающий размеры простой могильной ямы. Стены поддерживались толстыми столбами, попарно расположенными на углах. Несколько таких сооружений было исследовано в Оренбуржье (например, I Пятимары)³, но позже стало известно, что они строились повсюду на Южном Урале. Число памятников Южного Урала VI–V вв. до н. э., содержащих яркий налет влияния культуры кочевников (саков) Приаралья, недавно пополнилось курганами Маровый шлях и Солончанка II в Челябинской области. В Альмухаметовском кургане (Абзелиловский р-н) выявлено более сложное сооружение: оно состояло из наружного (8x7 м) и внутреннего (6x4 м) срубов. Во всех случаях надмогильные бревенчатые срубы сверху прикрывались бревенчатым (многорядным – ?) накатом. Зафиксированы случаи сооружения шатрообразных бревенчатых сооружений. Сверху бревенчатого наката складывался хворост от срубленных деревьев, а потом строилась земляная насыпь, иногда вперемешку с камнем. Чаще всего камень использовался для укладки кольца по основанию насыпи или же кладки по всей поверхности⁴. Важно подчеркнуть, что надмогильные сооружения в виде срубов с верхним перекрытием из бревен не представляют исключительно южноуральское явление. Такие сооружения, например, возводили сакские племена на юге Казахстана (Бесшатыр-

¹ *Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. С. 62. Рис. 24.

² Подробнее см.: *Смирнов К. Ф.* Савроматы... С. 75–174; *Пшеничник А. Х.* Культура ранних кочевников... С. 87–117.

³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы... Рис. 25, 31.

⁴ *Пшеничник А. Х.* Культура ранних кочевников... С. 87–117; *Таиров А. Д.* Саки Приаралья в степях Южного Зауралья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 76–81.

ские курганы)¹, а самым ранним аналогом может служить курган Аржан в Туве².

Выбор формы могил, внутримогильных сооружений зависел от степени богатства умершего и носил четко выраженный социальный характер: чем был богаче человек и чем более высокое общественное положение он занимал – тем более сложные и трудоемкие курганы строили для него.

При погребении умерших дахо-массагеты совершали ритуальные захоронения коней в их изголовьях. Так, например, в кургане I Пятимары рядом с могилой знатного человека было погребено пять туш убитых коней; чтобы обеспечить уход за конями и служить своему господину в загробном мире, рядом с ними были погребены два убитых его телохранителя.

Обычными в курганах являются остатки ритуальных захоронений коня в виде головы со шкурой и конечностями. В качестве погребальной пищи приносилось мясо барана, о чем свидетельствуют остатки обезглавленных туш или их части.

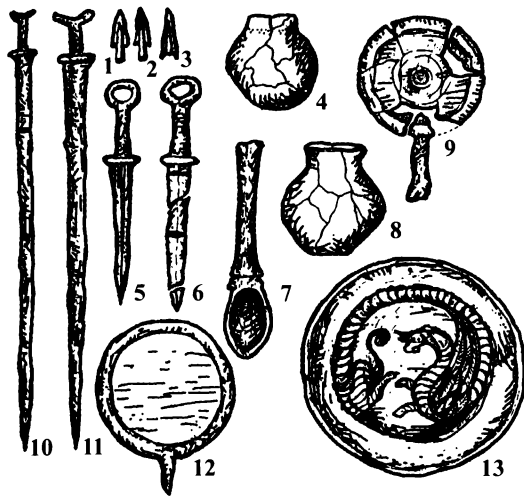
В курганах VII–V вв. до н. э. встречаются обычные для культуры кочевников евразийских степей железные кинжалы – так называемые мечи-акинаки, небольшие железные или бронзовые наконечники стрел. Стрелы носились в берестяных или кожаных колчанах, остатки которых часто фиксируются при раскопках. В одном случае (Троицкий курган, Оренбуржье) найден кожаный колчан, состоящий из трех секций, в каждой из которых хранились бронзовые наконечники стрел различных размеров³.

После V в. до н. э. широкое распространение среди дахо-массагетских племен Южного Урала получают длинные двулезвийные мечи. Это явление связано с серьезными изменениями в вооружении и тактике ведения боя среди кочевников евразийских степей. В частности, с коротким мечом-акинаком можно было сражаться только в пешем строю или во всяком случае на близком расстоянии от врага. С мечами же длиной 1–1,2 м можно было сражаться, только сидя на коне. Поэтому широкое их распространение свидетельствует о появлении воинов-всадников. Это повысило маневренность войска и позволило вести успешные военные действия на дальних расстояниях.

¹ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963. С. 25–87.

² *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980.

³ Раскопки авторов 1974 г.

*Материалы
из кочевнических
курганов Южного Урала
раннежелезного века:
1-3 – наконечники стрел;
4, 8 – глиняные сосуды;
5, 6 – кинжалы-акинаки;
7 – костяная ложка;
9, 12 – бронзовые зеркала;
10, 11 – мечи; 13 – фалары*

Распространение длинных мечей в степях Южного Урала совпало с массовым появлением в курганах многих вещей новых форм. Например, если в курганах VII–V вв. до н. э. встречались, как правило, небольшие грубые плоскодонные горшки, то одновременно с длинными мечами появляются большие круглодонные горшки с высоким прямым горлом. Учитывая масштабность этих новшеств, можно предположить, что они связаны с приходом в степи Южного Урала из районов Южного Казахстана или Средней Азии какой-то новой группы населения, которой принадлежит заслуга внедрения в быт и вооружение навыков изготовления этих предметов.

Дахо-массагетские племена Южного Урала и Казахстана в своей культуре имели ряд особенностей, обусловленных местными условиями. К их числу, например, относятся изготовление ими больших каменных блюд круглой или прямоугольной форм на широких ножках, в виде головы барана или лошади. Эти блюда отличаются тщательностью своей обработки. Они, видимо, носили ритуальный характер и использовались строго в определенных целях. На дне этих блюд иногда находят остатки красной краски (охры), мела, даже золы. Это наводит на мысль о том, что в них зажигались священные огни в честь бога солнца или натирались краски, что также символизировало огонь, солнце. В этом смысле блюда могли служить одновременно как алтари огня¹.

Одним из характерных элементов культуры народов Евразии раннежелезного века являются предметы декоративно-прикладного ис-

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 163–170.

кусства, украшенные сложными орнаментальными мотивами, изображающими фигуры людей, животных и птиц. Излюбленными мотивами древних художников являлись сцены жизни скотоводов: олени с ветвистыми рогами, дерущиеся верблюды, хищные птицы и хищные звери, в том числе терзающие травоядных животных, чаще всего оленя. Эти фигуры и сцены изображались на кости, железе, бронзе, золоте, коже, ими покрывались поверхности колчанов, клинки кинжалов, мечей, браслетов, т. е. практически все окружающие предметы. Территория распространения подобных предметов – так называемого «звериного» искусства – очень обширна – от Центральной Азии до Западной Европы. Исключения не составляла и территория Южного Урала: вместе со степями Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии она была одним из своеобразных очагов возникновения этого искусства. Принято считать, что мода на предметы «звериного» стиля у скотоводческих народов Евразии была обусловлена многими факторами.

В раннежелезном веке на основе дальнейшего развития производительности труда растет богатство, которое накапливается в руках отдельных аристократических родоплеменных групп и семей. Это вызывает конфликты, на этой почве усиливаются войны между племенами, народами и государствами.

Кроме того, по мере сближения образа жизни скотоводческих племен Евразии происходит процесс формирования общего мировоззрения относительно характера возникновения и развития жизни, происхождения народов и нравственно-этических норм поведения человека. Развитие таких взглядов привело к сложению героических эпосов о жизни батыров, преодолевающих различные препятствия во имя счастья своего народа.

Эти изменения отразились в искусстве, прославляющем силу и борьбу, жестокость, которыми была наполнена их повседневная реальная жизнь.

На материалах дахо-массагетских памятников ярко прослеживаются тесные торгово-культурные связи с народами Средней Азии, Среднего Востока (Персия) и других регионов. Об этом свидетельствуют, кроме упомянутых выше глиняных сосудов хорезмийского происхождения, каменные и стеклянные бусы, ахеменидские печати, серебряные блюда, изготовленные в ювелирных мастерских Древнего Ирана. К числу импортных вещей из дальних стран относится уникальная по форме амфора – работа египетских гончаров. На амфоре имеется египетская

надпись «сосуд царя Ксеркса», правившего в Египте в V в. до н. э.¹ Эти вещи на Урал проникли при посреднической роли народов Средней Азии и Казахстана.

Должно быть упомянуто существующее в исторической литературе мнение о том, что воины дахо-массагетской среды Южного Урала в VI–III вв. до н. э. могли служить в наемных войсках древних государств Средней Азии и Ирана². Основанием для такого предположения послужили не только массовый характер импорта южных вещей через территорию Средней Азии и Казахстана, но и определенная близость оружия воинов этих далеких друг от друга регионов.

На Южном Урале одновременно с вышеописанными курганами с земляной насыпью VI–IV вв.

в массовом порядке существовали курганы, сложенные из камней. Впервые богатая информация об этих курганах была получена в ходе археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в 1965–1975 гг., когда в восточных и западных склонах Уральского хребта в пределах Учалинского, Абзелиловского, Баймакского, Хайбуллинского, Зианчуринского районов были обнаружены несколько десятков каменных курганов, а некоторые из них были раскопаны. Развернувшиеся археологические работы в пределах Челябинской, Оренбургской областей, а также в Башкортостане³ намного расширили наши познания об этой

Предметы из курганов ранних кочевников Южного Урала: 1, 6 – сосуды; 2 – зеркало; 3, 4 – наконечники стрел; 5 – меч-акинак; 7, 8 – блюда-алтари; 9 – меч; 1, 6 – глина; 2–4 – бронза; 5, 9 – железо; 7, 8 – камень

¹ Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. № 3. 1972. С. 106–108.

² Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 277–285.

³ Мажитов Н. А. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа // Итоговая научная сессия Уфимского Института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г. Уфа, 1966. С. 95; Он же. Происхождение башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Том IV. 1971. С. 13; Археологическая карта Башкирии. М., 1976. См. разделы VII, VIII.

группе памятников, что позволяет дать им следующую краткую характеристику.

Каменные курганы от курганов с земляной насыпью отличаются многими важными особенностями. Если последние имеют большие размеры, расположены группами в равнинной, т. е. степной части Южного Урала и сопредельных регионов, то каменные курганы рассеяны по одному или по два на вершинах горных возвышенностей лесостепной зоны. Размеры их невелики, в среднем не превышают 6–9 м в диаметре, 0,30–0,50 м. в высоту. При разборке каменной кладки обнаружены четкие признаки человеческих захоронений, хотя отсутствовали остатки скелетов умерших. Так, например, в кургане близ д. Давлетша (Абзелиловский р-н) и Исянбэт (Баймакский р-н) под камнями найдены обломки глиняных сосудов, бронзового зеркала, железного ножа, стеклянные бусы, которые ориентировочно датируются V–IV вв. до н. э. и непременно указывают на наличие здесь человеческих захоронений. Такие же находки являются обычными и для остальных раскопанных курганов (например, курган Кушалыкуак близ г. Сибая)¹. Сейчас установлено, что умерших хоронили либо в мелких могилах глубиной 20–30 см, либо на поверхности земли, на каменистом грунте. Умершие могли быть уложены внутри невысоких бревенчатых срубов, деревянных колод; встречены случаи захоронения в каменных ящиках, состоящих из вертикально поставленных каменных плит вдоль стен мелких могил².

Описанные каменные курганы на Южном Урале были возведены в то время, когда здесь проживали геродотовские аргиппеи, аримаспы и исседоны, а также даи. Выше нами была обоснована мысль о том, что даи представляли основную группу кочевого населения региона и ими оставлены большие земляные насыпи в степи. Остается предположить, что каменные курганы могли принадлежать исседонам или аргиппеям, или аримаспам. В связи с этим хотелось подчеркнуть, что, по-видимому, указанные этнонимы были близки к вариантам, произносимым у самих представителей названных племенных групп. Об этом заставляет думать сохранение на Южном Урале названия реки Исеть, которое, по мнению К. В. Сальникова, возникло от этнонима исседоны³.

¹ Савельев Н. С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак – I в восточных предгорьях хребта Иреыдык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 92–104.

² Пиеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников... С. 90; Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 82.

³ Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 115, 116.

Изучение каменных курганов пока находится на начальной стадии, но накопленные материалы ясно указывают, что на Южном Урале они возникли неожиданно в результате массового переселения сюда новой группы населения. В плане выявления происхождения создателей каменных курганов весьма интересной выглядит мысль, изложенная в книге 1994 г. Ее подсказал выдающийся башкирский тюрколог Дж. Г. Киекбаев, который, получив информацию об устройстве каменных курганов, назвал их «бағырык» (слово древнетюркского происхождения), т. е. могилы, заваленные камнями. В заключение он отметил, что каменные курганы Южного Урала, скорее всего, относятся к тому же типу курганов, как всемирно известные курганы Пазырыкской культуры Алтая VI–III вв. до н. э.¹ Данная мысль профессором Дж. Г. Киекбаевым была высказана еще в 1972 г., но она получает подтверждение в новейших исследованиях на археологическом материале. В поисках происхождения каменных курганов Южного Урала молодые археологи их сравнивают и генетически связывают с кочевыми племенами Алтая, оставившими курганы пазырыкского типа (Н. С. Савельев из Уфы, Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин из Барнаула и другие)². На фоне убедительных фактов этот вывод трудно опровергать. Приведенный пример с профессором Дж. Г. Киекбаевым очень показателен в плане полезности привлечения лингвистических и этнографических материалов для раскрытия значения археологических фактов, которые, на первый взгляд, не обладают информацией о смысловом их значении.

Богатые материалы курганов служат ценным источником для суждения об особенностях религиозных верований кочевников Южного Урала VII–II вв. до н. э. В частности, они свидетельствуют о том, что у скотоводческих племен окончательно сформировалась относительно единая система религиозных верований, являющаяся одним из вариантов зороастрийской религии – маздеизмом.

¹ Древние тюрки, в том числе и древние предки башкир, такие каменные сооружения называли «бағырык». Эту информацию в 1972 году автору сообщил профессор-тюрколог Дж. Г. Киекбаев, осмотревший один из каменных курганов в Баймакском районе. Правдивость этого мнения подтверждают такие факты: тувинцы каменные курганы называют «пазырык» (В. П. Дьяконова. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 44). Пазырыками называли всемирно известные курганы Алтая с мощными каменными набросками в насыпи.

² Тишкин А. А. Комплекс объектов раннескифского времени около устья р. Бийке на Алтае // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006; Савельев Н. С. Указ. соч.

На территории Средней Азии и Ирана в VII–V вв. до н. э. происходит формирование зороастрийской религии во главе с богом Ахура Маздой, и она становится официальной религией государств этого региона. Это значит, что предписания религиозного учения становятся обязательными для всех жителей государства, а наиболее важные обряды совершаются во главе с его правителем. Отмечались такие общенародные праздники, как один из наиболее почитаемых – праздник воскресающей природы (Науруз), культа предков и огня.

Одной из особенностей зороастрийской религии было то, что во главе каждого природного явления стояли свои боги-покровители и представляли их в виде обобщенных человеческих образов. Так, например, покровителя праздника Науруз жители Средней Азии представляли в виде молодого юноши, а покровителем всего живого и птичьего мира является эпический герой древних тюрков Хуми¹. В мифологии древних иранцев ему соответствует «блистающий богатыми стадами» Йима, а в башкирской – Һәмәй². Исследователи уже давно пришли к общему заключению о том, что мифический образ Хуми-Йима-Һәмәй и другие варианты возникли на основе единых религиозных представлений³.

Оба упомянутых эпических персонажа Науруз и Хуми зафиксированы в письменных источниках о народах Средней Азии сако-массагетского времени: они же издревле были известны и башкирам. Например, богиня Һәмәй (Хумай) является одним из основных персонажей в героическом эпосе «Урал-батыр» и многих других сказаний, богатых сюжетами из жизни древнейших скотоводов края. Отмеченные параллели дают основание утверждать, что дахо-массагетским, исседонским племенам Южного Урала и их соседям были хорошо известны основные божества зороастрийского пантеона. В пользу этого мнения говорят удивительно близкие сюжетные параллели персонажей эпоса «Урал-батыр» и мифология древних народов Средней Азии.

В идейно-композиционном плане башкирский эпос «Урал-батыр» ничем не выделяется в мифологии древних народов Азии и Европы. Основу сюжета составляют религиозно-философские дуалистические представления о том, что возникновение и развитие жизни есть единство борьбы двух противоположных начал: добра и зла, света и тьмы и т. п. Эта тема выведена в эпосе противостоянием родных братьев –

¹ Раппопорт Ю. А. Из истории древнего Хорезма. М., 1971. С. 82–118; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 281–338.

² Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Уфа, 1987. С. 35–134.

³ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 119–133.

Урала и Шульгана. Первый стоит во главе добрых сил, его цель – найти живую воду и победить смерть на земле. В поисках воды герой пускается в странствия по свету, в ходе которых не раз встречается с братом Шульганом – воплощением зла. На стороне последнего выступает царь-людоед Катил, чудовищный царь драконов Кахкаха. Они неоднократно пытаются убить Урал-батыра, направляя на него то быка-великана, то многоглавого змея-дракона. Однако Урал-батыр также имеет защитников. Ему активно помогает Һомай – дочь солнца, царица птичьего и животного мира. Она дарит ему крылатого коня Акбузата и добывает живую воду. Желая принести счастье людям, Урал-батыр обрызгал водой все вокруг, и земля приобрела цветущий зеленый цвет. Урал-батыр сделал бессмертной природу, землю, но не людей. Сам он тоже оказывается беззащитен и в борьбе с Шульганом погибает. Һомай и сыновья Урал-батыра прибывают после его смерти на Урал. Вместе с ними горы заселяют птицы и животные. Сыновья булатным мечом Урал-батыра разрубают горы и на этих местах появляются полноводные реки – Яик, Агидель, Нугуш и Сакмара¹.

Из перечисленных выше персонажей явно среднеазиатские черты несут образы быка – хранителя дворца и царя змей – дракона Кахкаха. В мифологии древних народов Средней Азии им соответствуют бык-хранитель дворца-власти и Дахкака, наделенные одними и теми же свойствами². На основе совпадения идейного содержания персонажей и сходства имен можно даже высказать предположение о том, что имя персонажа эпоса «Урал-батыр» Кахкаха есть башкирский вариант произношения имени Даххак, восходящего, по мнению С. П. Толстова, к имени Аж-Дахак – одного из персонажей зороастрийской религии³. Упоминаемые в эпосе персонажи, связанные с животными, птицами и змеями-драконами (бык-хранитель, Кахкаха, Һомай и др.), связаны с тотемистическими представлениями древнейшего населения края.

В связи с важностью эпоса «Урал-батыр» как исторического источника для суждения об идеологических представлениях племен Южного Урала раннежелезного века актуальным становится определение примерного времени его окончательного сложения. Кроме отмеченных выше параллелей в сюжетах и персонажах с мифологией народов Средней Азии VI–I вв. до н. э., не менее важным критерием здесь служит резкое различие по тем же моментам с эпическими памятниками на-

¹ Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. С. 35–134.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 292–303.

³ Там же. С. 293.

родов Степной Евразии раннего средневековья (VI–X вв.). Последние уже несут четкий отпечаток сложившихся религиозно-философских представлений эпохи раннефеодальных государств и раннего ислама (Тюркский каганат, раннесредневековый Хорезм, Согд и др.). Эти два взаимоисключающих аргумента позволяют утверждать, что эпос «Урал-батыр» не мог сложиться позже VI в. н. э. и, скорее всего, в развитом виде существовал во времена дахо-массагетских и исседонских племен, т. е. в раннежелезном веке.

Мифология представляла специфическую область духовной культуры, которая не заимствовалась соседними народами так же легко, как, например, технические изобретения. Необходимым условием восприятия и распространения было непременно участие этноса в качестве передатчика новым поколениям или новым группам людей¹. Отсюда следует вывод, что уже со времени V–I вв. до н. э. (широко от VI в. до н. э. до V в. н. э.) на Южном Урале существовал этнос – носитель религиозно-философских и космогонических представлений, отраженных в эпосе «Урал-батыр». В этом смысле дахо-массагетские, исседонские племена этого времени можно рассматривать как один из древнейших компонентов, сыгравших важную роль в сложении древнебашкирского этноса.

Если на территории Средней Азии зороастризм существовал как официальная религия государств, то у кочевников Казахстана, Центральной Азии, Южной Сибири, Южного Урала и Нижнего Поволжья основные идеи зороастризма тесно переплелись с местными религиозными культами, имели свои особенности. Поэтому принято отличать ортодоксальный, или официальный, зороастризм от его периферийных вариантов, называемых маздеистскими. В соответствии с этим положением религию скотоводческих племен Южного Урала лучше также классифицировать как маздеистскую².

Маздеистский характер религии южноуральских скотоводов нашел ясное отражение в материалах курганов. В них, например, обнаружены мощные кострища вблизи могил на уровне древней поверхности земли, под насыпями. Создается впечатление, что, когда над деревянным могильным перекрытием строили насыпи, оставался открытым вход вовнутрь и через определенное время он поджигался: по мере сгорания деревянной конструкции насыпь разрушалась, засыпая тем самым огонь. Есть редкие случаи сожжения трупов.

¹ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 222–284.

² Смирнов К. Ф. Савроматы. С. 253.

Значение мощных кострищ под курганными насыпями можно понять, если иметь в виду то, что у тогдашних народов Средней Азии культ огня по своей значимости считался одним из главных: огонь отождествлялся с небосводом, солнцем, олицетворявшим главного бога Ахура Мазду. Массагеты также почитали солнце своим владыкой. Известно, что в городах Средней Азии возводились храмы, где горели священные огни и приносились жертвы.

Таким же почетным считался культ огня у дахо-массагетов, живших в степях между Северным Каспием и Южным Уралом. О них, например, Геродот пишет, что «собравшись в одном месте, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода приходят в состояние опьянения, подобно тому как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение: пока наконец они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают песни...»¹. «Единственный бог, которого они почитают, это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете»².

В рассматриваемое время на Южном Урале мог сложиться культ воды, в честь которой также приносились жертвы, в том числе человеческие. На это указывает сюжет героического эпоса «Урал-батыр», где, чтобы умиловить покровителя воды, умерщвляли девушек³.

Есть все основания считать, что высшего расцвета достигает культ птиц, покровительницей которых выступает богиня Номай. Это явление прямо связано с канонизацией в древнейших государствах Средней Азии (Кангуй, Хорезм, Согд и др.) зороастрийской религии, в культе которой птицам отводилось важное место. Культ птиц нашел яркое отражение в празднике предков (культе предков), отмечаемом ранней весной, «когда вешние воды потекут, когда птицы прилетят, когда трава будет зеленеть».

Для последователей зороастризма весна была особенно памятна по следующей причине. Согласно учению, прежде чем погребать умерших, их трупы должны быть выставлены на возвышенные места на съедение птицам или зверям, но только два раза в году, «когда птицы прилетят» или поздней осенью, когда трава желтеет и листья начнут опадать. Если человек умирает не в это время, говорится в религиоз-

¹ Геродот. Указ. соч. С. 78.

² Там же. С. 75, 79.

³ Башкирское народное творчество. Эпос... С. 52.

ных текстах, то его «бездыханное тело должно лежать в специальных домах для мертвых один день... десять... семьдесят... дней, пока не прилетят птицы...». Предписывалось, что труп своим прикосновением не должен был осквернять три природные стихии: воду, огонь и землю. В этих целях предписывалось, чтобы трупы были уложены на подстилки, дерево или что-нибудь в этом роде.

Как говорилось во второй главе, главным в обряде выставления трупов было содействие душам умерших улететь при помощи птиц в царство Ахура Мазды с тем, чтобы вновь вернуться в жизнь в виде капель дождя или различных других природных явлений. Очищенные кости человека складывались в глиняные сосуды, гробики (оссуарии) и хоронились в земле. На территории всей Средней Азии такой вид захоронения был господствующим в период от VII–VI вв. до н. э. до начала VIII в., когда в этом регионе утвердилась мусульманская религия.

У скотоводческих племен степей Евразии, исповедовавших маздеистскую религию, этот обряд приобрел различные оттенки. Здесь, на Южном Урале, умерших хоронили на поверхности земли (внутри срубов) с сооружением каменной насыпи над ними или в мелких могилах на вершинах гор. Это полностью соответствует требованиям зороастрийского погребального обряда. Данное мнение подкрепляется материалами башкирского фольклора. В эпосе «Урал-батыр» не раз упоминается о принесении человеческих жертв птицам, о выбрасывании трупов умерших на съедение птицам.

При раскопках Мечетсайского кургана V в. до н. э. в погребении со следами трупосожжения был найден пучок обугленных прутьев тополя длиной в 60 см. К. Ф. Смирнов считает, что у дахо-массагетов такие прутья служили средством гадания, как, например, у скифов. Геродот сообщает, что скифы «гадают с помощью множественных прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от скифов»¹. У древних почитателей зороастрийской религии пучки прутьев относились к числу священных средств гадания, поэтому широкое распространение этого способа гадания у тогдашних кочевых племен Евразии следует объяснить как результат ее влияния на них.

¹ Смирнов К. Ф. Сарматы... С. 255, 256; Геродот. Указ. соч. С. 203.

Общественный строй и историческая судьба дахо-сако-массагетов и исседонов. Оба эти вопроса в исторической науке пока разработаны очень слабо, но объективная их реконструкция имеет ключевое значение для понимания особенностей развития общественной жизни племен Южного Урала последующих времен, вплоть до XVII–XVIII вв.

До недавнего времени среди историков древности было распространено мнение о том, что общество племен края дахо-массагетского круга было типично патриархально-родовым. Согласно этому представлению, основу общества составлял род, объединяющий несколько родственных семейных коллективов во главе с вождем. Род имел коллективную территорию обитания, скот и другие формы богатства, которые также считались коллективной (родовой) собственностью. Несколько родовых родственных коллективов объединялись в племя, а те, в свою очередь, в союзы, избирающие своих правителей-вождей. Исследователи, настаивая на такой реконструкции структуры общественной жизни ранних скотоводов Южного Урала, тем не менее особо выделяли два момента:

а) четко выраженный военно-всаднический характер быта основной части населения, и потому полагали, что племена края находились тогда на стадии выделения особой группы людей-воинов, т. е. на стадии разложения родового строя (эпоха военной демократии);

б) сильные пережитки у них родового строя по сравнению с кочевниками Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья, Южной Сибири и Казахстана. Впервые эту мысль ясно сформулировал Б. Н. Граков¹, его поддержали и другие историки². Она нашла свое отражение даже в работах последних лет³.

По мере накопления исторических фактов примитивный характер такой реконструкции вынужден был признать К. Ф. Смирнов – самый крупный знаток истории и культуры скотоводческих племен юга Восточной Европы рассматриваемого времени. Он пришел к заключению, что общество этих народов в социальном отношении было сильно дифференцированным и в нем, как повсюду у скифов Северного Причерноморья, саков Казахстана, уже выделился социальный слой родоплеменных вождей, жречества, сосредоточивший в своих руках куль-

¹ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3. 1947.

² Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 198–215.

³ Алексеев В. П., Мартынов А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. С. 115–117.

товые обряды, воинов-дружинников и их предводителей и крупных собственников земли и скота. Он был склонен считать, что существование различных социальных групп внутри родо-племенных коллективов требовало различных форм их погребения, и этим объяснял разнообразие типов могил, насыпей курганов и погребального инвентаря умерших. Для развития общественных отношений у племен Южного Урала, согласно его мнению, определяющее значение имели активные торговые и политические связи со странами Средней Азии, Ближнего Востока, прежде всего Древней Персии¹.

Древние письменные источники недвусмысленно указывают на то, что кочевые племена Поволжья и Северного Причерноморья, Казахстана и Средней Азии, родственные с дахо-массагетами и исседонами Южного Урала по культуре и происхождению, объединялись в крупные союзы, которые современные исследователи классифицируют как своеобразные кочевые государственные образования².

Например, общеизвестно, что, когда разразилась скифо-персидская война 512 г. до н. э., вызванная вторжением персов в Северное Причерноморье (Скифию) с Дарием I во главе огромной армии, на помощь скифам пришли соседи и их войска возглавили свои цари³. Другим ярким примером являются сако-массагеты, которые во главе со своей царицей Томирис оказали упорное сопротивление отцу Дария I Киру II и убили его в одном из сражений в 530 г. до н. э.⁴

Конкретные материалы о классовом характере общества скотоводов-кочевников степей Евразии получают при раскопках археологических памятников. В частности, в различных районах Казахстана (Бесшатыр) и Южной Сибири (Аржан, Пазырык, Большой Салбык) раскопаны огромные по размерам (диаметр в среднем 80–110 м, высота 8–10 м) курганы, насыпанные над могилами местных царей и родо-племенной знати. Интересно, что по объему затраченного на сооружение человеческого труда каждый подобный курган почти в тысячу раз превосходит небольшой курган, под которым погребен рядовой скотовод-кочевник.

Социальный контраст между бедными и богатыми кочевниками Евразии того времени носит еще более контрастный характер в составе

¹ Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы... С. 88; Он же. Сарматы на Илеке... С. 150–175.

² Мартынов А. И. О развитии государственности у древних народов Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 1. Новосибирск, 1988.

³ Геродот. История... С. 213.

⁴ Там же. С. 79.

находок из могил. В могилах рядовых скотоводов он либо отсутствует, либо состоит из минимума традиционных предметов – одного или двух глиняных сосудов, наконечников стрел, кинжала и остатков мясной пищи. Могилы же знати содержат много изделий из золота и серебра.

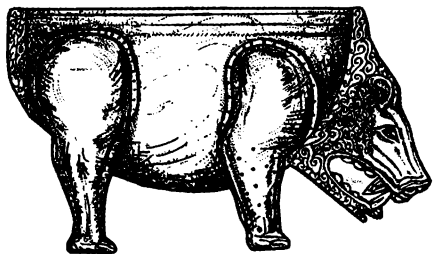
В этом отношении особенно примечателен курган «Иссык», оставленный одной из групп сакских племен V–IV вв. до н. э. и раскопанный недалеко от Алма-Аты. Курган диаметром 60 м, высотой 6 м был сооружен для погребения особо знатного человека, но его могила оказалась полностью ограбленной современниками умершего. Насколько он был богатым, можно узнать по могиле, которая располагалась под полой насыпи и потому считалась второстепенной по сравнению с центральной. В ней обнаружены останки молодого мужчины, принадлежавшего к кочевой знати. Головной убор, кафтан, обувь (сапоги) умершего были сплошь украшены тысячами золотых пластин-нашивок, золотом украшено его оружие, поясные ремни, и многие украшения состоят из золота. Всего здесь найдено более 4000 золотых предметов¹. В могиле, кроме того, было много глиняных, серебряных, бронзовых, деревянных сосудов, деревянных подносов и т. д. Надо полагать, что такие же несметные сокровища содержали и сотни других больших курганов степей Евразии, но, к сожалению, они оказались разграбленными и от бывшего роскошного инвентаря в распоряжение науки поступают лишь единичные вещи.

Редким исключением из этого общего правила служит Филипповский курган на юге Оренбургской области, раскопанный в 1987–1988 гг. Пшеничнюком А. Х.² Он имел диаметр около 100 м, высоту более 9 м, был насыпан над обширной могилой (21x19 м, глубина 2 м), имевшей в одной из стенок углубление-склеп, где производилось захоронение. Вероятно, эта обширная погребальная камера была оборудована бревенчатым срубом с дощатым полом и потолком, а сверху, на уровне древней поверхности, – многорядным бревенчатым накатом.

К могиле вел длинный узкий наклонный коридор-дромос, вход в склеп (могилу) был оформлен в виде дверей или ворот, опиравшихся на толстые деревянные столбы. Над могилой на уровне древней поверхности земли прослежены остатки большого и сложного бревенчатого сооружения площадью не менее 100 м². Возможно, это был многокамерный сруб с последующим бревенчатым накатом сверху. Следы

¹ Акишев К. А. Курган «Иссык». М., 1978.

² Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Уфа, 1989. Золотые олени Евразии. Евразияның алтын боландары. СПб., 2002.

Одна из деревянных чаш, обложенных золотым украшением в виде ног и головы хищника. Филипповский курган

заполнила внутреннее пространство деревянного сооружения, образовав на вершине кургана впадину (яму) диаметром около 40 м, глубиной около 6 м.

Раскопки показали, что курган в древности многократно грабили, о чем свидетельствуют следы наклонных грабительских траншей через насыпь и горизонтальных под ней. В одной из траншей найдены два бронзовых котла на высоких поддонах емкостью 60–80 литров: видимо, яму завалило и грабители не успели унести свои ценные находки. Несмотря на неоднократные ограбления, внутри могилы найдено около 1000 различных золотых предметов: от мелких бусин до фрагментов крупных вещей. Среди них необычными являются большие фигуры оленя с ветвистыми рогами; высота фигур около 50 см, длина туловища 25–30 см. Фигуры вырезаны из дерева, но обложены золотыми пластинами. Имеются высказывания археологов о том, что фигуры оленей могли быть запряжены в мифическую колесницу (или сани), в которых умерший отправлялся в загробный мир.

Сверхнеожиданными явились два тайника в небольших ямах вблизи основной могилы. В них находилось по одному деревянному сундуку, обложенному сверху золотыми пластинами. В сундуках оказалось много деревянных чаш, уложенных одна в другую, золотые и серебряные сосуды, чаши. Один двуручный золотой кувшин принадлежит к числу шедевров мирового значения: его ручки выведены в виде фигуры горного козла в прыжке. Каждая деревянная чаша украшена золотыми обкладками, выполненными путем литья,ковки. Обкладки выполнены в «зверином» стиле и изображают фигуры оленей, верблюдов, птиц, всадника и других. Все они отличаются высоким мастерством исполнения.

всего этого сооружения образовали мощный древесный слой, при расчистке которого были зафиксированы бревна и другие детали. Удалось также выяснить, что поверх бревенчатого сооружения укладывались ветки от срубленных деревьев и засыпались большой земляной насыпью. Она строилась из больших дерновых блоков. С течением времени бревна сгнили и земля

Важный дополнительный материал о Филипповском памятнике получен в кургане 13, раскопанном в 2004 г. археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством профессора Л. Т. Яблонского. Его диаметр равнялся 66–54 м, высота 3,5 м. В центре кургана находилась большая могила размером приблизительно 7,3х6,3 м, глубиной 214 см. Как и в ранее раскопанных курганах, к могиле вел длинный коридор (дромос), который трапециевидно спускался вглубь. На уровне дна могилы с северо-востока и юго-запада к могиле вели два длинных коридора – подземные ходы, назначение которых остается неясным. Такие же подземные коридоры известны по первому Филипповскому кургану, Бесшатырскому Южного Казахстана, и исследователи не могут точно объяснить их назначение. Высказано несколько предположений: а) они строились одновременно с могилой и предназначались для посещения сородичами могилы умершего; б) они строились для ограбления, но многие не разделяют это мнение. Примечательно, что такие подземные коридоры известны в египетских пирамидах и, скорее всего, предназначались для совершения каких-то действий по общению с душой умершего.

Тринадцатый курган оказался тоже ограбленным, но в нем найдены не менее интересные находки: серебряная позолоченная чаша работы средиземноморских ювелиров, железный меч, колчаный крючок с изображением головы животного, золотые нашивки на одежду. Л. Т. Яблонский дату Филипповских курганов определяет V–IV вв. до н. э.¹

*Реконструкция костюма
вооруженного кочевника-воина
по материалам Филипповского
кургана (по Л. Т. Яблонскому)*

¹ Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. З. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.

Поразительно, что абсолютное большинство находок Филипповского кургана повторяют форму находок, обнаруженных в сотнях курганов Сибири, Казахстана и юга Восточной Европы рассматриваемого времени. Не подлежит сомнению, что они выполнялись в одних ремесленных центрах и распространялись среди родственных по культуре народов. Одним из таких центров мог быть Южный Урал и территория Южного и Западного Казахстана.

Открытие, сделанное в Филипповском кургане, имеет мировое значение в плане изучения древней истории Южного Урала. Оно убедительно доказывает, что у дахо-массагетских племен края имелись отдельные лица, обладавшие несметными сокровищами. Если учесть, что найденные предметы являются лишь золотым выражением богатства и за ними стоят еще тысячи голов скота, тысячи зависимых людей и беспредельные земельные угодья, то нетрудно представить реальную власть этого человека над соплеменниками и, возможно, над всем населением Южного Урала V—III вв. до н. э. Важно подчеркнуть, что по количеству и набору предметов из золота, серебра, бронзы, высокому художественному мастерству, с которым они исполнены, Филипповский курган стоит рядом с самыми выдающимися памятниками кочевников Евразии этого времени.

Филипповский курган является одним из сотен курганов подобного типа на Южном Урале. Их очень много в Баймакском, Хайбуллинском и других южных районах Башкортостана, в Оренбуржье и Челябинской области. В Уральской области Казахстана известен курган высотой 18 м, диаметром 160 м. По аналогии с Филипповским можно утверждать, что все они принадлежат ранним кочевникам края эпохи раннего железного века и являются памятниками, сооруженными над могилами особо знатных лиц государства.

Однако, признавая раннеклассовый характер общества дахо-массагетов и исседонов, существование у них своих государственных образований, не следует преувеличивать значение Южного Урала как самостоятельного культурно-политического центра. В условиях, когда по характеру культуры, быта и происхождению скотоводческие племена Южного Урала выступают как составная часть кочевников казахстанских, приаральско-каспийских степей, достигнутый высокий уровень социального развития следует рассматривать как общее достижение народов этого региона. К этому побуждает хотя бы то, что южноуральские степи уже в то время представляли необходимый объективный фактор существования скотоводческого хозяйства, основан-

ного на перегоне табунов лошадей с юга на север и обратно в зависимости от периодов года.

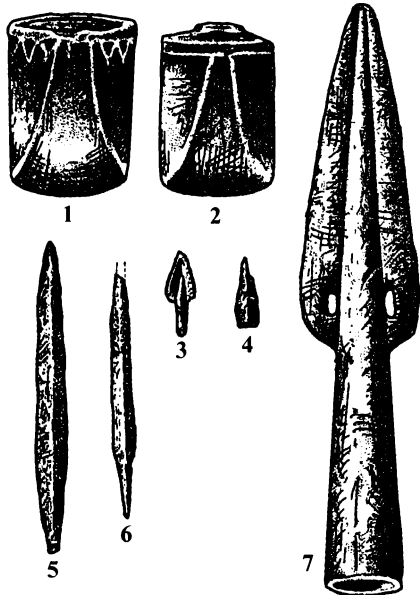
Племена лесной и лесостепной зоны Южного Урала. Различия в физико-географических условиях обитания оставили яркий отпечаток в образе жизни и материальной культуре населения региона. Соответственно этому племена лесостепных и лесных районов существенно отличались от кочевников степей ярко выраженным оседлым характером жизни. Среди них особо выделяются племена ананьинской и карабызской культур Западного Приуралья и иткульской, гороховской и сарматской культур Восточного Зауралья.

Племена ананьинской культуры. Дахо-массагетские племена в лесостепных районах Западного Приуралья соседствовали с оседлыми скотоводческо-земледельческими племенами, условно именуемыми ананьинцами (по названию первого хорошо изученного могильника близ дер. Ананьино на р. Кама). В VIII–II вв. до н. э. ананьинские племена широким массивом расселялись по рр. Белой и Каме со всеми притоками, и в этом отношении группы ананьинцев по Западному Приуралью (бассейн р. Белой) представляли лишь часть многочисленных, но родственных по происхождению и культуре племен по всему бассейну р. Камы. Очевидно, Геродот имел в виду ананьинские племена, когда писал, что в далеком лесном краю, расположенном к северо-востоку от черноморских скифов, живут фиссагеты – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки¹.

Лесные условия наложили глубокий отпечаток на образ жизни и культуру ананьинских племен. Например, в отличие от кочевников-степняков они имели постоянные поселения на берегах рек и озер². Самым оригинальным видом памятников являются городища-крепости, которые строились на высоких и узких мысах, образованных оврагами и излучиной русла рек. Как правило, такие мысы имели вертикальные склоны, а в необходимых случаях склоны специально срезались на высоту 4–6 и более метров, чтобы по ним враги не могли пробраться в крепость. С напольной стороны она защищалась одним или двумя-тремя высокими земляными валами, образованными путем рытья рядом широкого и глубокого рва. Чтобы вал не заплывал, его фундамент

¹ Геродот. История... С. 192.

² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30. М., 1952; Пшеничник А. Х. Карабызская культура // АЭБ Т. V. Уфа, 1973; Он же. Шиповский комплекс IV в. до н. э. – III в. н. э. // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

*Материалы из памятников
ананьинской культуры:*

1, 2 – втульчатые топоры;
3–6 – наконечники стрел;
7 – наконечник копья

них особо крупными размерами выделяются городища на горе Петр-Тау (Дюртюлинский район), Бирское, Костаревское (Бирский район), Уфимское (Чертово), III Уфимское (территория города Уфы), Шиповское, Охлебининское (Иглинский район) и другие. На них до сих пор зияют высокие земляные валы и глубокие рвы, защищавшие крепость от неприятеля. Есть обоснованное предположение археологов о том, что ананьинским племенам были широко известны бревенчатые наземные дома.

При раскопках городищ и селищ повсеместно находят кости домашних и диких животных. Их анализ показывает, что ананьинские

строился из плетня или бревенчатых стен. Над валами дополнительно сооружались ряды высоких частоколов.

Сейчас в бассейне р. Белой таких ананьинских городищ-крепостей выявлено несколько десятков, но наиболее изученным среди них является городище Тра-Тау в районе устья реки (Краснокамский район), защищенное пятью валами и рвами. На нем открыты 7 жилищ-полужемлянок, имеющих в плане прямоугольную форму площадью в среднем 30–40 м². Как правило, жилища слабо углублены в землю. Очевидно, они состояли из бревенчатого сруба с одно- или двухскатной крышей. Отапливались они очагами, сложенными прямо на полу.

Развалины таких монументальных городищ обнаружены по всему побережью р. Белой¹. Среди

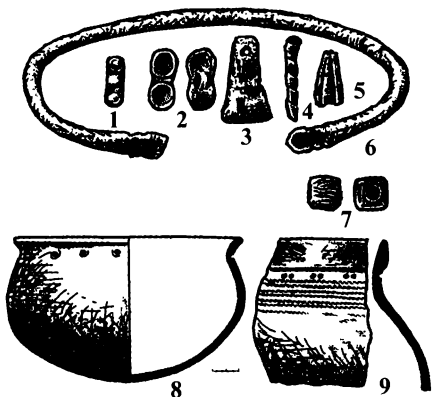
¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1997. С. 61–70; Иванов В. А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 199–215; Овсянников В. В., Савельев Н. С., Акбулатов И. М., Васильев В. Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.

племена в своем хозяйстве разводили все виды домашних животных, традиционные для оседлых народов: корову, лошадь, мелкий рогатый скот и свинью. О занятии населения земледелием свидетельствуют каменные зернотерки, где молось зерно, и многочисленные ямы для его хранения.

Бросается в глаза следующая особенность расселения ананьинских племен на участке р. Белой от г. Стерлитамака до г. Уфы. Здесь расселялась самая южная группа ананьинцев, но занимала она правобережье, т. е. предгорную, более лесистую зону. Открытое левобережье, удобное для кочевого скотоводства, принадлежало дахо-массагетским племенам, о чем говорят расположенные здесь курганы, одновременные с ананьинскими городищами.

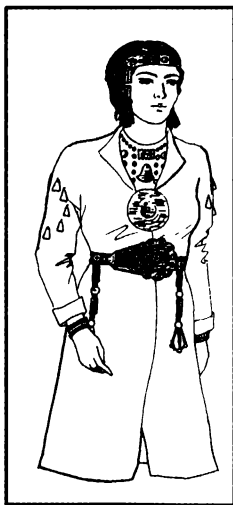
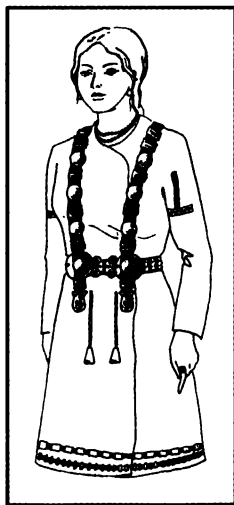
Этнографические особенности культуры ананьинских племен особенно хорошо проявляются в форме и орнаментации глиняной посуды. Она изготовлена ручным способом из глины, куда примешивалась мелкотолченая раковина. Сосуды невысокие, широкогорлые, с округлым дном: по краю горла они украшены отпечатками тонкой веревки и крупными ямками.

Раскопки ананьинских городищ показали, что среди их материалов много обломков глиняных сосудов, по форме ничем не отличающихся от дахо-массагетских. Это бесспорно указывает на то, что ананьинские племена постоянно общались с дахо-массагетами, которые приезжали из степей в предгорья Урала чаще всего эпизодически, на весенне-летний сезон (летовки). Но какая-то часть скотоводов под влиянием местной среды постепенно оседала, о чем свидетельствуют многочисленные курганные могильники, которые функционировали на протяжении длительного времени в окружении ананьинских племен. Это взаимное общение привело к тому, что в культуре местного оседлого населения, начиная с рубежа V–IV вв. до н. э., возникло много новых элементов, отличающих ее от культуры основной массы ананьинских

Материалы из памятников ананьинской культуры:

- 1–5 – пластинчатые украшения;
- 6 – браслет;
- 7 – стеклянная бусина;
- 8, 9 – глиняные сосуды

*Реконструкция костюма
женщины карабызской
культуры.
Рубеж нашей эры
(по А. Х. Пшеничнику)*

племен Прикамья. Из-за того своеобразия материала ананьинских памятников бассейна среднего течения р. Белой среди археологов утвердилось мнение о целесообразности выделить их в самостоятельную карабызскую культуру (V в. до н. э. – II в. н. э.) На наш взгляд, карабызскую группу памятников V–III вв. до н.э. лучше назвать как среднебельский (карабызский) вариант единой ананьинской культуры. Эти же памятники, но уже II в. до н.э. – II в. н.э. мало чем отличаются от синхронных памятников Среднего Прикамья и нижнего течения р. Белой и их следует рассматривать в рамках пьяноборской культуры.

Судя по материалам могильников, карабызские племена имели развитую металлургию меди и бронзы. Это видно в массовом распространении среди них роскошных поясных ремней, нагрудных украшений, наконечников, нашивок на подол платья из широких бронзовых пластин, проносок, а также проволочных браслетов, серег, височных подвесок. В широком хождении были массивные бронзовые зеркала, пряжки-застежки и другие предметы. В погребениях много ожерелий из стеклянных бус южного происхождения. Не вызывает сомнения, что они проникали на Урал в результате торгового обмена. Своеобразие культуре карабызских племен придает богатый набор оружия – бронзовые, железные: и костяные наконечники стрел, железные наконечники копий, мечи.

Следует отметить, сложение в раннежелезном веке двух историко-хозяйственных областей – кочевого скотоводства в зоне степей и оседлого скотоводческого землевладения в лесо-степной зоне – становится важнейшим фактором развития социально-политической и этно-

культурной истории населения Южного Урала во все периоды истории края вплоть до начала XX в.

Племена Южного Зауралья в эпоху раннежелезного века. Наши познания о культуре и быте племен Южного Зауралья существеннополнились за последние 2–3 десятилетия благодаря успешной работе коллектива челябинских археологов по комплексному изучению памятников всех эпох. История и культура населения Южного Зауралья и прилегающих к нему районов Западной Сибири развивалась в схожей с Западным Приуральем обстановке. Этнический состав племен этого региона тоже был очень пестрым. Например, вдоль центрального хребта и восточных склонов Уральских гор в VII–II вв. до н. э. жили племена иткульской культуры, оставившие после себя городища и открытые поселения, которые застраивались прямоугольными и овальными полуземлянками и наземными бревенчатыми домами¹. Ведущим направлением хозяйства у них было пастушеское скотоводство. Важно подчеркнуть, на ряде иткульских поселений открыты следы металлургического производства в виде литейных форм, матрицы для литейных форм. Следовательно, иткульские племена явились прямыми наследниками развитой металлургии меди и бронзы эпохи бронзы. Анализом химического состава медно-бронзовых изделий из курганов прилегающих районов Южной Сибири и Казахстана доказано, что многие из них восточноуральского (иткульского) происхождения². Следовательно, иткульцы удовлетворяли потребность своих южных соседей в металле.

В бассейне рек Уфа, Исеть, Миас, Уй, Tobол и Ишим (до Иртыша) в VI–I вв. до н. э. жили племена гороховской культуры. Западная граница расселения гороховцев проходила по рекам Юрюзань, Ай и среднему течению р. Уфа. Отсюда видно, по центральному хребту и восточным склонам Уральских гор гороховские племена жили в близком соседстве с местными племенами иткульской культуры, образуя смешанное население³.

¹ Белтикова Г. В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Вып. 21. Свердловск, 1993; Стоянов В. Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала: С древнейших времен до 1861 года. М., 1989; Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. С. 44–60.

² Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1993. С. 118.

³ Древняя история Южного Зауралья... С. 68–94; Матвеева Н. П. О гороховской культуре // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Тезисы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения К. В. Сальникова. Уфа, 1991.

Памятники гороховской культуры представлены городищами, селищами и курганными могильниками. Поселения застраивались жилищами полуземляночного типа квадратной, прямоугольной и трапециевидной формы с преимущественно коридорообразным выходом. Исследователи отмечают более совершенную систему оборонительных линий на некоторых городищах: валы и рвы перед воротами лучше укреплены, имеются башнеобразные выступы (бастионы) по периметру. Археологи подчеркивают, что городища с такой системой укреплений для Зауралья – новое явление и происхождение их объясняется связями с населением Приаралья, где такая архитектура известна с предшествующей эпохи.

Культура и образ жизни гороховских племен по многим признакам сближается с культурой кочевников южных степей. Например, своих умерших они хоронили в мелких могилах под курганными насыпями, а круглодонная глиняная посуда с прямым суженым горлом также типична для ранних кочевников южноуральских степей. Предметы вооружения (мечи, наконечники) и украшений (зеркала, бусы) типологически ничем не отличаются от кочевнических. Своеобразие гороховской культуре придают многочисленные каменные жертвенники-алтари с изображением головы барана и бронзовые литейные фигуры человека.

Примерно на той же территории распространения гороховской культуры (бассейны р. Тобол с притоками) исследователи выделяют саргатскую культуру, основной территорией которой является вся лесостепь Западной Сибири. Ее средняя дата VI в. до н. э. – V в. н. э.¹

На раннем этапе (V–II вв. до н. э.) культура саргатских племен принципиально не отличается от культуры гороховцев. Это видно в примерно одинаковой планировке поселений, жилищ, а также в составе вещевого инвентаря (керамика и другие). Как и гороховцы, саргатские племена повсеместно практиковали подкурганный способ захоронения своих умерших.

В свете этих параллелий напрашивается вывод, что гороховскую культуру было бы лучше назвать как уральский вариант обширной саргатской культуры.

Непосредственными соседями вышеназванных племен были кочевые племена, которым принадлежала вся степь Южного Зауралья. Их

¹ *Матвеева Н. П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993; *Корякова Л. П.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988; *Древняя история Южного Зауралья...* С. 94–118.

культура представлена главным образом курганными могильниками, которые практически мало отличаются от западно-приуральских. Среди них преобладают земляные насыпи вперемешку с камнем, грунтовые могилы с обрядом трупоположения. Но есть случаи трупоположения на грунте, сожжение перекрытия могильных ям. Исследователи эти отклонения от общего правила склонны объяснить влиянием культуры саков Приаралья, для отдельных групп которых они являются обычным явлением.

Основной исследователь памятников раннежелезного века Южного Зауралья А. Д. Таиров на богатом археологическом материале установил, что зауральские племена этого времени по важнейшим признакам образа жизни и культуры были тесно связаны с населением Казахстана, Приаралья. Например, он предполагает существование у них регулярных меридианальных кочевок с юга на север и обратно, а также активное их вовлечение в важные события международной жизни степной Евразии. Приведенная реконструкция этнополитической истории племен Южного Зауралья раннежелезного века полностью совпадает с такой же реконструкцией по Южному Уралу. Заслуживает внимания мысль А. Д. Таирова о том, что внутри племен южноуральского региона происходили миграции племен с востока на запад и обратно, что, видимо, было обычным явлением¹.

По единодушному мнению авторов публикаций, курганы степных кочевников Южного Зауралья VII–II вв до н. э. по устройству и составу находок принципиально не отличаются от одновременных памятников Южного Урала и Приуралья², что служит достаточным основанием рассматривать их как часть единого этнокультурного массива племен. В этой связи необходимо подчеркнуть, что основные исследователи раннекочевнических курганов региона Южного Урала этнически связывают их с савроматами и сарматами, что, на наш взгляд, не соответствует современному уровню науки. Такие утверждения возникли на заре археологической науки Южного Урала; теперь стало очевидно, что савроматы и сарматы, согласно письменным источникам, жили в приазовских степях, в то время как одновременно с ними где-то в южноуральском регионе жили саки, массагеты, даи и другие, о которых много говорилось выше. Следовательно, культуру этих племен следовало бы назвать по этим известным именам: например, дахо-массагетской или даикской, имея в виду, что этноним даик (дахо, даи)

¹ Древняя история Южного Зауралья... С. 167–201.

² Подробно об этом: Там же. С. 119–205.

сугубо южноуральское явление и напрямую связан с названием реки Яик. Мы уверены, что носители иткульской, гороховской и саргатской культур имеют прямое отношение к геродотовским племенам. Распространение на эти племена раннежелезного века подлинного их собирательного имени явилось бы шагом вперед в решении конкретных задач в изучении их истории.

Примером этому могут служить материалы Сасыккульского могильника II–III вв. н. э. (Бакалинский район), где особенно много вещей южных типов (бусы, фибулы, глиняные сосуды, оружие). Все это отражает этапы усиливающегося процесса оседания в крае племен степного происхождения и ассимиляции ими местного финноугорского населения.

Кочевники степной зоны. Около рубежа III–II вв. до н. э. в степях Южного Урала и Поволжья произошли сложные исторические события, серьезно изменившие весь облик культуры местных скотоводческих племен. Перестают функционировать кладбища дахо-сако-массагетских племен из больших земляных курганов и сложных могил (склепы с дромосами), и вместо них широкое распространение получают небольшие земляные курганы, насыпанные над простыми мелкими могилами. Другой разновидностью могил являются квадратные ямы, где умерших хоронили не вдоль длинных стен, как это было раньше, а по диагонали, головой на юг¹. Стены таких могил могли быть традиционно бревенчатыми, но наряду с этим прослежены случаи обкладки их лубками (Имангулово, Оренбуржье).

Инвентарь курганов, по сравнению с предшествующим периодом, сравнительно беден и состоит из глиняных сосудов, наконечников стрел, кинжалов и мечей, рукояти которых заканчиваются кольцевым навершием.

Новым является также обычай деформации головы путем наложения в детском возрасте тугой широкой повязки вокруг лба. В результате голова приобретала удлинненную форму. Такие удлинненные черепа обнаружены в ряде курганов Южного Урала II–I вв. до н. э. (Мечетсай, Темясово)², их значительно больше в Нижнем Поволжье, притом не-

¹ Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала... С. 73; Пшеничник А. Х. Культура ранних кочевников... С. 101–109; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 179–188 и др.

² Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке... С. 173; Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 190; Древняя история Южного Зауралья... С. 223–288.

которые из них с монголоидной примесью¹. Все эти отмеченные новшества одинаково характерны для культуры кочевых племен всего южноуральского региона, включая Восточное Зауралье, что свидетельствует об ее унификации.

Такие серьезные изменения в культуре были вызваны уходом на рубеже III–II вв. до н. э. значительной части сако-дахо-массагетских племен из степей Южного Урала и Поволжья в Северное Причерноморье, где до сих пор жили собственно скифские племена. Пришлые с востока кочевые племена разгромили скифов, в результате там складывается сарматская культура, ознаменовав наступление новой исторической ситуации.

Что же послужило причиной ухода на запад сако-дахо-массагетских племен? Очевидно, их (причин) было несколько, но главной из них было возвышение государства гуннов в Центральной Азии.

Объединение кочевых тюркоязычных племен Центральной Азии произошло в IV в. до н. э. и своего расцвета оно достигает при императоре Модэ (начало правления 206 г. до н. э.). В результате успешных военных действий ему удалось создать мощное государство, западные границы которого проходили по Южной Сибири и Восточному Казахстану. О силе этого государства свидетельствует факт признания власти гуннов со стороны Китая, платившего им регулярную дань.

События, происходившие в степях глубинной Азии, громким эхом отозвались в степях Евразии. Народы, оказавшиеся на пути активных военных действий, стремились спастись движением на запад и север. Этот миграционный процесс народов был усилен во II–I вв. до н. э., когда империя гуннов в результате внутренних противоречий сильно ослабла и внутри самих гуннов начались междусобицы. В ходе ее северная группа гуннов потерпела поражение от южных, и многотысячные их группы вынуждены были уйти на запад, т. е. в степи Южной Сибири, Казахстана, Урало-Поволжья и в Среднюю Азию. Это еще больше усилило движение народов. На археологическом материале, например, четко прослеживается появление на границе лесов и лесостепей Сибири, Урала и Поволжья сотен памятников нового типа с вещами, характерными для южных народов, что свидетельствует о вторжении с юга новых групп населения. Произошло, таким образом, новое

¹ *Том Т. А., Фирштейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. С. 95–103; *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. С. 15–39; *Юсупов Р. М.* Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт. Уфа, 1991. С. 4–8.

Карта № 5. Этнополитическая карта Южного Урала и сопредельных территорий рубежа нашей эры по сведениям письменных источников

смешение народов (племен), языков и культур, и в этом процессе самой активной движущей силой выступили кочевые племена – выходцы из Центральной Азии. Это было началом «Эпохи великого переселения народов», апогей которой приходится на IV–V вв. н. э. Под влиянием гуннов в степях Южной Сибири, Казахстана, Южного Урала, Средней Азии и Поволжья получают широкое распространение монголоидные элементы в антропологическом типе, а также тюркские языки.

Государство гуннов было типичным раннеклассовым, где основу экономики составило кочевое и полукочевое скотоводство. Император (шаньюй) обладал неограниченной наследственной властью. При осуществлении своих функций он опирался на своих советников. Известно, что при Модэ у гуннов существовал сложный государственный аппарат. Чтобы организовать четкий сбор налогов и дани, они проводили учет (перепись) населения; у них возникает письменность и собственное денежное обращение¹.

Мода на удлиненную голову в евразийских степях также распространяется под активным влиянием тюркоязычных кочевых племен Центральной Азии, для которых она, по-видимому, считалась традицией. Об этом говорят упоминания в древнейших письменных источниках о том, что центрально-азиатские кочевники голову ребенку удлиняют путем накладывания на нее деревянных дощечек. Отметим, что число деформированных черепов в курганах населения Южного Урала, Казахстана, Сибири и Поволжья особенно возрастает в V–X вв., когда здесь уже господствовали тюркоязычные племена². Если о гуннах на Южном Урале II в. н. э. – I в. н. э. можно было говорить на основании лишь косвенных данных, то уже во II в. н. э. о них начинают упоминать письменные источники. Например, римский историк I в. н. э. Дионисий знает гуннов, которые жили между Уралом и Северным Каспием. Это же сведение подтверждает известный римский историк II в. Клавдий Птолемей: в его время передовые отряды гуннов в своем движении на запад достигли районов Северного Причерноморья³.

¹ История Сибири. Л., 1968. С. 242–253; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. С. 284–287; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 50.

² Бернштам А. Н. Некоторые данные к этногенезу туркмен // СЭ, 1951. № 4. С. 199, 200; Аскарлов А. А., Буряков Ю. Ф., Ходжаев Т. Х. Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. С. 54–65.

³ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. Вып. 1. 1948. С. 254, 366–367.

Несмотря на политическую активность, по мнению многих историков, гунны в сако-усуньской среде Казахстана, Южной Сибири и Южного Урала составляли численное меньшинство, и здесь со временем верх одержали местные скотоводческие племена¹.

Заметной совместной акцией гуннов (группа юэчжей) и местных сако-усуньских племен явился их совместный поход во II в. до н. э. через Среднюю Азию в Бактрию, завершившийся установлением там господства кочевых племен над местным населением. Как показало недавнее открытие сокровищ бактрийских царей I в. до н. э. – I в. н. э., взяв политическую власть над обширной страной с развитой городской культурой, цари – бывшие кочевники не забыли обычаи и восприятие мира своих предков. Это видно в кочевническом способе захоронений умерших с богатейшим набором погребального инвентаря из тысяч золотых предметов (украшения головных уборов, одежды, обуви и т. д.), значительная часть которых сохранила черты, характерные для искусства кочевников степей Евразии предыдущих веков. Не менее характерна следующая деталь: представители царствующей династии Бактрии, подобно сакам V–IV вв. до н. э., носили роскошные наряды, украшенные 6–10 тысячами золотых предметов². Учитывая отмеченные параллели в культуре, исследователи не без оснований полагают, что в походах юэчжей в Бактрию активное участие могли принять представители из сако-массагетской этнической среды³.

Общество и государства гуннов на всей территории их расселения (Центральная Азия, Алтай, Казахстан, Южная Сибирь и Восточная Европа) состояли из различных по происхождению, образу жизни, культуре и языку племенных групп, поэтому этноним «гунны» следует понимать и употреблять с учетом вышеприведенной оговорки. Этнический состав гуннов претерпевает постоянные изменения, чему способствовали непрерывные войны с Китаем, а также внутренние междоусобицы, послужившие причиной массовых миграций больших этнических групп. Учитывая важную роль гуннов в древней истории Южного Урала и сопредельных территорий, авторы считают целесообразным ознакомить читателя с краткой историей нескольких государственных образований, которые возникли при активном участии

¹ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 79, 80, 144.

² Саррианиди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983; *Он же*. L'or de la Bactriane. Z., 1995.

³ Скрипкин А. С. Указ. соч. С. 119–208.

гуннов и оставили заметный след в древней истории Южного Урала. Среди них особую роль играло государство Кангюй.

Кангюй. Оно сложилось в результате политической активности гуннов в степях Казахстана и Средней Азии в землях по Средней и Нижней Сырдарье и Северному Приаралью¹. Основное его население составляли местные сако-усуньские скотоводческие племена, находившиеся в зависимости от гуннов. Источники дают знать, что престол в Кангюе часто занимали представители либо гуннской, либо китайской ориентации². Об экономической и политической мощи Кангюя этого времени свидетельствует также появление десятков крупных и сотен мелких крепостей, окруженных мощными стенами. С этого момента Кангюй взял под свой контроль этнокультурные и торговые связи племен южноуральского региона с народами Средней Азии. Археологический материал указывает на то, что от активности интересов Кангюя на северных границах зависел темп и характер развития политической и культурной жизни населения Южного Урала.

По свидетельствам древнекитайских историков первых веков нашей эры, Кангюй вывозил в виде дани из страны Янь дорогие меха. В них говорится, что «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани (совр. Коканд) на северо-запад», а «в 2000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай, которое имеет до 100 000 войска и в обыкновениях сходствует с Кангюем. Оно прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть северное море». По единодушному мнению современных комментаторов, древнекитайские историки под этим северным морем подразумевали Каспийское море³ и, таким образом, страна Яньцай включала сако-усуньско-гуннские земли по Северному Прикаспию.

Севернее страны Яньцай и Кангюя находилось «владение (читай страна. – Н. М., А. С.) Янь; ...состоит в зависимости от Кангюя, которому подать платит кожами зверьков мышинной породы». Такой страной, богатой пушниной, на севере от Кангюя мог быть только Южный Урал. Учитывая зависимое положение населения, Южный Урал этого времени можно рассматривать как северную окраину обширного государства Кангюй.

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. II. С. 150–152; Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990. С. 10, 11; Гумилев Л. Н. Хунну. СПб., 1993.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. II. С. 153–170, 184–186 и др.

³ Там же. С. 150, 229.

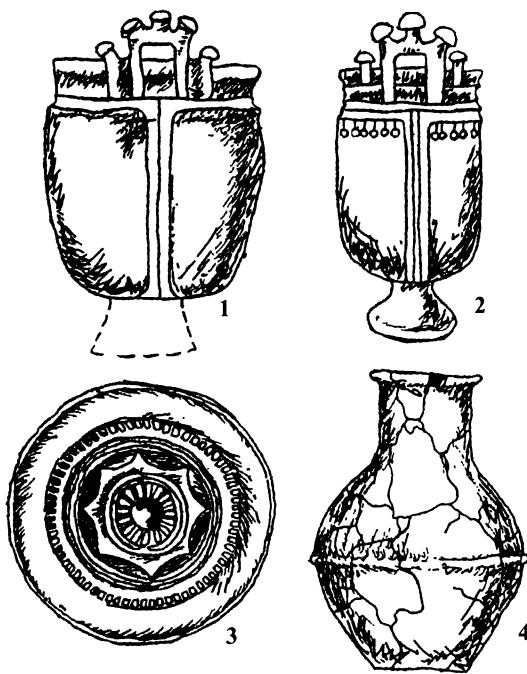
В древнекитайских источниках есть другой вариант упоминания владения (земли) Янь. Например, по свидетельству одного из компетентных современных исследователей этих источников Ю. А. Зуева (Казахстан), сунский ученый Пей Сунчжи (420–479 гг.) в своем труде «Описание трех царств, 220–264 гг.» писал: «Есть еще государство Лю, есть государство Янь и еще государство Яньцай, иначе называемое Алань. Все они одних обычаев с Канцзюй». Со ссылкой на труд китайского автора Ю. А. Зуев пишет, что в труде «История Поздней Хань, 25–220 гг.» по интересующей нас теме имеется следующая информация: «Государство Янь находится на севере от Яньцай, оно зависит от Канцзюй. Отсюда поступают шкурки соболя». Комментируя эти источники, Ю. А. Зуев государство Яньцай локализует в землях между Аральским морем и Каспием и лишний раз подтверждает, что государство Янь находилось на Южном Урале. Оказывается, аналогичного мнения придерживается и японский исследователь Сиратори, посвятивший этой теме специальную работу¹.

Приведенные в книге Ю. А. Зуева до сих не известные источники заставляют совершенно по-новому взглянуть на характер и социально-политическую историю племен Южного Урала рубежа нашей эры, а именно: при постановке и исследовании этого вопроса считается с фактом существования собственных государственных организаций местных племен и активном их вовлечении в торгово-экономические и культурно-политические связи с народами Казахстана и Средней Азии.

Усуни. Первые упоминания о государстве усуней в китайских источниках появляются на рубеже III–II вв. до н. э. Это государство занимало территорию Семиречья – Жетысу от оз. Алаколь до р. Талас, где проходила граница с Кангюем. Восточные границы усуней проходили, по-видимому, по землям Западной Монголии и Китая. Об усунях китайцы писали так: «В усунь много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре-пять тысяч голов лошадей»².

¹ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алма-Ата, 2002. С. 50, 51; Бичурин Н. Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алма-Ата, 1977. С. 57, 58, 95; Байпаков К. М. Городище Куйрыктобе – город Кедег. Алма-Ата, 2005. С. 48–54; Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.; Уфа, 2007. С. 74–76.

² История Казахской СССР. Алма-Ата, 1977. С. 309–314; Байпаков К. М. Древние города Казахстана. Аруна, 2005. С. 18–35; Зуев Ю. А. Указ. соч. С. 20–48; Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 57, 95 и др.

*Материал
из кочевнических курганов
Южного Урала первых
веков нашей эры:
1, 2 – бронзовые котлы
гуннского типа;
3 – литое китайское
зеркало;
4 – глиняный сосуд*

Усуни были храбрым и воинственным народом, с которым считались их соседи, особенно хунну (гунны) и кангюи. Столицей государства усуней был город Чигучэнь – «город красной долины». Между усунями и гуннами постоянно шли военные конфликты, но они сталкивались и с кангюйцами.

Китай и усуни имели дипломатические отношения. Чтобы усилить взаимное влияние друг на друга, существовала традиция женить усуньских вельмож и их сыновей на китайских принцессах. В частности, известен случай, когда почти 90-летний усуньский правитель куньби женился на принцессе Синьзюнь. Она тосковала по родине и сочинила песню, которая сохранилась до сих пор и является совершенным образцом китайской поэзии:

*В далекий край я замуж отдана,
Правителя усуней я жена.
Мой дом – шалаш, и войлок в нем стена.
Молочная да мясо – вся еда.
Живу в тоске, и сердце изболело
Обернувшись лебедем, домой бы улетела.*

Надо полагать, значительная масса усуней на рубеже нашей эры, вплоть до III–IV вв., была мобилизована в миграционные процессы центрально-азиатских кочевников (гуннов) на запад; какая-то их часть могла осесть на Южном Урале. Не исключается возможность того, что может быть, название гидронима Сон (Сюнь) произошло от одного из вариантов этнонима «усунь». Своеобразным отголоском пребывания на Южном Урале усуней или их потомков может быть название д. Уксунны (Уксунлы) в Аургазинском районе, где корневое слово «сунны» почти прямо повторяет этноним «усуни». На профессиональном уровне эти примеры должны проанализировать специалисты по топонимике, но нам, археологам, кажется, в подобной постановке поиска следов усуней на Южном Урале есть основания. Один из вариантов этого этнонима башкирам известен как «Уйсын», что является прозвищем легендарного предка башкир-табынцев, а также казахов-табынцев (об этом подробнее см. XIII главу). По мнению казахских ученых, слово «уйсын» генетически восходит к этнониму «усунь».

Юэчжи. С историей племен Южного Урала и сопредельных территорий рубежа нашей эры тесно связана третья многочисленная группа племен Центральной Азии, известная под этнонимом юэчжи¹. Этнополитическая история этого народа у исследователей вызывает определенные разногласия, но многие считают, что юэчжи в VII–VI вв. до н. э. широким массивом расселялись по степям Внутренней Монголии и прилегающим склонам Алтайских гор. По мнению С. И. Руденко и его сторонников, юечжам принадлежали богатые курганы пазырыкского типа, расположенные в высоких горах Алтая в условиях вечной мерзлоты.

Согласно китайским источникам, расцвет державы юэчжей приходится на V–III вв. до н. э. и их политическое господство распространялось даже на центральноазиатских гуннов. Это противостояние юэчжей и гуннов очень точно отразил великий китайский историк Сыма Цянь словами: «В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сунну». Китайские авторы сообщают об интересных нравах юэчжей этого времени. Непокорных предводителей они убивали и из голов изготавливали золоченую чашу для питья. В связи со сказанным интерес представляет конская узда из пазырыкского кургана Алтая, которая украшена деревянными, но позолоченными человеческими головами, под которыми исследователи подразумевают «модели» отрубленных голов.

¹ Зуев Ю. А. Указ. соч. С. 12–90; *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 21–48; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. С. 54–57 и др.

К концу III в. до н. э. могущество юэчжей начинает ослабевать, но зато набирает силу государство гуннов, которое достигает своего расцвета при шаньюе Маодуне. Теперь они нанесли ряд сокрушительных поражений юэчжам, после чего их роли поменялись: гунны изготавливали золоченые сосуды для питья из отрубленных голов юечжей. Вскоре после окончательного поражения от гуннов (сюнну) в середине II в. до н. э. вынуждены были покинуть свою историческую родину – бассейн Алтайских гор. Самая многочисленная их группа, очевидно, с союзными племенами двинулась на юг. Здесь они через страны усуней, кангюев вторглись в государство Бактрию (юг Средней Азии, Афганистан, Восточный Иран), где им удалось одержать победу над местной элитой и установить свою власть. Так неожиданно кочевники становятся хозяевами страны с богатой и развитой городской культурой.

Другая группа юэчжей в это время появляется в стране кангюев (бассейн Сырдарьи в Приаралье). В китайских источниках это событие нашло отражение в следующих словах: «В Кангюе собственно владелец называется Вынь; происходит из дома юэчжи, который первоначально обитал на северной стороне хребта Цилян-шань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел Луковые горы на запад и основал царство». Комментатор китайских источников Ю. А. Зуев отмечает, что Кангюем в I в. до н. э. уже правили выходцы из юечжейской среды. В источнике эта мысль передана словами: «царь государства Кан (Кангюй. – Н. М., А. С.) – из фамилии рода Вень, он юэчженец»¹. Значит, в период миграции на запад юечжам удалось захватить власть и в Кангюе и активно включиться в этнополитическую жизнь племен присырдарьинских и приаральских степей. Это событие не могло не отразиться эхом и в жизни населения Южного Урала.

Культура племен Южного Урала первых веков нашей эры (I–III вв.) носит явно смешанный характер: в ней четко видны черты, характерные для гунно-усуньских памятников юга, с одной стороны, и потомков местных дахо-массагетских племен предшествующих веков, с другой. Об этом свидетельствуют материалы таких памятников, как Темясовские курганы на берегу р. Сакмара. Здесь под невысокими земляными насыпями обнаружены большие глубокие могилы с коллективными захоронениями, где встречаются необычные для Южного Урала вещи: массивные литые серебряные, так называемые «китайские» зеркала, бронзовые колокольчики, в том числе с изображением двуликого человека, перстни-печати с изображениями на щитке фигур зайца (?) и

¹ Зуев Ю. А. Указ. соч. С. 51–61.

других животных, бусы, фибулы, красноглиняные гончарные сосуды центрально- или среднеазиатского происхождения. Учитывая, что в этих погребениях нет вещей местного производства, можно думать, что в них погребены люди, имевшие южное происхождение.

С собственно гуннскими племенами гунно-кангюйского происхождения связаны находки типа Кызыл-Адыр. Они происходят из погребения II–IV вв. в пещере близ с. Кызыл-Адыр Оренбургской области и состоят из бронзового котла, железных наконечников стрел, костяных накладок лука, меча и ряда других предметов. Среди них особенно интересными являются бронзовый котел и железные наконечники стрел, в основание перьев которых насаживались костяные бусины с отверстиями, издававшие неприятный звук при полете¹. Эти вещи – типично центральноазиатские, и появление их на Южном Урале непременно свидетельствует о пребывании здесь гуннского населения. Кстати, с движением гуннов на запад исследователи также единодушно связывают распространение на территории Казахстана и Южного Урала литых серебряных зеркал, подобных темясовским. Котлы гуннского типа встречены и в других пунктах Южного Урала. Повторяясь, подчеркнем, что курганы первых веков нашей эры, содержащие, подобно темясовским, много предметов южного происхождения (гуннские зеркала, серьги, котлы и другие предметы), выявлены и в Южном Зауралье.

Но основную часть памятников II–IV вв. составляют небольшие земляные курганы над простыми могилами, где умерших хоронили с традиционным для дахо-массагетских племен предшествующих веков обрядом и набором вещей. Сюда можно отнести плоско- и круглодонные сосуды ручной лепки, кинжалы, остатки мясной пищи в виде костей лошади или овцы и другие детали. Эти материалы дают нам ясно понять, что на рубеже и в первые века нашей эры в степной и предгорной зонах Южного Урала не произошло полной смены населения. Но под воздействием новых условий их культура подверглась значительным изменениям: в их памятниках часто встречаются серебряные китайские зеркала; изменилась ориентация погребенных с южной на северную сторону. Эти новшества непременно отражают развитие представлений южноуральских племен о смерти человека и его жизни

¹ *Пиеничнюк А. Х., Резяпов М. Ш.* Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // *Древности Южного Урала*. Уфа, 1976. С. 132–149; *Засецкая И. П.* Погребение у с. Кызыл-Адыр Оренбургской обл. (К вопросу о гунно-хуннских связях) // *Древние памятники культуры на территории СССР*. Л., 1982. С. 54–77, 151–161; *Древняя история Южного Зауралья*. Челябинск, 2000. Т. 2. С. 230; Рис. 6, 1, 3, 7; С. 239. Рис. 12, 1 и др.

в загробном мире. Новыми элементами культуры являются также четко зафиксированные случаи использования гробов и почти повсеместное распространение обряда деформации головы. Пути их проникновения очевидны: в ходе длительного совместного проживания на одной общей территории с гунно-усуньскими племенами в крае создавались условия для смешанных браков. Качественные изменения происходили в языке (усилились центральноазиатские тюркские элементы). Это заимствование тюркизмов у соседей считалось не только нормальным, но и престижным явлением, так как гунны-усуни занимали господствующее положение среди местных племен.

Таким образом, эпоха рубежа и первых веков нашей эры на Южном Урале ознаменовалась его входением в состав политических образований гуннов и усуней, где самым значительным было государство Кангюй. Учитывая близость культуры, а также подтвержденные письменными источниками даннические отношения с Кангюем, Южный Урал этого времени можно рассматривать как окраину этого огромного государства. В связи с вышеизложенным не может не вызвать интереса у читателя следующее сообщение китайских авторов о государственном устройстве Кангюя. В нем говорится, что «Кангюй имеет 5 малых князей, и все они подчинены Кангюю»,¹ т. е. центральному правителю. Если учесть, что Южный Урал для Кангюя представлял важный в экономическом отношении регион, то один из пяти провинциальных князей мог находиться именно здесь. Последнее подразумевает, что внутри общества южноуральских племен существовали основные социальные институты (слои населения), характерные для этого очень развитого и сильного государства.

Попутно считаем уместным высказаться по поводу недавно возникшей дискуссии на страницах журнала «Российская археология»². Причиной ее возникновения послужил выход в свет книги С. Г. Боталова и С. Ю. Гуцалова «Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей»³, где

¹ *Кюнгер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 174–181; Историко-культурный энциклопедический атлас Башкортостана. С. 75.

² *Мошкова М. Г.* Археологические памятники южно-уральских степей второй половины II–IV вв. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. 2007. № 3. С. 103–111; *Малашев В. Ю.* Археологические памятники южно-уральских степей второй половины II–IV вв. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121; *Мошкова М. Г. Малашев В. Ю., Болелов С. Б.* Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. – IV в. н. э. // РА. 2007. № 3. С. 121–132.

³ Челябинск, 2000.

Материалы Темясовских курганов II–III вв. н. э.:

1, 2 – наконечники стрел;

3, 4, 10 – фибулы;

5–6 – перстни;

7 – глиняная чаша;

8, 12 – колокольчики;

9, 11 – серьги

авторы на основе детального анализа состава материалов археологических памятников южноуральского региона первых веков нашей эры и сведений письменных источников пришли к выводу о том, что на территории Урало-Поволжья в это время доминирующей этнополитической силой были гунны – выходцы из центрально-азиатских степей. Из контекста названной книги просматривается идея о целесообразности назвать памятники кочевников Урало-Поволжья как памятники гунно-сарматского историко-культурного комплекса¹. Инициаторы дискуссии настаивают на сохранении за ними существовавшего неизменно с начала XX в. понятия «поздние сарматы», или сарматская культура.

Проделанный нами выше экскурс в историю ранних кочевников Южного Урала показывает, что ни один из авторов эпохи древности на рассматриваемой территории ни сарматов IV–II вв. до н. э., ни их ближайших предков савроматов VII–V вв. до н. э. не упоминают; их они локализируют в приазовских степях. Понятия же савроматы, сарматы и археоло-

¹ Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сорматы Урало-Казахстанских степей Челябинск, 2000. С. 28–184, 221.

гические культуры под этими названиями на Южном Урале механически переносились сюда на этапе первичного исследования и систематизации накопленных массовых материалов, где в определении даты и этнической их принадлежности послужили работы наших корифеев по этой теме М. И. Ростовцева, К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой. Но оказалось, что культура южноуральских ранних кочевников имеет свои особенности, обусловленные прежде всего тем, что она развивалась под активным влиянием гунно-сако-дахо-массагетского, а затем гунно-кангюйского влияния. Любопытно, что в одной из своих последних обобщающих работ на эту тему К. Ф. Смирнов среди известных по письменным источникам племен Южного Урала раннежелезного века не упоминает ни савроматов, ни сарматов¹. В свете всего изложенного как недоразумение выглядит факт отнесения всемирно известных теперь Филипповских курганов к сарматам, а найденную в них уникальную коллекцию находок назвать сарматской или «сарматское золото»². Отсутствие аргументов в пользу распространения на кочевые племена Южного Урала понятий савроматы, сарматы (савроматская культура, сарматская культура) вынуждены были единодушно констатировать участники Международной научной конференции, состоявшейся в апреле 2008 г. в Оренбурге³. На этой конференции принято решение впредь памятники типа Филипповка и Прохоровка Приуралья называть прохоровской культурой.

Оседлые племена лесостепной и лесной зоны. В Западном Приуралье (бассейн рр. Белой и Средней Камы) на рубеже III–II вв. до н. э. племена ананьинской культуры VII–III вв. до н. э. сменяют носители пьяноборской культуры (II в. до н. э. – II в. н. э.). Принято считать, что они явились прямыми потомками ананьинцев, хотя не исключается участие отдельных групп кочевников, перешедших к оседлости, в сложении пьяноборского союза племен и их культуры.

Анализ материалов памятников показывает, что эпоха пьяноборской культуры – новый, очень важный этап в развитии оседлого населения Западного Приуралья.

¹ Савроматы и сарматы // Проблемы Евразии и Северной Америки. М., 1977. (см. рис. 1); Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. Рис. 1.

² *Ok oil MISTERO DEI SARMATI E DECLISCITI. ELECTA / METROPOLITAN MUSEUM OF ART, 2000.*

³ Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы Международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург. 2008; Сокровища сарматских вождей. Оренбург, 2008.

В пьяноборское время продолжали существовать многие городища и могильники ананьинской культуры, что, безусловно, свидетельствует о генетической преемственности этих двух групп населения. Но пьяноборские памятники, особенно могильники, чрезвычайно богаты изделиями из бронзы. Это – литые или спиралевидные височные подвески, браслеты, нагрудные, пластинчатые нашивки на одежду различных форм. Многие пьяноборцы носили широкие поясные ремни, сплошь украшенные накладками, а сами ремни застегивались за пряжки всевозможных форм, для которых характерен неподвижный крючок, куда надевался петлеобразный другой конец пояса. Среди пряжек особенно впечатляют большие, так называемые эполетообразные, основу которых составляет большой круг с выпуклинами, к нему крючок присоединен при помощи нескольких длинных стержней.

Многочисленные памятники пьяноборского времени известны в бассейне среднего течения р. Белой, среди которых самыми крупными являются Биктимировский, Уфимский, Новоуфимский, Шиповский и Охлебининский могильники и связанные с ними городища, селища. Некоторые из этих памятников возникли не позднее V в. до н. э. и непрерывно существовал до II–III вв. до н. э. О них уже упоминалось в предыдущей главе. В частности, там говорилось, что в литературе данная группа памятников известна как карабызская и раннюю группу (V–III вв. до н. э.) рекомендовалось рассматривать в качестве карабызского варианта ананьинской культуры, а позднюю (II в. до н. э. – II в. н. э.) – как вариант единой пьяноборской.

Группа населения, которой принадлежат эти памятники, жила в непосредственном окружении кочевников, занимавших все левобережье р. Белой. Эта близость оставила яркий след в культуре оседлого пьяноборского населения. Например, в могильниках встречаются глиняные сосуды, характерные для пришлых кочевников, в них много оружия, украшений, одинаково свойственные населению обеих групп.

Следует отметить, важным культурным центром на рубеже нашей эры становится район устья р. Уфы (территория Кировского района г. Уфы). От этого времени до нас дошли могильник на территории санатория «Зеленая роща» (раскопки московского археолога В. В. Гольмстен) и грандиозный могильник, целиком занимавший территорию современного стадиона «Динамо», Башкирского государственного университета. Во время земляных работ в 50–80-х гг. XX в. выявлено большое количество погребений, где наряду с множеством украшений, характерных для всего населения пьяноборской культуры, обнаружены, например, такие

редкие привозные находки, как египетские бусы в виде лежащих на постаментах львов. Они датируются первыми веками н. э. мы не раз будем возвращаться к теме о древностях на территории г. Уфы, и в связи с этим следует помнить, что возвышение территории г. Уфы как крупного населенного пункта приходится на рубеж нашей эры.

Учитывая своеобразие материала среднебельской группы пьяноборских памятников отдельные исследователи выделяют их в самостоятельную карабызскую археологическую культуру¹. Но культурная близость их среднекамским памятниками неоспорима, и их этнокультурную историю удобнее изучать в рамках единой пьяноборской культуры².

Аналогичные западно-приуральские историко-культурные процессы на рубеже нашей эры происходили в Восточном Зауралье. Здесь в близком соседстве друг с другом жили потомки племен гороховской (бассейн р. Тобола) и саргатской культур³. Последние были более многочисленными и расселялись почти по всей Западной Сибири, вплоть до территории Тюменской области. В Восточное Зауралье они пришли из бассейна р. Иртыш; очевидно, не без влияния произошедших событий около II в. до н. э. прекращает свое существование такая ранее известная здесь культура, как иткульская.

Для гороховской и саргатской культур характерны следы оседлых поселений – укрепленные городища и открытые поселения, которые застраивались прямоугольными или трапециевидными жилищами площадью 25–65 кв. м. К жилищам вел длинный углубленный коридор. Стены жилищ были деревянными и крепились столбовыми опорами⁴. Хозяйство самих саргатских племен исследователи реконструируют как ярко выраженное скотоводческое.

Несмотря на ярко выраженный лесостепной и лесной характер среды обитания, саргатские и гороховские племена практиковали обряд захоронения умерших под курганами, в неглубоких ямах. Эту особенность погребального обряда можно объяснить скорее всего тем, что они вели более подвижный образ жизни, что происходило не без влияния степняков сако-гунно-кангюйского происхождения, которые, подобно западно-приуральским кочевникам, летовали на территории рас-

¹ *Генинг В. Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. М., 1988. С. 47–67; *Пшеничнюк А. Х.* Карабызская культура (население Центральной Бактрии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 162–243 и др.

² *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968. С. 10–28 и др.

³ Древняя история Южного Зауралья... С. 68–118.

⁴ Древняя история Южного Урала... С. 94–118. Рис. 22.

селения саргатских племен. Без таких тесных торгово-экономических и культурно-этнических контактов трудно объяснить широкое распространение в саргатских памятниках круглодонной глиняной посуды с высоким горлом, фляг, орудий и многих других категорий находок, которые находят полные параллели в курганах степной зоны¹. Доказательством этих связей можно рассматривать нахождение в саргатских поселениях костей верблюда – животного степного происхождения. Саргатские племена как коренное и многочисленное население Восточного Зауралья доживают до III–IV вв.

Племена Южного Урала раннежелезного века – древнейшие предки башкирского народа. В исторической литературе Башкортостана уже в 50-х гг. XX в. рядом исследователей был поставлен вопрос о сложении на основе племен Южного Урала раннежелезного века ядра – основы этногенеза башкирского народа. Инициаторами здесь выступили главным образом лингвисты, поэтому исторический обзор следует начинать с языкового аспекта.

Вопрос о языке племен Южного Урала эпохи раннего железа и всех предшествующих периодов очень сложен, и он не может быть решен без учета общей картины происхождения народов степной Евразии. Вначале сделаем небольшой историографический экскурс на вопрос о языке группы сако-дахо-массагетско-исседонских племен и дальнейшей их судьбе.

Среди историков первым по этому вопросу высказался выдающийся этнограф-археолог С. И. Руденко, автор фундаментального труда «Башкиры». Он считал, что между упомянутыми группами племен и исторически известными башкирами IX–XIV вв. имеется прямая генетическая связь. Более того, он утверждал, что башкиры уже к началу нашей эры представляли единую группу населения со сложившимся бытом, обусловленным в значительной мере подвижным скотоводством, что последующие катаклизмы в истории, происходившие на Южном Урале, не оказали существенного влияния ни на развитие физического типа, ни на язык, ни на быт башкир².

Мнение С. И. Руденко по данному вопросу на лингвистическом материале поддержали такие выдающиеся тюркологи, как С. Е. Малов и Дж. Г. Киекбаев. Оба исследователя исходили из того очевидного факта, что современный башкирский язык отличается от других тюркских языков сохранением многих реликтовых явлений, отсутствующих в других

¹ Древняя история Южного Урала... С. 94–118. Рис. 23–29.

² Руденко С. И. Башкиры... С. 351.

тюркских языках. Отсюда, например, С. Е. Малов полагал, что башкирский язык очень рано (не позднее V в. до н. э.) оторвался от тюркского языка-основы и на западной окраине тюркского мира составлял самостоятельную башкиро-кипчакско-мишарскую группу. Территориально древнебашкирские племена он разместил на юге Восточной Европы, включая степи Южного Урала¹. Согласно его мнению, на тюркском языке говорили кочевые племена скифов Северного Причерноморья VII–III вв. до н. э. По тем же соображениям Дж. Г. Киекбаев определил время отделения носителей древнебашкирского языка от основной массы тюркских племен 4000–3500 лет тому назад и генетически связал их с племенами дахо-массагетского, исседоно-ииркского круга раннежелезного века. В частности, он склонен был думать, что этноним «плешивые аргиппеи», которым Геродот назвал одну из групп населения Южного Урала этого времени, не что иное как искаженный вариант этнонима «тазлар» – самоназвания родового подразделения поздних башкир².

На археологическом материале данную точку зрения решительно поддержал К. Ф. Смирнов. Обобщая свои многолетние исследования истории и культуры кочевых племен Южного Урала, он пришел к заключению, что древнейшие этапы формирования башкирского этноса восходят к дахо-массагетским племенам³. Выводы указанных авторов о тюркоязычности племен юга Восточной Европы (степи Урало-Поволжья и Северного Причерноморья) получили поддержку в трудах некоторых историков и археологов. Например, в тюркоязычности племен Казахстана и Средней Азии были убеждены А. Н. Бернштам и Ю. В. Зуев⁴. Сейчас их решительно поддерживают К. Т. Лайпанов и И. И. Мизиев⁵. Приведенные взгляды С. И. Руденко, С. Е. Малова, Дж. Г. Киекбаева и К. Ф. Смирнова в целом не получили своего дальнейшего развития в науке; в какой-то мере они даже были раскритикованы как ультраавтохтонистские, необоснованно удревняющие время формирования основы башкирского этноса.

¹ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135–143.

² Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимии // Учен. зап. Башкирского гос. пед. ин-та. Вып. 8. Сер. филол. наук. № 2. Уфа. С. 230–247; Он же. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

³ Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 72.

⁴ Бернштам А. Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение народа // Труды ТРАЭЭ. Т. III. Фрунзе, 1959. С. 17–19; Там же. Выступление Зуева Ю. В. С. 163–172.

⁵ Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

Примером сказанному может послужить доклад академика-секретаря Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинского на бюро Отделения в 1987 г., опубликованный во многих исторических журналах¹. В нем докладчик подверг критике ученых Башкортостана, Татарстана, Азербайджана и других республик за высказанную ими мысль о том, что среди кочевых племен раннежелезного века степей Евразии (скифы, сарматы, саки) могли быть тюркоязычные племена, сыгравшие активную роль на ранних этапах этногенеза современных тюркоязычных народов Восточной Европы.

Вопрос о языковой принадлежности сако-дахо-массагетских племен затрагивает сложную научную проблему о времени и территории формирования древнетюркской этноязыковой общности и происхождения современных тюркоязычных народов (башкиры, татары, казахи, турки и др.). В постановке и трактовке этой проблемы четко наметились две концепции, официальным представителем одной из которых выступил академик С. Л. Тихвинский.

Согласно этой концепции, древнетюркская этноязыковая общность первоначально сформировалась в степях Центральной Азии (Монголия, Китай) и отсюда начала расселяться на запад лишь после III–IV вв., после так называемой эпохи Великого переселения народов, когда гунны – выходцы из центрально-азиатских степей – совершили нашествие в Европу. Но активную миграцию тюркских народов в Европу и на Ближний Восток (в Турцию, Азербайджан) сторонники данной концепции относят к IX–XII вв. Поскольку древнейшие этапы истории тюркских народов авторы связывают только с Центральной Азией, то в исторической науке утвердилось ничем не аргументированное мнение о том, что древние тюркоязычные племена на территории Сибири, Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы должны были принадлежать к монголоидному антропологическому типу. Любые соображения, не вписывающиеся в данную схему, оценивались как несостоятельные.

Приведенная схема формирования и развития тюркоязычных народов неприемлема по многим аспектам. Так, например, согласно письменным источникам, уже в VI–IX вв. в степях Сибири, Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы тюркоязычные племена составляли абсолютное большинство. Сторонники данной концепции, например, не объясняют, как же за такой короткий период древним тюркам удалось расселиться на огромной территории и обеспечить себе численное и языковое превосходство над местными иномызычными наро-

¹ ВИ. 1987. № 12. С. 92.

дами. Кроме того, ни в одном историческом источнике такая широкомасштабная экспансия тюрков не нашла своего отражения.

На фоне отмеченных и необъясненных противоречий более близкой к истине представляется вторая концепция, авторы которой не без основания допускают, что степи Евразии, включая Среднюю Азию, были заселены тюркоязычными племенами задолго до III–IV вв. н. э. Именно из такого понимания характера формирования и развития древнетюркской этнической общности С. И. Руденко, С. Е. Малов и Дж. Г. Киекбаев пришли к заключению о возможном генетическом родстве между племенами дахо-массагетского круга Южного Урала и древними башкирами.

Из числа археологов убежденным сторонником данного мнения был А. Н. Бернштам¹. Он допускал, что еще в бронзовом веке на территории Казахстана и Средней Азии могли жить тюркоязычные народы. По мнению выдающегося башкирского ученого-востоковеда А.-З. Валиди, древнетюркская этническая общность первоначально сформировалась на территории Средней Азии². Такую постановку вопроса подтверждают свидетельства древнекитайских историков. Они, в частности, пишут, что «от Давани на западе до Аньси (от Коканда до Парфии. – Н. М., А. С.), хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга»³.

В свете приведенных соображений принципиальное значение имеет надпись, обнаруженная на дне серебряного кубка из упомянутого выше кургана «Иссык» близ Алма-Аты. Она выведена острым режущим предметом и состоит из знаков, полностью совпадающих с буквами известного в науке рунического письма тюрков VII–IX вв. Центральной Азии, Южной Сибири. Но иссыкская надпись на тысячу лет древнее всех известных рунических текстов и свидетельствует, что руника была изобретена еще сако-массагетскими племенами. По мнению известного тюрколога А. С. Аманжолова, на дне кубка выведены слова: «Ака сиңа усақ», т. е. «Старший брат, тебе этот очаг», и «Без сук богун ир а азык и» «Чужой, опустишь на колени! Да будет у поколения пища»⁴.

Иссыкская надпись интересна в нескольких ракурсах.

¹ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // СЭ. 1947. № 6–7; Он же. Сложение тюркоязычного населения...

² Кузеев Р. Г. Заки Валиди об этногенезе башкир // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. С. 37, 39.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.; Л., 1950. Т. II. С. 161.

⁴ Аманжолов Л. С. К генезису тюркских рун // Вопросы языкознания. № 2. 1978. С. 83; Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978. С. 53–60. Рис. 70, 71.

1. Общеизвестно, что письменность существует там, где возникла такая политическая организация, как государство, поэтому она служит дополнительным доказательством его существования у сако-дахо-массагетских племен.

2. Сейчас наука в состоянии раскрыть смысловое значение слов «Ака сица усак». Своеобразным ключом для его понимания служат находки из сакского кургана IV–II вв. до н. э., исследованного в 1987 г. в местности Сидоровка Омской области. В богатом нетронутом погребении наряду со множеством изделий из золота и серебра и других вещей найден большой бронзовый котел на высоком поддоне, который по форме ничем не отличается от сотен котлов, найденных в курганах кочевников этого времени в евразийских степях. В ходе раскопок удалось проследить, что под котлом были аккуратно сложены дрова для костра¹. Эта редкая находка дает исследователям право утверждать, что сакские племена клали в могилы бронзовые котлы. Их и, возможно, глиняные сосуды устанавливали не только с пищей, но и готовили под ними дрова для сожжения в загробном мире. Данный обычай, видимо, был настолько широко распространен, что это нашло свое отражение в ритуальных памятниках письменности. Так же, очевидно, поступали дахо-массагетские и другие соседние с ними племена Южного Урала.

3. Раз сакские племена пользовались тюркским письмом и писали по-тюркски, значит, говорили они на древнетюркском языке. Эту же мысль подтверждает ряд других доказательств. Одним из них является топоним Даих как древнейшее название Йайық на карте Птолемея (II в. до н. э.). По мнению преобладающего большинства лингвистов-тюркологов, слово Даих (Яик) древнетюркского происхождения и означает широкую и большую реку². С учетом этого можно считать, что слово Даих является одним из древнейших и точно датированных на Южном Урале. В одночасье названия рек, тем более крупных, не возникают и не утверждаются, поэтому напрашивается вывод, что тюркоязычные племена в южноуральском регионе широко расселялись задолго до II в. до н. э. Прежде всего, надо думать, на древнетюркском говорили дахо-массагетские племена, по имени которых (дахи-даи) названа река Даих (Яик).

¹ Матюшенко В. Н. Древние сокровища Сибири. Омск, 1988.

² Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Соч. Т. V. М., 1968. С. 37, 38; Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991. С. 125.

Исследователи обращают внимание и на то, что слово «асхи», которым, согласно Геродоту, плешивые аргиппеи называли напиток из плодов дерева (вишня – ?), также древнетюркского происхождения, и оно является искаженным вариантом слова *асы* (башк.), *ачы* (тат.), что означает *кислый*¹. На тюркоязычность аргиппеев показывает также геродотово определение их как плешивых. Современные лингвисты (проф. Дж. Г. Киекбаев) считают, что речь здесь может идти об этнониме тазлар (букв. по-тюркски – плешивость, плешивые люди). Во времена сако-массагетов этот этноним был распространен территориально очень широко, о чем свидетельствуют реликтовые явления его доживания у современных народов от Алтая до Карпат². При изучении вопроса о пребывании древних тюрков на Южном Урале в раннежелезном веке нельзя не принимать во внимание интересное замечание К. И. Петрова на научной конференции 1969 г. по этногенезу башкирского народа о том, что в оригинале трудов античных авторов нет этнонима иирки и он является результатом неправильного чтения слова тюрк (торк)³. Если это уточнение будет принято, то наука получит очень важное доказательство, полностью рассеивающее сомнения о пребывании тогда в южноуральском регионе древних тюрков. Возможно, именно тюркоязычность аргиппеев Южного Урала (читай: тазлар) имел в виду Геродот, когда говорил, что причерноморские скифы объясняются с ними при помощи семи толмачей, т. е. переводчиков⁴.

Вышеизложенный вывод о возможной тюркоязычности сако-массагетских племен Южного Урала выглядит еще более весомым на фоне результатов новейших разработок о языке саков и скифов. Специалисты, например, единодушно утверждают, что скифы Причерноморья по своему образу жизни мало отличались от исторически известных тюрков, все известные скифские имена Таргитай, Арпаксай, Липоксай и другие очень сходны или непосредственно связаны с общетюркскими словами, например, арпа (ячмень) + чай (река)⁵. Эти новые исследования подтверждают правоту С. Е. Малова, одним из первых поставившего в науке вопрос о тюркоязычности скифов.

¹ *Гарипова Ф. Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991. С. 106–107; *Членова Н. Л.* Указ. соч. С. 21; *Закиев М. З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 156.

² *Гарипова Ф. Г.* Указ. соч. С. 106, 107.

³ Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 333–335.

⁴ *Геродот.* Указ. соч. С. 193.

⁵ *Гарипова Ф. Г.* Указ. соч. С. 104–126; *Закиев М. З.* Тюрки-татар этногенезы. М., 1998. Б. 158–191.

Итак, есть все основания предполагать, что основная или хотя бы какая-то часть скотоводов Южного Урала раннежелезного века (сако-дахо-массагеты, исседоны, аргиппеи) говорила на древнетюркском языке. От них до нас дошли топонимические названия Даих – Яик, Сок, Сакмара, Исеть, слово «асы», этноним «тазлар». Однако исторические следы указанных групп племен сохранились не только в названиях рек и словарном запасе башкир. Сопоставление археологического материала с памятниками башкирского фольклора, как видно из вышеизложенного, показывает, что древнейшие сюжеты современного фольклора башкирского народа связаны с реальной жизнью скотоводов Южного Урала этого времени.

Однако наследие дахо-массагетских и других родственных с ними племен прослеживается не только в этом. От них до нас через тысячелетия без особых изменений дошла такая важная деталь башкирской национальной одежды, как мужской головной убор – остроконечная войлочная шапка¹. Такую войлочную шапку носили все кочевые племена VII–III вв. до н. э. степей Казахстана, Средней Азии (саки) и юга Восточной Европы (скифы). По описанию современников, какую-то группу саков называли «саками с остроконечными шапками» (саки-тиграхауда). О том, что и скифы носили такую шапку, нам известно по изображениям скифов на предметах искусства. На головах скифов имеются остроконечные шапки, по всем деталям сходные с современной башкирской². Видимо, относительная изолированность в горно-лесных районах Южного Урала способствовала сохранению здесь данного типа головного убора.

Литература о древнейших тюрках на территории Восточной и Центральной Европы, Казахстана, Средней Азии и Ближнего Востока эпохи железа пополнилась замечательной книгой академика АН РТ, профессора-лингвиста М. З. Закиева «Происхождение тюрков и татар» (М., 2003). Этот фундаментальный труд содержит профессиональный анализ всей современной лингвистической литературы о языках народов исследуемых регионов, а также аргументации всех существующих точек зрения. В нем впервые наиболее полно и в систематизированном виде излагаются лингвистические сведения о древнейших тюркоязычных племенах. На массовых примерах автор убеждает читателя в том, что скифы, сарматы, саки, массагеты и основная масса геродовских племен Южного Урала (даи, иирки, исседоны, аргиппеи, аримаспы) говорили на

¹ Руденко С. И. Башкиры... Опыт этнологической монографии. Л., 1925. С. 126.

² Геродот. Указ. соч. С. 332; Гафуров В. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 60.

древнейших тюркских языках, и доказывает несостоятельность существующих мнений об их ираноязычности. Хочется надеяться, что этот обобщающий труд о языках народов степной Евразии эпохи железа не останется без внимания археологов¹.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что С. И. Руденко, С. Е. Малов, Дж. Г. Киебаев и К. Ф. Смирнов были в принципе правы, когда на весьма ограниченном материале пришли к заключению о том, что древнейшие этапы этногенеза башкирского народа прямо восходят к истории, культуре и языку дахо-массагетских и других синхронных им скотоводческих племен Южного Урала.

Многие исторические сведения, археологические факты и соображения по данной теме давно известны и являются достоянием исторической науки. Нельзя не выразить сожаления, что большинством исследователей они до сих пор полностью игнорировались, в чем нетрудно увидеть приверженность их к установкам и принципам господствовавшего шаблонного мышления в советской исторической науке. Сейчас мы располагаем новыми убедительными доказательствами того, что в освещении ранних этапов этногенеза башкирского народа это игнорирование обернулось серьезной ошибкой.

Под доказательствами в данном случае мы подразумеваем ставшие известными новые примеры большого сходства мифологии древних башкир с Авестой – главным источником по зороастрийскому религиозно-философскому учению.

Эпос «Урал-батыр» – ценный источник о древних предках башкир. Как известно, Авеста как священное писание зороастризма состоит из более чем 20 гимнов, посвященных различным главным божествам. В сюжетно-композиционном плане и идейной направленности между текстами Авесты и башкирскими героическими эпосами «Урал-батыр» и «Акбузат» наблюдается большое сходство вплоть до художественного описания важных признаков отдельных персонажей. Следует отметить, что по этим же признакам оба эпоса стоят особняком от всех других башкирских эпосов и им нет близких аналогий в фольклоре ни тюркоязычных, ни финноугорских народов, в окружении которых живут башкиры. Единственным объяснением этого мы считаем то, что древнейшие предки башкир хорошо знали Авесту и два упомянутых башкирских эпоса «Урал-батыр» и «Акбузат» как эпические произведения, которые возникли как своеобразное развитие авестийских сюжетов. Перейдем к примерам.

¹ *Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 5–165.*

Башкирский фольклор
(Эпос «Урал батыр»)

Авеста
(Душанбе. 1990)

1. И вновь Хумай
(в Авесте ей соответствует Йима)
сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;
Храня к ней привязанность и любовь,
Пришли-прилетели вереницей
Звери, животные и птицы.

Урал-батыр // Башкирское народное творчество.
Уфа, 1987. С. 131.

1. «Молись ей, о Спитама...
И приносил ей в жертву
Великолепный Йима,
Владелец добрых стад,
На высоте Хукарьи
Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец»
(Авеста... С. 31).

2. В эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» царем
царства змей является Каххаха
Урал-батыр // Башкирское народное творчество.
Уфа, 1987. С. 61–72.

2. В Авесте ему соответствует трехглавый
Змей – Дахаха
(Авеста... С. 31 и др.).

3. В поисках главной цели своего путешествия
Урал-батыр побывал в царствах Катила,
Каххаха, где цари на борьбу с ним выпускают
быка-хранителя дворца, 4 своих богатырей,
многоглавых змей; дочь царя солнца Хумай
дарит ему крылатого коня Акбузата, который
затем становится другом и источником глав-
ных побед Урал-батыра.

3. В гимне Вэртагне, посвященном божеству
войны и победы, Вэртагна является людям
в виде сильного ветра, золоторогого быка,
белокрылого коня, неистового верблюда,
рассвирепевшего вепря, красивого юноши,
хищной птицы (орла), барана, козла и вели-
колепного мужа.
(Авеста... С. 93–109).

4. Описание образа быка:
«Исполинский явился бык,
Скреб он землю, копытами бил,
Слюну свою ядовитую лил.
Подошел к Уралу тотчас,
Не сводя с него страшных глаз.
И, слегка поведя головой,
Бык из глотки исторг громовой:
На землю не стану тебя кидать.
Буду сушить тебя на рогах,
Пока ты не превратишься в прах
И не станешь по ветру пылью летать».

Урал-батыр // Башкирское народное творчество.
Уфа, 1987. С. 57, 58.

4. См. образ быка в Авесте:
«Явился Заратуштре
Второй раз так Вэртагна,
Создание Ахуры:
Быком золоторогим,
Прекрасным и могучим,
Таким, что над рогами,
Вздымались Мощь и Сила, –
Явился так Вэртагна, Создание Ахуры...»
(Авеста... С. 199, 120).

См. также описание образа Вепря:
«Явился Заратуштре
На пятый раз Вэртагна» (С. 121).
«Созданием Ахуры,
Рассвирепевшим Вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал,
Взбешенным, неподступным,
Сердитым, пестромордым,
Увертливым, проворным, –
Явился так Вэртагна»
(Авеста... С. 121).

5. В башкирском фольклоре гимну богини плодородия Авесты соответствует эпос «Акбузат». Если в Авесте Ардви Суру жертвоприношениями просят, чтобы она помогла победить девов, волхвов, злых духов в виде многоглавых змей или помогла приобрести бесчисленные стада коней, то в эпосе «Акбузат» описывается подводное царство Шульгана, где все эти образы злых и добрых сил, бесчисленные животные находятся во власти и служении Шульгану. Среди них находится двенадцатиглавый Каххаха (Дахака по Авесте) – главная опора власти царя

// Башкирское... С. 148, 149.

Являются герой Хаубан – сын легендарного героя Сура-батыра и крылатый конь Акбузат – и при них девы бегут прочь.

(Там же. С. 150).

Вдвоем они начинают войну против Шульгана, побеждают и освобождают всех пленных героев-землян; они же побеждают земного царя Масем хана. Хаубан находит раненую большую птицу, помогает ей вылечить свою рану, после чего она превращается в Хумай – покровительницу птичьего и животного мира.

(Там же. С. 173, 174).

Хаубан узнает, что Хумай есть жена легендарного башкирского героя Урал-батыра. Хаубан женится на Нэркэс – дочери царя подводного царства. Вместе с нею из воды выходят и расселяются по земле табуны коней, стада коров, отары овец.

(Там же. С. 135, 177).

В эпосе рассказывается, что при Сура-батыре люди свободно ходили по земле, пользовались водами в реках и озерах. В других эпосах образ Сура-батыра не встречается. Это наводит на мысль о том, что персонифицированный образ Сура-батыра в эпосе «Акбузат» в древнейших вариантах мог возникнуть как башкирский вариант покровителя божества воды и плодородия Ардви-Сура из Авесты. В эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» есть сюжеты, рассказывающие об умерщвлении людей либо в колодце, либо в озере. Это, видимо, восходит к древнейшим образам человеческих жертвоприношений в честь покровителя воды.

(Там же. С. 50, 159, 160.)

5. Важным разделом Авесты является гимн в честь богини вод и плодородия Ардви, сопровождаемой постоянными эпитетами Сура (сильная) и Анахита (чистая). Ее представляли в образе, постоянно едущий в колеснице, запряженной четырьмя белыми высокими жеребцами. Вода, покровительствуемая Ардви-Сура, является одним из важных условий жизни, процветания на Земле; чтобы умилившись, в ее честь различные боги, в том числе «великолепный Йима... трехглавый Змей-Дахака, приносили жертвы: «сто жеребцов, и тысячу коров, и мириад овец»

(С. 26–52).

Принося жертвы, многие боги желали, чтобы:

«Благая Ардви-Сура,
Чтобы добился власти
Я – над людьми и девами,
Над ведьмами, волхвами,
Кавийскими тиранами
И злыми карапанами.
Чтобы я спас от девов
Богатство и именье,
Скота и нивы тучность,
Довольство и почет...»

(С. 31).

Герой просит:
«Такую дай удачу,
Благая Ардви-Сура,
Чтоб одолел я Змея
Трехглавого Дахаку.
Трехпастный, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадь девов, злой,
Могущественный, сильный,
Он сделал Анхра-Манью
Сильнейшим быть во Лжи
На гибель всего мира»

(С. 32).

Башкирский фольклор
(Эпос «Урал батыр»)

Авеста
(Душанбе. 1990)

6. В эпосе «Урал-батыр» герой Урал-батыр из рук Хумай – дочери царя Самрау и Солнца получает крылатого коня Акбузата и булатный меч – символы силы. Благодаря Акбузату Урал-батыр побеждает всех врагов, и на Урале торжествует мир

// Башкирское... С. 98–100.

Данный пример свидетельствует, что древние башкиры считали себя потомками Солнца, почитали его. Подтверждением этому служат сведения Ибн-Фадлана, согласно которым башкиры в X в. среди 12 божеств самым главным считали бога на небе, т. е. Солнце.

6. Авеста содержит гимн в честь Солнца как объекта особого почитания, «как наилучшего Господа». Солнце представлялось как «Бессмертный Свет с быстрыми конями».

«Когда всходит Солнце,
То данная Маздой
Светится земля,
Светятся все воды,
И те, что проточны
Источников воды,
Стоячие воды
И воды мерой.
Творенья светятся
Все Духа святого.
Не всходит Солнце,
И девы все губят,
Что есть на земле,
И здесь небожители
В мире телесном
Не могут пробить

// Там же. С. 54, 55.

7. У современных башкир широко распространено мнение об «Ахыр Заман» как конце света. В действительности, эти представления связаны не с наступлением эпохи, когда вся жизнь на Земле умрет, а с тем, когда на ней утвердится идеальный божественный мир Ахура Мазды – главного создателя мира. Когда добрые идеи Ахура Мазды окончательно одержат победу над темными, злыми силами Анхра-Манью, на Земле наступит всеобщее «благо», «изобилие», «удачное потомство», «многолетнее жительство»

(С. 23).

Такая перспектива развития идей Ахуры Мазды невольно напрашивается на сравнение с общераспространенным понятием среди тюркских народов, в том числе и у башкир, об «Ахыр Замане», т.е. времени, когда на Земле будут только мир и благодать. Здесь «Ахыр Заман» не что иное как искаженное имя Ахуры Мазды.

7. Авеста содержит гимн в честь Ахура Мазды: «...Творец – я, Покровитель, Хранитель и Всезнающий. Мне Дух Святейший имя, И мне Целитель имя...»

(С. 17).

Божественные качества Ахуры Мазды как главного добродетеля раскрыты в более 50 таких слов как «великий», «победный», «сокрушающий», «разумный», «истина», «беззлбный», «сильнейший», «всевидящий»

(С. 15–24).

Вся его бессмертная деятельность направлена на борьбу со злом, воплощенным в образе Анхра-Манью.

Выяснение общих корней мифологии древних башкир с зороастрийской литературой в исторической науке Башкортостана – малоисследованная тема. Вышеизложенное является первым опытом такого анализа. Естественно, сейчас мы не ставим целью детальный разбор

всех аспектов сходства этих двух памятников литературы, но приведенные примеры достаточно наглядно свидетельствуют о том, что спустя тысячелетия они сохранили идейно-композиционное сходство, совпадение в именах персонажей и художественном описании некоторых их качеств. Так могло и действительно должно было быть лишь при условии хорошего знакомства древних башкир с основными гимнами и обрядами зороастрийско-маздеистской религии и передачи этих знаний из поколения в поколение. Так неожиданно мы приходим к заключению о том, что не позднее сако-массагетского времени на Южном Урале существовал этнос, сыгравший важную роль в формировании башкирского народа. Данное положение, интуитивно высказанное в свое время в работах таких крупных ученых, как Дж. Г. Киекбаев и С. И. Руденко, получает теперь научное подтверждение. Сказанное принципиально не расходится с материалами археологии, антропологии, исторической этнографии и башкирского языка.

Следует подчеркнуть, что в современной исторической науке формирование многих современных народов, как правило, относят к сравнительно позднему времени. В свете изложенного такое мнение воспринимается, отнюдь не отрицая роли позднейших компонентов в историческом развитии башкир, накопленные материалы позволяют начальные этапы их этногенеза отнести к раннежелезному веку, но не позже рубежа нашей эры.

Несколько забегаая вперед, следует сказать, что у башкирского героического эпоса «Урал-батыр» есть сугубо археологический аспект, повышающий его значение как историко-генетического источника.

В эпосе часто повторяется сюжет надевания и снятия женами Урал-батыра птичьей шубы. На землю они возвращаются в образе птицы и, сняв птичью шубу, превращаются в земных красавиц-невест (жен) героя. В башкирском фольклоре самым распространенным мотивом считается превращение женщины (девушки) в птицу путем надевания птичьей шубы и обратно в человека в результате ее снятия.

Способность женщины превращаться в птицу и обратная связь, вероятно, считалась самым распространенным сюжетом в фольклоре народов Уральского региона и нашла свое отражение в бронзолитейном искусстве VI–XII вв., примером чему могут служить десятки изображений скульптурных фигур ширококрылых птиц с человеческими головами¹. Территорией массового распространения таких находок считается

¹ Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермь, 1988. Табл. 2, 12, 13, 140, 143.

средняя Кама, но они есть и на Южном Урале и в Сибири. Авторы ясно представляют, что изображение птиц-людей составляет лишь часть богатого и разнообразного по содержанию предметов изобразительного искусства племен этого обширного региона, но в данном случае мы выделяем именно эту группу находок. Удивительное совпадение этих фигур с описанием костюма женщин-птиц в эпосе «Урал-батыр» позволяет нам высказать мысль о том, что они есть не что иное как отражение в бронзолитейном искусстве населения Урала образа Номай (Хумей Кош – Хумей птица) – главной героини эпоса. Следует помнить, что образ Номай (варианты Хуми, Умей, Хумей) имеет самое широкое территориальное распространение в мифологии древних и средневековых народов Евразии, но в данном случае речь идет об Урале (точнее Южном Урале) – исторической прародине башкирского народа, и исследователь имеет право и должен привлекать эпос «Урал-батыр» к раскрытию смыслового значения археологических предметов, территориально совпадающих с Историческим (Древним) Башкортостаном. Из всего вышеизложенного, таким образом, видно, что наука сегодня располагает целой системой доказательств того, что на Южном Урале в раннежелезном веке (до IV в. н. э.) существовал этнос, в котором мы имеем право видеть далеких, но прямых предков башкирского народа. Из множества различных по образу жизни и культуре групп племен этого времени на такую роль претендуют, на наш взгляд, кочевые и полукочевые племена региона. Именно им, очевидно, мы обязаны сохранением для нас выдающегося эпического памятника «Урал-батыр» путем передачи из поколения в поколение его содержания как поэтической формы истории народа, созданной самим народом. Материалы, связывающие племена раннежелезного века с средневековыми башкирами, как уже выше говорилось, не ограничиваются только эпосом.

С участием этих данных, а также развивая доказательные высказывания выдающихся тюркологов середины XX в. С. Е. Малова, С. И. Руденко, Дж. Г. Киекбаева и других, весь Южный Урал мы рекомендуем называть страной древних башкир, т. е. Древним Башкортостаном. При сформулировании данного положения мы исходили из того, что племена Южного Урала этого времени в этнокультурном плане были очень сложными и среди них наряду с древними тюрками были носители финно-угорского (оседлые племена карабызской, пьяноборской, иткульской и гороховской культур) и древнеиранского (часть кочевых и полукочевых племен) языков. Однако мы убеждены в том, что потомки этих племен вошли в состав формирующегося баш-

кирского народа в качестве иноязычных, но местных компонентов. Это был естественный ход развития исторического процесса.

Считаем уместным привести здесь современные взгляды по вопросу о древнейших этапах истории тюркоязычных народов мира.

Как известно, для составления достоверных представлений о ранних этапах этногенеза современных народов земного шара наука не располагает никакими письменными источниками, а археологические и антропологические материалы крайне скудны, и, главное, они конкретно не указывают, на каком языке говорили древние люди. В поисках ответа определенное направление дают известные самые ранние письменные источники о языках народов и этапах их расселения по современной территории обитания. Выше, во второй главе, рассказывалось о том, что древнейшие предки финнов и эстонцев на нынешнюю территорию Восточной Прибалтики и Скандинавии пришли с территории Урало-Поволжья, и это переселение произошло не позднее мезолита.

При выяснении первоначальной территории формирования древнейшей тюркской этнокультурной общности и времени расселения отсюда предков современных тюркских народов по земному шару исходными ориентирами являются: а) большое сходство тюркских языков между собой в словарном запасе и грамматическом строе, и это единство могло сложиться только при условии длительного совместного проживания древнейших предков на одной общей территории; б) самые ранние письменные источники о языке древних тюрков. Последние представлены шумерскими и китайскими документами.

Шумерская письменность – одна из древнейших на земном шаре, возникла на Ближнем Востоке (Месопотамия) в IV–III тысячелетии до н. э. и представлена глиняными табличками, на которых писали деловые документы, дневники учеников, сюжеты истории и т. п. Язык населения Месопотамии, оставившего эти документы, является предметом острых споров ученых. Не касаясь существа этих разногласий, отметим, что многие современные лингвисты в шумерском языке находят около 100 слов, смысл которых можно понять из древних и современных тюркских языков. Приведем некоторые примеры: ада – отец, ата – мать, ту – родить, ере – муж, рядовой, угу – стрела, таг – прицепи, заг – сторона, ме – я, зе – ты, ане – вот, гаш – птица, кир – земля, грязь, уш – три, у – десять, уд – огонь, удун – дерево, дрова и др.

Наличие в шумерском языке типично тюркских слов, их смысл понятен любому представителю тюркских народов. Одним из первых на эту тему высказался выдающийся ученый и общественный деятель

Казахстана О. Сулейменов, который заявил, что шумерский и древнетюркский языки долгие годы развивались параллельно и оказывали друг на друга влияние¹. С ним согласны многие тюркологи². Значит, какая-то часть населения Ближнего Востока издревле говорила на древнетюркском языке и оставила яркий след на языке населения государства и письменных документов. Этот древнетюркский язык сохранился в виде названий географических местностей (топонимика), этнонимии (название народов). Исследователи единодушно признают, что в документах упоминается народ субары (суб-ар-речные люди), название которого является древнейшим вариантом самоназвания чувашского народа. Некоторые современные российские ученые, придавая этому факту важное этногенетическое значение, происхождение древнейших предков чувашского народа связывают с территорией Ближнего Востока³. Согласно их мнению, переселение племен субары на Среднее Поволжье происходило через территорию Средней Азии, где этноним также был распространен в древности⁴.

Таким образом, приведенные примеры наводят на мысль, что Передний и Средний Восток являлся областью расселения древнейших носителей тюркского языка-основы. Одним из первых эту мысль высказал А.-З. Валиди и связал древнейших тюрков этого региона с племенами культуры Анау эпохи энеолита, северная граница распространения которой охватывала весь юг Средней Азии⁵.

Есть мнение, согласно которому после распада шумерской цивилизации часть тюрков Передней Азии переселилась в Среднюю Европу и участвовала в создании и развитии государства Этрурии на севере Европы (VIII–II вв. до н. э.). От этрусков также остались памятники письменности, в языке которых также четко прослеживается влияние древнетюркского языка⁶.

Приведенные взгляды ученых о древних тюрках Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Центральной Европы легко объясняют

¹ Сулейменов О. Азия. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.

² Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984. С. 119–162; Закиев М. З. Происхождение... С. 85; Латыпов Ф. Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоно-эволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. Уфа, 1999. С. 169–186.

³ Егоров Г. Воскресение шумеров. Чебоксары, 1993; Закиев М. З. Происхождение... С. 86–102.

⁴ Закиев М. З. Там же. С. 91–92.

⁵ Туған А. В. Башкорттарзын тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө, 1994. 9, 10 бб.

⁶ Латыпов Ф. Р. Указ. соч.; Закиев М. З. Происхождение... С. 117–124.

тюркоязычность саков, массагетов, даев (дахо, даки) – кочевых племен Средней Азии, Казахстана и южно-уральских племен. В этой связи исторический интерес представляет мнение Ф. Р. Латыпова о том, что древние саки первоначально обитали на Ближнем Востоке, а затем в результате складывающихся обстоятельств двигались на восток через степи Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, дошли до Якутии, где образовали этническое ядро в сложении якутского народа, передав ему свое древнее самоназвание саки-саха¹. В этом высказывании идея о прямой генетической связи древних предков якутского народа с саками заслуживает внимания.

Попутно считаем необходимым вернуться к языку скифов и союзных с ним народов. В работах Ф. Г. Гариповой, и особенно М. З. Закиева, этот вопрос после исследований С. Е. Малова поставлен на качественно новый уровень. В частности, он заново исследует этимологию известных скифских слов и доказывает, что многие из них имеют тюркские корни и значение их легко объяснимо из современных тюркских языков². В этот перечень первоисточникового материала следовало включить слово Атей – имя скифского царя IV в. до н. э.³, имеющее значение отец. М. З. Закиев вновь ставит вопрос о сакском происхождении скифов и приводит сведение о том, что в древнекитайских источниках скифов называли саи (вариант слова сак)⁴. Он уделит внимание этимологии этнонимов иирков, аргиппеев и подтвердил тюркское их происхождение. Более того, он соглашается с отождествлением, в частности, аргиппеев с предками башкир⁵.

Вторая группа письменных источников о языке древних тюрков представлена гуннскими словами, сохранившимися в трудах древнекитайских, античных и римско-византийских авторов. Самым ранним из них является труд автора III в. до н. э., где приведены три гуннских слова tang-li-ku-tu-šan-jui, смысл которых современные тюркологи мира единодушно расшифровывают следующим образом: «рожденный небом... шань-юй»⁶. Это – часть титула гуннских императоров.

¹ Латыпов Ф. Р. Указ. соч. С. 195.

² Закиев М. З. Указ. соч. С. 125–165.

³ Каллистов Д. П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // Вестник древней истории. № 1. 1969.

⁴ Закиев М. З. Указ. соч. С. 126, 127.

⁵ Там же. С. 150, 157.

⁶ Баскаков Н. А. Имена собственные гуннов, болгар, хазар, сабириков, аваров // Советская тюркология. № 4. 1985. С. 29–36; Тенишев Э. Р. Гуннов язык // Древние и старые письменные языки. М., 1997.

Один из полных вариантов этого титула «поставленный небом великий шаньюй сюнну», например, носил император Маодунь (II в. до н. э.). Теперь наука располагает информацией о том, что гунны и другие народы Центральной Азии IV–III до н. э. имели свою письменность, а возникновение ее многие склонны отнести к еще более ранним столетиям¹. Следовательно, уже в это время существовал тюркский –гуннский язык со своей письменностью. Важную аргументацию в пользу тюркского характера гуннского языка внес Н. А. Баскаков, собрав из различных источников гуннские имена и объяснив их этимологию. Он подчеркивает близость языка гуннов к болгарскому языку².

На формирование точки зрения о центральноазиатской прародине тюрков решающее влияние оказал факт сложения в VI в. Великого тюркского каганата с яркой рунической письменностью. Как видно из всего вышеизложенного, такое сужение территории расселения древнетюркских племен не согласуется с фактами с территории Казахстана, Передней Азии, Восточной и Центральной Европы. Будет небезынтересным знать мнение академика Н. Я. Марра – знатока древних языков. Центральноазиатскую теорию происхождения тюркских языков академик назвал тупиковой³.

Как же с учетом этих двух групп, казалось бы, бесспорных фактов о древних тюрках, расселявшихся в противоположных концах азиатского материка, можно объяснить древнейшие этапы этногенеза тюркских народов? Нам кажется, из всего вышеизложенного вывод напрашивается сам по себе. Приведенные факты из древних письменных источников ясно указывают, что уже в IV–I тысячелетиях до н. э. население Азии и Восточной и Центральной Европы в этноязыковом отношении было очень смешанным: в нем в окружении представителей иных языковых систем (индоиранские, финноугорские и др.) жили древнетюркские племена. Такое утверждение предполагает, что формирование древнетюркской этноязыковой общности происходило в глубокой древности, но не позже мезолита и неолита, а вопрос о ее территории пока остается открытым.

Возвращаясь к вопросу об этнической принадлежности племен евразийских степей, в том числе южноуральского региона, эпох неолита,

¹ Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2. С. 71–81; *Он же*. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 3. С. 99–117.

² Баскаков Н. А. Указ. соч.

³ Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан... С. 69.

энеолита и бронзы, считаем, что всякие утверждения о принадлежности их к числу древних иранцев, финноугров, самодийцев без учета пребывания в их составе древних тюрков следует считать бездоказательными. Истинная наука должна быть свободна от таких голословных утверждений: они тормозят развитие научной мысли в объективном направлении.

Сделаем некоторые выводы из всего сказанного в II–IV главах о древних предках башкирского народа.

1. В материальной культуре современных башкир и у ряда других народов (например, чувашей) сохранились важнейшие элементы традиционно народной одежды (женские нагрудники, накосники), генетически восходящие к соответствующим украшениям племен Южного Урала эпохи бронзы (XIX–XIII вв. до н. э.). Тот факт, что эти нагрудники и накосники до сих пор в массовом виде находятся в употреблении у башкирских женщин независимо от возраста, заставляет думать, что возникновение и развитие их связано главным образом с Историческим Башкортостаном.

2. У башкир до наших дней сохранились некоторые этнонимы, описанные Геродотом для кочевых племен региона Южного Урала. Это даи, дахо, даик (у башкир этноним йайык, Йайык – гидроним), исседоны (у башкир гидроним Исеть). Важным элементом материальной культуры современных башкир, сохранившимся с сако-скифского времени, является головной убор с треугольным выступом сверху.

3. Героический эпос «Урал-батыр», сохранившийся как национальный памятник башкирского народа, был создан в регионе Южного Урала не позднее рубежа нашей эры. Это предполагает прямую генетическую связь современных башкир с создателями этого эпического памятника.

4. Выдающиеся российские и мировые тюркологи уверены в том, что этнический состав племен Евразии на всем протяжении древности был очень сложным и среди них были носители древнетюркского языка. Археологический материал не противоречит выводам А.-З. Валиди-Тогана, Дж. Г. Киекбаева, С. Е. Малова, С. И. Руденко, М. З. Закиева, Ф. Г. Гариповой и других о том, что среди ранних кочевников Степной Евразии (гунны, саки, усунь, скифы и др.) преобладали тюркоязычные племена и именно к этому времени восходят ранние этапы сложения башкирского языка.

5. Территория формирования древнейшего ядра башкирского народа совпадает с регионом Южного Урала в широком смысле слова – исторической родиной башкирского народа.

6. Древнейшие предки башкир жили на Южном Урале с глубокой древности. В формировании ядра древнебашкирского этноса участвовали группы племен различных археологических периодов (эпохи бронзы, раннежелезного века), и к их культуре восходят древнейшие элементы материальной и духовной культуры современных башкир.

Раздел II

Средневековье

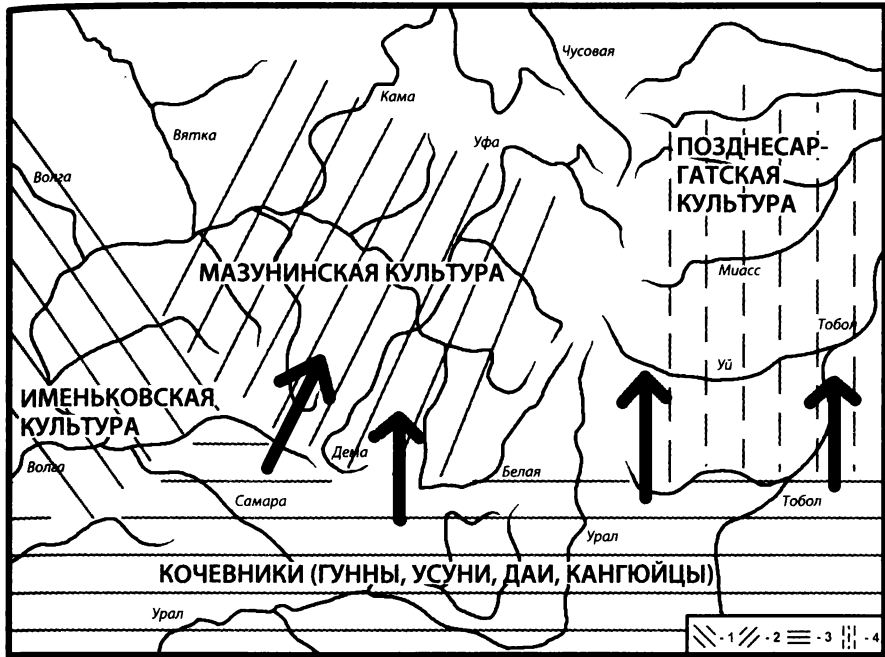
Глава V

ЮЖНЫЙ УРАЛ В IV–VIII ВВ.

Историческая обстановка в южноуральских степях в III–IV вв.

Важным фактором характера развития этнополитической и культурно-хозяйственной истории племен Южного Урала эпохи раннего средневековья, как во все предшествующие периоды древности, были активные контакты со своими южными племенами – населением юга Казахстана и Средней Азии. Конкретными формами этих контактов являлись постоянные перекочевки кочевых скотоводческих племен названных регионов в поисках лучших пастбищ для скота на север, т. е. Приуралье, на весенне-летний период и обратно на юг (Приаралье, Нижнее Поволжье, даже Средняя Азия) в осенне-зимнее время. Такие массовые миграции приводили к постоянному смешению населения, и способствовали взаимному проникновению и обмену достижениями как в материальной, так и в сфере духовной культуры. Учитывая эти моменты, современные исследователи археологии Южного Урала раннежелезного века рекомендуют рассматривать территорию Южного Урала и Южного Казахстана как единую историко-культурную область с близкородственным населением, о чем шла речь в предыдущей главе.

Конечно, надо полагать, что указанные выше передвижения масс кочевников в этом обширном регионе не представляли собой беспорядочное блуждание их по степи, а четко регулировались местными властями. В предыдущей главе отмечалось, что в период VII–IV вв. до н. э. на территории Южного Казахстана и прилегающих районах Средней Азии и Кыргызстана существовало государство саков, а уже с III в. до н. э. здесь возникают государства Кангюй и Усунь, в сложении которых наряду с местными кочевыми племенами саков, активную роль сыграли пришлые с востока кочевники.

Карта № 6. Стрелками показаны направления активного этнокультурного влияния кочевников на оседлые племена Южного Урала и сопредельных территорий в III–IV вв. по археологическим данным: 1 – именьковская культура; 2 – мазунинская культура; 3 – кочевые племена степной зоны (гунны, усунь, даи, кангюйцы); 4 – позднесаргатская культура

Территориально самым близким к Южному Уралу было государство Кангюй, локализуемое исследователями в землях по среднему и нижнему течению р. Сырдарья, Северному Приаралью, включая страну Чач (земли вокруг нынешнего Ташкента). О могуществе этого государства свидетельствуют такие факты: оно поддерживало активные межгосударственные контакты с Китаем, и постоянно укреплялось династийными браками, где традиционными являлась выдача кангюйским юношам невест из среды правящей элиты из Китая.

Нелишне будет еще раз напомнить читателю о том, что Кангюй распространял свою власть на Южный Урал, который в китайских источниках упоминается как страна «Янь»¹ или «государство Янь». Употребление здесь слова «государство» для характеристики земли «Янь»

¹ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алма-Ата, 2002. С. 50, 51.

свидетельствует о том, что у племен Южного Урала на рубеже нашей эры имелись государственные организации, которые регулировали вопросы жизни местных племен и осуществляли контакты со своими великими соседями.

Напомним, что в конце II в. до н. э. политическая власть в Кангюе перешла пришлым с востока юечжам и это тоже сильно осложнило без того сложный состав населения урало-казахстанских степей¹.

В литературе нет четкого мнения о языковой принадлежности юечжей. Отметим, некоторые авторы склонны отождествить их с тохарами, пребывание которых на территории юга Средней Азии, в Афганистане и Иране засвидетельствовано письменными источниками. Это дает им повод полагать, что тохары (читай, юечжи) говорили на древнеиранском языке. При отсутствии данных об их языке любые предположения в этом направлении равносильны гаданию. Но при любом решении этого вопроса роль юечжей и их потомков в древней истории Южного Урала предстоит уточнять. Они должны были оставить яркий след в ономастике и топонимике Южного Урала.

Китайские авторы описывают Кангюю как страну городов. Для эпохи середины I тысячелетия н. э. они пишут, что «в стране больших городов 30, малых 300». В том же тексте через несколько строк упоминается, что «больших городов сорок, а малых городов до тысячи»². Здесь, несомненно, под малыми городами подразумеваются мысовые городища (крепости), укрепленные несколькими земляными валами и рвами. Важно подчеркнуть, в древнетюркском языке и языке современных башкир эти крепости, как и большие города, называются словом кала («кала-тау», «хан-кала»), и китайский автор в данном случае точно передал подлинное древнее значение слово «кала» как «крепость». Многие современные археологи при классификации древних и средневековых поселений пытаются первоначальное значение слово «кала» («город») интерпретировать как городище, а это вносит определенную путаницу в реконструкцию социально-политической истории далекого прошлого.

Культура Кангюя представлена десятками городов, городищами, курганными и грунтовыми могильниками, многие из которых непрерывно существовали с первых веков нашей эры до X–XII вв. Открыти-

¹ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алма-Ата, 2002. С. 48–63.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 271.

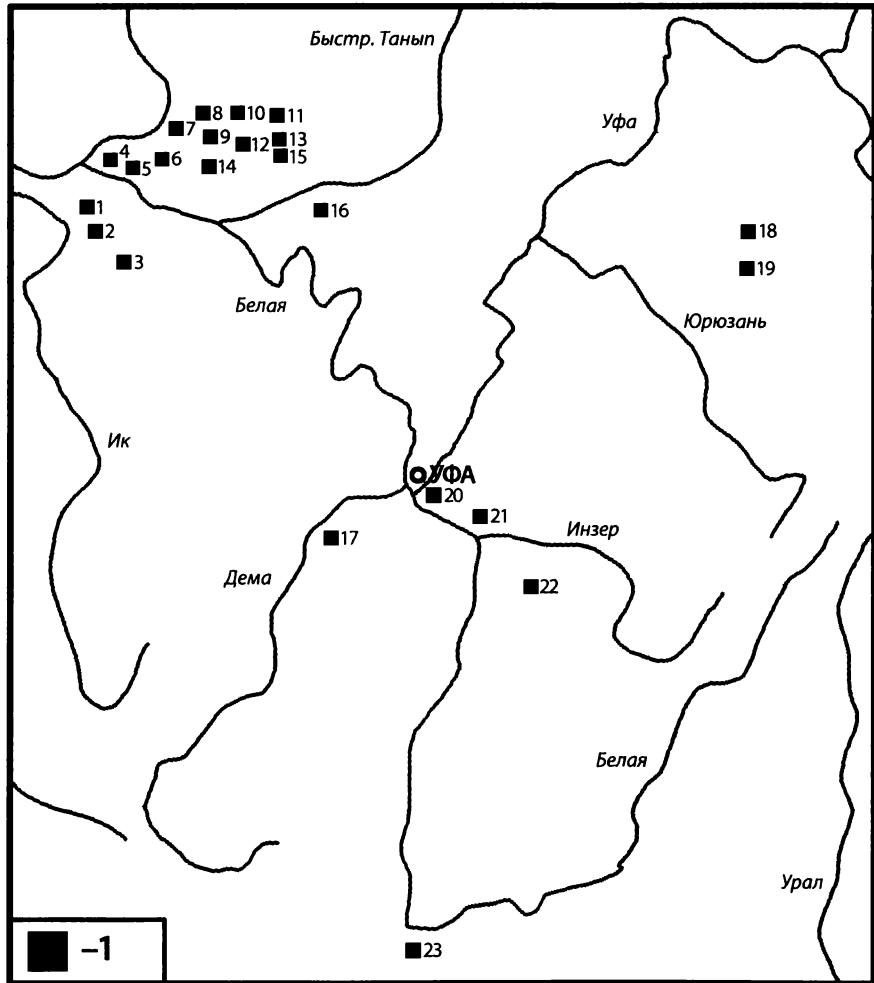
ем и первичной их систематизацией наука обязана Л. М. Левиной, которая в составе комплексной Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 50–80 гг. XX в. под руководством С. П. Толстова обследовала бассейн среднего и нижнего течения Сырдарьи¹. На основе накопленных материалов ею, например, были выделены получившие общее признание такие крупные археологические культуры, как каунчинская, джетыасарская, отрарско-каратауская. К числу изученных из числа раннекангюйских можно отнести города Кок-Мордан на р. Арысь, Алтын-Асар, Жетыасар на Сырдарье и другие. Города состояли из магистральных улиц, жилые дома сложены из прямоугольного сырцового кирпича. Рядом с городом и поселениями располагались некрополи, в которых хоронили умерших горожан².

Важно подчеркнуть, весь этот различный по составу находок материал кангюйских памятников III–VII вв. служит самым массовым и ближайшим южным аналогом культуре племен Южного Урала этого времени, и мы не раз вернемся к ним в качестве сравнительного материала, чтобы понять истоки формирования населения предмета нашего исследования.

За последние 20 лет количество раскопанных археологических памятников III–IV вв. на Южном Урале значительно пополнилось. Традиционно они подразделяются на памятники кочевнической и оседлой культур. Раннее средневековье на Южном Урале и сопредельных территориях лесостепной Евразии (Среднее Поволжье и Западная Сибирь) знаменуется многократным увеличением числа городищ, некоторые из которых затем переросли в города. В практике археологи региона при изучении данной группы памятников ограничивались их описанием, датировкой и определением того, что они служили убежищами в минуты опасности. У Н. А. Мажитова за долгие годы полевой работы накоплены интересные наблюдения, проливающие свет на этнокультурные и социальные аспекты возникновения данной группы памятников в этом регионе. Они могут иметь некоторый интерес для исследователей и читателей. Здесь имеется в виду то, что из более чем 100 городищ эпохи средневековья на территории Башкортостана за 19 сохранились древние названия «кала-тау» (город-гора), за 2 – «хан-

¹ *Левина Л. М.* Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. 1993.; *Она же.* Джетыасарская культура. Часть 2. М., 1993; *Она же.* Керамика Сырдарьи. М.: Наука.

² *Байпаков К. М.* Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алма-Ата, 2005. С. 41–76; *Он же.* Древние города Казахстана. Алма-Ата, 2005. С. 10–38.

Карта № 7. Схематическая карта распространения городищ-крепостей, известных башкирскому населению как «Кала-тау», «Хан-кала» или «Имэн-кала»: 1 – Юлдашевское (Петр-Тау); 2 – Юлдузовское; 3 – Старокалмашевское; 4 – Усть-Бельское; 5 – Бачки-Тауское; 6 – Бустанаевкое; 7 – Чишминское; 8 – Исхаковское; 9 – Югомашевское I; 10 – Югомашевское II; 11 – Кудашевское; 12 – Чоркильдинское; 13 – Кансиярское; 14 – Юмакаевское; 15 – Месягутовское; 16 – Камеевское; 17 – Хан-Кала (Караякуповское); 18 – Старо-Халиловское; 19 – Торналинское; 20 – Имэн-Кала (на территории г. Уфы); 21 – Охлебининское; 22 – Хан-Кала (Имендяшевское); 23 – Калабар

кала», за 1 – «Имэн-кала», за 1 – «калабар» (город есть). Эти народные названия установлены в ходе опроса археологом местного башкирского населения, которое знало месторасположение памятника как местность со словом «кала». Любопытно, что башкиры, как правило, не располагали никакой информацией о том, что означает это место, но точно указывали гору или высокое возвышенное место – мыс с таким топонимическим названием. При осмотре таких мест обнаруживалось городище с системой валов и рвов.

Есть основание думать, что словосочетанием, где присутствовало слово «кала», на Южном Урале назывались все городища в периоде их существования и археологами они не фиксировались по двум причинам: а) либо они не проводили опрос населения, б) либо местное население о них ничего не знало. Практика показывает, что такой информацией владеет только местное башкирское население, бережно хранившее историческую память своих предков. В плане сказанного примечателен следующий факт: также со словом «кала» назывались, по-видимому, городища в Среднем Поволжье. Примером может послужить Именьковское городище, давшее название целой культуре IV–IX вв. н. э. Нетрудно догадаться, что название городища образовалось от двух слов: имэн – дуб, кала – город.

Установление древних подлинных названий городищ Южного Урала свидетельствует о многом.

Из литературных источников нам известно, что и на территории Южного Казахстана, Средней Азии названия почти всех древних и раннесредневековых крепостей и городов оканчивались на слово «кала» (например, Кыз-кала, Кават-кала и др.). Совпадение в названиях с южноуральскими городищами «кала-тау» полное. Здесь, надо полагать, сходство не только в топонимических названиях.

В связи с этим нелишне еще раз вспомнить, что степные и горнолесные районы Южного Урала на протяжении многих тысячелетий древности служили летними пастбищами для кочевых племен выше-названного региона и от степени активности торгово-экономических, политических, этнических связей с югом зависели уровень социально-политического, этнокультурного развития населения Южного Урала. С учетом этих обстоятельств у нас есть полное основание полагать, что южноуральские городища («кала-тау») возникли под прямым влиянием этих контактов и выполняли те же самые общественные функции, что южные аналоги. Одновременно эта культурная близость отражает

близкородственные связи между племенами названных регионов. Таким образом, понятие «кала-тау» (город-гора) полнее отражает древнее естественное смысловое значение (содержание) южноуральских городищ. Такое уточнение названию городищ мы сочли необходимым еще и потому, что в практике археологов лесостепной зоны (Северной) Степной Евразии понятие город интерпретируют в смысле современных крупных промышленных городов, что в методическом плане неприемлемо.

Сейчас известно несколько десятков курганов, датируемых приблизительно II–IV вв. н. э. Территориально они покрывают Южный Урал (включая Зауралье)¹. Они небольшие, диаметр их не превышает 10–15 м при высоте до 0,5 м. Насыпи преимущественно земляные, могилы глубокие, но весьма разнообразятся по форме. Среди них есть со ступеньками (заплечиками) на высоте 30–50 см от дна для укладки коротких досок, которыми прикрывалась нижняя часть могилы, с подбоями вдоль длинных стенок, квадратной и простой удлиненной форм. Умерших хоронили в виде трупоположения в гробах, колодах. Ориентировка умерших по странам света различается по памятникам. Разнообразие погребального обряда свидетельствуют о сильно смешанном составе населения степной зоны. Заслуживает внимания следующая деталь: часто встречаются следы костров над могилами.

Материал курганов типичен для культуры кочевников широкой степи III–IV вв. и состоит из характерных для этого времени предметов: невысоких глиняных сосудов, в том числе кувшинов, с высоким прямым горлом, длинных мечей, принадлежностей конской узда (удила, узловые колечки) и поясных ремней (пряжки, накладки), украшений (серьги, перстни, бусы, фибулы и т. п.) и многого другого. Изредка встречаются колокольчики, литые серебряные китайские зеркала.

Среди исследователей общим становится мнение о том, что курганы Южного Урала II–IV вв. оставлены потомками местных дахо-сако-массагетских племен, культура которых подвергалась существенным изменениям под влиянием окружающей этнополитической среды.

Племена раннебахмутинской (мазунинской) культуры. В результате совместного проживания на данной территории оседлого населения с пришлыми кочевниками и культурного их взаимодействия друг с другом на рубеже II–III вв. н. э. в Западном Приуралье форми-

¹ Подробнее об этом см.: Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000. С. 223–288.

руется большая новая археологическая культура под названием бахмутинская, или мазунинская. Она представлена несколькими десятками городищ и могильников, территориально покрывающими бассейны среднего и нижнего течения р. Белой и Средней Камы (юг Удмуртии и Пермской области).

Бахмутинская культура впервые была выделена в 1928 г. А. В. Шмидтом, и ее территорию распространения он определил в пределах вышеуказанных границ¹. Она непрерывно существовала до VIII–IX вв. н. э., что становится важным фактором влияния на этногенетические процессы в Западном Приуралье в эпоху раннего средневековья. В процессе первоначального изучения некоторые исследователи стали рассматривать среднекамскую группу памятников в качестве самостоятельной мазунинской культуры², но общая близость в материале памятников обеих групп ни у кого не вызывает сомнения, поэтому целесообразней памятники раннебахмутинского этапа (III–IV вв.) называть мазунинским этапом единой бахмутинской культуры³.

Бахмутинская культура на мазунинском (раннем) этапе отличается комплексом устойчивых признаков. Для нее характерны захоронения умерших на дне мелких могил, в колодах или обернутыми в лубок, невысокие широкогорлые круглодонные глиняные сосуды с ямочным орнаментом, также женские украшения в виде знака вопроса с сомкнутым кругом, которые подвешивались попарно, по три к краю головного убора, и носились у висков. Много бронзовых и железных проволочных гривен, браслетов, массивных бабочковидных фибул из бронзы, литых фигурок медведя, а также железных проушных топоров и других предметов. Другая особенность культуры: в мужских погребениях наборы женских украшений, как правило, лежат в берестяных туесках или кучно вблизи костяков, в то время как в женских они располагаются строго по назначению. Такое их расположение привело ученых к выводу о том, что в мужских погребениях они укладывались намеренно и являются как бы дарами (жертвенными комплексами) жен умершим мужьям. О занятии мазунинцев земледелием свидетельствуют железные серпы, часто встречаемые в могилах.

¹ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа, 1929.

² Генинг В. Г. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. № 7. Ижевск, 1967; Останина Т. И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

³ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 49–64.

Южная граница раннебахмутинской культуры проходит по среднему течению р. Белой, где расположены такие крупные могильники караабызской культур, как Охлебининский и Шиповский могильники, оставленные предшествующим местным оседлым населением. Захоронения II–IV вв. н. э. в них составляют самую позднюю хронологическую группу: по погребальному обряду они ничем не отличаются от ранних, но их возраст определяется присутствием в инвентаре характерных для этого времени предметов (например, пряжки с подвижными язычками и щитками)¹.

На всех этапах исследования истории бельской и среднекамской групп племен было очевидно, что они в основном являются ближайшими потомками местного оседлого населения караабызской и пьяноборской культур рубежа нашей эры. Об этом свидетельствовали такие факты, как продолжение существования многих городищ, возникших еще на заре железного века (в ананьинское время, VII–V вв. до н. э.) до III–VIII вв. н. э., а также типологическая близость предметов материальной культуры. В то же время исследователи ставили вопрос о том, что на формирование бахмутинской культуры III–IV вв. наряду с местным населением большое влияние оказывали какие-то пришлые племена, под которыми В. Ф. Генинг понимал выходцев из Южной Сибири, а Н. А. Мажитов – из гуннской среды. Эти предположения недавно получили подтверждение на материалах недавно исследованного в районе устья р. Белой оригинального Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника раннебахмутинской (мазунинской) культуры III–IV вв. н. э.²

По составу находок все 102 раскопанных погребения Старо-Муштинского могильника ничем не отличаются друг от друга и являются типичными для всех могильников раннего этапа бахмутинской культуры, но своеобразие памятнику придает погребальный обряд, где подкурганный способ захоронения сочетается с грунтовым. Здесь бросаются в глаза следующие существенные отличия подкурганных могил: они более глубокие, нежели грунтовые, в узких стенках есть подбой, дно могил подсыпалось мелом, в их заполнении встречены остатки золы, древесных угольков, а также ритуальных захоронений костей лошади. Учитывая эти особенности, исследователи заключают, что

¹ Овсянников В. В., Савельев Н. С., Акбулатов И. М., Васильев В. Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007; Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

² Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2005.

в составе населения, оставившего Старо-Муштинский могильник, четко выделяется присутствие двух групп населения: местного оседлого и пришлого южно-кочевнического. Происхождение подкурганных захоронений связано с группой южного происхождения¹. Данный вывод получает дополнительное подтверждение на антропологическом материале. В одном из захоронений под курганом найден искусственно деформированный череп. Это – первая подобная находка в районе устья р. Белой, и ее появление здесь – наглядное доказательство включения в состав населения региона кочевых племен из гуннской среды в первые века нашей эры. В целом на основе археологического и антропологического материала авторы публикации утверждают, что генетически пришедшая группа была связана кочевниками дахо-сако-массагетского круга южноуральских степей предшествующих веков².

Сейчас наука располагает богатой информацией о более 50 курганных группах на Южном Урале (юг Башкортостана, Челябинская и Оренбургская области), датируемых II–IV вв. н. э.³ Несмотря на некоторые индивидуальные особенности каждой группы, эти курганы имеют общие черты. Например, они небольшие по размерам, насыпи земляные, иногда с каменной кладкой; преобладают простые могилы, но есть с подбоями; широко использовались деревянные гробы. Инвентарь погребенных состоит из характерных для этого времени ремешковых наборов, глиняных сосудов, украшений, среди которых много привозных из южных центров. К числу таковых прежде всего следует отнести литые китайские зеркала. Отсылая заинтересованного читателя к специальным работам, где эти памятники подробно описаны⁴, отметим, что они возникли в то время, когда основным населением степной зоны Южного Урала и прилегающих регионов (Казахстан, Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ) были тюркоязычные племена гунно-усуньско-кангуйско-юечжийского происхождения, объединившие под своей властью потомков местных племен предшествующих веков. Этим племенам в совокупности предстояло сыграть решающую роль в этнополитической истории Южного Урала в V–VIII вв. н. э.

¹ Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2005. С. 63–73.

² Там же. С. 74–84.

³ Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. С. 28–148; Рис. 2; Пшеничник А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 120–125.

⁴ Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Указ. соч.; Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000. С. 223–288.

Эпоха Великого переселения народов (IV–V вв.). Около 370 г. объединенные силы гуннов и усуней переправились через Волгу и начали активные военные действия в западном направлении. Можно предположить, что поход мог возглавить Кангюй – государство, контролировавшее всю политическую ситуацию в южноуральских и нижневолжских степях. Читателю уже известно, что в Кангюе в первые века нашей эры ведущей этнической группой были юечжи – выходцы с востока. В западных походах гуннов активное участие принимали племена Южного Урала и в этом смысле имя гунны является собирательным. Гуннам очень легко удалось завоевать земли Северного Кавказа, Северного Причерноморья, затем они вторглись в пределы Римской империи. Будучи ослабленной внутренними противоречиями, она не могла оказать сопротивления, и это привело к ее распаду. Вскоре возникает держава гуннов с центром в Паннонии, но она была недолговечной и после гибели Атиллы прекратила свое существование (453 г.)¹.

Современники оставили яркое описание нравов западных гуннов. Так, римский историк Аммиан Марцелин пишет, что у гуннов «никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше... Они одеваются в одежды холщовые или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой». Следует помнить, что эти слова принадлежат человеку, получившему европейское образование и образ мышления, и многое из того, что он увидел у своих врагов, для него было странным.

Далее он пишет, что «угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что из-

¹ Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 158–159.

дали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную, очертя голову мечами, рубятся и на врагов, сами уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противника, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком».

Памятником, наиболее полно отражающим эпоху IV–V вв. на Южном Урале, являются Салиховские курганы в Ишимбайском районе. Они состоят из невысоких земляных насыпей диаметром от 5 до 12 м при высоте 10–35 см над мелкими ямами¹. Примечательно, что многие могилы на уровне древней поверхности обложены камнями. Большинство могил простой формы, мелкие, но среди них есть с заплечиками (ступеньками) вдоль одной из длинных стенок. Эти ступеньки использовались для установления концов деревянных плах, которыми прикрывались могилы. В одном случае умерший был погребен в подбое, сделанном вдоль длинной стенки. В могилах прослежены остатки досок, что указывает на то, что покойники, скорее всего, укладывались в гробах. В большинстве случаев они ориентированы на северо-восток. В качестве мясной пищи им клали части туши барана.

Погребения еще в древности оказались сильно потревоженными, поэтому дали небольшой материал. Среди находок есть бронзовые пряжки и украшения поясных ремней, фигуры птиц (уток), браслеты, костяные наконечники стрел, датируемые в пределах IV – начала VI вв. Керамика представлена невысокими плоскодонными горшками и одноручными кувшинами, по форме напоминающими сосуды из курганов (например, Ахмеровских) южноуральских племен II–IV вв. Их сближают также форма и размеры большинства насыпей и могил. Но в Салиховских курганах есть ряд новых черт, происхождение которых должно быть объяснено культурным воздействием гуннов на местные племена. Это, прежде всего, использование гробов и каменные наброски над могилами, северо-восточная ориентация умерших. По устройству и составу находок к салиховским курганам очень близок Дербеневский курганный могильник, расположенный недалеко от них².

¹ Сальников К. В. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э. // СА. 1958. № 4; Васюткин С. М. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. 1986. № 2.

² Пшеничнюк А. Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1993.

Курганы салиховского типа на Южном Урале не являются единственными. Например, от них ничем не отличается курган № 9 у дер. Джанаталап под Орском, где умерший также лежал в гробу, а дно могилы было застлано берестой. Самым важным показателем нового времени в нем является деформированный череп. Он указывает, что обычай удлинения головы, впервые возникший у племен Южного Урала на рубеже III–II вв. до н. э., получил теперь широкое распространение. В погребении найдены типичные для IV–V вв. глиняные сосуды (круглодонные, кувшины) и украшения узды (накладки, удила)¹. Примерно такой же инвентарь содержат курганы у села Мертвые Соли близ Соль-Илецка².

Проникновение степного населения в лесостепные и лесные районы Урало-Поволжья приобрело настолько массовый характер, что отдельные его группы достигли Пермского края и Нижнего Прикамья. Об этом свидетельствует появление здесь курганных могильников типа Качка и Харино³. Но особенно необычными среди них являются Тураевские курганы в Татарстане, для которых характерными являются захоронения в гробах или колодах на дне прямоугольных могильных ям. Некоторые могилы, подобно Салиховским курганам, имели уступы (заплечики) вдоль стен, на поверхности земли обозначались выкладками камней или сами могилы забутовывались ими. Хорошо прослежена следующая деталь погребального обряда: под насыпями многих курганов обнаружены следы кострищ. Это указывает на то, что до копки могил или, скорее всего, после нее в честь умерших сжигались мощные костры, вокруг которых совершались таинственные обряды.

Данная деталь погребального обряда полностью согласуется с обычаями гуннов IV–V вв., подробно описанными византийскими историками. Согласно их свидетельствам, западные гунны «вокруг костров в обнаженном виде, с мечами во рту совершают дикие коллективные пляски». Курганы содержат чрезвычайно богатый набор вещей. В них найдены длинные мечи, они носились в ножнах, обтянутых сверху кожей, выкрашенной красной краской. Есть плоскодонные глиняные сосуды, кинжалы, топоры, пряжки поясных ремней и другие предме-

¹ Сальников К. В. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. № 1. 1940. С. 127–138. Табл. II, III.

² Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических работах в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. Вып. 3. 1899.

³ Генинг В. Ф. Могильник Качка // ОКВАЭ. Вып. 1. Пермь. 1952; Он же. Тураевский могильник V в. н. э. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

ты украшений. К числу оригинальных относятся остатки деревянной, окрашенной в красный цвет посуды, с ручкой в виде головки собаки, а также доспехи: шлемы с бармицей, кольчуги и пластинчатые панцири.

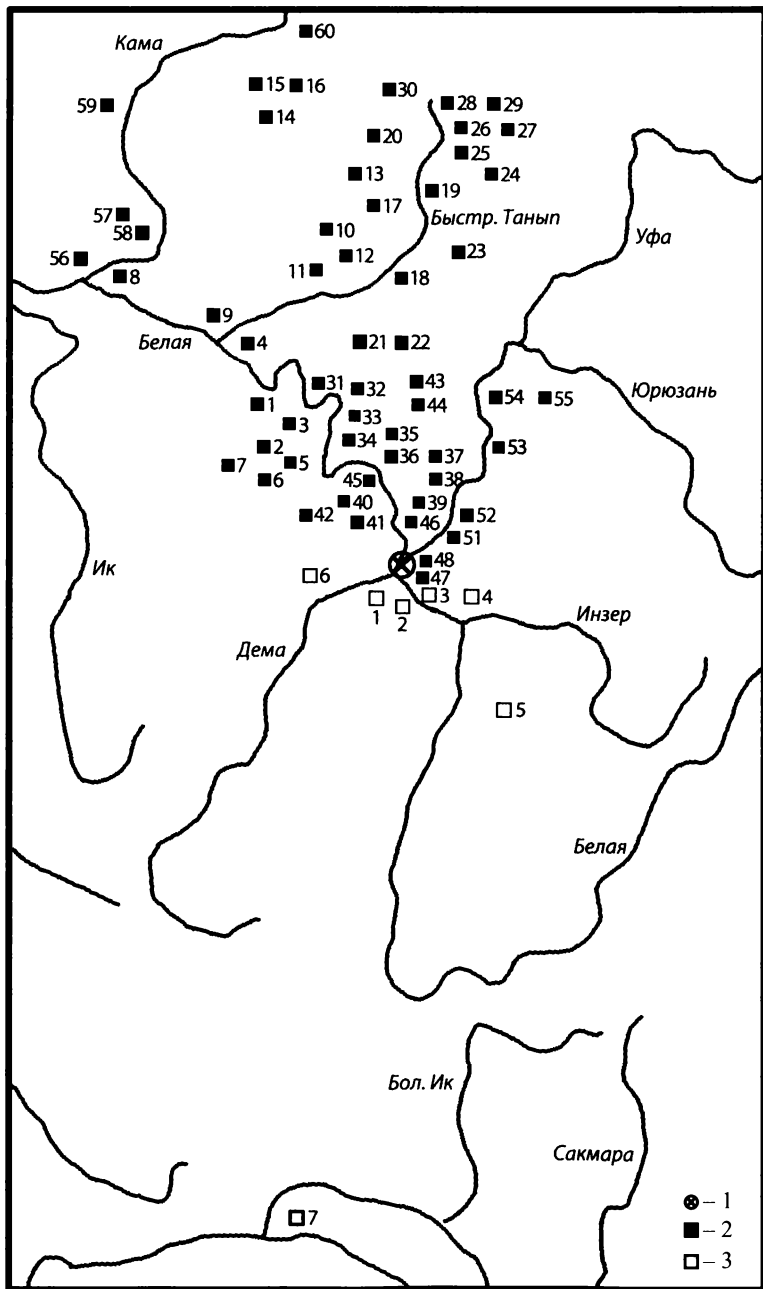
Набор вещей убеждает, что в Тураевских курганах главным образом хоронили знатных и богатых воинов, жизнь которых в лесном правобережном Прикамье также не была спокойной. В этой связи определенный интерес представляют погребения в двух курганах, где найдены захоронения без головы. Видимо, это воины, погибшие в бою, а их головы были отрублены и унесены врагами. Такой обычай издревле являлся характерным для степняков-кочевников. Он, например, описан Геродотом у скифов¹, древнекитайскими историками – у гуннов. Согласно этим сведениям, гунны делали из черепов убитых врагов чаши, обтягивая их снаружи кожей или обкладывая золотом². Из китайских источников нам уже известно, с черепами убитых врагов точно также поступали юечжи. Судя по тураевским находкам, этот обычай в IV–V вв. был уже известен племенам Урала и Среднего Поволжья.

Племена турбаслинской культуры. Самая большая группа кочевников-степняков, вынужденных по неизвестным нам причинам переселиться на север, осела в бассейне среднего течения р. Белой с центром вокруг устья р. Уфы, т. е. территории современной Уфы. К этому времени (IV в. н. э.) эта территория была густо заселенной и представляла собой один из крупных культурно-экономических центров. В связи с этим достаточно сказать, что на правом берегу р. Белой, на участке санатория «Зеленая роща» и мусульманского кладбища еще в начале железного века возникло 6 крупных городищ-крепостей, где жили племена ананьинской (VII–V вв. до н. э.) и караабызской (IV в. до н. э. – II в. н. э.) культур, удаленных друг от друга на расстоянии от 300 м до 1–2 км. Это – городища Уфимское (Чертово), Усть-Уфимское, Монумент Дружбы в устье р. Сутолоки, Уфа-III, Уфа-IV.

Нам достоверно известно, что на территории стадиона «Динамо», территории Башкирского государственного университета в период II до н. э. – II в. н. э. существовал огромный грунтовой могильник, частично обследованный в ходе земляно-строительных работ в 50-х гг. XX в. Другой одновременный могильник находился в районе здания, где размещается факультет иностранных языков БГУ по улице

¹ Геродот. История. Л., 1972. С. 202.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1960. Т. I. С. 50; Т. II. С. 147, 151 и др.

Карта № 8. Карта расположения городищ-крепостей V–VIII вв. на Южном Урале: 1 – город Башкорт; 2 – городища бахмутинской культуры, 3 – городища турбаслинской культуры

Коммунистической. В разрушенных погребениях этих могильников найдены редкие для того времени золотые, бронзовые серьги, египетские бусы с изображением лежащих львов и много бронзовых украшений ремня.

Таким образом, турбаслинские племена в бассейне р. Белой столкнулись с потомками местного караабызского населения и, надо полагать, силою закрепились на обжитой ими территории. Эта местность становится центром расселения турбаслинцев. Вокруг г. Уфы и на его территории тогда возникли более 20 открытых поселений, а в районе устья реки Сутолока возникли два городища, укрепленные с напольной стороны высокими валами и глубокими рвами. Одно из них находилось на мысу, где сейчас расположен памятник «Монумент Дружбы», а другое в 300 м от него, в нижнем квартале улицы Пушкина, ограниченном улицами Ново-Мостовая и Проспектом Салавата Юлаева. Мыс, где находится городище, образован двумя глубокими оврагами. Жизнь здесь, по-видимому, возникает на рубеже нашей эры, о чем свидетельствует уникальная находка геммы из горного хрусталя с изображением крылатого гения с тремя змеями на руках. Такие геммы служили личной печатью парфянской знати и ориентировочно датируются первыми веками нашей эры. Данный памятник, условно названный городищем Уфа-II, получил широкую известность благодаря хорошей сохранности мощных культурных отложений с богатыми находками V–XVI вв. и отражению отдельных этапов его средневековой истории (XIV–XVI вв.) в письменных источниках различных стран мира. Подробнее об этом памятнике речь пойдет в главе «Город Башкорт».

Территория расселения турбаслинских племен определяется также такими опорными памятниками, как Кушнаренковское селище и могильник, Шареевский могильник и Имендяшевское городище на р. Зилим. Самым южным памятником является Сакмарское городище. Очерченная территория очень приблизительна: есть все основания предполагать, что турбаслинцы тогда широким массивом расселялись по южноуральским степям, но следы их пребывания здесь остаются пока недостаточно выявленными.

Из турбаслинских памятников лучше изучены курганы, среди которых наиболее крупными являются Турбаслинские, Дежневские, Глумилинские. Пожалуй, самыми масштабными были курганы, расположенные вдоль правого берега р. Белой от Оренбургского моста до мусульманского кладбища в г. Уфе включая кварталы по улицам Тукая,

Заки Валиди и Пушкина. Уфимские краеведы XVIII–XIX вв. зафиксировали здесь множество (если не тысячи) курганов, разрушенные в ходе строительства новых домов, прокладки улиц и т. п. Необходимо сказать, что именно в этих курганах обнаружены самые интересные находки, свидетельствующие о высоком социальном положении захороненных в них людей. Считаем необходимым особо выделить несколько таких случаев.

В 1786 г. во время копки фундамента для дома уфимского наместника И. Якоби в районе нынешнего Дома Республики был срыт большой курган, где «найден прибор (набор) чистого, без лигатуры, золота, который и был... отослан Императрице Екатерине II»¹.

В 1828 г. при строительстве дома в том же районе разрушен курган, где вместе с конскими украшениями и железными предметами найдена золотая монета византийского императора Феодосия II. Годы его правления – 405–450². О неслучайности находки в г. Уфе этой византийской монеты V в. говорят два бронзовых литых медальона с изображением двух византийских воинов в боевой одежде со щитами, найденные в курганах V–VI вв.³ Такие бляхи являлись знаками отличия, и в V в. ими награждались за особые заслуги в Византии. Перечень предметов южного импорта расширяют находки стеклянного кубка, изделия сасанидского серебра, обнаруженные на территории или вблизи г. Уфы в середине XX в.⁴

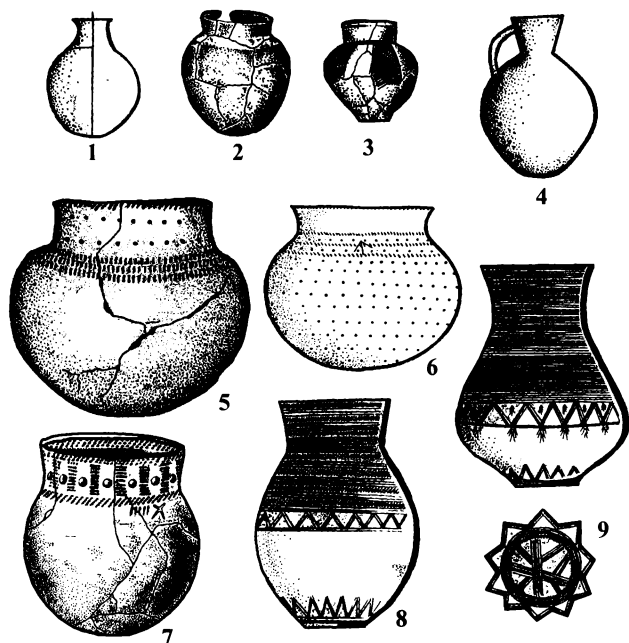
Одно из выдающихся археологических открытий было сделано в 1936 г. во время рытья котлована для фундамента административного корпуса Медицинского университета на углу улиц Пушкина и Ленина. Рабочие обнаружили богатое погребение, содержащее много золотых предметов, фрагменты красной шелковой ткани. Значительная часть находок была растащена, но сотрудникам Национального музея

¹ Гурвич Н. А. Описание Уфы // Справочная книжка уфимской губернии. Отдел IV. С. 9; Оренбургский листок. Газета. 1888, 23 октября № 43; Дело Императорской археологической комиссии. Об археологических исследованиях г. Игнатьева в Оренбургском крае. № 21. 1864. С. 46, 47.

² Труды и летописи общества истории и древностей российских. Ч. 8. М., 1837. С. 138–139; Кротошкин В. В. Клады римских монет на территории СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1961. С. 48. № 245.

³ Иванов В. А., Обыденнов М. Ф. Археология города Уфы. Уфа, 2001. С. 143; Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.; Уфа, 2007. С. 94.

⁴ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VIII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 161–163 и др.

Образцы глиняной посуды племен Южного Урала V–VIII вв.:

1–4 – турбаслинская группа;

5, 6 – бахмутинская группа;

7 – караякуповская группа;

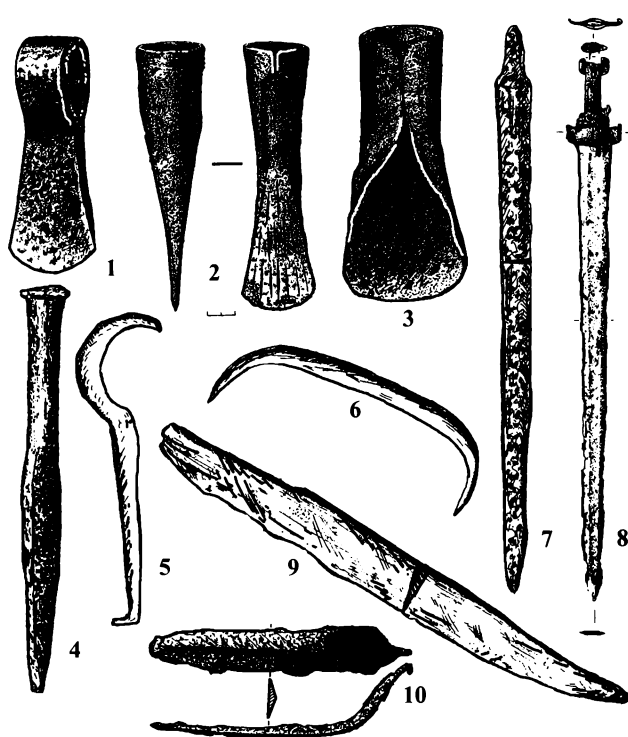
8, 9 – кушнарковская группа

РБ удалось собрать и спасти для науки около 50 золотых украшений примерно конца VII в. н. э. Это – золотые колты, медальоны, серьги и т. п. Состав находок однозначно указывает на то, что данное погребение, как и все вышеупомянутые, принадлежит к числу так называемых «царских» захоронений.

Наконец, в 60-х гг. XX в. в одном из разрушенных погребений в центре города найдена массивная золотая цепочка, датируемая также рубежом VII–VIII вв. Сохранением этой редчайшей находки наука обязана тогдашнему директору Национального музея, известному археологу Р. Б. Ахмерову¹.

Турбаслинские племена своих умерших хоронили в глубоких могилах, над которыми насыпали невысокие земляные насыпи. Длинными стенками могилы ориентированы по линии север – юг; в северных стенках имеются глубокие подбои, где устанавливались глиняный сосуд с пищей и обильная мясная пища. Кости лошади, в том числе ритуальные захоронения конечностей, головы и шкуры коней – обычное явление для обряда погребения турбаслинцев.

¹ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VIII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 164.

*Материал
из мужских
погребений
VI-VII вв.:*

- 1, 2 – топоры;
- 3 – тесло;
- 4 – долото;
- 5 – ложкарь;
- 6 – скобель;
- 7, 8 – мечи;
- 9 – нож;
- 10 – кочедык

Для турбаслинцев характерны высокие круглодонные и плоскодонные сосуды с высоким прямым горлом и невысокие плоскодонные горшки. Есть предположение, что плоскодонные горшки изготавливались на примитивном гончарном круге. Турбаслинские могилы богаты украшениями из золота, серебра, бронзы, янтаря.

Нам известны жилища турбаслинцев. Это – небольшие (4х5 или 5х6 м) прямоугольные землянки, следы которых выявлены на Имендяшевском городище, селище Кушнаренково и Новотурбаслинское II. На последнем памятнике 5 таких жилищ располагались вдоль берега старицы, образуя целую улицу¹. Турбаслинцам, конечно, были известны наземные бревенчатые дома, следы которых археологически не прослеживаются. Возникновение следов оседлых поселений указывает, что турбаслинские племена, придя в Западное Приуралье, переходили

¹ *Матвеева Г. И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Уфа, 1973. Т. V; *Генинг В. Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977; *Мажитов Н. А.* Поселение Новотурбаслинское II // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. I. 1962.

ли к оседлости. К этому принуждали природно-климатические условия края, где многоснежная зима не позволяла содержать скот на подножном корму и, наоборот, вынуждала людей заготавливать корма на зиму.

Турбаслинцы были хорошо знакомы с земледелием, о чем говорят находки серпов, каменных дисков от ручных жерновов и остатки обугленных злаков пшеницы на дне ямы-зернохранилища, которая погибла от пожара. Оригинальными являются зерна жареной пшеницы в нескольких погребениях Новотурбаслинских курганов. Значит, жареные зерна для турбаслинцев были традиционной пищей и они входили в список необходимых продуктов для души умершего родственника. Скорее всего, у турбаслинцев земледелие носило плужный характер.

Исследование скелетов умерших турбаслинцев показало, что они в основной массе принадлежат к европеоидной расе: были высокорослы, узколицы, но среди них были представители и монголоидной расы. Для турбаслинцев характерна искусственная деформация черепов. Эти биологические особенности строения тела характеризуют турбаслинские племена как пришлое население из южных степей. Они же позволяют рассматривать их как потомков кочевых племен Южного Казахстана и Нижнего Поволжья рубежа нашей эры¹.

У турбаслинцев был широко развит культ огня, о чем свидетельствуют следы мощных костров над могилами умерших. Вполне вероятно, что турбаслинцы, подобно гуннам, совершали сложные обряды вокруг этих костров, во имя памяти своих умерших родственников. В связи с развитием культа огня следует особо выделить отдельные случаи трупосожжения в турбаслинских могилах. Они, например, найдены в Кушнаренковском могильнике² и в городе Уфе (улица Галанова). Приведенные примеры показывают, что этнический состав турбаслинских племен был сложным и он отражает особенности эпохи Великого переселения народов, когда перемешалось все: племена, народы, их материальная и духовная культура.

Необходимо особо подчеркнуть сходство плоскодонной группы керамики турбаслинских племен с керамикой именинковой культуры IV–VIII вв. Среднего Поволжья. Их сближает все: форма и пропорции

¹ *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. С. 64–75; *Она же.* Этногенез башкир по данным антропологии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV. С. 42; *Юсупов Р. М.* М. С. Акимова и антропология башкир // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа, 1990. С. 14.

² *Генинг В. Ф.* Памятники у с. Кушнаренково....

сосудов, техника изготовления. Близость этих двух культур проявляется в одинаковых формах жилищ-полуземлянок, сходным составом предметов украшений, вооружения и орудий труда.

Объяснение причин возникновения этого сходства вызвало определенные разногласия среди археологов. Например, некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что часть именьковцев где-то в IV–VI вв. переселилась в Западное Приуралье и участвовала в формировании турбаслинской культуры. Следовательно, утверждают они, плоскодонная керамика на Южном Урале именьковского происхождения¹.

Данная точка зрения может быть принята с некоторыми оговорками. Именьковские племена отличались от турбаслинцев таким важным признаком культуры, как обряд погребения умерших: повсюду они хоронили в виде трупосожжения, никогда не строили насыпи над могилами, а в могилах нет подбоев, заплечиков. То есть, именьковцы в погребальном обряде придерживались иных религиозных принципов.

Что касается сходства керамики, то оно, по-видимому, объясняется очень просто: как установлено специальными исследованиями², данная группа плоскодонной керамики изготовлена на примитивном гончарном круге, и это техническое новшество, скорее всего, обеспечило массовую стандартизацию производства гончаров-ремесленников. В то же время археология фиксирует случаи проникновения отдельных групп приуральского населения в Среднее Поволжье и наоборот³, что следует рассматривать как естественный процесс в общении населения двух соседних регионов.

В науке нет единого мнения о происхождении турбаслинцев. Много сторонников точки зрения о том, что они являются прямыми потомками дако-сако-массагетских племен эпохи раннего железного века. Их генетически объединяют между собой близость антропологического типа, общая территория расселения, погребальный обряд (форма могил, культ огня) и материальная культура (прежде всего керамика). По этим же признакам раннетурбаслинская культура (IV–V вв.) может быть сопоставлена с позднесаргатской Западной Сибири. Имея эти

¹ Смирнов А. П. Из этнической истории Западного Приуралья в I тысячелетии н. э. // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 79–84.

² Салугина Н. П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. 1985. С. 156–172.

³ Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. С. 40–57.

параллели, нельзя исключить возможность участия части саргатских племен в формировании турбаслинской культуры¹.

Но имеющиеся материалы указывают на то, что своими генетическими корнями турбаслинская культура больше связана с племенами южных степей. В этом плане очень показательны материалы из могильников джетыясарской культуры (II–IV вв. н. э.), оставленных населением Кангюя. В них мы находим большую близость в таких массовых видах материала, как типы могил, керамика, наборы поясных ремней, украшения (бусы, фибулы, серьги) и оружие². Обращает особое внимание их хронологическая близость. На фоне этих параллелей создается впечатление, что турбаслинские племена в основной массе являются переселенцами с территории Кангюя в широком смысле этого слова. Если принять во внимание многовековые этнокультурные связи населения Южного Урала и Кангюя, то высказанное выше мнение следует принять безоговорочно.

Южные аналогии керамике турбаслинских памятников перечисленными выше не исчерпываются. Неожиданно самые близкие ей параллели обнаружены в территориально близких им курганах с «усами» и памятники селенташского типа VI–VIII вв., расположенных в урало-казахстанских степях³. Подробнее о них речь пойдет ниже, а здесь отметим, что общее число выявленных памятников данного круга более 60 и они содержат плоскодонную керамическую посуду, очень близкую керамике романовского типа из турбаслинских памятников⁴. Кстати, плоскодонная и круглодонная посуда достаточно полно представлена в курганах степной зоны Южного Урала и Северного Казахстана III–V вв.⁵, и эти близкие параллели дополнительно усиливают аргумент в пользу южного происхождения как самих турбаслинских племен, так и основных элементов их материальной культуры.

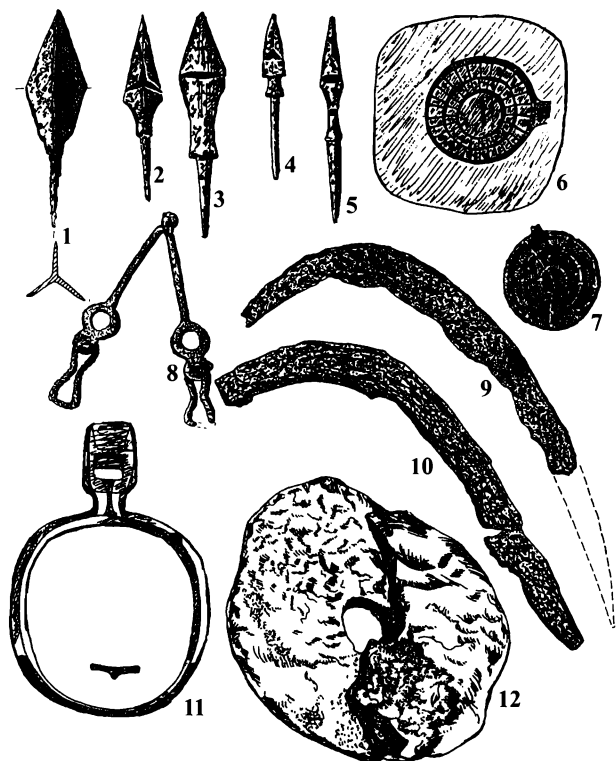
¹ Древняя история Южного Зауралья. Т. II. С. 283–288.

² Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Часть I. Склепы. М., 1993. Рис. 36–63; Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Часть 2. Могильники Томпаксар и Косасар. М., 1993. Рис. 5–20.

³ Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006.

⁴ Там же. С. 15. Рис. 1; С. 122, 123. Рис. 69 и другие.

⁵ Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. С. 126, 127. Рис. 38; С. 138. Рис. 39 и другие; Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Том 2. С. 248. Рис. 14 и др.

*Материалы
из археологических
памятников
Южного Урала
V–VIII вв.:*

*1–5 – наконечники
стрел;*

*6 – литейная
форма для
бронзовых зеркал;*

*7 – бронзовое
зеркало;*

8 – удила;

9, 10 – серпы;

11 – стремя;

*12 – каменные
диски от ручных
мельниц*

Племена кушнаренковской культуры. В VI–VIII вв. на Южном Урале выделяется еще одна большая группа племен, условно названная кушнаренковской – по первым глиняным сосудам, обнаруженным в могильнике на территории дер. Кушнаренково. Памятники кушнаренковских племен изучены пока недостаточно, но накопленные материалы свидетельствуют о том, что по культуре они резко отличались как от бахмутинцев и турбаслинцев, так и от других групп племен Южного Урала эпохи раннего средневековья. Необходимо отметить, что в последние годы появились ценные публикации по истории и культуре кушнаренковских племен, которые пополняют ранее известные источниковые материалы.

Памятники кушнаренковских племен территориально охватывают весь Южный Урал, включая его восточные склоны, Среднюю Каму. В бассейне р. Белой они «островками» располагаются в непосредственном окружении бахмутинских и турбаслинских памятников. Следы пребывания кушнаренковских племен прослеживаются и на Средней

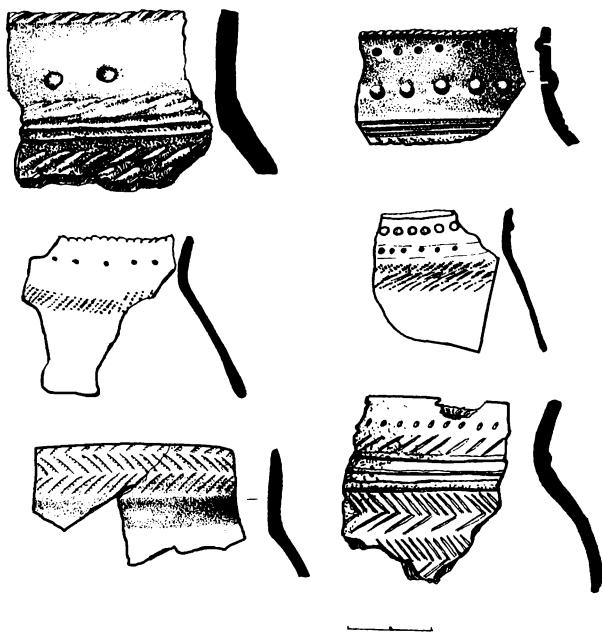
Каме. Они фиксируются по находкам типичных кушнаренковских сосудов в I Верх-Саинском городище и могильнике, Верхнеутчанском, I Кузебаевском городищах и других памятниках. В них эти сосуды присутствуют в качестве небольшого дополнения к основному керамическому комплексу местных племен (неволинская, верхнеутчанская культуры)¹, и, скорее всего, свидетельствуют об эпизодическом проникновении кушнаренковцев до пределов юга Пермского края и Удмуртии.

Кушнаренковским племенам принадлежит около 30 поселений, в том числе ряд однослойных городищ с незначительными культурными отложениями. Находки в них состоят главным образом из обломков керамики, подразделяющейся на две группы: кушнаренковскую и караякуповскую. Первая представлена тонкостенными сосудами (толщина их 3–4 мм) преимущественно кувшинообразной формы, с высоким узким горлом. Почти вся поверхность, очень часто и дно, украшены горизонтальными поясами резных линий и отпечатками овального зубчатого штампа, а также короткими взаимопересекающимися насечками. Сосуды – тщательной выработки. Тонкостенность делала эти сосуды в быту очень хрупкими и непрактичными, поэтому они, скорее всего, имели ритуальный характер. Не исключено, что они изготавливались в подражание металлическим сосудам. На это указывает также орнамент, напоминающий узоры на предметах торевтики среднеазиатских ювелиров.

Вторая группа сосудов по форме близка кушнаренковской, но отличается от них большей грубостью изготовления и орнаментом, располагающимся только по верхнему краю горла. Он состоит из коротких насечек в елочку, зигзагообразных и косых линий и выпуклых точек в виде полугорошин.

Культура кушнаренковских племен лучше представлена материалами курганов. Наиболее крупными среди них являются Лагеревские (р. Ай), Манякские (р. Быстрый Танып), Такталачукские (устье р. Белой) и Сынтыштамакские (р. Дема) курганы. Особенностью их устройства являются невысокие земляные насыпи диаметром, в среднем, 7–8 м над простыми мелкими могилами. Характерно наличие под насыпями специальных тайников для укладывания особо ценных предметов.

¹ *Иванов А. Г.* Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 147–161; *Пастушенко.* Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы // Там же. С. 142–146; *Иванов В. А.* Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнаренковской и неволинской культуры? // Там же. С. 94–101.

*Образцы глиняных
сосудов Кара-
Якуповского
городища
VII–XII вв.*

В курганах умершие лежат в гробах, дно которых устилалось цино-
вочным покрытием. Широко практиковались ритуальные захоронения
коня в могилах и вблизи них.

Основной вещественный материал из курганов, за исключением ке-
рамики, повторяет находки из турбаслинских памятников VI–VIII вв.,
что непременно служит доказательством их синхронности. Численно
преобладают наборы поясных ремней, нагрудные и шейные украше-
ния, в том числе сложновитые гривны, подвески в виде фигурки коня,
серьги, перстни и др. Оружие представлено длинными мечами, кото-
рые носились в ножнах, украшенных Р-образными петлями. Среди на-
ходок много стремян, относящихся к числу самых ранних на Южном
Урале.

В некоторых однослойных памятниках (например, Маняк) кушна-
ренковская посуда встречается совместно с глиняными сосудами, из-
вестными как караякуповский тип (название произошло от городища
Кара-Якуп). Керамику таких памятников, как Кара-Якуповское, Старо-
Калмашевское и Таптыковское городища составляют исключительно
сосуды кушнаренковской и караякуповской групп. Но тем не менее
очевидны определенные типологические и хронологические различия

памятников с кушнаренокской керамикой¹, и это не следует упускать из виду при изучении вопроса об их происхождении.

В Западной Сибири есть группа памятников, которая обнаруживает определенную близость с кушнаренокско-караякуповскими памятниками Приуралья. Это – Перейминский могильник² и Логиновское городище³. Подробнее об этой группе памятников расскажем ниже.

Племена селенташской культуры. Речь в данном разделе пойдет об оригинальной, многочисленной, но малоисследованной группе курганов, территориально занимающей степную часть Южного Урала (Башкортостан, Челябинская и Оренбургская области) и прилегающие к нему регионы Казахстана⁴. Насыпи курганов состоят из каменных набросков диаметром в среднем 7–14 м и высотой 20–40 см. Курганы располагаются, как правило, по одному и редко по два. Своеобразие этим курганам придают дугообразные каменные линии длиной от 80 до 260 и более метров; благодаря этим линиям в археологической литературе указанные курганы условно называют курганы «с усами». Первые два подобных кургана в Башкортостане были обследованы Н. А. Мажитовым в 1965 и 1972 гг. около дер. Нижнее Давлетово недалеко от г. Сибая. Такие курганы потом были выявлены у деревень Султантимирово (Зилаирский р-н) и Баишево (Баймакский р-н). После открытия Нижнедавлетовского кургана многолетние целенаправленные поиски и раскопки курганов «с усами» проводились в Челябинской, Оренбургской областях, а затем казахскими археологами на южных отрогах Уральского хребта. Общее число выявленных курганов сейчас превышает 140⁵. Но основная группа курганов «с усами» (около 300) располагается в Центральном Казахстане и известна под названием тасмолинская культура; в этом плане южноуральские курганы составляют далеко выдвинутую на запад локальную группу и отличаются более поздним возрастом. На-

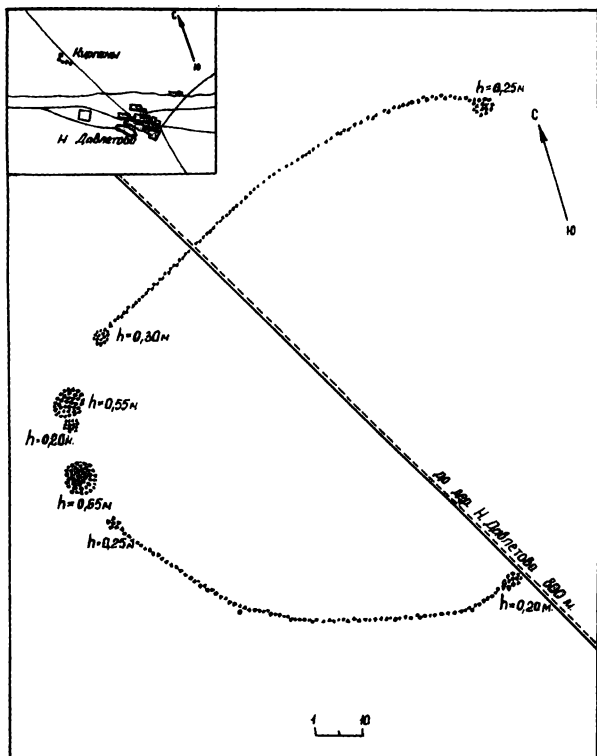
¹ Иванов В. А. *Мagna Hungaria – археологическая реальность?* // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 53–66.

² Чернецов В. Н. *Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.* // МИА. № 58. М., 1957. С. 172. Табл. XIV.

³ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. *Логиновское городище* // ВАУ. № 8. Свердловск, 1969. Табл. 55–56.

⁴ Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. II. С. 289–317; Археология Южного Урала. Степь.... Челябинск, 2006. С. 374–408; Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. *Курганы с «усами» урало-казахстанских степей.* Челябинск, 2006.

⁵ Археология Южного Урала. Степь.... С. 374; Древняя история Южного Зауралья. Т. II. С. 293. Рис. 20.

План Нижне-
давлетовского
кургана с «усами».
VI–VIII вв.

звание «селенташский тип» для южноуральских курганов «с усам» предложено С. Г. Боталовым. В несколько измененном варианте - как культуру мы употребляем в сугубо рабочем плане.

Как разновидность памятников селенташской культуры следует рассматривать курганы с каменной наброской в насыпях, которые не имеют «усов», но в остальном очень схожи с первыми. Не подлежит сомнению и их синхронность, следовательно, они оставлены одной и той же группой населения. Различие в наличии или отсутствии «усов», в данном случае носит, скорее всего, социальный характер¹.

Материалы около 10 раскопанных курганов южноуральской группы (селенташский тип) показали наличие в некоторых из них человеческих захоронений в мелких могилах (Султантимировский) или на древней поверхности земли (Солончанка I, IX, Нижнедавлетовский). Гораздо больше следов человеческих захоронений в казахстанской группе

¹ Боталов С. Г., Тауров А. Д., Любчанский И. Э. Указ. соч. С. 102–109.

курганов с «усами»¹. Под камнями находили кости лошади, коровы, овцы, верблюда и различные предметы, входящие обычно в набор погребального инвентаря. Эти примеры позволяют высказать предположение о том, что и в остальных курганах тоже имелись наземные захоронения, которые могли не сохраниться. Во всяком случае доказано, что основу каменной насыпи составляла крепида (ограда) прямоугольной, пятиугольной и шестиугольной форм в центре насыпи.

На расстоянии примерно 4–8 м от противоположной полы кургана или парно расположенных курганов расходятся дугообразные линии («усы»), состоящие из кучи камней. На обоих концах линии заканчиваются небольшими каменными площадками диаметром от 4 до 5–6 м, под которыми встречены мелкие угольки, следы прокала и другие незначительные находки.

Курганы «с усам» дали немногочисленный, но очень яркий материал, который может послужить эталонным при определении этнокультурной принадлежности археологических культур Южного Урала V–VIII вв. Сюда относятся плоскдонные кувшинообразные горшки с ручкой или без нее, сосуды кушнареновского типа, железные трехлопастные наконечники стрел, принадлежности поясных ремней (пряжки, накладки), украшения седла и некоторые другие предметы. Все они находят близкие аналогии в памятниках Южного Урала VI–VIII вв., что позволяет определить возраст южноуральских курганов «с усам» этим временем.

Подлинное назначение курганов «с усам» для археологов пока остается неясным. Распространенным является мнение о том, что они имели погребально-религиозный характер и вокруг них совершались обрядовые действия. Обращает внимание и то, что строительство одного комплекса кургана «с усам» требовало колоссального объема труда прежде всего по добыче и доставке камней и их укладке в этом сооружении.

Авторы публикации материалов курганов с «усам» провели большой сравнительный анализ, чтобы полнее представить их этнокультурную принадлежность и предназначение. Они убедительно показали, что территория их распространения не ограничивается урало-казахстанскими степями; аналогии им известны на Правобережной Волге (Калмыкия), а на востоке – в Монгольском Алтае и Западном

¹ Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Указ. соч. С. 44–84 и др.

Китае (Южный Синьцзян)¹. В рецензируемой книге приведены убедительные аргументы в пользу мнения о том, что традиция возведения курганов с «усами» возникла и распространялась в эпоху тюркских каганатов, когда выдающихся каганов и вождей тюрков хоронили в храмах, от которых сохранились прямоугольные ограды, а расходящиеся от центра дугообразные линии («усы») оконтуривали пространство храма. Данное положение полностью согласуется с обрядом погребения Кюль-Тегина (умер в 731 г.) в храме-святилище, которое построено из кирпича и описано в письменных источниках. Перед покойником укладывали жертвенных животных – лошадь и овцу, затем сжигали, а пепел с вещами, побывавшими в огне, предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. От места погребения, на восток от входа в храм, выстраивали аллеи балбалов, олицетворяющих убитых врагов. По мнению С. Г. Боталова, курганы с «усами», как и у тюрков Монголии, Саяно-Алтая представляли культово-поминальные памятники².

Несколько иную мысль по поводу курганов с «усами» высказал И. Э. Любчанский. Он предлагает курганы с «усами» и курганы с каменной наброской (селенташский тип) рассматривать как самостоятельные историко-культурные памятники и датировать V – началом VII в. н. э. Причиной возникновения необычных по форме для южно-уральского региона курганов с «усами» он склонен связывать с приходом сюда в IV–V вв. н. э. большой группы племен хионитов из районов Северной Бактрии, вынужденных откочевать далеко на север в ходе ирано-бактрийских войн. Пришлые южане, смешавшись с местными племенами, среди которых главную роль сыграли гунны, кангюйцы, возглавили политическую организацию, которую И. Э. Любчанский рекомендует называть эфталитской империей³.

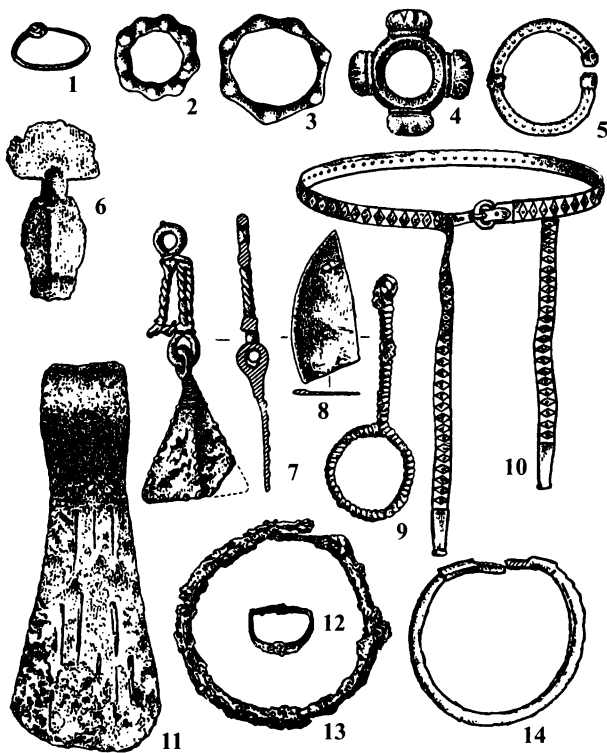
Приведенные соображения И. Э. Любчанского заслуживают серьезного внимания. Он одним из первых высказал мысль о возможном приходе в III–V вв. на Южный Урал и районы Центрального и Западного Казахстана многочисленных племен из районов юга Средней Азии в широком смысле слова, и с этим событием мог быть связан приток на Южный Урал многих вещей южного происхождения.

Что касается его замечаний относительно датировки памятников селенташской культуры, то следует заметить, что в ее материалах

¹ Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Указ. соч. С. 147, 148.

² Там же. С. 149–159.

³ Там же. С. 159–161.

Инвентарь женского погребения. VI–VII вв.

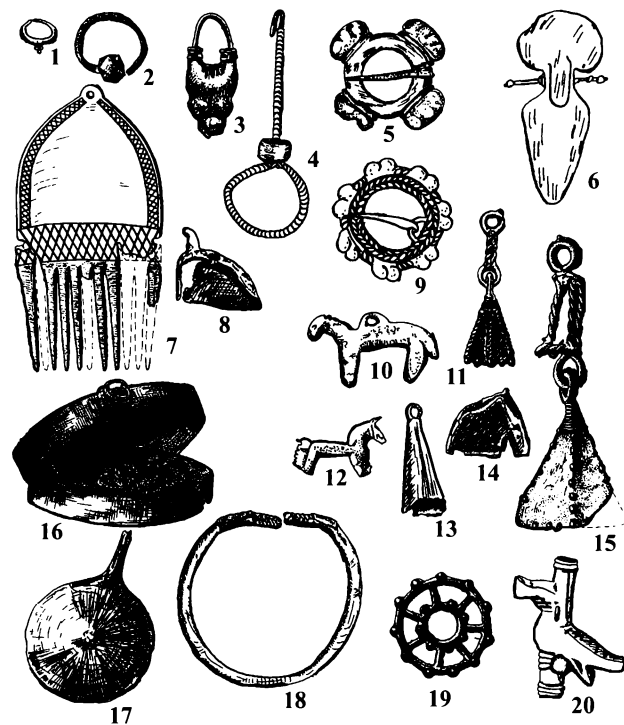
Бахмутинская культура:

- 1 – серьга;
- 2–4, 7 – подвески;
- 5, 6 – застёжки-фибулы;
- 8 – обломок бронзового зеркала;
- 9 – височная подвеска (бахмутинский тип);
- 10 – реконструкция поясных ремней бахмутинских племен. V–VIII вв.;
- 11 – топор;
- 12 – перстень;
- 13, 14 – железный и бронзовый браслеты

есть вещи, которые бесспорно датируются VII–VIII, даже IX вв. н. э., и в этом отношении доводы С. Г. Боталова выглядят более убедительными. На наш взгляд, возникновение и существование на Южном Урале и прилегающих степях Южной Сибири, Казахстана и Поволжья курганов с «усами» есть важное доказательство пребывания здесь тюрков – ведущих этнических групп Западно-Тюркского каганата.

Племена бахмутинской культуры. Изложенные выше события V–VIII вв. н.э. вызвали серьезные изменения в образе жизни, культуре оседлых племен – потомков раннебахмутинской культуры¹. Как и в предыдущие века, вся левобережная сторона р. Белой, от места выхода из гор до устья, была заселена племенами турбаслинской и кушнаренковской культур. Но пришлые племена уже в IV–V вв. начали вытеснять бахмутинцев с правобережья на среднем течении р. Белой, о чем

¹ По этой теме см.: Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968.; Он же. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.; Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 92–121.

Материалы из женских погребений Бахмутинской культуры:

- 1–3 – серьги;
 4 – височная подвеска (бахмутинский тип);
 5, 6, 9 – застежки-фибулы;
 7 – костяная гребенка;
 8, 10–15, 19, 20 – подвески различных форм;
 16 – бронзовая коробка с куском шелковой ткани и иголкой;
 17 – бронзовое зеркало;
 18 – бронзовый браслет

свидетельствует появление в IV–V вв. городищ с новым для Западного Приуралья материалом в бассейне рр. Зилим и Инзер. В VI–VIII вв. пришлые турбаслинские племена прочно освоили район устья р. Уфы, включая огромную территорию современного города Уфа. Данный микрорайон становится крупным центром расселения турбаслинских племен, о чем свидетельствуют могильники, более 20 селищ и городищ с мощными культурными отложениями.

В этой сложившейся обстановке в расселении бахмутинских племен произошли определенные изменения. Если, например, местные оседлые племена раннежелезного века (ананьинцы, пьяноборцы, раннебахмутинские племена) жили главным образом по берегам крупных рек, то в V–VIII вв. бахмутинцы широко и полностью освоили все водоразделы крупных и малых рек Северной Башкирии и Средней Камы (юг Пермской области и юг Удмуртии). Об этом говорит то, что на вершинах гор, возвышенностей и узких берегах малых рек появляются около 100 новых городищ, относящихся к бахмутинской культуре V–VIII вв. Важно отметить, что на группу из 5–10 малых по площади

*Стеклянный кубок.
Бирский могильник. VI–VII вв.*

городищ приходится одно крупное с мощными оборонительными сооружениями; судя по сохранившимся следам, склоны таких городищ-крепостей эскарпировались, т. е. вертикально срезались на высоту 5–10 м. Такие городища особо крупных размеров расположены близ дд. Сарвиха, Камышлы (Бирский р-н), Месягутово (Янаульский р-н), на горе Петр-Тау в устье р. Сюнь (Илишевский р-н), Тра-Тау (Краснокамский р-н) и в других местах.

Возникновение городищ и открытых поселений вокруг них на новых, ранее необжитых местах указывает, что ввиду многократного роста численности населения в Западном Приуралье остро встал земельный вопрос и бахмутинские племена решили его путем плотного расселения в северных лесных районах.

Городища и селища бахмутинских племен застраивались прямоугольными жилищами полуземляночного типа. Наряду с этим у них, видимо, существовали и наземные бревенчатые дома.

По сравнению с V–VI вв., значительно обновляется состав предметов домашнего обихода, что произошло не без влияния турбаслинских и других групп пришлого населения. В VII–VIII вв., судя по материалам могильников, широкое распространение получают бронированная одежда – кольчуга и панцири из железных пластин, мечи, различные типы наконечников стрел, в том числе узкие, предназначенные для стрельбы в воина в кольчуге. Новым элементом культуры является также седло на жесткой деревянной основе с железными стремянами – самыми ранними на Южном Урале.

Интересны поясные ремни, имеющие длинные подвески, спускавшиеся спереди на бедра. Весь ремень богато украшался бронзовыми, серебряными и золотыми пряжками и накладками различных форм. Много предметов новых форм появилось в составе серег, шейно-нагрудных украшений (гривны, подвески, ожерелья из бусин, браслеты, перстни), зеркал и керамической посуды. Прослежены остатки

нижнего края одежды (кафтана) и обуви (голешица), сплошь украшенные серебряными колесовидными нашивками. Среди находок много привозных вещей, в том числе стеклянный кубок, хорезмийские серебряные монеты середины VIII в.

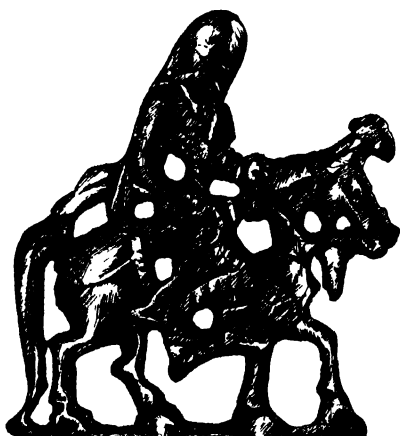
Оригинальна литая бронзовая фигура всадника. На ней изображен усатый мужчина с длинными косами, спускавшимися сзади, его правая рука лежит на колчане для стрел. Просматривается нижняя пола длинного кафтана. В раннесредневековой иконографии народов Евразии с косами изображали только тюркских мужчин, поэтому не подлежит сомнению, что изображен тюрк. Близкие аналогии данной фигуре всадника имеются в древностях Средней Азии и Южной Сибири и датируются они VIII в. н. э. Этим же временем датируется бирский тюркский всадник.

Новые черты появились в погребальном обряде бахмутинских племен. Например, в Бирском могильнике, начиная с рубежа VI–VII вв., всех умерших стали сопровождать жидкой пищей (кашей, супом) в больших глиняных сосудах, обильной мясной пищей; наряду с традиционными могилами простой формы появились могилы сложных форм – с подбоями в северных узких стенках и заплечиками вдоль длинных. В то же время бахмутинцы начали практиковать ритуальные захоронения коня (шкура, голова, конечности) вблизи могил.

В погребениях, судя по материалам Бирского и Бахмутинского могильников, широкое распространение получают глиняные сосуды турбаслинской и кушнаренковской культур, а некоторые из них украшены характерным для бахмутинцев орнаментом из мелких круглых ямок.

Все это вместе взятое является отражением глубоких процессов смешения пришлых турбаслинских и кушнаренковских племен и полной ассимиляции ими потомков местного населения.

Суммируя материалы по бахмутинской, турбаслинской и кушнаренковской культурам VI–VIII вв., следует сказать, что во всем бассей-

Литая бронзовая фигура усатого мужчины-всадника VIII в.

Бирский могильник

не р. Белой и на Средней Каме в результате прихода и оседания многочисленной группы населения южного происхождения образуется новое население, сильно смешанное в культурном и этническом отношении. В плане дальнейшего развития этнической и социальной истории края это был главный результат эпохи VI–VIII вв., имевший важное значение в формировании этноса и культуры башкирского народа IX–X вв.

Племена Восточного Зауралья V–VIII вв. Этнический состав населения Восточного Зауралья рассматриваемого времени был очень пестрым, и его история развивалась примерно по той же схеме, что и в Западном Приуралье. Следует отметить слабую изученность памятников V–VIII вв.¹, что не позволяет пока дать подробную характеристику быта и истории населения края.

Судя по накопленным материалам, племена бакальской культуры здесь составляли компактную группу, локализуемую по берегам рек Тобол, Исеть и Ишим. Культура представлена мысовыми городищами, укрепленными с напольной стороны валами и рвами. На городищах нет следов жилищ, очевидно, они были наземными. Материал городищ состоит из обломков круглодонной глиняной посуды, украшенной по шейке ямочными наколами, крестиками и косыми насечками. Данный тип посуды хронологически трудно расчленяется, и, как увидим дальше, она на Южном Урале доживает до X–XII вв. Предполагается, что основным типом хозяйства бакальских племен было скотоводство.

Информация о памятниках бакальской культуры в 2008 г. значительно пополнилась благодаря публикации С. Г. Боталова и его коллег материалов новых раскопок на Большом Бакальском городище и близкие морфологически к кушнаренковским сосудам из памятников Притоболья². Особый интерес вызывает статья А. В. Епимахова о результатах исследований по определению абсолютного возраста двух бакальских городищ радиоуглеродным методом. Объектом анализа послужили образцы древесного угля, взятые из фортификационных со-

¹ Сальников К. В. Исетские древние поселения // СА. XXV, 1956, С. 189–214; Могильников В. А. Указ. соч. С. 183–193; Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 83–193; Морозов В. М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 166, 167; Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н., Берлина С. В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007. и др.

² Боталов С. Г., Тидеман Е. В., Лукиных А. А., Вохменцев М. П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 6–41.

ружений. Они дали даты от I в. до н. э. до VI в н. э.¹ На основе результатов сравнительного анализа ранее считалось, что Большое Бакальское городище и другие подобные памятники (например, Логиновское городище) существовали от VI–VII вв. до начала II тысячелетия н. э., и в этом плане полученная абсолютная дата представляется неожиданной. Вероятно, это можно объяснить тем, что памятник многослойный и образцы для анализа получены из более ранних объектов. Находки керамики кушнаренковского облика, собранные на городище, по аналогиям из Западного Приуралья, надо полагать, отражают историю городища не ранее VI–VIII вв.

Исследователи придерживаются единого мнения о том, что бакальская культура сформировалась на основе местной саргатской культуры раннежелезного века и в этом смысле она принадлежит местному оседлому населению. Важным этническим показателем этой культуры является керамика, представленная невысокими круглодонными сосудами, украшенными вокруг горла прочерченными горизонтальными поясками, елочкой, сеткой, ямочными наколами. Форма многих сосудов (выделенные короткие шейки), и особенно характер расположения элементов орнамента, отдаленно напоминает сосуды кушнаренковского и караякуповского типов Западного Приуралья, но, в целом, основной состав керамики бакальских памятников от них существенно отличается, и их лучше рассматривать как самостоятельный культурный комплекс.

В бакальских памятниках представлены редкие экземпляры кушнаренковских сосудов с ярким богатым орнаментом. В частности, они найдены в Большом Бакальском городище², Усть-Тарском-7³ могильнике и ряде других поселений.

Вопрос о происхождении кушнаренковской керамики Южного Урала и Западной Сибири в литературе пока носит дискуссионный характер. Многие археологи склонны считать, что кушнаренковская керамическая посуда первоначально сложилась в Западной Сибири и отсюда она распространилась в Западном Приуралье. Данное мнение

¹ Епимахов А. В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 41–44.

² Боталов С. Г., Тидеман Е. В., Лукиных А. А., Вохменцев М. П. Указ. соч. Рис. 10, 1–13, 18, 20, 23.

³ Матвеева Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007. С. 63–75.

нашло отражение в статье Д. Н. Маслюженко, опубликованной в 2008 г. В ней автор повторяет тезис своих предшественников о том, что около IV в. н. э. позднесаргатские племена Западной Сибири мигрировали в Западное Приуралье и привнесли сюда традицию изготовления кушнареноквской керамики¹. В связи со сказанным следует подчеркнуть, что попытки выводить происхождение кушнареноквской керамики из саргатской культуры лишены основания. В своих ранних публикациях мы не раз подчеркивали, что кушнареноквского типа сосуды в Западной Сибири появляются не раньше VI–VII вв., т. е. одновременно с кушнареноквскими сосудами Западного Приуралья. Это можно объяснить только тем, что происхождение керамики обоих районов имеет общие корни, восходящие к культуре кочевников Степной Евразии в широком смысле слова. В будущих поисках в данном направлении, на наш взгляд, желательно обратить внимание на следующий момент: тонкостенная и изящная кушнареноквская посуда со сложным орнаментом, скорее всего, изготавливалась в подражание металлической и имела ритуальное значение. Нельзя также не отметить, что в курганах Южного Урала II–III вв. н. э. обнаружены образцы глиняной посуды, которые по форме и характеру орнамента могут быть рассмотрены как древние прототипы кушнареноквских². Читателю будет интересно узнать, что сторонников умозрительного мнения о западно-сибирском происхождении творцов кушнареноквской керамики объединяет одна общая идея: в них они хотят найти археологические следы древних угров – далеких, но прямых предков венгерского народа. Современный венгерский язык очень близок языкам хантов и манси, которые живут в таежном краю Западной Сибири и вместе образуют угорскую группу финноугорской языковой системы. Если бы подтвердилось лесное, западно-сибирское происхождение кушнареноквских племен, то, полагают они, наука приблизилась бы к решению сложной проблемы этногенеза венгерского народа. А пока в этом вопросе бесспорным остается следующее. Приуральский и зауральский (бакальский) варианты кушнареноквской керамики, развиваясь в форме сосудов и орнаментации,

¹ *Маслюженко Д. Н.* Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболье в период раннего средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 61–72.

² *Агеев Г. Б., Вильданов А. А., Мажитов Н. А.* Уметбаевские I и II курганы // Курганы кочевников Южного Урала, 1995. Рис. 4, 14, 17; *Боталов С. Г.* Большекараганский могильник II–III вв. н. э. // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. Рис. 5, 14, 15.

продолжали бытовать до X–XV(?) вв. и напрямую связаны с культурой тюркоязычных народов степной и лесостепной зоны Степной Евразии, в том числе башкир. О возможных связях творцов кушнаренковской керамики с мадярами, то подробнее об этом речь пойдет ниже.

Южными соседями бакальских племен были племена подчевашской культуры, расселившиеся по обоим берегам Иртыша, включая низовья р. Ишим. Эта культура изучена лучше, чем бакальская, поэтому в ее истории выделяют этапы VI–VII, VII–VIII, и VIII–IX вв.¹

Подчевашские племена вели оседлый или полуседлый образ жизни, что подтверждается существованием большого количества мысовых городищ, территория которых застраивалась прямоугольными жилищами полуземляночного типа. Дома состояли из бревенчатого сруба и отапливались очагами, устроенными в углублениях в полу. Умерших хоронили по обряду как трупоположения в могилах, так и трупосожжения. Трупосожжение совершалось на стороне, и мелкие пережженные кости укладывались в мелких ямках. Подчевашским племенам известен подкурганый способ захоронения покойников.

Такой беглый обзор погребального обряда подчевашцев показывает, что он был многовариантным, и это можно объяснить активным участием тюркского кочевого населения в их повседневной жизни.

Инвентарь подчевашских памятников очень разнообразен. В нем много железных и костяных предметов вооружения (наконечники стрел), железные ножи, серпы. Полно представлены различные типы серег, пряжек и накладок ремня, а также литых предметов изобразительного искусства, где чаще всего присутствуют сюжеты с изображением человека и фигуры медведя. Керамика круглодонная, близка к чашевидной. Характерным элементом многих сосудов является орнамент из горизонтальных прочерченных линий вокруг горла в сочетании с короткими отпечатками зубчатого штампа. Этот тип посуды отдаленно напоминает поздние варианты кушнаренковских сосудов Южного Урала.

На лесном Среднем Урале археологически выделяются немногочисленные группы племен с ярковыраженным лесным характером культуры и образа жизни. Отношение их к раннесредневековой истории Башкортостана остается пока неясным.

Западнотюркский каганат. Многие вопросы этнополитической истории Южного Урала раннего средневековья читателем не будут по-

¹ Археология СССР. Финно-угры и балты... С. 183–193.

няты, если он кратко не ознакомится с основными этапами истории Западнотюркского каганата. В середине VI в. в степях Евразии происходят важные события, главным из которых было образование в 545 г. в Центральной Азии государства тюрков, известного в науке как Тюркский каганат¹. Он возник в результате многолетней борьбы, а затем разгрома аваров (жуань-жуаней) союзом племен теле, тюгю-тюрков.

Факты показывают, что в конфликт между аварами и тюрками (теле, тюгю) были вовлечены широкие массы населения Центральной Азии, а его последствия вызвали очередную миграцию народов по Евразийским степям. Например, достоверно установлено, что многочисленные группы кочевников-аваров, преследуемые тюрками, в течение короткого времени прошли по южно-сибирским, казахстанским, южноуральским, поволжским степям; археологи не без основания связывают появление на правобережной Волге редких подкурганых захоронений с конем и инвентарем (стременами, удилами и др.), характерными для рубежа VI–VII вв. с этими аварами.² Уже к 557–558 гг. группы беженцев авар завоевали Северное Причерноморье и прочно обосновались на Среднем течении р. Дунай и создали свое государство – Аварский каганат, в состав населения которого вошли местные племена. Это событие нашло отражение в византийских источниках, где, в частности, говорится о том, что в 557–558 гг. «в Византию вступило необыкновенное племя так называемых аваров, и весь город сбежался посмотреть на них, так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными, остальная же их одежда подобна (одежде) остальных гуннов. Они, бежав из своей страны, пришли в области Скифии и Мизии и направили Юстиниану послов, прося принять их»³. Не приходится сомневаться, что основная масса аваров говорила на тюркском языке. Аварский каганат на Среднем Дунае, в Паннонии существовал до конца IX в. (896 г.) и распался после переселения сюда венгров-мадьяр из районов Северного Причерноморья.

Достигнутая победа над аварами сделала тюрков полновластными хозяевами в степях Центральной Азии и позволила начать успешные

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. С. 321–322.

² Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья // СА. 1971. № 3. С. 106–134.

³ Чугуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 52.

военные действия против соседних народов, имея при этом головокружительный успех. Например, ведя войны в восточном, северном и западном направлениях, тюркские войска присоединили в состав своего государства земли от побережья Тихого океана до Западной Сибири, Казахстана и части Средней Азии.

Западные походы тюрков возглавил родной брат первого кагана Бумына Истеми-каган. Его войска, ведя успешные действия, в 558 г. подошли к р. Волге и, таким образом, весь Южный Урал оказался в составе Тюркского каганата. В последующие годы тюрки установили свой контроль над Северным Кавказом и даже Северным Причерноморьем и Крымом.

Когда тюркские войска вышли к просторам Сибири и Казахстана, Тюркский каганат распался на две части: Восточный и Западный. Истеми-каган сделал своей резиденцией город Чуяб на р. Чуй (совр. территория Кыргызстана), однако большую часть времени проводил в походах или в своих личных летних резиденциях. Сохранились свидетельства современников тюркских каганов и их окружения. Буддийский монах Сюань Цзянь, посетивший ставку западнотюркского кагана Ябгу, пишет: «Каган был одет в халат из зеленого шелка. Его сопровождали более 200 тарханов, одетых в халаты из парчи, с заплетенными в косы волосами. Остальные воины, облаченные в одежды, подбитые мехом, и в мягкие головные уборы, держали бердыши, луки и знамена. Их лошади были прекрасны. Едущих на верблюдах и лошадях было столько, что невозможно охватить взглядом». Говоря далее о юрте кагана, он сообщает, что она вся так была украшена золотом, что «рябило в глазах»¹.

Создателями и основным населением каганата были тюркоязычные племена – ближайшие потомки гуннов. Экономика, военно-политические успехи тюрков базировались на развитом кочевом и полукочевом скотоводстве, металлургии железа и цветных металлов. Но в составе Тюркских каганатов были целые земледельческие народы, большие и малые города, являвшиеся центрами политической и культурной жизни, а также различных ремесел.

Время существования тюркских каганатов совпадает с изобретением и широким распространением по евразийским степям предметов новых форм. Основная заслуга в этом принадлежит тюркам. К их числу следует отнести появление жесткого седла на деревянной основе

¹ История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1977. С. 330.

и стремян. Принято считать, что стремя впервые было изобретено в Японии и Корее, у них его заимствовали китайцы, а затем уже тюрки, быстро пронесшие их по степным просторам. Седло на жесткой основе со стременами произвело полный переворот в вооружении воина-всадника. Опираясь ногами в стремя, он теперь свободно сидел на лошади и мог нанести врагу разящий удар. Это обстоятельство привело к появлению первых сабель: клинок меча начинает слегка изгибаться на острие. Новыми элементами культуры являются узкие треугольные или ромбические наконечники стрел, предназначенные для стрельбы в воина, облаченного в кольчугу или панцирную одежду, остатки которых часто находят при раскопках.

Тюрки оставили после себя руническую письменность. Как мы видели, она возникла на тысячу лет раньше, но применительно к VI–VIII вв. число письменных памятников значительно выросло. Тюрки писали на пряжках, зеркалах, глиняных сосудах, на скалах, но официальной формой их письма были надписи на длинных (до 3–4 м) многогранных камнях (шириной 40–60 см). Надписи делались мастерами-камнерезчиками, работающими в государственном аппарате при кагане, и представляли собой рассказы о доблестных деяниях каганов и ближайшего их окружения¹. Следует сказать, что эта традиция надписей на камнях хорошо была известна древним башкирам. Ведь недаром в башкирской песне «Илсе Гайса» говорится: «Если я живым вернусь на свой Урал, напишу историю на его камнях».

Как рассказывают письменные источники, в социально-экономическом плане общество тюрков мало отличалось от других раннефеодальных государств того времени. Каган обладал неограниченной властью над всеми жителями государства и считался верховным собственником земли. Он решал вопросы войны и мира, назначал министров, визирей (советников), наместников-правителей отдельных провинций, мог одаривать своих приближенных огромными владениями вместе с живущим там населением.

Свое государство тюрки называли «десятистрельной страной» («ун ук будун»), оно было разделено на десять провинций, во главе которых стояли наместники. Государственный аппарат при наместнике в миниатюре напоминал тот же аппарат при кагане. В письменных источниках самих тюрков упоминается около 30 различных социальных групп.

¹ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952; Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971.

Главными производителями всех материальных благ в государстве являлись рядовые общинники-скотоводы, ремесленники и земледельцы, а над ними возвышались крупные феодалы. Все подвластное кагану население облагалось налогами, и, чтобы регулировать их, в государстве часто проводилась перепись населения и, возможно, скота. О том, насколько резким был контраст между бедными скотоводами и богатыми, свидетельствует надпись на камне, обнаруженной на Енисее. В тексте, где повествование идет от имени умершего, говорится: «я отделился (т. е. ушел в иной мир) от 6 000 коней»¹.

Религию тюрков можно классифицировать как маздеистскую, т. е. она формировалась под влиянием зороастрийской. Главным богом у них считался Тенгре, отождествляемый с солнцем, небосводом. Стараюсь подчеркнуть свое божественное происхождение, тюркские каганы сравнивали себя с Небом, называя себя сыновьями Неба. Об этом свидетельствуют тексты рунической письменности, где часто встречаются выражения «Небоподобными» или на «Небе рожденными»².

Каждое природное явление имело своих богов-покровителей, и среди них самой почетной считалась богиня Умэй (сравни: древнеиранское Хуми), стоявшая во главе всего птичьего и животного мира. В рунических текстах есть специальные посвящения ей. В одном из них, например, говорится: «Небо, богиня Умэй, священная Земля-Вода – вот они, надо думать, даровали нам победу». Одновременно тюрки приписывали Умэй функции покровительства домашнему очагу, детям и некоторым общественным делам³. У тюрков существовали шаманы, которые играли важную роль в совершении различных религиозных обрядов. Тюрки верили, что шаманы обладают способностью понимать язык птиц и богов и разговаривать с ними.

Современники оставили яркое описание этнографических особенностей обычаев, одежды. Например, мужчины носили длинные халаты, а левая пола халата загибалась и крепилась за пояс. Ношение длинных волос, заплетавшихся в мелкие косы, также считалось важным этническим признаком для тюркских женщин и мужчин⁴.

¹ История Казахской ССР. Т. I... С. 328–332; Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 53–65.

² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков... С. 19; Он же. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 33–34 и др.

³ Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. М., 1972. С. 265–286.

⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 76–86.

Как свидетельствуют китайские историки-современники, тюрки умершего хоронят весной и летом, когда лист на деревьях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он использовал, и вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное место в могилу¹.

Другая группа тюрков наряду с кремацией хоронила своих умерших в виде труположения. В могиле или рядом с ней, в отдельной яме, хоронили коня. Над могилами насыпали курган, часто с применением камня.

Одним из характерных элементов культуры тюрков являются каменные скульптурные фигуры в рост человека. Их отличает большая реалистичность. Они изображают мужчин в головных уборах с заплетенными косами, поясными ремнями с длинными спускавшимися подвесками, которые сплошь украшались металлическими накладками. Характерной позой являются согнутые на уровне груди или живота руки, держащие птиц или сосуд. Считается, что каменные скульптурные фигуры изображали портреты реальных, особо знатных лиц и, скорее всего, изготовлялись по особому заказу. Одновременно фигуры людей могли быть деревянные. Об этом есть упоминания в китайских источниках. Например, в них говорится, что после похорон над могилой строят здание и внутри него «ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни»².

Нам неизвестны условия вхождения отдельных регионов в состав Западнотюркского каганата. Есть все основания думать, что отдельные регионы сохраняли большую самостоятельность, и, возможно, зависимость зачастую сводилась к признанию власти центрального кагана, уплате дани и другим формальностям. В этом отношении любопытно свидетельство китайцев о Кангюе VI–VII вв. По их мнению, его каган «великодушием и добротой сильно привязал народ к себе. Супруга его есть дочь тукюсского хана. Он имеет пребывание при реке Сабао в г. Алуди. Город многолюден. Трое вельмож управляют государственными делами. Владетель заплетает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями. Одевание из шитых шелковых тканей. Супруга складывает волосы на голове и накрывает черным по-

¹ История Сибири. Л., 1968. С. 283.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. II. С. 230.

крывалом. Мужчины стригут волосы, одеваются в камчатные кафтаны. Кангюй считается сильным государством. ...Находится тюркское уложение, хранимое в храме. При определении наказания берут сие уложение и решают дело. За важные преступления казнят весь род; за менее важные определена смерть, за воровство отрубают ноги... Искусны в торговле. Многие иностранцы приезжают в государство их для торга. Есть большие и малые бубны, гитара, пятиструнные гусли, флейта. Брачные и похоронные обряды одинаковы с тюркскими. В резиденции есть храм предкам, в котором приносят жертвы в шестой луне. Прочие владетели приезжают помогать в жертвоприношении... Употребляют тюркское письмо»¹.

Эти сведения касаются государства Кангюй, территориально самого близкого к Южному Уралу и игравшего на протяжении предшествующих веков роль патрона по отношению к нему. При относительной самостоятельности видна его определенная зависимость от тюрков: ханы берут в жены дочерей тюркского хана, пользуются тюркскими законами. Что касается брачных и похоронных обрядов, то их совпадение с тюркскими свидетельствует о том, что население Кангюя уже издревле было тюркоязычным. Данный документ дает информацию о том, что характерный обряд заплетения волос в косы у мужчин являлся социальным признаком. Очевидно, что только каган заплетает волосы, в то время как остальные мужчины стригут их.

Такая детальная характеристика истории и культуры тюрков приведена здесь в связи с тем, что многие важные их признаки в пределах Западного и Восточного Тюркских каганатов распространялись на широкой территории степи и стали составной частью истории и культуры местных народов. Исключение не составляли и племена Южного Урала, оказавшиеся в VI–VII вв. под властью Западнотюркского каганата.

Хозяйство и общественная жизнь племен Южного Урала VI–VIII вв. Приход с юга турбаслинской и кушнаренковской групп населения в предгорные районы края увеличил долю подвижного хозяйства. Но в условиях долгой и многоснежной зимы, исключающих возможность скоту добывать корм из-под снега путем тебеневки, естественным результатом было скорое оседание пришлых племен. Возникновение серии городищ-крепостей, открытых селищ с мощными культурными отложениями в плане сказанного означало прежде всего организацию зимовки скота в стойловом режиме путем заготовки

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 271, 272.

кормов (сенокосения). Важным подспорьем в этом деле, по-видимому, было традиционное использование коры, веток таких деревьев, как вяз, ильм. Практиковались выезды на летовки в предгорья и горы. Хотя у нас нет прямых доказательств, но естественно предположить, что большие и сильные родо-племенные коллективы, особенно степной зоны, могли откочевывать на зиму по традиционным маршрутам в приаральские и прикаспийские степи, как это делали дахо-сако-массагеты и гунны предшествующих веков.

У бахмутинских племен скотоводство могло развиваться только как пастушеское. Интересно, что в некоторых погребениях Бирского могильника в качестве мясной пищи вместо конины оставляли свинину. У лесных народов Восточной Европы это считалось обычным делом.

Другим важным направлением хозяйства было земледелие, следы занятия которым найдены у всех групп племен. Это – железные серпы в бахмутинских могильниках (Югомаш, Каратамак и др.), жернова в городищах (Имендяш, Уфа-II) турбаслинских и кушнаренковских племен. Наряду с указанными обычными археологическими находками есть оригинальные следы занятий турбаслинских племен, земледелием. При исследовании поселения Новотурбаслинское II было обнаружено пять жилищ полуземляночного типа площадью 25–30 м². Около одной из землянок удалось выявить округлую яму диаметром около 2 м, глубиной около 1 м. Стенки и дно ямы были обложены тонкими, хорошо обработанными досками, а сама яма служила зернохранилищем. В полузаполненном состоянии яма погибла от пожара, о чем свидетельствуют обугленные зерна полбы и куски от досок¹.

Следует отметить, что такой способ хранения зерна являлся традиционным для оседло-земледельческих племен Восточной Европы. Примерно через 200 лет его подробно описал Ибн Фадлан у волжских болгар (X в.). Он пишет, что болгары угощают своих гостей медовым напитком и пшеницей, потому что «земля у них черная, вонючая, а у них нет помещений, в которых они складывают пищу, так что проходит лишь немного дней, как она портится, воняет (гнилью) и ею нельзя пользоваться»².

¹ *Мажитов Н. А.* Поселение Новотурбаслинское II // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962. С. 154.

² *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 136.

Второй оригинальной находкой являются жареные зерна пшеницы (полбы) в двух погребениях Новотурбаслинских курганов. Жареные зерна (күрмас) издревле являются обычной злаковой пищей полукочевников. Состав погребальной пищи всегда определялся вековыми традициями, и в этом смысле занятие земледелием для турбаслинских племен в VI–VIII вв. являлось уже привычным.

Археологический материал, таким образом, позволяет определить уровень земледельческого хозяйства племен Южного Урала VI–VIII вв. как относительно высокий. Есть все основания предположить, что земледелие к этому времени повсюду приобрело плужный характер. Косвенным доказательством этому служат находки наральников от плуга в памятниках азелинских племен на р. Вятка и именьковских в Среднем Поволжье¹.

При раскопках практически всех городищ и селищ VI–VIII вв. обнаружены куски шлаков, обломки тиглей, льячек и других предметов, свидетельствующих о занятии населения металлургией меди, бронзы и железа. Но самым конкретным материалом, подтверждающим это, являются разнообразные предметы орудий труда, вооружения и украшений из могильников. Среди этого материала из разных памятников бросаются в глаза стандартные формы и размеры серпов, топоров, тесел, ложкарей, пряжек, наконечников – практически всего набора вещей, изготовлявшихся на месте. Следовательно, среди металлургов-кузнецов существовала высокая специализация. Вполне возможно, что данная отрасль хозяйства существовала на уровне ремесла².

Памятники VI–VIII вв. изобилуют сотнями привозных вещей, указывающих на различные направления торгово-экономических связей. В них, видимо, главными были связи с югом, прежде всего с Кангюем, с которым большинство населения края было издревле связано своим происхождением, экономикой и культурой. Следует еще раз подчеркнуть, что в условиях кочевого и полукочевого скотоводства на Южном Урале меридианальные откочевки на юг на зимний период и возвращение на весенне-летний сезон являлись необходимым условием, и поэтому связи с югом для племен VI–VIII вв. были привычным делом. С юга на Урал приходили мастера-ремесленники по металлургическо-

¹ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура // ВАН. Вып. 5. Свердловск, 1963. С. 26; *Старостин П. Н.* Памятники Именьковской культуры. Свод археологических источников. Д, 1–32. М., 1967. Табл. 13.

² Данное положение может приобрести доказательный вид лишь после изучения технологии изготовления найденных предметов.

му, керамическому делу и другим отраслям, они налаживали здесь свое производство, где отражались местные условия и традиции. Навыки их передавались ремесленникам из местной среды. Большинство вещей этого времени в крае, скорее всего, изготавливалось по данной схеме.

На юг племени Южного Урала, очевидно, вывозили пушнину, мед, металл, получая взамен ювелирные изделия, шелковые ткани и другие товары. Кстати, фрагменты шелковых тканей обнаружены в ряде богатых погребений турбаслинских (из-под здания медицинского института, Уфа) и бахмутинских (Бирск) могильников. Южное происхождение имеют стеклянные кубки, золотые колты, медальоны, ожерелья из стекла, янтаря и многие типы украшений на поясных ремнях. На это указывает хотя бы то, что сотни и тысячи вещей аналогичных форм богато представлены в памятниках указанного времени Поволжья, Кавказа, Крыма, Сибири и Казахстана, и единые центры их изготовления пока трудно устанавливаются.

И в раннем средневековье Урал со своими природными богатствами продолжал привлекать внимание народов дальних стран, Кангюй же играл роль связующего звена. Речь в данном случае идет о широком распространении на Урале так называемых изделий сасанидского серебра, являющихся продукцией мастеров-ювелиров Ирана и государств Средней Азии. К числу этих вещей относятся кубки, блюда, кувшины из серебра, некоторые с позолотой и богато декорированные различными изображениями, мифологических сюжетов. Все они представляли шедевры высокого искусства и, безусловно, ценились очень дорого¹.

Специалистами подсчитано, что на территорию Восточной Европы, Сибири приходится около 200 таких изделий, но большая их часть найдена на Урале: в Пермской, Екатеринбургской областях, в Башкортостане, в частности, были найдены сасанидские блюда (примерно VI–VII вв.): в Гафурийском (кувшин), Чишминском (чаша) районах.

Археологический материал, таким образом, рисует нам достаточно широкомасштабный характер торгово-экономических связей племен Южного Урала с южными странами. Это предполагает, а конкретный материал подтверждает существование в крае товарно-денежного обращения. Доказательством этому служит появление на Урале первых кладов южных монет. Такие клады, содержащие византийские монеты VI–VII вв., были обнаружены в местности Шестаково на Южном

¹ *Воцинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. // *СА.* 1953. Вып. XVII.

Урале и Бартым в Пермской области¹. Третий клад с монетами того времени открыт недавно на дне жилища-полуземлянки именьковской культуры в Среднем Поволжье².

Жизнь южноуральских племен VI–VIII вв. проходила в обстановке, когда этот край был завоеван и включен в состав Западнотюркского каганата. Учитывая, что основное население сформировалось в результате оседания здесь пришлых из южных степей племен, а также сильное влияние южной культуры в местных памятниках, можно с уверенностью предположить, что турбаслинские, кушнаренковские, бахмутинские племена есть население Западнотюркского каганата. Соответственно культура этих племен есть культура Западнотюркского каганата в южноуральском варианте.

¹ Кротокин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Е. 4–4. М., 1962. С. 10. № 69, 70.

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 122.

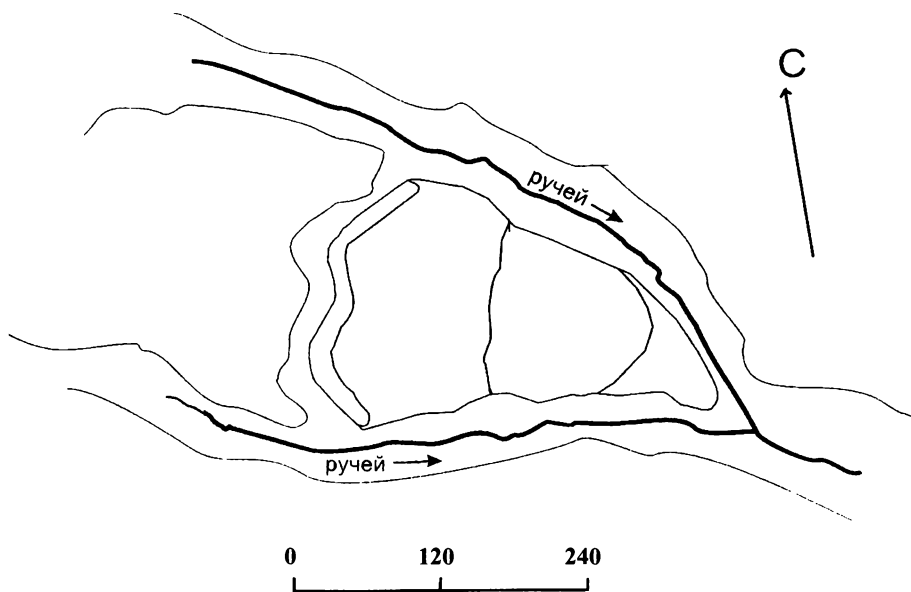

Глава VI ГОРОД БАШКОРТ – СТОЛИЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО БАШКОРТОСТАНА

Городища-крепости на территории г. Уфы. В данной главе речь в основном пойдет о городище Уфа-II, расположенном в центре г. Уфы, но мы с определенной долей вероятности называем его городом Башкорт. Город под таким названием на р. Белой часто упоминается в средневековых источниках.

Содержание предшествующей главы позволяет констатировать существенный прогресс в социально-экономической и этнокультурной сферах жизни населения Южного Урала за период V–VIII вв. Одним из решающих факторов этого прогресса явилось качественное обновление состава населения за счет притока и оседания в крае многочисленных групп степных кочевников и смешения их с местными племенами. Эти процессы, получившие яркое отражение в археологическом материале, надо полагать, способствовали преодолению сохраняющейся еще родоплеменной и локально-территориальной замкнутости и активному вовлечению народов Южного Урала в процессы международных торгово-экономических и политических связей, а также развитию их экономики и духовно-культурной жизни. Одним из ярких показателей происходивших изменений является относительно высокий уровень металлургии железа, меди и бронзы, выразившийся в массовом распространении предметов орудий труда, вооружения и украшений стандартных форм и размеров.

Другой показатель серьезных изменений во всех сферах жизни населения – появление в это время более сотни новых городищ и селищ на ранее необжитых местах лесостепной и лесной зонах Южного Урала. Эта группа памятников пока малоизучена, но бросается в глаза следующее: небольшие городища количеством 5–10 группируются вокруг

*Фрагмент из топографического плана г. Уфы
1745 г., на котором изображен мыс, где расположено городище Уфа-II*

больших, отличающихся своими монументальными оборонительными сооружениями. Не подлежит сомнению, что эти крупные по размерам городища являлись своеобразными центрами политической, торгово-экономической и культурной жизни, а некоторые из них уже тогда выросли до статуса городов, ставших известными в позднейших средневековых письменных источниках. К их числу, прежде всего, следует отнести городище Уфа-II в Кировском районе города Уфы.

В IV–V вв. оно вместе с рядом расположенным городищем на мысу «Монумент Дружбы» образует единый историко-археологический комплекс – крупный населенный пункт. Сюда же входило поселение (условное его название городище Уфа-III), расположенное на узком мысу шириной около 100 м, длиной более 200 м, образованном правым берегом р. Белой и глубоким оврагом, примыкающим непосредственно к городищу Уфа-II. Мыс заканчивался у устья безымянного ручья, впадающего в р. Белую, на расстоянии около 200 м выше Оренбургского моста. Еще до середины 60-х годов по мысу проходила улица с

многочисленными домами, но в связи со строительством моста через р. Белую и подъездных путей к нему мыс был полностью снесен. По свидетельству краеведа П. Ф. Ищерикова, открывшего для науки городище Уфа-II, на территории этого мыса ему удалось собрать богатую коллекцию керамики, полностью аналогичную керамике городища Уфа-II. Характер мыса позволяет предполагать наличие здесь самостоятельного археологического памятника.

На расстоянии 1–2 км от этого комплекса располагались еще три современных ему городища: одно на территории санатория «Зеленая роща», второе у «Каменной переправы» через р. Уфа (устье р. Уфа), а третье – на мысу, где находится памятник Салавату Юлаеву. К этим городищам примыкали десятки открытых поселений по берегам рр. Белая, Уфа и стариц Демы, содержащие главным образом керамический материал V–XIV вв.

Городище Уфа-II – крупнейшая крепость на Южном Урале.
История изучения. Из упомянутого выше историко-архитектурного комплекса лучше сохранилось городище Уфа-II. О масштабности и долговременности его свидетельствуют многослойные культурные отложения мощностью до 4 м с находками преимущественно V–XV вв. (без учета верхних отложений, относящихся к XVI–XX вв.). На памятнике местами сохранились следы широкого и глубокого рва и высокого земляного вала, предназначенных для защиты жителей крепости в минуты опасности. Кстати, профессору В. А. Иванову удалось отыскать топографический план города Уфы 1745 г., где четко видны контуры городища Уфа-II. По середине мыса, где расположено городище, имеются три, местами четыре жирные линии, которыми, скорее всего, обозначены ров и вал. Эти линии примерно совпадают с сохранившимися остатками рва и вала. Судя по топоплану, крепостная стена (вал) городища имела зигзагообразную форму, т. е. вал имел выступающие вперед углы-башни, с которых удобно было обороняться. Исследователи такую форму крепостных стен оценивают как очень сложную и более совершенную. На плане видны еще две слабо заметные черные линии, возможно, отражающие вторую и третью оборонительные линии крепости.

Городище Уфа-II науке стало известно в 1956 г. К этому времени краевед П. Ф. Ищериков на городищах Уфа-II и Уфа-III собрал большой подъемный материал, состоящий преимущественно из обломков

керамики середины I тысячелетия н. э. С целью выяснения стратиграфического залегания находок в 1957–1958 гг. Н. А. Мажитовым на городище были заложены два разведочных раскопа, которые показали, что они образуют культурные отложения мощностью до 4 м. Материалы раскопок полностью опубликованы¹. На их основе Н. А. Мажитов датировал городище в среднем V–X вв. н. э. В своих многочисленных работах он утверждал, что городище Уфа-II является базовым историко-археологическим памятником по средневековой истории города Уфы. Эти предположения теперь полностью подтвердились новейшими исследованиями.

Отпечаток изображения на парфянской гемме. Городище Уфа-II. Увеличено

Учитывая важное научное значение городища Уфа-II в плане изучения социально-политической истории Башкортостана и города Уфы, Правительство Республики Башкортостан в 2006 г. приняло специальное Постановление о начале широкого научного изучения городища Уфа-II. Археологические раскопки были начаты в 2006 г. и велись на протяжении лета 2007–2009 гг.

Итоги проведенных раскопок превзошли все наши ожидания. Так, например, удалось обнаружить деталь крепостной стены, сложенной из желтой материковой глины. Чтобы она не расплылась, снаружи и изнутри стена поддерживалась вертикальными бревнами. Она была очень высокой, на раскопанной части прослеживаются случаи ремонта. По верху этой стены находился частокол из вертикальных, скорее, дубовых бревен. Здесь уместно вспомнить сохранившееся у башкир до настоящего времени предание о том, что существовавший до XVI в.

¹ *Ищеригов П. Ф.* Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 97–99; *Ищеригов П. Ф., Мажитов Н. А.* Городище Уфа-II // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1962.

город на территории г. Уфы называли «Имэн-кала», т. е. «Дубовый город». Это название укрепилось, вероятно, упомянутым выше дубовыми стенами.

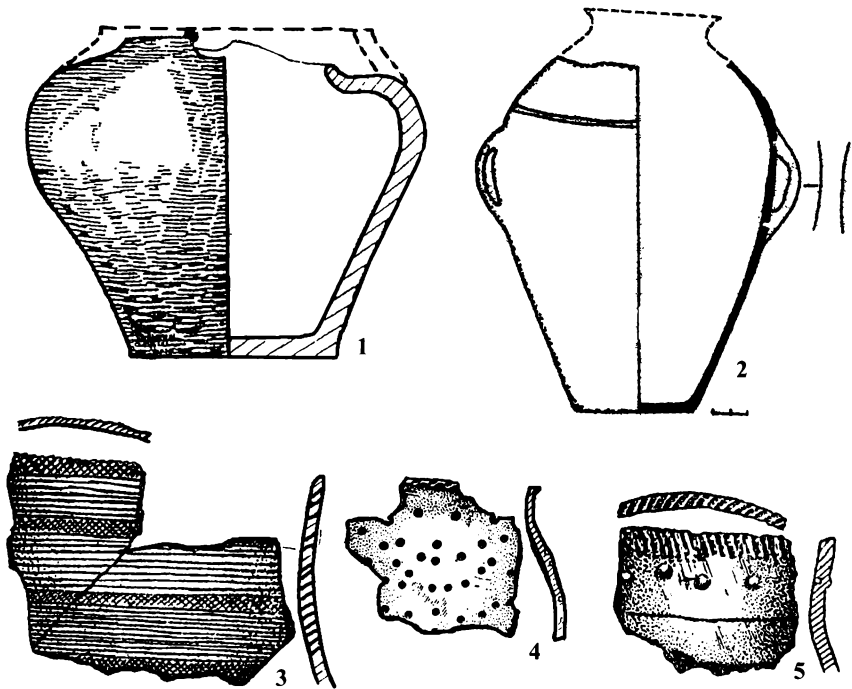
Совершенно неожиданными для участников раскопок явились слои разносоставной и разноцветной глины, где фиксируются слои глиняной заливки. Эти слои повсюду идут ровными по толщине линиями, покрывающими широкую поверхность. Они могли образоваться при условии, если жидкая земляная масса укладывалась в опалубки, которые после высыхания убирались. Информаторы подсказали, что эта древнейшая строительная техника зародилась у южных степных народов Азии, и там она бытует и в настоящее время. Слои глины чередуются слоями древесины. Назначение этой условно называемой кладки пока трудно объяснить, но несомненно то, что она – часть монументального сооружения, не встреченного ни в одном подобном памятнике Восточной Европы. Не исключено, что пол жилищ или площадь крепости заливали смесью жидкой глины и черной земли, после ее высыхания покрывали деревянным полом.

Основной вещевой материал, собранный на городище, состоит из предметов, датируемых в пределах V–XIV вв. Это – обломки керамики бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской культур. Такой состав находок свидетельствует о том, что население данного памятника в этническом плане было смешанным, но в нем численно преобладали представители турбаслинских племен.

Среди других материалов городища особо следует выделить серебряный позолоченный наконечник ремня, серебряную серьгу, датируемые рубежом VII–VIII вв. н. э. Вероятно, к этому же времени относятся около 10 кусков золотой проволоки, служившей сырьем для изготовления ювелирных изделий. Достоверно установлено, что эти куски золота связаны с ранним этапом существования городища.

К раннему этапу городища (V–VII вв.) относится обломок каменной скульптуры человека. На нем отображена правая половина лица: искусно выведены линии лица, носа, рта, усов и шеи. Поверхность скульптуры была тщательно отполирована. Скульптура имела высоту где-то 20–30 см и напоминала среднеазиатские статуэтки. Возможно, она принадлежала первым поселенцам городища.

Как уникальная находка может быть отмечена объемная конская фигура с круглой петелькой на спине. На фигуре четко выведены гри-

Образцы глиняной посуды городища Уфа-II: 1 – сосуд турбаслинского типа; 2 – привозной сосуд, изготовленный на гончарном круге; 3 – сосуд кушнаренковского типа; 4 – сосуд бахмутинского типа; 5 – сосуд караякуповского типа

вы, ремни от узды. На Южном Урале в VI–VIII вв. широкое распространение получают литые плоские конские фигуры-подвески.

На городище много находок IX–XII, XIII–XV вв., но об этом речь пойдет в соответствующих главах.

Историческое место городища Уфа-II и связанных с ним других памятников на территории г. Уфы трудно понять без учета того, что за крепостными стенами городища Уфа-II располагался огромный некрополь-кладбище его жителей. О существовании курганов известно было еще в XVII–XX вв. Судя по архивным источникам, курганы сплошным массивом располагались по высокому правому берегу р. Белой от уровня ул. Ново-Мостовой до мусульманского кладбища по кварталам улиц Тукая, Фрунзе, Пушкина. Есть сведения, что такие же

курганы располагались к югу от р. Сутолоки, т. е. от городища Мону-мент Дружбы до устья р. Уфы.

Эти курганы по мере расширения города в северном и южном направлениях разрушались в ходе земляных работ, оставались под уличными мостовыми, а многие из них хищнически раскапывались жителями г. Уфы в XVII–XVIII вв., о чем имеются документальные подтверждения.

Некрополь необычен как по размерам, так и по богатству изделий из редких металлов. По этим показателям, пожалуй, ему нет равных во всей Восточной Европе, а также Западной Сибири и прилегающих регионах Казахстана. Сохранились сведения о том, что первые поколения русских переселенцев в целях наживы занялись массовым ограблением этих курганов и об этом стало известно царю Алексею Михайловичу, что побудило его в 1669 г. поинтересоваться, почему в Башкирии «...русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуды...», и было приказано предоставить подробные сведения об этих находках¹. О них стало известно даже ученым Западной Европы².

Многие наши оппоненты пытаются рассматривать городище Уфа-II изолированно от остальных одновременных памятников, в окружении которых оно находится. Однако без их учета исследователю невозможно выработать объективную оценку городища Уфа-II, всего комплекса тесно связанных с ним памятников.

Одним из самых богатых из числа разрушенных считается выше упомянутое погребение из-под административного здания медицинского университета на углу улиц Ленина и Пушкина, выявленное в 1936 г. Часть золотых изделий разошлась по рукам, но сохранившиеся впечатляют своим числом, размерами и высоким качеством изготовления³. Среди них самую большую группу составляют медальоны-кулоны, украшенные зернью и вставными камнями, щитки от двух перстней с двумя круглыми отростками сбоку, полуовальные подвески с тремя

¹ *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // *Древности Башкирии.* М., 1970. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 163, 164; об этих уфимских погребениях см. также: *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения VI–VIII вв. н. э. // *КСИИМК.* М., 1951. Вып. 40. С. 125–137; *Он же.* Древние погребения в г. Уфе // *КСИИМК.* Вып. XXV. М., 1949. С. 113–117; *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии // *МИА,* № 58. М., 1957. С. 58–60.

отростками, попарно насаженные на кольца такой же формы из золотой проволоки. Есть сердцевидные и других форм, круглорамчатые наконечники ремней. Найдены остатки красной шелковой ткани. Не подлежит сомнению то, что весь этот богатый набор предметов составлял украшение женщины примерно рубежа VII–VIII вв. н. э. Эту дату подтверждают близкие аналогии медальонам, наконечникам ремней в культуре дунайских болгар самого начала VIII в. н. э.¹

Не менее богатое погребение было обнаружено в 1786 г. в районе нынешнего Дома Республики по улице Тукая. По сообщению тогдашних краеведов, здесь в ходе земляных строительных работ был срыт большой курган, давший золотые изделия весом более 2 кг, отправленные затем императрице Екатерине II в качестве дара от уфимских горожан². На возраст и культурную принадлежность этих находок некоторый свет проливают материалы более 10 погребений, разрушенных, но доисследованных авторами настоящей книги в 1977 г. Эти погребения выявлены вблизи раскопанного в 1766 г. кургана на берегах длинной траншеи, вырытой для прокладки коммуникаций в указанный Дом Республики. В погребениях обнаружены золотой перстень с круглым щитком, позолоченные пряжки, нашивки, а также обломки типично турбаслинской глиняной посуды. Вероятно, рядом расположенное погребение 1786 г. также содержало вещи турбаслинского времени (V–VIII вв.).

По-видимому, в районе вышеописанных погребений в 1828 г. был разрушен следующий богатый курган, откуда происходит золотая монета V в. н. э. византийского императора Феодосия II. Обстоятельства обнаружения и состав сопровождающих находок пока не выявлены, но о монете имеется достоверная информация в одном из академических изданий того времени³. Для установления ранней даты городища Уфа-II эта монета служит бесспорным доказательством, но ее значение до сих пор специалистами в должной мере не оценено. Это

¹ Старобългарско изкуство. София, 1979. Табл. 2; Национален археологически музей. София, 1976, Табл. 9. (нижняя половина); *Александров Г.* Средневековно българско съкровище от Михайловград // Археология. Кн. 1. София, 1984. С. 29–38.

² *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения IV–VII вв... С. 162; Дело императорской археологической комиссии. Об археологических исследованиях г. Игнатьева в Оренбургском крае. № 21. 1864. С. 46, 47; *Гурвич Н. А.* Описание г. Уфы // Справочная книжка уфимской губернии. Отдел IV. 1883. С. 8, 9.

³ Труды и летописи общества истории и древностей российских. Часть 8, М., 1837. С. 138–139.

вынуждает нас дать здесь полную информацию о ней из источника 1837 г. «Труды и летописи общества истории и древностей российских. Ч. 8. М., 1837».

«Письмо его Высокопреосвященства Киевского Митрополита Евгения, к его превосходительству, господину Председателю.

... присем прилагаю еще золотую монету Константинопольского Императора Феодосия Юнейшаго, доставленного мне Преосвященным Амвросием, в первых числах сего Марта проезжавшим через Киев из Уфы в Житомир. Монета сия, в сем экземпляре очень хорошо сохранившаяся, известна нумизматам; но для нас она замечательна тем, что, по сказанию упомянутого Преосвященного, найдена в городе Уфе прошлого года в августе месяце, при рытии канавы для фундамента под каменный дом между костями человеческими и конскими и железными вещами, конской сбруе принадлежащими, и при них открыты соколиные когти. Сию находку предоставляю я кабинету Общества.

Киев. 20 марта 1829.

Его превосходительству Александру Александровичу Писареву».

В 50–60-х гг. XX в. в одном из разрушенных погребений на территории г. Уфы была найдена массивная золотая цепь с наконечником¹. Ее во время земляных работ нашел бульдозерист-тракторист, который принял ее за бронзовую цепь и долгое время хранил среди своего инструментария. О необычной цепи стало известно директору Национального музея Республики Башкортостан Р. Б. Ахмерову, и он спас ее для науки. Полный аналог этой цепи, но изготовленный из серебра, происходит из могильника Такталачук в районе устья р. Белой, где, по сопровождаемому материалу, датируется рубежом VII–VIII вв. н. э.² Автор публикации считает, что такталачукская цепь служила шейной гривной. Скорее всего, такого же назначения была уфимская золотая цепь.

Вышеперечисленными редкие находки из уфимских курганов не исчерпываются. К ним следует добавить предметы роскошного конского снаряжения (фалары, обкладки седла), обложенные золотой фольгой, из разрушенного погребения на территории бывшего завода имени С. М. Кирова³, набор серебряных предметов (накладки и пряжки ремней)

¹ Ахмеров Р. Б. Указ. соч. С. 179. Рис. 6.

² Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. М., 1981. Рис. 5, 6, 16; С. 124, 125.

³ Ахмеров Р. Б. Археологические находки в Башкирии // СА. 1974. № 2.

из-под здания Башкирского театра оперы и балета, погребения на ул. К. Маркса и Мустая Карима. В культурно-хронологическом плане к ним примыкает богатое погребение возле бывшей дер. Новиково, вблизи Ботанического сада, где найдены серебряная чаша с изображением птицы, множество серебряных, золотых бляшек, накладок, медальонов и меч¹. Кстати, среди находок была золотая цепь, полностью совпадающая по форме с упомянутой выше золотой цепью с территории г. Уфы.

Богатая уникальными археологическими памятниками территория г. Уфы постоянно приносит неожиданные сюрпризы. Таковой, например, явился бронзовый литой медальон с рельефным изображением двух византийских военачальников во весь рост, в полном вооружении, с копьем, мечом и щитом. Воины в бронированной одежде, шлемах, на ногах, кажется, сапоги. Медальон обнаружен в 1987 г. в разрушенном погребении недалеко от городища «Монумент Дружбы», где, кроме того, обнаружены фрагменты от глиняного сосуда турбаслинской культуры².

Второй аналогичный медальон найден осенью 2005 г. в одном из разрушенных курганов Дежневского курганного могильника турбаслинской культуры. Во время расширения проспекта Октября был раскопан курган, в котором выявлена могила, где найдены останки мужчины с деформированным черепом, турбаслинский глиняный сосуд, серебряная пряжка и бронзовый медальон аналогичный первому. Ориентировочный возраст медальонов, судя по сопровождающим предметам, V–VI вв. н. э.

Эти византийские медальоны – знаки воинского отличия – на Южный Урал проникали, как и описанные выше золотая монета византийского императора Феодосия II (V в. н. э.) и клады византийских монет VI–VII вв. по хорошо налаженным торгово-экономическим и культурно-политическим связям племен Южного Урала с Византией и другими странами Центральной Европы, а также Кавказа, Ирана и Средней Азии. По этим же каналам, безусловно, поступили сюда все высокохудожественные ювелирные изделия из золота и серебра.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в памятниках Южного Урала V–VIII вв. много южных привозных вещей. Одной из первых эту тему затронула в своих работах А. И. Вощина и объяснила их происхождение высоким уровнем торгово-

¹ Булычев Н. Ш. Древности из Восточной России. Вып. 1. Спб., 1902.

² Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура. Уфа, 1998. С. 78. Рис. 14, 17.

экономических связей южноуральских племен с югом¹. На эту тему писали и другие археологи². В плане этих высказываний чрезвычайно ценными являются исследования крупнейшего знатока древних и средневековых монет Евразии В. В. Кропоткина, который проанализировал случаи нахождения на Южном Урале византийских монет VI–VII вв. Он говорил о существовании оживленного торгового пути от Урала к южным культурным центрам. Он даже допускал мысль о том, что Южный Урал входил в зону функционирования денежного обращения³. Сейчас число находок монет V–VIII вв. с территории Урало-Поволжья значительно увеличилось и это служит дополнительным аргументом в пользу данного вывода нумизмата.

В отмеченных связях жителям средневековой Уфы принадлежала, безусловно, важная роль. В пользу этого говорит факт существования здесь ремесленного центра по производству ювелирных изделий.

На городище Уфа-II обнаружены железоплавильные печи с остатками криц, шлаков, обломков, тиглей.

Городище Уфа-II – цитадель средневекового города Башкорт.

Но мы, как уже говорилось выше, располагаем огромным количеством находок, в том числе монетными находками XIII–XIV вв., и свидетельствами письменных источников, бесспорно доказывающими непрерывное существование данного комплекса памятников вплоть до начала XVI в. По-видимому, этот город был известен в странах тогдашнего цивилизованного мира. Так, например, выдающийся арабский автор XIV в. (умер в 1406 г.) Ибн-Халдун в числе крупнейших городов Золотой Орды назвал город Башкорт⁴, а на карте западноевропейских авторов XIV–XVI вв. братьев Пицигано (1367 г.) и г. Меркатора (1554 г.) город Паскертти (Башкорт) помещен в среднем течении р. Белой, примерно, на уровне современной Уфы⁵. На Южном Урале городище Уфа-II

¹ *Воцинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // СА. 1953. Вып. XVI. М. С. 183–196.

² *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 75–84; *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 3–56.

³ *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Е 4–4. М., 1962. С. 64.

⁴ Золотая Орда в источниках. Т. I. М., 2003. С. 169.

⁵ *Псянчин А. В.* Башкортостан на старых картах. Уфа., 2001. С. 70, 71; *Он же.* Mons et URBIS: Уральские горы и город Уфа в европейской средневековой картографической традиции // Архивы Башкортостана. № 1, 2007.

самый крупный памятник, поэтому логично предположить, что под городом Башкорт вышеназванные авторы подразумевали комплекс памятников (городища, некрополь, селища) с городищем Уфа-II в центре.

Утверждение за городищем Уфа-II названия «город Башкорт» легко объяснимо: оно возникло от самоназвания народа башкорт – коренного населения Южного Урала. Эта – распространенная традиция, когда этнонимы присваиваются городам. Таковы, в частности, города Булгар, Сувар, которые названы по этнонимам крупнейших племенных объединений.

Превращение имени народа в название города отражает процесс возникновения, утверждения и распространения понятий «башкиры», «башкирский народ» и «страна башкир». В плане такой постановки вопроса у нас есть ряд косвенных доказательств, указывающих на то, что уже в VII в. часть населения Южного Урала носила название «башкиры». Здесь будет вполне оправданным, если обратимся к трудам китайских авторов VII в., где близко к Южному Уралу упоминается народ ба-шу-ки-ли. По мнению китайского профессора Чанг Ланга, данный этноним означает китайский вариант правописания имени «башкорт». Неизвестный китайский историк VII в. (умер в 643 г.) считал, что «ба-шу-ки-ли», своим происхождением были прямо связаны с гуннами (ни-уйнг-ну) и принадлежал к числу тюркских народов с общим именем «тие-ле», плотно заселивших территорию Западного Туркестана и Нижнего Поволжья. А.-З. Валиди полагал, что под этнонимом «тие-ле» китайские авторы подразумевали тюркские племена телес-теле Алтая и Прииртышья, широко известные по тюркским орхоно-енисейским письменным памятникам VII–IX вв.¹ Отсюда напрашивается вывод о том, что «ба-шу-ки-ли» на Урал могли прийти в ходе массовых переселений народных масс в гунно-тюркское время.

В исторической литературе существует мнение, принадлежащее М. И. Артамонову, о том, что башкиры упомянуты в «Армянской географии» VII в. под именем «бутки» или «бушки»². В источнике бушки-башкиры названы как народ, приходящий в Северный Прикаспий на зимние пастбища с северных краев.

А.-З. Валиди в своих исследованиях привел другой, более убедительный пример, который, на наш взгляд, может иметь решающее

¹ Э. Валиди *Туган*. Башкорттарзың тарихы. Өфө, 1994. 10, 11-се бб.

² Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 234, 235.

значение при изучении происхождения этнонима «башкорт» и этнополитической ситуации в Башкортостане VI–IX вв. Это существование на юге Средней Азии горного хребта «башкуртские горы»¹. Там же в VI–VIII вв. находился город Башгирд (Вашгирд). Источники показывают, что он являлся столицей страны башгирд и упоминается в связи с военными конфликтами тюрков с эфталитами (VI в.) и завоеванием арабами Средней Азии в начале VIII в.² Обращает на себя внимание сходство названия города с написанием в трудах арабских авторов IX–XI вв. этнонима башкир: башгырт (Салам Тарджеман, IX в.), башгирд (ибн-Фадлан, X в.), бажджирт (ал-Истахри, ибн-Хаукаль, X в.), бишгирт (Кашгари, XI в.) и др. Вряд ли такое сходство носит случайный характер. Вполне вероятно, что приведенные примеры, являются отголосками некогда существовавшего на территории Северного Ирана и Средней Азии народа башкорт, рассеянного потом в ходе военно-политических событий. В свете высказанных соображений нельзя не согласиться с предположением А.-З. Валиди о том, что возникновение на Южном Урале этнонима «башкорт» связано с приходом сюда группы племен с самоназванием «башкорт» – выходцев из этого региона. Одновременно мы допускаем, что указанными пришлыми башкирами и племенами ба-шу-ки-ли китайских авторов имеется прямая связь: последние под «ба-шу-ки-ли» могли подразумевать пришлых башкир. При таком решении вопроса мы должны признать, что уже в VII в. они проживали на Южном Урале³.

Пришлые племена башкир, очевидно, вошли в активный контакт с местным населением и возглавили собственное государственное объединение со столицей в городе Башкорт. Дальнейшее усиление военно-экономической мощи этой политической организации способствовало

¹ Э. Валиди *Туган. Күрһәтелгән эш.* 12 б; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 129, 131, 133 и др.

² Гафуров Б. Т. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 216; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. Карта эпохи уйгурского каганата.

³ Мажитов Н. А., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. О средневековом этапе города Уфы – столицы Башкортостана // Архивы Башкортостана. Уфа, 2007. № 1. С. 24–33; Они же. Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестник АН РБ. Уфа, 2007. Т. 12. № 3. С. 39–44; Они же. Еще раз о городе Башкорт – столице средневекового Башкортостана // Вестник АН РБ. Уфа, 2007. Т. 12. № 4. С. 54–58; Они же. Башкирские города по арабским источникам IX–X вв. // Вестник АН РБ. Уфа, 2008. Т. 13. № 2. С. 44–48; Они же. Сокровища древней Уфы. Уфа, 2008.

этнокультурному объединению различных племенных групп населения края в рамках формирующегося башкирского народа, расширению территории распространения понятий «башкирский народ» и «страна башкир». Кстати, в письменных источниках IX–XII вв. эти два понятия применительно ко всему Южному Уралу упоминаются как давно утвердившиеся. Следовательно, начальные этапы их возникновения и развития здесь охватывают более раннее время.

Авторы настоящей работы признают, что вышеизложенное является лишь рабочей гипотезой, рассчитанной на критический анализ и проверку материалами будущих исследований.

Так авторы представляют средневековый этап сложения понятий «башкиры» и «башкирский народ». Дальнейшее развитие социально-экономической и культурно-политической жизни племен Южного Урала в рамках единых национальных организаций привело к их консолидации на качественно новом уровне, и это способствовало утверждению и распространению на весь регион в IX–X вв. понятия «страна башкир». Яркой иллюстрацией этого исторического процесса на Южном Урале служат труды Салама Тарджемана, Ибн-Фадлана и других авторов указанного времени.

Но теперь вернемся к итогам археологических раскопок 2006–2007 гг. на городище Уфа-II.

С самого начала раскопки показали, что городище Уфа-II представляет сложный памятник как по стратиграфии культурных слоев, так и по составу находок и долговременности существования. Для нас, участников раскопок, абсолютно новыми и непонятными были происхождение и назначение кладки из разносоставных слоев, о которых выше уже шла речь. Чтобы внести ясность в эти вопросы, Академия наук Республики Башкортостан обратилась в Институт археологии РАН (г. Москва) и Институт истории Академии наук Республики Татарстан с просьбой направить на городище Уфа-II квалифицированных специалистов, обладающих опытом изучения средневековых городов со сложной стратиграфией. Просьба была удовлетворена, и в Уфу в августе 2007 г. приехали чл.-кор. АН РТ Ф. Ш. Хузин (Казань), д. и. н. И. Л. Кызласов, д. и. н. Ш. Н. Амиров и к. и. н. И. А. Сапрыкина (все из г. Москвы). Они ознакомились с процессом раскопок городища, его стратиграфией и составом находок и, изложили свое мнение в виде резолюции Экспертного Совета и представили в Правительство РБ и Академию наук РБ. Данная резолюция затем была обобщена в офи-

циальном письме директора Института археологии РАН Н. А. Макарова в адрес Академии наук РБ и Премьер-министра Правительства РБ Р. И. Байдавлетова.

Это первые официальные и объективные оценки состояния и научной значимости городища Уфа-II. Документы с подробными комментариями уже опубликованы, поэтому здесь мы ограничимся цитатой письма директора Института археологии РАН члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова Премьер-Министру Правительства Республики Башкортостан Р. И. Байдавлетову. Отметив, что хорошая сохранность культурных слоев позволит четко выделить хронологические этапы памятника, а оборонительная стена, возведенная на раннем этапе функционирования городища по предварительному проекту, отражает существование самобытной военно-фортификационной школы, он пишет:

«Найденные на территории городища находки – изделия из драгоценного металла (ювелирные украшения, детали одежды), изделия из полудрагоценных камней, уникальные находки монет ранневизантийского и золотоордынского времени, а также выявление остатков ювелирной мастерской, специализировавшейся на обработке золота, позволяют интерпретировать это городище как наиболее раннее поселение городского типа на данной территории, время существования которого относится к IV–XV/XVI вв. н. э.

Городище Уфа-II, по результатам экспертной оценки, является крупным, веками существовавшим административным, торговым, ремесленным центром, одним из узловых пунктов истории Урало-Поволжского региона. Научное значение памятника выдвигает его в разряд **наиболее ценных исторических источников дописьменной истории Башкортостана и Южного Урала**. Вместе с тем, памятник относится к археологическим объектам высшей категории сложности, что **исключает возможность** быстрого проведения на нем археологических раскопок.

По Указу Президиума Верховного Совета республики Башкортостан № 6-2/251 в от 12.05.1992 г., городище Уфа-II является памятником регионального значения и находится под охраной государства.

Согласно Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (ФЗ-73 от 2002 г. и последующих его редакций от 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 гг.), **государственным приоритетом является сохранение памятников истории и культуры**.

Институт археологии РАН считает возможным рекомендовать Правительству Республики Башкортостан рассмотреть возможности для:

1. выведения территории памятника археологии – городища IV–XVI вв. Уфа-II из зоны проведения любых строительных и хозяйственных работ

(ст. 36, 37 ФЗ–73 от 25.06.2002 г.);

2. разработки архитектурного опорного проектного плана, схемы планировочной организации земельного участка (ФЗ-143 от 27.07.2006 г., ст. 51, п. 7, 3-б) для использования территории городища Уфа-II как объекта экспонирования в туристических целях с элементами музеефикации;

3. разработки проекта зон охраны объекта культурного наследия, установления границ территории объекта культурного наследия как объекта градостроительной деятельности особого регулирования в целях обеспечения сохранности городища (ст. 33, пп. 2-7, 11 ФЗ–118 от 26.06.2007г.).

Наличие в центральной части современного города подобного памятника, отличающегося хорошей сохранностью, выраженностью в рельефе, встроенностью его в сложившуюся систему городской планировки, выделяет современную Уфу в разряд особых исторических городов России, имеющих все предпосылки для использования данного объекта исторического наследия, для развития любого вида туризма и культуры.

Директор ИА РАН
Чл.-кор. РАН

д. и. н. Н. А. Макаров»

Городище Уфа-II как единственная хорошо сохранившаяся цитадель города – столицы средневекового города Башкортостана, должно рассматриваться как национальное достояние народов Республики Башкортостан и изучаться, сохраняться соответственно этому статусу.

Глава VII

БАШКОРТОСТАН В IX–X ВВ.

Исторический Башкортостан по данным письменных источников. В IX–X вв. появляются первые бесспорные свидетельства письменных источников о башкирах, населявших весь Южный Урал.

Читателю, очевидно, будет небезынтересно узнать, что имеется ряд высказываний авторитетных историков о том, что башкиры под современным собственным именем «башкорт» могли быть известны в более раннее время. Эти сведения о башкирах собрал воедино и дал им первый комментарий выдающийся башкирский ученый-востоковед А.-З. Валиди. Как видно из его работы «Башкорттар тарихы» («История башкир»), впервые опубликованной в Башкортостане в журнале «Ағидел» в 1993 г., А.-З. Валиди полагал, что этноним «башкорт» в сильно искаженном виде в форме «пасиртай» мог быть известен еще Птолемею, автору II в. н. э. У него упомянуты такие легендарные народы, как гновивой, табивой и боровский, под именем которых А.-З. Валиди подразумевал искаженные формы этнонимов трех крупных башкирских племенных образований – гәйнә, табын, борачты-буржан¹. Ради объективности следует сказать, что на карте Птолемея эти народы даже близко не располагаются к Уралу. А.-З. Валиди, кажется, некритически подошел к источнику.

Но в упомянутой работе А.-З. Валиди есть ряд других очень интересных соображений. Например, он первым высказал мнение о возможной прямой связи происхождения этнонима «башкорт» с названием Башкортских и Башкирских гор на севере Ирана и юге Средней Азии. Исследователь полагал, что древнейшие носители этнонима «башкорт» на Урале могли иметь более южное происхождение.

¹ Э. Валиди Туған. Башкорттар тарихы. Өфө, 2005. 9-сы б.

А.-З. Валиди был убежден в том, что в героическом эпосе тюркских народов «Огуз хан» башкиры описаны как народ, населявший уже современную территорию.

В предыдущей главе мы познакомили читателя с сообщением неизвестного китайского автора VII в. о том, что в районах, прилегающих к Южному Уралу, он упоминает народ ба-шу-ки-ли. По мнению современных китайских историков, этноним ба-шу-ки-ли является китайским вариантом слова «башкорт»¹. Это самое раннее упоминание башкир («башкорт») в средневековых письменных источниках.

Впервые башкиры бесспорно упомянуты в сочинении Саллама Тарджемана (IX в.). Оно является своего рода отчетом о путешествии 842–847 гг.², конечной целью которого было отыскание легендарной страны Гога и Магога. Саллам Тарджеман встретил башкир в 27 днях пути от города в устье р. Волги³. Труд Саллама Тарджемана в подлиннике не сохранился, но дошел до нас в пересказе его современников. Например, Ибн-Хордадбек особо подчеркивал, что свой труд автор передал ему лично. Следовательно, достоверность сведений Саллама Тарджемана вне сомнений⁴.

В вопросе локализации увиденных путешественником башкир нет единого мнения, но большинство комментаторов склоняется к мысли о том, что он увидел их где-то в районе Уральских гор. К числу сторонников этого мнения относятся Х. Френ, Ж. Рено, К. Риттер, Н. Пантусов и другие известные востоковеды⁵. На Урале помещает башкир и З. М. Буниятов – автор и комментатор последнего полного издания труда Ибн Хордадбека (IX в.) – одного из самых ранних рассказчиков о Салламе Тарджемане⁶.

По мнению профессора Л. Р. Кызласова, через Южный Урал проходил большой международный караванный путь, издревле связывавший народы Восточной Европы с народами Сибири, Центральной Азии и Китая⁷. Проехав через Южный Урал дальше на восток, Саллам Тарджеман,

¹ Э. Валиди Туган. Башкорттар тарихы. Өфө, 2005. 18-се б..

² Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира // ТСИ. 1940. С. 100.

³ Пантусов Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии // ИОАИЭ. Казань, 1909. Т. XXV. С. 96; Amedee Gaubert. Geographie d'Edrisi. Paris, 1940. P. 416–418.

⁴ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 137–141.

⁵ Ибн Хордадбек. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 44, 45.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Кызласов Л. Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 79–86.

видимо, следовал по этому маршруту; хазары, давшие ему проводников, конечно, были хорошо информированы о его существовании.

Важны показания Ибн Фадлана как участника описываемых им событий 921–922 гг. Считается, что Ибн Фадлан не дал ясной локализации башкир, что он упоминал их то у самого Аральского моря, то у южной границы волжских болгар, у рр. Кундурча и Большой Черемшан¹. Это не совсем так. Спустившись с Устюрта, арабское посольство вступило в 922 г. в обширную область тюркских кочевников. Ибн Фадлан разделил ее этнографическое описание на три части: страны гузов, башкир и болгар (небольшая группа не ушедших со своим народом печенегов у оз. Челкар, как считают исследователи, обитала в стране гузов). Также на три части он разделил описание рек, встреченных арабами в этих трех странах, что, вероятно, не случайно. Действительно, когда арабы уехали из страны башкир, они «переправились через реку Джарамсан (Б. Черемшан), потом через реку Уран (Урень), потом через реку Урам (Урем), потом через реку Байнах (Майна), потом через реку Ватыг (Утка), потом через реку Нийасна, потом через реку Джавшыз (?)»². В скобках представлены современные названия этих рек, убедительно отождествленные А. П. Ковалевским³. Оказывается, отмечает исследователь, только пять из этих семи рек посольство пересекло на своем пути к ставке болгарского царя, которая находилась между реками Ватыг и Нийасна. Две другие реки послы проезжали гораздо позднее⁴. В этом заключался метод изложения писателя: этнографическому очерку народа сопутствует перечисление пройденных посольством рек в данной стране. Археологически изученные памятники болгар находились именно там: Хрящевский могильник – на левом берегу Волги, Кайбельский могильник и сотни поселений – за Черемшаном. Это полностью соответствует свидетельству Ибн Фадлана. Болгарам могло принадлежать погребение IX–X вв., обследованное Г. И. Матвеевой на севере Самарской области. Автор утверждает, что следы оседлости

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 27, 84; Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. I. М., 1963. С. 559, 823; Иванов В. А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 118–129; Он же. Пути степных кочевий. Уфа, 1984. С. 119–122.

² Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 131; См. также: Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археология // ПДУЮУ. Уфа, 1988.

³ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 96–99.

⁴ Там же. С. 99, 194, 195.

Изображения фигур мамонта и лошади
на стенах пещеры Шульганташ

Реконструкция костюмов мальчика и
мужчины, вооруженных копьями из
бивня мамонта.

По материалам могильника Сунгирь.
Верхний палеолит.

Художник Р.Г. Байназарова

Реконструкция женского нагрудника из могильника Старо-Ябалаклы эпохи бронзы.
Художник Р.Г. Байназарова

Ручка деревянного сосуда с изображением двуглавого горного козла.
Золото. Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Серебряная амфора с зооморфной ручкой-сливом.
Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Фигура оленя (деревянная основа, обложенная позолоченным серебром).
Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Золотая оковка деревянной чаши.
Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Золотой кубок.
Филипповский курган.
IV – III вв. до н. э.

Фигуры дерущихся верблюдов.
Бронза. Филипповский курган.
IV – III вв. до н. э.

Бронзовый котел. Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

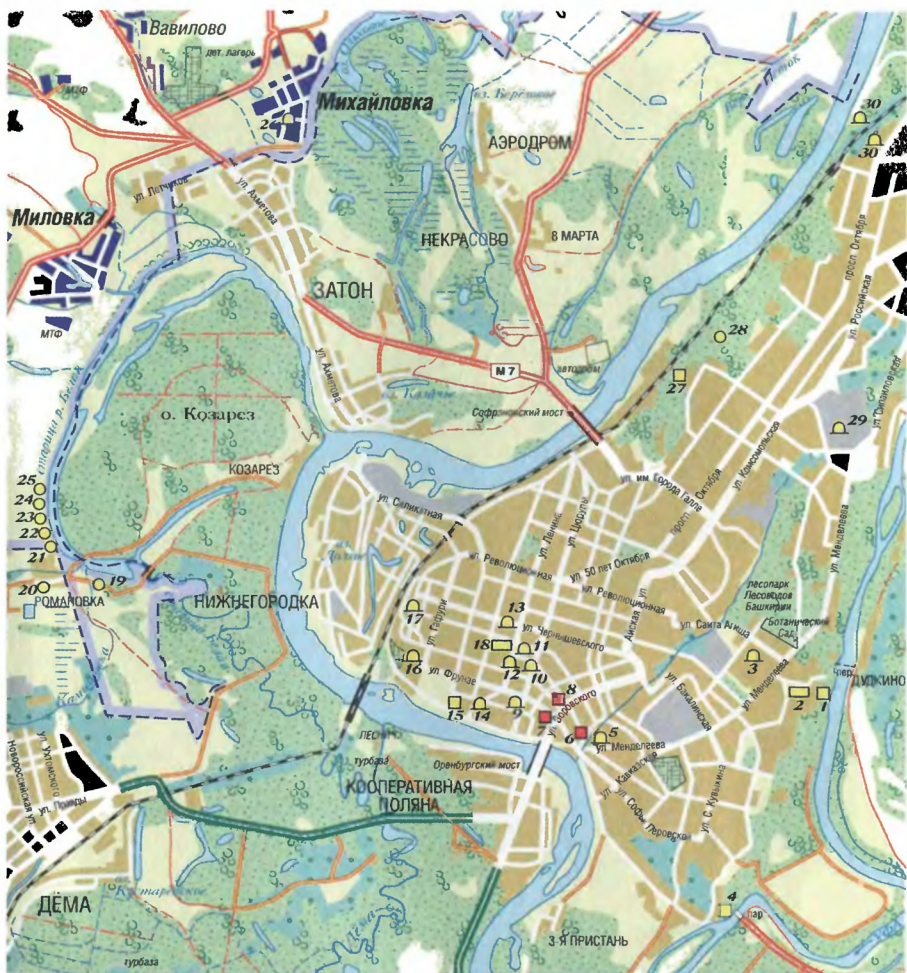
Височная подвеска. Золото.
Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Серебряный ритон. Филипповский курган. IV – III вв. до н. э.

Реконструкция костюма сакского вождя IV в. до н. э.
По материалам кургана Йссык близ г. Алма-Аты (по К.А. Акишеву)

- городища
 – селища
 – погребения (курганы)
 – грунтовые могильники
 – опорные пункты средневекового города «Башкорт»

Памятники археологии в административных границах г. Уфы

1 – Чертово городище; 2 – Уфимский могильник; 3 – Новиковские курганы; 4 – Усть-Уфимское городище; 5 – погребение на ул. Е. Сазонова; 6 – городище у монумента Дружбы; 7 – городище Уфа-III; 8 – городище Уфа-II; 9–14, 16, 17 – погребения (курганы) по ул. Пушкина, Тукая, Карла Маркса, Мустая Карима (Социалистическая), Галанова, Фрунзе (ныне Заки Валиди), Ленина, на мусульманском кладбище; 15 – городище Уфа-IV; 18 – могильник рубежа н. э. в границах ул. Тукая, Гоголя, Карла Маркса, Фрунзе; 19–25 – селища Романовка I–VII; 26 – погребение (курган) в с. Михайловка; 27 – городище Уфа-V; 28 – селище на Воронках; 29 – Глумилинские курганы; 30 – Дежневский курганный могильник

Бронзовое зеркало с
ячеистым орнаментом.
V – VI вв.
Городище Уфа-II

Бронзовые предметы с изображением головы льва. Городище Уфа-II

Серебряный кувшин. III – IV вв. Республика Башкортостан. Гафурийский район

Серебряная чаша с изображением сцены охоты. IV – V вв. Найдена близ г. Уфы

Серебряный позолоченный наконечник ремня. VII – VIII вв. Городище Уфа-II

Реконструкция вооруженного тюркского всадника VI – VIII вв.
Художник Д.А. Сулейманов

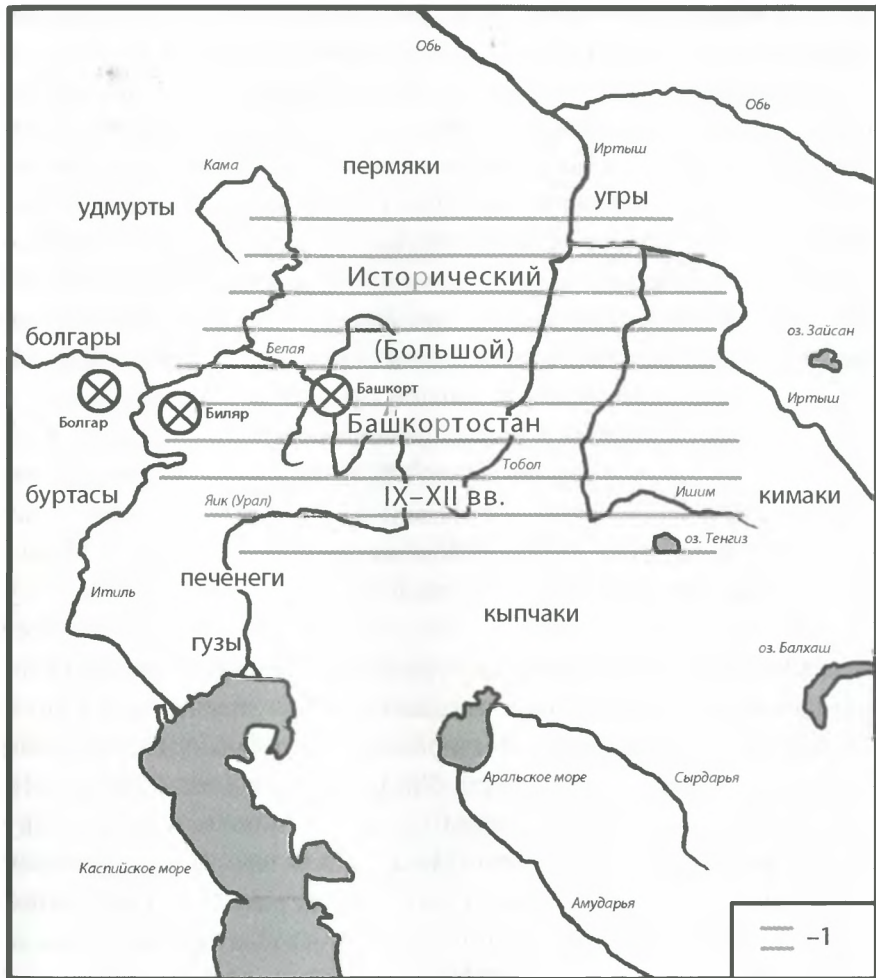

Золотая монета византийского императора Феодосия II (405 – 450 гг.)
Подобная монета найдена на территории г. Уфы в 1828 г. в разрушенном кургане

Бронзовый медальон с изображением византийских сопративелей V в. Найден в кургане V – VI вв. на территории г. Уфы

Общий вид отложений культурных слоев. Городище Уфа-II

**Карта № 10. Карта Исторического (Большого) Башкортостана и соседей IX–XII вв. по данным письменных источников.
1 – территория Исторического Башкортостана**

болгар (городища, селища) южнее р. Черемшан, в частности в районе Самарской Луки, появляются не ранее второй половины X в.¹

Характерно, что Ибн Фадлан нигде прямо не говорит, что им перечислены реки страны болгар, и лишь с помощью данных археологии мы ясно видим, что это так. Описание страны гузов также снабжено отдельным перечнем восьми рек между Устюртом и Яиком (Джаих), большинство которых тоже бесспорно отождествлены А. П. Ковалевским, и их названия сохранились до нашего времени почти без изменений². Этот перечень Ибн Фадлан никак не связывает с остальным текстом. «Когда мы пересекли ее (Чинк Устюрта. – *Н. М., А. С.*), мы выехали к племени тюрок, известных под именем гузов. И вот они кочевники – дома у них из шерсти, они то останавливаются, то отъезжают...», и, полностью закончив описание гузов³, Ибн Фадлан продолжает: «мы отправились, пока не прибыли к Йаганды», и далее перечислены семь рек и озеро Челкар, где стояла небольшая группа печенегов. Но Йаганды – первая с юга река страны гузов, почти у самого Чинка. Поэтому «отправились» означает лишь то, что речь пойдет о маршруте, может быть, как логическое продолжение рассказа о спуске с Устюрта, прерванного отступлением в виде рассказа о гузах. Значит, по аналогии с рассказом о булгарах, здесь перечислены реки страны гузов. Отдельно выделено описание р. Урал (Джаих, Яик): «Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха (Чаган), потом после нее через реку Ирхиз (Иргиз), потом через Бачаг (Моча), потом через Самур (Самара), потом через реку Кинел (Кинель), потом через реку Сух (Сок), потом через реку Кюнджюлю (Кундурча) и попали в страну народа из числа тюрок, называемого башкиры»⁴. Но поскольку из дальнейшего текста следует, что далее за рекой Кюнджюлю началась уже страна болгар, то слова «попали в страну... башкир» относятся не к этой реке, а к тем дням, когда арабы проехали после переправы через Джаих (Яик). По аналогии с частями книги о гузах и булгарах логично предположить, что рассказу о Башкирии также предпослано перечисление ее рек – по крайней мере, от Чагана до Кундурчи. Вот та территория, где арабы

¹ *Матвеева Г. И.* Погребения VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // *Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.*

² *Ковалевский А. П.* Указ. соч. С. 96, 97, 130.

³ Там же. С. 125–130.

⁴ Там же. С. 130.

ехали вдоль кочевий башкир и боялись их нападения – примерно те же широты, где башкиры живут до сих пор.

Бросается в глаза отсутствие в труде Ибн Фадлана связного рассказа, автор монтирует его как бы из кусков. Сначала описан путь до Чинка Устюрта (гора с ключами). Потом, сойдя с Чинка, арабы увидели гузов. Сразу – описание обычаев гузов¹. Затем следует рассказ о пути: они приехали к ближайшему знатному гузу – малому иналу, получили первое разрешение на проезд, поехали дальше, на следующий день встретили гуза-оборванца. Потом – снова об обычаях гузов. Перед отъездом от гузов они остановились у военачальника Этрека и получили главное разрешение на проезд². Далее описан путь, названы реки и способы переправы. Очевидно, что отдельные куски рассказа не связаны органически. Структура рассказа такая:

1) путь из Хорезма;

2) страна гузов – реки гузов от Йаганды до Джаиха;

3) страна башкир – реки башкир от Джаиха до Кюнджюлю и Джарамсана;

4) страна болгар – реки болгар от Джарамсана до Джавшыз.

Эту особенность подчеркивали все основные исследователи труда Ибн Фадлана. А. Я. Гаркави, например, пришел к заключению, что Ибн Фадлан в составе посольства арабского халифата к волжским болгарам в 921–922 гг. занимал должность секретаря и потому беспристрастно записывал все, что видел³. К. Цегледи даже думал, что Ибн Фадлан вел 2 дневника:

1) запись пути и рек;

2) рассказ о народах и событиях в пути.

Обе эти части в Багдаде были объединены им в одну книгу, скомпонованную из обеих дневниковых записей⁴.

Перечень рек отличается высокой точностью, почти все их названия сохранились с 922 г. по сей день. На точность указывает и то, что к северу от Джарамсана начиналась, по Ибн Фадлану, страна болгар («мы уехали из страны этих (башкир. – Н. М., А. С.) и переправились

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 125–127.

² Там же. С. 128–129.

³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с середины VII в. до конца X в.) СПб., 1870. С. 83.

⁴ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 84, 95–99.

через реку Джарамсан»)¹, а памятники болгар начинаются с берегов Черемшана (Хрящевка, Кайбель). Совпадение здесь поразительно точное. Учитывая такую группировку текста, можно с полным правом считать, что территория севернее Яика до Кюнджюлю (Кундурча), включительно, была сферой кочевания башкир. К началу X в. это понятие существовало уже как исторически сложившееся. В этом легко убедиться, сопоставив описанную Ибн Фадланом «страну башкир» с картой памятников Волжской Болгарии X–XV вв. Число последних сейчас достигает 2000, они густо располагаются в районе устья р. Камы, южная их граница на левобережной Волге резко обрывается на р. Черемшан, а на юго-востоке – по реке Шешма². В тесном окружении таких грозных соседей, как болгары, гузы, кыпчаки и другие, башкиры могли сохранить свою территориальную и этническую самостоятельность на протяжении веков, только будучи достаточно многочисленной и организованной силой.

Из рассказа Ибн Фадлана видно, что арабы проехали через далекую западную окраину башкирских владений, куда доходили лишь отдельные кочевья этого народа. Ведь именно на пограничье башкирские воины убивали самовольно, без разрешения проникших иноплеменников, а небольшие разрозненные группы башкир не были опасны для посольского каравана, включавшего, по словам Ибн Фадлана, «около трех тысяч лошадей и пяти тысяч человек»³. Арабы боялись только того, что башкиры нападут, застав врасплох отдельные группы караванщиков во время переправы, но было достаточно выслать на другой берег «отряд бойцов», чтобы предотвратить нападение⁴. Пользуясь крайним положением приволжских земель от центров башкир, арабы не захотели искать контакта с живущей в отдалении башкирской знатью, не стали выпрашивать у нее право на проезд и давать ей за это подарки (как им пришлось сделать у гузов и болгар). Именно поэтому они и были у башкир «вне закона» и «остерегались их с величайшей осторожностью», надеясь только на свой численный перевес. Учитывая сказанное, основную область башкир, увиденную Ибн Фадланом, надо

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 131.

² Фахретдинов Р. Р. Очерки по истории Волжской Болгарии М., 1984. Рис 1; *Он же*. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань. 1975. Карта.

³ Ковалевский А. П. Указ соч. С. 128.

⁴ Там же. С. 130.

искать восточнее, т. е. ближе к пределам современного Башкортостана. Аналогичного мнения по данному вопросу придерживался А. П. Ковалевский. Он считал, что гузы и башкиры «занимали гораздо более обширные пространства», чем это упомянуто в книге Ибн-Фадлана¹. Такая трактовка сведений Ибн-Фадлана о башкирах вошла в обобщающие исследования на данную тему².

Вопреки распространенному мнению о том, что Ибн Фадлан встретил башкир далеко южнее, в его книге об этом не говорится. Закончив описание Гузии, Ибн Фадлан стал перечислять ее реки и подробно рассказал о применявшемся во время всего путешествия способе переправы и подстерегающих опасностях. При этом он вспомнил важный совет для едущих к болгарам: опасаться внезапного нападения башкир на переправе. Естественно, этот совет относится к стране башкир, а не к самой южной реке гузов Йаганды, в рассказы о переправе через которую он поместил это примечание. Действительно, рассказывая о гузах, Ибн Фадлан ничего не говорит о том, что башкиры проходили всю их страну насквозь для разбоя; видна безопасность дорог в стране гузов, сами гузы спокойно ездили по ним в одиночку³. И иноземцы могут ехать спокойно, если добились разрешения местной знати, – иначе им угрожает ограбление или даже смерть от рук самих гузов⁴.

Вообще, не следует забывать, что отношения между народами и правопорядок на их территории строго регулировались в древности и раннем средневековье договорами. Стояли вне закона и подвергались постоянной опасности лишь те, кто нарушал этот правопорядок, подобно посольству 922 г. на территории Башкортостана. Упоминание о башкирах в рассказе о способе переправы через реки никак не может служить свидетельством их нападений на путешественников в глубине страны гузов.

О башкирах писали другие современники Ибн Фадлана. Автор IX–X вв. Джейхани знает о внутренних и внешних башкирах и продолжительности пути к ним в днях от города Булгар и других важных

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 98.

² Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. // АЭБ. Т. III. 1968. С. 236; Бикбулатов Н. В. Башкиры // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 241.

³ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 128.

⁴ Там же. С. 126–130.

географических ориентирах. Труд Джейхани совместно со сведениями Ибн Фадлана не оставляет никакого сомнения в том, что башкиры к X в. были известны среди окружающих их народов как основное население Южного Урала¹. Эти же сведения повторяет Ал-Балхи (умер около 940 г.). «Башкиры, – пишет он, – разделяются на два племени (на две группы. – Н. М., А. С.). Одно племя живет на самой границе Гузии, т. е. гузов-куман близ болгар. Говорят, что оно состоит из двух тысяч человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может их покорить. Они подвластны болгарам. Другие башджарты граничат с печенегами. Они и печенеги-тюрки близкие соседи румийцев, т. е. Византийского государства»².

Ал-Балхи, таким образом, одним из первых упоминает уральских башкир, хорошо защищенных горами и лесами, и западных башкир, живущих около Дуная, рядом с границами Византии. В современной исторической литературе соотношение западных и уральских башкир освещено очень противоречиво, и они часто рассматривались как один этнос, что еще более запутало вопрос о происхождении башкирского народа. Анализ письменных источников не противоречит выводу о том, что для IX–X вв. западные и уральские башкиры представляли собой самостоятельные этносы, разделенные между собой расстоянием в тысячи километров.

Вышеприведенный перечень имен арабских авторов IX–X вв. не оставляет сомнения в том, что страна башкир этого времени была активно посещаемая путешественниками Востока. К сожалению, сведения о башкирах, культуре и внутреннем устройстве общества до нас дошли в отрывочной форме. Более полной информацией служит труд выдающегося арабского автора XII в. ал-Идриси, которому были доступны многие не дошедшие до нас источники о башкирах. До настоящего времени этот труд европейскому читателю был известен по книге французского ученого XIX в. А. Жобера³ и комментариями к ней академика Б. А. Рыбакова⁴. В 2006 г. в Москве опубликовано специальное

¹ Заходер Б. Р. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 46–49, 52–59 и др.

² Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен-Омар ибн-Дафта // ЖМНП. СПб., 1868. С. 85, 105.

³ Gaubert Amadee. Geographie d Edrisi. Paris. 1840.

⁴ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIII. М., 1952. С. 3–33.

исследование И. Г. Коноваловой по книге ал-Идриси¹ с полными комментариями, кроме того, автор критически проанализировал все ранее опубликованные работы об ал-Идриси. Без преувеличения можно сказать, что новая книга И. Г. Коноваловой выводит исследования об истории и культуре башкир IX–X вв. на качественно новый уровень.

Ал-Идриси страну башкир помещает на Южном Урале, откуда вытекают такие реки, как Яик, Белая и Кама, и, таким образом, он значительно уточняет границы расселения башкир IX–X вв., показанные в трудах Ибн Фадлана и других вышеупомянутых авторов IX–X вв. Текстуальное описание страны башкир ал-Идриси дополняет картой, где помещены такие города, как Намджан, Гурхан, Карукийя, Кастр и Мастр, и указывает расстояние между башкирскими городами.

Ценные сведения о башкирах дает ал-Масуди (умер около 956 г.). Он пишет о двух группах башкир и в контексте намеком говорит о причинах того, почему башкирские племена оказались разделенными на две части. Перечисляя народы Северного Причерноморья, начиная от Дуная на восток, он называет «руса, баджны, баджнака и баджгурда – они суть три рода из числа турка – есть то же, что море Нейтас (Черное море)». В другом месте он пишет, что в 932 г. четыре племени турка: баджна, баджгард, баджнак и наукерд воевали с Византией за обладание городом Валандаром... а пошли на Константинополь². Данный автор, пожалуй, единственный из раннесредневековых историков, знает причину, по которой эти четыре народа оказались около Дуная. «Причина переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, огузами, карлуками и кимаками из воин и набегов на Джурджанийское море (Аральское море)»³. Из приведенного следует, что «баджгарты» когда-то были в союзе с печенегами, участвовали в войне против огузов и, потерпев поражение, в составе того же союза вскоре ушли на запад, переправившись через Волгу. В пользу сказанного говорит неизменный состав этого союза в Приаралье и у Черного моря.

Следует признать, что ал-Масуди рассказывает о войне печенегов с огузами как о давно прошедшем событии. По-видимому, в основе

¹ Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод. М.: Восп. лит., 2006. Подробнее об этом см.: Мажитов Н. А., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. Башкирские города по арабским источникам IX–X вв. // Вестник АН РБ. 2008. Т. 13, № 2. С. 44–48.

² Хвольсон Д. А. Указ. соч. С. 104.

³ Гаркави А. Я. Указ. соч. С. 166.

этого повествования лежит конфликт из-за зимовок в приаральских степях, произошедший не позже самого начала IX в.

Объяснению башкиро-печенежских отношений посвящена большая литература. Большинство исследователей пытается связать историю уральских башкир с башкирами, пребывавшими в печенежском союзе. Возникло и до сих пор существует мнение, что башкиры в IX в. жили в приаральских степях и Южный Урал заселили лишь в самом конце IX или начале X вв.¹

По мнению авторитетных исследователей не позже 20–30 гг. IX в. печенежский союз находился уже на правой стороне р. Волги. Некоторое время печенеги, по-видимому, кочевали на Средней Волге, в районе Самарской Луки. На это указывает то, что в письменных источниках IX–X вв. современные Жигулевские горы названы печенежскими². Дальнейшее движение на запад печенегов и башкир вместе с ними уточняется многими данными. Известно, что в 40–50 гг. IX в. печенеги пребывали в районе нижнедонских степей; здесь или еще в период пребывания в районе печенежских гор разгорается вражда с мадьярами, и под натиском печенегов мадьяры откатываются дальше на запад и на длительное время (до 895 г.) обосновываются где-то между Днестром и Дунаем, где находилась их легендарная страна «Леведия-Этелькуза». Отсюда они совершали частые набеги в пределы Византии, Дунайской Болгарии и других стран Центральной Европы. В хрониках, например, четко отражены участие мадьяр в конфликте болгар с Византией 836–837 гг., их набеги в Крым в начале 60-х гг. и вторжение их в пределы государства франков в 863 г. Пребывание венгров в 30–90 гг. IX в. в Северном Причерноморье фиксируется по разным, не зависящим друг от друга источникам³. Следовательно, будучи всегда участниками-соседами этих событий, печенеги и западные башкиры весь IX в. находились далеко от Урала.

В последний раз венгры устроили набег на Болгарию в 895 г. Когда основные силы мадьяр были в походе, в Леведию-Этелькузу врываются печенеги и, очевидно, находившиеся вместе с ними башкиры

¹ Кузеев Р. Г. Урало-аральские этнические связи с конце I тыс. н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.

² Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 26–29.

³ Мольнар Эрик. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest., 1955. P. 114–137; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 342, 343.

и устраивают там грабеж. Вернувшись в 895–896 гг. мадьяры-воины находят свою страну опустошенной и с разрешения императора Византии переселяются в Паннонию, на территорию современной Венгрии.

Древние мадьяры. Историческая литература более одного столетия традиционно связывает происхождение мадьяр – дунайских венгров с Южным Уралом. Возникло и широко распространено мнение о том, что в период, когда мадьяры жили на Урале, они вместе с башкирами составляли единый народ, и современные башкиры являются потомками оставшихся на Урале мадьярских племен, впоследствии принявших тюркский, т. е. нынешний башкирский язык. Впервые эта мысль была изложена в 60-х гг. XIX в. Д. А. Хвольсоном и во все времена имела своих многочисленных сторонников. Данное обстоятельство вынуждает авторов более подробно остановиться на вопросе о том, насколько тесно история древних мадьяр связана с территорией Южного Урала.

История мадьярских племен до 895–896 гг. в источниках отражена очень слабо. Наиболее полным среди них считается труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный в 948–952 гг. как результат многолетних увлечений историей народов, находившихся в окружении Византии.

Константин Багрянородный хорошо информирован о том, что венгры (он называл их тюрками), жившие в его время в Паннонии, ранее расселились ближе к побережью Черного моря и были изгнаны отсюда печенегами. Эта исходная родина мадьяр называлась Леведией-Этелькузой – по именам двух вождей-предводителей. Автор особо подчеркивает, что эта страна занята теперь печенегами и через нее текли такие реки, как Варух (Днепр), Кува (Буг), Трулл (Днестр) и Брут (Прут)¹. Эти географические ориентиры позволяют четко локализовать страну Леведию-Этелькузу в пространстве между устьем Дуная и Днестром.

Время заселения мадьярами Леведии-Этелькузы некоторые исследователи относят к началу VIII в.² Уточнение в данный вопрос могут внести слова автора о том, что до прихода в Леведию-Этелькузу мадьяры входили в союз с савартами-асфагами, и об уходе с мадьярами на запад части савартов³. Речь, очевидно, здесь идет о савирах – выходцах из Западной Сибири, которые появились в прикаспийских европейских степях в начале VI в. Дальнейший путь движения основной массы са-

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 159–163.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 159, 161.

винов, как указывают письменные источники, пролегал через западное побережье Каспийского моря в Закавказье, где они входят в активные контакты с Византией и Ираном¹. Но Константин Багрянородный четко различает, что мадьяры с савартами (савирами) были в союзе до выдвижения савиров в Закавказье. Так как часть савиров ушла с мадьярами, то это событие произошло не позднее начала VI в. Следовательно, эта дата и есть время появления мадьярских племен в степях Восточной Европы.

С сообщением Константина Багрянородного о мадьяро-савартских (савирских) контактах около VI в. на правобережной Волге перекликается информация одного из крупнейших российских востоковедов XX в. В. Ф. Минорского. Он пишет, что в середине VII в. имело место вторжение с севера в Закавказье группы мадьяр, которые затем поселились в районе Шамхора². Раньше В. Ф. Минорского о закавказских походах мадьяр в VI в. писал еще В. В. Радлов. Исследователи при изучении ранней истории мадьяр до сих пор почему-то обходят стороной эти очень интересные сведения. Если факты, о которых сообщается в источниках, имели место, то Южный Урал должен быть исключен из числа возможных регионов пребывания мадьяр VI–IX вв.

Источники дают знать, что в период VII–VIII вв. мадьяры находились близко к хазарам и в определенное время входили в состав хазарского государства и принимали участие в его войнах как союзники. Но вскоре мадьяры вышли из-под хазарского подчинения и ушли далее на запад, в Леведию-Этелькузу. Вместе с ними ушла часть каваров, также входивших в состав населения хазарского государства. Можно лишь предположить, что это произошло в ходе или конце арабо-хазарских войн, когда государство хазар переживало определенное ослабление центральной власти.

Константин Багрянородный был хорошо информирован об этническом составе венгров X в., живущих уже в Паннонии. Среди них он выделяет следующие племенные группы: отколовшиеся от хазар кавары, ньек, медьер, куртугермат, дьярмат, тарьян, генах, кер и кеси³.

Современные исследователи постоянно обращают внимание на то, что в этом перечне названий племен имена дьярмат, генах и кеси близки к названиям башкирских племен юрматы, еней и кеси, и это сход-

¹ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 69–78.

² Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI в. М., 1963. С. 37.

³ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 163.

ство интерпретируют как доказательство этнического родства древних башкир с мадьярами.

Но приведенный анализ письменных источников однозначно указывает на то, что отмеченные племенные названия зафиксированы у венгров в середине X в., когда западная группа башкир находилась еще в составе печенежского племенного союза, и, следовательно, между ними нет прямой связи. Это значит, что существующее сходство в названиях трех племенных групп образовалось задолго до X в. и причины его образования требуют иного объяснения. Следы пребывания венгерских племен в степях Восточной Европы VI–IX вв. и более ранних веков остаются пока не выявленными, и ограничивать их поиски только территорией Южного Урала нет никаких оснований.

Противоречивые сведения о дунайских венграх содержатся в письменных источниках XII–XIV вв. Так, например, известный путешественник XII в. ал-Гарнати в период 1150–1153 гг. жил в Венгрии и имел возможность хорошо изучить этнический состав населения Венгрии. В свете вышеприведенных сведений о венграх IX–X вв. несколько неожиданным является его утверждение, когда он называет венгров башкирами, а их царя – королем¹. Но ал-Гарнати не единственный автор, упоминающий о башкирах в Венгрии.

О башкирах на Дунае пишет авторитетный арабский автор XII в. Идриси. Он знает о двух группах башкир: внешних и внутренних. «Басджирты делятся на два племени, – пишет он, – которые обитают близ границ страны гузов за булгарами. В их войске около двух тысяч воинов. Они укрываются в лесах, где никто из тех, кто граничит с ними, не может их достать. Они повинуются болгарам. Они решительны и сильны. Народ басджиртов граничит с баджнаками. Басджирты и баджнаки – тюрки, граничащие с Румом»². В приведенном отрывке в башкирах, живущих в лесах, легко угадываются уральские башкиры, в башкирах вблизи Рума, т. е. Византии – западная группа башкир, участвовавшая в составе печенежского союза племен в опустошительном ограблении Леведии-Этелькузы в 895 г. По единодушному мнению исследователей, при написании истории башкир для ал-Идриси первоисточниками послужили труды арабских авторов IX–XI вв. Следует подчеркнуть,

¹ Путешествие Абу Хамиди ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 27–41.

² Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006. С. 122, 240

что несмотря на четкое упоминание проживания западной группы башкир вблизи Византии, т. е. на Дунае, автор новейшего наиболее полного исследования труда ал-Идриси И. Г. Коновалова данную фразу первоисточника оставила без комментария. Она лишь ограничилась замечанием, что у ал-Идриси деление башкир на внутренних и внешних проведено недостаточно последовательно. В плане нашего изложения важным является констатация пребывания группы башкир на Дунае.

О башкирах на Дунае были хорошо информированы три автора XIII в.: Якут, Казвини и Ибн-Саид. Якут, например, встречался с представителями башкир в г. Алеппо, которые рассказали ему, что «они исповедуют ислам, они подданные короля Венгрии и здесь они заселяют около тридцати местностей (селений. – *Н. М., А. С.*), которые однако они не имеют право окружать стенами, ибо король боится восстания». Для дальнейшего изложения темы о мадьярах очень важно признание самим А. Д. Хвольсоном факта проживания группы башкир на Дунае, оказавшихся там по неизвестным причинам¹.

Сведения Якута подтверждает Казвини (XIII в.). Он знает о той группе башкир на Дунае, о которой ранее писали ал-Идриси и Якут. «Башкиры, – пишет он, – живут в избах и не имеют крепостей. Каждое местечко представлялось в ленное (самостоятельное) владение знатной особе, но из-за возникших споров король отнял у них это право владетелей и назначил определенное жалование из государственных сумм». Далее говорится, что из-за возникших споров башкиры отказались в составе войск венгерского короля участвовать в войне между венграми и татаро-монголами в 1241 г. на Дунае. «Тогда татары и опустошили страну мечом и огнем, не находя нигде сопротивления». Возможно, дунайские башкиры отказались участвовать в этом сражении, зная, что на стороне войск Батыя воюют их сородичи-башкиры с Урала. Этим двум авторам вторит Ибн-Саид: он также говорит о башкирах, проживающих в горно-лесистой местности к югу от Дуная в городе Рааб, который, как и другие венгерские города, был ограблен татаро-монголами². Авторы XIV в. Рашид ад-Дин и Димешки также делают намек на то, что группа собственно башкир в XII–XIII в. проживала в составе населения венгерского государства. Это видно из того, что

¹ *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али-Ахмеда бен-Омара ибн-Дастан. ЖМНП. СПб., 1868. С. 106–107.

² *Бартольд В. В.* География Ибн-Саида. Сочинения. М., 1973. Т. V. С. 104–107; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974, С. 445–447.

венгерского короля они называют башкирским королем, возглавившим войска венгров в битве с армией Батыя на Дунае в 1241 г.¹ Понятие «башкирский король» равнозначно названию венгров башкирами. Без присутствия самих башкир в составе населения и армии определение «башкирский король» не возникло бы никогда. Следовательно, пребывание группы башкирских племен в XII–XIII вв. на Дунае – реальный факт.

Время прихода башкир на Дунай пока остается неясным. В качестве рабочих можно высказать две основные версии: а) это – остатки тех башкир, которые пришли в Северное Причерноморье (40–50-е годы) в середине IX в. в составе печенежского военно-политического союза, участвовавшие в опустошении страны мадьяр Леведия-Этелькуза. В период возвышения этого союза в X – начале XI в. эти башкиры, надо полагать, входили в его политическую элиту, но после его разгрома вынуждены были повторить маршрут венгров 895–896 гг. и переселиться на Дунай; б) переселение в Северное Причерноморье и на Дунай могло произойти и в более раннее время, например, в середине VIII в., в период или после хазаро-арабских войн. В данном вопросе любопытной является следующая деталь: дунайских башкир источники характеризуют как мусульман. Известно, что после хазаро-арабских войн какая-то часть хазарского каганата вместе с правящей элитой принимает ислам и среди них могла быть средневожская группа башкир, по неизвестным пока причинам вынужденная передвинуться далее на запад, вплоть до Дуная. Предпочтительнее выглядит первая версия.

С сожалением приходится констатировать, что никто из историков не пытался еще комментировать вышеприведенные сведения о башкирах в Венгрии. Их взоры были обращены главным образом на сообщения Юлиана, Плано Карпини и Гильома Рубрука, которые, на первый взгляд, дают сведения иного характера, но связанные главным образом с уральскими башкирами.

Дело в том, что у потомков мадьяр, осевших в 895–896 гг. в Паннонии, к XIII в. были свежи предания о приходе их предков с востока из-за Волги. После возникновения собственного королевства и по мере его укрепления у дунайских венгров появился интерес к поиску оставшихся на востоке сородичей, и в 1235 г. король снаряжает экспедицию во главе с монахом Юлианом. После долгих мытарств, потеряв всех своих спутников, он через Константинополь, Северный Кавказ добрался до

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 45.

г. Болгара – столицы Волжской Болгарии. Там он встретил женщину, которая была выдана замуж из племени, считавшего себя оставшимися на востоке венграми. Со слов женщины он узнал, что они жили в трех днях пути, что составляет около 75–90 км от города Болгара, расположенного в устье р. Камы. Юлиан предпринимает путешествие к ним, беседует с ними и в своем отчете королю отмечает, что они его понимали и он их тоже. Удовлетворенный результатами путешествия, король на следующий год (1236 г.) направляет Юлиана вновь на восток с целью распространения среди восточных сородичей католической веры. Судя по отчету, сохранившемуся в переизложении других авторов, Юлиан во время второй поездки добрался до страны башкир; он пишет о венгерском хане, о войне, произошедшей незадолго до его приезда между венграми и монголами, но все современные комментаторы (Г. А. Федоров-Давыдов, Л. Н. Гумилев и другие) уверены, что под этими венграми Юлиан подразумевал башкир, и это подтверждается сведениями из других письменных источников¹. Несмотря на это многие современные историки полагают, что во время обоих путешествий Юлиан побывал на Урале среди башкир². Однако следует подчеркнуть, что отчет Юлиана о первой поездке носит неконкретный характер: в нем нет указаний, где – на востоке, юге, западе или севере от г. Болгара – жила указанная группа людей; от ответа на этот вопрос принципиально меняется ситуация. Например, он мог побывать среди марийцев или мордвы, язык которых схож с венгерским. Не лишен основания вопрос: побывал ли он во время первой поездки где-нибудь вне пределов Болгара.

Плано Карпини был первым европейцем, совершившим путешествие в 1247 г. в Монголию после окончания военных походов татаро-монголов в Восточную и Центральную Европу. Перечисляя народы и страны, завоеванные татаро-монголами, он называет «баскарт» – Великую Венгрию³. Из контекста непонятно, имел ли в виду Плано Карпини дунайских или уральских башкир; вполне возможно, что он вслед за двумя вышеназванными авторами имел в виду Венгрию, где проживала группа башкир. Но в мировой историографии утвердилось единое мнение о том, что «страна башкир есть Великая Венгрия» как крылатая

¹ *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.; Л., 1940. С. 81–85.

² *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 400–425.

³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 48.

фраза, без всякого критического анализа стала кочевать из одной работы в другую до сегодняшнего дня.

Гильбом Рубрук последовал по маршруту Плато Карпини через 10 лет. В своих записях он пишет: «Проехав 12 дней от Этилии (Волга) мы нашли большую реку, именуемую Ячак (Яик); она течет с севера из земли паскатири (башкиры)... Язык паскатири и венгров один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города... Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры»¹.

Сообщения обоих авторов о Южном Урале как о прародине венгров нуждаются в серьезном критическом анализе. Прежде всего возникает вопрос о том, насколько достоверны сведения ал-Гарнати, Рашид-ад-дина и, возможно, Плато Карпини о башкирах в Венгрии.

При поиске ответа на этот вопрос полностью исключается возможность прихода башкиров в Паннонию в составе мадьярского союза племен в 896 г. Тогда башкиры пребывали во враждебном для мадьяр печенежском племенном союзе и, судя по сообщению Константина Багрянородного, они в середине X в. находились в Северном Причерноморье, в том числе на территории легендарной Леведии-Этелькузы. На наш взгляд, самым вероятным является следующий вариант: причерноморская группа башкиров (ал-Балхи, ибн-Даства, Константин Багрянородный) в Паннонию переселилась после разгрома в XI в. печенежского военно-политического союза со стороны вторгшихся из заволжских степей гузов и древнерусских княжеств. При любом случае это переселение могло иметь место на несколько десятилетий раньше времени пребывания ал-Гарнати в Венгрии.

Помимо вышеприведенных сведений письменных источников есть ряд косвенных данных, свидетельствующих о проживании тогда на Дунае башкиров и участии их в этногенезе венгерского народа. Например, в Венгрии есть такие топонимические названия, как с. Сакмар, Тазлар, Токсаба, Урман, которые полностью совпадают с башкирскими на Урале². Сходство имеется в названиях некоторых племен: у венгров племена дьярмат, ене, а у башкиров – юрматы и еней, буляр, тазлар, унгар³.

¹ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 122, 123.

² Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Отчет о научной командировке в Венгерскую Республику // АЭБ. Т. I. 1962. С. 326.

³ Немет Ю. Ф. Венгерские племенные названия у башкиров // АЭБ. Т. IV, Уфа, 1971. С. 249–267.

Профессор Дж. Г. Киекбаев обратил внимание на полное сходство сюжетной композиции и имен персонажей башкирских и венгерских сказаний¹, что могло возникнуть при непрерывных этнических контактах представителей двух народов.

Наконец, сохранившиеся в начале XIII в. яркие воспоминания у дунайских венгров (башкирского происхождения) о прародине – Урале. Можно допустить, что двухкратное путешествие Юлиана на Урал – в страну башкир было предпринято, скорее всего, не по преданиям собственно венгров, а башкир, влившихся уже в состав венгров в качестве башкирского компонента. Таким образом, есть все основания думать, что пребывание башкир на Дунае в XI–XIII вв. можно считать достоверным фактом.

Особо подчеркнем, что на основе проанализированных выше письменных источников о дунайской группе башкир еще в начале XX в. к выводу о проживании в XII–XIV вв. на Дунае собственно башкирских племен пришел такой авторитет востоковедческой науки России, как В. В. Бартольд². Следовательно, он допускал мысль об участии дунайской группы в окончательном формировании венгерского народа. В то же время очевидно, что в письменных источниках о стране башкир на Южном Урале полностью отсутствуют сведения о мадьярах. Поэтому изучение вопросов додунайской истории мадьярских племен требует иной постановки.

Письменные свидетельства об уральских башкирах IX–X вв. не исчерпываются только вышеперечисленными. О них знает другой знаток народов Урало-Поволжья X в. Ибн-Русте. Он пишет, что башкиры – «народ самостоятельный, занимавший территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика»³. То же самое пишет автор X в. Истахри. Он размещает башкир к востоку от волжских болгар, на Урал, и особо подчеркивает горно-лесной характер их страны⁴.

Наиболее полным сводом источников о башкирах является труд Идриси. Он жил в XII в., но, по собственному признанию, при напи-

¹ Киекбаев Дж. Г. Офё. 1961.

² Бартольд В. В. География Ибн-Саида // Собр. соч. Т. V. М., 1968. С. 106; См. также: Мажитов Н. А. К проблеме башкиро-мадьярских связей // Вестник АН РБ. 2006. Т. II. № 2. С. 5–11.

³ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 276.

⁴ Ә. Вәлиди Туған. Башкорттар тарихы... 12 б.

сании истории народов 5–7 климатов, что соответствует территории Восточной Европы, Сибири и Казахстана, пользовался трудами таких известных авторов IX–X вв., Ал-Хорезми, Ибн-Хордад-бека, Ал-Масуди, Ал-Якуби, Ал-Джейхани, Ибн-Хаукаля и др. Следовательно, в XII в. он писал об обстановке в стране башкир времени источников, т. е. IX–XI вв. Достоверность сообщаемых им сведений надежно проверена и прокомментирована рядом современных исследований¹.

Труд Идриси состоит из двух частей: картографической и текстовой. На карте страна башкир размещена в верховьях реки, впадающей в Каспийское море. Академик Б. А. Рыбаков доказал, что в средневековье у восточных географов существовало представление о том, что верховьем р. Волги (Итиль) считалась р. Кама (Идель по-татарски), еще выше Агидель (Белая) со своими притоками². Это неудивительно, если учесть, что Южный Урал со своими богатыми природными ресурсами издревле был хорошо освоенным регионом и представлял большой интерес для южных народов, что нашло отражение в географических представлениях. На карте Уральские горы выведены под названием Айани³. Не исключено, что возникновение данного варианта названия имеет какое-то отношение к названию р. Ай и слову ай (Луна). Попутно отметим, что у автора XIV–XV вв. Ал-Бакуви Уральские горы названы горами Башкырт⁴. Значит, современное название Уральских гор в X–XV вв. еще прочно не утвердилось или до арабских географов оно дошло в искаженном виде.

На карте в стране башкир помещены три города: Каракийя (Карукийя), Касра и Масра⁵. В тексте подчеркивается, что два последних города расположены на берегу реки, впадающей в Этиль⁶. Идриси уточняет координаты и внутреннее устройство города Карукийя. «От города Гурхан до города Карукийя, – пишет он, – по реке Анхадара восемь дней, а по суше – шестнадцать переходов на запад. Карукийя – красивый город с постройками из дерева и шатрами из войлока. На него

¹ Крачковский И. Ю. Сочинения. 1957. Т. IV. С. 290.

² Рыбаков Б. А. Указ. соч.; Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

³ Рыбаков Б. А. Указ. соч.; Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 88–101.

⁴ Абу Ар-Рашид-ал-Бакуви. Китаб Талхие ал асар ва аджа иб алмалик ал-каххар (Сокращение (книги о) памятниках и чудесах царя могучего). М., 1971. С. 111–113.

⁵ Рыбаков Р. Б. Указ. соч. См. карту.

⁶ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 124, 257.

часто нападают болгары, до земли которых шестнадцать переходов, и они постоянно воюют друг с другом с незапамятных времен.

От города Карукийя на север до внешних басджиртов десять переходов по труднопроходимым горам, плохим дорогам и узким тропам. Между Карукийя и внутренними басджиртами двенадцать переходов по непреступным горам и бездорожью. Страна басджиртов велика, и ее отдельные части отстоят друг от друга на большом расстоянии. Между центром страны внутренних басджиртов и центром (страны) внешних басджиртов одиннадцать переходов. По своим обычаям народ басджирты подобен тюркам-булгарам. Их одежда – длинные халаты»¹. По сравнению с Карукийя, Кастра и Мастра были невелики по размерам и купцы их редко посещали. Для составления полного представления о стране башкир, образе их жизни интересен следующий фрагмент труда Идриси. Он пишет, что в стране внешних башкир расположены «города Карукийя, Намджан и Гурхан. Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя. Эти народы постоянно вторгаются во владения других и забирают себе их добро. Эти страны плодородны, с обильной растительностью, стадами скота»².

В локализации страны описанной группы башкир и расположенных там городов на Южном Урале никаких принципиальных расхождений во мнениях между комментаторами нет. Более того, И. Г. Коновалова реку Анхадар, где располагался г. Карукийя, склонна отождествлять с р. Ашкадар – левым притоком р. Белой. Ашкадар – несудоходная река, и, видимо, здесь произошла путаница в определении координат в первоисточниках, но сам факт отражения в них сходного с Ашкадаром речного названия свидетельствует о том, что территория Башкортостана хорошо была известна международным караванам. Это подтверждают и сведения о городах Кастра и Мастра.

Комментатор труда Идриси на Южном Урале локализует город Намджан – «небольшой процветающий город. Им правит человек из тюрков. У них не прерывается традиция передачи власти от отца к сыну благодаря их благому образу действий и доброму отношению к простонародью и знати. Этот город стоит на реке, называемой Сукан. К востоку от этого города находится гора Арджика, в которой есть медные рудники, где работают более тысячи человек. Там добывают много меди

¹ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 123, 124.

² Там же. С. 128.

и везут ее в земля Ховаразм (Хорезм), в страну Шаш (правый приток Сырдарьи)»¹. По мнению И. Г. Коноваловой, город Намджан находится где-то в районах гг. Миасса, Орска, богатых медными рудниками. Далее в источнике о городе Намджан говорится следующее. «Из этого города вывозят также шкуры лисиц и шкуры животного, называемого ал-бабр (бобер), их везут по реке до моря ал-Хазар (Каспийское море), чтобы продавать их на Хазарском море...по высоким ценам... По берегам этой реки встречаются разноцветные драгоценные камни, среди которых имеется много лазуритов». Жители города Намджан свои товары грузили на корабли, очевидно, на плоты «и плывут вдоль побережья до г. Исил (хазарский город в низовьях Волги) и другие места и там торгуют ею и распоряжаются по своему усмотрению». В отрывке четко описаны караванные пути от Южного Урала в Среднюю Азию и водный путь по р. Яик. По своему содержанию эти отрывки из труда Идриси мало отличаются от сведений китайских авторов рубежа нашей эры о вывозе из зависимой страны Янь в Кангюй «шкур зверей мышьиной породы» в качестве уплаты дани.

Следующий башкирский город Гурхан находится на расстоянии восьми переходов от города Намджан. «Это населенный город тюрок из земли Аскутийа. Он стоит к северу от реки Исил (Итил), впадающей в море Табаристан (Каспийское)».

Город хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрок Аскутийи, в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли. В этой стране из ремесленных изделий и предметов искусства делают (не только) то, что требуется для повседневных нужд, но также производят седла и оружие – такие великолепные и совершенные, какие не делают ни в одной (другой) стране тюрок².

Такое подробное описание не нуждается в комментарии. Из него видно, что город Гурхан являлся самым крупным городом в стране башкир – центром ремесла, торговли и культурной жизни. Здесь привлекает внимание значение названия города, которое состоит из двух слов: гур (могила, гробница) и хан (хан, правитель). Отсюда напрашивается вывод о том, что город Гурхан мог быть назван по могиле зна-

¹ Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 123, 142, 252, 253 и др.

² Там же. С. 123.

менитого хана, имеющего прямое отношение к возникновению самого города.

Надо полагать, что число башкирских городов IX–X вв. только перечисленными не исчерпывается. Об этом заставляет думать существование на всем Южном Урале около 100 городищ с культурными остатками рубежа I–II тысячелетий нашей эры, которые пока выявлены, но плохо изучены. Приведенные сведения письменных источников с учетом неожиданного открытия на городище Уфа-II цитадели крупного средневекового города дают основания надеяться, что в будущем отыщутся новые города, известные пока под условным археологическим названием городища. Научная значимость этой темы требует организации целенаправленных поисков и научного изучения поселений, в первую очередь городищ.

В вышеприведенных выдержках из книги ал-Идриси следует обратить особое внимание на следующее. В описании городов Намджана и Гурхана впервые мы видим, применительно к конкретной исторической обстановке, упоминание факта существования у башкир своих правителей – ханов. Особо подчеркивается, что власть у них передавалась по наследству от отца к сыну (г. Намджан) и наличие у него многочисленных воинов, т. е. ханской дружины (г. Гурхан). Хотя в текстах не упоминается, но такая схема управления, очевидно, существовала и в других башкирских городах. Это самое раннее подтверждение сведениями конкретных письменных источников факта существования у башкир IX–X вв. своих государственных образований. В обязанности правителей (ханов) входило управление сложным и многопрофильным хозяйством, обеспечение строгого выполнения общепринятых обычаев, обрядов, праздников и регулирование отношений со своими соседями. Нападения племен, народов в пределы друг друга с целью грабежа во все времена древности и средневековья являлись обычным явлением, примером чему может служить информация ал-Идриси о том, что волжские болгары совершают частые набеги в башкирский город Карукийя. Такая обстановка заставляла башкир проявлять крайнюю осторожность по отношению к появлению в их стране чужеземцев, что не ускользнуло от внимания информаторов ал-Идриси. Кстати, такую осторожность проявляли все народы степной Евразии, и она тоже получила освещение в литературе.

Нам, трудно удержаться от той мысли, что под одним из описанных ал-Идриси городов, наверное, скрывается широко известный теперь

город Башкорт. По многим признакам он сближается с городом Гурханом: а) занимает большую территорию и состоит из комплекса одновременных городищ (крепостей); б) это – крупный центр ремесленного производства (остатки ювелирной мастерской, металлургического производства); в его состав входит большой некрополь из сотен курганов, содержащих несметные сокровища из золота, серебра и других ценных материалов, основная часть которых датируется V–VIII вв. н. э. Нерядовой характер этого города очевиден, и название Гурхан могло закрепиться за ним по могиле одного из выдающихся ханов местных племен указанного времени. Эта мысль несколько не противоречит ранее высказанным соображениям о времени возникновения, первых строителях и происхождении названия города Башкорт. Сложность и важность темы требует комплексного рассмотрения всех этих вопросов.

Заслуживают внимания замечания академика Б. А. Рыбакова о том, что при определении расстояния между определенными маршрутами Идриси данные взял у автора X в. Джейхани. У него имеются указания о том, что от внутренних башкир до г. Булгар 25 дней, от Печенежских гор до внутренних башкир 10 дней пути; маршрут в 25 дней проходил по реке¹. Если наложить эти пути на современную карту, то под «внутренними» арабы называли башкир, живших по рр. Белая, Уфа, Ай и Юрюзань. Можно лишь догадываться, что внешними были бы тогда западные или степные башкиры, ближайšie к Волге и болгарам, те, которых видел Ибн-Фадлан.

Имеется большая группа источников, рассказывающих преимущественно о восточной границе страны и живших там башкирах. Из них следует, что башкирские племена на востоке близко соприкасались с кыпчако-огузскими племенами, сплошь расселившимися в степях Южной Сибири и Казахстана.

Самым любопытным источником здесь является сообщение китайских источников о том, что кыпчаки-кимаки распространили пределы своего государства на северо-западе до гор Юйли-боли. Поскольку центром этого государства было Прииртышье, то горами Юйли-боли исследователи считают Уральские горы. Б. Е. Кумекоев полагает, что это событие произошло в самом конце VIII – начале IX вв. С этого времени, полагает исследователь, начинается активное проникновение огузо-кыпчакских племен в среду башкирских племен².

¹ Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 27–30. Рис. 10; Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 121.

² Кумекоев Б. Е. Указ. соч. С. 50–63.

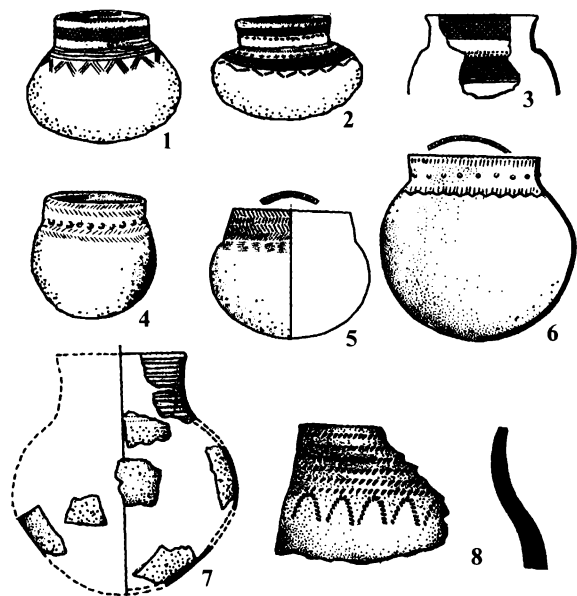
Приведенное сведение важно тем, что с данным событием, возможно, связано начало массового расселения огузо-кыпчакских племен по западно-казахстанским и южноуральским степям, и Ибн-Фадлан и другие авторы X в. лишь зафиксировали его конечный результат. В таком случае огузо-печенежский конфликт в районе Аральского моря, о чем упоминалось выше, действительно следует датировать рубежом VIII–IX вв. В ряде источников (Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, X в.) река Яик рассматривается как пограничная между кимаками и огузами. В анонимном труде X в. «Худуд-ал-алам» она названа Артушом и вблизи нее также жили огузо-кыпчаки¹. У средневековых арабских авторов существовали неточные сведения о реках Яик и Итиль (Волга), и часто они принимались за одну, как уже было сказано выше. Этим объясняется то, что на карте Идриси вместо Яика и Итиля с верховьями Камы и Агидели нарисована только одна река. Ошибка источников IX–X вв. перешла в труд Идриси.

Таким образом, анализ нарративных источников показывает, что у ближних и дальних соседей башкир IX–X вв. имелись достаточно конкретные знания о масштабах страны и наиболее характерных особенностях их расселения. Установление границ Исторического Башкортостана этого времени имеет важное научное значение: оно позволяет рассматривать археологические памятники в его пределах как бесспорно башкирские. Тем самым мы получаем возможность изучать на материалах этих памятников конкретную историю и культуру башкир IX–X вв., выявлять ближайших и дальних предков, а также особенности развития башкирского этноса в последующие века.

Культура башкир IX–X вв. Археологические памятники башкир этого времени очень разнятся между собой. Это свидетельствует о том, что этно-культурный состав самых ранних, исторически известных башкир был сильно смешанным.

Общее число известных сейчас памятников башкир IX–X вв., территориально покрывающих весь Южный Урал, около 100. Но основная часть этих памятников все-таки расположена южнее турбаслинских и бахмутинских, занимая промежуточное положение между ними и широкой степью. Эта часть территории археологически наименее изучена, особенно в плане выявления поселений, поэтому указанное выше

¹ Кумеков Б. Е. Указ. соч. С. 60–63.

Образцы глиняной посуды башкир IX–XIV вв.:
 1–3 – поздние варианты сосудов кушнаренковского типа (IX–X вв.);
 4–6 – поздние варианты сосудов караякуповского типа (X–XII вв.);
 7, 8 – сосуды с веревочным орнаментом (XII–XIV вв.)

число открытых памятников – отнюдь не показатель степени всего богатства культуры башкир IX–X вв.

Принципиальную новизну в изучение истории, культуры и образа жизни башкир IX–X вв. вносит открытие в центре города Уфы оригинального по архитектуре города Башкорт. Данный период его существования богато представлен поздними вариантами керамики кушнаренковского и караякуповского типов, серебряными серьгами VIII–IX вв., пряжкой, накладками ремня X–XI вв. и многими другими находками. Этот город одновременно является крупнейшим на Южном Урале административным, торгово-экономическим центром. Мы надеемся на то, что скоро будут открыты новые города, одновременные городу Башкорт.

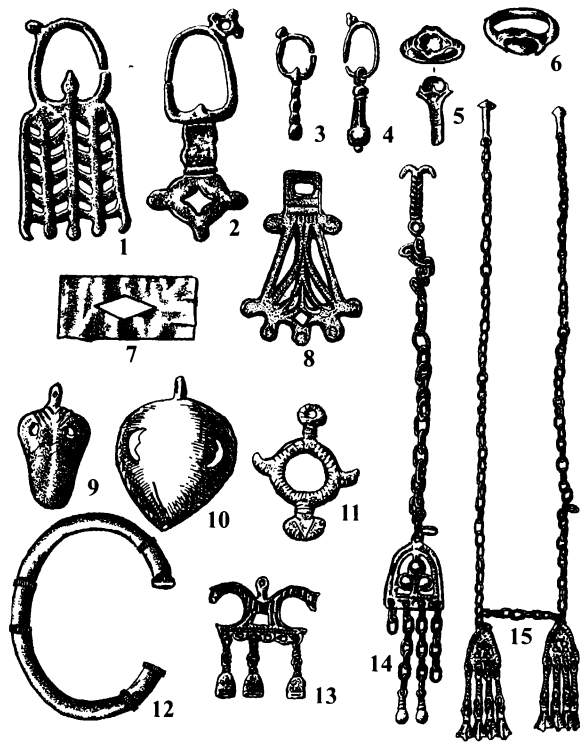
Около половины открытых памятников (42) составляют поселения. Однослойных среди них немного. К ним относятся Караякуповское, Старо-Калмашевское, Чатринское, Таптыковское, Кушнаренковское, Чукраклинское, Удельно-Дуванейское, Сасыкульское, Давлекановское и другие городища (всего 14). Необходимо иметь в виду, что в IX–X вв., и даже позже, продолжали функционировать многие городища и селища турбаслинской (Уфа II, Имендяшевское, Кушнаренковское, Романовское) и бахмутинской (Бирск, Караабыз) культур. Это подтвержда-

ется находками керамики указанного времени¹. По площади городища небольшие (в среднем не превышают 1000 м²) и занимают высокие мысы или вершины возвышенностей, укреплены одним-двумя невысокими валами и рвами. Селища располагаются на берегах рек и озер. Мощность культурных слоев на поселениях не превышает 30–60 см. На поселениях отсутствуют следы жилищ или каких-либо хозяйственных сооружений. По-видимому, все жилища башкир были наземными. Но зато есть яркие находки, связанные с хозяйственной деятельностью. Сюда относятся каменные жернова из Караякуповского городища и Удельно-Дуванейского селища. Такие каменные жернова найдены на городище Уфа-II. На Караякуповском городище найдены еще обугленные зерна полбы. Среди находок есть глиняный тигль, глиняная льячка, куски шлака и крица, железный рыболовный крючок, ложкарь и другие вещи.

Культура башкир лучше представлена материалами курганов. Судя по ним, для башкирских племен IX–X вв. характерны земляные курганы диаметром 8–10 м, высотой 40–60 см, насыпанные над мелкими простыми могилами. Изредка сооружались глубокие могилы с широкой ступенькой вдоль одной длинной стенки. Одновременно широко практиковались захоронения на уровне древнего горизонта с последующим насыпанием кургана над ними. Вблизи могил, а также в их заполнении часто встречаются следы ритуальных захоронений коня.

Выше не раз отмечалось, что случаи обнаружения в могилах или вблизи них черепов и ног лошади археологи объясняют как символическое захоронение коня. Такое толкование основывается прежде всего на трудах Ибн-Фадлана 921–922 гг. о жизни гузов – ближайших соседей башкир. Судя по тексту, ему удалось либо наблюдать, либо подробно узнать похоронный обряд гузов. Он пишет: «Если умрет человек, наденут на него куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, присутствуют все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто

¹ *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977; *Он же.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981; *Он же.* Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 23–28, 80–82, 222, 223; *Он же.* Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 119–140 и др.

*Предметы украшений
из курганов башкир
IX-X вв.*

1-4 - серьги;

5, 6 - перстни;

7 - наглазницы;

*8-11, 13-15 - подвески
различных форм
на ремнях и цепочках;*

12 - браслет

вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел такого, то есть умершего, во сне и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают и растягивают их на могиле»¹. Этот обряд возник в глубокой древности, он был характерен для всех скотоводческих племен широких степей Евразии, в том числе для башкир и их предков.

На дне могил сооружались невысокие срубы в 3-4 венца, а дно, стенки и верх сруба прикрывались несколькими слоями бересты. Для

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 128.

этой цели слои бересты сшивались, что подтверждается сохранившимися следами швов на них.

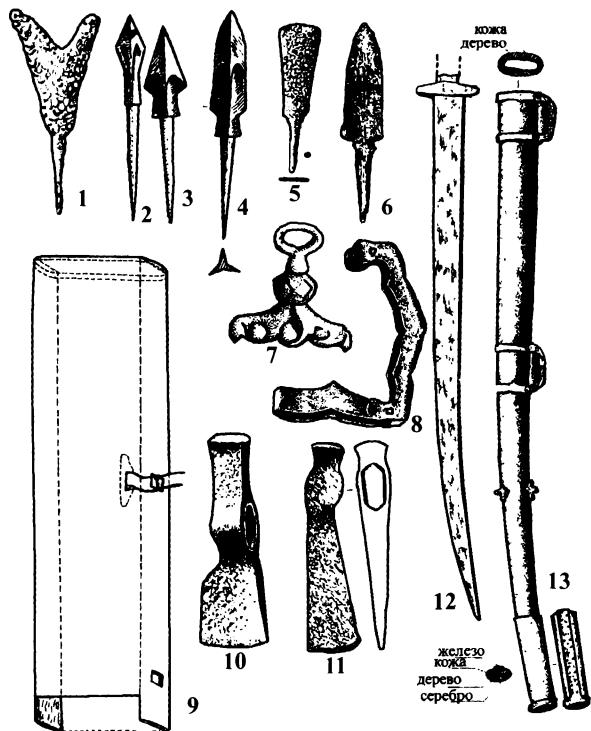
Другим важным признаком внутреннего устройства могил является широкое применение гробов из тщательно обработанных досок для погребения умерших. Остатки подобных гробов четко прослежены в I–II Бекешевских, Хусаиновских и ряде других курганных могильников. Установлено, что дно гробов устилалось войлоком, грубой шерстяной материей и циновкой. Все гробы имели четкие следы обугленности снаружи, хотя никаких остатков кострищ в ямах не обнаружено. Это редкое явление можно объяснить только тем, что гробы перед опусканием в могилу предварительно держались в огне.

Смысловое значение частичного сожжения гробов перед опусканием в могилу, очевидно, состоит в том, что они имитировали обряд трупосожжения, широко распространенный у некоторых групп кочевых племен Южной Сибири эпохи раннего средневековья. Кремацию, например, знала часть тюрков, она была знакома племенам IX–X вв. Тувы, омского и казахстанского Прииртышья и других районов этого региона.

Недавно аспирант-археолог Р. Усманова провела сопоставительные исследования погребального обряда башкир VIII–XII вв. и их соседей – в степной Евразии. Они дали поразительные результаты. Оказалось, что обычай настилать дно гробов циновочным или камышовым материалом характерен только для населения приаральского региона V–VIII вв. н. э.¹, и это служит еще одним доказательством того, что раннесредневековое население Южного Урала сформировалось при активном участии пришельцев оттуда.

Важной деталью погребального обряда является положение умерших: они лежат вытянуто, на спине со связанными ногами. Ноги связывались восьмеркообразной петлей из ремня, сплошь украшенного серебрянными накладками. Возможно, что во всех курганах Южного Урала IX–X вв. (может быть и позже) умерших хоронили со связанными ногами. Редкость археологических фактов, видимо, объясняется тем, что ноги могли связывать веревкой или материей, которые бесследно истлевают. Обычай связывать ноги умерших, по мнению исследователей, был распространен в прошлом почти повсеместно и преследовал цель, чтобы покойник не мог встать и принести вред оставшимся

¹ Усманова Р. Р. Об одной особенности погребального обряда племен Южного Урала VII–X вв. // Уфимский археологический вестник. Вып. 6. Уфа, 2006.

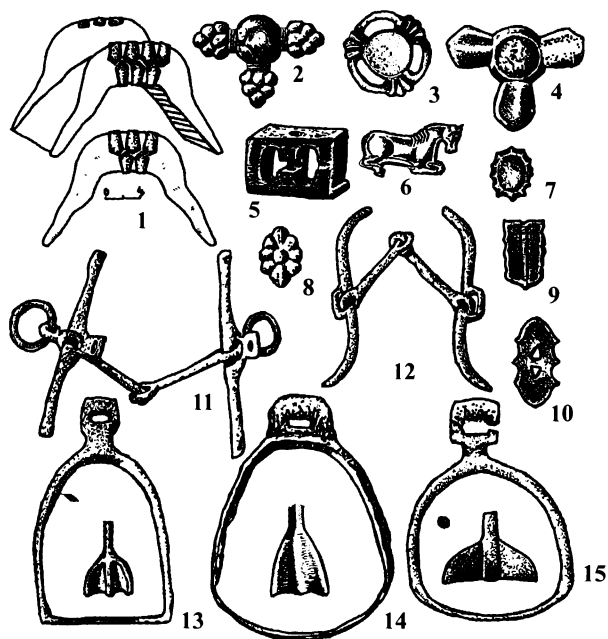
Предметы вооружения башкир из курганов IX-X вв.:
 1-6 – наконечники стрел;
 7 – бронзовая скоба с петлей и остатками кожи от, вероятно, кожаных ножен сабли;
 8 – скоба от ножен сабли;
 9 – реконструкция колчана для стрел;
 10, 11 – топоры;
 12 – сабля;
 13 – реконструкция ножен сабли

в живых. Есть случаи привязывания рук к туловищу при помощи поясного ремня.

Умерших хоронили в нижней и верхней одежде, о чем свидетельствуют многочисленные остатки головных уборов кусков шелковой, шерстяной материи и, в том числе, холщовой ткани от штанов.

К числу важных элементов культуры ранних башкир относится распространенный обычай укладывать на гробы седельные и уздечные наборы. Иногда в этих целях рядом с могилой выкапывались особые ямы-тайники, примером чему служит яма из Ямаши-Тауского кургана 2, где лежали седельные и уздечные наборы. Тайник, по-видимому, имелся и в Ишимбаевском кургане 12. Вблизи погребения 1 на глубине 1 м были найдены богато украшенные серебром седельный и уздечный наборы и ряд мелких предметов.

В курганах богато представлены предметы вооружения: ранние типы сабель, ножны к ним, украшенные серебряными обкладками и фигурными скобами-петлями. Есть колчаны для стрел, лучники – кожаные футляры для лука, боевые топоры.

Предметы конской сбруи у башкир IX–X вв.: 1 – реконструкция деревянной части седла; 2–10 – украшения уздечных и седельных ремней; 11–12 – удила; 13–15 – стремена

Оригинальны седельные наборы, к ним относятся высокие арочные или 8-образные стремена, детали от деревянной основы самого седла. Задняя и передняя луки седла декорировались серебряными пластинами. Примечательно, что наборы седельных и уздечных ремней пышно украшались серебряными, иногда позолоченными накладками, а на углах-связках – круглорамчатыми и другими формами накладок-тройчаток.

На манер седельных уздечных ремней богато украшались серебряными накладками поясные ремни, которые составляют одну из характерных особенностей культуры башкирских племен IX–X вв. Пояса имели длинные подвески, спускавшиеся спереди и сзади на бедра.

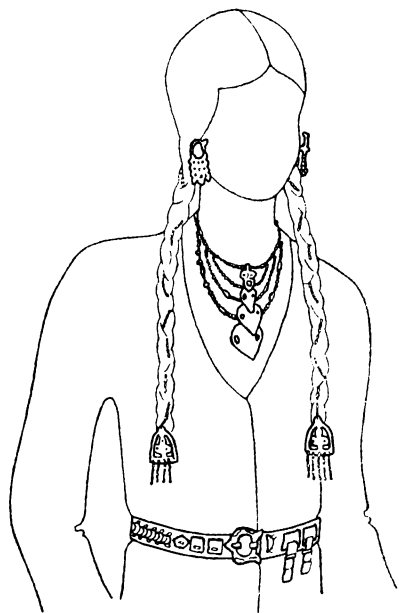
Этнографические особенности культуры ранних башкир не менее широко представлены в составе женских украшений. Среди них есть различные типы наконечников с коньковыми и арочными или шумящими подвесками на длинных ремешках или бронзовых или серебряных цепочках. Оригинальны шейные украшения – ожерелья из бусин. Последние насаживались на 4–5 ниток различной длины, а посередине располагались большие серебряные подвески с ушками в виде стилизованных изображений головы лошади и других форм. Разнообразны серьги, пер-

стни, браслеты, нагрудные подвески. К числу редких находок относятся серебряные пластины-наглазницы, закрывающие глаза умерших.

Башкиры поддерживали тесные торговые связи с народами Средней Азии, откуда получали различные дорогие ткани, остатки которых найдены во многих курганах. Например, в одном из Ямаши-Тауских курганов обнаружено 5 сортов согдийского шелка. В качестве кушака использовался роскошный шелк, сплошь покрытый сложным растительным орнаментом в виде древа жизни. По определению специалистов из Эрмитажа, данный экземпляр – третья известная находка в мире; первый хранится в Британском, а второй – в Тегеранском музеях.

Среди привозных вещей особую группу составляют высокохудожественные серебряные предметы, являющиеся продукцией мастеров-ювелиров главным образом Средней Азии и Ирана. Образец этого, так называемого сасанидского, искусства найден в одном из погребений Стерлитамакского могильника, датированного не ранее IX в. Богатый клад серебряных и золотых предметов этого же круга в 1990 г. найден случайно во время земляных работ недалеко от этого могильника. Судя по отрывочным сведениям, в нем находились большие золотые (или золоченные) и серебряные блюда, в том числе на поддоне, но многие из них безвозвратно утеряны. Сотрудникам Стерлитамакского краеведческого музея удалось приобрести одно целое и фрагменты двух других блюд. Вероятная дата клада IX–X вв.

Проведенные специальные исследования показали, что время массового притока изделий сасанидского серебра приходится на IX–X вв. (около 70 % от общего количества), а затем на XI–XIII вв.¹ Террито-

*Башкирская женщина IX–X вв.
Реконструкция способов ношения
украшений*

¹ Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 15, 144 и др.; Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале // Там же. С. 176–188.

риально в основном они приходится на Верхнее и Среднее Прикамье. Не подлежит сомнению то, что эти серебряные изделия шли на обмен пушнины – традиционные товары экспорта народов. Главными организаторами этой международной торговли, конечно, были башкиры, тесно связанные с южными странами многосторонними связями.

Керамики немного; она представлена поздними вариантами турбаслинской, караякуповской и кушнаренковский посуды.

Уникальными являются скульптурные фигуры человека из камня. По своим особенностям они являются копией каменных скульптур, широко распространенных в степях Южной Сибири, Казахстана и Центральной Азии.

В курганах встречаются серебряные и золотые монеты, отчеканенные в южных странах в VIII–IX вв. (Хорезм, Саманиды). Они использовались башкирами в качестве денег и украшений, о чем говорит нахождение многих из них в составе ожерелий из бусин. Найденные монеты облегчают археологам определение возраста исследуемых памятников.

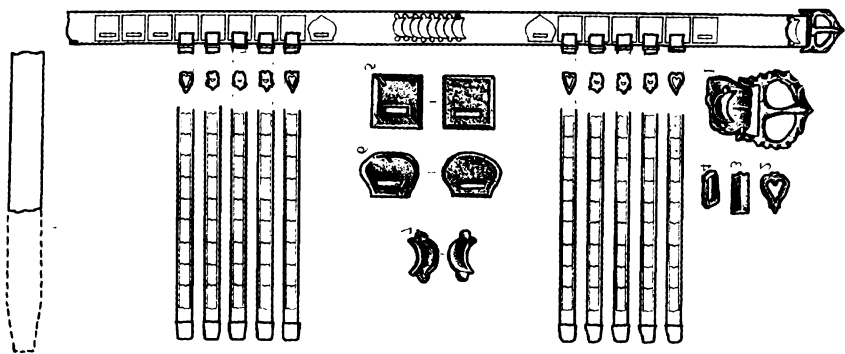
Самым восточным из известных памятников древних башкир является курганный могильник Граултры в восточной части Челябинской области. Памятник сильно разрушен пахотой, но в погребениях найдены глиняная посуда, украшения, детали конского снаряжения, типичные для таких курганов на территории Башкортостана, как I и II Бекешевские и Хусаиновские.

В Южном Зауралье памятникам типа Граултры, безусловно, предшествовали курганные могильники типа Байрамгулово, датируемые VII–VIII вв. н. э. В плане определения этнокультурной принадлежности этих курганов особенно интересна керамическая посуда, типологически очень близкая посуде из памятников всего Южного Урала VIII–X вв., в том числе курганов Граултры¹. Дальнейшее развитие культуры памятников типа Граултры в X–XI вв. приводит к появлению группы памятников, представленных Синеглазовскими курганами близ Челябинска². По материалу эти курганы также ничем не отличаются от южноуральских, что свидетельствует об отсутствии смены населения в начале II тысячелетия нашей эры.

В бассейне рек Тобола и Ишим в рассматриваемое время жили племена бакальской культуры, отличающиеся от своих соседей рядом

¹ Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск. 2000, С. 320. Рис. 30.

² Там же. С. 335–337. Рис. 38–40.

Реконструкция поясного ремня башкир по материалам курганов IX-X вв.

специфических бытовых особенностей. Их памятники представлены городищами, грунтовыми и курганными могильниками. Следы жилищ на городищах не выявлены. Керамика состоит из широкогорлых низких сосудов с ямочными наколами, крестообразными елочными насечками по шейке.

Судя по найденным материалам, бакальские племена занимались скотоводством, где ведущую роль играло коневодство. Происхождение племен бакальской культуры исследователи связывают с потомками саргатской культуры рубежа и первых веков н. э. Бакальская культура существует до XIII–XIV вв.¹

На восточных склонах Урала в конце I тысячелетия н. э. выявлено еще несколько самостоятельных типов памятников. Пока они, как памятники и бакальской культуры, изучены недостаточно, поэтому трудно судить об особенностях быта и хозяйства их творцов.

В плане этнической принадлежности населения Зауральских памятников в литературе высказано мнение о том, что оно, в основном, состояло из угрозичных племен, в которых следует видеть предков хантов и манси. Как известно, эти народы считаются коренным населением таежной зоны Западной Сибири, и племена, оставившие описанные памятники, могли иметь какое-то отношение к происхождению хантов и манси. Но племена бакальской культуры и их соседи по Восточному Зауралью и Западной Сибири жили в то время, когда господствующими этническими группами лесостепной и степной зон Южной

¹ Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 176–183.

Сибири и Южного Урала были уже тюркоязычные кочевники¹. Самую конструктивную мысль по данному вопросу высказал Д. Г. Савинов. Напомнив, что в IX–XI вв., согласно сообщениям китайских историков рубежа VIII–IX вв., Южное Зауралье входило в состав кимацкого каганата (подробнее об этом ниже), он предложил все археологические памятники Южной Сибири и Южного Зауралья рассматривать как памятники государства кимаков². Отсюда напрашивается вывод о том, что в составе населения указанных районов VIII–X вв., наряду с угроязычными племенами, непременно присутствовали представители тюркоязычных кочевников. На современном этапе изученности памятников, особенно бакальской культуры, мы не можем исключить возможность участия племен зауральских и западно-сибирских районов в окончательном формировании башкирского народа.

На стадии первичной классификации материалов археологические памятники Южного Урала IX–X вв. выделялись в самостоятельную караякуповскую археологическую культуру³. В ряде работ эта культура была названа кушнаренокской⁴. Но теперь, когда стало ясно, что по времени существования и территории распространения она полностью вписывается в границы Исторического Башкортостана IX–X вв., в ее носителях невозможно видеть кого-либо кроме башкир. В связи с таким бесспорным отождествлением впредь эту культуру лучше называть культурой ранних башкир.

Как видно из материалов памятников, культура башкир рассматриваемого времени была многокомпонентной. В ее формировании, с одной стороны, приняли активное участие потомки турбаслинских и кушнаренокских племен. Об этом свидетельствует то, что керамика башкирских племен является поздним вариантом, т. е. продолжением, местной керамики VII–VIII вв.⁵ Характерными для башкир являются захоронения в гробах с застланным циновочным материалом дном. Этот обряд впервые на Южном Урале зафиксирован в Лагеревском кургане № 46, датированном VII–VIII вв. Кстати, этот курганный могильник,

¹ Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 179, 183.

² Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 140.

³ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 80–82.

⁴ Chalikowa E. A., Chalikow A. H. Altungarn an der Kama nud Im Ural. (Das Graberfeld von Bolshie Tigan). Budapest, 1981.

⁵ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981. С. 21–24.

возникший в VII–VIII вв., непрерывно существовал до XII–XIV вв., что предполагает принадлежность его к одному и тому же населению.

Башкиры IX–X вв. связаны с турбаслинскими племенами генетически по физическому строению тела: они принадлежат к одному и тому же типу¹.

Долгие десятилетия XX в. никак не удавалось внести ясность в вопрос о судьбе племен бахмутинской культуры – самой многочисленной группы оседлого населения Западного Приуралья V–VIII вв. Трудности поиска были вызваны отсутствием известных бахмутинских памятников, датированных позже VIII в. Обращает на себя внимание отсутствие памятников других типов после бахмутинского времени в Северном Башкортостане.

Решение вопроса о судьбе бахмутинских племен пришло с совершенно неожиданной для археологов стороны и пока основывается на антропологическом материале.

Изучая физическое строение тела современных башкир и костные остатки из башкирских кладбищ XIV–XVII вв., а также археологических памятников ранних башкир и племен V–VIII вв., антрополог М. С. Акимова пришла к убедительному выводу о том, что северная группа современных башкир отличается от остальных групп большей короткоголовостью, меньшими размерами высоты лица и, соответственно, большей его шириной². По этим признакам они прямо восходят к племенам бахмутинской культуры. Значит, последние, будучи оседлым народом, никуда не ушли и явились ближайшими предками современных северных башкир.

Заслуживает особого внимания интересное открытие, сделанное Н. В. Бикбулатовым более 30 лет назад в процессе сбора материалов по декоративно-прикладному искусству башкир. Это – уникальный башкирский кожаный щит, сохранившийся среди коллекций Государственного музея Татарстана. Щит изготовлен из толстой кожи, и вся его поверхность украшена густым тисненым орнаментом из поясков, чередующихся с полосами пересекающихся коротких насечек, образующих ромбические и треугольные узоры³. Орнамент наносился

¹ Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. С. 64–83, 96.

² Акимова М. С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974, С. 85–86, 93.

³ Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964. С. 150. Рис. 2.

следующим образом: на натянутую сырую кожу накладывался штамп-пресс, где этот сложный орнамент был выделен выпуклыми линиями, оставившими на щите тисненые линии.

Ценность описанного щита как исторического источника состоит в том, что орнамент полностью повторяет орнамент керамики кушнаренковского типа из памятников VI–VIII и IX–X вв.

Орнамент представляет собой важный элемент декоративно-прикладного искусства, отражает художественно-эстетическое восприятие народа. Тот факт, что комплекс орнаментальных мотивов, богато представленный на керамике племен Южного Урала VI–VIII вв., непрерывно развивался до исторической современности, охватывая практически все стороны материальной культуры, свидетельствует о преемственности развития данного направления искусства. Важно подчеркнуть, что выделенный орнаментальный характер комплексов VIII–X вв. богато представлен также в памятниках тюркоязычных народов Урало-Поволжского региона. Например, он имеется на керамике хазар, волжских болгар¹. В плане приведенных аналогий территорию распространения и функции орнаментики для VI–X вв. следует трактовать как историческое явление, выходящее за пределы южноуральского региона.

Поиски истоков культуры башкир IX–X вв., таким образом, показывают, что по многим важным признакам она сложилась на основе культуры турбаслинских, кушнаренковских и бахмутинских племен V–VIII вв. В этом смысле процесс формирования Исторического Башкортостана бесспорно включал V–VIII вв., и на этнически и культурно сильно смешанное население края данного времени можно распространить понятие «прабашкир» (древние башкиры)². Из других археологов к такому пониманию особенностей этногенетических процессов на Южном Урале наиболее близко подошел В. Ф. Генинг, который пришел к заключению, что в населении бассейна р. Белой V–VII вв. следует видеть предков современных башкир³.

¹ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье // Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. Рис. 68, 23; 70, 60, 63 и др.; *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. Табл. III, 1–8 и др.

² *Мажитов Н. А.* Новые материалы о ранней истории башкир. *Он же.* Южный Урал в VII–XIV вв. С. 160–187.

³ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье III–VII вв. (Проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии древней истории ургов. С. 295.

С другой стороны, не все элементы культуры башкир IX–X вв. могут быть объяснены эволюционным развитием культуры местных племен V–VIII вв., и, видимо, здесь не обошлось без включения новых групп населения. Сюда можно отнести появление в это время на Южном Урале каменных изваяний, роскошных поясных ремней, по всем деталям совпадающих с поясами тюркских племен Сибири, Казахстана и Центральной Азии. Должно быть отмечено многократное увеличение в археологических памятниках находок согдийского шелка, может, и других изделий из районов Средней Азии. В свете этих фактов было бы ошибкой не учитывать этнополитическую ситуацию, сложившуюся в Средней Азии и на юге Казахстана вскоре после арабского завоевания (начало VIII в.) и распространения там ислама. В этой обстановке этнические группы, недовольные принятием новой религии, могли по традиционным маршрутам переселиться на Южный Урал. Причиной переселения племен из Южной Сибири со стороны Алтая, как отмечалось выше, могли быть события, связанные с расширением экспансии кыпчако-кимакских племен в западном направлении.

Итак, археологический материал в совокупности с данными письменных и других источников рисует сложный этнокультурный состав башкирских племен IX–X вв. Среди них численно преобладали племена, оставившие нам курганы типа I и II Бекешевских, Хусаиновских и Стерлитамакских. Кроме них в среднем течении р. Белой продолжали жить потомки турбаслинских племен VI–VIII вв., и им принадлежат многочисленные городища и селища с мощными культурными отложениями. Следующую, может быть, не менее многочисленную группу составили потомки племен бахмутинской культуры. Они вошли в состав башкир в качестве особой этнографической и антропологической группы.

В исторической литературе вот уже более 60 лет идет дискуссия о том, что археологические памятники Южного Урала V–X вв. принадлежат не древним башкирам, а потомкам ираноязычных сармат или угров-мадьяр. Кардинальное решение вопроса в пользу отождествления территории распространения памятников Южного Урала IX–X вв. с границей Исторического Башкортостана все эти споры отодвигает на второй план. Как не раз подчеркивалось, сам археологический материал и такая постановка вопроса предполагают, что культура башкир была многокомпонентной.

На Южном Урале где-то около X в. возникает новый тип археологических памятников, который можно связать с приходом сюда и включением в состав башкир новой, но конкретной группы племен кыргызов. Эти памятники открыты пока на территории Челябинской области и состоят из могил, обложенных вокруг камнями. Они содержат остатки человеческих захоронений в виде трупосожжения, а найденные при них вещи (поздние варианты кушнаренковской керамики) позволяют определить примерное их время – IX–X вв.¹ Указанные могилы для Южного Урала необычны, но хорошо сопоставляются с памятниками тухтятской культуры Южной Сибири, принадлежавшей енисейским кыргызам. Появление кыргызских памятников на далеком западе от основной территории их расселения, видимо, следует объяснить повышением кыргызского государства в конце IX–X вв. и переселением на Южный Урал какой-то части кыргызского населения.

Возможность открытия кыргызских памятников на Южном Урале была предсказана одним из видных советских археологов Л. Р. Кызласовым. Основанием для этого ему послужили сведения арабских и персидских авторов X в. (Ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Худуд-ал-Алам), в которых идет речь о расселении кыргызов в непосредственной близости от Южного Урала. Так как восточные средневековые авторы рр. Яик и Итиль (Волгу) часто принимали за одну реку, в источниках Итилью названа р. Яик. В этих сведениях говорится о том, что р. Итиль «берет начало близ (земли) хырхызов (или «вытекает от границы хырхызов»; вытекает из области Хирхиз и т. д.) и течет между землями кимаков и гузов», что «на запад (от области тухсийцев)... – группа хырхызов», что кимаки обитали «к северу от карлуков, между огузами, кыргызами и горами Саклабия». По мнению самого авторитетного комментатора этих источников Б. Е. Кумекова, под горами Саклабия подразумеваются Уральские². Л. Р. Кызласов полагает, что кыргызы двигались на Урал по древнему караванному пути, шедшему с востока на запад через Южный Урал.

Вызывает удивление хорошая информированность средневековых авторов IX–X вв. о Южном Урале: описанная ими страна кыргызов точно совпадает с территорией открытых кыргызских памятников.

¹ Древняя история Южного Зауралья. Т. III... С. 310. Рис. 25, 1; С. 311–317 и др.

² Кумеков Б. Е. Указ. соч. С. 56, 59–63, 67; Кызласов Л. Р. Торговые пути и связи... С. 81; Он же. Торговые пути и связи древнеказахского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой. Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Происхождение башкир. Ранние этапы этногенеза башкирского народа до последнего времени оставались наименее изученными. В условиях, когда такой массовый и конкретный вид исторических источников, как раннесредневековые археологические памятники Южного Урала, оставались недостаточно выявленными и раскопанными, в науке существовала возможность произвольно толковать данные письменных источников, исторической этнографии, языка и антропологии башкир в свете разработки научной концепции о происхождении народа. При отсутствии территориально четко локализованных и точно датированных во времени археологических источников исследователям невозможно было обрисовать основные этапы этногенеза башкир, территорию их расселения и ведущие этнические компоненты, вошедшие в состав башкирского народа. Только этим можно объяснить существующие в науке различные суждения по вопросу о том, какие именно племена представляли башкир в IX–X вв. и как шел процесс формирования их в этнос.

Часть историков, например, начиная с XVIII в., считала современных башкир финноуграми, впоследствии подвергшимися сильной тюркизации (И. Фишер, Ф. Страленберг, Д. Европеус, А. Шлецер и др.). Одновременно возникла теория тюркского происхождения башкир, активными сторонниками которой являлись В. Н. Татищев, П. И. Рычков (XVIII в.), а затем С. Сомье, П. Назаров, Н. Малиев (XIX в.)¹.

Но в плане предопределения дальнейших исследований в этом направлении больше всех преуспел Д. А. Хвольсон. Он попытался объединить все сведения о западных башкирах, их близких соседях-венграх и уральских башкирах воедино и сформулировал мнение о родстве башкир с венграми и последующей тюркизации башкир на Урале².

Но, в источниках западные башкиры, дунайские венгры и уральские башкиры перечислены как самостоятельные этносы. Причем во многих из них особо подчеркивается тюркоязычность как западных, так и восточных башкир. Данный вывод еще более подробно аргументировал лингвист XI в. Махмуд Кашгарий³, поэтому он не может вызвать у кого-либо сомнений.

¹ Дореволюционная историография вопроса подробно изложена в книге: *Смирнов А. П. Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 5–8.*

² *Хвольсон Д. А. Указ. соч. С. 101–123; В свое время эту точку зрения ошибочно поддерживал Н. А. Мажитов.*

³ *Кашгарий М. Девону Иу отит турк. Ташкент, 1960. С. 60, 66.*

Мнение Д. А. Хвольсона о пребывании венгров на Урале на археологическом материале попытался обосновать А. В. Шмидт, приписав бахмутинскую культуру V–VII вв. предкам мадьяр¹. Своеобразная «вспышка» идеи о тождестве Южного Урала с «Великой Венгрией» по свидетельству П. Карпини, Г. Рубрука наблюдается в последние десятилетия. Такие исследователи, как А. Х. Халиков, Е. П. Казаков и ряд других в своих работах отстаивают мысль о том, что до середины IX в. на Южном Урале проживали венгерские племена, и приписывают им памятники IX–X вв., произвольно удревяя их до VIII–IX вв.²

Все это трудно сопоставить с фактами. Прделанный выше анализ письменных источников о мадьярах (венграх) и причерноморской группе башкир позволяет утверждать, что союз мадьярских племен примерно с конца VI в. находился к западу от Волги и не позднее начала IX в. – в стране Леведия-Этелькуза. Таким образом, выходит, что венгры Северного Причерноморья и башкирские курганы IX–X вв. на Южном Урале – два независимых друг от друга синхронных явления, и последние никак не могли быть оставлены венграми. Тот же самый анализ настоятельно ставит вопрос об участии западной группы башкир, оторвавшейся от основной массы башкирских племен где-то на рубеже VIII–IX вв., в этногенезе в качестве башкирского компонента, и она оставила глубокий след в топонимике, фольклоре венгерского народа.

Но, несмотря на имеющее место произвольного толкования происхождения башкирских племен IX–X вв., наука сейчас располагает обширными и хорошо документированными источниковыми материалами, позволяющими с позиций различных наук объективно представить особенности процесса формирования башкирского народа³.

Лингвистический аспект. В советское время башкирский язык подвергся всестороннему анализу специалистов. Знакомство с литературой позволяет заключить, что у них никогда не вызывал разногла-

¹ О современном состоянии изученности вопроса о древних мадьярах на Южном Урале. См.: *Н. А. Мажитов*. К проблеме башкиро-мадьярских связей // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. II. № 2. Уфа., 2006. С. 5–11.

² *Chalikowa E. A., Chalikow A. H.* Op. cit.; *Халиков А. Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 78–87; *Казаков Е. П.* О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья. Там же.

³ *Иванов В. А.* Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа., 1988; Древняя история Южного Зауралья. Т. II. С. 361–365.

сий вопрос о месте башкирского языка среди других тюркских языков. В общей классификации он занимает место в кыпчакской группе, куда, кроме него, входят киргизский, казахский, татарский, ногайский, каракалпакский и другие языки¹. Таким образом, современные исследования полностью подтвердили оценку почти тысячелетней давности, данную Махмудом Кашгарским, об отнесении башкирского языка к числу основных тюркских языков², где в наименьшей степени прослеживается влияние других языков.

Башкирский язык самобытен по многим признакам. В нем, например, широко употребляются спиранты *ç*, *з*, и *h*, редко встречаемые в других тюркских языках. Его отличает также изобилие таких звуков, как *c* вместо *ч*, *ш* и других³.

Дж. Г. Киекбаев полагал, что происхождение специфических согласных *h*, *ç* и *з* в башкирском языке произошло на тюркской основе, доказательством чему, по его мнению, является существование их в якутском и туркменском языках. Этим он возразил существовавшему в литературе мнению, согласно которому указанные особенности башкирского языка рассматривались как результат влияния иранских языков⁴. В этом вопросе возможность монгольского или тюркско-угорского языкового влияния предусмотрели Т. Г. Баишев⁵ и Б. А. Серебренников⁶.

Диалектные особенности башкирского языка могут служить ценным источником для суждения об этническом составе, истории развития и формирования самого башкирского народа. Башкирские диалектологи, в основном, выделяют два диалекта – южный и восточный. Учитывая специфику исторического развития, отдельные тюркологи

¹ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. С. 155–164; Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972. С. 12.

² Кашгарий М. Указ. соч. С. 60, 66.

³ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Уфа, 1950. С. 24–28; Киекбаев Дж. Г. Башкирские диалекты и краткое введение в историю // УЗБГУ. Вып. 3. Филол. сер. № 2. С. 54–80; Он же. О звуках *ç*, *з*, *h* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках // УЗБГУ. Вып. 6. Филол. сер. № 5. Уфа, 1958. С. 89–145.

⁴ Киекбаев Дж. Г. Башкирские диалекты и краткое... С. 66–80; Он же. О звуках *ç*, *з*, *h* и их развитии...; Дмитриев Н. К. Указ. соч. С. 25–26.

⁵ Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к башкирскому литературному языку. М., 1955. С. 12.

⁶ Серебренников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским Уфа, 1963. С. 12–14.

включают в состав башкирского языка диалект северо-западных башкир, который ныне очень близок к татарскому языку¹.

На восточном диалекте говорят башкиры северо-восточной Башкирии, Челябинской и Курганской областей. К некоторым специфическим особенностям данного диалекта относятся:

- 1) регулярное сохранение ассимиляции согласных в аффиксах;
- 2) чередование *т* и *й* в инлауте и анлауте;
- 3) чередование звуков *һ* и *ç* во всех позициях слова и т. д.

Восточные башкирские говоры по лексическим, фонетическим и отдельным морфологическим особенностям ближе всего стоят к казахскому, ногайскому, а также якутскому языкам².

На южном диалекте говорят башкиры, живущие в центральном, южном Башкортостане, в Оренбургской, Самарской и Саратовской областях. В числе наиболее характерных особенностей данного диалекта можно упомянуть:

1) широкое употребление спيرانтов *һ* и *ç*, часто во взаимном чередовании, что составляет черты отдельных говоров;

2) наличие диссимилятивных звуко сочетаний *лт*, *мт*, *нт* и *мк*, *мк*, *нк*, *нк*, отсутствующих теперь почти во всех других тюркских языках.

Не менее яркие особенности имеются также в морфологии и лексике говоров. Согласно мнению Дж. Г. Киекбаева, которое разделяют все диалектологи, указанные отличительные признаки южного диалекта исторически восходят к языку орхоно-енисейских памятников VII–VIII вв., что находит прямое объяснение в исторических преданиях, сохранившихся у центральной группы башкир. Им, например, у табынских башкир (бассейн р. Зилим, средний говор) были записаны предания, рассказывающие о приходе их далеких предков из-за Урала, из районов Сибири. Дж. Г. Киекбаев заключает, что отмеченное языковое сходство возникли в результате переселения башкир-

¹ Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 247–249; Юлдашев А. А. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968; Гаритов Т. М. Об изучении разговорной речи западных башкир (к постановке проблемы) // БДС. Уфа, 1959.

² Киекбаев Дж. Г. Башкирские диалекты и краткое... С. 79, 80; Ишбулатов Л. К. Данные диалектов башкирского языка к вопросу об этногенезе башкир // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971; Он же. Диалекты и говор башкирского языка // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972; Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка М., 1976; Гаритов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979. С 266, 271, 272.

табынцев и других этнических групп из районов Южной Сибири в I тысячелетии н. э.¹

Сторонники выделения языка северо-западных башкир в самостоятельный диалект считают, что он, в отличие отпредыдущих, больше подвержен влиянию татарского языка: нет спирантов *h* и *ç*, но зато широко распространены фонемы *ч* и *с*, есть некоторые различия в фонетике и лексике². Для историков, безусловно, большой интерес представляют высказывания специалистов о том, что по своим особенностям язык северо-западных башкир некогда был очень близок к болгарскому языку³.

В плане выяснения этноязыковых связей башкир исследователи обратили внимание на иноязычные элементы в башкирском языке. Выявлено, что в современном башкирском языке имеются следы прикамских финно-угорских языков⁴, свидетельствующие о многовековых их контактах. В археологически обозреваемые периоды, по-видимому, возникли четко выделяемые параллели в башкирском и монгольском языках, охватывающие особенно терминологию родства, названия животных, продуктов, пищи, растений и т. п.⁵

Общие слова в лексике башкирского и монгольского языков, по мнению исследователей, следует объяснять либо генетическим родством алтайских языков, либо длительным контактом в прошлом башкирских и монгольских племен, либо участием отдельных монгольских

¹ *Киекбаев Дж. Г.* Башкирские диалекты... С. 70–80; *Он же.* Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов // Памяти В. В. Богородского. Казань, 1961; *Ишбулатов Н. Х.* Данные диалектов башкирского; *Он же.* Башкирская диалектология. Уфа, 1980; *Миржанова С. Ф.* Южные диалекты башкирского языка. М., 1979.

² *Юлдашев А. А.* Северо-западный диалект.

³ *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры. С. 125; *Миржанова С. Ф.* Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1975. С. 235–243.

⁴ *Миржанова С. Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971. С. 282–286; *Максютова Л. Х.* Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков (материалы) // Вопросы финно-угорских языков. Вып. IV. Ижевск, 1967. С. 149–154; *Хисамитдинова Ф. Г.* Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 102–111.

⁵ *Ураксин З. Г., Ишбердин Э. Ф.* Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971. С. 275–277; *Ураксин З. Г.* К вопросу о сравнительном изучении фразеологии тюркских и монгольских народов // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1972. С. 63; *Он же.* Фразеология башкирского языка. М., 1975. С. 153–157; *Ишбердин Э. Ф.* Монгольские заимствования в башкирском языке // СТ. № 6. 1979. С. 20–29.

племен в этногенезе башкир. Последний аспект в исторической литературе уже почти решен. На основании этнонимов монгольского происхождения, сохранившихся в башкирском языке, и других факторов Р. Г. Кузеев считал, что в XIII–XIV вв. и в более позднее время в состав башкирского народа вошли монголоязычные этнические группы (салют, катый, калмак и др.)¹. Но сказанное оставляет совершенно открытым вопрос о более ранних контактах древних башкир с монголами.

Активизация исследований, которая наблюдается сейчас в области изучения древней истории Южного Урала, вызвала большой интерес к его топонимике. Однако башкирская топонимика пока делает первые шаги в плане сбора и классификации первоисточников, поэтому выводы специалистов носят сугубо предварительный характер. Но даже на этом этапе они заслуживают серьезного внимания.

Дж. Г. Киекбаев, автор одной из первых работ на эту тему, подчеркнул, что преобладающее большинство топонимических названий на Южном Урале тюркского, башкирского происхождения²; это положение подтверждается и новыми наблюдениями. Если исходить из бесспорного факта о пришлое характере башкирского языка, то из сказанного можно сделать вывод о том, насколько активно шел в крае процесс тюркизации, изменивший облик топонимических названий. Это, в свою очередь, затрудняет расшифровку более древних пластов.

Сейчас можно сказать, что один из мощных дотюркских субстратов в местной топонимике составляют названия финно-угорского происхождения, имеющие достаточно широкий ареал происхождения. Они представлены названиями гор (Магаш), рек (Вэрэш, Изэш, Кондораш, Бигэш), соответствия которым отсутствуют в башкирском, но зато есть в венгерском и уральских угорских языках³. На вероятность наличия

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Уфа, 1974. С. 463–481.

² Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики... С. 231; Камалов А. А. О топонимии Башкирии // СТ. 1980. № 2. С. 39–46; Шакуров Р. 3. Топонимия бассейна р. Демы. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1973.

³ Азнагулов Р. Г. Топонимы финно-угорского происхождения в бассейнах рр. Самара, Сакмара, Сим // Ономастика Поволжья. № 2. Горький, 1971. С. 238–240; Камалов А. А. Гидронимия Башкирии. Автореф. дис... канд. филол. наук. Уфа, 1969. С. 16–18; Он же. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971. С. 283–289; Хисамитдинова Ф. Г. Угорская субстратная топонимия; Словарь топонимов БАССР. Уфа, 1980. С. 45.

на Южном Урале угорской (прото-мадьярской) топонимики указывал также А. К. Матвеев¹. Выявляется и древнеиранский пласт².

В гидронимических названиях на Южном Урале большую группу составляют слова с компонентом «Каран», которые, по мнению А. А. Камалова, являются тюркскими по происхождению, но восходят к болгарскому языку и служат доказательством пребывания здесь болгароязычных племен, вошедших в состав башкирского народа³. С учетом приведенных соображений следует вспомнить мнение Дж. Г. Киекбаева о том, что топонимическое название Бишаул-Унгарово в Башкирии легко сопоставимо со словом *унгар* – названием венгров⁴. Оно не лишено основания, однако возникновение этого топонима связано, скорее всего, не со словом *унгар*, а *оногор-онугыр* – названием одного из крупных племенных объединений в Восточной Европе конца I тысячелетия н. э.

Все исследователи единодушно отмечают, что в образовании топонимических названий Южного Урала, участвовали племена финно-пермской и иранской языковых систем, в которых, согласно общепринятому мнению, нетрудно видеть, соответственно, оседлое и часть кочевого населения края эпохи раннего железа.

В свете традиционных этнокультурных связей населения Южного Урала и Приуралья, устанавливаемых почти всеми видами исторических источников, заслуживает особого внимания мнение Дж. Г. Киекбаева о том, что названия «Урал» (гора) и «Арал» (озеро) восходят к одному слову «Арал» со значением «срединное»⁵. Совпадение происхождения этих крупных топонимов, видимо, также не случайно и имеет объяснение в плане отмеченных связей.

Для значительной части башкирских топонимов характерно образование их от названий родов и племен. Указывая на эту особенность,

¹ Матвеев А. К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // ОКВАЭ. Вып. 2. М., 1961. С. 319–330.

² Камалов А. А. Гидронимия Башкирии... С. 11; *Он же*. Болгаро-чувашские гидронимы в Башкирии // МКМУ БФАН СССР. Уфа, 1969. С. 233–239; Словарь топонимов БАССР... С. 4, 5.

³ Камалов А. А. Данные гидронимии... С. 289; *Он же*. О топонимии Башкирии... С. 39–40.

⁴ Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики... С. 235.

⁵ Киекбаев Дж. Г. Там же. С. 241; Другие этимологии этого топонимика см.: Азнабаев А. М., Псянчин В. Ш. К проблеме исторического развития аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках // СТ. 1971. № 5. С. 19.

Дж. Г. Киекбаев отметил, что на Южном Урале много топонимических названий, связанных с этнонимом сарт, кыпчак, ногай, канлы и т. п., возникновение которых он объяснял приходом сюда этих групп племен из районов Средней Азии. Данное мнение сходно с мнением Р. Г. Кузеева, но в первом удельный вес указанных пришлых компонентов в общем составе башкир предполагается незначительным: они составляли лишь оторвавшиеся от основной массы немногочисленные этнические группы¹.

Лингвистами обрисовывается крайне интересная, а с точки зрения археолога, заманчивая схема происхождения башкирского языка. Одним из первых эту тему в своих исследованиях затронул С. Е. Малов. Учитывая наличие в башкирском языке многих реликтовых явлений, почти не сохранившихся в других тюркских языках, он полагал, что башкирский язык очень рано (не позднее V в. до н. э.) оторвался от основы-языка и на западной окраине тюркского мира составлял самостоятельную башкиро-кыпчак-мишарскую группу. Территориально эту общность он разместил в Восточной Европе².

Необходимо отметить, что данное мнение С. Е. Малова, очевидно, оказало решающее влияние на выводы С. И. Руденко об этногенезе башкир, который, считал тюркоязычными кочевые племена Южного Урала сахо-массагетского времени³. Сторонников этого подхода много и в настоящее время⁴.

Нарисованную С. Е. Маловым схему развития тюркских языков поддержал Дж. Г. Киекбаев, разделивший и все основные положения С. И. Руденко⁵. Результаты своих многолетних наблюдений в области тюркологии он обобщил в монографическом труде «Введение в урало-алтайское языкознание», где методом лексикостатистики определил, что древнебашкирский язык обособился от тюркского языка-основы очень рано, примерно 4000 лет тому назад, а от чувашского – 3500⁶.

¹ Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики... С. 232–236; Он же. Башкирские диалекты... С. 67–74.

² Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки... С. 137.

³ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки... С. 351.

⁴ Закиев М. З. Образование языка татарского народа. Казань, 1974. С. 74–76; Он же. Проблемы языка и происхождения волжских болгар. Казань, 1986; Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана... и др.

⁵ Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики... С. 233; Он же. Башкирские диалекты... С. 67–71.

⁶ Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское... С. 22–23.

В примечании автор подчеркнул, что приведенные цифры очень предварительны, но с учетом даже этой оговорки нетрудно заметить, что основной смысл данной идеи о продолжительном самостоятельном развитии башкирского языка лежит в русле его ранних высказываний, которые рассмотрены выше. Большинство современных башкирских лингвистов время появления ранних тюрков на Южном Урале склонно относить, вслед за Н. А. Баскаковым¹, к гуннскому времени.

В плане выяснения древнейших истоков (связей) формирования башкирского языка важное значение приобретают исследования М. А. Ахметова об особенностях языка орхоно-енисейских памятников письменности, проведенные в последние годы. Подвергнув специально анализу категории глагола в аспекте сопоставления с башкирским языком, автор пришел к тем же выводам, что были сделаны Дж. Г. Киекбаевым на материалах фонетики о том, что башкирский язык близок к языку памятников. В частности, он считает, что более 95 % глагольных корней языка памятников употребляется в современном башкирском языке². Сославшись на мнение Э. Р. Тенишева о том, что язык памятников тюркского рунического письма является отшлифованным литературным³, М. А. Ахметов допускает значительную архаичность его уже к VIII в.⁴ Следовательно, этот факт предполагает наличие более ранних связей башкирского языка с языком орхоно-енисейских памятников, чем в VII–VIII вв.

Вопрос о своеобразии башкирского языка, выразившемся в его особенной близости к языку рунических памятников, вновь поднят в одной из последних работ Э. Р. Тенишева. По его мнению, оно объясняется тем, что носители древнебашкирского языка находились в тесном территориальном и этнокультурном соседстве с носителями языка рунических памятников⁵. Это означает признание участия южносибирского этнического компонента в сложении ядра древнебашкирского этноса.

¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. С. 212.

² Киекбаев Дж. Г. Башкирские диалекты и краткое... С. 70, 71; Ахметов М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. 1978. С. 27.

³ Тенишев Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // СТ. 1976. № 1. С. 27–33; Он же. Язык древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // ВЯ. № 2. 1979. С. 80–90; Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980. С. 39–41.

⁴ Ахметов М. А. Глагол в языке... С. 129.

⁵ Тенишев Э. Р., Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристик. Рецензия // СТ. 1980. № 1. С. 84–86.

В связи со сказанным небезынтересно сохранение у башкир исторических преданий, согласно которым тангаурские башкиры возводят генеалогию своих предков к Кюль-Тегину – одному из правителей тюркского каганата¹.

Н. А. Баскаков, изучив особенности развития башкирского языка, писал: «Находясь на периферии и частью в горах, башкиры были в значительной мере изолированы от других тюркских племен. Это способствовало, с одной стороны, сохранению наиболее архаических черт башкирского языка, сближающих его с некоторыми современными языками восточно-хуннской ветви, например, хакасскими, тувинскими, якутскими и другими, носители которых имели исторически общие с башкирами этнические элементы... С другой стороны, природные условия расселения башкир в горах способствовали изоляции отдельных племенных групп и диалектов, чем и объясняется наличие большого количества различных диалектов и говоров в современном башкирском языке»². Отмеченные здесь причины сохранения в башкирском языке древних рудиментных элементов одновременно сказались на развитии материальной и духовной культуры средневекового населения, отраженной в археологических памятниках.

В большинстве лингвистической литературы присутствует одна общая мысль: процесс создания ядра башкирского этноса и языковой консолидации древнебашкирских племен шел сравнительно рано и в некотором отрыве от основной массы тюркоязычных народов евразийских степей. Это полностью соответствует обрисованной выше на основе археологических источников исторической обстановке на Южном Урале с эпохи древности до раннего средневековья.

Антропологический аспект. Общеизвестно, что объектом исследования антропологов является физический тип древних и современных народов. В отличие от быта, культуры и языка, генетическое родство народов носит более стабильный характер и потому дает возможность вскрыть глубокие истоки происхождения современных народов, наметить основные этапы и особенности формирования их антропологического облика³. Вследствие этого выводы антропологов приобретают важное значение для изучения вопросов этногенеза.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 137.

² Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. С. 241.

³ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 5.

Антропология ввела в научный оборот обширный материал по характеристике физического типа современных башкир. Пионерами этого начинания были Н. М. Малиев¹, П. С. Назаров², Д. П. Никольский³, Н. А. Абрамов⁴ и другие ученые XIX – начала XX в. Самые значительные исследования принадлежат С. И. Руденко, проведшему антропометрические измерения около 2000 индивидуумов, которые фактически представляли основные группы башкир начала XX в. Привлекая материалы своих предшественников, С. И. Руденко в 1916 г. опубликовал труд, где дано наиболее полное исследование антропологического состава башкирского народа⁵. Он пришел к выводу, что этнические группы башкир, представленные в прошлом родоплеменными объединениями, чрезвычайно различаются между собой по физическому типу, что говорит об участии в их происхождении разнородных компонентов⁶.

По наиболее важным показателям С. И. Руденко объединил башкир в три территориальные группы. К первой он отнес зауральских, восточных башкир (катайцы, табынцы, усергане, тангаурцы, бурзяне и др.), характеризующихся крупными размерами лица при короткоголовости, относительно широком лице с выступающими скулами, низкорослостью и хорошо выраженной пигментированностью⁷. По отмеченным особенностям данная группа башкир, по мнению исследователя, ближе всех стоит к казахам, киргизам, а происхождение их тесно связано с центральноазиатским антропологическим типом⁸.

Самостоятельную группу составляют северо-западные башкиры (таньпыцы, гайнинцы, булярцы, киргизы и др.), отличающиеся от остальных смешанной или меньшей пигментированностью, умеренной короткоголовостью, узколицестью с меньшими размерами ширины лица и поперечного диаметра головы⁹. Выделенную особенность

¹ Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир // ПАЕКУ. Т. 5. Вып. V. Казань, 1876.

² Назаров П. С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. № 1. М., 1890. С. 167–192.

³ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

⁴ Абрамов Н. А. Башкиры // Русский антропологический журнал. Т. 27–28. 1907.

⁵ Руденко С. И. Башкиры... Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // ЗРГО. Т. 43. Вып. I. Пгр., 1916.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 185, 262–270.

⁸ Там же. С. 308.

⁹ Там же. С. 272–284.

северо-западных башкир С. И. Руденко объяснил как результат активного воздействия на их физический тип ближайших соседей – народов Прикамья (татар, удмуртов)¹.

Третью группу (кыпчаки, юрматынцы, минцы и др.) С. И. Руденко локализовал в центральной и юго-западной Башкирии и поставил в промежуточное положение между первыми двумя: они среднепигментированы, короткоголовы, относительно высокорослы².

С. И. Руденко отмечает, что среди башкир очень мало встречается длинноголовых и высокорослых, хорошо пигментированных людей, а территориально локализуются они в основном на юге Башкирии³.

Из приведенного описания типов можно заключить, что для башкир, в целом, характерными являются: пигментированность, низкорослость с более или менее ярко выраженными монголоидными признаками, по которым они существенно отличаются от прикамских финноугорских народов.

С. И. Руденко не раз подчеркивал, что вопрос о происхождении отдельных антропологических групп в составе башкир нельзя решать до получения костных материалов из древних и особенно средневековых могильников Южного Урала⁴. Но впоследствии, при повторном издании своего труда «Башкиры», он вновь вернулся в этому вопросу, где априорно допустил вероятную большую преемственную связь башкир с ранними кочевниками Южного Урала: сако-массагетами, иирками, фиссагетами, физический тип которых он считал смешанным, т. е. с примесью монголоидного компонента⁵.

Первый палеоантропологический материал с территории Башкирии был получен при раскопках Стерлитамакского могильника, который затем был обработан Т. А. Трофимовой. Судя по измеренным черепам (8), население данного могильника принадлежало к типично европеоидному типу, очень близкому по своим морфологическим особенностям Верхне-Салтовскому могильнику и, в целом, носителям салтовской культуры, хотя оно имело некоторую монголоидную примесь. Одновременно автором подчеркнута мысль об общей близости стер-

¹ Руденко С. И. Башкиры... Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // ЗРГО. Т. 43. Вып. I. Пгр., 1916. С. 308.

² Там же. С. 270–272.

³ Там же. С. 282.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // ЗРГО. Т. 43. Вып. I. Пгр., 1916. С. IX.

⁵ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические... С. 328–329, 351.

литамакских черепов с черепами ранних кочевников Южного Урала, Нижнего Поволжья и Казахстана, что не исключает местный характер их происхождения¹.

В антропологическом изучении современных башкир и древнего населения Южного Урала целую эпоху составили работы известного советского ученого М. С. Акимовой. В ее распоряжении оказался качественно новый материал – массовый палеоантропологический – из раскопок различных археологических эпох, начиная с эпохи бронзы, и результаты новых антропометрических измерений современных башкир, выполненных ею самой. Благодаря этому М. С. Акимовой представилась возможность дать первую реконструкцию эволюции расогенеза на Южном Урале на протяжении последних трех тысячелетий². На новом обширном материале она подтвердила правильность всех выводов своих предшественников по районированию башкир по антропологическим особенностям³. Любопытно, что эти локальные группы отличаются между собой не только по краниологическим особенностям, но и по папиллярным узорам кистей и пальцев. Так, например, у северо-западных групп, в сравнении с зауральскими, реже встречаются завитки на пальцах, поэтому у них ниже дельдовый индекс; у них же чаще наблюдается наличие центрального и двойных осевых трирадиусов, межпальцевых добавочных трирадиусов при трирадиусах «а» и «д» узоров на всех ладонных подушечках. Дерматоглифические особенности зауральских башкир больше тяготеют к монгольским группам. Основные выводы М. С. Акимовой сводятся к следующему.

Суммарно башкиры характеризуются средней или ниже средней длиной тела, крупными размерами головы, высоким и умеренно широким лицом; волосы темные, прямые, мягкие, встречается эпикантус, но выражен слабо и занимает промежуточное положение между казахами, киргизами, хантами и манси, с одной стороны, чувашами, удмуртами, марийцами, с другой, но ближе к последним⁴. Однако при наличии этих общих признаков локальные особенности в антро-

¹ Трофимова Т. А. Антропологические материалы из аланского могильника в Башкирии // КСИЭ АН СССР. Вып. 17. М., 1952.

² Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

³ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971; Она же. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и география. М., 1974.

⁴ Акимова М. С. Этногенез башкир по данным...

пологическом типе оказались весьма разительными. Так, например, М. С. Акимова считает, что к казахам ближе всех находятся северо-восточные башкиры по таким показателям, как крупные размеры головы и лица, пигментированность, у них меньше длина тела и т. п., однако близость сопровождается рядом отличительных особенностей, что позволяет четко их различать. Казахи по отношению к башкирам более темноглазы, темноволосы, у них четко выражена монголоидность, и северо-восточные башкиры по отмеченным признакам более европеоидны и ближе стоят к северо-западным башкирам, т. е. обнаруживают общую близость. Эти же черты отличают их от хантов и манси¹. Несмотря на эти особенности, М. С. Акимова полагает, что в формировании физического облика зауральских башкир активное участие принимали племена южносибирского антропологического типа, который был основным в этногенезе казахов и киргизов. Пришлые племена центральноазиатского характера на Южном Урале вошли в контакт с «европеоидным населением, что привело к возникновению различий в антропологическом типе между указанной группой башкир и казахов.

Северо-западных башкир, испытавших меньшее влияние монголоидного населения, М. С. Акимова относит, в основном, к субуральскому типу, служившему общей основой в этногенезе удмуртов, чувашей, мари и волжских татар; в их составе она особо выделяет светлоглазую европеоидную группу². Она усматривает большую преемственную связь между современными северо-западными башкирами и местным средневековым населением, представленным черепами из Мавлютовского могильника (XVII в.), а через него – с племенами I тысячелетия до н. э. и рубежа н. э. Таким образом, согласно данным М. С. Акимовой, выходит, что антропологический тип северо-западных башкир, в основном, формировался на местной субуральской основе³.

Вопрос о времени прихода на Южный Урал людей центральноазиатского (сибирского) типа для М. С. Акимовой в какой-то мере остался открытым, хотя в ее распоряжении имелся некоторый антропологический материал из курганов северо-восточной Башкирии рубежа I и II тысячелетий. Население, оставившее эти курганы, имело

¹ Акимова М. С. Антропологические исследования... С. 86–95.

² Акимова М. С. Этногенез башкир по данным... С. 42–43; Она же. Антропологические исследования... С. 93.

³ Акимова М. С. Этногенез башкир... С. 43.

ряд специфических черт, аналогии которым трудно найти в составе современных башкир, а также у казахов, бурят, тунгусов и манси. Оно отличается крупными размерами черепов, мощным телосложением, развитым надбровьем, широким средневысоким, несколько уплощенным лицом. Несмотря на некоторые колебания М. С. Акимова склонна была видеть в этих людях пришлых тюркоязычных предков башкир, принесших основной антропологический признак северо-восточных башкир.

М. С. Акимова на большом палеоантропологическом материале доказала, что на территории Южного Урала еще с эпохи неолита непрерывно обитали группы племен с четко выраженным европеоидным обликом. Для эпохи ранних кочевников они представлены черепами из курганных могильников типа Старые Киишки, а во второй половине I тысячелетия – Кушнаренокского и Стерлитамакского могильников, Ново-Турбаслинских, Дежневских курганов. Последняя группа курганов показывает, что в интересующее нас время это европеоидное население, родственное по основным признакам с салтовскими племенами, было довольно многочисленным и оставило после себя самые крупные памятники. По мнению М. С. Акимовой, как раз это местное европеоидное население служило основой, на которую впоследствии наслонились пришлые племена Южного Башкортостана¹.

Происхождение башкир привлекло внимание такого известного ученого, как В. П. Алексеев. Он, опираясь на материалы перечисленных авторов, подтвердил правильность положения о том, что европеоидно-монголоидные антропологические типы в составе башкир восходят к местным компонентам, представленным соответственно старокиишкинско-кушнаренокско-стерлитамакской и пьяноборско-бахмутинской сериями черепов I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.² В отношении происхождения ранних башкир В. П. Алексеев пришел примерно к таким же выводам, что и М. С. Акимова, а именно, о средне-центрально-азиатском или южно-сибирском происхождении того монголоидного компонента, который имел место и среди башкир.

¹ Акимова М. С. Этногенез башкир... С. 42; *Она же*. Антропологические исследования... С. 93–94.

² Алексеев В. П. Краниологические материалы к этногенезу башкир // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 8–9; *Он же*. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // ВЭТНСП. Казань, 1971. С. 253.

В. П. Алексеев считает, что черепа из средневековых могильников по уплощенности лицевого скелета сближаются с многочисленными смешанными по происхождению сериями черепов кочевников Средней Азии и Нижнего Поволжья золотоордынского времени. По его мнению, этот монголоидный компонент в состав башкир влился сравнительно поздно, не раньше начала II тысячелетия н. э.¹

В настоящее время изучением краниологии современных башкир плодотворно занимается Р. М. Юсупов. Им охвачены основные этнографические группы. На новом краниологическом материале он подтвердил положение о различиях между территориальными группами башкир и выделил локальные краниологические варианты; при этом отмечено, что европеоидные особенности сглаживаются в направлении к востоку и северо-востоку. Р. М. Юсуповым обработаны и опубликованы краниологические материалы из некоторых раннесредневековых курганов юго-восточных районов Башкирии (I и II Бекешевы). На основании сопоставления этих материалов с краниологическим материалом современных южных башкир (Иштуганово) он высказал мнение о возможности генетической преемственности средневекового и современного населения Южной Башкирии. Таким образом, подтверждается вероятная принадлежность курганов Южного Урала IX–X вв. к ранним башкирам. Бекешевские черепа обнаруживают большую близость с палеоантропологическими материалами кочевников Восточно-Казахстанского Прииртышья и Приаралья. Это сходство, полагает Р. М. Юсупов, образовалось в результате включения в состав раннесредневекового населения Южного Урала большой группы кочевых племен (караякуповских) восточного происхождения – носителя тюркоязычного антропологического компонента в составе современных башкир. Исследователь согласился с мнением М. С. Акимовой о формировании физического типа северных башкир на основе местных племен, в частности, населения бахмутинской культуры².

¹ Алексеев В. П. Очерк происхождения ... С. 251–252, 255.

² Юсупов Р. М. К краниологии современного населения Башкирии // Вопросы финноугроведения. Сыктывкар, 1979; *Он же*. Новые антропологические материалы по сарматам Южного Урала // ЭПСТО. М., 1979; *Он же*. Антропологический состав башкир по данным краниологии. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982; *Он же*. Антропологическая характеристика средневекового населения Южного Урала по материалам Бекешевских курганов // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982; *Он же*. Этноисторические связи башкир по данным краниологии // ЭИТНССТ. Омск, 1984; *Он же*. Краниологическое изучение башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987. С. 77–94 и др.

Вывод о прямой генетической связи современных башкир с башкирами IX–X вв. (курганы бекешевского типа), через них – с племенами турбаслинско-бахмутинского круга, а для более отдаленных веков – с сако-массагетами Р. М. Юсупов вновь подтвердил в своих монографических исследованиях, опубликованных в последние годы¹.

В г. Уфе была организована также группа по изучению популяционной генетики башкир под руководством Х. С. Рафикова. Ею изучается генетическая структура популяций и субпопуляций группы крови. Авторы полагают, что стабильность наследственных признаков в источниках позволяет воссоздать генетическое древо этнических групп в составе башкир. Получены предварительные выводы общеисторического порядка, представляющие несомненный интерес. Например, начальные этапы генетической дивергенции прапопуляции башкир датируются III в. до н. э., а генетическая дифференциация многих групп восточных башкир сложилась на территории современной Башкирии. Авторы высказываются в пользу позднего прихода восточных башкир на Урал. Наиболее ранняя генетическая дивергенция наблюдается у юго-восточных (VII в. н. э.), а самая поздняя – у северо-западных башкир². Этими исследованиями в настоящее время руководит Э. К. Хуснутдинова.

Этнографический аспект. Здесь особо следует выделить заслуженно высокую роль С. И. Руденко, которому башкирская этнографическая наука обязана своим становлением. Много раз упомянутый его труд «Башкиры» по степени охвата многогранной жизни башкир и полноте освещения поставленных вопросов является одним из редких подобных исследований в отечественной науке XX века. В нем можно выделить два этногенетических момента. Первое – это классификация и тщательный анализ огромного материала по материальной и духовной культуре башкир. Здесь он повсюду подчеркивает сложный многосоставный характер быта, искусства, религиозных представлений

¹ Юсупов Р. М. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989; *Он же*. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт. Уфа, 1991; *Он же*. Краниология башкир. М., 1989.

² Рафиков Х. С., Юмагузина Н. Х., Кузеев Р. Г. Генетическая дивергенция башкир в аспектах этногенеза // Популяционно-генетические исследования народов Южного Урала. Уфа, 1980; Рафиков Х. С., Хуснутдинова Э. К., Хидиатова И. М. Генетическая близость народов Волго-Уральского региона с народами финно-угорской группы и Сибири // *Congressus septimus internationalis finno-ugristarum*. 6. Sessiones Sectionum Dissertationum. Debrecen, 1990. P. 204–209.

и других сторон жизни башкир, где сохранились яркие следы былых этнокультурных контактов древних башкир с предками современных народов Средней Азии, Сибири (казахи, киргизы, туркмены, алтайцы, ханты, манси и др.), а также Восточной Европы (татары, мишари, удмурты и др.). В свете этих выводов, вытекающих из анализа фактического материала, несколько однопланово выглядит заключение автора о том, что башкиры уже в начале нашей эры представляли собой достаточно единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевым скотоводством, что все последующие события не оказали существенного влияния ни на физический тип, ни на язык и быт башкир.

Самые плодотворные исследования по исторической этнографии башкир принадлежат Р. Г. Кузееву. Исторические предания, в том числе родословные – шежере – своеобразные письменные документы, возникшие не позднее XII–XIV вв., данные исторической географии – это далеко не полный перечень новых источников, который Р. Г. Кузеев ввел в научный оборот, занимаясь изучением вопросов этногенеза башкир. Возглавляемая им группа башкирских этнографов организовала всестороннее изучение быта и культуры башкир, что привело к многократному увеличению объема источников для общей этнографической характеристики башкир, в том числе об их историческом происхождении. Научные взгляды Р. Г. Кузеева по затронутому вопросу развивались в одном направлении и поэтому ниже дается краткое их изложение по монографиям 1974 и 1978 гг.¹

Без преувеличения можно сказать, что труд «Происхождение башкирского народа» – большое событие в башкирской исторической науке и представляет собой опыт комплексного подхода к пониманию сложного процесса формирования башкирского народа с использованием достижений всех смежных наук. Весомым вкладом в науку является то, что путем привлечения всей суммы доступных к тому времени источников, главным образом данных шежере, исторических преданий и этнонимии, он реконструировал родоплеменной состав башкир XVII–XIX вв., характер их расселения и взаимных контактов в пределах этого времени по Южному Уралу.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа...; *Он же*. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

В плане постановки вопроса особенно интересно выделение им семи историко-стратиграфических пластов (булгаро-мадьярский, древнебашкирский, огузо-кыпчакский и др.), которые отражают этапы формирования башкирского народа и участия в нем различных этнических компонентов. Прделанная им огромная по объему систематизаторская работа является одним из необходимых условий для ретроспективного анализа сложной стратификации башкирского общества более отдаленных веков. Автором охвачена широкая панорама этногенетического процесса с середины I тысячелетия н. э. до XV–XVI вв. в южно-уральском регионе, завершившегося сложением башкирского народа. Важно подчеркнуть, что для ретроспекций средневековой этнической истории Южного Урала возможности этнографического материала, при тогдашней бедности археологического, оказались очень ограниченными. Поэтому он широко привлек письменные источники и создал привлекательную схему формирования башкирского народа, которая заслуживает пристального внимания.

В заслугу Р. Г. Кузееву можно поставить впервые высказанную им мысль о том, что с глубокой древности вплоть до недавнего прошлого существовал Арало-Уральский цикл кочевания и он являлся одной из форм существования в этом регионе подвижного скотоводческого хозяйства¹. Прделанный выше археологический экскурс доказывает, что вхождение Приаралья и Южного Урала в единую историко-хозяйственную область предопределяло развитие этногенетических процессов в крае.

Один из принципиальных выводов Р. Г. Кузеева состоит в том, что первоначальной территорией пребывания древнебашкирских племен в IV–VIII вв. служили Восточный и Центральный Казахстан, а затем степи Сырдарьи и Приаралья, где они образовали башкиро-бурзянское этническое объединение. Основными носителями древнебашкирского этноса в нем и известного по письменным источникам этнонима «баджгарт-баджгурт» были племена усерган и тангаур². Как исторический след данного этапа жизни усерган, тангаурцев и бурзян Р. Г. Кузеев рассматривает сохранившиеся единичные топонимические названия со словом «башкорт»: двух – на Иртыше (реки Малая и Большая Башкурка), одного – близ Бухары (Башкортские горы), а также исторические предания о переселении отдаленных предков на Урал из районов Буха-

¹ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир... С. 266–272 и др.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 133, 425–432.

ры вслед за мифическим волком¹. Приуралье они покинули во второй четверти IX в., причиной чему послужило военное поражение².

Исследователь убежден в том, что многие средневековые авторы описали «приуральский» период жизни древнебашкирских племен, и ссылается на рассмотренное выше сообщение Саллама ал-Тарджемана, ал-Масуди, Гардизи и некоторых других авторов³. В этом заключается недостаточность проделанного им критического анализа нарративных источников о башкирах. В попытках увязать сведения письменных источников о различных группах башкир он считает башкирские племена очень поздним пришлым населением, оторвав тем самым процесс этногенеза народа от конкретной территории и всей предшествующей истории. Автор полагает, что в IX в. бурджане-баджгарды под давлением более сильных соседей вынуждены были переселиться в Нижнее Поволжье, на Северный Кавказ, где они разделились на две части; одна ушла на запад (Причерноморье), а вторая – на север, в Приуралье, и с этого момента начинается уральская история древних башкир⁴. Р. Г. Кузеев полагает, что первоначально переселившиеся с юга башкиры расселялись в обширных степях Бугульминской возвышенности с выходом на Волгу, и эту территорию он отождествляет с «Древней Башкирией», являвшейся центром консолидации башкирского этноса вплоть до XI–XII вв.⁵

Основу древнебашкирского этноса, по его мнению, составили бурзяне, усергане, тангауры, тамьянцы, байларцы, которые были носителями этнонима «башкорт» по всему Уралу. В Южном Приуралье башкиры вошли в контакт с болгаро-мадьярской группой племен (юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, буляр и др.), но это был более медленный процесс⁶.

Следующим моментом в развитии древнебашкирского этноса он считает смешение пришельцев с местными племенами Западного Приуралья, представленными археологическими памятниками второй половины первого тысячелетия нашей эры (бахмутинцы, турбаслинцы

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 128–133, 141.

² Там же. С. 150–151.

³ Там же. С. 134–136.

⁴ Там же. С. 145–168, 435–441.

⁵ Там же. С. 425–441. Карты 15, 16.

⁶ Там же. С. 413–425.

и др.). Перечисленные три фактора определили узловую момент в формировании древнебашкирского этноса в конце I тысячелетия¹.

В XI–XIII вв. кочевые башкирские племена двумя волнами начали расселяться по Южному Уралу. Одна волна – зауральская – по старым традиционным маршрутам перекочевков с юга на север заселила Восточное Зауралье. В ее составе находились айлинское, каратавлинское, тырнаклинское, сартовское и другие родовые подразделения. Р. Г. Кузеев согласился с выводом одного из авторов настоящей работы о том, что курганы рубежа I–II тысячелетий (в бассейне рр. Ай и Юрюзань: Ишимбаево, Лагерево, Каранаево, Старо-Халилово) принадлежат ближайшим предкам северо-восточной группы башкир XV–XVI вв.² В ранних работах время их появления на Южном Урале он был склонен относить к более поздним векам (XIII–XIV вв.)³.

Р. Г. Кузеев подверг сомнению правомерность проведения М. С. Акимовой прямой генетической связи северо-западных башкир с местным населением I тысячелетия нашей эры (пьяноборцы, бахмутинцы). Согласно его мнению, башкиры в северную Башкирию пришли не ранее XII в., а преобладание в облике современных северо-западных башкир европеоидных элементов могло сложиться в результате позднего контакта их с западными соседями⁴. В период Золотой Орды в состав башкир влились новые этнические группы (кыпчаки, катаяцы, табынды, минцы), составившие общий компонент в этногенезе казахов, узбеков, каракалпаков. В свете археологического материала важным и бесспорным представляется заключение Р. Г. Кузеева о том, что на базе взаимодействия и синтеза древнебашкирского этноса и кыпчакских групп происходит формирование многих специфических признаков, которые характеризуют культуру и язык башкир и сегодня⁵.

Спорным моментом в исследованиях Р. Г. Кузеева является тезис о невозможности определения точного времени прихода на Южный Урал различных этнических групп и включения их в процесс этногенеза башкир. Оказывается, названия многих родоплеменных групп башкир XVII–XIX вв. присутствуют у других тюркоязычных народов.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 440–441.

² Там же. С. 455.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 33–35.

⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 33–35, 460–461.

⁵ Там же. С. 168–186, 235–279, 464–481.

В попытках объяснить причины образования этого сложного исторического явления Р. Г. Кузеев исходит из двух предпосылок:

а) общность образовалась в период совместного пребывания древнейших их носителей на одной территории (Приаралье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и т. п.);

б) эти контакты охватывают сравнительно поздний период (IX–XV вв.)¹.

В методическом отношении такой подход очень уязвим. Например, многие тюркоязычные предки современных башкир могли прийти на Урал с востока, минуя Приаралье и Северный Кавказ (через Сибирь и Казахстан), а предполагаемое совместное проживание общих предков, отдельных родоплеменных групп могло произойти в более ранние века.

Как уже отмечалось, в последние 50 лет башкирскими этнографами собраны и классифицированы новые обширные источники по материальной культуре башкир, чему посвящен ряд монографических исследований. Аналитические выводы исследователей в этногенетическом аспекте, в целом, совпадают с теми заключениями, которые были предварительно сделаны С. И. Руденко. В частности, этнографы подтвердили положение о том, что в культуре башкир наряду с южными элементами есть много черт, непосредственно восходящих к финно-угорскому культурному миру. Одним из таких ярких примеров сказанного может служить своеобразный элемент башкирской одежды хараус – головной убор, известный, кроме того, у обских угров, марийцев, удмуртов, чувашей, западно-сибирских татар².

Исследования, предпринятые С. Н. Шитовой в плане выявления исторического развития материальной культуры башкир, позволили вскрыть внушительный пласт сибирских черт. Таковыми она считает украшение вышивкой, аппликацией, кораллами, бисером, перламутром женских халатов – елэн, почти весь комплект женских головных уборов, нагрудники и другие элементы, находящие себе близкие параллели у хантов, манси, хакассов, тувинцев, алтайцев, шорцев и других народов. Учитывая общую близость в некоторых типах жилищ, способах ведения охоты, рыболовства и других формах хозяйства, С. Н. Шитова приходит к выводу, что отмеченное родство могло сложиться лишь

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 68–86, 145–168.

² Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Прикладное искусство // Народное творчество башкир. Уфа, 1976.

в результате пребывания древнейших предков современных башкир в Южной Сибири¹. Истоки этой общности археологически хорошо прослеживаются.

Подведем некоторые итоги. Как видно из вышеизложенного, в комплексном изучении древней и средневековой истории Южного Урала достигнут такой уровень, когда ликвидированы существующие большие разрывы между различными источниками. Это позволило преодолеть принципиальные расхождения во взглядах специалистов смежных наук относительно выделения важнейших этапов этнической истории края и основных слагающих компонентов в процессе формирования башкирского народа. Так, например, установленный этнографами и антропологами многосоставной и смешанный характер культуры и физического облика современных башкир легко объясним археологически.

В исследованиях лингвистов обращает внимание читателя совпадение их взглядов на то, что современный башкирский язык отличается от остальных тюркских языков сохранением многих реликтовых явлений, отсутствующих в других тюркских языках. Причину этого своеобразия они склонны объяснить тем, что древние предки башкир очень рано оторвались от основной массы тюркских народов и длительное проживание их в условиях горно-лесных районах Южного Урала способствовало сохранению этих древних элементов до современности. Археологический материал позволяет высказать предположение о том, что носителями древнебашкирского (древнетюркского) языка на Южном Урале могли быть племена дахо-сако-массагетского круга (включая исседонов, иирков, аримаспов, аргипеев, а затем кангюев, гуннов, юечжей вместе взятых) раннежелезного века. Эти племена представляли составную часть кочевых племен степной Евразии и своим происхождением были тесно связаны с народами Центральной Азии, а также Казахстана и Средней Азии. Вклад этих ранних кочевых племен Южного Урала в сложение ядра древнебашкирского этноса безусловно был значительным и их роль справедливо особо подчеркивают А. З. Валиди, Дж. Г. Киекбаев, С. Е. Малов, С. И. Руденко и другие авторы.

¹ *Шитова С. Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // *Этнография башкир*. Уфа, 1976; *Она же*. Утварь из кожи у башкир // *Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М.*, 1979; *Васильев С. И., Шитова С. Н.* Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // *Вопросы этнической истории Южного Урала*, 1982.

Будучи зоной активных контактов оседлых, лесных и кочевых племен, Южный Урал, по существу, являлся составной частью огромного степного мира. Его население в этнокультурном отношении было тесно связано с племенами Алтая, Казахстана, Приаралья и Южной Сибири. Важным фактором, способствующим установлению культурного единства в данном регионе, было кочевое хозяйство, нормальное ведение которого требовало постоянного передвижения многочисленных народов в широтном и меридианальном направлениях. На этой общей этнической основе возникли древнейшие общие черты в культуре, быту и в антропологическом типе, прослеживаемые исследователями у башкир и других народов на широкой территории от Алтая до Приаралья. Отмеченная культурная близость приобретает более конкретную форму в начале раннего средневековья, когда на Южный Урал переселяются массы кочевых племен из степей Южной Сибири, Казахстана (носители турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской керамики). Эти же племена принесли с собой сако-массагетский и центральноазиатский антропологические типы, сохранившиеся у башкир и поныне. Следует подчеркнуть, что данное переселение одновременно было процессом оседания кочевников, наблюдаемым повсюду в степном мире.

Говоря о существовании на Южном Урале, начиная примерно с VIII–IX вв., древнебашкирского этноса и наиболее прослеживаемых сейчас этапах его развития, следует иметь в виду, что он как историческое явление не был неизменным и на каждом из этапов проявлялся по-разному. Археологический материал сравнительно точно фиксирует, что начало его формирования связано с массовым переселением южно-сибирских, казахстанских в широком смысле слова кочевых племен и ассимиляцией ими местного населения. Это древнебашкирское этническое ядро по численности и территории, безусловно, было гораздо меньше, чем в последующие века, когда в их среду вливались новые группы кочевых племен.

Данные письменных источников, археологии, языка, антропологии, исторической этнографии позволяют утверждать, что в формировании башкирского народа важный этап представляли V–VIII вв. н. э., когда на Южном Урале жили бахмутинские, турбаслинские, кушнаренковские, селенташские и другие группы племен. В письменных источниках IX–X вв. весь Южный Урал однозначно определен как «страна башкир» в широком смысле этого слова, и, следовательно, племена предшествующих столетий были прямыми предками башкир

IX–X вв. В консолидации различных по культуре, образу жизни, возможно, языку племен V–VIII вв., видимо, сыграли события, связанные с возникновением на территории Уфы крупного населенного пункта в ранге средневекового города, который играл роль административного и культурно-ремесленного центра.

Придя на Урал, башкирские племена стали ведущей этнополитической силой, возглавили местное государственное объединение со столицей в городе Башкорт. Важным позитивным результатом функционирования этой политической организации явилось сложение основы башкирского народа, утверждение и распространение на весь южноуральский регион понятий «башкиры» и «страна башкир».

Об этнониме «башкорт». «Башкорт» является самоназванием башкирского народа. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, как и когда образовалось это слово, что оно означало и при каких обстоятельствах оно превратилось в самоназвание целого народа. В основном эти высказывания сводятся только к выяснению значения имени «башкорт». По этому поводу существуют десятки версий¹. Наиболее распространенными являются версии о том, что оно образовалось от слов:

а) *баш* (главный) – *корт* (древнетюркское слово (бүре), т. е. главный волк, волк-вожак:

б) *боҫ* (серый, в значении небесный, по-башкирски күк) – *корт* (волк), т. е. небесный волк;

в) *баш* (главный) – *корт* (пчела) – главная пчела;

г) *баш* (главный) – *корт* (круг людей, гостей, народные собрания) – главное собрание народа и т. д.

Однако в плане возникновения имени народа варианты носят частный и отвлеченный характер. Наиболее вероятными, скорее всего, являются два варианта.

А. В башкирском фольклоре часто встречается мифический образ «күк бүре», в смысле не серый (күк), а небесный (күк – небо) волк. У древних тюрков (и, вероятно, у их ближайших предков – гуннов) волк считался священным тотемным животным, его почитали как родоначальника всех тюрков². Эпитет «небесный» носили почти все гунн-

¹ Полезным справочником об этих версиях является интересная статья: *Гарипов Т. М.* Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 4–28.

² *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки... С. 78–81.

ские цари и называли себя «сынами неба». Таким образом, в этом варианте распространение имени «башкорт» имеет под собой религиозное обоснование и может означать «почитатели» (или «люди») небесного волка. В таком значении понятие «народ», «страна» могло легко распространиться на широкую территорию, заселенную людьми, объединенными генеологическим единством.

Б. О втором варианте одним из первых обоснованно высказался Н. В. Бикбулатов¹. Данный вариант предполагает, что самоназвание «башкорт» могло образоваться от личного имени знатного человека на уровне предводителя или хана. На такую мысль наталкивают сведения раннесредневековых письменных источников. Например, автор XI в. Гардизи, пользовавшийся трудами автора IX в. Ибн-Хордадбека и Ал-Джейхани, пишет о некоем Башджурте. Он был знатным человеком, подчинялся хазарам, владел большой территорией и имел дружину в 2 000 человек. Судя по всему, это был наместник отдельной провинции Хазарского каганата. Гардизи сообщает, что предводитель кыргызов пришел к хазарскому кагану. Каган обнаружил нерасположение к пришельцу-кыргызу, тот вынужден был удалиться и пришел к Башджурту. Узнав об этом, хазарский каган отправил к Башджурту человека, требуя, чтобы он прогнал славянина (видимо, в тексте ошибка: речь идет о представителе кыргызов); Башджурт поговорил об этом со славянином; славянин отправился во владения, с которыми он находился в родстве. По дороге он прибыл в одно место между владениями кимаков и тугузгузов; хан тугузгузов поссорился со своим племенем; многих убили; остальные рассеялись и по одному и по два стали приходить к славянину. Он всех принимал и оказывал им добро, так что их набралось много. Он послал человека к Башджурту, заключил с ним дружбу и этим усилился, после чего произвел нападение на гузов. Тому племени, которое собралось около него, он дал имя «кыргыз»².

Значение этого документа состоит в том, что в нем мы впервые видим упоминание этнонима «Башджурт-Башкорт» в качестве личного имени одного из высокопоставленных вельмож хазарского каганата. Возможно, данный рассказ связан с группой населения на Южном Урале, управлявшейся наместником хазарского каганата по имени Башкорт. Если это предположение верно, то мы, может быть, получим

¹ Бикбулатов Н. В. Этноним башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 29–48.

² Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи Зайч ал-Ахбар. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 46, 47.

ключ к разгадке тайны происхождения этнонима «башкорт». В данном случае оно легко объяснимо фактом превращения личного имени в общенародное. Во всех письменных источниках имя «башкорт» употребляется как имя народа, поэтому рассказ Гардизи, вероятно, восходит к более ранним событиям.

При такой постановке вопроса перед нами открывается новый аспект процесса этногенеза башкир, а именно, роль хазарского компонента, и выяснение его требует привлечения обширного круга источников. Распространение политической власти Хазарии на страну башкир в период наивысшего расцвета (конец VIII–IX вв.) в свете приведенных сведений представляется вполне вероятным. В этой связи уместно вспомнить мнение выдающегося советского историка-археолога М. И. Артамонова о том, что в годы войны с арабами Южный Урал для хазар сыграл роль надежного тыла¹.

Еще одно соображение. Из письменных источников видно, что западная группа башкир отделилась от уральских башкир не позже конца VIII или самого начала IX в. Следовательно, уже к этому времени этноним «башкорт» утвердился как название всего народа, причем имеющего свою территорию обитания. Это процесс длительный, поэтому не исключено, что этноним «башкорт» и понятие «страна башкир» могли утвердиться на Южном Урале в V–VIII вв. или еще раньше – на рубеже нашей эры, а, может быть и ранее.

Подтверждением древности этих понятий служат исследования по исторической этнографии башкир. Изучив родоплеменной состав башкир XVIII – начала XIX в., Р. Г. Кузеев, например, считает, что одними из первых на Южный Урал пришли бурзяне, усергане, тангауры, тамьяне и др.² В представлении исследователя, эти племена образовали ядро древнего башкирского этноса, но имели собственные этнонимы; некоторые из них были территориально широко распространены (например, бурзяне). Эти названия не объясняют происхождения самоназвания башкирского народа («башкорт»), в том числе оторвавшихся на рубеже VIII–IX вв. западных башкир. Отсюда возникает единственно возможный вывод: зафиксированная в науке башкирская этнонимия отражает, в основном, позднее явление, не восходящее к периоду существования древнебашкирского этноса на Южном Урале. Башкирами, очевидно, они становились в результате прихода в страну башкир, со-

¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 219.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 425–441.

храняя при этом свое племенное название. Так, например, стало с кыргызами, включение которых в состав башкир, как теперь установлено, произошло в IX–X вв.

О религии башкир. Ибн Фадлан оставил емкое описание религии башкир. «Кое-кто, – пишет Ибн Фадлан, – из них говорит, будто бы у него (т. е. башкира) двенадцать господинов (богов): у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, а каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ...»

«...Мы видели как (одна) группа из них поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбам, (еще одна) группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они (когда-то) вели войну с (какими-то) людьми из числа своих врагов, причем они (враги) обратили их в бегство и что журавли закричали позади них (врагов) так, что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство (этих башкир). Поэтому они (эти башкиры) стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти (журавли) наш господь, так как он обратил в бегство врагов». За это они им и поклоняются»¹.

Описанная религия ничем не отличается от религии народов Тюркского (Восточного, Западного), Кыргызского, Кимакского, Хазарского (ранний этап) каганатов, раннесредневекового Кангюя и других государств с тюркоязычным населением. С другой стороны, она является продолжением религиозных верований сако-дахо-массагетов раннежелезного века. Это – политические представления во главе с верховным богом Тенгре, отождествляемым с солнцем, небосводом. Каждое природное явление имело своих покровителей – мелких божков. Торжественный обряд принесения башкирами жертв в честь небесного бога (солнца) красочно описан писателем-историком Ф. Д. Нефедовым (XIX в.) в рассказе-легенде «Ушкуль». Жертвоприношение происходит на вершине горы, при стечении большого количества людей, обильном угощении². Весь этот сюжет полностью согласуется со сведениями письменных памятников о совершении подобных обрядов, поэтому

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 131.

² Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1991. С. 134.

не подлежит сомнению, что в основу этого рассказа легло конкретное историческое предание.

Одним из значимых богов башкир после Тенгре была богиня Умай, покровительствовавшая всему птичьему и животному миру.

Как свидетельствуют древние и раннесредневековые источники, у всех народов, исповедовавших маздеистский вариант зороастрийской религиозной системы, существовали строго регламентированные действия по совершению тех или иных религиозных обрядов на общенародном уровне. В китайских источниках, например, говорится о том, что в резиденции кангюйских правителей VI–VII вв. «есть храм предкам, в котором приносят жертвы в шестой луне. Прочие владельцы приезжают помогать в жертвоприношении»¹. Приведенный текст не оставляет сомнения в том, что праздник в честь предков отмечался во главе с правителем с участием всего его окружения. Согласно Бируни, у народов Средней Азии он считался самым торжественным и праздновался на протяжении пяти дней. В эти дни люди шли в наусы (кладбища), куда ставили кушанья, а напитки – на крыши домов. Люди утверждали, что души умерших выходят в эти дни из места награды или наказания, приходят, всасывают силу кушаний и выпитывают их вкус. Домохозяйки окуривали свои дома девясилом, чтобы мертвые могли наслаждаться его запахом. Утверждали также, что души мертвых, невидимые, посещают своих жен, детей, близких и участвуют в их делах².

Данные фольклора и этнографические пережитки указывают на то, что праздник в честь предков был хорошо известен ранним башкирам. Один из первых исследователей обычаев башкир И. Г. Георги (XVIII в.), в частности, отмечал, что башкиры, «если во время какого ни есть праздника убьют животное, то ставят на приборе (каштак) уваренное мясо против солнца, творя при этом много поклонений и прочее, во всем подобно шаманским язычникам»³. Выставление пищи в данном случае могло иметь общую основу с тем, как среднеазиатские народы «выкармливали души умерших предков». Одновременно оно могло означать жертвоприношение солнцу.

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 272.

² Ал-Бируни. Памятники минувших поколений. Т. I. Ташкент, 1957. С. 257.

³ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть I. СПб., 1799. С. 107.

Любопытен следующий этнографический пережиток. У горных башкир (Бурзянский, Баймакский р-ны) до сих пор сохранился обычай хранить головы забитых животных до весенних торжеств, называемых «Ололар аятаы», т. е. «в память предков»¹. Это не что иное как жертвоприношение в честь предков.

Материалы свидетельствуют о том, что несмотря на абсолютную близость религиозных представлений башкир и других народов евразийских степей эпохи раннего средневековья, религия башкир стоит несколько особняком из-за сильно развитых тотемистических представлений. Это придавало особый колорит празднованию весны (или памяти предков). Чрезвычайно интересен в плане сказанного повсеместно отмечаемый до начала XX в. праздник карғатуй (буквально: карға – грач, туй – праздник, т. е. праздник грача).

Он отмечался один раз в год, в начале весны, после наступления первых теплых дней². На праздник собирались только женщины, девушки и мальчики не старше тринадцати лет. Местом для него выбирался один из ближайших высоких холмов. Женщины несли туда посуду, продукты, из которых готовили обильную пищу. Девушки и молодые женщины участвовали в различных играх, спортивных соревнованиях, где главной распорядительницей выступала пожилая женщина в старинном костюме.

Хотя в изложении и нет никакой связи с названием праздника, он является далеким отзвуком одного из массовых тотемистических обрядов. Восстановлению его древнего содержания способствуют следующие факты: проведение ранней весной, на высокой горе, участие в нем одних женщин и посвящение его птицам – покровителям женщин. Карға выступает в роли главной фигуры в птичьем царстве, и в этом смысле между ней и образом Ымай из эпоса «Урал-батыр» нет никакой разницы. Эпос «Урал-батыр» прямо указывает, что в день прилета птиц башкиры приносили жертву главному покровителю – ворону³. Таким образом, становится очевидным, что праздник Карғатуй по всем признакам совпадает с праздником древних башкир, посвященным кормлению тотемных птиц. Кормление тотемов – покровителей

¹ Нагаева Л. И. Башкирский народный танец. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 1975. С. 16, 50.

² Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографическое... С. 277–285.

³ Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа, 1972. С. 51.

и переносчиков человеческих душ – в данном случае одновременно преследовало цель добиться общего расположения тотемов к себе, что означало благополучие в деторождении и жизни вообще.

Далеким отголоском сложных магических обрядов, посвященных птицам-тотемам, являются сохранившиеся до сих пор девичьи игры и женские пляски, в ходе которых имитируется поведение птиц¹.

Идея перевоплощения человеческих душ в птиц оставила яркий отпечаток в изобразительном искусстве племен Урала и Сибири эпохи средневековья, доказательством чему служат массовые находки предметов плоского литья с изображением птицы-человека². Последние представляют интерес еще и тем, что помогают хотя бы приблизительно определить время проникновения и утверждения идей тюркоиранских народов о Йиме-Умай и птицах как хранителях-переносчиках человеческих душ³ среди племен лесного Прикамья и Урала. Например, изделия с фигурами полуптицы-получеловека появляются здесь не раньше VI–VII вв. Безусловно, прав был А. В. Шмидт, отметивший, что мотивы птицы-человека в искусстве народов Прикамья проникли под влиянием с юга и отражают изменения в религиозной жизни края⁴. Вполне вероятно, что одним из передатчиков отмеченных идей были племена Южного Урала VII–X вв.

Тезис о существовании женских тотемов-птиц требует дальнейшего обоснования, т. к. в свете других материалов он выглядит очень односторонним. Важно подчеркнуть, что роль птиц-тотемов в древних религиях, была более значительной, а содержание – более емким, чем это представляется в специальных исследованиях по данной теме. Почитание птиц имело широкое, если не повсеместное распространение. Например, культ журавля, зафиксированный Ибн Фадланом у башкир X в., до недавнего прошлого был известен многим народам Сибири⁵.

¹ *Нагаева Л. И.* Обрядовые пляски юго-восточных башкир // Народное творчество башкир. Уфа, 1976.

² *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. С. 22, 23. Рис. 1–3, 5–11 и др.

³ *Раппопорт Ю. А.* Из истории религии Древние Хорезма // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1971. С. 31, 32.

⁴ *Шмидт А. В.* К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Музей антропологии и этнографии. Т. VI. Л., 1927. С. 134–160.

⁵ *Васильев В. И., Шитова С. Н.* Указ. соч. С. 28.

В мифологии восточно-сибирских народов, как и у башкир, важное место занимает тотем ворон¹. Фигуры птиц на деревянных шестах, например, ставили над могилами марийцы, живущие на территории Башкирии и сохранившие до настоящего времени свою древнюю языческую религию. Длинные шесты с деревянными фигурами птиц на конце известны также народам Сибири и Алтая. Они являются необходимым атрибутом жертвоприношения скота небесному божеству у якутов, остяков и вогулов. Интересно, что между шестами у них наклонно вверх натягивается волосяная веревка, изображающая дорогу шамана на небо². Очевидно, как одно из средств для общения с небесным божеством шесты использовались также у казахов. Как сообщает И. А. Кастанье, оренбургские казахи в начале XX в. над юртами или могильными сооружениями ставили шесты, копы с разными лоскутьями, узелками пшеницы и прочими вещами³.

Материалы башкирского фольклора в сопоставлении со сведениями древних письменных источников Китая позволяют восстановить смысловое значение еще одних обрядовых действий древних башкирских племен. Речь идет о многочисленных кругах, совершаемых башкирами вокруг юрты, где лежит умерший, и кургана, места его погребения.

Такой сюжет, например, имеется в эпосе «Кузыйкурпяс и Маянхылу». В нем рассказывается о том, что батыра Карабая после его гибели похоронили под курганом вместе с оружием, после чего вокруг кургана устраивали скачки. Эти скачки повторяются на поминках через несколько дней; во время них между участниками разыгрываются различные призы (саврасый конь, кольчуга, седло, лук со стрелами, сабля, копье и щит)⁴.

Данный сюжет сохранился не случайно, ибо он считался распространенным повсюду среди тюркоязычных народов. Как свидетельствуют китайские историки, тюрки Центральной Азии, «тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обою пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят

¹ Васильев В. И., Шитова С. Н. Указ. соч. С. 258.

² Анучин Д. Н. К истории искусства и верований в Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // МВГ. Т. III. М., 1899. С. 136, 142–143.

³ Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК. Вып. XXVI. Оренбург, 1910. С. 42, 43.

⁴ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 286, 290–292.

в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают... В день похорон, так же, как в день кончины, родные предполагают жертву, скачут на лошадях (вокруг могилы. — *Н. М.*) и надрезают лицо»¹. В источнике, как и в башкирском эпосе, не сказано, зачем тюрки совершали верхом многочисленные круги вокруг умершего, но помочь понять смысл происходившего помогают другие отрывки из трудов китайских историков. В них, в частности, сказано, что уйгуры «любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо; потом оставляют это место и расходятся. В следующем году, осенью, как лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара; зарывают барана и зажигают свечеч с ножом; шаманка читает молитвы... Толпы мужчин на верховых лошадях делают множество кругов около этого места; потом мужчина берет пук ивовых или осокоревых ветвей, ставит комлем вверх и обливают кумысом... Мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп на середине, с натянутым луком в руках, опоясанный мечом, с копьем под мышкою, как будто живого; но могилу не засыпают. Если кто умрет от громового удара или от повальной болезни, то молятся о счастии. Когда все кончится, то для принесения благодарности духам, закопают множество разного скота и сожигают его; потом объезжают это место на лошадях; иногда скачут до несколько сот кругов»².

В представлении многих древних и современных народов гром и молнии воспринимаются как действия верховного небесного божества, именно на такое понимание древними тюрками указывает вышеприведенный источник: они особо почитали места громовых ударов, здесь производились захоронения умерших и совершали таинственные круги вокруг этого места. В совокупности эти сведения позволяют прийти к одному заключению: путь в небесное царство (Тенгре) тюрки представляли в виде сложных многочисленных кругов и, чтобы душа умершего быстрее оказалась в нем, сородичам необходимо было совершить эти круги сразу же в день смерти и в дни поминок.

¹ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. С. 230.

² *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 215, 216.

Мысль о том, что совершаемые круги вокруг умершего есть мысленный путь в царство Тенгре, может быть дополнительно аргументирована следующим примером. Как сообщают те же китайские источники, тюрки при избрании своего кагана «сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним». После окончания поклонения кагана сажали на верховую лошадь и туго стягивали ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивали: сколько лет он будет ханом¹. Кстати, при избрании своего кагана (хана) примерно такие же действия совершали в Кангюе, Хазарском каганате, а также многие другие народы степей Евразии², и они, вероятно, хорошо были известны и башкирам. Присутствие в описанных действиях шелковой веревки, туго обтягивающей шею будущего кагана, есть нечто иное, как упомянутое выше шаманское средство, связывающее его с божеством Тенгре. Все это делалось во имя обожествления власти кагана, что должно было принести стране и ее народу благополучие и мир. Когда на страну обрушивалось несчастье, то кагана могли убить, как потерявшего свою божественность (т. е. личное покровительство Тенгре).

Представления о способах общения с божеством Тенгре через таинственные круги, по-видимому, оставили глубокий след в декоративно-прикладном искусстве древних башкир, народов Южной Сибири, Казахстана и Восточной Европы³. В частности, сложный комплекс орнамента керамики башкир IX–X вв. и их предков в VI–VIII вв., состоящий из частых горизонтальных кругов вокруг горла, скорее всего, служит отражением подобных взглядов. Выше уже говорилось, что эта керамика ввиду тонкостенности сосудов и пышного орнамента носила ритуальный (обрядовый) характер. Горизонтальные пояски на этих сосудах часто чередуются с зонами коротких насечек, овального штампа и ломаных линий. Если иметь в виду, что древние люди представляли жизнь сочетанием различных горизонтальных миров со своими обитателями, то такая идентификация смыслового значения данного орнаментального комплекса не покажется столь неприемлемой.

Итак, можно считать бесспорно установленным, что древние башкиры во имя общения с небесным божеством совершали сложные об-

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Указ.соч. С. 229.

² Там же. С. 310; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 410.

³ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 178.

рядовые действия в виде кругов и это находит параллели у раннесредневековых народов Центральной Азии. В то же время это служит доказательством того, что в формировании древнебашкирского этноса важную роль сыграли племена центральноазиатского происхождения. Носители этих восточных идеологических представлений могли прийти на Южный Урал в период V–X вв., но ими могли быть и гунны, догуннские тюркоязычные племена или выходцы из среды Восточного и Западного тюркских каганатов.

Таким образом, религиозные воззрения башкир IX–X вв. и их ближайших предков были сравнительно развитыми и включали сложные представления и обряды, рассчитанные на общение с верховным божеством. Сама эта религиозная система предполагает развитый шаманизм, сущностью которого является вера в различных духов и связь с ними.

Материалы исторической этнографии показывают, что к шаманам люди прибегали при лечении своих болезней и хворей животных, борьбе с другими несчастьями, гадании и т. п. Желаемая цель достигалась через общение с духами, что доступно лишь особым лицам – шаманам¹. Основу шаманского ритуала составляло камлание – исступленная пляска с пением, ударами в бубен, во время которого, как считают шаманы, душа летит в царство духов или духи вселяются в них самих. Шаманизм тесно связан со знахарством, колдовством, гаданием и т. п.²

Формировался шаманизм уже при сложившихся религиозных представлениях³, и поэтому в его материалах можно почерпнуть важные сведения, в которых последние нашли свое отражение. Этим вызван и наш интерес к данному вопросу.

Шаманизм у башкир в начале XX в. в ярко выраженной форме уже полностью исчез. Но в XVIII в. он еще был известен, доказательством чему служат дневниковые записи И. И. Лепехина, где подробно описывается шаманский обряд у кочевой группы башкир⁴. Он пишет, что по поводу предродовых схваток женщины пригласили шайтан куря-

¹ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 283, 301.

² Там же. С. 286, 287 и др.

³ Там же. С. 291.

⁴ Лепехин И. И. Продолжение дневниковых записок путешествия по разным губерниям Российского государства в 1770 г. Ч. II. СПб., 1802. С. 73–76.

зя, организовавшего иступленную пляску молодых, во время которой сам «в бешенстве... всех превосходил, имея в руках обнаженную саблю». Данный шаманский обряд во многом напоминает магический танец гуннов, где участниками были обнаженные группы, устраивающие под грохот барабанов битву на мечах, скачки на конях, игры, пляски и оргии¹.

Как можно судить по имеющимся материалам, у ранних башкир шаманство имело разветвленные формы. Так, например, еще в XIX – начале XX в. особым почетом у башкир пользовались ворожеи, волшебники, гадатели, знахари, в качестве которых выступали лица обоего пола². Во всех этих шаманских ритуалах, подробно описанных С. И. Руденко, лежит идея отождествления болезней и несчастий с духами, которые должны были быть умиловлены разного рода жертвоприношениями. Нет сомнений в том, что многие (если не все) из сохранившихся шаманских обрядов восходят к глубокому прошлому – доисламским верованиям.

Башкирам начала XX в. был известен обычай изготавливать во время болезни человека кукол из тряпок и с жертвоприношениями выбрасывать их в отдаленном месте. Полагалось, что болезнь переселяется в куклу и вместе с нею выбрасывается. С. И. Руденко в начале столетия наблюдал, как во время этого ритуала башкиры резали петуха или гуся³. Описанное хорошо перекликается с известным в литературе обычаем поздних кочевников выдалбливать из дерева изображения людей и держать их дома или хоронить вместе с умершим⁴.

Согласно Ибн Фадлану, гузы ставили на могилы деревянные столбы-балбалы по числу убитых врагов, которые должны были служить хозяину в ином мире⁵. Во всех этих случаях куклы играют роль вместилища душ умерших и служат семейными оберегами. Надо полагать, что аналогичный обычай был хорошо известен и средневековым башкирам, которые возводили каменные изваяния над своими курганами. По свидетельству средневековых авторов, тюрки и другие кочевые

¹ Артамонов М. И. История хазар... С. 187.

² Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические... С. 321–327.

³ Там же. С. 321–325.

⁴ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука... М., 1957. С. 28, 29.

⁵ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 128.

народы поклонялись каменным изваяниям и совершали жертвоприношения¹.

Исследователи обратили внимание на распространенный как среди башкир начала XX в., так и многих других народов, обычай ставить деревянные, каменные столбообразные или фертообразные надмогильные памятники. По мнению Л. Р. Кызласова, они являются поздними пережитками древнетюркских каменных фигур².

В башкирском сказании «Һынташ» («Каменное изваяние») рассказывается о том, что юноша научился понимать язык птиц, благодаря чему последние постоянно сообщали ему о предстоящих испытаниях. Шаманским ударом об стол герой на три дня превратил в каменные изваяния царя и все его войско, но за разглашение своей тайной связи с птицами впоследствии сам был превращен в камень. Чтобы оживить его, люди убивают сына героя, а его кровью обмазывают каменное изваяние отца, а тело погребают под него, после чего оба оживают. Такого же рода действия происходят в сказании «Ак буре» («Белый волк»)³. Данный сюжет подтверждает мысль о почитании башкирами каменных изваяний, в честь которых раньше приносились кровавые жертвы. Преодолению разных препятствий способствует умение героев понимать птичий язык в некоторых других башкирских сказках. Связь шаманских камланий с культом птиц на примере башкир не случайна, а свидетельствует о ведущем месте последнего в их религиозных воззрениях, в том числе племен Южного Урала.

Фольклорный материал показывает, что у ранних башкир распространенным являлось колдовство при помощи пучка прутьев, которое было одним из проявлений, развитых форм шаманства еще у ранних кочевников евразийских степей. В этой связи очень важной является упомянутая выше находка остатков тонких прутьев в одном из Мечетсайских курганов в Оренбургской области, которые К. Ф. Смирнов определил как средство гадания и связал с изображениями на ассирийских рельефах на родине зороастризма⁴. В башкирских сказках удар

¹ Бартольд В. В. О поездке в Среднюю Азию с научной целью. Сочинения. М., 1966. Т. IV. С. 39.

² Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 42.

³ Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1. 1976. С. 292–297; Кн. III. 1978. С. 252–254.

⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 255.

тонкого прута может превратить человека, растение или животное из одного вида в другое, сделать беспомощными злых духов и т. п.

Резюмируя изложенные факты о шаманизме и его различных проявлениях у башкир в недавнем прошлом, нетрудно заметить, что по своему смысловому значению они тесно переплетаются с теми представлениями, которые лежат в основе погребального обряда средневекового населения Южного Урала. Общими здесь выступают вера в духов, широко развитый культ птиц как посредников между человеком (его душой) и верховным божеством – Тенгре. Это легко объяснимо: все поступки древнего человека вытекают из общей идеи о круговороте жизни.

Археологический материал с большой достоверностью позволяет восстановить еще одно проявление религиозных представлений средневекового населения Южного Урала. Оно связано с небольшими круглыми ямами жилищ-полуземлянок. В частности, это ямы в жилищах на поселении Ново-Турбаслинское-II, и на Имендяшевском городище¹ На плане ямы имеют круглую форму диаметром 10–30 см при глубине 40–60 см в материк. Обычно заполнение их составляет золистый слой, содержащий обломки керамики, а иногда и пряслица.

Подобные ямы в жилищах памятников Прикамья – не редкое явление, в археологии их по традиции трактуют как следы ям для столбов, служивших опорой для кровли жилищ. Не исключено, что в определенных случаях приведенное объяснение имеет основание, но оно не применимо по отношению к перечисленным жилищам Южного Урала. Против этого, прежде всего, говорит характер заполнения, который был бы иным, если бы ямы имели столбовое происхождение. Их назначение раскрывается на фоне этнографических сведений из жизни народов Азии, тесно связанных с обрядом рождения ребенка. Например, при рождении ребенка в недавнем прошлом якуты устраивали торжества, посвященные богине плодородия Аксыт, дарующей душу ребенку, и в нем принимали участие лишь женщины. В земле копали ямку глубиной 30–35 см, дно ее устилалось белым волосом из конской гривы, затем туда ставился берестяной туесок с последом, накрытый кусочком бересты, а сверху яма засыпалась землей, но не доверху. В оставшееся углубление закладывали щепочки, жердочки, вырезан-

¹ *Мажитов Н. А.* Поселение Ново-Турбаслинское II // АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962. С. 152–155.

ные из дерева луки, стрелы, фигуры животных и т. п., в зависимости от того, кто родился – девочка или мальчик. После обстоятельной укладки все это сжигалось. Женщины при этом старались дышать дымом костра, мазали лицо маслом, громко смеялись, спрашивая себе детей у богини. Считалось, что та женщина, которая больше всех надышится дымом и громче всех будет смеяться, родит ребенка в следующем году¹. Аналогичным образом при рождении ребенка поступали буряты, алтайцы. Надо полагать, что описанный обряд был известен башкирам IX–X вв. и их ближайшим предкам.

¹ *Иванов С. В.* Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. Л., 1971. С. 142–149.

Глава VIII

БАШКОРТОСТАН В X–XII ВВ.

X–XII вв. явились следующим этапом в развитии истории башкирского народа. Границы его расселения по Южному Уралу по сравнению с предшествующими веками в целом остались неизменными. Река Яик в среднем течении осталась пограничной полосой между башкирами и огузо-кипчаками, а Восточное Зауралье с прилегающими районами Западной Сибири до Иртыша с башкирским населением входило в состав Кимакского государства. Ведущими этническими группами в этой части Башкортостана оставались башкиро-огузо-кыпчако-кыргызские племена, в составе которых могли пребывать представители угорских племен, расселявшихся основным массивом в лесных районах Западной Сибири и на Среднем Урале. На западе башкиры граничили с болгарами Среднего Поволжья, а северная граница Башкортостана проходила по Средней Каме и Среднему Уралу (юг Пермской и Свердловской областей), где они активно соприкасались с местными племенами, говорившими, как считают лингвисты, на различных диалектах финно-угорских языков. Среди них, конечно, были предки современных удмурского и коми-пермяцкого народов.

Общая историческая обстановка на Южном Урале X–XII вв. вырисовывается из итогового анализа материала археологических памятников. В действительности политическая ситуация в крае, наверняка, была сложнее, чем она представляется нам на ограниченном археологическом материале. Мы обязаны вспомнить постоянное для Южного Урала присутствие важного фактора: ежегодные сезонные меридианальные перекочевки. Кроме того, нам известны примеры из исторической этнографии башкир XVI–XVII вв., свидетельствующие о существовании маршрутов кочевок башкир из горно-лесных районов в степи

в направлении восток–запад и обратно. Все это сопровождалось переселениями новых групп населения. Можно предположить, что наряду с основным башкирским населением здесь пребывали представители других групп племен, но археологический материал трудно расчленять по этим показателям, поэтому с определенной условностью археологические памятники X–XII вв. мы рассматриваем как башкирские.

Города. Поселения. Одним из крупных населенных пунктов городского типа в IX–XII вв. на Южном Урале оставалось городище Уфа-II. Доказательством этому служат серебряная пряжка и две накладки X–XII вв., найденные еще в 2004 г. при зачистке многометровых напластований культурного слоя в образовавшемся в 1999–2001 гг. карьере. Это – находки поздних вариантов глиняной посуды турбаслинского, кушнареновского, караякуповского типов, железных наконечников стрел, серебряных серег и других предметов. Все они служат связующим звеном между ранним (V–VIII вв.) и поздним (XIII–XVI вв.) этапами существования города Башкорт.

Именно в этом разделе мы хотим еще раз вернуться к вопросу отождествления городища Уфа-II с городом Башкорт, не раз упомянутым в письменных источниках. К рубежу VIII–IX вв. восходит утверждение понятий «страна башкир», «башкиры» по отношению ко всему Южному Уралу. Авторы IX–X вв. дальних, прежде всего арабских стран, выражение «страна башкир» к Южному Уралу употребляют как давно утвердившемся территориальном значении. На это требуются столетия. Мы полагаем, что в период V–VIII вв. на Южном Урале существовало государственное образование в виде большого племенного союза и его возглавили племя или человек по имени Башкорт, и отсюда утвердились и распространились понятия «башкорт» и «башкорт иле» («страна башкорт»). В доказательства к вышесказанному мы можем привести два ярких примера. На рубеже VIII–IX вв. в Среднем Поволжье сложилось государство Волжская Болгария, толчком чему послужило переселение большой группы болгарских племен из районов Северного Кавказа и Приазовья. В составе этой группы населения ведущие этнические группы составили болгары и сувары. Это бесспорный факт. В X в. на территории Волжской Болгарии возникают два больших города – Болгар и Сувар, которые взяли на себя названия своих этносов.

Утверждение понятий «башкорт» и «башкорт иле» («страна башкир»), очевидно, происходило аналогичным образом и связано с возникновением и развитием города Башкорт, основателями его были пришедшие из степной зоны (степи Южного Урала, Казахстана, Средней Азии) кочевые племена во главе башкирской элитной группы.

Нам, археологам, хорошо известны сотни городищ-крепостей лесостепной и горно-лесной зон Сибири, Восточной Европы раннежелезного века (VIII в. до н. э. – IV в. н. э.) и раннего средневековья (V–XV вв.), многие из них в X–XIV вв. стали известны как города. Все они строились однопланово: состояли из бревенчатых домов, и накопление культурных отложений на этих памятниках образовывалось в результате хозяйственной, бытовой деятельности человека.

На городище Уфа-II впервые в практике археологов Урала, Западной Сибири и Восточной Европы обнаружены искусственные заливки жидкой глиной в специально установленные опалубки, и это обеспечивало слои одинаковой толщины и ровной поверхности. После затвердения эта масса превращалась в твердый как цемент строительный материал.

Раскопки на городище каждый день приносили неожиданные находки. Но никто из нас не мог предположить, что на нем в июле 2008 г. мы обнаружим остатки настоящих уличных настилов мостовых из деревянных досок. Доски четко прослеживаются: первоначальная толщина, скорее всего, была около 2–3 см, ширина 10–15 см, ширина мостовых в среднем 1,80–2,50 м, длина на некоторых участках достигает 15–25 м, образуя настоящие улицы. Непосредственно к мостовым прилегают следы прямоугольных и юртообразных жилищ, полы которых тоже застланы досками.

Пока трудно решается вопрос о времени сооружения этих уличных настилов. Они обнаружены на глубине около 1,5 м, что уже свидетельствует об археологическом возрасте. На мостовых много находок, среди которых преобладает неорнаментированная плоскодонная керамическая бытовая посуда. Единственным известным аналогом уличным мостовым, обнаруженным на городище Уфа-II, являются мостовые Новгорода. Там они возникли около IX–X вв. и постоянно обновлялись до XV–XVI вв.

Открытие уличных деревянных настилов на нашем объекте – бесспорное доказательство того, что городище Уфа-II действительно явля-

лось культурно-административным центром большого города. Их назначение очевидно: они предназначались для хождения в чистой обуви самой привилегированной части жителей города Башкорт.

На Южном Урале известно несколько десятков городищ, содержащих керамический материал, который типологически исследователями рассматривается как поздние варианты керамики кушнаренковской и караякуповской групп. На поселениях этот материал хронологически трудно вычлняется, но зато такую возможность дают находки из курганов.

К числу наиболее известных можно отнести Караякуповское, Старо-Калмашевское, Кушнаренковское городища. Все они мысовые, имеют сравнительно тонкие культурные слои и укреплены невысокими валами и неглубокими рвами. По этому показателю их можно рассматривать как рядовые городища-крепости. Преобладающее количество этих городищ возникло где-то в VII–IX вв. и, наверняка, продолжало существовать до XII – начала XIII в.

В связи с городищами возникает вопрос о существовании в рассматриваемое время башкирских городов. У нас есть основания думать, что те города, о которых писал Идриси (Карукийя, Намджан, Гурхан, Кастр, Мастр) продолжали функционировать. То же самое происходило с городищем Уфа-II в центре Уфы. На городище найдено много предметов (керамика кушнаренковского и караякуповского, турбаслинского типов поздних вариантов, накладки ремня из серебра и другие вещи, время бытования которых приходится на X–XII вв.

Археолог не имеет права проходить мимо сведений о башкирском городе Акташ в районе устья р. Сим, которые содержатся в трудах башкирского ученого-просветителя конца XIX – начала XX в. М. Уметбаева. Согласно историческим легендам башкир, на высоком обрывистом берегу р. Белой находилась ставка хана Акташ.¹ Наконец, со ссылкой на труд турецких историков «Көнһ-эл-Әхбәр» («Турецкая история») М. Уметбаев сообщает о существовании в стране башкир около 70 городов². Видимо, здесь речь идет о раннесредневековых городищах на Южном Урале, которые до сих пор сохранили свои древние названия «Калатау» (Город-гора) или «Хан кала» (Ханский город). Эти названия

¹ Уметбаев М. Акташхан // Йәдкәр. Өфө, 1984. 241–248-се б.

² Уметбаев М. Өфөнән тарихына кағылышлы материалдар // Шунда ук. 196-сы б.

указывают на то, что в свое время они выполняли функции городов, т. е. центров политической, культурно-экономической жизни.

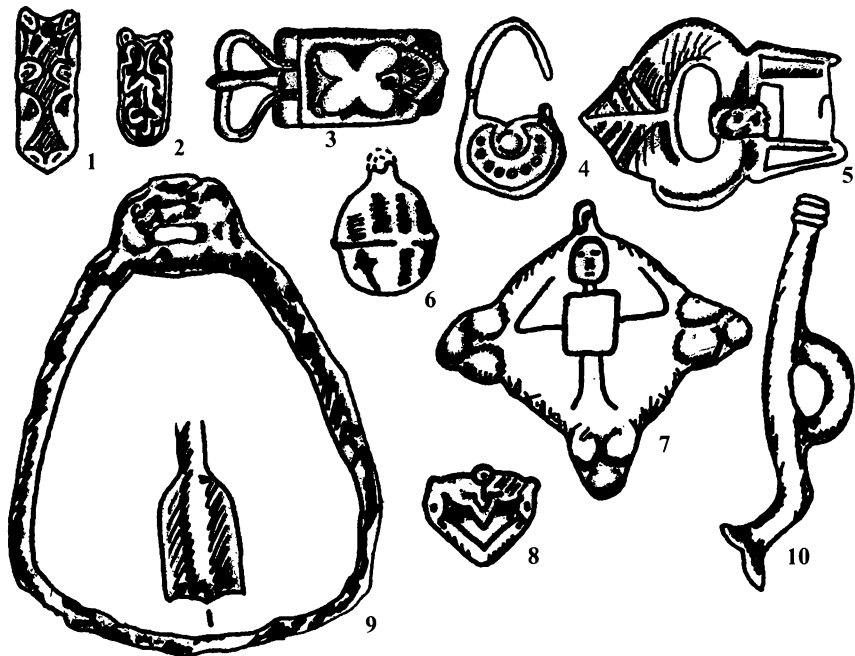
К числу городов-городищ X–XII вв. мог относиться памятник на окраине дер. Саньяп Кугарчинского района Башкортостана, известный местному населению под названием «Кала-бар» т. е. «Город есть». Здесь на пашне в 1967 г. Н. А. Мажитовым собрана небольшая коллекция керамики из поздних типов кушнаренковского и гончарных сосудов булгарского типов приблизительно X–XII вв.

Лучше изученными являются курганы. Это – Каранаевские, Идельбаевские, Старо-Халиловские, Ишимбаевские, Лагереvские, Синеглазовские, Муракаевские и Житимакские курганы. К этому же времени относятся курганы близ Каскинского, Кавелинского рудников Троицкого уезда Миасского округа, раскопанные в 60–70-х гг. XIX в. Р. Г. Игнатьевым¹. Подобные памятники есть и на территории Оренбуржья². По своему устройству, характеру материала все эти памятники тесно связаны с культурой башкир IX–X вв., а Лагереvские курганы непрерывно существовали даже с рубежа VII–VIII вв. Умерших хоронили в гробах из хорошо обструганных деревянных досок, дно которых застилалось циновочным материалом. Практиковалось также укладывание трупов внутри небольших бревенчатых срубов, спущенных в могилу.

В могилах часто встречаются куски бересты (Идельбаево, Синеглазово), указывающие, что снизу и сверху такие срубы, прикрывались слоями бересты наподобие Бекешевских курганов IX–X вв. В могилах и вблизи них частыми находками являются кости черепа и ног лошади – следы ритуальных захоронений коня. Над могилами насыпались земляные насыпи. В каранаевском (№ 3) и старо-халиловском (№ 3) курганах обнаружены редкие случаи сосредоточения под одной насыпью более 20 человеческих могил, причем многие из них являются впускными. Это можно объяснить стремлением людей быть погребенными вблизи особо знатных людей или внутри одной родовой усыпальницы.

¹ Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000. С. 338. Рис. 36; Труды VII Археологического съезда. Табл. VIII, X; Бульчев Н. Н. Древности из восточных губерний России. Вып. 1. М., 1902. Табл. X.

² Бисембаев А. А., Усманова Э. Р., Боталов С. Г. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI – начало XIII в.) // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, 2006. С. 409–413.

Материалы из Ишимбаевских курганов. X–XI вв.: 1, 2, 8 – накладки ремня; 3, 5 – пряжки; 4 – серьга; 6 – бубенчик; 7 – бронзовая подвеска с изображением фигуры человека; 9 – стремя; 10 – псалий (деталь от удила)

В материальной культуре произошли определенные изменения в формах и орнаментации предметов, но они не выходят за рамки неизбежного эволюционного развития.

Впервые на Южном Урале в памятниках X–XI вв. найдено два железных шлема, склепанных из кованых железных пластин. На один шлем были прикреплены бармицы, прикрывавшие шею и плечи воина. Здесь же находилась кольчуга из тонких железных колец. Башкиры носили свои стрелы в полуцилиндрических колчанах, обложенных по краям железными скобами и фигурными петлями для продевания ремня. Состав наконечников стрел не меняется, а вот клинки сабель заметно удлиняются, изгиб на острие становится более выпуклым. Чтобы усилить ударную силу сабли, ее рукоять теперь располагается под некоторым углом.

Башкиры придавали большое значение украшению седел. В ишимбаевском кургане (Салаватский район) с этой целью было разрезано

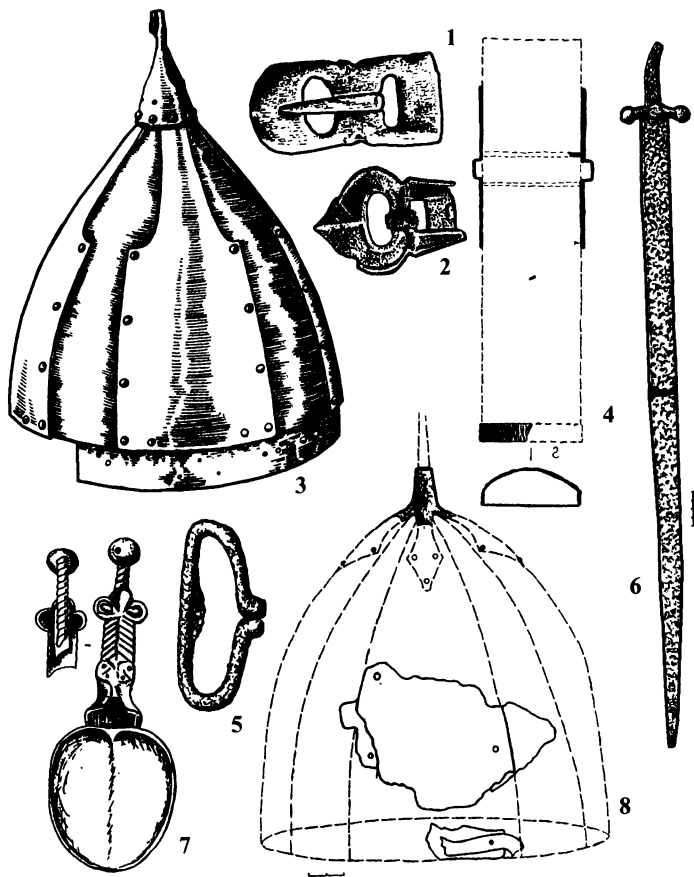

Материал из Каранаевских курганов. XI в.:

*1-4 – серьги; 5 – бубенчик; 6-14, 17-20 – накладки ремня;
15, 16 – пряжки ремня; 21 – подвеска с изображением сабли и шлема;
22 – браслет; 23 – кресало*

блюдо, скорее всего, поднос, на котором имелись изображения животных (волка, дерущихся крылатых коней и др.). Блюдо было из серебра, а поверхность местами позолочена.

Определенные изменения претерпевают стремяна: их дужки заметно укорачиваются и приобретают форму, близкую к грушевидной, а верхний выступ, где располагается петля для ремня, становится коротким и широким. Распространение получают двухзвеньевые удила с дополнительно насаженными большими плоскими кольцами на кон-

Материалы из башкирских курганов XI–XII вв.:

1, 2 – пряжки; 3, 8 – шлемы;

4 – колчан для стрел (реконструкция);

5 – кресало; 6 – сабля; 7 – серебряная ложка

цах и железными, костяными и бронзовыми псалиями, концы которых оформлялись в виде рыбьих хвостов.

В трех курганах (Лагерево, Каранаево, Старо-Мусино), расположенных на значительном расстоянии друг от друга (Салаватский, Дуванский и Кармаскалинский р-ны), обнаружены остатки роскошного головного убора конической формы, очевидно, на меховой основе. Нижний край этой шапки сплошь был обтянут широкими серебряными накладками, плотно подогнанными друг к другу. Шапка из лагерево-

ского кургана была обшита сверху шелковой материей, а сбоку к ней была пришита серебряная подвеска. Похоже, эти головные уборы принадлежали женщинам.

В одном из каранаевских курганов найден тлен деревянной чаши, обложенной сверху тонкой серебряной фольгой с арабской надписью. В курганах встречены, кроме того, поздние варианты (X–XII вв.) керамики караякуповского и кушнаренковского типов – круглодонные тонкостенные небольшие сосуды, украшенные горизонтальными поясками вокруг горла или выпуклыми точками – «жемчужинами». Это – бесспорное доказательство того, что башкиры X–XII вв. в генетическом плане являются прямыми потомками племен Южного Урала VI–X вв.

Башкирские девушки и женщины, как и в IX–X вв., носили наkosники из тонких ремешков, на концы которых подвешивались различные шумящие подвески на цепочках. Есть случаи, когда шумящие колоколовидные подвески на цепочках использовались как ожерелья, носились вокруг шеи. Распространение получают большие граненые сердоликовые бусы. Много серебряных серег и перстней со вставками, развивающих формы IX–X вв. Появляются бронзовые и серебряные браслеты из проволоки, концы которых оформляются в виде нескольких граней, а на них наносятся узоры в виде маленьких кружков, линий.

Среди привозных вещей среднеазиатского происхождения есть серебряные блюда и куски согдийских шелковых тканей. Ткани богато декорированы сложными узорами, в том числе фигурами гарцующих всадников.

Башкиры продолжали носить роскошные пояса с длинными подвесками спереди и сзади, украшенные серебряными и бронзовыми накладками. Эти пояса, как и пояса из курганов башкир IX–X вв., являются точной копией поясов, изображенных на каменных статуях тюрков Степной Евразии IX–XII вв. Форма накладок заметно усложняется, на них появляется орнамент в виде трилистника или вычурных резных линий. Среди украшений есть большие серебряные с позолотой бляхи со сложным растительным орнаментом, подвешивавшиеся, очевидно, на груди, серебряные сердцевидные и других форм колокольчики, которые носили в составе ожерелий из бусин, и другие всевозможные подвески. На поверхность подвесок иногда наносились изображения в

виде фигуры человека, сабли со шлемом. Есть кресала калачевидных форм и много других вещей. В погребениях они сопровождалась арабскими монетами X в. В частности, 2 монеты найдены в каранаевских, 4 монеты в житимакских курганах. В данном случае монеты указывают только на начальную дату памятников; с учетом времени использования монет как денег и украшений общий возраст этих памятников следует определить с середины X по XI в. включительно.

Материальная культура башкир в конце XI–XII вв. по сравнению с двумя предшествующими веками заметно видоизменяется. Это выразилось, прежде всего, в резком уменьшении серебряных украшений, вызванном, как полагают исследователи, сокращением запасов серебра в мировом товарообороте.

В это время (XI–XII вв.) на Южном Урале и на юге Восточной Европы появляется новый тип конских удиц – полусогнутые железные пруты с загнутыми концами, куда насаживались небольшие кольца.

Примерно XI–XII вв. датируется II Акимбетовский курган, состоящий из чистой каменной кладки. Его диаметр был около 14 м, высота около 1 м, но камни насыпи в 1968 г. были разобраны рабочими. По словам очевидцев, к моменту разбора камней на вершине кургана в вертикальном положении находились две каменные скульптурные фигуры, относящиеся к числу типично тюркских. Несмотря на тщательные раскопки, под насыпью не было обнаружено никаких следов могил. Курган мог содержать человеческое захоронение на поверхности земли. Под кладкой находились остатки ритуальных захоронений коня (зубы и голени).

Археологический материал дает многочисленные примеры существования у башкирских племен домонгольского времени активных торговых связей с отдельными соседями. Убедительно, в частности, фиксируются подобные связи с народами Средней Азии, откуда башкиры получали роскошные ткани из согдийского шелка. Достаточно еще раз вспомнить об остатках пяти сортов такого шелка из ямаши-тауского кургана IX–X вв. и ковра из синеглазовского кургана X–XI вв.¹ Следы одежды из привозных шелковых тканей обнаружены также в Стерлитамакском могильнике, лагеревских, ишимбаевских и других курганах IX–XII вв.

¹ Стоколос В. С. Курган на озере Синеглазово // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. С. 163–170.

Как отмечалось выше, через Среднюю Азию на Урал тогда в массовом порядке проникали ювелирные изделия «сасанидского» серебра¹.

Накопленные материалы позволяют предположить, что культурно-экономические отношения башкирских племен IX–XII вв. со своими соседями приобрели уже характер товарно-денежных. На эту мысль наводит продолжающийся массовый приток на Южный Урал южных монет, доказательством чему служат их многочисленные находки в могильниках IX–X вв. (Стерлитамак, Хусаиново, II Бекешево, Ромашкино, Житимак, Каранаево). Частые их находки в погребениях, в том числе без ушек и отверстий (Стерлитамак), позволяют предположить, что они использовались не только как украшения, но и в качестве денег. В пользу этого говорят случаи обнаружения на Южном Урале кладов сасанидских монет. В частности, в 1847 г. на р. Дема был открыт клад из 69 дирхемов, поступивший впоследствии в императорскую археологическую комиссию. Клад из 50 таких же монет известен и на Среднем Урале: он был найден в 1860 г. недалеко от г. Чердыни. Один из дирхемов отчеканен в 908 г.²

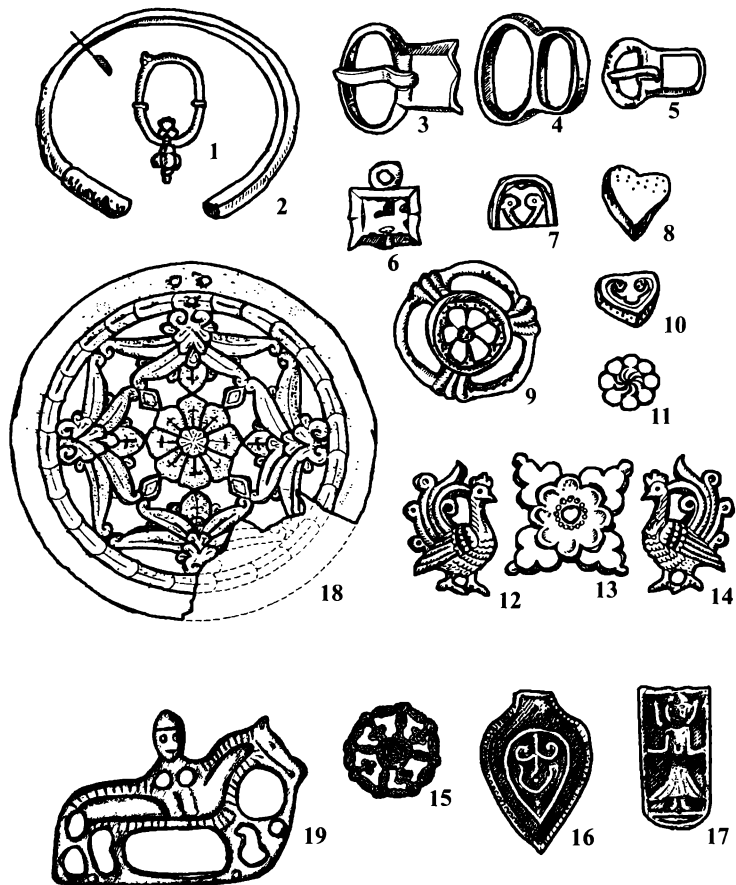
Весь этот набор вещей служит подтверждением сведений письменных источников IX–XII вв. о том, что башкиры поддерживали оживленные торгово-экономические связи со своими ближними и дальними соседями, прежде всего, с народами Средней Азии. Здесь уместно еще раз вспомнить информацию авторов IX–XII вв. о том, что башкиры-жители г. Намджан свою выплавленную медь вывозили в Хорезм и Чач (Ташкентский оазис). Если учесть, что добыча и выплавка меди у башкир носили организованный характер и в этом производстве было задействовано много людей³, то логично предположить, что вывоз этой продукции в страны Средней Азии осуществлялся по четко организованным караванным маршрутам, где требуются межгосударственные договоренности. Обрато оттуда поступали предметы роскоши.

У нас есть основания рассматривать существование столь масштабных торгово-экономических связей башкир IX–XII вв. с народами Средней Азии и Казахстана как продолжение традиционных таких свя-

¹ Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 114–115. Табл. 27–29.

² Марков А. Топография кладов монет (Сасанидских и куфических). Спб., 1910. С. 148.

³ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 123.

Материалы башкирских курганов X–XI вв.:

1 – серьга; 2 – браслет; 3–5 – пряжки; 6–17 – украшения ремня;

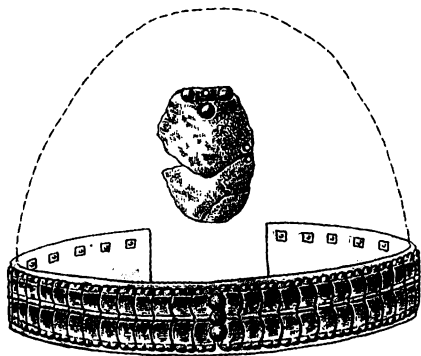
18 – зеркало-бляха; 19 – подвеска; 1–11, 16 – серебро;

12–14, 15, 17, 18 – серебро с позолотой; 19 – бронза

зей VI–VIII вв., где центральным событием мог явиться приход сюда из районов Средней Азии группы башкирских племен.

Другую важную статью экспорта из страны башкир составляли товары ремесленного производства в виде «великолепных и совершенных» предметов оружия и конского снаряжения, которые пользовались большим спросом на местах торговли¹. Ценным является признание арабскими авторами высокопрофессионального уровня башкирских

¹ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 123.

Схематическая реконструкция башкирского головного убора, украшенного по нижнему краю серебряными накладками и бронзовой пластиной. Лагеревский курган 42

образ жизни, очевидно, вели жители городов Мастр и Кастр, которые от вышеназванных трех городов отличались небольшими размерами. Видимо, они располагались далеко от культурно-политических центров, ибо «купцы редко посещают их»³.

Хозяйство башкир IX–XII вв. Определив территорию Исторического Башкортостана IX–XII вв. и памятники его материальной культуры, мы получаем возможность поставить на прочный фундамент фактов изучение особенностей развития хозяйства и общественной жизни башкир. Именно этого до последнего времени не хватало во всех работах на тему о ранних башкирах, из-за чего авторы проявляли большую осторожность при освещении вопросов их социальной истории.

В науке давно сложилось и бытует мнение о том, что башкиры XV–XVIII вв. и их ближайшие предки были кочевниками и следы оседлости у них возникают лишь в XVIII–XIX вв. Располагая материалами сотен городищ и открытых поселений V–XV вв. н. э. со значительными культурными слоями, археология доказывает, что мнение о башкирах как «чистых» кочевниках нуждается в серьезном пересмотре. Прежде всего это касается образа жизни башкир IX – начала XIII в.

ремесленников, сосредоточенных в городских центрах. О масштабах активного участия башкир в международной торговле свидетельствует также факт вывоза на плотках по р. Яик до Каспийского (Хазарского) моря шкур лисиц и бобра и продажи их там «по высоким ценам»¹. Научную значимость приведенных фактов возвышает следующее сообщение источников. Жители башкирских городов Карукия, Намджан и Гурхан «живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами с тем, чтобы обеспечить себя»². Такой же

¹ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 122.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 128.

*Каменные скульптурные фигуры человека Южного Урала.
Ориентировочная дата IX–XIV вв.*

Сравнение путей исторического развития, пройденных различными народами земного шара, показывает, что одной из предпосылок оседлости являлось земледелие. Как показывает материал поселений, значительная часть ранних башкир также не составляла исключения из этой общей закономерности. Существование у них земледелия археологически засвидетельствовано находками обгорелых злаков полбы, каменных жерновов и железных серпов¹, в том числе их кладами.

¹ *Матвеева Г. И.* Памятники караякуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья // Труды Куйбышевского госпединститута им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1975. Т. 160. Вып. V. С. 13–22.

Башкирский этнос формировался как прямой наследник культуры бахмутинских, турбаслинских, ранних кушнаренковских и караякуповских племен Южного Урала VI–VIII вв., у которых, в совокупности, имелось около 400 городищ и селищ, густой сетью покрывающих весь Южный Урал. Основу экономики племен бахмутинской и турбаслинской культур составило земледелие.

Скотоводство. Вышеустановленный факт занятия значительной части башкирских племен IX–XII вв. земледелием и существования широкой сети постоянных поселений (селищ и городищ) предопределяет вывод о характере скотоводческого направления хозяйства: оно могло существовать только как полукочевое и оседлое (пастушеское).

Совокупность исторических источников (археологические, письменные, этнографические) позволяет заключить, что в период VIII–X вв. роль Южного Урала с богатой речной системой и растительным покровом как важного объективного фактора в поддержании подвижного скотоводческого хозяйства в зоне южных степей по сравнению с предыдущими веками не только не ослабла, но заметно возросла: на весенне-летний период сюда стягивались из засушливых степей орды кочевников со своими бесчисленными стадами. В этом отношении весьма любопытные сведения содержатся в эпосе «Узактузак – последний из рода балабашников». В нем повествуется о трагической судьбе печенегов в приазовских степях, когда они потерпели жестокое поражение от «грабителей-балаусов», под которыми, видимо, следует подразумевать вторгшихся из-за Волги, с востока, половцев. Они «славились не только грабительством и грабежом, но и жестокостью, злобным нравом, дикой воинственностью. Полчища балаусов, тьмою тьмущею покрывшие всю степь, до основания разнесли валы башняков захватили их владения. Балабашников множество истребили. Оставшиеся в живых собрались вместе и решили бежать из этой земли, объятай черным горем».

На совете, говорится далее, старики вспомнили о том, что во время передвижения со стороны Алатау (со стороны Иссык-Куля. – *Н. М., А. С.*) к Азовскому морю их предки летовали на Урале и наперебой расхваливали те места. И группа печенегов решила вернуться на Урал.

Окончательной же цели переселения после пережитой холеры-джута достигли только Янузак и Уралбика¹.

Данный источник представляет двоякий интерес. С одной стороны, он говорит об использовании печенегами предгорий Урала как летних пастбищ и о бесспорном наличии печенежского компонента в этногенезе башкир, с другой.

Археологические следы балабашников (печенегов) в составе башкир пока остаются невыявленными, но, судя по письменным источникам, важным показателем этнографических особенностей их культуры является обряд трупосожжения. Это засвидетельствовано, например, источниками Идриси. В них, в частности, говорится, что у причерноморских баджнаков (печенегов) обычаи такие же, как у славян. «Народ баджнак подобен народу ар-русийа (славянам. – Н. М., А. С.) в обычае сжигать своих покойников. Некоторые из них бреют свои бороды, другие заплетают. Их одежда состоит из недлинной куртки. Их язык отличается от языка русов и от языка басджиртов»². Исходя из сказанного, балабашники (печенеги) на Урале должны были оставить захоронения с трупосожжением.

В плане ведения скотоводческого хозяйства маршруты кочевий печенегов в IX–XI вв. повторяли кыргызы, огузы, кыпчаки и кимаки, расселившиеся рядом с Уралом. Исторические судьбы этих народов, как и башкир, были очень схожи и обусловили сходство в образе жизни.

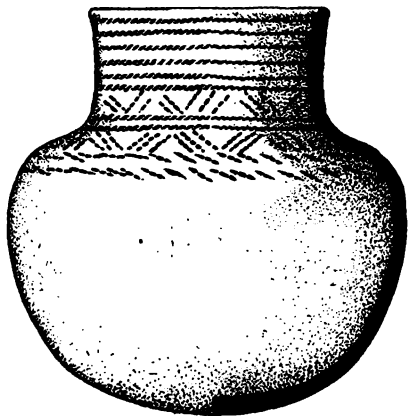
Однако следует признать, что таборное кочевание с Южного Урала по маршрутам в несколько тысяч километров на юг и обратно не было всеобщим. Оно было доступно только племенам, занимавшим ведущее положение. Существование такой формы скотоводства для коренного населения края – башкирских племен – имело, скорее, политическое значение, нежели крупное хозяйственное.

По мнению исследователей, кочевое скотоводство на протяжении многих столетий и даже тысячелетий оставалось неизменным по способу землепользования и принципу организации труда³. Это дает нам

¹ Башкирское народное творчество. Эпос. Т. I. Уфа, 1987. С. 239–247.

² Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах... С. 128.

³ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 61–62; Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. № 3. 1964. С. 64; Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31–46 и др.

Глиняный сосуд из башкирского кургана X–XI вв.

(предгорья)»¹.

Такие же сведения сообщает и И. И. Лепехин. Он пишет, что «летнее время башкирцы препровождают в степях, горах и лесах, в нарочитом расстоянии от своих домов: нередко верст за сто отходят... Тогда держат при себе весь свой скот и с ними с места на место перекочевывают, оставляя ближайšie поля к своим зимовьям, невредимыми до осеннего сенокоса». П. И. Рычков подчеркивает, что киргизы никогда сена не запасают, а «башкирцы» заготавливают сено для рабочих лошадей².

Как свидетельствуют многочисленные источники, эти традиционные маршруты летних перекочевок от долин к предгорьям и обратно сохранились у башкир без особых изменений вплоть до начала XX в. Исследователи отмечают, что за последние 200–300 лет уменьшились расстояния между деревнями и местами летних кочевок от 100 до 15–25 км, что связано, прежде всего, с увеличением численности населения за счет

право широко привлекать данные письменных и этнографических источников по башкирам XVII – начала XX в. для реконструкции особенностей скотоводческого хозяйства башкир более ранних периодов. В этом отношении весьма ценно свидетельство академика П. С. Палласа о том, что башкиры в XVIII в. «для пастьбы своих стад избирают летом, по большей части, горы и около оных лежащие места, где и без того хлеб зреет поздно, а осенью и весной кочуют они по большей части в долины

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Кн II. Ч. II. СПб., 1786. С. 8.

² Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Ч. II. СПб., 1802. С. 37; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии... С. 92.

пришлых этнических групп. На рубеже XIX–XX вв. лишь зажиточные семейные группы имели возможность откочевывать за 30–50 км¹.

Приведенные примеры из жизни башкир XVII – начала XX в. о повсеместном существовании коротких выездов на летовки служат отзвуком реальной действительности в скотоводческом хозяйстве башкир IX–XIV вв., восходящей своими истоками к еще более отдаленным векам. Так было на протяжении всего раннего и позднего средневековья. Богатые материалы археологических памятников указывают, что и тогда Уральские горы с прилегающими широкими степями в историко-хозяйственном плане представляли собой самостоятельный регион, полностью обеспечивающий ведение полукочевого скотоводства.

Металлургическое производство. Выше уже подробно говорилось об открытии на городище Уфа-II меде- и железоплавильных печей с остатками готовых кусков железа, шлаков и др. Археологических доказательств существования у башкирских племен IX–XII вв. собственного развитого металлургического производства множество. Сюда относятся массовые находки в памятниках металлических предметов различных категорий – орудий труда (топоры, ножи, серпы), оружия (шлемы, кольчуги, панцири, сабли, наконечники стрел), конского снаряжения (удила, стремяна) из железа, украшений из бронзы, серебра и золота (серьги, гривны, браслеты, подвески, пряжки и накладки от поясных седельных и уздечных ремней и многое другое).

Задача разработки истории металлургии средневекового населения Южного Урала требует, чтобы указанный богатый накопленный материал был изучен с применением специальных современных методов анализа. Но это пока никем не затронутая тема, и поэтому авторы вынуждены ограничиться краткими наблюдениями историко-сравнительного порядка. Даже в таком виде они заслуживают внимания.

В составе находок наблюдается удивительное однообразие в формах и размерах. Особенно это характерно для бронзовых и серебряных изделий, изготовленных способом литья (серьги, ременные пряжки, накладки и другие).

Массовое распространение по всему южноуральскому региону однотипных вещей в IX–XII вв. недвусмысленно указывает на произо-

¹ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1955. С. 62–65; Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство башкир в XIX – начале XX в. Уфа, 1979. С. 62–67.

шедшую стандартизацию металлургического производства, что можно было достигнуть при относительно высоком его уровне. У нас нет веских доказательств в пользу местного происхождения всех металлических предметов, найденных в курганах башкир IX–XII вв., но априори представляется, что значительная их часть является продукцией своих металлургов. О существовании собственного металлургического производства у башкир этого времени говорят находки тигля и льячки с Караякуповского городища¹.

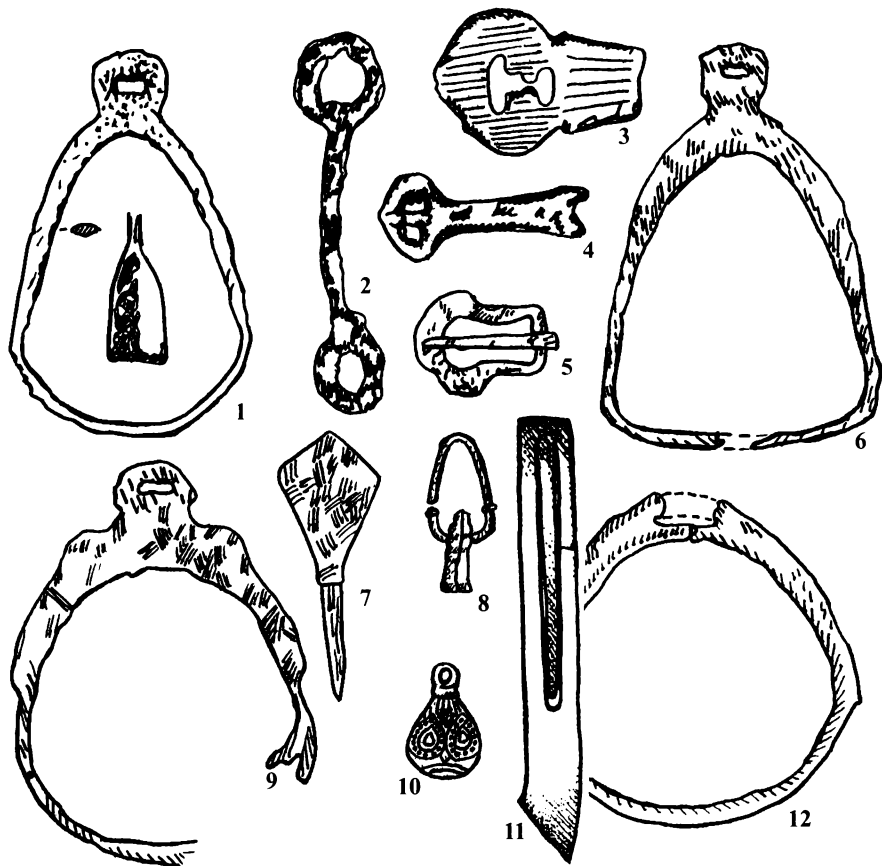
К выводу о наличии у раннесредневековых башкир развитого металлургического производства можно прийти методом ретроспективного анализа. Из исторических источников, например, известно, что в период присоединения к Русскому государству и первые века после него оно носило довольно развитый характер. Примечательно, что до XVII–XVIII вв. повсеместно в башкирских деревнях существовали свои кузницы². В источниках сохранились сведения о том, что башкирские кузнецы-оружейники не только обеспечивали запросы своих соплеменников, но частью продукции снабжали южных соседей – казахские племена³. Высокий уровень металлургии обеспечивал башкир боевым оружием и служил одним из подспорий в их освободительной борьбе против колониального гнета Русского государства. Чтобы лишить их этой материальной базы, в XVIII веке башкирам, как и многим народам Поволжья, было запрещено иметь свои кузницы. После очередного открытого выступления башкир в 1736 г. царь издал специальный указ по этому поводу, после чего кузнечное дело у башкир пришло в полный упадок.

В целом хозяйство башкирских племен IX–XII вв. оставалось натуральным, и основные работы по изготовлению орудий труда, оружия, жилищ, пищи, одежды выполнялись собственными силами. Домашний быт кочевых и полукочевых народов в условиях евразийских степей мало отличался друг от друга. Поэтому к башкирам вполне применимо впечатляющее описание быта кыпчаков XIII в. южноуральских степей, оставленное Г. Рубруком. «Они, – пишет автор, – делают также войлок

¹ *Матвеева Г. И.* Памятники караякуповского типа... С. 20, 21.

² *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. СПб., 1799. С. 100; *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки... С. 136.

³ *Семенюк Г. И.* Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII – первой половине XIX в. М., 1969. С. 265.

Материалы из башкирских курганов XII в.:

1, 6, 9, 12 – стремена; 2 – удила; 3–5 – пряжки;

7 – наконечник стрелы; 8 – серьга; 10 – бубенчик; 11 – кубыз

и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи готовят при помощи кислого сгустившегося и соленого овечьего молока»¹.

¹ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны... С. 101.

По свидетельствам средневековых авторов, в быту ранних башкир признаки оседлой культуры прочно сочетались с элементами кочевой жизни. Например, Идриси пишет, что башкирский город Карукия состоял «из деревянных домов и юрт»¹. Однако такое сочетание было характерно не только для ранних башкир, но и их соседей. В начале X в. юрты сохранялись у волжских болгар, уже перешедших к оседлости. Это видно из дневниковых записей Ибн Фадлана, где он упомянул факт установления юрт в честь приехавших арабских гостей². Юрты присутствовали даже в золотоордынских городах. У башкир юрты сохранились вплоть до современности³.

Внутреннюю планировку раннебашкирских деревянных домов позволяют нам представить этнографические описания быта башкир XVIII в. Путешествуя по башкирским деревням Оренбуржья, И. И. Лепехин пишет, что в д. Имангулово «случилось мне видеть башкирское зимнее жительство, ибо они летом, как калмыки, кочуют в степи и живут в кибитках для лучшей пастьбы своему скоту, а осенью собираются в зимовье. Избы у них построены как у татар, с нарами. Вместо печи сделан у них камин наподобие полуцилиндра, а труба составлена из жердей, обмазанных внутри глиной. От сего камина, который на их языке называется чувал, имеют свою теплоту. Но чтобы лучше теплота держалась, то, когда прогорят дрова, затыкают из избы отверстие камина рогожным мячиком, приперши двумя колышками»⁴.

Примерно так же башкирские деревни описывает П. С. Паллас⁵. Описанный в этих источниках внешний облик деревень и быт башкир непременно является отражением многовековой культуры населения Южного Урала, где кочевые традиции трансформировались под влиянием местной среды.

Итак, археологический материал в совокупности с данными письменных источников показывает, что особенностью хозяйства ранних башкир рубежа I и II тысячелетий н. э. являлось сочетание или одновре-

¹ Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 123, 124.

² Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 131.

³ Руденко С. И. Указ. соч. С. 203–206.

⁴ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг. Кн. 1. СПб., 1795. С. 528–529.

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Кн. 1. СПб., 1786. С. 157 и др.

менное существование в различных районах Южного Урала нескольких хозяйственных укладов: оседлого скотоводческо-земледельческого, полукочевого и кочевого скотоводческого. Объединяющим элементом этих различных направлений хозяйства являлись города, выполнявшие роль торгово-ремесленных и политико-культурных центров. Это многообразие обуславливалось физико-географическими условиями края и традициями хозяйственного уклада различных племенных групп, участвовавших в процессе этногенеза башкир. Хозяйство ранних башкир, как и их предшественников, развивалось под активным воздействием кочевников южных степей. Но оно носило двоякий характер. С одной стороны, кочевники проникали в лесостепные и горно-лесные районы, постоянно подпитывая основы скотоводческого направления комплексного хозяйства местного населения. С другой стороны, пришлые племена под влиянием местных условий, мало приспособленных под кочевое скотоводство, постепенно оседали здесь, и в образе их жизни возникали новые черты, вызванные, прежде всего, их переходом к земледелию, а затем трансформацией самого кочевого скотоводства в полукочевое и пастушеское. Причины их оседания, наверное, кроются не только в этом. Кочевое скотоводство по сравнению с оседлым скотоводческо-земледельческим к этому времени стало более отсталым видом хозяйства. Оно полностью приспособлялось к геоклиматическим условиям и зависело от них. У народов, экономика которых базируется на возделывании полей и заготовке кормов для скота, эта зависимость проявляется в меньшей степени, чем у кочевников¹. Последних периодически подстерегали стихийные бедствия (многоснежная зима, гололедица, затяжная и холодная весна), в результате которых за несколько дней они теряли огромное количество скота и превращались в нищих. В одном из башкирских шежере упоминается подобное стихийное бедствие². Аналогичные примеры из жизни поздних казахов показывают, что такие крупные джуты в кочевом мире происходили через каждые 6–7, иногда 10–11 лет, а частично бывали почти ежегодно и уносили тысячи человеческих жизней³. Оставшиеся в живых после этого навсегда покидали

¹ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 81.

² Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 32.

³ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 80.

прежние места и переселялись на новые¹. Обнищание скотоводов происходило также и в результате набегов неприятеля. Все это ускорило переход кочевников Южного Урала к оседлому или полuosедлому образу жизни. Это был закономерный процесс, происходящий на всем евразийском степном пространстве².

Однако на современном уровне археологических источников, прежде всего из-за слабой изученности поселений, исследователь легко может ошибиться, переоценивая роль земледелия и элементов оседлости в хозяйственной деятельности башкир конца I – начала II тысячелетий. Приходится считаться с тем, что развитие хозяйства не привело к повсеместному переходу к оседлому скотоводческо-земледельческому труду, возникновению многочисленных крупных городов, как это было, например, в Волжской Болгарии и Хазарском каганате. Основная масса башкир, по сравнению с другими степняками, рано переходя к полuosедлости, вели это хозяйство на протяжении всего средневековья. Причин этого много, но главными являются:

а) веками приспособленная к богатым природным условиям края система ведения полукочевого скотоводства;

б) вхождение основной части Южного Урала в широкий мир степей и использование ее наиболее могущественными в военно-политическом отношении этническими объединениями как летних пастбищ.

В результате сюда постоянно проникали новые южные кочевые племена, стимулируя тем самым развитие традиций полукочевого скотоводческого хозяйства.

К вопросу о государственных образованиях башкир в IX – начале XIII в. В литературе данный вопрос никогда не ставился. Причиной отсутствия внимания к нему, очевидно, является то, что для многих исследователей конкретная территория расселения, памятники и культура ранних башкир до сих пор остаются неизвестными. Одновременно полная его неизученность является прямым следствием фрагментарности свидетельств письменных источников о башкирах и, в целом, неразработанности методики реконструкции общественных

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 32, 33.

² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 199–217; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 180–189; Она же. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 123.

отношений на основе преимущественно археологических источников. С этими трудностями постоянно сталкиваются все исследователи, работающие в условиях Урала, Поволжья и Сибири над изучением социальной истории народов древности и средневековья, слабо или вообще не освещенной в памятниках письменности¹.

Теперь наука располагает комплексом доказательств о существовании у башкир рубежа I–II тысячелетий н. э. собственных государственных организаций. Поскольку о них подробно говорилось выше, здесь ограничимся лишь тезисным изложением:

а) существование развитых городов со своими правителями, у которых власть передавалась от отца к сыну;

б) возможное предназначение городов как административных центров локальных государственных образований (ханств);

в) вероятное предназначение города Башкорт как столицы общенационального государства башкир;

г) наличие у башкир развитого комплексного хозяйства с разветвленной сетью международных караванных торговых маршрутов, требующих четкой системы государственного управления;

д) наличие десятков известных башкирских правителей (ханов), о чем речь пойдет ниже.

А теперь считаем уместным дать небольшой историографический обзор.

Важным этапом в развитии общественной жизни населения Южного Урала явились IX–XII вв., когда в состав формировавшегося башкирского народа вошли новые кочевые племена, пришедшие сюда из степей Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии и Нижнего Поволжья. За счет привнесенных ярких элементов произошло еще большее сближение в культуре, хозяйстве населения Южного Урала с кочевым миром. Лучшей иллюстрацией этого сближения служат широко распространенные в курганах поясные, уздечные и седельные наборы,

¹ *Мартынов А. И., Алексеев В. П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. С. 108–132; *Косарев М. Ф.* Предпосылки сложения и специфика раннеклассовых обществ в таежном Обь-Иртыше // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 119–135; *Халиков А. Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 88–103.

оружие (сабли), дорогие привозные ткани из шелка, а также каменные изваяния и важные детали погребального обряда (срубы в могилах, широкое применение бересты, культ огня, частичные захоронения коня). Объединяющим элементом культуры этих народов служит языческая религия во главе с богом Тенгре. По этим признакам культура башкир IX–XII вв. почти ничем не отличалась от культуры кимако-огузских племен Южной Сибири и Казахстана, волжских болгар, хазар, дунайских венгров, гузов. Аналогичного же мнения придерживалась С. А. Плетнева. Она утверждала, что по общему уровню развития отношений башкиры ни в чем не уступали кимакам, кыргызам, хазарам и тюркам, «хотя они не создали и не возглавили», подобно им, крупных государственных объединений. В качестве главных причин сложения у башкир высокоразвитой культуры, ее жизнестойкости и силы автор рассматривала существование у них прочной экономической базы, раннее оседание в крае кочевников и тесное слияние их с местными племенами¹. Говоря о том, что у башкир тогда не было собственных государственных образований, авторитетный исследователь абсолютно не права, но в то же время она отражает общепринятую в 80-х гг. XX в. в исторической науке точку зрения. Например, такой маститый ученый, как Р. Г. Кузеев в своих работах вплоть до последних лет излагал мысль о том, что башкиры в историческом развитии до XVI в. не достигли уровня создания собственных государственных образований и жили в доклассовом обществе². Развивая эту мысль, он неоднократно писал, что башкирское общество вплоть до XX в. отличалось пережитками дофеодального строя³. Данное заключение Р. Г. Кузеева вытекает из многократно повторенного положения о том, что у башкир вплоть до начала XX в. сохранялась общинная собственность на землю, и что этим была обусловлена принадлежность политической власти родо-

¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 238, 239.

² Кузеев Р. Г. Проблема этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия нашей эры до XVI в. Препринт доклада. Уфа, 1987. С. 44.

³ Кузеев Р. Г. Социально-экономическое и этнонациональное развитие народов Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIV – начале XX в. (теоретические аспекты). Препринт доклада. Уфа, 1987; Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Социалистические науки Волго-Уральской историко-этнографической области: функционирование, этапы развития. Препринт доклада. Уфа, 1987.

племенной знати, которая распоряжалась распределением земельных угодий под посевы и сенокосы, маршрутов кочевания и других условий землепользования¹.

Одним из показателей того, что вышеприведенное мнение Р. Г. Кузеева среди историков Башкортостана стало общепризнанным, служит понятие «башкирские племена», которое стало упорядочиваться по отношению к отдельным этнотерриториальным группам башкирского народа XVI–XIX вв. Подробное рассмотрение причин столь долгого бытования представлений о доклассовом характере башкирского общества XVI – до начала XX в. не входит в задачу данной работы. Здесь имеет место явная переоценка роли общинного землепользования в жизни башкир, что является серьезным заблуждением. Ограничимся лишь заключением о том, что пережитки родоплеменных традиций в общественной жизни башкир, как и у других народов Степной Евразии, являются завуалированной формой классовых отношений, и не они определяли их главное содержание.

Сегодня в распоряжении исследователей имеется целый ряд взаимодополняющих источниковых материалов, конкретно указывающих на существование у башкир собственной государственности во главе со знаменитыми ханами.

Об одном таком башкирском хане Башджурт упомянул автор XI в. Гардизи. Согласно источнику, Башджурт сыграл важную посредническую роль во взаимоотношениях между хазарами и кыргызами². Не подлежит сомнению то, что он был человеком ханского статуса и жил около IX в. н. э.

Башкиры до сих пор помнят о легендарном башкирском хане Акташ, ставка которого находилась в 30–40 км выше г. Уфы, на высоком берегу р. Белой, недалеко от устья р. Сим. Как гласит предание, первоначально он служил войсковым атаманом у хана Юш (или Яуш) где-то в низовьях Волги или на Северном Кавказе (упоминается г. Дербент), но после возникшего конфликта с ханом переселился в страну башкир и, став их ханом, жил здесь много лет³. Башкирский ученый-

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 496, 497 и др.

² Бартольд Р. Г. Извлечение из сочинения Гардизи Зайнап – Акбар. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 46, 47.

³ Уметбаев М. Йәдкәр. Өфө, 1984. 241–248-се б.

просветитель рубежа XIX–XX вв. М. Уметбаев, впервые описавший это историческое предание, высказал мнение, что хан Акташ – выходец из кыпчакской этнической среды¹; примерные годы его жизни можно определить XI–XII вв.

У башкирского народа по данному вопросу есть такой оригинальный, но пока недостаточно оцененный вид источников, как шежере, последовательно записывались смена поколений и важнейшие события в жизни страны и соответствующей группы людей. При написании первого издания настоящей книги мы рискнули путем синхронизации исторических событий и деятельности лидеров башкирского общества XV – начала XVI в. определить годы жизни таких известных по письменным источникам ханов, как Басман, Алтакар, Би-Тюряк, Тюрахан, Акназар-хан, Исмаил-хан. Тогда мы пришли к выводу, что все названные лица не могли жить раньше последней четверти XV в. и не позже первой четверти XVI в.² Эти наблюдения получили полное подтверждение со стороны В. В. Трепавлова – большого знатока архивных документов по истории России XV–XVI вв. На документальной основе он уточнил годы ханства Акназар-хана (Хакк-Назар) – около 1522–1538 гг., Исмаил (Измаил)-хана – 1538–1545 гг., Алтакар хана (Алчагир), Басман-хана, Тюря-хана, Би-Тюряка – определил началом XVI в.³ Это вдохновило нас на продолжение систематизации сведений башкирских шежере как источника по социально-политической истории башкирского народа X–XVI вв.

Среди сотен имен интересующие нас персонажи перечислены в статусе ханов или биев, причем в самом тексте годы жизни того или иного хана синхронизируются периодом правления знаменитых ханов империи монголов или Золотой Орды. Это дало возможность четко сгруппировать государственных деятелей башкирского народа на X – начало XIII в., XIII–XIV, XIV–XV и XV–XVI вв. Обращает на себя внимание следующее. Сведения о некоторых персонажах часто переключаются в текстах шежере, а также со сведениями опубликованных

¹ Уметбаев М. Йәдкәр. Өфө, 1984. 197, 241, 242-се б.

² Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 318–320.

³ Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 17–27.

нарративных источников и такие совпадения обнадеживают будущие исследования в этом направлении как весьма перспективные. Учитывая научную ценность списка башкирских ханов для конкретизации истории Башкортостана X–XVI вв., мы вынесли его в приложение настоящей книги. Авторы осознают, что данный список – лишь первый опыт составления синхронистической таблицы политических лидеров башкирского народа X–XVI вв.; в ней в будущем неизбежны уточнения. Обратимся к документам.

В одном из вариантов шежере юрматинских башкир, опубликованном в 2002 г., перечислены имена следующих башкирских ханов – выходцев из числа юрматинской этнической группы: «58. Тукий-хан, 59. Айдар-хан, 60. Саид-хан, 61. Эмир хан, 62. Султан-хан, 63. Салим-хан, 64. Ильгам-хан, 65. Габдулла-хан...». Далее в тексте говорится, что «63-й предок Салим-хан пребывал ханом сорок лет. От него Ильгам-хан. На его веку появился Чингисхан. Направились к нему (Чингисхану. – Н. М., А. С.), и Ильгам-хан присягнул (ему) на верноподданство. Говорят, что от Чингисхана повелось у всех народов прикладывать тамгу»¹. Если Ильгам-хан был современником Чингисхана, то шесть его предков, в том числе его дед Султан, названный без титула хана, жили до Чингисхана, в пределах XI–XII вв.

Следует оговориться, что в данной родословной, кажется, объединено несколько самостоятельных родословных. Как это часто бывало с генеалогическими легендами. Сюда включены имена Кунграта, Мангыта, Кыпчака, Юрматы, Ногая, Тамьяна и других. Но заслуживает внимания следующее продолжение комментария в тексте: «Наш предок Юрматы (очевидно, речь здесь идет об Ильгам-хане. – Н. М., А. С.) в (знак) верноподданства стал ловить диких зверей за голень... Чингисхану это очень понравилось и нашему предку Юрматы он сказал: «Деревом твоим пусть будет ива, птицей твоей – балабан, тамгой – вилы, боевым кличем твоим – Ак тюбя», – сказал и так установил»².

Как один из вариантов перечня первопредков юрматинских башкир можно рассматривать следующий список имен: «Шабан-хан, Буджан-

¹ Башкирские родословные (шежере). Уфа, 2007. С. 61–68.

² Там же. С. 65–67.

хан, Исмагил-хан, Алмалы-хан, Юрматы-бий, Юрмий-бий, Гали-бий¹. В этом перечне имена Исмагил-хана, Алмалы-хана (Алмай-хан) совпадают с именами соответствующих ханов из шежере башкир-кипчаков, проживавших уже в XV – начале XVI в. Но это сходство могло носить случайный характер. Несмотря на приведенные оговорки, первый список башкирских ханов может быть принят доверительно. Содержание следующей главы познакомит читателя с одним из знаменитых башкирских ханов Муйтен-бием – современником Чингисхана. Сохранилось множество вариантов шежере Муйтен-бия, который был выходцем из среды усерганской группы башкир. В данном случае нас интересуют имена предков Муйтен-бия: Баба Төкләс, Тырма, Казансы, Ишлам-кыя, далее Кара-кыя, Туксаба². Так как сам Муйтен-бий, был знаменитым ханом, его предки принадлежали, скорее всего, к династии башкирских ханов X – начала XIII в. Множество вариантов шежере с именами башкирских ханов домонгольского времени заставляет думать, что на территории Исторического Башкортостана IX – начала XIII в. было несколько самостоятельных, т. е. локальных ханств. Вероятно, так было и после рассматриваемого времени.

При такой постановке вопроса логически вытекает вывод о том, что в каждом из этих государственных образований были свои столицы – города. Несколько повторяясь (см. главу VII) отметим, два из них уже известны. Одним из них был город Башкорт. О втором городе-столице Намджан любопытную информацию дает аль-Идриси. Он пишет, что «город Намджан – небольшой процветающий городок. Им правит человек из тюрок. У них не прерывается традиция передачи власти от отца к сыну благодаря их благому образу действий и доброму отношению к простонародью и знати»³. Этот отрывок из первоисточника служит лишним подтверждением того, что передача власти ханов у башкир, велась «от отца к сыну».

¹ Башкирские родословные (шежере). Уфа, 2007. С. 68.

² *Хәсәйенов Ф. Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере.* Уфа, 1985. 58-се б.

³ *Коновалова И. Г. Указ. соч. С. 123.*

Наши предварительные выводы по вопросу о башкирских ханах и государственных образованиях X–XVI вв. опубликованы в 2003–2005 гг.¹

В заключение мы вновь хотим ознакомить читателя с интересным заключением С. А. Плетневой о раннесредневековых башкирах. Говоря об устойчивом характере этносов и культуры таких степных народов, как башкиры, она пишет, что «развитие их культуры текло по определенному руслу, и никакие катаклизмы не могли уничтожить эти сложившиеся цивилизации. Политическое подчинение народа какому бы то ни было государству не могло существенно изменить многовековые культурные традиции»². Такая оценка особенностей развития культурно-политической жизни и хозяйственного уклада средневековых башкир и их ближайших предков совпадает с мнением С. И. Руденко и помогает понять сохранение в их языке, культуре и обычаях многих архаичных элементов.

Повторяясь, необходимо подчеркнуть, что важнейшим условием самостоятельного существования башкир в окружении грозных соседей, безусловно, были развитая экономика, хорошо приспособленная к богатым местным природно-климатическим условиям, а также культурно-духовное единство на общей идеологической основе.

Под прочной экономической базой, в данном случае следует иметь в виду наличие на Южном Урале земледелия, кочевого, полукочевого и пастушеского скотоводства, которые являлись традиционными формами хозяйства значительной части населения. Конечно, составной частью этой экономической базы у башкир была развитая металлургия железа, меди и бронзы, золота и другие сферы деятельности, основанные на хорошем освоении природных ресурсов края. Важным показателем относительно высокого уровня культуры башкир IX–XII вв.

¹ *Мажитов Н. А.* Была ли у башкир своя государственность до XVI в. // Древности Востока. М., 2004. С. 158–166; *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* Башкирские ханы IX–XVI вв. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа, 2004. С. 181–195; *Majitov, Niaz.* Древнейшие государства на Южном Урале // Second international Congress on Turkic civilization «Role and Plase of the Turkic civilization among the World civilizations». Abstracts. Bishkek, 2004. 6. 50–52; *Mazhitov Niyaz.* On the History of Bashkortostan in the Colden Horde Epoch, // «Altin Orda Ve Varislari» ikinci Uluslararası konferansı. 22–24 nisan 2005. Istanbul. sit. 50–52.

² Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 238, 239.

является существование широкой сети постоянных поселений (городища, селища) с городами. Достоверность этих сведений подтверждена блестящими открытиями на городище Уфа-II.

Важным показателем уровня общественного развития этноса является религия. Как известно, начало перехода башкир к новой религии (исламу) восходит к VIII–IX вв., о чем свидетельствуют следующие факты: а) в составе посольства арабского халифата к волжским болгарам в качестве переводчиков находилось несколько башкир-мусульман; б) вместе с болгарами и союзными с ними племенами в 921 г. ислам могла принять какая-то часть башкир; в) среди башкир, живущих в XI–XII вв. на Дунае, письменные источники выделяют башкир-мусульман. Не исключено, что эти башкиры перешли в ислам в VIII в. до переселения их в Северное Причерноморье, в заключительный период арабско-хазарского военного конфликта, когда часть хазар и союзные с ними племена вынуждены были принять ислам. Но, следует сказать, что эти примеры были лишь отдельными эпизодами в распространении ислама среди башкир, которые в массе оставались язычниками, верными религии предков. Она ярко описана Ибн Фадланом.

Сейчас нам стало известно о том, что М. Уметбаев на основе не дошедших до нас источников располагал информацией о массовом принятии башкирами ислама около 1152 г.¹ Если принять во внимание численное уменьшение у башкирского населения в бассейне р. Белой с конца XII в. языческих захоронений и широкое распространение здесь мусульманского обряда погребений умерших в мелких могилах без вещей, головой на запад, лицом на юг, то данная информация заслуживает доверия.

Средняя Азия с городами Бухара, Самарканд, Ташкент, Туркестан и другими в X–XII вв. становится важным плацдармом в распространении ислама среди народов степной Северной Евразии. Башкиры к началу XII в. представляли собой в этом плане самую подготовленную этническую среду. Она была обеспечена активным участием южно-казахстанских и среднеазиатских этнических групп в формировании башкирского народа. На этом общем общеисторическом фоне выглядит неслучайным то, что в окончательном утверждении ислама среди

¹ Уметбаев М. Указ. соч. С. 196, 197.

башкир самую активную роль сыграли мусульманские миссионеры из школы Ходжа Ахмета Ясави (XII вв.) из г. Туркестана. В частности, об этом пишут М. Уметбаев и Р. Фахретдинов¹. Утверждение ислама среди башкир способствовало их дальнейшей консолидации в рамках единой государственной идеологии, дальнейшему приобщению к ценностям мировых цивилизаций.

¹ Уметбаев М. Указ. соч. С. 198-се б.

Глава IX

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И БАШКИРЫ

На рубеже VIII–IX вв. в Среднем Поволжье возникает государство волжских болгар. Вскоре оно становится ведущей политической силой в Восточной Европе. Благодаря удобному географическому расположению ему суждено было сыграть важную роль в исторических судьбах народов Урало-Поволжья, в том числе башкирского народа. Этим вызвана необходимость рассмотрения особенностей сложения и развития Волжской Болгарии, территории, этнического состава населения и других актуальных вопросов ее истории. Но предыстория Волжской Болгарии включает два сложных явления, связанных с племенами именьковской культуры и союзом болгарских племен. Без рассмотрения их трудно представить все особенности истории и культуры волжских болгар.

Именьковская культура. Будущая территория Волжской Болгарии в V–VIII вв. была заселена племенами именьковской культуры. Кроме современного Татарстана сюда входили территории Самарской, Пензенской областей, а также южные районы республик Чувашия и Марий-Эл. Культура берет свое название от городища Именьково, образованного от слов Имэн Кала – дубовый город (город, окруженный дубовыми стенами).

Именьковская культура сложилась после бурной эпохи IV–V вв. со своими яркими этнографическими особенностями¹. Например, именьковские племена отличались от своих соседей оригинальным погребальным обрядом: они сжигали своих умерших. Кремация трупов

¹ *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Д. 1–32. М., 1967.

производилась в полном одеянии на стороне, очевидно, в ритуальных кострах, после чего мелкие пережженные кости рассыпались по дну небольших мелких могильных ям от 0,60 до 1–1,10 м, ширина 60–80 см. Отдельные мелкие жженые кости встречаются в заполнении ям, что наводит на мысль, что остатки ритуального костра выбрасывались в могилу в момент засыпания. В могилах очень мало вещей, так как основная часть сгорела в момент кремации. Это – бронзовые и серебряные пряжки, накладки ремней и другие мелкие вещи, которые несут следы пребывания в огне. Среди находок почти нет оружия, что связано с особенностями погребального обряда. Среди вещей, побывавших в огне, есть глиняные сосуды, которые обычно разбивались в момент кремации и засыпания остатков кострища в могилу¹.

В именьковских могилах есть вещи, не побывавшие в огне, но специально установленные в погребениях. Сюда относятся ритуальные захоронения коня (череп, конечности, шкура), а также целые глиняные сосуды, внутри которых иногда встречаются кости мелкого рогатого скота. Следовательно, в глиняных сосудах ставилась жидкая мясная пища.

Другой характерной особенностью именьковских могил является то, что на поверхности земли они не имеют никаких внешних признаков. Но это еще не значит, что в свое время они не обозначались деревянными столбами или невысокими срубам.

Лучше изучены городища и селища именьковских племен. Судя по материалам раскопок, они застраивались прямоугольными жилищами – полуземлянками площадью, в среднем, 20–30 м². Стенки этих домов были невысокими, бревенчатыми, а отапливались они очагами, построенными прямо на полу, или на деревянных рамах-подставках. Надо полагать, что именьковским племенам были известны и более совершенные дома – наземные из деревянных срубов, следы которых археологически практически не прослеживаются. Как свидетельствует само название Именьковского городища, городища-крепости именьковских племен укреплялись дубовыми стенами и мощными валами и рвами. Общим объединяющим элементом для сотен памятников служат плоскодонные горшки, подразделяющиеся на горшки маленьких

¹ *Старостин П. Н.* Именьковские могильники // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия.* Куйбышев, 1986. С. 90–104.

и средних размеров, банки, миски и др. Исследования состава глины и технологии их изготовления показали, что сосуды лепились на специальной установке, так называемом гончарном круге, обеспечивавшем получение керамики сравнительно высокого качества и стандартных форм и размеров¹.

При раскопках поселений собран богатый ассортимент орудий труда. Среди них железные, совершенные по форме ральники от плугов, проушные топоры, серпы, клещи, долота, крючки, ножи и т. п. Есть бронзовые и серебряные украшения (шейно-нагрудные подвески в виде фигурок птиц, лошадей, серьги и т. п.). О том, что они изготавливались на месте, говорят многочисленные находки литейных форм, тиглей, обломков сопла, шлаков.

В свете всего накопленного материала образ и быт жизни именьковских племен предстают перед нами как ярко выраженный оседло-земледельческий. О плужном характере земледелия свидетельствуют упомянутые выше железные ральники от плугов.

Серьезные разногласия среди исследователей вызывает вопрос о датировке и этнической принадлежности именьковской культуры. Так, например, первые исследователи датировали именьковскую культуру III–VII вв., а некоторые верхнюю ее дату расширяли до VIII или IX–X вв.²

Теперь общепринято, что именьковская культура сложилась где-то около V в. и непрерывно существовала в Среднем Поволжье до возникновения государства Волжская Болгария³.

Дискуссионным является вопрос о том, на каком языке говорили именьковские племена. Первоначально высказанное мнение о тюркской

¹ *Салугина Н. П.* Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986. С. 105–117.

² *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры... С. 29; *Халиков А. Х.* Источники формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Казань, 1971. С. 12–17; См. также: *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 58.

³ *Халиков А. Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н. э. // *Культуры Восточной Европы в I тысячелетии*. Куйбышев, 1986. С. 73–89; *Матвеева Г. И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н. э. // *Культуры Восточной Европы...* С. 158–171.

принадлежности ее носителей¹ было резко раскритиковано А. П. Смирновым, высказавшим два противоположных взгляда: о финно-угорской (древнемордовской), а затем и славянской принадлежности².

Мысль о славянской принадлежности именьковских племен неожиданно получила активную поддержку со стороны Г. И. Матвеевой³ и многих других археологов, в том числе В. В. Седова⁴. А. Х. Халиков, пересмотрев свою первоначальную точку зрения, не стал активным сторонником мнения об их принадлежности к числу древних славян⁵. В таком разном взгляде и изменчивости их у одних и тех же исследователей просматривается, с одной стороны, печать поспешности и сложность решения вопроса, с другой.

Проблема именьковской культуры тесно связана с раннесредневековой историей Южного Урала. В частности, плоскодонная группа керамики (романовский тип) из памятников турбаслинской культуры VI–VIII вв. почти ничем не отличается от именьковской Среднего Поволжья. Но эта группа плоскодонных сосудов на Южном Урале связана с курганным способом захоронений в виде труположения и составляет только часть богатого и разнотипного керамического материала турбаслинской культуры. Это можно объяснить тем, что именьковские племена тесно общались с племенами Южного Урала V–VIII вв. и какая-то их часть участвовала в формировании местных культур. Не меняют этой общей оценки единичные случаи трупосожжения в турбаслинских курганах VI–VII вв. (Кушнаренково, погребения в г. Уфе).

Эти контакты племен Южного Урала и Среднего Поволжья VI–VIII вв. прослеживаются на поволжском материале, где найдена кера-

¹ Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 9–15 и др.; Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964. С. 122, 126 и др.

² Краснов Ю. А., Смирнов А. П., Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. Свод археологических памятников. М., 1967. Рецензия // СА. № 2. 1969; Смирнов А. П. Об этнической истории Западного Приуралья в I тысячелетии н. э. // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 79–84.

³ Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы...; Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 146–150.

⁴ Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2. С. 5–15. Он же. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 49–66.

⁵ Халиков А. Х. Об этнокультурной ситуации... С. 76–82 и др.

мика кушнареновского типа¹. Еще более убедительным аргументом в пользу сказанного является недавнее открытие на берегу Волги в пределах Татарстана Коминтерновского могильника VI–VII вв., абсолютного аналога захоронениям Бирского могильника этого времени. Население, оставившее данный памятник в окружении именьковских племен, хоронило умерших в могилах в виде труположения, с обильной мясной пищей, с круглодонными сосудами турбаслинского и бахмутинского типов. В могилах много украшений (серьги, бусы, подвески, гривны) и поясных ремней, мало отличающихся по составу от аналогичных предметов, которые найдены в Бирском могильнике². Видимо, Коминтерновский могильник принадлежал группе населения, имевшей западно-приуральское происхождение.

В свете южноуральских аналогий высказанные мнения о славянской или балтской языковой принадлежности именьковских племен выглядят неприемлемыми. Формирование именьковской культуры было сложным историческим явлением. Она возникла там, где до IV–V вв. жили потомки местных финно-угорских племен (городецкая, пьяноборская культуры), и их участие в этом процессе должно быть неоспоримым. С другой стороны, на всем протяжении I тысячелетия, не говоря о IV–VII вв., основной миграционный поток народов шел с востока на запад, и тогда группа тюркоязычных племен могла выйти вместе с гуннами из глубин Центральной Азии или Сибири и осесть в Среднем Поволжье. В процессе смешения и ассимиляции ими местных финно-угорских племен здесь могла сложиться качественно новая культура, представленная памятниками именьковской культуры. При такой постановке вопроса необходимо иметь в виду указания китайских хроник VI–VII вв. о том, что часть тюркских племен при похоронах широко практиковала кремацию, а для VIII–X вв. в Южной Сибири она становится обычным явлением³. На вероятность такого происхождения именьковской культуры указывает также сохранение обряда

¹ *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры... Табл. 26, 4.

² *Казаков Е. П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // *Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 1996. С. 40–57.

³ *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 31, 47–48 и др.

группосожжения у части населения Хазарского каганата VIII–X вв.¹ и у далеко ушедших на запад печенегов X–XI вв.² С кремацией умерших связаны раннесредневековые курганы Нижнего Поволжья и такой уникальный комплекс VIII в., как мавзолей Вознесенка в Запорожье³, которые приписывают тюркоязычным кочевникам.

Знакомство с литературой показывает, что при решении вопроса о языке и судьбе именьковских племен исследователи мало обращали внимание на следующий очевидный факт. Согласно письменным источникам, на правом берегу р. Волги, на уровне или ниже Самарской Луки в IX–X вв. жил оседлый земледельческий народ буртасы, практикующий кремацию умерших. Язык у буртасов был тюркский⁴. Эта краткая информация позволяет видеть в них потомков племен именьковской культуры. В пользу этого говорит примерное совпадение территории расселения двух сравниваемых народов.

Болгары. Им принадлежала решающая роль в создании Волжской Болгарии. Наряду с ней с конца VII в. существовала Дунайская Болгария (Болгария). Но до 670 г. все болгарские племена жили вместе в степях Северного Причерноморья, образуя единое государство, известное под названием Большая Болгария. Принято считать, что его основателем был знаменитый царь Кубрат (ориентировочные годы правления 584–642 гг.). Во второй половине VI в. и вплоть до 40-х гг. VII в. болгары, как и многие народы юга Восточной Европы (хазары, сабиры, оногуры и другие) входили в состав Западнотюркского каганата и составляли опору власти каганов. По своему происхождению они являются потомками тюркоязычных племен IV–V вв., сыгравших активную роль в походах гуннов в Центральную Европу во времена Атилы. Ослабление, а затем распад Западнотюркского каганата (630–657 годы) имели большое значение для объединения болгарских и других племен Северного Причерноморья с центром в Приазовье.

¹ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 31, 47–48 и др. С. 71, 72.

² Коновалова И. Г. Ал-Идриси: о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, коммент. М.: Вост. Лит., 2006. С. 128.

³ Амброс А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 204–222.

⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 27, 28.

Одновременно с Великой Болгарией в этот период на Северном Кавказе и в низовьях Волги начал возвышаться Хазарский каганат, что не замедлило сказаться на его отношениях с болгарами. Вскоре, они приобрели характер открытых военных столкновений, в ходе которых болгары потерпели сокрушительное поражение, после чего среди них произошел раскол: около 660 г. орда, под предводительством Аспаруха, под натиском хазар появилась на Дунае, перешла на правый его берег. Фактически это событие означало возникновение вскоре нового самостоятельного государства на Дунае – Болгарии, где активными создателями выступали пришлые тюркоязычные болгары и местные славянские племена. Тюрки оказались здесь в меньшинстве: впоследствии они полностью ассимилировались славянами, но сохранили этноним в новом государственном образовании. Другая группа болгар под предводительством Батмана, брата Аспаруха, приняла хазарскую ориентацию, вошла в состав каганата и пребывала там до конца VIII в.

За этот период в истории Хазарского каганата произошел ряд важных событий, среди которых особо следует выделить войну с арабами. Она началась в закавказских владениях хазар, а затем перешла на Северный Кавказ. Преследуя отступающие хазарские войска, в 40-х гг. VIII в. арабы достигли районов нынешнего саратовского течения р. Волги¹. В ходе этих важнейших исторических событий население Среднего Поволжья, в том числе именьковские племена, не оставались в стороне и, очевидно, приняли в них активное участие. Есть предположение, что в ходе этих событий, а может быть, даже раньше, отдельные группы болгарских племен, пребывающих в составе Хазарского каганата, начали отходить от центра и переселяться в Среднее Поволжье².

Но в Среднем Поволжье нет болгарских памятников ранее IX в., и поэтому данное мнение лишено пока источниковой основы. В этой связи нелишне упомянуть недавнее высказывание Г. И. Матвеевой о том, что болгарами, переселившимися в район Самарской Луки в VIII в., оставлены памятники типа Новинковских курганов³. Инвентарь этих памятников, судя по публикациям, типичен для памятников

¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 157–162, 163–169, 202–225.

² Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 117, 170; Археология СССР. Степи Евразии... С. 65, 208.

³ Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 89–99.

VII–VIII вв. Но по характеру материала эти памятники резко различаются от собственно болгарских X в. прежде всего подкурганном способом захоронений и потому не могут быть рассмотрены как раннеболгарские. Не исключено, что они оставлены печенегами в период обитания на правомбережной Волге. К числу самых ранних относятся Большетарханский, Кайбельский, II Уреньский и другие могильники¹. Все они состоят из грунтовых могил с подбоями, заплечниками, с ритуальными захоронениями шкур, головы и ног лошадей. Инвентарь могил состоит из типичных для IX–X вв. предметов, таких как сабли с едва заметным изгибом на клинке, арочные и 8-образные стремена, удила с прямым и 9-видными псалиями, серьги, кресала и других. Этническими показателями этих памятников служат глиняные сосуды кувшинообразных форм, которые по всем показателям (форма, орнамент, техника изготовления) являются близкой аналогией хазарской керамики Северного Кавказа. Именно это обстоятельство является главным аргументом в пользу утверждения о том, что в указанных могильниках погребены первые поколения болгар, пришедших с юга в Среднее Поволжье.

В некоторых могилах найдены арабские дирхемы 750–752, 775–809 гг., что дало возможность авторам первых публикаций определить возраст могильников второй половиной VIII – первой половиной IX в. Это вызывает определенные возражения у некоторых исследователей. Здесь дата погребений определена по году чеканки монет, но без учета времени на употребление их в качестве денег, а затем украшений. Этим находкам, кроме того, имеются полные аналогии в комплексах с монетами середины IX – начала X в., а это требует омоложения возраста названных раннеболгарских памятников до IX – начала X в.

Данное предположение совпадает с выводами крупнейшего знатока хазарских древностей С. А. Плетневой. Она считает, что болгарские племена переселились в Среднее Поволжье (р-н устья р. Камы) из пределов Хазарского каганата (Северный Кавказ, Приазовье) на рубеже VIII–IX вв. или в самом начале IX в. и причиной этому послужило официальное принятие в качестве государственной религии

¹ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге... Табл. I–XIX; История татар. Том I. Казань, 2002. С. 187–189; История татар. Т. II. Казань, 2006. С. 116–131.

иудаизма¹. Эта религиозная реформа была задумана в интересах правящей социальной группы каганата, но в самом начале была обречена на неудачу. Дело в том, что в отличие от ислама, христианства и других мировых религий иудаизм является национальной религией, т. е. ее может исповедовать только еврей по происхождению. К тому времени (рубеж VIII–IX вв.) в хазарских городах осело много евреев, которые контролировали всю внутреннюю и внешнюю торговлю и, таким образом, всю экономику. Под их влиянием каган и его окружение пришли к мысли о замене традиционной религии во главе с богом Тенгре на иудаистскую. Путем различных ухищрений толкователям удалось доказать еврейское происхождение кагана, его окружения, но этого нельзя было сделать по отношению к основному населению каганата, которое продолжало исповедовать религию своих предков. В этой обстановке переход на новую религию не только не смягчил социальные противоречия внутри общества, а, наоборот, усилил их, что привело к постепенному ослаблению власти кагана и распаду государства². Одними из первых из каганата ушли вверх по Волге болгары – потомки тех, кто в ходе хазаро-болгарской войны в 50–60 гг. VII в. во главе с Батманом перешли на сторону хазар.

После прихода болгарской группы племен в Среднее Поволжье произошло смешение их с позднеименьковским населением, что хорошо подтверждается археологическим материалом. Во всех могильниках Волжской Болгарии IX–X вв. найдены неорнаментированные плоскодонные горшки, по форме и размерам близко напоминающие именьковские³. Кроме того, некоторые именьковские городища продолжали существовать вплоть до X–XI вв. Таковым, например, является само Именьковское городище – опорный памятник одноименной культуры. В его культурных отложениях найдены многочисленные предметы (топоры, наконечники стрел, детали от цилиндрических замков), которые не могут быть датированы ранее X–XI вв. Следовательно, полного ухода именьковских племен после прихода болгар с данной территории не произошло.

¹ Археология СССР. Степи Евразии... С. 77; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 262–282.

² Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге... Табл. VIII.

³ Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Именьковское городище // МИА. № 80. М., 1960. С. 226–250.

Культура болгар. Материалы раннеболгарских памятников показывают, что болгарские племена принесли с собой в Среднее Поволжье культуру, характерную для населения Хазарского каганата. Сказанное следует понимать так, что вместе с воинами – активной частью населения – сюда переселились дети, женщины, старики и ремесленники, которые вскоре на новой родине обеспечили массовый выпуск всего необходимого в жизни. О том, что именно так обстояло дело, ярко свидетельствует широкое распространение в могильниках (Больше-Тарханский, Танкеевский) керамики, повторяющей посуду из собственно хазарских памятников района Северного Кавказа.

Так же обстояло дело с предметами вооружения, конского снаряжения и украшений, которые составляют массовый материал в погребениях¹.

Население Волжской Болгарии было сильно смешанным. Накопленные археологические материалы позволяют утверждать, что часть западных башкир сразу же вошла в состав Волжской Болгарии. Примером сказанному может служить Больше-Тиганский могильник IX–X вв., расположенный на расстоянии около 100 км от устья р. Камы, на левом ее берегу. Могильник состоит из неглубоких могил, расположенных на значительном удалении друг от друга, и это позволяет предположить существование невысоких земляных насыпей над ними, впоследствии разрушенных многовековой распашкой. Если учесть такое допущение, Больше-Тиганский могильник во всем является почти копией башкирских курганов IX–X вв.² Умерших хоронили в деревянных, обугленных снаружи гробах, дно которых устилалось циновочным материалом. В могилах найдены типичные для башкир поздние варианты кушнаренковской керамической посуды, роскошные поясные ремни с длинными ременными подвесками, спускавшимися спереди и сзади на бедра. Много женских украшений, которые по составу и, что особенно важно подчеркнуть, по способу ношения ничем не отличаются от башкирских. Это – наконники, состоящие из коньковых, арочных и других шумящих подвесок на длинных цепочках, серьги башкирских вариантов, ожерелья из бус. Последние включают стеклянные одно-

¹ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге... Табл. I–XIX.

² Chalikova E. A., Chalikov A. N. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Graaberfeld von Bolscie Tigan). Budapest, 1981; История татар. Том I... С. 191–192.

цветные и мозаичные бусы и носились по 3–5 ниток различной длины, а в середине каждой нитки нанизывалась большая сердцевидная серебряная подвеска.

Такое же совпадение наблюдается в составе предметов вооружения и конской сбруи.

Следует подчеркнуть, что большая близость Больше-Тиганского могильника с башкирскими курганами IX – начала X в. признается авторами публикации Е. А. Халиковой и А. Х. Халиковым и другими. Но, вопреки очевидным фактам, они датируют его временем на 100 лет раньше – второй половиной VIII – первой половиной IX в. и уверены, что они принадлежат мадьярам накануне их ухода на запад, в Паннонию¹.

Предвзятость данного мнения очевидна. При такой постановке вопроса исследователи не видят башкир – ближайших соседей болгар. Так, в последнем солидном издании «История татар» памятники башкир IX–X вв. описываются как мадьярские (угорские)². Идентичность состава находок позволяет привлечь для датировки Больше-Тиганского могильника арабские монеты IX в. из башкирских курганов. Кроме того, в одном из большетиганских погребений (№ 65) найдена такая же монета, но отчеканенная уже в начале X в. Поэтому сам материал памятника бесспорно указывает на непрерывное его функционирование в IX – начале X в. В течение всего этого времени мадьярские племена жили далеко на западе, и это неоднократно засвидетельствовано письменными источниками. Важно подчеркнуть, что Больше-Тиганский могильник находится недалеко от р. Большой Черемшан, по которой в 921–922 гг. проходила граница между Волжской Болгарией и страной башкир. Картографирование более 2 000 известных болгарских памятников, выполненное известным болгароведом Р. Ф. Фахрутдиновым,

¹ *Chalikov E. A., Chalikov A. N.* Указ. соч.; История татар. Том I... С. 204–209; *Иванов В. А.* Magna Hungaria – археологическая реальность? // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 53–66; *Халиков А. Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 67–78; *Он же.* Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 5–15; *Казаков Е. П.* О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // ПДУЮУ. Уфа, 1988. С. 79–87 и др.

² История татар. Казань. Т. I. 2002. С. 204–209; История татар. Казань. Т. II. 2006. С. 408–417.

показывает, что южная граница их распространения резко обрывается по р. Большой Черемшан¹, что является документальным подтверждением сведений Ибн Фадлана; на востоке эта граница проходит по р. Шешма. Если учесть, что р. Большой Черемшан до сих пор остается естественной границей между башкирами Оренбуржья и татарами Прикамья, а р. Шешма таковой оставалась вплоть до XVIII – начала XX в., то напрашивается вывод о том, что ко времени Ибн Фадлана эти границы уже были исторически сложившимися. В этих условиях естественно смешанное расселение башкирских и болгарских племен.

В Среднем Поволжье в IX–X вв. жил еще один крупный самостоятельный народ – буртасы. В письменных источниках этого времени они всегда упоминаются в окружении болгар, хазар, славян и других известных народов. Некоторые авторы помещают буртас между болгарами и хазарами. В «Худуд ал-Аламе», например, говорится, что «к востоку от буртасов – река Атил; к югу от них – хазары». В другом источнике сказано, что «1. Страна болгар соседит со страной буртасов. 2. Между буртасами и булгарами три дня пути... 22. Буртасы находятся между булгарами и хазарами; между буртасами и хазарами расстояние в 15 дней пути. 23. Соседствуя с хазарами, буртасы живут на реке, название которой также Буртас (или Итиль); у них деревянные дома, в них живут зимою, и шатры, в них они обитают летом; ... 24. Буртасы находятся в подчинении царя хазар, они поставляют десять тысяч всадников. 25. У буртасов нет главы или начальника, который управлял бы ими, в каждой местности у них имеются один или два старца, которые вершат дела (или суд) между ними. 26. Земля буртасов – обширная; они живут в лесах. ... 27. Земля буртасов в длину и ширину 15 дней пути; здесь много торговых мест. 28. Буртасы постоянно воюют с булгарами и печенегами. 29. Буртасы стойки и неустрашимы; они – совершенны лицом и общим видом. 30. Вера буртасов походит на веру гузов. 31. Когда поступит один из буртасов вероломно по отношению к другому, начнет его притеснять, причинит ему ранение или побои, тот, другой, не примирится, пока не добьется возмездия. 32. Когда буртасская девушка достигает зрелости, она перестает повиноваться своему отцу, выбирает сама того, кто ей понравился из мужчин, тот мужчина свата-

¹ *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. Карта.

ется сам (или через свата) и женится на девушке. 33. Наибольшая часть достояния буртасов – куницы, из шкур которых делают шубы. Имеются у буртасов мед, а также верблюды, крупный рогатый скот (или коровы), овцы (или свиньи). 34. Буртасы делятся на два разряда: одни предают мертвых сожжению, другие хоронят. 35. У буртасов (обширные) пахотные поля. 36. От буртасов до хазар все степь, дорога благоустроенная, с источниками, деревьями, текучими водами; некоторые же, отправляясь от буртасов к хазарам, плывут по р. Итиль на судах, а некоторые путешествуют сухим путем. 37. Оружием буртасов служат два кинжала, секира, лук, у них нет панциря и кольчуги; лошадью у них владеет не каждый, а только тот, кто обладает многим достатком; их одежда – архалук и халат; у них головной убор, а чалму завязывают вокруг него. 38. У буртасов нет фруктов, и вино их – из меда»¹.

Красочное описание современниками образа жизни буртасов убеждает нас, что они вели ярко выраженный оседло-земледельческий образ жизни. В плане выяснения происхождения буртасов важное значение приобретают слова летописца о том, что одна группа буртасов своих умерших «предают сожжению, другие хоронят». Эта информация дает достаточно оснований думать, что своим происхождением буртасы прямо связаны с племенами именьковской культуры. По-видимому, после прихода болгар в Среднее Поволжье среди именьковских племен произошла перегруппировка и значительная их часть в IX–X вв. сохраняла еще свою самобытную культуру.

Говоря о ранней Волжской Болгарии, необходимо указать на одну особенность источников: в составе болгарских племен они четко различают группу сувар и болгар. По-видимому, это различия этнического порядка и восходят к периоду V–VII вв., когда на юге Восточной Европы наряду с хазарами, болгарями, барсил-берсулами и другими племенами жили тюркоязычные савиры – выходцы из Южной Сибири. Многие исследователи считают, что этноним «савиры» этого времени есть древний вариант этнонима «сувар»². Выходит, что савиры-сувары в VII–IX вв. проделали тот же самый путь, что и волжские болгары: определенное время пребывали в составе Хазарского каганата, а затем переселились в Среднее Поволжье.

¹ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 27–28.

² *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 128, 137, 174.

Отметим, сувар как крупный самостоятельный этнос признает Ибн Фадлан и подчеркивает, что сувары отказались участвовать в торжествах, посвященных официальному принятию в Волжской Болгарии ислама¹. Не без оснований современные историки Чувашии убеждены в том, что суварский племенной союз лег в основу сложения чувашского народа².

Анализ источников не противоречит мнению о том, что приход суварской группы племен в Среднее Поволжье был самостоятельным и мог предшествовать приходу болгар, а в связи с последним могли возникнуть какие-то осложнения в их взаимоотношениях. Во всяком случае в один из поворотных моментов истории Волжской Болгарии – в момент принятия ислама – сувары пожелали остаться в оппозиции к власти хана.

Согласно письменным источникам, в IX – начале X в. Волжская Болгария и ее ханы находились в зависимости от хазар и платили им дань. В источнике X в., известном как письмо хазарского кагана Иосифа, болгары перечислены среди народов, плативших ему дань. Кстати, в этом же списке числятся буртасы и сувары³, что подтверждает мысль о том, что буртасы и сувары к X в. оставались еще относительно самостоятельными.

В письменных источниках IX–X вв. в ближайшем окружении болгар, буртасов, сувар упоминаются племена эскель, берсула⁴. Но, по-видимому, они составляли небольшие группы племен, входившие в болгарскую конфедерацию. Необходимо также иметь в виду, что на севере, на правом берегу Камы, болгары непосредственно граничили с марийскими и удмуртскими племенами, а на правом берегу Волги – с мордовскими.

Волжская Болгария в X – начале XIII в. Набирающая силу Волжская Болгария к началу X в. настолько окрепла, что зависимое

¹ Путешествие Ибн Фадлана на реку Итиль. Казань, 1992. С. 41.

² Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Шувашкар, 2003. С. 259–316.

³ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен Омар ибн-Дагста // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. С. 22; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 138–141.

⁴ Путешествие Ибн Фадлана... С. 41, 43.

положение от хазарских правителей, исповедующих чуждый для них иудаизм, начало угнетать болгарского хана Алмуша и его окружение. Стремясь укрепить политическими средствами свой суверенитет, они приняли ислам и обратились к Багдадскому халифу с просьбой прислать в их страну грамотных толкователей Корана. Такое решение не было случайным. Из письменных источников известно, что в Хазарском каганате в VIII–IX вв. существовала обстановка веротерпимости: в городах действовали мусульманские мечети, еврейские синагоги и христианские церкви. Говоря о столице хазар г. Итиль, Ибн Фадлан, например, пишет, что в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершали молитву и присутствовали в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэдзинов¹. Значит, болгары к этому времени располагали достаточной информацией об исламе. Но главная причина, побудившая хана Алмуша и его единомышленников к решительным действиям в этом вопросе, состояла в том, что старая религия бога Тенгре уже не отвечала требованиям времени. Развитие феодальных отношений в молодом государстве требовало адекватной идеологии, а с принятием ислама Волжская Болгария входила в орбиту международных отношений. Одновременно хан Алмуш рассматривал этот шаг как важное условие приобретения полной свободы от хазар.

Официальное принятие религии состоялось в мае 922 г. и проводилось как торжественное общегосударственное мероприятие во главе с ханом Алмушем. На него были приглашены и участвовали «предводители», т. е. вся знать и «цари его земли», под которыми следует подразумевать глав союзников, что еще раз подтверждает, что в это время Волжская Болгария представляла конфедерацию племен или отдельных этнических образований, подчиненных главе государства. В таком случае можно предположить, что среди приглашенных были и предводители башкирских племен². Церемония обращения в ислам сводилась к чтению корана в оригинале, который затем «буква в букву» переводился на болгарский язык; местами совершались коллективные моления с громким чтением изречений из корана. Сменивший религию хан получил новое имя Джафар, а имя его отца Муктадира было заменено на Абдаллаха. С минарета торжественно был провоз-

¹ Путешествие Ибн Фадлана... С. 29.

² Там же. С. 28–33 и др.

глашен призыв (хутба): «О Аллах! Сохрани (в благополучии) раба твоего Джафара ибн Абдаллаха, повелителя (эмира) болгар, клиента повелителя правоверных».

Миссионерская деятельность Ибн Фадлана и его спутников продолжалась во время их путешествия по стране. Так, в своем дальнейшем повествовании он сообщает, что под его руководством болгарин по имени Талут захотел принять имя Мухаммеда, после чего он (Ибн-Фадлан) воскликнул: «Да будет, чтобы впредь тебя называли именем Мухаммеда». И приняли ислам его жена и его дети, и всех их стали называть семейством Мухаммеда»¹. Так был положен конец языческому прошлому Волжской Болгарии и открыта новая страница в ее истории.

Принятие ислама способствовало быстрой консолидации населения Волжской Болгарии, состоящего из различных по культуре, происхождению племен, на новой политической и идеологической основе. Прежде всего оно укрепило власть хана и его аппарата.

Однако, в противовес утверждениям многих археологов Татарстана², следует подчеркнуть, что официальное принятие ислама еще не привело к полному искоренению языческих обрядов и традиций в быту, о чем ярко свидетельствуют материалы болгарских могильников X–XI вв. Таким, например, является Танкеевский могильник, где в результате многолетних раскопок исследовано более 1 000 могил, ошибочно датированных коллегами из Татарстана IX–X вв.³ По характеру своего материала Танкеевский могильник резко отличается от памятников IX–X вв. (Больше-Тарханский, Больше-Тиганский и др.), в чем нетрудно видеть различия хронологического порядка. В погребениях много топоров, сабель, железных котлов с приклепанными сбоку петлями, граненые проволочные браслеты с кружковым орнаментом,

¹ Путешествие Ибн-Фадлана... С. 30.

² Халикова Е. А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 7; Она же. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII вв. Казань, 1986. С. 36–59.

³ Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 64–93; Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Там же. С. 94–155; Chalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetiere de Tankeevka // Les ancies hongrois et les ethies Voisines a i Est. Budapest, 1978.

гривны с многогранными утолщенными концами, калачевидные кресала, серьги с грузиком в нижней части, пряжки и накладки ремней и т. д.¹ Эти погребения перемежались с могилами, где умерших хоронили без вещей, т. е. по-мусульмански.

Как показали исследования болгарских городов, многие из названных вещей в массовом порядке производились в болгарских ремесленных центрах и вывозились к соседним народам – мордве, марийцам, удмуртам, и через некоторое время попадали в могилы. В марийских и удмуртских могильниках представлены близкие аналогии практически всем категориям предметов погребального инвентаря из Танкеевского могильника, и там они сопровождались монетами X–XI вв., что является бесспорным доказательством более молодого возраста указанного могильника². Отсюда следует вывод о том, что на всем протяжении X–XI вв. в Волжской Болгарии в погребальном обряде имели место отклонения от ортодоксальных требований ислама в пользу язычества. Так, очевидно, было и в других сферах жизни.

О болгарях X в. много писали современники. В систематизированном виде это выглядит так: «3. Болгары обитают на берегу реки, которая впадает в Хазарское море и называется Итиль; эта река между хазарами (или бургасами) и славянами (или русами). 4. Царь болгар по имени Алмс (Алмуш) исповедует ислам, у него сородичи числом пятьсот (или пятьсот тысяч) человек. 5. Земля болгар в зарослях и дремучих чащобах, среди которых болгары и обитают. 6. Болгары делятся на три разряда, каждый из этих разрядов носит свое название и имеет отдельное место пропитания. 7. Хазары торгуют с болгарями, также русы привозят свои товары, также и другие народы; привозят к ним меха соболя, горноста, белки и другие меха. 8. У болгар имеется земледелие, они выращивают разные зерновые. 9. Болгары постоянно нападают на бургасов и пленяют их. 10. У болгар есть вьючные животные (или лошади), кольчуги и оружие. 11. Они дают царю дань вьючными животными; когда кто-либо из болгар женится, царю также приносят в дар вьючное животное; с проходящих в Болгар судов царь берет десятину.

¹ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь... Табл. I–XXIII.

² Мажитов Н. А. Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Южного Урала // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 77–85; Архитов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 62–69; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху... С. 80.

12. Одежда болгар походит на одежду мусульман, равным образом болгарские кладбища подобны мусульманским. 13. Основное имущество у болгар – меха куницы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они кунным мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам; дирхемы же белые, круглые, привозят к ним из мусульманских стран. 14. Земля болгар в северной стороне, по направлению к полюсу. 15. Между болгарами и Хорезмом путь равен трем месяцам. 16. У болгар два города, имя одному Сувар, другому Болгар; оба города поблизости друг от друга (или в двух днях пути друг от друга); в обоих городах – деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 000 человек в каждом городе; они сражаются с неверными. 17. У болгар деревья по большей части хаданк и орешник; в болгарских лесах водятся белки, соболь и другие звери с (ценным) мехом. 18. У болгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или: не успевает человек пройти более одного фарсаха); зимою же день становится таким же коротким, как ночь летом. 19. Язык болгар походит на язык хазар и буртасов. 20. На восток и юг от болгар – горы»¹. В этих рассказах обращает на себя внимание существование четкой системы сбора налогов с граждан, в соответствии с которой во время женитьбы в пользу казны обязаны были уплатить налог в виде вьючной лошади, и отсутствие упоминания о выплате дани хазарам. Таким образом, налицо факт приобретения Волжской Болгарией полной независимости.

Хозяйство. Города. Ремесла. Основу экономики Волжской Болгарии составило высокоразвитое плужное земледелие, унаследованное от именьковской или буртаской части населения. Согласно сообщению Ибн Русте, «болгары народ земледельческий и возделывает всякого рода земледельческий хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие»².

Высокая роль земледелия в жизни болгар неоднократно подчеркнута у Ибн Фадлана. «Пища их, – пишет он, – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя... Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размеров пиршества должен выделить часть

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений... С. 26, 27.

² Хвольсон Д. А. Указ. соч. С. 29.

царю... Выделить ему ковш медового набиза и (некоторое количество) скверной пшеницы. Так как земля их вонючая, а у них нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет (гнилью) и ею нельзя пользоваться... Они делают из ячменя похлебку, которую хлебают девушки и отроки, варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо»¹. Палеоботанические исследования позволили установить существование в X в. у волжских болгар паровой системы земледелия.

Так перед нами предстает прочно налаженное индивидуальное натуральное земледельческое хозяйство. За 100 с лишним лет оно практически не изменилось. Об этом свидетельствуют Гардизи и другие авторы. Гардизи, например, сообщает что у волжских болгар «существует обработка полей и сев, производятся разные зерновые, как-то пшеница, ячмень, чумиза (тыква), чечевица, маш (бобы) и, кроме того, всякое другое»².

Важным доказательством роста экономики государства в X–XII вв. является массовое появление и развитие городов. Судя по источникам, к началу X в. в Волжской Болгарии было только два города – Болгар и Сувар, из которых первый считался столицей. Как указывают сами названия, эти города возникли как центры реально существовавших тогда племенных образований (суварского, болгарского). В пользу этого говорит город Биляр, один из самых крупных и расположенный в восточной окраине государства. Название города не оставляет сомнения, что он возник в земле билярского племенного объединения; а если учесть, что биляры в недавнем прошлом образовывали крупное племенное объединение в составе башкир, то можно предполагать, что Биляр строился на земле башкир, вошедших в состав Волжской Болгарии. Необходимо также учесть, что этот город расположен на берегу р. Черемшан, служившей условной границей между болгарами и башкирами. Заслуживает внимания также факт, что на основе не дошедших до нас сведений Н. П. Рычков утверждал, что в Биляре проживало много башкир.

¹ Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 136; Фахрутдинов Р. Г. Очерки истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 35.

² Цитируется: Фахрутдинов Р. Г. Указ. соч. С. 35.

Больше всех была известна столица – город Болгар. Он расположен на высоком берегу реки Волги, где имелась большая пристань для проплывающих по реке судов. Как сообщает Ибн Фадлан, здесь же имелась торговая площадь¹. При описании Болгара ал-Балхи характеризует его как «главнейший торговый пункт государства»². Многолетними работами Болгарской археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова удалось доказать, что в X–XI вв. город занимал береговую полосу, огражденную глубоким оврагом, и имел типичный для этого времени мысовой характер. Выявлены следы цитадели площадью 120 тыс. м², отделенной от городища двумя мощными рядами валов и рвов³. Как известно, цитадель – наиболее укрепленная часть города – предназначалась для пребывания хана или самой привилегированной части жителей города. Остальная часть населения города располагалась за крепостными стенами.

В конце XII в. город достаточно вырос и была построена новая оборонительная линия, от которой сохранились следы двух рвов глубиной 2,5–3 м, шириной около 5,5 м. Рядом с ними строились мощные крепостные земляные стены (валы), на которых имелись дополнительные укрепления в виде частоколов. Новые крепостные стены предназначались уже для круговой обороны, их сооружение свидетельствует о значительном развитии военного зодчества в Волжской Болгарии. Забегая вперед, отметим, что именно эти новые оборонительные линии были штурмом взяты и разрушены татара-монголами в 1236 г.

Однако степень изученности города Болгар не соответствует его величине, поэтому о внутренней планировке нам лучше известно по описаниям современников. По словам ал-Балхи, «Болгар – имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть... Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам»⁴. Эти же сведения подтверждает ал-Гарнати, живший в Болгаре в 1134–1153 гг. Его впе-

¹ Путешествие Ибн-Фадлана... С. 45.

² Хвольсон Д. А. Указ. соч. С. 82.

³ Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. 19. М., 1951; *Он же*. О столице государства волжских булгар // СА. № 1. 1972. С. 98–102; Хлебникова Т. А. Ранний Болгар // СА. № 2. 1975. С. 120–132; Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 100–107.

⁴ Цитируется: Фахрутдинов Р. Г. Указ. соч. С. 47.

чатления дают более конкретные сведения: «В середине города, – пишет он, – живет эмир (хан) жителей Болгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление; другая, в которой молится народность, которую называют жители Суvara, она тоже многочисленна... А зима у них холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных одно поверх другого, а их крыши и потолки из деревянных досок. И разводят они (в домах) огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые шкурами с мехом, а внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много. ...А город Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов».

Сведения о том, что город Болгар X – начала XIII в. представляет собой бревенчатые сооружения, ценны. В литературе утвердилось мнение о том, что в Болгаре и других городах Волжской Болгарии домонгольского времени широко были представлены общественные и жилые дома из камня и кирпича. Автором этого принципиального ошибочного мнения был А. Х. Халиков, и его активно поддержали ученики.

Правдивость информации ал-Балхи и ал-Гарнати о том, что вся архитектура Болгара домонгольского времени состояла из деревянных сооружений, убедительно доказана тщательным анализом состава слоя пожара осени 1236 г., возникшего после взятия города войсками татаро-монголов. Исследования показали, что строения города были сплошь деревянные и это привело к полному его уничтожению¹.

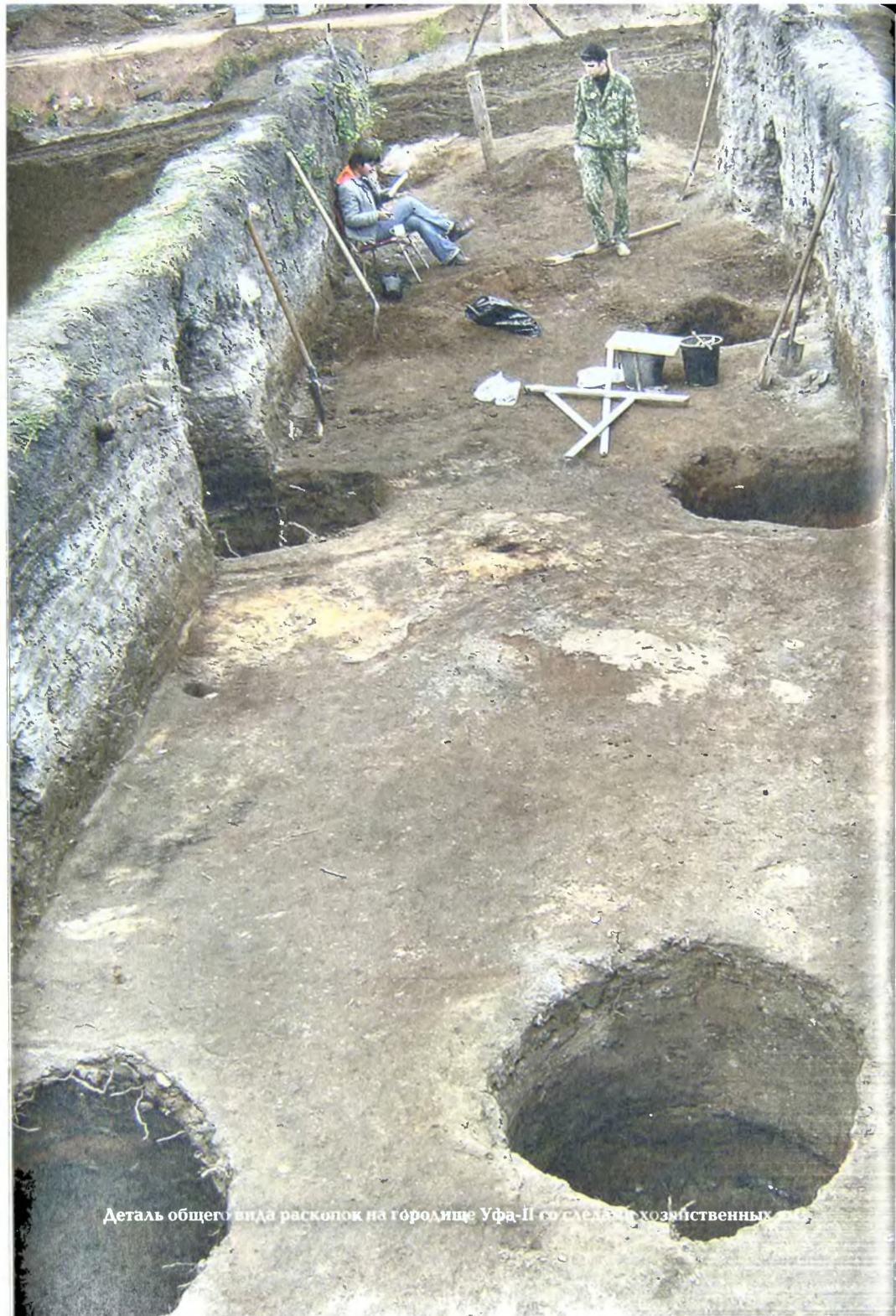
Таким образом, все источники единодушно подчеркивают, что строения столицы Волжской Болгарии, включая мечети, в X–XII вв. были деревянными. Следовательно, такими они были и в других городах государства.

Сувар – следующий крупный город Волжской Болгарии X–XII вв. Местонахождение его географы описали так: «Между двумя городами (Болгаром и Суваром. – Н. М.) пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против

¹ Путешествие Абу-Хамиди ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 27–30; Кавеев М. М., Полубояринова М. Д., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А., Шаруфуллин Р. Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Болгария в монгольское время. Казань, 1988. С. 58–71.

деталь общего вида раскопок на Городище Уфа-II.
На переднем плане остатки деревянных настилов

Деталь общего вида раскопок на городище Уфа-II со следами хозяйственных

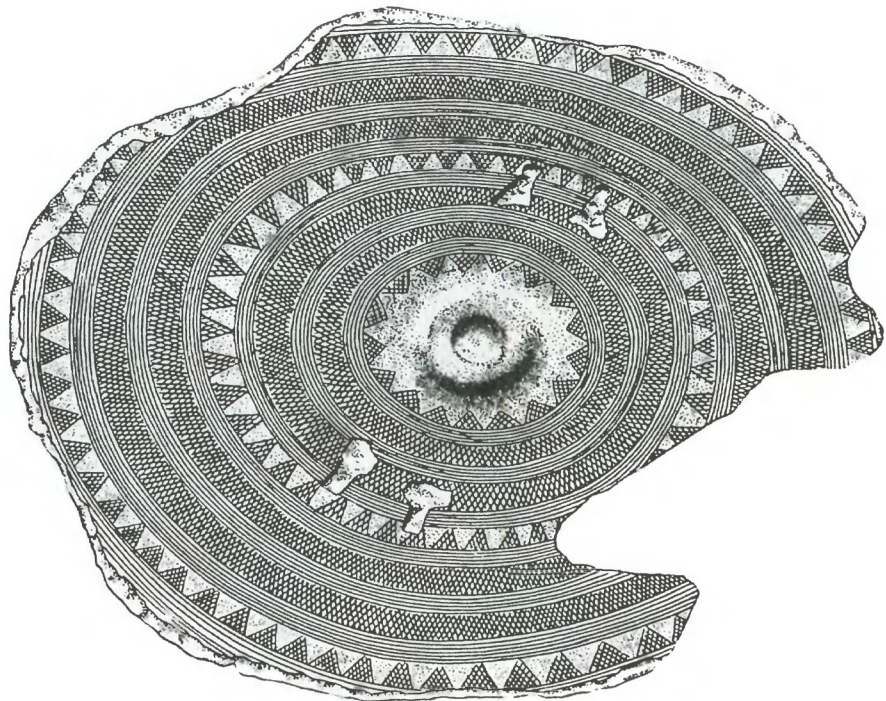
Обломок каменной скульптуры с изображением усатого мужчины.
VIII – XII вв. Городище Уфа-II

Обломок каменной скульптуры с изображением
головы мужчины.
Случайная находка на территории г. Уфы

Глиняный сосуд кушнаренковского типа. VII – VIII вв.
Найден близ г. Уфы

Кожаный башкирский щит. XVI – XVIII вв.

Золотая цепочка из разрушенного кургана VII – VIII вв.
Территория г. Уфы.

Стилизованная фигурка медведя. Бронза. V – VI вв.

Подвеска в виде фигуры лошади.
Бронза. VI – VII вв.

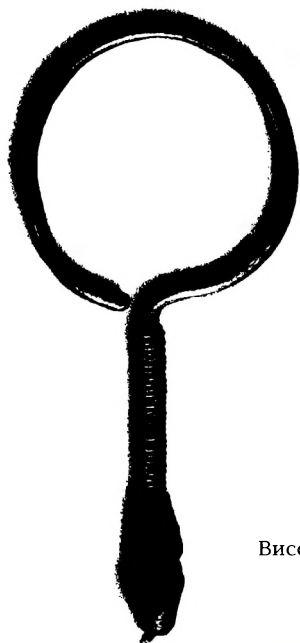

Медальон с изображением двух оседланных коней.
VI – VIII вв.

Пряжка и накладки-украшения ремня.
Серебро. IX – XI вв.

Височные подвески. XIII – XIV вв.

Кусок золотой проволоки —
заготовка для ювелира.
VII – IX вв.

Серебряная монета. XIV вв.

Серьга. Серебро

Золотые украшения из разрушенного погребения. VII – VIII вв.
Территория г. Уфы

Золотые украшения из разрушенного погребения. VII – VIII вв.
Территория г. Уфы

Реконструкция костюмов мужчины и женщины бахмутинской культуры VI – VII вв.

По материалам Бирского могильника.
Художник Р.Г. Байназарова

Реконструкция убранства башкирского коня.

По материалам курганов IX – X вв.
Художник Р.Г. Байназарова

Реконструкция костюмов жителей города Башкорт.
Костюмы могли быть сшиты из среднеазиатского шелка. VI – VIII вв.
Художник Д.А. Сулейманов

врагов»¹. Развалины города Сувар теперь точно известны, поэтому установлено, что «пространство пути в два дня» в средневековье составляло 70 км, т. е. 35 км в день.

Развалины Суvara сохранились лучше, и проведенные раскопки позволили сделать реконструкцию оборонительных линий. Эта реконструкция дает представление о первоначальном виде крепостных стен не только болгарских городов, но и башкирских на Южном Урале, так как внешне они вряд ли отличались друг от друга. Город был окружен высоким земляным валом, по верху которого шел ряд частокола из вертикально поставленных бревен с заостренным верхним концом. Рядом шел глубокий и широкий ров, куда были вбиты колья – бревна острием вверх. К нему примыкал высокий и широкий основной земляной вал, поверху которого располагалась деревянная стена из двух рядов сруба шириной до 4 м. Через определенное расстояние в этой стене были построены деревянные башни, намного возвышавшиеся над ней².

Известно, что в X в. Сувар и Болгар постоянно соперничали друг с другом за право называться столицей. Об этом свидетельствует факт чеканки собственных монет в обоих городах, но с 70-х гг. X в. лидерство прочно утвердилось за Болгаром.

Третьим, крупным городом Волжской Болгарии, был город Биляр, расположенный на р. Черемшан. Впервые в русских письменных источниках (Лаврентьевская летопись) он упомянут в 1164 г. под названием «Великий город». Второй раз в русских летописях о нем говорится по поводу похода русских князей 1184 г. во главе с Владимирским князем Всеволодом в Волжскую Болгарию. «Приде в землю болгарскую и высед на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчин городка, и перестав ту два дни поиде на третий день к Великому городу... и перешед Черемисан, в два дни наряды полки»³. В связи с походами русских князей «Великий город» упоминается в 1220 и 1229 гг., а затем в 1232 и 1236 гг., но уже в связи с приходом монголо-татар. В литературе хорошо разработан вопрос об идентификации «Великого города» с городом Биляром. Фактором, способствующим возникновению тако-

¹ Фахрутдинов Р. Г. Указ. соч. С. 47, 48, 55.

² Там же. С. 71. Рис. 10.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389, 390; Цитируется по книге: Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории... С. 93, 94.

го единому, являются грандиозные размеры города: он занимает площадь 573 га, окружен тремя рядами валов и рвов длиной 11 км, имеет мощные культурные отложения, и поэтому летописцы его достойно выделяли из остальных болгарских городов эпитетом «Великий». В восточных источниках он всегда назывался городом Буляр.

Город имеет прямоугольную форму, расположен на сравнительно ровном месте и состоит из двух частей: центральной, огороженной внутренним валом и рвом, и наружной, ограниченной двумя проложенными рядами рвов и валов. Многие исследователи утверждают, что в X–XII вв. на месте города существовало большое открытое поселение, о чем свидетельствуют находки культурного слоя¹. Где-то в середине XII в. здесь были построены оборонительные линии и, таким образом, возникает город-крепость. В целом, размеры, форма и обстоятельства возникновения придают Биляру характер уникального памятника. Центральная часть, очевидно, органически соединила два необходимых элемента средневекового города – цитадель и шахристан, а основная площадь принадлежала посаду, т. е. была заселена ремесленно-торговым людом. По своим внешним признакам он не похож ни на один из известных городов Восточной Европы эпохи средневековья и отличается строгостью планировки, что является свидетельством высокого мастерства его строителей-архитекторов. Превращение открытого поселения в город с крепостными стенами историки связывают с переносом в конце XII в. столицы государства в г. Биляр. К этому правителей могли побудить участвовавшие военные набеги русских князей и просто разбойников (ушкуйников) из русских земель в г. Болгар, расположенный в открытой и сравнительно доступной местности.

С 1967 г. в городе Биляре систематические полевые работы начал вести коллектив под руководством профессора А. Х. Халикова. За этот период исследованы десятки жилых и хозяйственных сооружений, производственных комплексов (мастерских) и накоплен богатый вещевой материал. Пожалуй, самыми оригинальными являются остатки фундамента большого комплекса дворцовой мечети, состоявшего из

¹ См. книги: Исследования Великого города. М., 1971; Культура Биляра. М., 1985; Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985; Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979; Посуда Биляра. Казань, 1986 и др.

деревянного и белокаменного залов, кирпичного дома и других общественных зданий. Значительный объем накопленных материалов уже введен в научный оборот¹.

С самого начала появления информации о результатах Билярской археологической экспедиции в 1972–1975 гг. она вызвала большую дискуссию на страницах журнала «Советская археология»². Споры возникли в связи с попытками А. Х. Халикова дать свою интерпретацию материалам раскопок и серьезным искажением как истории города Биляр, так и всего государства Волжской Болгарии. Оппоненты обратили внимание на то, что в X–XII вв. Болгар был обыкновенным мысовым городом и в нем отсутствовали монументальные памятники из камня и кирпича. Эти аргументы еще более развернуто были повторены в 2008 г. Р. Г. Фахрутдиновым – одним из активных участников упомянутой дискуссии начала 70-х гг. XX в. Попытку приписать городу Болгар X – начала XIII в. архитектурные монументальные памятники золотоордынского времени он оценивает как «искажение истории города Болгара» и Волжской Болгарии в целом³. Материалы дискуссии не были учтены А. Х. Халиковым, а публикации коллектива Билярской археологической экспедиции развивали первоначальные взгляды своего руководителя. Концепция авторов в освещении объяснения истории города и государства, изложенная в работах, прямо затрагивает узловые проблемы истории народов Урала и Поволжья, включая историю башкирского народа эпохи средневековья, поэтому необходимо вкратце остановиться на сути этих споров.

1. А. Х. Халиков утверждал, что город Биляр возник после событий 922 г. (принятие ислама) и строился как столица Волжской Болгарии. Согласно его мнению, упоминаемый в письменных источниках город-столица Болгар и Биляр – один и тот же город. Такой взгляд фактически означает произвольное толкование источников. Выше, например, уже

¹ Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. № 3. 1973. С. 83–99; См. также: «Культура Биляра», «Посуда Биляра»...; Новое в археологии Поволжья и др.

² Фахрутдинов Р. Г. О столице домонгольской Булгарии // СА. № 2. 1974. С. 131–143; Он же. Еще раз о столице домонгольской Булгарии // СА. № 3. 1975. С. 71–79; Он же. Очерки по истории... С. 54–62, 93–97; Хлебникова Т. А. Ранний Булгар // СА. № 2. 1975. С. 120–132; Смирнов А. П. О столице государства...

³ Фахрутдинов Р. Г. Город Болгар в истории и культуре татарского народа // Город Болгар. Культура. Искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С. 5–26.

говорилось, что в источниках четко сказано, что главный город волжских болгар X – первой половины XII в. Болгар расположен на берегу р. Волги, к его пристани пристают корабли с различными товарами. Город же Биляр находится на расстоянии около 100 км от Волги, на берегах небольших речек Билярка и Елшанка – притоков р. М. Черемшан. Речь идет о разных и несопоставимых фактах.

2. По мнению А. Х. Халикова, город Биляр (Буляр) погиб в 1236 г. в результате штурма и разрушений монголо-татарами и после не восстанавливался. Данный вывод также полностью расходится с фактами и сведениями письменных источников.

В городе Биляре, как сказано выше, обнаружено много уникальных зданий из камня и кирпича, в то время как во всех источниках X–XII вв. нет ни одного упоминания о них. Все средневековые авторы, в том числе лично проживавший в Болгаре в XII в. ал-Гарнати, особо подчеркивают, что все строения в столице Болгар деревянные. Судя по этим сведениям, в городах Волжской Болгарии в XII в. еще не было ни каменных, ни кирпичных зданий и в Среднем Поволжье они начали возводиться в массовом порядке лишь в золотоордынское время. Примером сказанного могут служить монументальные архитектурные сооружения в г. Болгар, а также золотоордынские города-столицы в низовьях Волги.

В подтверждение предложенной им самой даты основания города Биляр в пределах X в. и его гибели в 1236 г., А. Х. Халиков приводит богатый, но разнообразный по составу археологический материал из раскопок всех лет, но почему-то ограничивая время его существования указанными рамками¹. Действительно, множество найденных предметов бытовало в период X–XII вв., но немало и тех, которые в Урало-Поволжье возникли только в золотоордынское время и продолжали существовать вплоть до XIV–XV вв. включительно. Прежде всего, это железные серпы развитых форм, широколезвийные топоры с бойком, оттянутым внутрь к топорищу, различный инструментарий, кресала, многие типы наконечников стрел, сабель, стремян, плоских гвоздей и т. п.

Уже сам этот перечень состава массовых материалов требует, чтобы при определении даты Биляра не были исключены XIII–XIV вв. При

¹ Культура Биляра... Табл. III, XIII, XIV, XXXIII, L, LIII–LV, LVIII и др.

этом нарушено одно из главных требований к подобным исследованиям: если в объектах находятся вместе вещи различного времени, то возраст объектов должен быть определен по поздним вещам. При таком подходе авторы сразу же исключили бы из числа объектов X – начала XIII в. г. Биляра монументальные архитектурные памятники из камня и кирпича. Как видно из содержания данной главы, метод датировки археологов Татарстана по ранним вещам привел к необоснованному удревнению всех средневековых памятников археологических культур Среднего Поволжья, а при их интерпретации – к смещению последовательности, следовательно, искажению исторических событий.

3. Вызывает недоумение то, что А. Х. Халиков и его коллеги обошли стороной и не высказали своего отношения к тем многочисленным фактам, приведенным оппонентами – участниками упомянутой дискуссии, которые неопровержимо свидетельствуют о продолжении жизни в городе Биляре и после памятного 1236 г. В частности, ими отмечалось, что город Буляр (Биляр) не раз упоминается в письменных источниках эпохи Золотой Орды и даже позднее; он числится в списке городов, завоеванных Тамерланом в конце XIV в. На территории города найдено много золотоордынских монет. Более того, в самом городе Биляре (Буляре) в конце XIII в. чеканились золотоордынские монеты. Здесь, например, чеканились монеты при хане Туда-Менгу (1293 г.), и эти факты наглядно свидетельствуют о том, что Великий город Биляр не утратил своего столичного значения на всем протяжении XIII в.¹

4. На основе этих грубых искажений фактов А. Х. Халиков создал в исторической литературе теорию панболгаризма, где главной является идея полного отождествления населения Волжской Болгарии с поволжскими татарами. Однако история развивалась по своим законам. Как свидетельствуют письменные и другие источники, население Волжской Болгарии было разноэтничным, и оно распалось на различные группы, часть которых вошла в состав башкир, удмуртов, мордвы, марийцев.

Суварская группа племен, как сказано выше, легла в основу сложения чувашского народа. Территория бывшего государства Волжская Болгария после 1236 г. на правах самостоятельного улуса полностью

¹ Мухаммадеев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XIII–XV вв. М., 1983. С. 17, 18; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 12.

вошла в состав Золотой Орды. Сюда вместе с монголо-татарами приходят новые группы кочевых племен (кыпчаки), которые, смешавшись с оставшимися на месте болгарами, образовали ядро окончательно формирующегося этноса волжских татар. В консолидации предков современного татарского народа в рамках единой народности роль Золотой Орды была более весомой, чем это представлено в работах сторонников болгарской теории происхождения. То же самое наблюдается в процессе окончательного формирования башкирского народа.

Помимо трех названных, в письменных источниках XII – начала XIII в. упоминается ряд других городов. Таковы, например, города Тетюши, Хулаш, Ошель, Джукетау, Нухрат и другие¹. На территории Волжской Болгарии известно 160 городищ, многие из которых существовали в ранге средневековых городов-крепостей. Вблизи них открыты остатки более 300 неукрепленных селищ, где культурные напластования достигают 1 м. Это говорит о прочной оседлости населения.

Крупные города являлись местом сосредоточения мастеров-ремесленников различных профессий: оружейников, гончаров-керамистов, ювелиров, кузнецов-металлургов и т. п. Для них характерна высокая степень специализации, о чем свидетельствует стандартизация и широкое распространение готовой продукции среди народов Урало-Поволжья. Сюда можно отнести, например, косы-горбуши, серпы, лемехи, сошники и другие земледельческие орудия труда. Основная часть товаров реализовывалась через рынок. Болгарские ювелиры в совершенстве знали различные методы литья, технику скани, черни и эмали, что позволяло выработать собственные оригинальные формы предметов украшений.

Высокий уровень производства и культуры позволили занять Волжской Болгарии достойное место среди развитых государств Европы и Востока. Известно, что болгары поддерживали торговые, дипломатические и иные связи на различном уровне с русскими княжествами, Дунайской Болгарией, Венгрией. Что касается связей с югом (Средняя Азия, Арабский Халифат), то они получили еще более широкий размах после принятия ислама. Прочно усвоив передовую научную, философскую и художественную литературу Востока и Запада, Волжская Болгария создала собственную

¹ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху... С. 208–210; Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории... С. 10. Рис. 1; Он же. Археологические памятники... С. 190, 191 и др.

научно-литературную школу. Одним из ее представителей был Якуб ибн Ногман ал-Болгари, башкир по происхождению, проживавший в городе Биляре (умер в 1165 г.). Он является автором не дошедшей до нас книги «История Болгарии». Очевидно, данный труд был известен ал-Гарнати, который подчеркнул, что многое о болгарях он почерпнул из упомянутого труда ал-Болгари¹. Он был известен также Казвини и другим современникам, которые сохранили о нем свои упоминания. На основании этих сведений ал-Болгари вошел в текст Исламской энциклопедии, изданной в 1942 г. в Стамбуле².

В своем труде ал-Гарнати приводит интересный рассказ о болезни жены болгарского хана. В этот момент к ним «приезжает один человек из мусульманских купцов... из Бухары, а он был факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился недуг так, что они стали оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить Вас и Вы поправитесь, то примите мою веру». Оба они сказали «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны»³.

Большой знаток башкирской, татарской и болгарской литературы академик Г. Б. Хусаинов считает, что вышеприведенный сюжет мог присутствовать в труде ал-Болгари «История Болгарии», откуда через много поколений был заимствован и развит в творчестве поздних башкирских писателей и историков Хисаметдина Муслими, Тажетдина Ялсыгула и Гали Сокороя. На этом основании он приходит к заключению, что «История Болгарии» Ал-Болгари имела популярность у народов Урало-Поволжья и целые ее куски, разделы как легенды передавались из поколения в поколение и заимствованы башкирскими шежере.

Средневековые археологические памятники Восточного Татарстана пока изучены слабо, поэтому сейчас трудно определить границу расселения между болгарями и башкирами⁴. При выяснении этого вопроса мы можем прибегнуть к ретроспективному методу анализа.

¹ Путешествие Абу Хамиди ал-Гарнати... С. 31.

² Энциклопедия ислама. XIII. Стамбул, 1942. С. 328; Ссылка по книге: Башкорт эзэбиэте тарихы. Т. 1. Өфө, 1990. 87-се б.

³ Путешествие Абу Хамиди ал-Гарнати... С. 31; Башкорт эзэбиэте тарихы. Өфө, 1990. 88-се б.

⁴ Археологическая карата Башкирии. М., 1976. С. 182.

Так, например, с момента добровольного вхождения Башкортостана в состав России во всех документах территория Восточного Татарстана являлась исконной территорией расселения бугульмино-мензелинской группы башкир, отошедшей в состав Татарстана в 1920 г. Конечно, сложение данной этнической группы башкир произошло задолго до XVI в. и включает более ранние века (VI–XII). При таком подходе к исследуемой теме башкирскими или, скорее всего, башкиро-болгарскими следует признать Больше-Тиганский могильник IX–X вв. город Биляр. Кстати, в центре мензелинской группы башкир находятся городища Елабуга, Чаллы, Кочара сейчас придан статус раннесредневековых городов. У нас есть полное основание рассматривать их как башкиро-болгарские города.

В целом тема о башкиро-болгарских отношениях очень сложная и ее освещение нуждается в накоплении комплекса всех источниковых материалов. Здесь мы ограничились лишь постановкой вопроса.

ГЛАВА X БАШКОРТОСТАН В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Чингисхан – основатель империи монголов. В XIII–XIV вв. башкирскому народу, как и всем народам Сибири, Казахстана, Средней Азии, Восточной и Центральной Европы, пришлось пережить серьезнейшее испытание в связи с завоевательными походами татаро-монголов.

Держава татаро-монголов возникла в Центральной Азии, где в XI–XII вв. шел глубинный процесс развития феодальных отношений, скотоводства, земледелия и различных ремесел. Археологические исследования подтверждают, что к началу XIII в. в Монголии существовала сеть развитых городов, застроенных великолепными дворцами из кирпича, покрытых сверху облицовочным материалом.

Культура татаро-монголов, судя по накопленным фактам, своими генетическими корнями восходит к развитой культуре народов Центральной Азии эпох Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов и является логическим ее продолжением. Например, известно, что в столице Каракоруме дворцовую площадь Угедея украшали, как в тюркскую и последующую эпохи, каменные стелы, вставленные в пазы спин гигантских черепаш. «Города, подобные Каракоруму, были той базой, на которой зиждились успехи войск монгольских кланов, главным образом металлургической базой Чингисхана и Угедея»¹. Экономический подъем и стремление народов региона к политической консолидации удачно использовала правящая знать, избрав в 1206 г. на курултае (совет представителей аристократии кочевых племен) Тимучина-Чингисхана – умного и талантливого государственного дея-

¹ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья М., 1981. С. 229, 230.

теля – своим верховным вождем. За короткий период ему удалось объединить в рамках единого государства кочевые, полукочевые монголо-тюркоязычные народы Монголии, провести реорганизацию армии и политического устройства общества, подчинив все созданию мощного централизованного государственного аппарата с жесткой дисциплиной. Когда была провозглашена идея создания мировой империи, подчиненные охотно пошли за своим повелителем, желая приобрести новые земли, скот, рабов и сказочные богатства.

В основу созданного Чингисханом государства был положен принцип военной организации. Вся территория вместе с населением делилась на три военно-административных округа: правое крыло (барунгар), левое крыло (джунгар) и центр (гол). Каждый округ делился на тьмы (тумены), состоящие из десяти тысяч человек, тысячи состояли из десяти сотен, а сотни – из десяти десятков. Всего, согласно «Сокровенному сказанию», Монголия была поделена на 95 «тысяч», розданных во владение родственникам и сподвижникам Чингисхана¹. Этот же принцип административного деления татаро-монголы устанавливали во вновь присоединенных землях.

Принципы государственного устройства империи монголов были изложены в своде законов (постановлений), утвержденных на общемонгольском курултае 1206 г., а затем пересмотренном в 1218 и 1225 гг. В этих правилах, называемых по-монгольски Яса (Йосун), строжайше регламентировались нормы поведения всех жителей империи. Для читателя будет небезынтесным содержание некоторых статей Ясы:

– Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – хан или каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным именем.

– Всякого, кто превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должны убивать без малейшего сожаления.

– Воины берутся не моложе 20 лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

– Чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит

¹ Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.; Л., 1941. С. 158.

вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, казнить всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнуть в оковы и наказать¹.

Чингисхан, его преемники и их окружение установили в империи обстановку военно-политического террора, когда любое малейшее отступление от ясы беспощадно каралось вплоть до массового истребления людей.

Попутно следует вкратце остановиться на историографии вопроса об оценке роли и места личности Чингисхана и его преемников, прежде всего правителей Золотой Орды в мировой истории. Отечественные историки в целом оценивали их как завоевателей-разрушителей. Но, тем не менее, есть и другие оценки. Общепринято, что Чингисхан – выходец из монгольской этнической среды и монголы считают его основателем великой монгольской империи. В таком же статусе его возвеличивают китайцы, о чем свидетельствует недавняя постройка в Пекине мавзолея Чингисхана. Он включен в число великих китайских императоров.

Возникла и третья версия по этому вопросу. Современные казахские историки считают, что организаторами великого курултая 1206 г., где Тимучин из рода кият был провозглашен великим ханом и получил имя Чингисхана, были племена кият, меркит, талаир и аргын, которые являлись казахскими родами и потомки которых до сих пор пребывают в составе казахского народа. Следовательно, утверждают сторонники данного мнения, Чингисхан был казахом и ему отводят роль великого основателя казахской государственности². В связи с этим обстоятельством в ближайшее время следует ожидать оживления дискуссии об оценке наследия Чингисхана в мировой истории.

Место завоевательных походов татаро-монголов и созданного ими государства, в том числе Золотой Орды в мировой истории в советской исторической науке получило неоднозначную оценку. Как в любом, а тем более в сложном историческом явлении, прослеживаются как негативные, так и прогрессивные черты. А последнее проявлялось не в происходящих тогда событиях, а в их результатах. В частности, мы не можем классифицировать исторический путь, пройденный народами,

¹ *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы европейских степей. СПб., 2004. С. 188.

² *Жумагулов Е.* Кому достанется Чингисхан // *Известия.* 2003. 4 окт.

населявшими Золотую Орду, в числе которых были и башкиры, как шаг назад в ходе поступательного развития истории.

Первые завоевательные походы татаро-монголы совершили в 1207–1208 гг., когда были подчинены енисейские кыргызы и другие народы Южной Сибири и Восточного Казахстана. Возглавил их старший сын Чингисхана Джучи¹.

В 1208–1209 гг. основные силы монголов во главе с самим Чингисханом направились против тангутского государства Си Ся, а затем (1211–1215 гг.) – против Китая. Многие народы, в том числе часть уйгуров, предпочли сопротивлению грозному врагу добровольное признание его власти. С 1214–1215 гг. начинается подготовка к кампании Чингисхана на Западе – в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Она выразилась в сборе информации разведывательного характера о будущем противнике. Попутно распространялись всякие слухи, чем создавалась обстановка паники. Известно, что лето 1219 г. Чингисхан во главе огромного войска провел в степях Южной Сибири и его ставка находилась где-то на Иртыше. Это было началом широкой кампании на запад. Оттуда он направился на юг Казахстана, осадил знаменитый город Отрар, а подвижные отряды поспешили на юг. К началу 1220 г. вся территория Казахстана и Средней Азии была уже покорена, после чего войска монголо-татар переключились на завоевание Афганистана, Индии и Ирана. 30-тысячная подвижная армия под командованием Субэдэя в 1220 г. вторглась на Кавказ, откуда вышла в степи юга Восточной Европы, где в 1223 г. состоялось знаменитое сражение на р. Калка против объединенных сил русских княжеств и их союзников.

Вышеприведенный перечень событий 1219–1223 гг. не отражает масштаб народной трагедии, разрушений, которыми сопровождалась эти завоевательные походы татаро-монголов. В документах, написанных современниками этих событий, подробно описаны сцены осады, штурма городов на юге Казахстана и Средней Азии. Если население оказывало хоть малейшее сопротивление, то все подлежало полному истреблению; известны отдельные случаи, когда город сдавался добровольно, тогда жители выводились за город, определенная часть истреблялась, а другая перегонялась в другие города для засыпки рвов

¹ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. С. 115; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Указ. соч. С. 200.

вокруг крепостных стен. Судя по документам, такую политику Чингисхана разделяли не все его приближенные; в частности, она вызывала недовольство у старшего сына Джучи¹. Впрочем, эти признаки сожаления у Джучи были вызваны тем, что после кампании 1207–1208 гг. земли Сибири, Восточного и Центрального Казахстана были выделены в самостоятельный улус и переданы ему на управление. По результатам военных действий 1219–1220 гг., западные границы улуса Джучи практически расширились вплоть до левобережной Волги. Будучи на правах улусного хана, Джучи, вероятно, хотел получить города невредимыми.

Имеются достоверные источники, которые указывают, что часть башкир была покорена монголами в период 1219–1223 гг. Таковым, например, является свидетельство венгерского монаха Юлиана о поездке в страну башкир в 1235–1236 гг.

Во время своего второго путешествия (1236 г.) Юлиан действительно побывал среди башкир, что особо им подчеркивается. Из рассказов самих башкир он узнал, что башкиры 14 лет сопротивлялись татаро-монголам, после чего вынуждены были признать их власть. Об этом красноречиво говорят следующие слова Юлиана: монголы «избрали их (т. е. башкир. – *Н. М., А. С.*) в друзья и союзники» и заставили участвовать в своих завоевательных походах². Об установлении тогда союзно-дипломатических отношений башкир с монголами свидетельствует присутствие при башкирском хане монгольского посла³. Данное сведение дополняет его соотечественник Иоганка, побывавший среди башкир уже в 1320 г. Он пишет о башкирском хане, его фанатично преданном исламу окружении и монгольских судьях, в руках которых, очевидно, находилось судопроизводство⁴. Рассказы Юлиана и Иоганки дают основание утверждать, что вхождение башкир в империю Чингисхана в начале XIII в. носило, в целом, договорной характер и им было разрешено иметь свое государственное управление во главе со своим ханом.

Во вновь включенных землях, приобретенных силой, татаро-монголы никогда не оставляли местных правителей: их либо казнили,

¹ Золотая Орда в источниках. М., 2003. С. 250, 251.

² Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 85.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 92.

либо отправляли в качестве пленников в Орду¹. Так, например, были казнены все половецкие и кыпчакские ханы, а башкирам же было сделано исключение ввиду добровольного характера их подчинения.

Все-таки возникает вопрос: когда же это событие произошло? В распоряжении историков имеется ряд источников, позволяющих уточнить примерный год вхождения башкир в состав империи татаро-монголов. Одним из таких документов является книга «Сокровенные сказания монголов», которая представляет своеобразную летопись важнейших событий в империи и была составлена к 1240 г. В ней среди народов, покоренных при жизни Чингисхана, перечислены башкиры². Данное сведение находит подтверждение в сообщении персидского автора Казвини, где говорится, что Чингисханом Джучи «вверены были область Хорезм, Дейт-и-Хазар... башкирды»³. Так как Джучи и Чингисхан умерли в 1227 г., упомянутое событие произошло раньше, но после присоединения земель Хорезма, т. е. после 1219 г. Несколько иного мнения по данному вопросу придерживался А.-З. Валиди: он полагал, что завоевание татаро-монголами страны башкир произошло в 1207 г., в первый год военного похода Джучи в Сибирь⁴. Л. Н. Гумилев это событие относит к 1220–1235 гг.⁵

У нас есть основания утверждать, что события 1219–1223 гг. в Казахстане и Средней Азии прямо коснулись территории Башкортостана. Например, в сочинении Абу-л-Гази (XIII в.) в рассказе о преследовании войск хорезмшаха имеется следующий сюжет: «кыпчакский народ собрался, произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам»⁶. Какая-то группа башкир уже тогда называлась иштяками и поэтому в данном случае речь, скорее всего, идет о Южном Урале, приютившем беженцев из Средней Азии. Кстати, в ранней, легендарной, части генеалогии юрматинских башкир в качестве одного из древ-

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 27, 28, 41.

² Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 191, 192, 194.

³ Золотая Орда в источниках. С. 274.

⁴ Туған Ә. В. Башкорттар тарихы. Өфө, 2005. 33-сө б.

⁵ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 459.

⁶ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.

нейших предков назван Иштяк¹, имя которого могло иметь прямое отношение к возникновению этнонима иштяки. Если эта версия окажется верной, то упомянутого Иштяка можно отнести к числу известных лидеров башкир домонгольского времени (IX–XII вв.).

На основе изучения «Родословной туркмен» Абу-л-Гази Хивинского академик А. Н. Кононов сделал заключение о том, что «Джучи, взяв в плен всю кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакской юрте. Из монгольской страны он переселил сюда всю семью и все или, которые дал ему отец². Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт». Многие кыпчаки ушли в степи правобережной Волги. Отсюда следует, что территория Южного Урала окончательно вошла в состав улуса Джучи.

По данному вопросу есть собственно башкирские источники, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей. Это – башкирские шежере и исторические предания, которые подтверждают выше изложенное мнение о договорном, в целом, характере установления взаимоотношений между башкирами и татаро-монголами.

Самым полным является шежере усерганских башкир, сохранившееся в нескольких вариантах. В шежере повествуется о Муйтен-бие, который от имени башкир с большими подарками ездил к Чингисхану, добился его расположения, за что был прозван «башкорт халкы бабасы», т. е. самым почитаемым аксакалом башкирского народа. В стихотворном варианте шежере, в частности, сказано:

23. Нагрузив пять пар верблюдов (подарками),
24. Он ездил к Чингисхану.
25. Хан оказал ему почести,
26. Посадил его рядом с собой.
27. Получил он похвалу от хана,
28. Визиром сделал его (хан) за жизнерадостность,
29. Во всем угождал падишаху,
30. Украшал его окружение,
31. Оказывал ему много почестей и уважения,
32. Если (хан) говорил пой – (он) пел,
33. Если просил рассказывать – рассказывал.

¹ Башкирские родословные (шежере). Уфа, 2002. С. 173, 220.

² Кононов А. Н. Указ. соч. С. 44.

34. Каждое желание (хана) он исполнял.

35. Вернувшись оттуда, Муйтен-бий

36. В своей стране был бием¹.

В другом варианте стихотворная форма перемежается повествовательной, в историческом плане он более богат сведениями. В нем подтверждается мысль о том, что Муйтен-бий с богатыми дарами ездил к Чингисхану. «Придя к нему и по мирному признавая его власть над собой, – говорится далее, – вручил Чингисхану множество дорогих подарков и получил от него ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по Уралу, Яику и Сакмарю»².

В полученном ярлыке сказано следующее: «Муйтену сыну Туксаба дано право на владение. До конца жизни быть ему бием, бием будет один из его сыновей. Так из поколения в поколение никому, кроме внуков и правнуков (потомков) Муйтена, (это право) отдано не будет. Каждый из них будет владеть без избрания вечно, это право дается роду Муйтена, роду Туксаба»³.

Далее приводится определение внешних границ земель, на которые Муйтен-бий получил грамоту (ярлык). В нем сказано: «С верховьев Акидели до устья со всеми малыми и большими притоками ее, с долинами и лесами по ним, восточные склоны Уральских гор, протекающие вблизи них река Ишим и ее притоки Ирман, Иртыш, все реки, впадающие к ним, со всеми лесами и полями; еще верховья реки Яик с горами Ялпы, оба берега реки Яик. Земли по восточному берегу реки Яик до реки Тубыл и со всеми притоками реки Яик, с долинами, лесами и полями, со всеми богатствами в недрах земли, со всеми местами летовок и зимовок – вечно»⁴.

Шежере содержит сведения о генеалогии Муйтен-бия. Она начинается так: Баба Төкләс – Тырма – Казансы – Ишлам кыя – Кара кыя – Көтлөг кыя... – Туксаба – Мөйтән-бей – Шакмаклы (Шығалы)-бей – Бүркә (Бүрәкә)-бей – Чәркә (Сәркә)-бей – Манғут – Урал-бей – Арпан-бей – Тимер Карый буға-бей – Карас-бей –

¹ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 81–87.

² Хөсәйенов Ф. Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 55.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же.

Сарбаш-бей – Сарыш-бей – Ябынсы Ясаул – Үсәргән¹. В перечне имен предков и потомков Муйтен-бия в вариантах шежере есть определенные расхождения. Но в целом она показывает династию башкирских ханов примерно X – начала XIII в.

В связи со сказанным следует остановиться на вопросе о том, почему Муйтен-бий назван бием, хотя территория, которую он получил в вечное владение, обширна и в несколько раз превышает территорию Волжской Болгарии X–XII вв. Ответ прост: в империи монголов ханом называли только Чингисхана и его прямых преемников. По масштабам же владений, численности населения Муйтен-бий фактически являлся крупным правителем – ханом.

Сопоставление известных уже исторических событий позволяет нам высказать предположение о том, что встреча башкирского хана Муйтена с Чингисханом, скорее всего, состоялась в 1219 г., когда владыка мира находился очень близко от Урала. Установление договорных отношений спасло башкир от физического истребления.

Согласно сведениям Юлиана, башкиры после добровольного вхождения в состав империи Чингисхана участвовали в военных операциях татаро-монголов, в частности, в покорении 15 царств. Л. Н. Гумилев под 15 царствами подразумевал Камскую Булгарию, Меровию², Пойдовию, Ведин, царство мордаков (мордвы), с чем трудно согласиться. Названные страны были завоеваны в ходе операции 1236 г. и после нее, а сообщение Юлиана заставляет думать, что привлечение башкир к военным действиям состоялось задолго до 1236 г. Скорее всего, оно происходило в ходе войны против народов Южного Казахстана и Средней Азии. Подтверждением данного положения служит сообщение персидского автора XVI в. Гаффари о том, что «Чингис во время похода против таджиков (в 1220–1221 гг. – *Н. М., А. С.*) дал ему [Джучи] (во владение. – *Н. М., А. С.*) Дешт-и-Кипчак и Хорезм до Крайнего Севера», т. е. лесных районов Восточной Европы и Сибири³.

Историческая судьба западных башкир была тесно связана с Волжской Болгарией, и их покорение монголо-татарами происходило в ходе европейской кампании.

¹ Хөсәйенов Ф. Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 58.

² Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 459.

³ Золотая Орда в источниках. С. 394.

Первое подобное событие произошло в 1223 г. вскоре после знаменитого сражения на Калке, когда уцелевшие татаро-монгольские воины возвращались в ставку на Иртыше. По свидетельству современника этих событий Ибн-ал-Асира, болгарам при переправе через Волгу удалось организовать засаду татаро-монголам. Похоже, эта была бойня. У монголов тогда спаслась лишь небольшая часть¹. Свой поход в Волжскую Болгарию монголы повторили в 1229 г. Этот поход был задуман как широкая операция против непокорных народов прикаспийских степей – кыпчако-половцев, саксинов и болгар. Как рассказывают древнерусские летописи, в том году под натиском татаро-монголов в пределы Волжской Болгарии бежали половцы, саксины и сторожевые военные отряды болгар («и сторожевые болгарские прибегоша бьени от татар близ реки, ей же имя Яик»)². Из этого описания видно, что сражение монголов с авангардом болгарского войска состоялось на Яике, где-то на территории Исторического Башкортостана IX–XII вв.

По-видимому, к событиям 1223 и 1229 гг. относится следующий раздел «Сокровенных сказаний» монголов: «Встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему (Субэдэю. – Н. А., А. С.) было поручено Чингисханом, а именно: Канлин (канглы), Кибчаут (кыпчаки), Бачжигат (башкиры), Орусут (русские), Асут (ассы-осетины), а также и городов за многоводными реками Адиль (Итиль) и Чжаях (Яик)»³.

После похода 1229 г. монголо-татарские войска остались в южно-уральских степях, и они были превращены в плацдарм для подготовки дальнейшей агрессии против Волжской Болгарии и русских княжеств.

Третий раз широкое наступление против Волжской Болгарии татаро-монголы совершили в 1232 г. В древнерусских летописях по этому поводу сохранилась следующая запись: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедшее Великого града Болгарского»⁴. Вновь ареной военных действий стала территория расселения башкирских племен, и, благо-

¹ Золотая Орда в источниках. С. 27; Черепнин Л. В. Татаро-монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 182; Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 501.

² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 183.

³ Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. С. 191, 192.

⁴ ПСРЛ. Т. I. 1962. С. 459 // По кн.: Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 124.

даря коллективным усилиям союзных народов от территории Волжской Болгарии, страшная угроза уничтожения была отодвинута на три года.

Между тем предстоящая война в государстве волжских болгар не была неожиданностью, к ней форсированно готовились. Раскопками установлено, что в городе Болгаре строилась новая линия укреплений, обновлялись старые¹. Аналогичные подготовительные работы к будущей обороне города велись в Великом городе Биляре. Здесь дополнительно укреплялись внешняя и внутренняя линии обороны. По рекам Кондурча, Б. Черемшанка на южных рубежах в башкирских землях возводились огромные земляные валы, которые, очевидно, служили опорными пунктами для сторожевых отрядов болгарской армии². Для этих целей могло использоваться Сакмарское городище недалеко от города Оренбурга на р. Яик, существовавшее в период VII–XII вв. Поздний слой памятника представлен болгарской керамикой на гончарном круге.

С целью конкретизации тактики и стратегии против народов Европы в Каракоруме в 1235 г. был проведен очередной курултай, где Великий хан Угедей, пришедший на престол после смерти Чингисхана (1227 г.), во главе отрядов объединенной армии назначил старших сыновей. Рашид-ад-Дин приводит имена командующих армиями: «Царевичи, которые были назначены на завоевание Кыпчакской степи и тех краев, были следующие: из детей Тулуй-хана старший сын Менгу-хан и брат его Бучек; из рода Угедей-каана старший сын, Туюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатая – Бури и Байдар и брат Каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шейбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдэй-бахадур и несколько других эмиров. Они все сообща двинулись весной бечин-иля, т. е. года обезьяны, который приходится на месяц джумад. II 633 г. х. (=11.2–10.3.1236 г.), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом, которые тоже были назначены в те края»³.

По словам летописца монголов Джувейни, «в пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела,

¹ Кавеев М. М., Полубояринова М. Д., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А., Шарифуллин Р. Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Болгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 62.

² Халиков А. Х., Халиуллин И. Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Болгарию // Волжская Болгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 8.

³ Золотая Орда в источниках. С. 406.

и от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Он же сообщает, что «сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был еще в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им, жителей его (часть) убили, а частью пленили»¹. Это же событие эмоционально описано в древнерусских летописях так: «Безбожнии татары взяли славный город Болгарский, сожгли его, предали смерти многих жителей от старца и до юного и до сушаго младенца», захватили «Товара множество» и «всю землю их плениша»².

Проведенные раскопки подтвердили правдивость рассказов летописцев о больших разрушениях в болгарских городах, нанесенных татаро-монголами. В городе Биляре, например, выявлены мощные следы пожарища, кости людей в культурном слое, в оборонительных линиях (рвы, валы), человеческие черепа в колодцах. По мнению авторов раскопок и публикаций, все это связано с последними минутами жизни Биляра³.

Был сожжен и город Болгар – первая столица государства. В нем также четко прослежен мощный слой пожарища, связываемого с событиями осени 1236 г. Но, как считают авторы раскопок, к моменту штурма город был пуст, так как жители покинули его, спасаясь в малозаселенных лесных районах Прикамья⁴. При отсутствии сопротивления со стороны жителей город был сожжен монголо-татарами «для примера подобным им», для устрашения накануне вторжения в русские земли.

Вернемся к событиям в Башкортостане. Согласно историческим преданиям, события 1219–1242 гг. в основной части страны не вызвали серьезных потрясений. В исторической легенде «Акман-Токман» говорится, что «каждый род, аймак имел свое место на весенних, летних, зимних и осенних стойбищах. Но вот нагрянула с востока странная черная рать. Было это летом. Все люди, вся скотина были на яйляу, в лесу, в горах, в долинах рек. Через башкирскую землю

¹ Золотая Орда в источниках. С. 258, 259.

² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 184.

³ Халиков А. Х., Халиуллин И. Х. Указ. соч. С. 14–21; Хузин Ф. Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 43–58; Халиков А. Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 82–98.

⁴ Кавеев М. М., Полубояринова М. Д., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А., Шарифуллин Р. Ф. Указ. соч. С. 61, 62 и др.

шла только часть вражеской рати. Основные силы проходили южнее, по приицким землям»¹. Эта легенда посвящена борьбе башкирского народа против татаро-монголов, поэтому в приведенном отрывке красочно описана мирная жизнь основной группы башкир 1236 г.

В распоряжении ученых имеются источники о том, что татаро-монголы в Западном Башкортостане устроили массовое истребление и грабежи. Это происходило на землях по Ик, Мэллэ, Минзели, т. е. по левобережью Белой и Камы, где проживали башкирские племена байляр, буляр, юрмийцы, иректинцы². Очевидно, эта группа находилась в союзнических отношениях с Волжской Болгарией и оказывала ей всяческую поддержку.

В исторической легенде «Биксура» это событие рассказано следующим образом: «В тех местах кочевали башкирские роды байляр и буляр. Жили они привольно... Когда же через их земли прошел Батый со своим войском, мирной спокойной жизни башкирских родов пришел конец. Хан шел покорять страну болгар и по пути уничтожал башкирские племена, грабил их. Особенно много бед испытал род Карагай-атайцев, кочевавший между реками Минзели и Ик. За неповиновение предводителя ханского войска седобородого Карагай-атая высекли перед всем его родом. Обезглавили всех взрослых мужчин. Женщин и девушек завоеватели пленили, захватили весь скот... Это произошло в отсутствие Биксуры – старшего сына Карагай-ата... Он поскакал к байлярам, ыласын, буре. Так он собрал егетов, готовых пройти сквозь огонь и воду, и выступил против войска Батый-хана. Выследил и уничтожил врагов. Первое наступление Батый-хана на булгар было сорвано. ... Скончался от ран, полученных в одном из сражений, состоявшихся через год»³.

Такие карательные операции татаро-монголы, очевидно, проводили повсюду в районах расселения западных башкир, погранично расположенных с Волжской Болгарией.

¹ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 168.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 316–375. Карта 8.

³ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 166, 167. Путешествия в восточные страны... С. 47, 48.

К истории Башкортостана имеет прямое отношение еще одна крупная операция войск Батый-хана по подавлению восстания огузско-кыпчаков под предводительством хана Бошмана¹.

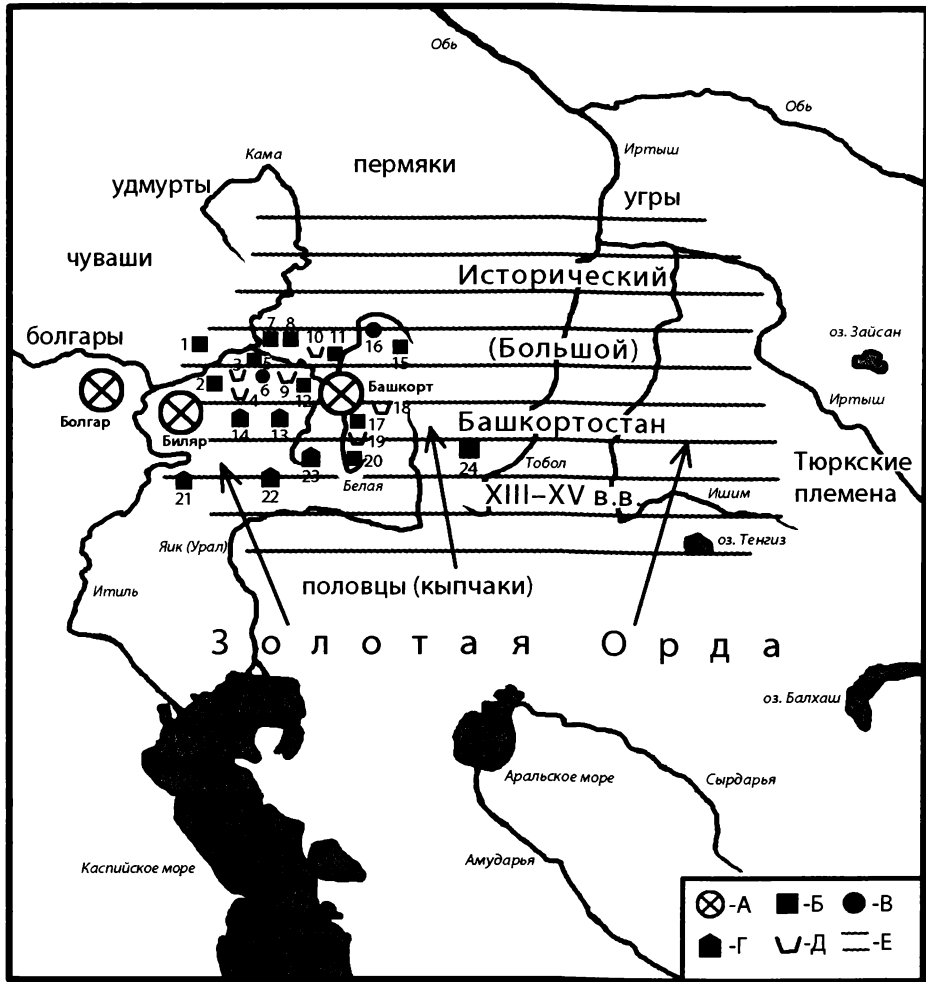
Приволжские кыпчаки в ходе начавшегося наступления татаро-монголов оказывали им упорное сопротивление. Оно продолжалось до лета 1237 г. Группа смельчаков во главе с ханом Бошманом (Бочман) была неуловима, ускользала от поражений, собирала единомышленников, вновь превращаясь в грозную силу сопротивления. Царевичу Мунке (Менгу), командовавшему южной группой батыевских войск, пришлось создать речную флотилию из 200 судов и начать облаву по обоим берегам Волги, чтобы расправиться с группой Бошмана. Поиски вывели преследователей на небольшой остров в середине Волги, где укрывался Бошман со своим отрядом. Остров был окружен, отряд уничтожен, а сам Бошман разрублен. Оставшиеся в живых бежали на Урал, к башкирам, и потомки этих беженцев сохранили этническое самосознание в своем этнониме как кыпчаки-бошманы.

Некоторые сведения о Золотой Орде. Территория Башкортостана полностью вписывается в центр государства Золотая Орда, поэтому его политическая и культурная жизнь неразрывно связана с важнейшими событиями этого государства. Данное обстоятельство обязывает авторов ознакомить читателя с основными этапами истории возникновения, развития и распада Золотой Орды. Это поможет ему лучше понять особенности этнополитической истории Башкортостана XIII – начала XV в.

В ноябре 1241 г. неожиданно скончался верховный каан монголов Угедей, и это известие заставило Батюгу приостановить военные действия в Центральной Европе и вернуть свои войска в урало-поволжские степи. Все историки сходятся во мнении о том, что смерть Угедея послужила поводом для приостановления наступательных операций на западе: армия, несмотря на достигнутые успехи, в ходе семилетних кровопролитных боев была сильно потрепана и нуждалась в серьезном отдыхе.

После окончания боев Батый-хан едет в Монголию и возвращается оттуда только весной 1243 г. Свою ставку он расположил в городе Болгар, который, таким образом, стал первой столицей вновь образованного государства. Год возвращения Батый-хана в город Болгар принято

¹ Золотая Орда в источниках. С. 259, 260; Башкирское народное творчество... С. 167.

Карта № 11 Исторического (Большого) Башкортостана эпохи Золотой Орды (XIII – начало XV вв.): а – города Болгар, Биляр, Башкорт, б – городища, в – селища, г – могильники, с – примерная граница Исторического Башкортостана; 1 – Елабужское городище (город), 2 – Чаллинское городище (город), 3 – Такталачукский могильник, 4 – Азметьевский могильник, 5 – Ильчебаевское городище, 6 – Чиаликское городище, 7 – Усть-Бельское городище, 8 – городище Тратау, 9 – Кушулевский могильник, 10 – Резяповский могильник, 11 – Караабызское городище, 12 – крепость Кунгират, 13 – мавзолей Хусейнбека, 14 – мавзолей Турахана, 15 – городище Турналы, 16 – Янгантауское селище, 17 – Охлебининское городище, 18 – Охлебининский могильник, 19 – могильник Шахтау, 20 – крепость Тооратау, 21 – мавзолей Типтяри, 22 – мавзолей Урал, 23 – мавзолей Бэндэбикэ, 24 – мавзолей Кисене

считать временем провозглашения улуса Батыя, известного условным названием Золотая Орда. Однако в таком понимании просматривается отсутствие логики в оценке важнейших событий в евразийских степях в первой половине XIII в., и оно нуждается в определенной корректировке.

По своему устройству Золотая Орда почти ничем не отличалась от имперского улуса: Бату как первый правитель придерживался принципов управления, утвержденных еще при Чингисхане. Вся территория государства была разделена на 12 улусов, которые составляли владения членов правящей семьи Джучидов и их приближенных. Так, например, земли между левобережной Волгой и правобережьем Яика от Камы до Каспийского моря принадлежали самому Бату-хану, а между правобережной Волгой и Доном – его старшему сыну Сартаку. Северо-Кавказские земли отошли брату Берке, а территория к востоку от Яика, Северный Казахстан и Западная Сибирь до Иртыша – другому брату Шибану. Эти границы не были устойчивыми. Вскоре после первого распределения хан Бату перевел своего брата Берке на Восточный Прикаспий. Другому брату Орде (он же Отчигин, Ичен) досталось собственное владение отца Джучи – земли по верховьям Иртыша и Центрального Казахстана. В одном из наставлений брату Шибану по пользованию своими земельными угодьями Батый-хан пишет следующее: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр, в устьях Чу и Сарысу»¹. Следует помнить, что в предложенном порядке передвижений для Шибана отражен традиционный годичный цикл кочевания скотоводов Южного Урала и Западной Сибири по маршруту юг–север–юг.

Таким образом, территория Башкортостана после 1243 г. оказалась разделенной между владениями самого Бату и его брата Шибана.

Факты свидетельствуют, что в Башкортостане, как и в других регионах Золотой Орды, произошли следующие кардинальные изменения: а) приход на Южный Урал новых групп кочевых племен и произошедший передел земельных угодий между пришельцами и местным башкирским населением; б) возрастание роли кочевого скотоводства в общем хозяйственном балансе региона и в) постепенная потеря баш-

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 57.

кирами тех минимальных льгот, которые они получили в результате принудительно-добровольного характера вхождения в состав улуса Джучи, и превращение их в обычное зависимое население.

Татаро-монголы и пришлые вместе с ними кочевые племена – кыпчаки – не были приспособлены к ведению скотоводческого хозяйства на Урале с заготовкой кормов и поэтому сразу же после завоевания превратили в абсолют тысячелетний опыт скотоводов спускаться на зиму в приаральские, сырдарьинские и прикаспийские зимники, а на весну и лето вновь подниматься на север, в предгорные и горные пастбища Урала, Прикамья, богатые растительностью. При такой системе местное население привлекалось для выполнения различных повинностей, в частности, по уходу за скотом своего феодала. Существование меридианальной системы кочевания теперь фактически превратилось в своеобразную форму утверждения власти татаро-монголов над башкирами.

Потерю земельных угодий в степной зоне башкирские племена старались компенсировать расширением своих владений на севере. Тогда возникли маршруты их кочевий от устья Уфы до Камы, о чем имеются упоминания в эпосе «Алдар и Зухра»¹. Появление группы башкирских племен на Средней Каме до уровня современной Перми, видимо, относится именно к этому времени. Археологически это может быть увязано с появлением в Кунгурском крае кочевнических захоронений в местности Селянино с вещами XIII–XIV вв.² Происходит плотное заселение горно-лесных и лесных районов Южного и Среднего Урала. Все это способствовало еще большему возрастанию роли южноуральского региона как самостоятельной культурно-хозяйственной зоны.

В вышеприведенных словах Плано Карпини о том, что хан указывал «где пребывать вождям (темникам), вожди же указывали места тысячникам» и т. п., раскрыт главный принцип хозяйствования и соподчинения в военном государстве Золотая Орда. Как показывают источники, в реальной жизни различным должностям соответствовали определенные земельные угодья и права. Темники, например, получали такое количество хозяйств, которые могли выставить 10 000 воинов, тысячники соответственно – 1 000, сотники – 100 и т. п.³ При такой системе подчинения и жизнеобеспечения каждый род и племя становятся струк-

¹ Башкорт халык ижады. Эпос. Офё, 1973. Б. 172.

² Государственный Эрмитаж. Фонд археологии.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 48.

турным подразделением войска. В рассматриваемое время такие изменения претерпели многие башкирские племена, примером чему может служить племя менг («тысяча»)¹. Как подсказывает семантика этнонима менг, его предводитель, видимо, выступал в качестве тысячника.

По-видимому, примерно такую же полувоенную организацию представляли те родоплеменные группы, которые пришли на Урал в ходе татаро-монгольского нашествия и входившие в состав Золотой Орды. На основе историко-этнографических данных академиком Р. Г. Кузеевым доказано, что к их числу относятся племена кыпчаков, катайцев, табынцев, минцев, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд мелких родовых групп (канлы, туркмены, миркит и др.)².

Все население Золотой Орды облагалось налогами. Их непомерные размеры часто служили причиной многочисленных восстаний. Упомянутое выше восстание под предводительством Сураман-батыра началось после убийства ордынских нукеров, приехавших собирать с башкир предусмотренный налог³. В той же легенде есть интересное сведение о том, что вскоре после прихода татаро-монголов перераспределили между племенами всю территорию страны, «а затем каждый род и племя» получили предназначенные им тамги-знаки, оран (боевой клич), дерево и птицу». Достоверность этого подтверждается сведениями выдающегося башкирского историка Таджетдина Ялсыгула, автора «Тарих нама и Булгар». Он утверждал: «От него (Чингисхана. — Н. М., С. А.) остался среди народов обычай ставить тамгу, определять каждому его птицу и клич»⁴.

Они символизировали принадлежность человека к данному роду, племени (тамга), мифического родового или племенного героя, живую связь с окружающим миром через объекты тотемизма (дерево, птица). Смена религиозных символов, получение новых от имени монгольского хана, видимо, означали полную ломку идеологии, выработку новых понятий в общественной жизни, где на первый план выдвигалась идея господства татаро-монголов и беспрекословного подчинения им покоренных башкир.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 48, 49.

² Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 464–475 и др.

³ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 168, 169.

⁴ Соколов Д. М. О башкирских тамгах // ТОУАК. Т. XIII. Вып. 13. Оренбург, 1904. С. 25, 26; Галаятдинов И. Г. «Тарихнама и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1990. С. 133.

Одновременно это было своеобразной переписью населения, ибо, как гласит легенда, обложение башкир налогом последовало после получения тамги, орана, дерева и птицы. Существовали различные другие виды поборов. Подвластное население, например, обязано платить «десятинный» оброк и давать десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают отроков и берут одного и точно так же поступают с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. По свидетельству Плано Карпини, ясак в виде пушнины (шкуры медведя, бобра, соболя) платил «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец», – пишет он¹. «Обременительным считалось обязательство поставлять хану дойных кобыл, ибо кумыс был одним из основных продуктов питания кочевников².

Помимо выплаты натуральных налогов на башкир распространялись повинности по ведению хозяйства монгольских царевичей (пастьба скота), оказанию различной помощи государственным чиновникам (выделение лошадей, подвод, охрана имущества и т. д.).

Общественно-политическая жизнь Башкортостана в составе Золотой Орды. Узловой темой истории Башкортостана эпохи Золотой Орды является вопрос об особенностях его государственного устройства. Изложенные выше источники свидетельствуют, что Башкортостан в составе Золотой Орды представляет один из редких регионов (субъектов), сохранивших своих ханов-правителей.

От средневековых башкир сохранилась своеобразная летопись исторических событий («Тәуарихи башкорт» «История башкир»), оригинал которой хранится в научном архиве Уфимского научного центра РАН³. В ней приведена синхронистическая таблица преемников Муйтен-бия с указанием времени их проживания по отношению к известным золотоордынским ханам. Среди последних имеются малоизвестные имена, что наводит на мысль о том, что либо башкиры переименовали имена золотоордынских ханов на свой лад, либо под ними имеются в виду прозвища и удельные ордынские ханы. В начале напомним читателю потомков Муйтен-бия по варианту шежере: Баба Төкләс – Тыр-

¹ Путешествия в восточные страны... С. 55.

² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 34–42; Путешествия в восточные страны... С. 97.

³ Хусаинов Г. Б. Духовный мир башкирского народа. Уфа, 2003. С. 32–49.

ма – Казансы – Ишлам-кыя – Кара-кыя – Көтлөҥ-кыя... – Туксаба – Мөйтән-бей. Список потомков Муйтен-бия продолжают имена: Шакмаклы (Шығалы)-бей – Бүркә (Бүрәкә)-бей – Чәркә (Сәркә)-бей – Манғут – Урал-бей – Арпан-бей – Тимер Карый буға-бей – Карас-бей – Сарбаш-бей – Сарыш-бей – Ябынсы Ясаул – Үҫәргән¹.

В рукописи «Тәуарихи башкорт» («История башкир») потомки перечислены в несколько измененном варианте. В частности там говорится: «Во времена Бузка (Бүзкә)-бия Шакмаклы (Шакмаклы), Тукан (Түкән)-хана был бием и правил Ярука (Йәрукә). Во времена Тугрыл (Туғрыл)-хана был бием и правил Мангыт. Во времена Узбек-хана был бием в качестве признанного предводителя управлял народами Урал-бий Мангот. Во времена Йанбак (Йәнбәк)-хана на Урале был бием и правил Инсан-бий бин Урал. Во времена Бирдебеке (Бирзәбәкә) был бием и правил Буйат (Бүйәт)-бий. Во времена Тулка (Түлкә) Хужа-хана был бием Арбан (Әрбән)-бий. Во времена Арбан (Әрбән) Туктамыш (Туктамыш)-хана был бием, справедливо правил... Тумбай-бий. Во времена Бурака (Бурак) был бием Тимер Карабуга (Карабуға). Во времена Кусем-хана был бием Һарыш-бий. Во времена Касим-хана был бием. После него во времена Тура-хана был бием и правил Һарыбаш-мурза (мырза) – Сурабан-бий. Этот Сурабан после того, когда башкиры преклонили головы Ивану Васильевичу в качестве заложника (аманата) великому (мәзкүр) хану (царю) на правах почетного хана (хан хозурында) несколько лет жил в городе Казани там умер»².

Данный документ вызывает доверительное к себе отношение прежде всего совпадением ряда имен из династии Джучидов, и это позволяет определить примерные годы жизни башкирских ханов (биев). Например, Шакмаклы – преемник Муйтен-бия, значит, жил в 20–40-е гг. XIII в. Названное первое имя Бүзкә-бий, скорее всего, Бүркә-бий по первому списку, он же сын Шакмаклы-бия, сына Муйтен-бия. Современником Бүзкә (Бүркә)-бия назван Тукан (Түкән)-хан, которого есть все основания отождествить с Тукан-ханом – сыном Бату-хана³. Следовательно, Йарука (Йәрукә) бием был в 40–60-е гг. XIII в. Под Тугрыл-ханом, скорее всего, подразумевается Тугрылча – сын Менгу

¹ Хөсәйенов Ф. Б. Үҫәргән ырыуы шәжәрәһе. 58-се б.

² Хусаинов Г. Б. Духовный мир башкирского народа. С. 45.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 72, 73, 82, 83, 229; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 71.

Тимура, внука Бату, он же отец Узбек-хана. Следовательно, годы жизни Тугрылча и башкирского хана Мангыта можно определить самым концом XIII – началом XIV вв., а после него идут следующие известные золотоордынские ханы: Узбек-хан Йанбак (Джанибек)-хан, Бердибек (Бирзебэк)-хан, Тохтамыш (Туктамыш), годы правления которых нам известны абсолютно точно. Соответственно, становятся известными годы ханствования каждого современника этих ордынских ханов – башкирских ханов. Получив эти данные, мы решили свести все названные в первоисточнике имена в синхронистическую таблицу (табл. А.), где периоды правления ниже перечисленных как ордынских, так и башкирских ханов требуют дальнейшего уточнения¹.

Так, например, между Бердибеком (Бирзебэк) и Тохтамышем назван как ордынский хан Тулкахужа (Түлкә хужа) и башкирский хан Арбан. Оба этих имени в источниках отсутствуют, что может быть вызвано ошибками переписчиков. В надежде на дальнейшее уточнение, годы правления этих ханов условно определили периодом между Бердибек-ханом и Тохтамыш-ханом, т. е. серединой XIV в.

Далее в списке следует Бурак-хан, Кусем-хан, Касим-хан и Турахан и их башкирские современники Тимер Карабуга, Һарыш бий, Сарыбаш (Һарыбаш)-мурза и Сурабан-бей.

Из вышеназванных нам известны годы правления ордынского хана Борака (1424–1428 гг.)², под которым следует подразумевать Бурака из первоисточника. Некоторым основанием для их отождествления служит текст башкирского шежере, где Бурак назван ордынским ханом и упоминается в связи с военным соперничеством с башкирским Кусем-ханом из-за земельных угодий по р. Сакмары. В шежере говорится, что войска Бурака (при участии бия Мансура) и Кусем-хана долго стояли друг перед другом на обоих берегах р. Сакмары, а потом мирно разошлись. В ногайских источниках Бурак выступает под именем Барак. В. В. Трепавлов уверен, что Бурак из башкирского шежере и Барак из ногайских источников одно лицо. Значит, бийство Тимер Карабуга следует определить 20–30-ми годами XIV в.

¹ При составлении данной синхронической таблицы использованы: *Трепавлов В. В.* «История Ногайской Орды» (М., 2002, раздел I, приложение), *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь (М., 1989. С. 686–755); *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды (М., 1973. С. 71); Башкирские шежере (Уфа, 1960. С. 80, именной указатель); Золотая Орда в источниках (М., 2003. С. 395, 396) и др.

² *Гумилев. Л. Н.* Указ. соч. С. 751; *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 94.

**Имена и годы жизни башкирских биев,
перечисленных в рукописи «История башкир»**

(см. Хусаинов Г. Б. Духовный мир башкирского народа. Уфа, 2003. С. 45.)

Имена башкирских биев	Примерные годы жизни	Современники из числа чингизидов	Примерные годы жизни
Йәрукә (Йарука)	30–50-е гг. XIII в.	Тукал, сын Бату	30–50-е гг. XIII в.
Манғыт	конец XIII – начало XIV в.	Тугрылча (Тугрыл), правнук Бату	Конец XIII – начало XIV в.
Урал бин Манғыт	20–40-е гг. XIV в.	Узбек хан	1312–1341 гг.
Инсан бин Урал	40–60-е гг. XIV в.	Дженибек (Йәнбәк)	1341–1357 гг.
Буйат (Бүйәт)	60–70-е гг. XIV в.	Бердибек (Бирзәбәк)	1357–1359 гг.
Арбан	середина XIV в.	Тулкахужа (Төлкә хужа)	Середина XIV в.
Тумбай	80–90-е гг. XIV в.	Тохтамыш-хан	80–90-е гг. XIV в.
Тимер Карабуға	20–е годы XV в.	Борак-хан	1424–1428 гг.
Һарыш	20–30-е гг. XV в.	Кусем-хан	20–30-е гг. XV в. (?)
Турахан Һарыбаш мурза	Турахан погіб в 10-х годах XVI в.	Касим-хан (возможно ногайский хан)	Умер в 1524 г.
Сурабан	50–60-е гг. XVI в.	Умер в Казани в начале 60-х гг. XVI в.	

Бурак (Барак) хан в данном случае нас интересует в плане определения периода правления Кусем-хана, ведь в башкирском шежере он предстает как участник противостояния во главе своего войска против Бурака. Это явная ошибка, и она подтверждается текстом самого шежере, где говорится, что Кусем-хан сын Тура-хана, который жил на 70–80 лет позже Бурака. Отсюда следует, что либо: а) Кусем-хан никак не может быть современником Бурак-хана; б) либо в шежере ошибочно указано, что он сын Турахана. Более правдоподобным представляется второе предположение и Кусем-хан был современником Бурак-хана.

С учетом высказанных выше оговорок годы ханства Кусема и бийства Сарыш (Һарыш) можно определить 20–30-ми гг. XIV в.

Сарыбаш (Һарыбаш)-мурза был современником Тура-хана и годы его жизни можно определить рубежом XV–XVI вв. В списке ханов числится Касим-хан, под которым, скорее всего, следует подразумевать казахского хана Касима (умер в 1524 г.) – отца Хак-Назара, известного по башкирским источникам как Акназар хан. Во времена Тура-хана и Касим-хана (10–20-е гг. XVI в.) бийствовал Сарыбаш (Һарыбаш)-мурза. Годы жизни упомянутого в источнике Сурабан-бия известны – после вхождения Башкортостана в состав России он в качестве заложника был направлен в г. Казань, где умер в 60-х гг. XVI в. Отсюда годы его бийства можно отнести к 40–50 гг. XVI в.

Итак, годы правления вождей башкирского народа, перечисленных в рукописи «Тәүарих башкорт», за исключением 2 случаев, определяются довольно точно на документальной основе. Это дает нам право прийти к следующему заключению: а) Рукопись «Тәүарих башкорт» представляет ценный источник по истории башкирского народа XIII – середины XVI в.; б) у башкирского народа до недавнего прошлого (примерно до XVII–XVIII вв.) имелись рукописные варианты собственной истории и выше анализированный текст рукописи «Тәүарих башкорт», скорее всего, является своеобразным изложением основных этапов политической истории народа; в) это ставит задачу усилить работы по поиску и систематизации и вводу в научный оборот подобных рукописных материалов.

Вышеперечисленные бии – не единственные предводители башкирского народа XIII–XV вв.; среди них выделяются представители тех этнических групп, которые пришли на Южный Урал после вхождения Башкортостана в состав улуса Джучи (табынцы, минцы, кыпчаки) и заняли лидирующее положение в башкирском обществе.

Список лидеров табынской этнической группы башкир возглавляет легендарный Майкы-бий, который, согласно источникам, в молодые годы служил в личной охране Чингисхана, а затем служил в войске Джучи¹.

Этническая история башкир-табынцев подробно исследована Р. Г. Кузеевым, мы ограничимся кратким изложением основных его вы-

¹ Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1962. С. 156; *Он же*. Происхождение башкирского народа... С. 252–287.

водов. Большая группа табынцев имеется в составе Малого и Большого Жуза казахов, генеалогическое древо которых также восходит к легендарному Майкы-бию. Одновременно его считают общим предком части узбеков, каракалпаков, хотя у них нет этнических групп табынцев. Своеобразным ключом к разгадке тайны личности Майкы-бия служит первая часть его имени Уйшин (Уйшун), что является вариантом имени усуней – самой многочисленной группы тюркоязычных кочевых племен Казахстана рубежа нашей эры и раннего средневековья. Вероятно, будучи выходцем из усуньской этнической среды, Майкы-бий возглавил этнополитическое объединение в ранге подулуса в составе улуса Джучи, и первая половина его имени Уйшин, скорее всего, является прозвищем.

В исторических преданиях башкир-табынцев иректинской группы есть упоминание об их прежней прародине на Иртыше. В них также есть упоминание о том, что внук Майкы-бия Карача (он же Карагазиз, он же Каратабын) завоевал земли близ Миасса, Миадык (Миндяк), Троицка¹. Это сообщение заставляет думать, что Майкы-бий и его потомки на Иртыше действительно возглавили ханство, которое при внуке Карача расширили свои западные границы вплоть до Уральских гор. Это событие произошло около 70–80-х гг. XIV в., через 30–50 лет после смерти Майкы-бия. По времени оно совпадает с возникновением Ишимского, а затем Тюменского ханств, о чем имеются туманные сведения². Будущие исследования в этом направлении должны внести ясность о взаимосвязи этих событий.

Согласно шежере башкир-табынцев иректинцев, первыми на западные склоны Южного Урала переселились сыновья Карача-бия: Балыкчы-бий, Ахмедшейх-бий, которые заселили территорию нынешнего севера Башкортостана, юга Свердловской и Пермской областей. Похоже, что здесь возникает локальное табынское ханство во главе с Ахмедшейх-бием и его преемниками. Этот генеалогический список заслуживает особого внимания ввиду присутствия в нем имени выдающегося башкирского Исян-хана. Он выглядит следующим образом: Ахмедшейх-бий – Абдал-бий – Чулман-бий – Кулман-бий, Дюрмен-

¹ Башкирские родословные (шежере). С. 391–393; Башкирские шежере. С. 164, 165.

² *Введенский И.* Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. 1883. № 3. С. 7. Эту информацию нам представил Ю. М. Юсупов, и мы приносим ему за это свою благодарность.

бий, Худайгул-бий, Худойар-бий – Давлетъяр-бий – Давлетбай-бий – Исян (Асан)-хан – Бурак-хан – Ключюган-хан¹.

Известно, что Исян-хан находился в дружеских отношениях с казанскими ханами, был современником падения Казани и принял личное участие в установлении дипломатических отношений северных башкир с российским государством, признавая его власть. В Татышлинском районе РБ недавно обнаружена его могила с каменной плитой, где сохранилась надпись «хан Асан (Исян)». Ханский статус Исяна позволяет безоговорочно признать в перечне имен от Ахмедшейха-бия до Исяна-хана – Бурак-хана – Ключюган-хана династию башкирских ханов на севере тогдашнего Башкортостана конца XIII–XVI вв.

Известен другой вариант шежере табынских башкир каратабынской группы, также восходящей к первоначально Майкы-бию. В нем дается следующее поколение его потомков: сын Майкы-бия Сура-бий, далее идут Сумбай (Сөмбэй)-бий – Йолаumbai-бий – Утарсы-бий – Актере (Актере)-бий – Акбуре (Акбуре)-бий – Сура-бий – Тугызбай (Тугызбай)-бий – Кушымбал-бий – Саид (Сәйед)-бий – Кызылгузрат (Кызылгөзрәт)-бий – Дарвиш (Дәрүиш)-бий – Биктимер-бий – Сарат-бий – Такай (Тәкәй)-бий – Азнагол (Азнаһол)-бий – Дарвиш (Дәрүиш)-бий – Баязит-бий – Хаккол (Һаҡһол)-бий – Мамат (Мәмәт)-бий – Нарбай-бий – Исанбай (Исәнбәй)-бий – Танакай (Тәнәкәй)-бий – Акынсак (Акынсак)-тархан².

Данный текст шежере наводит на мысль, что в нем перечислены потомки одного из сыновей или внуков Майкы-бия, которые возглавили этнополитическое образование в улусе Джучи-Батыя, а затем осели на территории Башкортостана.

Башкиры-минцы пришли в Башкортостан вместе с татаро-монголами и заняли территорию по рекам Демы и Уфы с центром в городе Башкорт, расположенном, как известно, на территории современной Уфы. Шежере минцев короткое и начинается с Урадач-бия – современника Чингисхана. Особо подчеркивается его социальный статус как эмира-тысячника. Все его потомки вплоть до Канзафара, возглавившего в 1557 г. делегацию минских башкир к Ивану Грозному, в шежере названы биями³, следовательно, принадлежат к династии самостоятельного ханства в составе башкир XIII – середины XVI вв.

¹ Башкирские родословные (шежере). С. 392, 393.

² Хусаинов Г. Б. Указ. соч. С. 44, 45.

³ Башкирские шежере. С. 52, 53; Башкирские родословные (шежере). С. 263–277.

В главе VIII мы подробно перечислили имена башкирских ханов домонгольского времени, зафиксированных в шежере юрматинцев. В нем зафиксировано, что Ильгам-хан присягнул Чингисхану. Преемник Ильгам-хана Габдулла в источнике также назван ханом, значит, оба они ханствовали в 20–40-е гг. XIII в.¹

Познавательный интерес представляет и шежере башкир-кипчаков. Родословная начинается с имени Кыпсак, но его деятельность проходила за пределами Урала. За ним следуют Хушнэк – Казанкап – Будабий – Кухеш – Найман – Турнак – Буга бий – Ямгурчы-бий². В плане интерпретации важными ориентирами служат имена Ямгурчы-бия и Кухеша. Ямгурчы-бий упомянут в русско-ногайских документах XV–XVII вв., и годы его ханства определяются 80-ми гг. XV в.³ Следовательно, все упомянутые выше него жили раньше. По-видимому, имя Буга-бия на башкирском языке записано арабскими буквами на каменной плите, где выведены слова «Кукляр сын Буги»⁴. Изготовление таких надмогильных плит было достоянием высокопривилегированного сословия башкирского общества, поэтому, надо полагать, речь идет о сыне Буга-бия. Данный памятник следует датировать концом XV в.

В указанном генеалогическом списке привлекает внимание имя Кухеш, имеющее, по нашему мнению, прямое отношение к происхождению названия речки Кугеш в Гафурийском районе РБ (современное ее название Усолка; она вытекает из соляных источников, где расположен теперь известный курорт Красноусольск).

Согласно шежере карагай-кыпчаков, среднее течение р. Белой, в частности, земли по р. Зилим в XIII–XV вв. принадлежали владениям кыпчакского объединения. В шежере это положение изложено следующим образом: «Исмагил-хан в конце жизни, собрав свой народ, поведал ему свое завещание; сам, сказав: пойду в юрт древних отцов своих», ушел в устье р. Джитем» (Зилим). Здесь, таким образом, ханствовал Исмагил-хан – сын Кыпчака, и он приходится дальним родственником Кухеша по отцовской линии⁵. Вполне вероятно, что Кухеш

¹ Башкирские родословные (шежере). С. 66, 67.

² Башкирские шежере. С. 95, 96.

³ *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии. XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 27.

⁴ *Ишбердин Э. Ф.* Камень с загадочными знаками // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 64–67.

⁵ Башкирские шежере. С. 116–117.

владел этими землями, а затем его имя перешло в название реки. В шежере юрматынских башкир, где описываются события после возвращения делегации юрматынцев в Казань в 1557 г., упоминается речка Кукуш (Кугеш, Кухеш).

Кстати, в шежере карагай-кыпчаков подчеркивается, что Исмагил хан, его потомки Алмай султан – Кузы султан – Бускун-бий – Булат-бий жили на этих землях, а могила Исмагил-хана располагалась в районе устья р. Зилим¹. С учетом приведенных выше соображений годы жизни Кухеша (Кугеша) и его родственников по ханской линии (Исмагил-хан и др.) можно определить соответственно XII–XIV вв.

В завершение анализа сведений шежере о башкирских ханах (биях) XIII–XIV вв. приведем данные о местах захоронений конкретных башкирских ханов ориентировочно XIV–XV вв. На основе архивных, возможно, эпиграфических источников крупнейший востоковед России XIX в. В. В. Вельяминов-Зернов установил, что в районе р. Ик в низовьях Белой жили Дауд-хан и Килик-хан и вели активную деятельность по распространению ислама среди местного башкирского населения. В пределах Башкортостана мог жить упомянутый им хан ногайского происхождения Байджура хан².

Особо следует подчеркнуть, что к XIV в. восходит конкретное упоминание города Башкорт в трудах арабских и европейских авторов. Например, о нем пишут ал-Омари и ибн-Халдун (XIV в.)³; тогда же он появляется на мировых картах и продолжает сохраняться вплоть до XVI в.⁴ Город Башкорт, очевидно, продолжал играть роль тогдашней столицы Башкортостана.

В совокупности все вышеприведенные сведения не оставляют никакого сомнения в том, что на территории Башкортостана в период Золотой Орды сохранялась государственная автономия со своими правителями. При существовании центральной политической власти в лице Золотой Орды в функции национальных государств входит внутреннее

¹ Башкирские шежере. С. 115, 116.

² Вельяминов-Зернов В. В. Памятник с арабскою надписью в Башкирии // Труды Отделения императорского археологического общества. Ч. IV. СПб., 1859. С. 267.

³ Золотая Орда в источниках. С. 106, 107, 169.

⁴ Псянчин А. В. Башкортостан на старых картах. Уфа, 2001. С. 18–22; см. Приложение: карты; *Он же*. Mons ET VRBIS: Уральские горы и город Уфа в европейской средневековой картографической традиции // Архивы Башкортостана. № 1. 2007. С. 12–23.

управление жизнью населения, а также выполнение тех обязательств, которые возлагались центром по отношению к башкирам как покоренному народу.

Как отмечено выше, правосудие осуществляли монгольские судьи. Об их проживании среди башкир нам известно из источников XIV в. Венгерский путешественник Рихард, побывавший в Башкортостане в 1320 г., пишет, что «и были там татары, судьи Баскардов»¹. Вероятно, в Башкортостане они появились еще в 20–30-е гг. XIII в. Чтобы полнее представить их обязанности в Башкортостане, необходимо вкратце ознакомиться с ролью и местом судей в системе Золотой Орды.

Как подчеркивалось выше, территория государства, как всей империи, была разделена на отдельные владения – улусы, которыми управляли ближайшие родственники (братья, сестры) и приближенные хана. Улусы, в свою очередь, делились на более мелкие административные единицы, во главе которых стояли тумены, тысячники, сотники и десятники. В обязанности туменов входило управление жизнью населения в пределах своего владения, сбор налогов, обеспечение готовности всегда выставлять хану воинское подразделение численностью не менее 10 000 человек с полным комплектом оружия, одежды и питания. Опорой туменов при осуществлении этих обязанностей были тысячники, а у них, соответственно, – сотники, десятники. Исследователи указывают, что на эти государственные должности назначались представители местной аристократии, находившейся в вассальной зависимости со своим родом, племенем².

Особые подулусные владения в составе Золотой Орды составляли такие автономные территории, как Башкортостан, управляемые местными ханами (биями, эмирами). К их числу, кроме Башкортостана, относились также Мордовия, Черкесия, Алания, Армения, Дунайская Болгария, где были оставлены в живых местные ханы (правители)³. В таком же равном с ними положении находились некоторые древнерусские князья, которые приезжали в Орду, чтобы получать грамоты (ярлыки) на право управления своими княжествами.

¹ Аннинский С. А. Указ. соч. С. 92.

² Путешествия в восточные страны... С. 49; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 43–67.

³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 309.

Описанная система вертикальной власти не гарантировала от возможных слабостей (бездействия) отдельных звеньев. Чтобы этого не случилось, еще при Чингисхане был принят свод законов, согласно которому над местными ханами (правителями) и туменами назначались надсмотрщики, называемые баскаками или даругами¹. Через баскаков хан посылал свои приказы с требованием беспрекословного исполнения их всеми местными биями, князьями. Есть информация о том, что в распоряжении баскаков был войсковой отряд, (карательный орган), который всегда расквартировывался вне черты города. Именно такую роль баскаков (контролеров), очевидно, выполняли монгольские судьи при башкирских ханах, о которых писал Иоганка. Не приходится сомневаться, что они добивались строжайшего выполнения установок и порядков, определяемых главным ханом. В Ясах предписывалась, а среди населения внедрялась мысль о том, что любое непослушание или отступление от предписаний строжайше наказывалось вплоть до смертной казни².

О том, как на деле выглядела описанная система управления в Золотой Орде, можно узнать по информации Плано Карпини, наблюдавшего порядок кочевания и землепользования в первые годы возникновения Золотой Орды. Он писал, что «император этих же татар (Батый хан. – *Н. М., А. С.*) имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники же – десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия»³.

Остается неясным, распространялась ли на башкирских ханов обязательная ежегодная явка в ставку ордынского хана за обновлением ярлыка на право управления своими землями в новом году. Сведений об этом в источниках нет. Похоже, полномочия их обновлялись в несколько ином порядке. Но, во всяком случае, все изложенное ясно

¹ *Хара-Даванэ*. Чингисхан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 253.

² *Хара-Даванэ*. Чингисхан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996; С. 208–216; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Указ. соч. С. 187–191.

³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука... С. 45.

указывает, что порядок землепользования, хозяйствования в Башкортостане в период Золотой Орды был гибким и учитывал ситуацию в каждом конкретном случае. Введенные татарами-монголами способы кочевания должны были привести к существенной утрате ранее существовавших патриархально-родовых традиций в жизни башкир. В основе новых земельных отношений лежат, насколько можно судить по изложенным фактам, политические, а затем социально-имущественные приоритеты. В плане дальнейшего развития башкирского общества пройденный в эпоху Золотой Орды период явился важным историческим этапом.

Золотая Орда хотя и возникла и существовала как военизированное государство с мощным аппаратом принуждения, ее внутреннюю и внешнюю политическую и социально-экономическую и культурную жизнь характеризуют глубокие непреодолимые противоречия, что было заложено в самом начале ее образования. Она сложилась как результат массового истребления этносов, разрушения цивилизаций и насильственного объединения различных по происхождению, образу жизни, языку, религии и менталитету народов, и это не могло не отразиться в ее исторической судьбе.

Батый-хан, как основатель Золотой Орды, вполне понимал внутреннюю непрочность государства, поэтому старался выглядеть перед подданными в роли демократа-миротворца. Этим можно объяснить его поведение перед битвой с башкирами-мадьярами в 1241 г. на Дунае, когда он распорядился мусульманам собраться и помолиться, а сам, будучи язычником, всю ночь был волком¹. В дальнейшем он всячески оказывал содействие развитию христианства, ислама, но сам до конца своей жизни оставался верным религии своих предков. В то же время из источников видно, что его сын Сартак покровительствовал христианству, а родной брат – исламу, даже стал мусульманином². Важную политическую силу в Золотой Орде представляла кочевая аристократия, ядро которой, вероятно, составляли выходцы из самой Монголии – приверженцы языческой религии.

В 1255 г. умер Батый-хан, а вскоре при таинственных обстоятельствах погибает молодой Сартак. В его гибели современники подозре-

¹ Золотая Орда в источниках. С. 259; *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 37.

² *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 316–320.

вали Берке, который унаследовал власть старшего брата Бату. Это не могло не отразиться в религиозной политике внутри Золотой Орды: по личной инициативе мусульманина Берке-хана ислам провозглашается официальной религией Золотой Орды, что способствовало расширению культурно-торговых связей со странами Востока. Но в государстве, особенно в городах – политических центрах – по-прежнему была сильна оппозиция, которая ждала удобного момента, чтобы расправиться с непопулярной у них религиозной политикой Берке-хана. Для открытого выступления был выбран момент смерти хана, что вызвало массовые волнения и мятежи как в нижневолжских городах, так и в провинциях. Эти события не ускользнули от внимания древнерусских летописцев, которые отмечали, что в год смерти Берке-хана в золотоордынских городах Нижней Волги «был мятеж велик в самех татарах. Избишася сами промежи собою бесчисленное множество, ак песок морьскы»¹.

В других источниках упомянутое здесь событие не нашло отражения, поэтому исследователи затрудняются в определении причин произошедшей тогда резни среди самих татаро-монголов. Наиболее вероятным, по-видимому, является то, что хан Берке, первый из чингизидов принявший ислам, стремился активно внедрить его во всем государстве, что встретило резкое сопротивление со стороны монгольской кочевой аристократии. Оно приобрело форму открытого выступления против исламизации после смерти Берке. Его религиозная реформа кончилась провалом.

Мятеж был жестоко подавлен, и власть в Золотой Орде перешла в руки внука Батый-хана Менгу-Тимера. Имеются сведения о том, что в это же время происходят восстания черкесов на Северном Кавказе, мордвы в Среднем Поволжье и дунайских болгар. Для усмирения Менгу-Тимер лично совершает против восставших карательные походы. В этом походе, кстати, принимал участие ярославский князь Федор Черемный (или Чернай), за что был щедро награжден ханом. В частности, он удостоился чести жениться на дочери хана и получил в управление более 30 средневолжских городов, в том числе Болгар, Арск и др.²

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 863. Цитируется по книге: Егоров В. Л. Историческая география... С. 199.

² Халиков А. Х., Халиуллин И. Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Болгарию // Волжская Болгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 20.

Одновременно с описанными событиями аналогичный мятеж происходит в Башкортостане, что нашло яркое отражение в легенде «Һуңғы Һартай» («Последний из Сартаева рода»)¹. В ней повествуется о противостоянии башкирского бия Джалыка с монгольским ханом Менгу-Тимером. В войне против него Джалык-бий потерял всех сподвижников, включая двух своих сыновей Кармасана и Сармасана. В легенде говорится, что: Джалык-бий получил от Тура-Менгу² Тимера приказ явиться в ставку, но в знак неподчинения возвращает приказ обратно вместе со сломанной стрелой и мертвой мышью. Менгу-Тимер для наказания направляет в Башкортостан карательный отряд. В тексте легенды имеются накладки, связанные, видимо, с тем, что позднейшие рассказчики путали конкретные исторические события. Здесь одновременно присутствуют Хромой Тимер и Менгу-Тимер. Если Менгу-Тимер долго правил на Южном Урале (что соответствует смыслу текста), то Хромой Тимер лишь однажды побывал здесь в 1391 г. во время военного похода. Позднейшим наслоением является также факт посещения Джалык-бием мавзолея Хусейн-бека, датированного не ранее 1339 г.

Очевидно, имея в виду эти поздние факты, Р. Г. Кузеев описанные в легенде события относит ко временам Тимура и Тохтамыша (конец XIV в.)³. Но в начале легенды названо имя одного из главных действующих лиц Менгу-Тимера, чему не противоречит логика событий. В основу легенды, на наш взгляд, легли события времени ханства Менгу-Тимера (1266-1276 гг.). Этот конфликт мог быть вызван, например, отказом башкирского бия Джалыка признать власть Менгу-Тимера – преемника Берке-хана. Кстати, имя Джалык-бия в списке башкирских ханов и биев XIII–XV вв. отсутствует.

Выделим еще несколько событий из истории Золотой Орды, получивших яркое отражение в истории Башкортостана.

Расцвет Золотой Орды приходится на годы правления Узбек-хана (1312–1341 гг.) и его сына Джанибека (1341–1357 гг.). Узбек-хану удалось укрепить позиции ислама как официальной религии в Золотой Орде. Мы имеем основания утверждать, что к этому времени ислам, пройдя начальный этап распространения, стал важным аспектом

¹ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 173–179.

² Под именем Тура-Менгу, скорее всего, подразумевается Менгу-Тимер.

³ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 472, 473.

национальной идеологии башкирского народа и способствовал консолидации различных по происхождению и культуре племен в рамках единого этноса. На это прямо указывает Иоганка, посетивший Башкортостан в 1320 г. Как не раз было упомянуто, его удивила фанатичная преданность башкирского хана и его окружения исламу. Другим доказательством упрочения ислама среди башкир в период правления Узбек-хана является появление на Южном Урале первых надмогильных плит с арабскими надписями, где имеются выдержки из Корана, имя и год смерти умершего. Такая каменная плита обнаружена вблизи поселка Чишмы и установлена над могилой проповедника ислама – выходца из Средней Азии Хусейн бека, умершего в 1379 г.¹

Дженибек-хан стремился успешно продолжить политику отца, но в 1357 г. был убит своим сыном Бердибеком. Фактически отцеубийца положил начало концу Золотой Орды, и с этого момента ее потрясала нескончаемая череда заговоров, убийств на ханском троне. Достаточно сказать, что после убийства Дженибека до занятия престола Тохтамышем в 1380 г. на троне пребывало около 20 человек.

Ханы сменяли друг друга при помощи кровавых заговоров, вырезая всех явных претендентов на верховную власть в государстве. Имеются случаи, когда некоторые ханы находились у власти по нескольку месяцев и даже дней, и история не сохранила все их имена. На основе монет среди ханов этого смутного времени удается восстановить имена Арабшаха, Пулад-Тимура, Азиз-шейха, Тулунбека, Мюрида, Джанибека II и др.²

Все это свидетельствует о значительном падении власти хана и процессе усиления центробежных сил. В 1361 г. от Золотой Орды откололся Хорезм, на землях к западу от Волги до Крыма на правах хана начал править темник Мамай. Последний не принадлежал к числу чингизидов, поэтому правил от имени марионеток, являвшихся их отпрысками.

На развитие исторических событий на территории Башкортостана в XIII–XVI вв. важное влияние оказывала система административно-государственного устройства Золотой Орды.

В Башкортостане она полностью копировала традиционную для монголов систему деления территории государства на два крыла — пра-

¹ Юсуфов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 112–118.

² Егоров В. Л. Указ. соч. С. 58, 59; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 88–97.

вое и левое, что соответствовало фактически двум государственным образованиям¹. Правое крыло составляли владения Бату и Шибана, простиравшиеся от Дуная до Иртыша. Левое крыло находилось под властью старшего брата Бату – Орды и занимало территорию юга Казахстана, вдоль Сырдарьи и к востоку от нее. Распределение названий крыльев (правое и левое) связано с традиционными монгольскими представлениями о сторонах света. В соответствии с ними основной стороной (передней) считался юг. Именно поэтому монгольские юрты всегда дверью устанавливались к югу. Противоположность составлял север. В соответствии с этим запад считался правой стороной, восток – левой. Так как владения Бату расположились западнее по отношению к местонахождению хана Орды, они получили название правого крыла улуса Джучи, а земли, отошедшие Орде, – левого крыла улуса Джучи. Согласно тем же традиционным представлениям монголов, каждая из сторон света имела свой конкретный цветовой символ. Юг обозначался красным цветом, север – черным, запад – белым, восток – синим. Цветовая символика по отношению к разным крыльям улуса Джучи нашла отражение во многих источниках, называвших владения Бату и его наследников Ак-Ордой, т. е. Белой Ордой, а владения преемников хана Орды – Кок-Ордой, т. е. Синей Ордой.

Деление на правое и левое крыло в монгольском обществе было многоступенчатым. Г. А. Федоров-Давыдов считает, что государство Батыя также делилось на правое (Ак-Орда) и левое (Кок-Орда) крылья². Из источников известно, что правителем западных земель Золотой Орды в конце XIII в. был темник (военачальник) Ногай, который приходился правнуком Джучи по линии седьмого сына Бувала. Он долгое время претендовал на ханский престол в столице Золотой Орды, но в междоусобной войне в 1299 г. был убит ханом Токтаем – сыном Менгу-Тимера. По-видимому, потомкам Ногай после распада Золотой Орды удалось возглавить самостоятельное Ногайское ханство.

Граница между двумя крыльями золотоордынского государства проходила по реке Яик³. При таком чтении исторических фактов выходит, что левое крыло государства Кок-Орда составлял улус Шибана. Таким

¹ Егоров В. Л. Указ соч. С. 160–163; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 57–60, 141–144.

² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 58, 59.

³ Егоров В. Л. Указ. соч. С. 161.

образом, основная часть Южного Урала оказалась под властью Кок-Орды. В этой связи уместно напомнить, что понятия Ак-Орда и Кок-Орда часто встречаются в исторической литературе по Башкортостану; здесь можно встретить такие определения, ставшие уже топонимическими. Например, в Зианчуринском районе до сих пор сохранилось название «Ак Урды» как название деревни.

С самого зарождения Золотой Орды до середины XIV в. правители Ак-Орды признавали власть центрального хана и стремились оказывать ему всяческие почести. Но так было до Узбека и Джанибека. В период последовавшей за этим смуты картина резко меняется, и центр политической жизни переместился из Поволжья в Хорезм, ставший составной частью Ак-Орды. Правители Ак-Орды стремились воспользоваться любой возможностью повлиять на исход борьбы за ханский престол. Об этом свидетельствует то, что основное количество ханов-калифов на час после джанибекского времени являлись людьми ак-ордынской группировки. Не зря самые выдающиеся ханы Золотой Орды последнего периода Тохтамыш и Эдигей (Идукай) также принадлежали к этой группировке.

Другой альтернативной политической силой, поставившей людей на ханский престол, была кочевая аристократия Ак-Орды во главе с упомянутым выше могущественным темником Мамаем. Не второстепенную роль в этих дворцовых переворотах сыграла правящая аристократия самой столицы Сарая. Так как временщики-ханы периода великой смуты старались увековечить свое пребывание на престоле чеканкой монет, то их картографирование показывает, что ханы ак-ордынской партии чеканили монеты главным образом в городах левобережной Волги, а ханы кок-ордынской партии – правобережной Волги. Учитывая этот важный факт, В. Л. Егоров высказывает мнение, что Золотая Орда в 60–70-х гг. XIV в. фактически раскололась на Ак-Орду и Кок-Орду и пограничной между ними являлась р. Волга¹.

Ослаблением ханской власти в эти годы не преминули воспользоваться северные, окраинные народы Золотой Орды. Есть все основания думать, что в это время были предприняты попытки приобрести политическую самостоятельность в Среднем Поволжье, в чем, очевидно, главную роль играли представители правящей аристократии болгарского происхождения. Тохтамыш в период 1380–1381 гг. совершил

¹ Егоров В. Л. Указ. соч. С. 161. С. 58–60.

поход в Среднее Поволжье и бывшая территория Волжской Болгарии вновь стала составной частью Золотой Орды¹. Очевидно, такие же процессы происходили в Башкортостане, но мы не располагаем об этом конкретными историческими источниками. Во всяком случае усиление центробежных сил потребовало от Тохтамыша упорядочения всего управленческого аппарата.

Следует сказать, что в 70-х гг. XIV в. в Ак-Орде происходили важные события, оказавшие влияние на все последующее их развитие. Мощь государства и сила ханской власти стали настолько ощутимыми, что от интриг вокруг золотоордынского престола здесь перешли к прямым активным действиям. Около 1370 г. самый могущественный хан Урус (или Мухаммед Урус) совершил поход в низовья Волги и захватил город Сарай. Время правления Уруса в столице Сарае зафиксировано монетами 779 г. х. (1377–1378)². В своей политике он стремился объединить Ак-Орду и Золотую Орду и добился в этом определенных успехов. Источники позволяют заключить, что ему удалось распространить свою власть на поволжскую часть Золотой Орды. По-видимому, тогда произошла активизация Ак-Орды на Южном Урале и в Западной Сибири. Например, известно существование в XIV в. в бассейнах рек Тобола и Иртыша ряда золотоордынских городов, самым крупным из которых был город Тюмень³. В политическом плане эти города принадлежали Ак-Орде. Появление в башкирских городищах культурных остатков золотоордынского времени в виде поливной посуды (городище Турналы), вероятно, относится именно к этому времени (XIV в.).

Объединительная политика Урус-хана в целом потерпела неудачу; серьезным соперником на его пути оказался грозный Мамай. Спор решился просто: в 1377 г. (по некоторым источникам в 1379 г.) внезапно умирает Урус-хан, и Тохтамыш отомстил за него Мамаю.

Тохтамыш как государственный деятель вырос в Ак-Орде. Он был сыном Туй-Ходжи – знатного оглана, выразившего свое несогласие с намерением Урус-хана активно вмешиваться в дела Золотой Орды. Это стоило ему жизни. Казнь отца предопределила поведение Тохтамыша, и вскоре (1376 г.) он как оппонент Урус-хана оказался в Самар-

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 153, 154.

² Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 316; Мухамадиев А. Г. Указ. соч. С. 95, 96; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 391.

³ Егоров В. Л. Указ. соч. С. 128.

канде, у грозного Тимура, внимательно следившего за ходом событий в Ак-Орде и Золотой Орде. Чтобы повлиять на них, Тимуру нужен был там свой человек, потому он стал всячески оказывать ему поддержку; Тохтамышу были оказаны почести ханского ранга и были подарены города Отрар, Сауран и, по некоторым источникам, даже город Сыгнак – столица Ак-Орды, которые оставались в руках Урус-хана и потому следовало их еще завоевать. Желание иметь у соседа – в Ак-Орде – послушного человека у Тимура было настолько сильным, что вскоре он отправил Тохтамыша во главе армии завоевывать свою же родину, но тот в двух сражениях был наголову разбит соотечественниками. Тогда поход против Ак-Орды возглавил сам Тимур, долгое противостояние двух армий кончилось тем, что Урус-хан умер и на престоле Ак-Орды оказался, таким образом, Тохтамыш – ставленник Тимура. В 1377–1378 гг. Тохтамыш уже завладел Сараем-Берке и лицом к лицу столкнулся с Мамаем¹.

Выходец из Ак-Орды, Тохтамыш проводил политику объединения Ак-Орды с Золотой Ордой, и через некоторое время все Поволжье было полностью под его властью.

Как известно, в 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва, где войска Мамаева потерпели поражение от объединенных сил русских под предводительством Дмитрия Донского. Создается впечатление, что, готовясь к битве против русских, Мамаев недооценил силы молодого Тохтамыша, а времени для подготовки к отпору его натиска после поражения в Куликовской битве не оставалось. Когда силы Тохтамыша и Мамаевы столкнулись лицом к лицу, ближайшее окружение Мамаева дрогнуло и перешло на сторону противника. Русский летописец передает эту обстановку следующими словами: «Мамаевы же князи отай Мамаевы совещающеся меж собой, глаголюще: «Несть добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаемы и избиваемы от сопротивных наших; и что пользует нас житие в царствии его? Отъидем убо к царю Тохтамышу и узрим там, аще будет»². Покинутый всеми Мамаев бежал в Крым, где получил приют у генуэзских купцов, которые вскоре убили его, желая заполучить его ценности. Золотая Орда была восстановлена в прежних границах. На этот раз ситуация принципиально отличалась от событий 30-х г. XIII в. Политическая власть, культура

¹ Золотая Орда в источниках. С. 288–291; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 398–405.

² ПСРЛ. Ч. XI. С. 69; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 321, 322.

Золотой Орды и сам факт ее существования успели пустить у народов, населяющих это государство, глубокие корни воспринимались как возвращение к прежним порядкам. К тому же поражение, нанесенное при Батые, продолжало парализующее действовать на сознание людей. Часто проводимые карательные операции при сильных ханах лишь усиливали этот эффект.

Придя к власти, Тохтамыш собрал «из русских, черкесов, болгар, кыпчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и м. к. с. (мокши)»¹ огромное войско и пустился в военные авантюры.

Первый свой крупный поход Тохтамыш совершил в 1382 г. против русских. Тогда после небольшой осады была взята, ограблена и частично сожжена Москва; любопытно, что на стороне Тохтамыша выступил рязанский князь Олег. Соседние с Москвой города отплатились данью. Успех и приобретенная богатая добыча окрылили Тохтамыша в устремлениях к восстановлению золотоордынского великодержавия².

Территориальные притязания Тохтамыша были связаны теперь со странами Кавказа и Средней Азии, что в конечном результате привело к открытому столкновению с Тимуром – со своим бывшим опекуном. В 1386 г. он вторгся в пределы Азербайджана и вернулся с богатыми трофеями. Это сильно обеспокоило Тимура, и поэтому он готовился к отражению похода Тохтамыша, если он повторится. Так и случилось в следующем году. Войска Тимура и Тохтамыша пришли в столкновение, и, когда битва начала клониться в пользу тимуровских войск, Тохтамыш повернул назад. Он не сделал из случившегося надлежащих выводов и вскоре, когда Тимур возглавил военные действия в Иране, вторгся в пределы Хорезма, в южную часть Ак-Орды, которая после смерти Урус-хана вошла в состав державы Тимура. Это было своеобразное возвращение Тохтамыша на свою родину, и, очевидно, он рассчитывал на легкий успех. Но его надеждам не суждено было сбыться. Города Сабран, Бухара и Самарканд выдержали длительную осаду, и, после небольшого успеха в битве под городом Отрар, ему пришлось удовольствоваться грабежом небольших городов и населенных пунктов. Форсированным маршем из Ирана к осажденным двигались

¹ Золотая Орда в источниках. С. 337, 338.

² Там же. С. 324–329.

основные силы Тимура, и им удалось выгнать неприятеля из пределов своего государства¹.

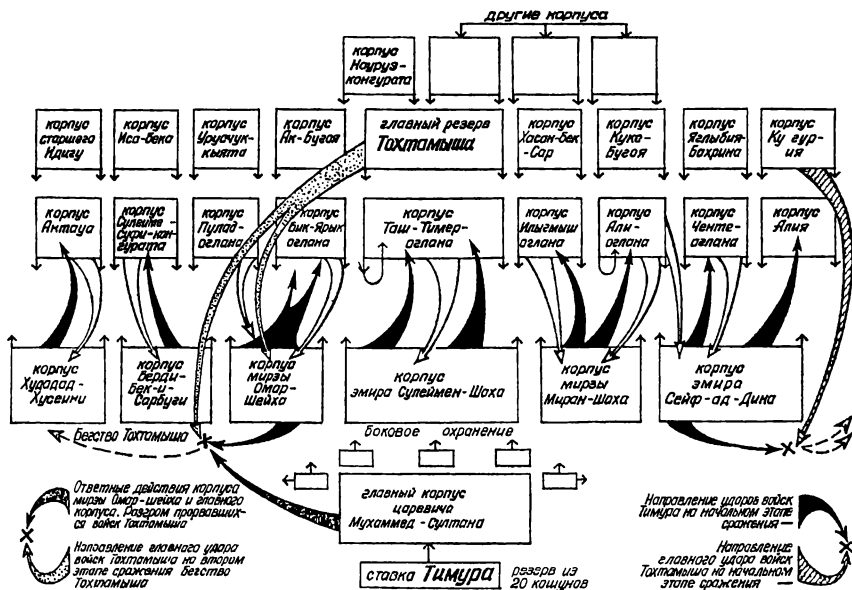
За короткий срок Тохтамышу удалось вновь собрать огромное войско, в составе которого, участвовали башкирские воины, и в конце 1388 г. он вновь двинулся против Тимура. Территория Кок-Орды снова стала плацдармом для нападения. Военные действия с переменным успехом шли до конца 1390 г. Видимо, столько времени потребовалось Тимуру для подготовки армии к решительному сражению с Тохтамышем. В начале 1391 г. Тимур выступил в поход из Ташкента через города Ясы, Карачук и Сабран. Тохтамыш со своей армией находился, по-видимому, недалеко и, видя решительные действия того, кому он обязан своим возвышением, прислал ему послов с посланием, где принес ему раскаяние за свои действия и обещал, что после этого «ни на один волос не сойдет с пути повиновения и подчинения и ни одной мелочи не упустит в соблюдении условий приличия и послушания»². Но Тимур ему не поверил и продолжил движение на север. В его ставке находился недавно перебежавший от Тохтамыша бывший приближенный Эдигей (Идукай), который теперь возвращался домой. Истории с Тохтамышем суждено было повториться, но на сей раз с Эдигеем против Тохтамыша. У Тимура было кому прокладывать маршрут.

Вскоре наступило половодье, армия двигалась очень медленно, испытывая серьезные лишения в пище. Чтобы поднять дух воинов, 6 мая Тимур объявил всеобщую охоту. Оцепив огромную территорию, воины в течение двух дней сужали кольцо окружения, и в результате удалось убить много оленей, антилоп, лосей (булен) и разной другой дичи... Некоторое время пища для воинов готовилась из мяса, добытого на охоте. Историк, описывая хронику этих событий, пишет, что вскоре авангард тимуровского войска напал на след войска Тохтамыша, и дальше Тимур двигался уже по нему. Маршрут пролегал через Тобол, а затем верховья рек Яик, Самара и Ик. Это было уже в пределах Башкортостана. Судя по описанию, Тимур обошел Уральские горы через степную зону.

На участке пути от верховьев р. Яик до р. Ик Тимур со своей армией блуждал, потеряв след Тохтамыша, и они вышли на него в районе устья р. Ик. Создается впечатление, что армия Тохтамыша ускользнула

¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 153–155; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 219.

² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 158–172.

Схематический план битвы

между войсками Тимура и Тughtамыша на р. Кундурча в 1391 г., составлен по данным средневековых письменных источников

от преследования, преодолев Уральский хребет по кратчайшему пути – по р. Инзер или Зилим, в чем ему могли помочь находившиеся в составе армии башкиры.

То обстоятельство, что в районе устья Ика Тимур вышел на след армии Тughtамыша, свидетельствует, в это время она находилась в пределах современного Западного Башкортостана и направлялась на запад, к Волге. Армии непременно должны были встретиться. Так и случилось: в районе устья Ика происходит встречный бой, в ходе которого погиб тимуровский эмир Ику-Тимур. Тимур усилил бдительность, в этих целях был даже отменен вечерний намаз с объяснением, что из-за краткости ночи в июне по «постановлению славного шарията» он не обязателен.

Тughtамыш со своей армией отступал до р. Кундурча. Впереди была многоводная Волга, а сзади «губительный меч» неприятеля; отступать было некуда, и он решил дать генеральное сражение. Это было самое грандиозное сражение средневековья в пределах Башкортостана, и оно заслуживает детального описания.

Инициатива выбора позиции принадлежит Тughtамышу. Став лицом к лицу, в течение нескольких дней войска под личным руководством

ханов готовились к сражению. Следует оговориться, что для Шереф-ад-Дина Йезди, давшего наиболее полное описание этих событий, источником послужил труд историка, который, скорее всего, был их участником на стороне тимуровской армии.

Как видно из источников, Тимур разделил свое войско на семь самостоятельных соединений (условно, корпуса). В центре впереди расположился корпус эмира Сулейманшаха, а сзади него позицию занял корпус царевича Мухаммед-Султана. Источники называют данный корпус главным в войске Тимура. О привилегированном его положении свидетельствует то, что снаружи «стороны и края» корпуса охраняли подвижные небольшие отряды, состоящие из «храбрецов и опытных бойцов».

Справа от центра по фронту расположился корпус мирзы Мираншаха, а правый фланг достался корпусу эмира Хаджи-Сейф-ад-Дина. По фронту, слева от центра, заняли позиции корпуса мирзы Омаршейха и Бердибек-и-Сарбуки (эмир или нойон). С края расположился корпус Худадад-Хусейни. В составе армии Тимура находились отряды (кошуны) кыпчакских воинов и ополчение, состоящее, очевидно, из числа тех народов, через страну которых она прошла, преследуя Тохтамыш (в том числе и башкир). Например, известно, что ополченцы находились в составе корпуса Хаджи-Сейф-ад-Дина. Из описания современников известно, что в ходе построения армии «20 кошунов (кошун – отряд численностью около 1000 человек) людей отважных, выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды, он (Тимур. – *Н. М., А. С.*) оставил при себе и стал отдельно позади главного корпуса». Следовательно, перед началом боя ставка Тимура находилась в центре, но сзади главного корпуса.

Порядок построения войска Тохтамыша нам неизвестен. Численно оно превосходило тимуровское. Летописец сообщает имена его полководцев. Это Таш-Тимер-оглан, Ченте-оглан, Бик-Ярык-оглан, Илыгмыш-оглан, Бик-Пулад-оглан, Али-оглан, Алий, Сулеймен-Суфиконгурат, Науруз-конгурат, Актау, Ак-Бугой Урусчук-кыят, Иса-бек, Хасан-бек-сарай, Куке-Буга, Яглыбий-бахрин, Кунгур-бий, Эдигей (старший брат Эдигея) и др. Каждый из них, вероятно, командовал войсковым соединением.

Однако, несмотря на численное превосходство, Тохтамыш до последнего момента не предпринимал никаких действий, и инициатива

полностью находилась в руках Тимура. После построения по фронту войска Тимур слез с коня и устроил длинную молитву и, снова вскочив на коня, двинулся вперед. Пришли в движение знаменосцы, музыканты; главное духовное лицо в армии Тимура сеид Береке прочел молитву и просил бога о покровительстве и обратился к Тимуру со словами: «Ступай куда хочешь, ты будешь победителем». Тотчас началась битва по всему фронту.

Начало битвы складывалось в пользу армии Тимура. Когда пешие воины и всадники обеих армий численностью в несколько сот тысяч сцепились друг с другом, воины корпусов мирзы Миран-шаха и Хаджи-Сейф-ад-Дина истребили первые линии нападавших и заставили остальных отступить. Скоро стал вырисовываться общий план сражения. Тохтамыш нанес главный удар на правый фланг, стремясь выйти в тыл корпуса Хаджи-Сейф-ад-Дина. Но последний удержал положение и уничтожил прорвавшуюся в тыл группу вражеских воинов.

Убедившись в силе правого фланга, Тохтамыш неожиданно изменил направление главного удара на левый фланг, на корпус мирзы Омар-шейха. Но и этот корпус блестяще справился со своей задачей и не сдавал своей позиции. В ходе сражения Тохтамышу удалось уничтожить соседний левофланговый корпус и выйти в тыл тимуровских войск. Чтобы спасти положение, корпусу мирзы Омар-Шейха пришлось в ходе сражения тут же перестраиваться и встать фронтом к прорвавшимся в тыл тохтамышевским войскам. Предупрежденный Тимур поспешил с главными силами на помощь мирзе Омар-Шейху, и здесь произошел трагический финал сражения. Отряды Тохтамыша были разбиты наголову, и ему самому пришлось искать спасение в позорном бегстве.

Имеются сведения о том, что некоторые полководцы-эмиры Тохтамыша во время сражения намеренно отступили, что это было предварительно обговорено с Тимуром через свою агентуру. Примечательно, что Тимур сам признал факт подкупа знаменосца Тохтамыша. В «Уложениях Тимура», изданных недавно в Ташкенте, говорится, что в критический момент сражения знаменосец опустил знамя, чем вызвал панику в войсках Тохтамыша, и началось повальное бегство с поля сражения. Операцией руководил Эдигей – будущий соперник и сменщик Тохтамыша¹. Тимур одержал убедительную победу. Тимуровские войска преследовали разбитые отряды армии Тохтамыша до Волги и

¹ Уложение Тимура. Ташкент, 1992. С. 97, 98.

лишь немногим удалось спастись. Тохтамыш вынужден был скрыться в лесах правобережной Камы.

После битвы Тимур во все концы страны посылает гонцов, в том числе из числа перешедших на его сторону воинов и старших чинов Тохтамыша, чтобы те отыскиали своих соплеменников и присягнули на верность ему. Для выполнения этой миссии каждому из них был выдан ярлык. Присягали, очевидно, и башкиры.

Вслед за наступающим войском к берегу Волги прибыл Тимур и, встав в местности Уртепе (Уртюбе) лагерем, предался веселью, продолжавшемуся 26 дней. Как подобает победителю, ему досталась богатая добыча. Среди приобретений оказалось более 5000 молодых красивых девушек и юношей, отобранных лично для Тимура. В ходе этого пиршества по приказу Тимура были разрушены болгарские города во всем левобережном Поволжье.

Тимур вернулся домой через южноуральские степи. Подгоняемых вместе с войском лошадей, верблюдов, быков, баранов и рабов было так много, что порою невозможно было гнать их дальше и их бросали. Описывая эту сцену возвращения армии-победительницы, историк не забывает отметить наступивший в степи голод вследствие всеобщего мародерства¹.

Поражение еще не гибель, а ресурсы еще не были исчерпаны, и Тохтамышу вскоре удалось вернуть свою власть в государстве, собрать новое войско и начать, таким образом, подготовку к новому походу против Тимура. Он возобновил его осенью 1394 г. вторжением в Азербайджан. Сам Тимур в это время находился недалеко, в городе Шеки (Южный Азербайджан). Получив известие о вторжении Тохтамыша, он быстрым маршем двинулся против него и 15 апреля 1395 г. на р. Терек устроил новое генеральное сражение, в ходе которого войско Тохтамыша было вновь наголову разбито. Тохтамыш с остатками своего войска ушел на север. Преследуемый днем и ночью, Тохтамыш бежал через все Поволжье, затем Дон, Днепр и вышел на русские города.

Поход Тимура по Восточной Европе продолжался до весны 1396 г.² Все города и населенные пункты подверглись беспощадному разгрому, после чего они уже никогда не восстанавливались. По непонятным причинам уцелел только Сарай – столица. Тохтамыш спасся бегством в Среднем Поволжье.

¹ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 172.

² Там же. С. 173–189.

Преследуя рассеянные отряды армии Тохтамыша, Тимур дошел до Дона и Днепра, а затем до Крыма. Но армия нуждалась в отдыхе и весной 1796 г. Тимур отдает приказ о возвращении домой¹.

Урон, нанесенный Тимуром Золотой Орде, был настолько тяжелым, что подорвал ее экономику, и она уже не могла возродиться в прежних формах и на прежней территории. После ухода армий Тимура фактически начался распад государства. Гибель городов прежде всего означала полный упадок рынков и ремесленного производства некогда обширном и богатом крае.

В период войны с Тохтамышем у Тимура, очевидно, определилась альтернативная кандидатура на престол Золотой Орды. Это был Койрычак-оглан – сын могущественного Урус-хана Ак-Орды. Сразу же после разгрома тохтамышевского войска на р. Терек в 1395 г. Тимур вызвал к себе Койрычак-оглана, надел на него сшитый из золота халат с золотым поясом и велел переправиться во главе отряда на левый берег Итиля и передал ему право хана над улусом Джучи². Таким образом, Тимур хотел восстановить разрушенный улус, заняться сборами рассеянной армии. Но вскоре он умер, очевидно, был убит сторонниками Тохтамыша.

Появились новые имена – Тимур-Кутлуг и Эдигей, которые вскоре «стали действовать совместно в делах государства Золотой Орды и в небольшое время привели в порядок ушедшее из рук царство».

Источники сохранили интересные сведения об Эдигее и Тимуре Кутлуге. До 1389 г. Эдигей был одним из доверенных лиц Тохтамыша, затем перебежал к Тимуру и сопровождал его до битвы на реке Кундурча. Но он не был чингизидом и, мечтая стать первым лицом в государстве, приютил у себя потомка Бату-хана Тимур-Кутлуг-хана, который не обладал качествами выдающегося организатора, но мечтал стать ханом Золотой Орды при помощи Эдигея. Оказывается, он тоже в 1389 г. сбежал от Тохтамыша и перебежал к Тимуру.

После убедительной победы Тимура на р. Кундурча Эдигей и Тимур-Кутлуг пришли к Тимуру с предложением, чтобы он послал их собирать рассеянный народ левобережной части Золотой Орды и привести ему на поклон. Тимуру это предложение понравилось и, выдав

¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 178–187; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 652–658.

² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 178; Золотая Орда в источниках... С. 357, 398.

каждому из них ярлык, он отправил их выполнять обещание¹. Однако они бесследно исчезли в прикаспийских степях и вновь появились перед Тимуром лишь после окончательной победы над Тохтамышем. Это свидетельствует о том, что в период 1391–1396 гг. они заняли выжидательную политику.

Тимур-Кутлуг являлся внуком Узбек-хана. Сближение посредственного в делах Тимур-Кутлуг-ханом давало Эдигею возможность пользоваться практически неограниченной властью. Недаром современники писали о нем, как о человеке, который «по установившемуся порядку (юсун) был полновластным обладателем (всей власти)». В период начальной совместной деятельности они возродили Ак-Орду, разгромленную Тимуром, а в 1397 г. получили от него официальное согласие на управление Золотой Ордой². Это признание последовало после того, как Тимур-Кутлуг и Эдигей через посла Хызр-Ходжи-оглана принесли извинения за допущенное ими в свое время неповиновение.

В это время события в Золотой Орде начали приобретать нежелательный для тимуровского лагеря оборот: активизировались Тохтамыш и его сторонники, утвердившие свою власть в западных пределах Золотой Орды с Крымом в центре. Тимур-Кутлуг-хану пришлось совершить поход против Тохтамыша, после чего последний убежал к своему бывшему союзнику – литовскому королю Витовту.

В 1398 г. Тохтамыш, опираясь на Литву и своих бывших темников, сохранивших ему верность, провозгласил о возвращении на ханский престол, и Тимур-Кутлуг-хану пришлось бежать за Урал и не без помощи населения Ак-Орды, ему удалось собрать войско, с которым в 1398–1399 гг. он вновь выступил против Тохтамыша. Последовавший в 1399 г. разгром для Тохтамыша оказался последним решающим ударом, и он уже никогда не возвышался настолько, чтобы собственными силами претендовать на прежнюю ханскую власть³.

Тимур-Кутлуг-хан умер в 1399 г., в год полной победы над Тохтамышем. Ханскую власть унаследовал его сын Шадибек. По деловым качествам он значительно уступал отцу, и поэтому власть Эдигея при нем стала еще более неконтролируемой.

¹ Золотая Орда в источниках... С. 350, 351; *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 187–188.

² *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 192–195; *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 662–668; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 374–405.

³ *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 662, 666; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 374–385.

В плане истории Башкортостана из дальнейшей долгой государственной деятельности Эдигея заслуживают внимания следующие факты.

Усиление власти Эдигея в Золотой Орде сблизило двух непримиримых врагов – Тохтамыша с Тимуром. В начале 1405 г. к Тимуру пришел посланник Тохтамыша и передал ему искреннее раскаяние «за неблагодарность за благодеяния и милости, которые я видел и испытал», и уверения в том, что если Тимур простит ему грехи, «то он после этого не вытащит голову из узды покорности и не сдвинет ногу с пути повиновения». Тимур простил своего бывшего подопечного и врага, хотел одарить его подарками, но внезапная смерть помешала сделать это¹. В период после 1399 г. Тохтамыш скитался по разным областям своего бывшего государства и в 1407 г. умер в Тюмени – столице возникшего в XIV в. одноименного ханства, подвластного Золотой Орде. Этот факт дает основание думать, что Тюменское ханство явилось местом постоянного пребывания Тохтамыша в последние годы его жизни в качестве хана. Вполне вероятно, что он тогда не раз навещался в Башкортостан. В этой связи интерес представляют рассказы жителей башкирских деревень по р. Зилим (Имендяш, Таиш) о том, что «когда-то через наши земли проходил Тохтамыш». Согласно имеющимся сведениям, Тюменское ханство на рубеже XIV–XV вв. пыталось играть видную роль в истории Золотой Орды. Известно даже, что в начале XV в. некоторые тюменские ханы (Мамук) пытались овладеть Казанским ханством. Это, скорее всего, было своеобразным проявлением политического наследия Тохтамыша.

В 1411 г. Эдигей был свергнут, и власть захватил сын Тохтамыша Джелал-ад-Дин. В 1411–1414 гг. он пребывал в Ак-Орде, в основном в Хорезме, а затем до 1419 г. временами всплывал на поверхность политической жизни Золотой Орды. Известно, что в последние годы он занимал видное положение в Крыму. Вскоре сам был убит².

Теперь несколько слов об эпосе «Идукай и Мурадым», о котором упоминалось в предыдущей главе. Без преувеличения можно сказать, что этот эпос широко известен на всей территории Золотой Орды: в самостоятельных вариантах он бытует среди башкир, татар, казахов,

¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 189.

² Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 400–406.

кыргызов, узбеков, каракалпаков и других тюркоязычных народов и является их общим культурным достоянием.

В основу сюжета положены эпизоды жизни Эдигея, в чем убеждает их совпадение с известными событиями из истории Орды¹. Молодой, красивый, счастливый и решительный Идукай был замечен ханом Тохтамышем и вскоре становится главным бием, первым лицом после хана. Но есть завистники, и сюжет эпоса развивается на конфликте между ним и его завистниками. Главным интриганом выступает человек из ближайшего окружения хана Сэлэхи, который мечтал жениться на одной из двух его дочерей и стать ему зятем. Возникновению конфликта способствует равнодушие старшей дочери хана Ынйыкай к главному герою. Сэлэхи передает ложные доносы на Идукаю ханше, а та сообщает о них Тохтамышу. У последнего возникает и усиливается подозрение, превратившееся во вражду. Идукай же любит служанку Ганаку, и она тайно рождает ему сына Мурадыма, которого затем отправляет на воспитание из Сарая на Урал.

Мнительный и коварный Тохтамыш решает умертвить Идукаю, но предупрежденный друзьями Идукай бежит на Урал. После скитаний он поступает на службу к хану Сатмыру (Тимуру), который во главе войска отправляет его на войну против Тохтамыша. Ему удается разгромить войска Тохтамыша, а самого его убить. В ходе сражения Идукай встречается со своим сыном и принимает участие на стороне сына.

Идукай становится ханом и живет в Сарая, а сына женит на дочери Тохтамыша. Но сыну Тохтамыша Кадир-берде удается уговорить ее во имя памяти отца сделать Идукаю и Мурадыма кровными врагами. С этой целью она лично обвиняет Идукаю в надругательстве над собой. Темпераментный Мурадym бросается на отца и в возникшей драке выбивает ему глаз, покидает Сарай и возвращается на Урал. Постоянно испытывавшая угрызения совести жена Мурадыма признается в своем обмане, после чего в гневе убита мужем. Со временем на Урал возвращается Идукай, происходит встреча и примирение с сыном. В одном из сражений со сторонниками Тохтамыша Идукай получает ранение, от которого впоследствии умирает. В эпосе сюжеты развиваются на фоне событий от Ак-Орды, Хорезма до Крыма.

¹ Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Уфа, 1999. С. 45–187.

Несмотря на определенное сходство биографических данных Эдигея, Идукай в эпосе – литературно сильно переработанный образ, и это придает ему безусловно эпический характер. В этом смысле эпос следует рассматривать как самостоятельное, высокохудожественное произведение. Текст хорошо отшлифован, богат другими эпическими персонажами, художественными сравнениями. Обращает на себя внимание присутствие в эпосе такого персонажа, как мудрый старик предсказатель Хабрау. Этот и другие моменты роднят эпос «Идукай и Мурадым» с другими эпосами башкирского народа и придают им своеобразный национальный колорит.

Поскольку исторический Эдигей послужил прообразом эпического Идукая, возникает вопрос, почему именно ему выпала эта честь. Вопрос уместен, если учесть, что в истории Золотой Орды были – другие более выдающиеся ханы (например, Узбек).

Ответ, видимо, следует искать в том, что Тохтамыш олицетворял династию всех ордынских ханов-чингизидов, жестоко эксплуатировавших народ. Жестоким и коварным он обрисован в эпосе. Таким он был в действительности: бесконечные войны привели к полному разорению и гибели народных масс, и на этом фоне Идукай выглядит как человек, принесший свободу. Вполне возможно, что войну против Тохтамыша, которую вел Тимур, народные массы воспринимали как освободительную и ее своеобразным символом стал образ Эдигея-Идукая, пришедшего к власти в результате этой войны. Об этом в эпосе есть следующие слова:

*«Я стал джигитом-батыром,
Прославился как Идукай,
Всех, кто находился в заточении
Освободил из Сарая, отпустил»¹.*

Эпос «Идукай и Мурадым», таким образом, отражает чаяния народа о свободной и мирной жизни. Он привлекает внимание читателя своим историзмом и тем, как художественное мышление народа спустя столетия превращает конкретные исторические личности в эпических героев.

¹ Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Уфа, 1999. С. 57. Дословный перевод авторов.

Уход из политической жизни Эдигея – последнего могущественного правителя – фактически означал распад Золотой Орды.

Культура башкир золотоордынского времени (XIII–XIV вв.). Подробный анализ сложной исторической обстановки XIII–XIV вв. в Степной Евразии и на Южном Урале поможет читателю понять особенности культуры населения Башкортостана этого времени. Для освещения темы сейчас располагаем яркими материалами археологических памятников. Они четко отражают параллельное сосуществование на Южном Урале двух культур: пришлого кочевого населения и местных башкир.

Новые хозяева южноуральских степей – кочевое население Золотой Орды – по своей культуре резко отличались от башкир X – начала XIII в. Сейчас в этой части края известно более 100 курганных памятников, объединенных между собой сходством устройства и составом погребального обряда и инвентаря¹. Для них, условно названных памятниками кыпчакского типа, характерны небольшие, преимущественно, земляные насыпи на вершинах сыртов, возвышенностей. Как правило, располагаются они по одному, по два; изредка встречаются курганы, сложенные из камней, и на равнинных берегах рек. Судя по ним, у тех, кто строил эти курганы, был широко развит культ гор, что не было чуждо и для древних предков башкир. Средний диаметр курганов 6–10 м. Такие курганы лучше изучены на территории Оренбургской области, преимущественно по обоим берегам р. Урал и ее притоков (I и II Жанаталап, Кувандыкский район; Каменно-Озерный близ города Оренбурга, Россыпинский курган в районе устья р. Илек и др.), но они выявлены, раскопаны и в южных районах Башкортостана и Челябинской области.

Специфической особенностью рассматриваемых курганов является устройство могил и способ захоронения. Могилы, в отличие от башкирских, глубокие и узкие. На высоте 0,5–1 м от дна вдоль могил строились небольшие ступеньки–запечики; иногда они заменялись углублениями на ширину 10–15 см или одной ступенькой вдоль одной из длинных стен. Это делалось для того, чтобы на ступеньки уложить

¹ *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. С. 33–38, 112–118; *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988; *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 88–100; *Иванов В. А.* Погребения кипчаков в бассейне р. Урал // ПКЮУ. Уфа, 1984 и др.

концы поперечных плах, которыми перекрывались могилы. Умершие хоронились:

а) в дощатых гробах, которые сколачивались плоскими гвоздями с одним загнутым концом вместо шляпки;

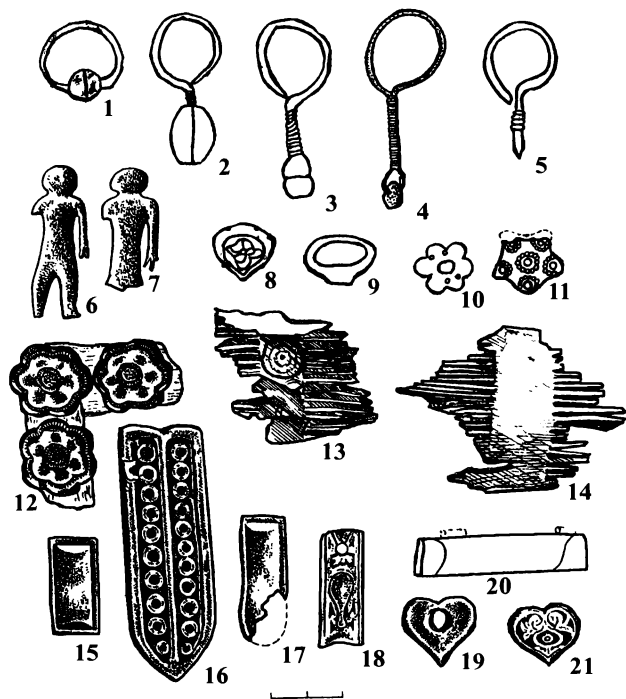
б) в колодцах, изготовленных из толстого ствола дерева.

В кургане близ деревни Башкир-Беркут (Кугарчинский район) на концах, через крышу и основание колоды делались большие «ушки»-отверстия, очевидно, для продевания веревки. Там же удалось четко зафиксировать, что дно колоды было обильно засыпано золой, что можно рассматривать как проявление культа огня. Наличие ушков в колоде наводит на мысль о том, что она приспособлялась к транспортировке, а золой труп засыпали с целью предотвращения его быстрого разложения. Известны случаи сожжения костров над могилой после ее засыпки, но перед сооружением насыпи (Новый Кумак). Было точно установлено, что в одном кургане (Тлявгулово, курган 2) над могилой был построен бревенчатый сруб размером 2,7х2,3 м; он был подожжен, а затем над ними была сложена насыпь из земли и камня.

Очень часто гроб или колода находятся внутри второго, большого ящика, сколоченного из грубых досок при помощи тех же плоских гвоздей.

Все это является необычным для населения Южного Урала предшествующих веков, поэтому не подлежит сомнению, что было привнесено пришлыми кочевниками. В этой связи следует подчеркнуть, что захоронения в двойных ящиках (ящик, внутри него гроб или колода) издревле являются характерными для погребального обряда племен Центральной Азии. На территории Казахстана и Нижнего Поволжья такие могилы также впервые появляются в золотоордынское время, и это позволяет связать их с выходцами из центральноазиатских степей. В пользу этого мнения говорит также антропологический тип умерших: они суммарно принадлежат к южносибирскому расовому типу; черепа их более массивные, лицевой скелет широкий, несколько уплощен на обоих уровнях горизонтальной плоскости. По своим особенностям они наиболее близки к кыпчакским племенам Центрального и Южного Казахстана XIII–XIV вв. и резко отличаются от башкирских племен рассматриваемого времени (см. ниже)¹.

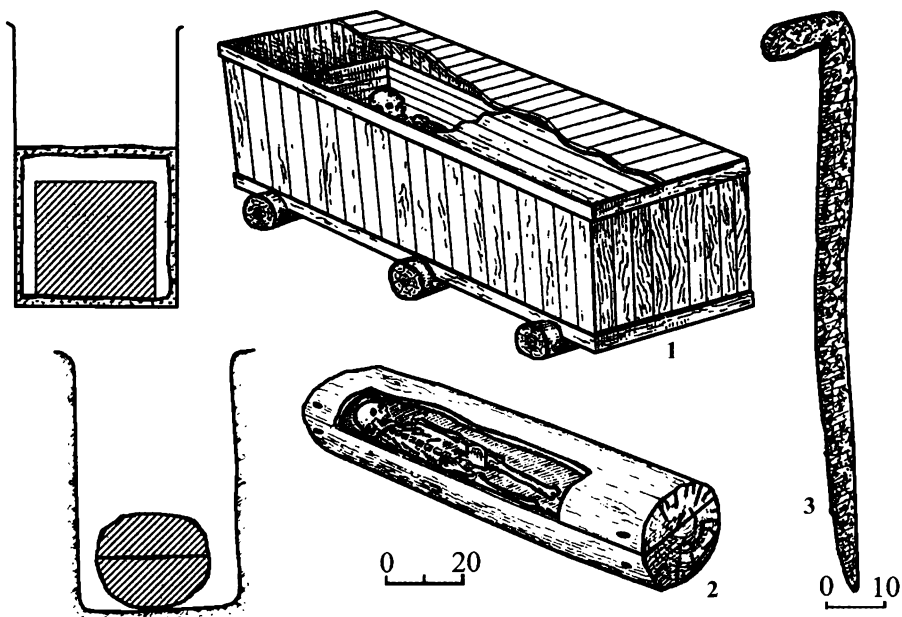
¹ Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт. Уфа, 1991. С. 16.

Предметы украшений из курганов кочевников-«кыпчаков» Южного Урала XIII–XIV вв.: 1–5 – серьги; 6, 7 – амулеты – бронзовые подвески в виде фигур человека; 8–9 – перстни; 10–12, 15–19, 21 – металлические накладки ремня; 13–14 – костяные гребенки; 21 – бронзовая трубка-подвеска

На уровне могильного перекрытия встречены традиционные для кочевников ритуальные захоронения коня (голова, ноги, шкура) и принадлежности конской сбруи (седло, стремяна, узда). Иногда они находятся рядом с умершими. В Россыпинском кургане на этом уровне прослежены остатки деревянной решетки от юрты, которая должна была служить жилищем умершему в загробном мире. К важной особенности погребального обряда кыпчакских племен можно отнести захоронение с умершим целой туши коня. Чаще всего туша лошади лежит на уровне могильного перекрытия. Умершие в основном головами ориентированы на запад с некоторыми отклонениями на северо-запад или юго-запад.

Необычными являются не только устройство, но и состав находок курганов. В них очень много привозных вещей: остатки роскошных халатов из парчи китайского, иранского и неаполитанского происхождения, серебряные китайские зеркала. Почти в каждом женском погребении найдены остатки своеобразных головных уборов, над которыми возвышались берестяные трубки длиной 15–25 см, диаметром 5–8 см для укладки волос. Головной убор вместе с берестяными трубками

Погребальные гробы и колоды кочевников, пришедших на Южный Урал в ходе татаро-монгольского нашествия в XIII–XIV вв.: 1 – гроб внутри большого ящика; 2 – колода (ствол толстого дерева с углублением внутри); 3 – железный гвоздь для заколачивания; слева – положение гроба и колоды на дне глубокой могилы

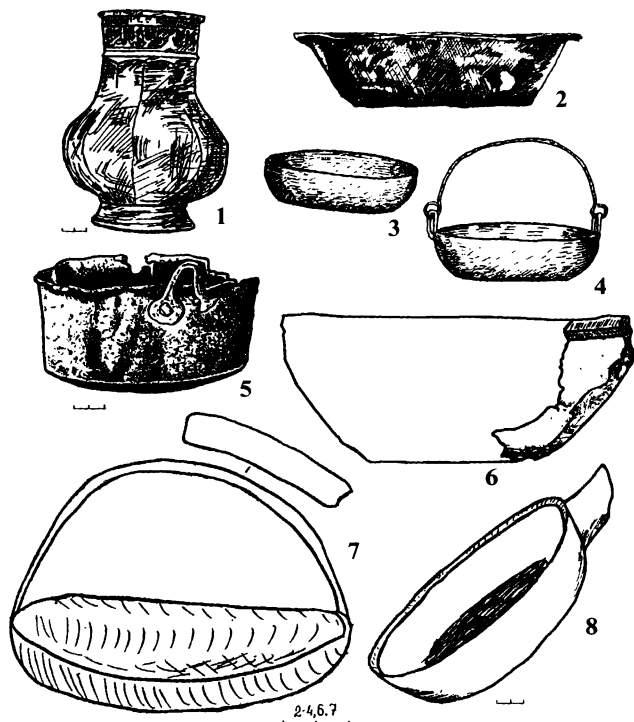
обшивался материей, иногда шелковой, о чем свидетельствуют следы швов на трубках. Такой головной убор – («бокка») – впервые описан Плано Карпини у золотоордынского населения южноуральских и казахстанских степей в XIII в. и по своему происхождению связан со степями Южной Сибири, Восточного Казахстана и Центральной Азии¹. Судя по его описанию, трубки дополнительно украшались перьями птиц, балдахин, жемчугом. Такие роскошные бокка встречены и среди раскопанных курганов Южного Урала (I и II Жанаталап и др.).

В курганах в большом количестве встречены миниатюрные серебряные и бронзовые кованые сосудики с петлями, а в кургане, раскопанном близ д. Юлдыбаево на р. Сакмаре найдена чугунная жаровня. Это самая ранняя находка из числа чугунных изделий на Южном Урале, датируется она XIV в.

¹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука... С. 27.

*Металлическая посуда
из курганов кочевых
племен («кыпчаки»)
Южного Урала
XIII–XIV вв.:*

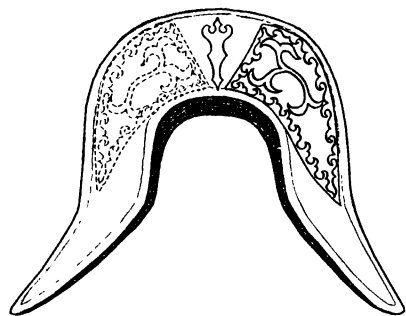
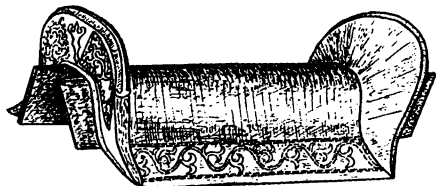
*1 – серебряный
кувшин;
2–7 – бронзовые чаши;
8 – чугунная жаровня*

Среди находок есть серебряные перстни со щитками, оригинальной формы височные подвески, нашивки на одежду, костяные гребни, ножницы и др.

Инвентарь мужских погребений дополнительно включает длинные сабли развитых форм, берестяные плоские или полуцилиндрические колчаны для стрел, широкие пластинчатые костяные накладки на колчаны с богатым орнаментом и остатки седел, среди которых есть целые. Одно седло сплошь было обшито двойным слоем кожи, украшено серебряной проволокой, образующей сложный орнаментальный узор. Каждое седло имело одно или два стремени, имевшие низкую сильно сплюсненную грушевидную форму с широкой пластинчатой дужкой.

Г. Рубрук, проезжая всю евразийскую степь, отмечает еще одну особенность погребального обряда кочевников (кыпчаков) XIII в. Он пишет, что «команы (кыпчаки в широком смысле слова. – Н. М., А. С.) насыпают большой холм над усопшим, воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на вы-

Реконструкция седла, обложенного сверху кожей со следами швов серебряной проволокой. Курган XIV в. Оренбургская область

частью культуры кочевого населения Золотой Орды. Курганы с таким же составом находок богато представлены на территории Южной Сибири, Казахстана, Поволжья и Северного Причерноморья. Учитывая эту близость, их можно рассматривать как важный элемент культуры государства Золотой Орды.

Исторические, этнографические и антропологические материалы свидетельствуют, что кыпчакские племена Южного Урала, оказавшись волею судьбы среди башкир как важный компонент вошли в состав башкирского народа. В башкирском фольклоре есть предания о том, что некогда «башкиры на Урал пришли со стороны Алтая». В легенде «Бурзяне во времена ханов» это предание справедливо связывается с кыпчаками, пришедшими сюда в ходе нашествия Чингисхана и Батый-хана. В ней говорится, что тогда «кыпчаки были воинственными»². Любопытно отметить, что территория распространения курганов кыпчакского типа на Южном Урале совпадает с областью, где встречено

соких жердях 16 шкур лошадей, по 4 с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо»...¹ Читателю уже известно, что описанное Г. Рубруком относится к универсальным элементам обычаев евразийских кочевников всех предшествующих тысячелетий. Например, об обычае вешать на жердях шкуры убитых лошадей подробно писал Ибн Фадлан в начале X в. Каменные скульптурные фигуры известны на всем Южном Урале и тоже ставились на вершинах курганов.

Курганы Южного Урала кыпчакского типа занимают степную зону и являются составной частью

¹ Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука... С. 102.

² Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 164, 165.

наибольшее количество топонимов, которые характеризуются элементами кыпчакских языков¹.

Культура местных башкирских племен в XIII–XIV вв. претерпевает самые серьезные изменения². Бросается в глаза заметное уменьшение курганов, где умерших хоронили по языческому обряду, с вещами. Такими в бассейне р. Белой пока являются только Сынтыштамакские курганы на р. Деме, а также поздние захоронения в Мрясимовских, Лагеревских и Каранаевских курганах, которые уже существовали в период X–XII вв., а Лагеревские возникли еще на рубеже VII–VIII вв. Типологически они ничем не отличаются от курганов башкирских племен предшествующих веков: насыпи земляные, небольшие (диаметр 6–8 м), могилы мелкие, и умерших в них хоронили, обертывая в лубок. В могилах встречены куски бересты, что может указать на то, что в них могли быть опущены невысокие срубы и снизу и сверху сруб мог быть прикрыт слоями бересты, как это практиковалось у башкир в IX–X вв. Мода эпохи коснулась и башкир: в одном из Мрясимовских курганов обнаружен целый скелет лошади, лежавшей в отдельной могиле.

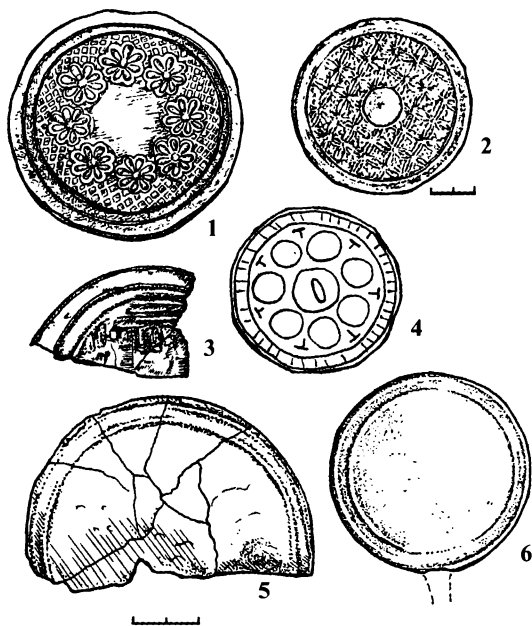
Инвентарь выделенных памятников небогат и состоит из стремян, конских удил, наконечников стрел и других единичных вещей. Оригинальны седла из Сынтыштамакских курганов: ленчики их были обшиты берестой в несколько слоев. В двух случаях удалось установить, что голова умерших укладывалась на седло. Большинство умерших ориентированы головами на запад, в чем следует видеть влияние мусульманской религии.

Следующая группа памятников на своих материалах отражает процесс активной мусульманизации башкирского населения. Это грунтовые могильники (Кушулево, Такталачук, Азметьево³ по правому берегу р. Белой напротив устья и могильник Шахтау вблизи г. Стерлитамака). Указанные могильники являются кладбищами оседлого башкирского населения, о чем говорят их размеры. Первые три занимали большую

¹ Камалов А. А. Башкирская топонимия. Автореф. дис. ... док-ра наук. Уфа, 1997. С. 48–52.

² См. об этом: Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. С. 33–38, 112–118; Он же. Курганы Южного Урала VIII–XIV вв.; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху... С. 222, 223.

³ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

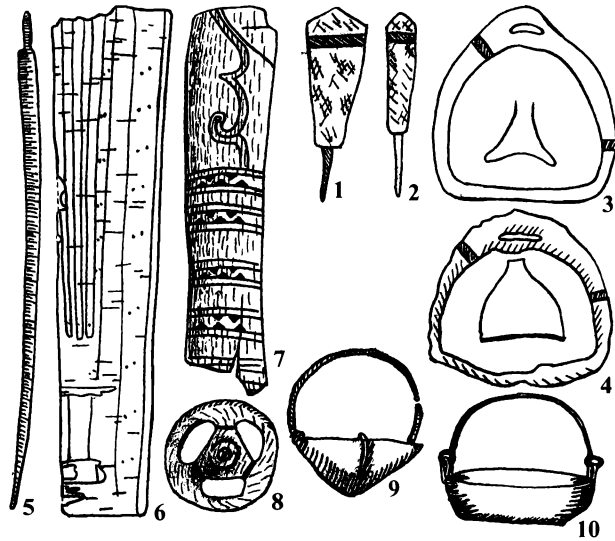

*Литые зеркала
из курганов
кочевников-«кыпчаков»
Южного Урала
XIII–XIV вв.:
1–4 – серебро;
5–6 – бронза*

площадь и функционировали на протяжении длительного времени с конца XII до начала XV в.

В Такталачукском могильнике исследовано 274 погребения XIII–XIV в., которые плотно заполняли площадь памятника. Чтобы полнее представить особенности погребального обряда данной группы башкир, необходимы сведения об устройстве могил. Из общего количества могил 137 (50 %) имели глубину до 39 см, 93 (34 %) – от 40 до 55 см, 28 могил (10 %) – от 56 до 69 см и лишь 16 могил (6 %) – от 70 до 95 см. Такая же картина наблюдается на Азметьевском (вскрыто 98 могил) и Кушулевском (вскрыто 72 могилы) могильниках. Из приведенных статистических данных видно, что нормой считались очень мелкие и узкие могилы.

Умершие уложены согласно требованиям мусульманского обряда: без вещей, вытянуто, на спине или слегка повернуты на правый бок, головой на запад с некоторыми отклонениями на юг или север, руки вдоль тела, лицом на юг. Но еще живы были традиции язычества. В частности, прослежены следы кострищ вблизи могил, да и сами мелкие ямы являются характерными для языческого обряда. К главному пережитку последнего следует отнести редкие случаи захоронения с погребальным инвентарем. Их значительно больше в Кушулевском могильнике,

Предметы из археологических памятников Южного Урала XIII–XIV вв.:
 1, 2 – наконечники стрел;
 3, 4 – стремена;
 5 – сабля;
 6 – колчан для стрел;
 7 – костяная накладка колчана;
 8 – узловое ремennое кольцо; 9 – височная подвеска;
 10 – металлическая чаша

где встречены случаи, когда голова покойника лежит на седле. Среди вещей есть стремена, кресала, серьги, височные подвески, небольшие глиняные сосуды¹. Все это является типичным для памятников, отражающих переходное время от язычества к исламу, продолжавшееся примерно столетие.

Автор раскопок Такталачукского и Азметьевского могильников Е. П. Казаков выделяет перечисленные могильники и связанные с ними поселения в так называемую чиаликскую культуру и считает, что они принадлежали местным угорским племенам, сохранившим особенности своей культуры вплоть до XIII–XIV вв. Исследователь выступает активным сторонником пресловутой теории пребывания венгров в Западном Приуралье и склонен племена, которым принадлежат памятники чиаликской культуры, рассматривать как оставшихся на месте угров². Е. П. Казакова поддерживают В. А. Иванов, Г. Н. Гарустович и некоторые другие археологи³.

¹ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. См. Табл. I. (343, 346–349, 352, 353), XXVI (5, 6, 10, 17, 18), XXVIII (13, 18–20); Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 263.

² Казаков Е. П. Указ. соч. С. 87–93.

³ История татар... Т. II. С. 415–417.

Однако приведенное заключение Е. П. Казакова и его сторонников противоречит историческим фактам. Выше уже не раз говорилось, что критический анализ письменных источников о мадьярах сейчас не дает никаких оснований уверенно локализовать их древнюю азиатскую прародину на Южном Урале. Это – задача будущего. В этой обстановке настаивать на принадлежности данных памятников древним венграм нет никаких оснований.

С другой стороны, по времени существования и месту расположения эти памятники полностью вписываются в территорию расселения башкир племени байлар и буляр. В связи с дискуссионностью вопроса нелишне еще раз привести слова исторического предания булярских башкир: «...до нашествия Сынгыза, Батыя устье Агидели, реки Ик, Малле и Минзеле были полноводные... В этих местах кочевали башкирские племена байляр, буляр...». Находясь, очевидно, в союзнических отношениях с волжскими болгарами, данная группа башкир, как гласят их исторические предания, приняла бой с татаро-монгольскими завоевателями, истребившими все мужское население¹. Из этих фактов видно, что башкиры жили здесь задолго до прихода монголов. В подтверждение вывода о башкирской принадлежности усть-бельской группы племен XII–XVI вв. написан ряд трудов Р. Г. Кузеева².

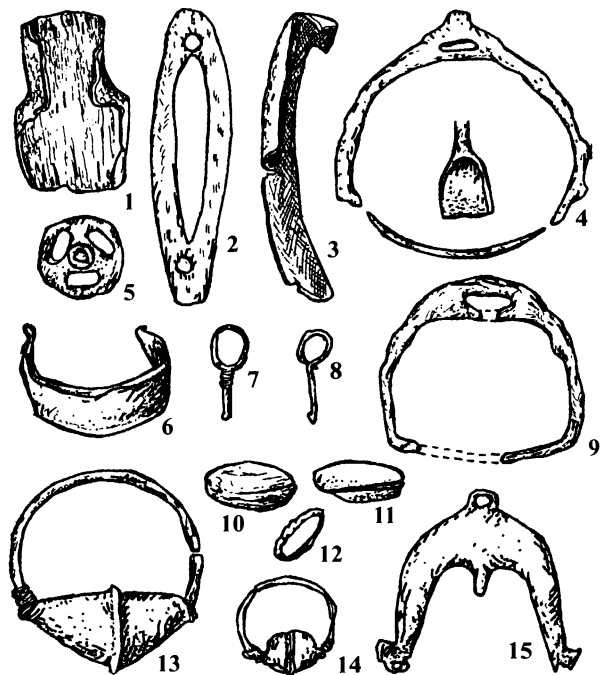
В выделении памятников типа Кушулево и Такталачук в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами нет необходимости. Их лучше рассматривать как памятники буляр-байлярской группы башкир.

При дальнейшем изучении этого вопроса не может не учитываться то, что под влиянием ислама среди оседлого башкирского населения начинает распространяться арабская письменность, о чем свидетельствует надмогильная плита, где арабскими буквами выведены тюркские слова «надмогильный знак Кукляра сына Буги»³. Текстологический анализ надписи на камне приводит исследователей к однозначному выводу о том, что население бассейна р. Белой, оставившее нам указанные памятники, говорило на тюркском (башкирском) языке. В этом вопросе

¹ Башкирское народное творчество. Предания и легенды. С. 166, 167.

² Кузеев Р. Г. Указ. соч.; *Он же*. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 152–182; *Он же*. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992.

³ Ишбердин Э. Ф. Указ. соч. С. 64–67.

*Инвентарь
из башкирских
захоронений
у д. Кушулево
близ г. Дюртюли.
XIII–XIV вв.:*

*1 – тесло; 2 – кресало;
3 – оковка седла;
4, 9 – стремена;
5 – узловое ременное
кольцо;
6 – браслет;
7, 8, 13, 14 – серьги
(височные подвески);
10, 11 – бусы;
12 – кольцо;
15 – подвеска*

смыкаются данные археологии, письменных и этнографических источников и исторических преданий.

Могильник Шахтау близ г. Стерлитамака также является памятником переходного периода от язычества к исламу¹. В нем наряду с чисто мусульманскими обнаружены могилы с вещами (стремя, стрелы, костяные накладки на колчан) XIV в. Такими же памятниками, по видимому, являются три поздних погребения на Охлебининском городище, в которых были характерные для XIII–XIV вв. стремена, сабли, удила. Умершие лежали в почвенном слое. Не исключено, что над могилами имелись небольшие земляные насыпи, разрушенные впоследствии пахотой². В целом для бассейна р. Белой XIII–XIV вв., где располагалась основная территория исторического Башкортостана XI – начала XIII в., заметно уменьшение языческих могильников. Это надо ставить в прямую связь с начавшимся процессом массового перехода башкир к новой религии.

¹ Раскопки М. Х. Садыковой в 60-х гг. XX в.

² Иванов В. А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. № 1. 1977. С. 292–295.

Принципиальную новизну в реконструкцию социально-экономической и культурно-политической жизни башкирского народа золотоордынского периода вносит доказанный теперь факт существования в это время города Башкорт на территории современной Уфы¹. Золотоордынский этап истории этого оригинального по архитектуре памятника представлен несколькими серебряными золотоордынскими монетами XIII–XIV вв., серебряными височными подвесками в виде знака вопроса с сомкнутым кругом, железными наконечниками стрел. К этому же времени следует отнести поздние варианты круглодонной глиняной посуды с веревочным орнаментом; они хорошо сопоставляются с аналогичной посудой из погребений Кушулевского могильника, датируемых XIII–XIV вв.

Есть все основания думать, что город в золотоордынское время был крупным торгово-ремесленным центром и одновременно выполнял роль столицы Башкортостана. По нашему мнению, именно здесь побывали венгерские путешественники Юлиан (30-е г. XIII в.) и Йоганка (30-е г. XIV в.), встречались с башкирскими ханами, послами и судьями татаро-монголов². Из числа всех известных ныне средневековых городищ на Южном Урале только город Башкорт может претендовать на роль центра политической жизни тогдашнего Башкортостана – местопребывания башкирских ханов и иностранных дипломатов. Это обстоятельство, видимо, сыграло немаловажную роль в том, что он вошел в число крупных городов Золотой Орды и получил отражение в арабской (Ибн-Халдун) и западно-европейской (братья Пицигано, Г. Меркатор) историко-географической литературе.

Мы уверены, что на Южном Урале еще будут открыты городища с четким золотоордынским слоем. В этом плане обнадеживающим фактом может служить нахождение обломков поливного кувшина с городища Турналы на р. Ай³. По фактуре этот кувшин очень схож с аналогичной посудой из города Отрар XIV в. в Центральном Казахстане.

Следующим интересным памятником золотоордынского времени является местонахождение Брик-Алга в Белебеевском районе, откуда происходят около 500 золотоордынских монет, серебряные серьги,

¹ Сокровища города Уфы. Уфа, 2008. С. 47–52 и др.

² Аннинский С. А. Указ. соч. С. 81, 85, 92.

³ История культуры Башкортостана. Вып. 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996. С. 118.

бронзовые зеркала, множество топоров, серпов, наконечников стрел, лемехов, железных замков, клещей и других предметов¹. Состав находок настолько богат, что он отражает важные стороны материальной культуры башкирского населения XIII–XIV вв. Исследователи затрудняются точно определить статус местонахождения и в этом плане высказали два мнения: либо это клад, либо это след долговременного поселения. Но независимо от точного определения вида памятника нахождение в нем более 500 золотоордынских монет свидетельствует о высокоразвитом уровне товаро-денежных отношений у башкир.

Раннемусульманские памятники Башкортостана. Выше охарактеризованные погребальные сооружения (курганы и грунтовые могильники) XIII–XIV вв. являются важными элементами уже отживающий свой век древней языческой культуры. Найденные в них предметы быта и вооружения дают возможность ярко представить материальную культуру башкир времени Золотой Орды.

Племена Башкортостана, прежде всего башкирское население, пережили тогда период коренной ломки идеологии, связанный всевозрастающей ролью ислама в жизни.

В исторической литературе имеется обоснованное мнение о том, что массовое принятие башкирами ислама состоялось в 1152 г.² Исторические факты свидетельствуют, что к этому времени ислам в Башкортостане прошел длительный путь проникновения и распространения. Часть башкир ислам могла принять вместе с хазарами еще в 40-х г. VIII в., а в начале X в. – вместе с волжскими болгарами.

Не отрицая общепринятую в науке роль Волжской Болгарии как крупного центра распространения ислама среди народов Урало-Поволжья, теперь уверенно можно сказать, что важным, может быть, решающим каналом распространения его среди башкир были активные торгово-экономические и культурные контакты с народами Средней Азии. В этой связи достаточно вспомнить сведения ал-Идриси о существовании постоянного караванного пути Урал – Хорезм, по которому башкиры вывозили жителям Хорезма и Чач выплавленную у себя медь.

¹ Гарустович Г. Н., Рязанов С. В., Яминев А. Ф. Брик-алгинское местонахождение XIV в. в Башкирском Приуралье. Уфа, 2005.

² Омётбаев М. Йэдкэр. Өфө, 1984.

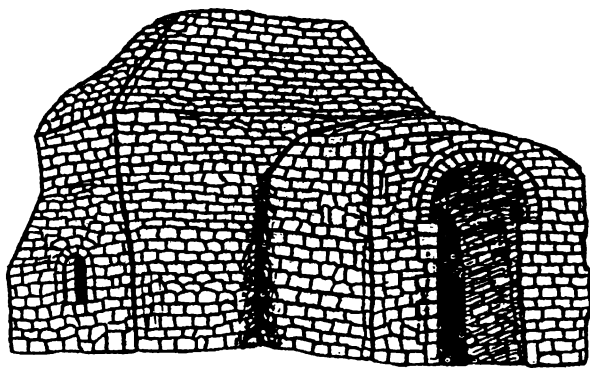
Читатель, наверняка, вспомнит, что обнаруженные на городище Уфа-II археологические материалы дали нам повод высказать мысль, что в основании и дальнейшем развитии города Башкорт активное участие могли принять выходцы из Средней Азии, Южного Казахстана – носители этнонима «башкорт». Широкое распространение и утверждение этого этнонима до уровня самоназвания народа невозможно без активной роли государственной организации в объединении различных по культуре и происхождению местных племен. Это был длительный процесс, охвативший все раннее средневековье, и ярким доказательством этого совершившегося факта является функционирование города Башкорт.

В организации коллективного принятия башкирами ислама очевидна активная мобилизующая роль лидеров государственной власти в лице ханов и их ближайшего окружения. На это прямо указывает венгерский путешественник начала XIV в., говоря, что «государя же всей Баскардии (Башкортостан) с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским (исламским. – *Н. М., А. С.*) заблуждением»¹.

Важным показателем того, что к началу XIV в. в консолидации и укреплении национального самосознания у башкир произошел перелом, служит повсеместное появление на Южном Урале надмогильных монументальных архитектурных сооружений в виде мавзолеев. Одним из самых ранних среди них является мавзолей Хусейн-бека близ г. Уфы. Этот памятник хорошо известен в литературе благодаря серьезным исследованиям П. С. Палласа, Р. Г. Игнатьева, В. В. Вельминова-Зернова, А. П. Смирнова, Г. В. Юсупова и Г. Н. Гарустовича и многих других.

Об обстоятельствах происхождения этого памятника сохранилось следующее предание. В нем говорится, что в начале XIV в. башкирский хан Борак обратился к правителю Туркестана Ахмеду Ясави с просьбой прислать им человека, который смог бы проповедовать ислам среди башкир. Ахмед Ясави-хан незамедлительно послал в Башкортостан своего ученика Хусейн-бека с этой благородной миссией. Важное духовное лицо, несомненно, устроился при ставке хана. В проповеди ислама Хусейн-бек не был одинок, на это дело он сумел направить своих сторонников из единомышленников из Туркестана и Бухары. Когда

¹ *Аннинский С. А.* Указ. соч. С. 92.

Хусейн-бек достиг определенных успехов на миссионерском поприще, он предпринимает путешествие в Мекку для совершения Хаджа. Из Мекки он вернулся с ореолом почета и титулом «хаджи» – теперь он Хаджи Хусейн-бек; становится имамом, духовным главой мусульман Башкирии.

Хусейн-бек до самой смерти находился при ставке хана и в последствии похоронен на ханском кладбище «Ак-зиярат».

Мавзолей возведен над могилой мусульманского миссионера Хусейн-бека, о чем свидетельствует текст надмогильной плиты:

«Справедливый в своих решениях Хусейн-бек
сын Омар-бека... рсасского из Туркестана,
покойного, боже мой, помилуй милостью
обширную, чти же его своим благодетелем.

Скончался (девятого) дня благословенного богом месяца
четвертого, года семьсот сорокового». (По христианскому
летосчислению 1339 года, 15 сентября)¹.

Судя по тексту, Хусейн-бек происходит из аристократической семьи и являлся выходцем из Средней Азии.

В настоящее время над могилой Хусейн-бека было сооружено белокаменное квадратное здание размером 8х8 м, толщиной стен 1,5 м, высота стен достигала 4 м. Эти данные приведены в работе В. В. Вельяминова-Зернова, лично осмотревшего памятник в середине XIX в. Он же отмечал, что в помещение вел дверной проем высотой 2,5 м, шириной около

¹ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. С. 118.

1 м. В северной, восточной и западной стенах имелись по одному сводчатому окну высотой около 1 м, шириной 0,7 м. Внутри, в центре здания часть помещения была отгорожена стеной, в то время уже развалившейся¹. Это описание в целом подтверждается сведениями В. С. Юматова, где также подчеркивается отсутствие купола².

Все исследователи подчеркивают, что мавзолеей Хусейн-бека по архитектурным особенностям близок к мавзолею Турахана, расположенному на расстоянии около 10 км от мавзолея Хусейн-бека. Но он построен в самом начале XVI в., поэтому речь о нем пойдет ниже.

В 1985 г. башкирский археолог Г. Н. Гарустович произвел археологические раскопки внутри мавзолея Хусейн-бека и обнаружил девять захоронений: трех взрослых и 6 детских. Как полагают, центральное погребение принадлежало Хусейн-беку: он, как все остальные, лежал в гробу-табуре головой на запад, лицом на юг, Мекку.

Скелет Хусейн-бека был подвергнут тщательному обследованию. Оно показало, что он был ростом около 160 см, без следов заболеваний, могущих вызвать изменения костной системы. На основе хорошо сохранившегося черепа был восстановлен портрет Хусейн-бека: он был человеком с европейским лицом.

Хронологически к мавзолею Хусейн-бека очень близок мавзолей Кисяне в Челябинской области. Его основанием служит прямоугольник размерами 9х12 м, построенный из квадратных кирпичей. На высоте около 4 м прямоугольное основание переходит двенадцатигранный купол, заканчивающийся двенадцатигранной пирамидой. Этот памятник описан в трудах таких ученых XVIII–XIX вв., как П. И. Рычков, П. С. Паллас, И. И. Кастанье. Последнему автору принадлежит заслуга составления детального плана сооружения. Все современные исследователи сходятся во мнении о том, что мавзолеей Кисяне построен по образцу среднеазиатских мусульманских архитектурных традиций XIV в. Этим же временем, возможно, датируется сам памятник³. В то же время нельзя исключить, что мавзолеей мог быть возведен в XV в.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // ЗРАО. Т. XIII. СПб., 1859. С. 157; Смирнов А. П. Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 89.

² Юматов В. С. Древние памятники на земле Башкирцев Чубиминской волости. Оренбургские губернские ведомости. № 5. 1848 г.

³ Смирнов А. П. Указ. соч. С. 94; Кастанье А. И. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. XXII. 1910.

В 1889 г. профессор А. И. Петри внутри мавзолея произвел археологические раскопки, позволившие выявить женское захоронение, совершенное в лубке на глубине 1,5 аршина. В части лубка, обертывавшего тело умершей, на уровне лица сделано два отверстия для глаз и одно для рта. Шея погребенной была обмотана шелковой тканью. На ушах покойницы были две золотые серьги с двумя жемчужинами, а на пальцах руки – два золотых перстня с щитком-гнездом с камнем зеленовато-голубого цвета¹. Обычно подобные находки датируются XIV в.

Можно предположить, что мавзолей Кисяне построен одной из ведущих групп кочевников Золотой Орды, тесно связанных своим происхождением с районами Южного Казахстана и Средней Азии.

Раннемусульманские надмогильные архитектурные сооружения золотоордынского времени вышеописанными мавзолеями Хусейн-бека и Кисяне не исчерпываются. Их более 10, но большинство их датируется XV – началом XVI в. В связи с такой поздней датой мы вернемся к этому вопросу еще в XIII главе.

¹ Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // ОИАК за 1889. СПб., 1892. С. 55, 56.

Глава XI ЗОЛОТАЯ ОРДА В СУДЬБАХ НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Историография вопроса. История Золотой Орды изучена относительно хорошо¹. В этом немалая заслуга ее современников-историков, оставивших интересные сведения о ханах и их государственной деятельности, городах, в целом – о быте и культуре народов. Сбором и систематизацией этих источников занимались многие поколения русских и зарубежных историков-востоковедов, но особо среди них следует выделить исследования В. Г. Тизенгаузена, давшего первую и наиболее полную сводку письменных документов XIII–XIV вв. о Золотой Орде².

Еще в XIX в. началось изучение археологических древностей Золотой Орды. Например, А. П. Терещенко произвел раскопки города-столицы Сарай-Берке; по выявлению и первичному научному описанию археологических, эпиграфических и нумизматических памятников много работали такие известные востоковеды г. Казани как Х. М. Френ, И. Н. Березин, С. М. Шпилевский, В. В. Вельяминов-Зернов и десятки других. Без преувеличения можно сказать, что благодаря этим поискам к началу XX в. были заложены научные основы изучения истории Золотой Орды.

¹ Содержание настоящей главы впервые было изложено одним из авторов (Н. А. Мажитовым) в докладе на Международной научной конференции тюркологов, которая состоялась в г. Казани в июне 1992 г.: см. *Мажитов Н. А.* За объективное освещение истории Волжской Болгарии и Золотой Орды // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции: В 3 т. 9–13 июня, 1992. Казань. Т. 3. С. 13–15.

² *Тизенгаузен В. Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., Ч. I. 1884; *Он же.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., Ч. II. 1941.

В советский период над разработкой истории Золотой Орды активно работали академики-востоковеды В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский; первое полное описание эпиграфических памятников сделал Г. В. Юсупов. Уровень источниковой базы позволил написать первые монографические исследования по истории государства, куда следует прежде всего отнести работы Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (М., 1950) и М. Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (Саранск, 1960).

В историко-археологическом плане важно подчеркнуть многолетние работы Болгарской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. П. Смирнова в городе Болгаре – столице Золотой Орды. В результате были открыты и детально исследованы развалины уникальных историко-архитектурных памятников, что намного обогатило представления ученых об уровне культуры Золотой Орды на конкретных материалах. Не менее важным событием явилось создание в 60-х гг. Золотоордынской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Московского университета по изучению городов в Нижнем Поволжье (Сарай-Бату и Сарай-Берке).

Г. А. Федоров-Давыдов первым из археологов систематизировал пред- и золотоордынские древности, определив точные периоды их бытования. Значение данного исследования состоит в том, что выделение характерных признаков материальной культуры Золотой Орды позволило неограниченному по объему археологическому материалу придать вид надежно документированного и массового исторического источника, что гарантирует конкретность и объективность получаемой информации.

Г. А. Федорову-Давыдову принадлежит такой оригинальный труд как «Общественный строй Золотой Орды» (М., 1973) по социально-политической истории государства татаро-монголов. По широте привлекаемой источниковой базы, полноте охвата и освещения вопросов он может быть классифицирован как лучшее достижение исторической науки по данной теме. Последние десятилетия ознаменованы появлением ряда других фундаментальных работ по социально-экономической истории Золотой Орды. В этой связи можно упомянуть книги «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.» В. Л. Егорова (М., 1985) и «Булгаро-татарская монетная система XII–

XV вв.» А. Г. Мухамадеева (М., 1983). Все эти работы в совокупности дали возможность объективно определить место и значение Золотой Орды в истории народов Евразии.

Однако в истории Золотой Орды много и «белых» пятен. В частности, слабо изучены конкретная история отдельных народов Урало-Поволжья золотоордынского периода и исторические последствия длительного пребывания их в составе этого государства. Трудности изучения данного аспекта темы еще более осложнились тем, что с 40-х гг. XX в. в науке начало утверждаться мнение о том, что Золотая Орда как государство, возникшее в результате завоевательных походов татаро-монголов, существовала за счет жестокой эксплуатации покоренных народов и потому была паразитарным явлением. Такое негативное отношение к истории Золотой Орды стало официальной политикой в исторической науке после известных постановлений ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной «организации» (1944 г.) и «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (1945 г.). В них осуждались исторические исследования, в которых якобы Золотую Орду преподносят читателю в приукрашенном виде, идеализируют патриархально-феодалное прошлое, увлекаются пропагандой ханско-феодалного эпоса «Идукай и Мурадым» и т. п. Все эти обвинения в постановлениях классифицировались как «ошибки» национального характера в освещении истории республик¹. В тогдашних условиях партийно-бюрократического режима и тотальной слежки принятие указанных документов фактически означало навязывание науке тенденциозной партийной идеологии. В жизни это обернулось репрессиями тех, чьи работы критиковались в постановлениях. Таким образом, был наложен официальный запрет на объективное освещение истории и культуры Золотой Орды. Результаты не замедлили сказаться: объем исследований по данной теме резко сократился и начали появляться отдельные статьи и более серьезные публикации, где утверждался тезис о Золотой Орде как регрессивном явлении².

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 6. М., 1971. С. 113–120, 130–134.

² *Гимади Х. Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // *Материалы по истории Татарии*. Вып. 1. Казань, 1948. С. 200 и др.

Важно подчеркнуть, что Золотая Орда – это сложное историческое явление, где наряду с пороками было много положительного. В этом плане она ничем не выделялась из других крупнейших мировых государств древности и средневековья, в том числе России; задачей науки является объективное исследование и показ таких явления во всей сложности.

Принятие указанных партийных документов и их последствия способствовали возникновению в исторической науке в СССР, особенно национальных окраинах, ситуации, когда объективный анализ истории Золотой Орды подменялся шаблонной нигилистической оценкой, легко искажались факты и последовательность исторических событий, смещались понятия и признаки из одного исторического события в другое. Так, в науке возник и развивался миф о Волжской Болгарии домонгольского времени со множеством больших городов с кирпичными и каменными зданиями, водопроводом, с домами с подпольной отопительной системой и другими элементами культуры, которые на поверку оказались типично золотоордынскими. На основе таких искажений нетрудно было аргументировать положение о Золотой Орде как о государстве – паразите-разрушителе. Обстановка, когда в науке престижным считалось огульное отрицание вклада Золотой Орды в мировую культуру, послужила одной из главных причин широкого распространения среди историков Татарстана мнения о том, что современные поволжские, следовательно и приуральские татары, являются прямыми потомками волжских болгар домонгольского времени. Чтобы придать этой панболгарской теории этногенеза татарского народа доказательный вид, в исторической литературе возникла и незыблемо существует мысль о том, что государство Волжская Болгария и ее культура продолжали существовать и в XIII–XV вв¹. Данная точка зрения нуждается в серьезной корректировке, так как построена на полном отрицании тех серьезных изменений, которые произошли в этническом составе, общественно-политическом устройстве, культуре и языке населения Среднего Поволжья в золотоордынский период.

¹ См. работы: *Смирнов А. П.* Волжские Булгары. М., 1951. С. 60–61; *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 208–212; *Фахрутдинов Ф. Г.* Очерки по истории Волжской Болгарии. М., 1984. С. 98–187 и др.

Вышеизложенные идеи о Волжской Болгарии и Золотой Орде получили особенно яркое освещение во всех работах профессора А. Х. Халикова и его коллег по Билярской археологической экспедиции¹. Как видно из содержания главы IX, причиной серьезного заблуждения указанной группы исследователей явилось ошибочное отнесение монументальных архитектурных сооружений г. Биляра (Караван-Сарай, Мечетный комплекс и др.) к домонгольскому времени. Это повлекло за собой вывод о полном разрушении и гибели города в ходе завоевания Волжской Болгарии татаро-монголами, хотя на самом деле указанные объекты в Биляре появились только в золотоордынский период.

Выше уже говорилось, что идея болгаро-татарского этнического родства настолько увлекла А. Х. Халикова, что в ряде работ последних лет он объявил болгарскими мавзолеи из камня, построенные в XIII–XV вв. в Башкортостане на р. Дема близ г. Уфы (Хусейн-бек, Турахан). Отсюда он делает другой неверный вывод о том, что весь бассейн р. Белой был заселен болгарами – ближайшими и прямыми, по его мнению, предками поволжских и приуральских татар, еще в XIII–XIV вв.². Впрочем, А. Х. Халиков здесь не оригинален: эту мысль он заимствовал у Г. В. Юсупова³.

Приведенные выше ошибочные соображения Г. В. Юсупова и А. Х. Халикова дали повод экстремистски настроенным активистам национального движения татар в Башкортостане говорить о татарах в Башкортостане как о коренном населении, хотя из всех источников известно, что они пришли сюда после завоевания русскими территории Казанского ханства в XVI в. и в ходе русской колонизации края в XVII–XIX вв. Современная концепция историков Татарстана о Волжской Болгарии и Золотой Орде построена на грубых искажениях ранних этапов истории народов Урало-Поволжья. Например, она отрицает большую роль волжских болгар в формировании чувашского народа и языка, что признано учеными всего мира. Так одна концептуальная ошибка о Золотой Орде породила серию других не-

¹ См. статьи в сборниках: Исследования Великого города. М., 1976; Культура Биляра. М., 1985; Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988; Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985; Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991; см. также работы: Халиков А. Х. Татар халкынын килеп чыгышы. Казан, 1974. 48–49 б.; Он же. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 67–135; Он же. Беренче дәүләт. Казан, 1991 и другие.

² Халиков А. Х. Урал татарлары // Азат хатын. Казан, 1988. № 11.

³ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., 1969. С. 131.

верных положений, и теперь они перекачывают из одной работы в другую.

Чтобы дать читателю объективную информацию по затронутым здесь вопросам, мы вынуждены вкратце остановиться на золотоордынском этапе истории Среднего Поволжья, хотя это несколько выходит за рамки нашего исследования.

Нельзя не отметить, что рубеж XX и XXI вв. отмечен появлением множества новых фундаментальных работ по археологии и истории Среднего Поволжья золотоордынского времени. К их числу прежде всего следует отнести монографические труды Г. А. Федорова-Давыдова, А. Г. Мухамадиева о денежном обращении¹, серию книг по археологии Казани², обобщающие труды Е. П. Казакова³, Ф. Ш. Хузина⁴, К. А. Руденко⁵ и других авторов. Такие серьезные издания появились и по средневековой истории Среднего и Верхнего Прикамья, Марий Эл, Чувашии⁶ и других районов этого региона⁷. Важным новшеством явилось начало издания научных журналов «Finno-Ugrica», «Татарская археология» и «Средневековая археология евразийских степей». Особо следует упомянуть издание первого и второго томов серийного издания «История татар», претендующего на комплексное изложение этнической истории Среднего Поволжья и истории татарского народа с древнейших времен вплоть до современности. Существенное пополнение источниковой базы по истории Среднего Поволжья золотоордынского времени налицо и это обнадеживает, что в скором времени появятся новые исследования, где история этого региона рассматриваемого времени будет освещена с наибольшей полнотой.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003; Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.

² Казань в средние века и раннее новое время. Казань, 2006; Ситдиков А. Г. Казанский Кремль. Казань, 2006; Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000.

³ Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв. и проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

⁴ Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001; Он же. Ранние болгары и Волжская Болгария. Казань, 2006; Он же. Болгар иле һәм аның шәһәрләре. Казан, 2005.

⁵ Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001; Он же. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань, 2003.

⁶ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

⁷ Николаев В. В. История предков чувашей XXX в. до н. э. – XV в. н. э. Чебоксары, 2005.

Однако в изучении истории Среднего Поволжья золотоордынского времени и, в частности, происхождения и этапов развития татарского народа в настоящее время происходят процессы, которые трудно объяснимы с научной точкой зрения, т. е. логикой научного мышления. Это прежде всего связано с попытками историков Татарстана извращенно толковать роль и место Золотой Орды как в мировой истории, так и истории народов, некогда находившихся в составе этого государства.

Выше уже говорилось, что до начала XXI в. в исторической науке Татарстана официально была принята точка зрения А. Х. Халикова о так называемой болгарской цивилизации IX – начала XIII вв., полностью разрушенной в ходе татаро-монгольского нашествия осенью 1236 г. Такая трактовка истории взаимосменяемых государств стала возможной из-за ошибочной датировки золотоордынских монументальных архитектурных памятников болгарским временем, чему способствовала полная неразработанность хронологии древностей рубежа региона I–II тысячелетий н. э.

Как известно, один из авторов настоящей книги академик Н. А. Мажитов впервые на международной конференции 1992 г. подверг критике научную несостоятельность изложенной выше концепции группы татарских историков¹. Можно было надеяться, что изучение истории Среднего Поволжья IX–XIV вв. вернется в спокойное научное русло, но произошло неожиданное. Без серьезного (никакого) обоснования организаторы исторической науки Татарстана выработали новую концепцию по истории Татарстана, согласно которой Волжская Болгария IX – начала XIII в. была обычным государством среди десятков других государственных образований лесостепной полосы Евразии, а Золотая Орда, наоборот, явилась государственным образованием с культурой на уровне мировой цивилизации. Действительно, Золотая Орда способствовала коренной ломке сложившихся к началу XIII в. социально-экономической системы и этнополитических образований у народов Степной Евразии, о чем свидетельствует появление десятков городов с новой архитектурой и массовые передвижения населения и их последствия. Но наши коллеги из Татарстана пошли дальше от этой, казалось бы, единственной объективной оценки. Они стали утверж-

¹ *Мажитов Н. А.* За объективное освещение истории Волжской Болгарии и Золотой Орды // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной научной конференции: В 3 т. 9–13 июня, 1992. Казань, С. 13–15.*

дать, что Золотая Орда возникла и развивалась как национальное государство татарского народа с единым татарским языком, идеологией и это единство татарского народа сохранялось вплоть до Октябрьской революции, после которой власть большевиков, предоставив отдельным этническим группам «татар» возможность создать собственные государственные образования, способствовала сложению казахского, киргизского, узбекского, каракалпакского и других тюркоязычных народов Степной Евразии¹. Выходит, что формирование современных тюркских народов не результат многовекового взаимодействия, общения, интеграции, а затем объединения различных по культуре, происхождению и образу жизни племен, а всего лишь искусственные образования, созданные ради раздробления единого татарского народа и удобства управления ими со стороны имперских властей. Претендуя на столь широкие оценочные обобщения, авторы этих утверждений не приводят никаких аргументов, в то же время полностью игнорируют общепризнанные в мировой науке источниковые материалы и факты.

В исторических построениях многих татарских исследователей больше всего не повезло башкирскому народу. Они не хотят признавать факт существования на средневековом Южном Урале самостоятельного башкирского народа, его языка, территории обитания (страна), образа жизни и, в целом, его менталитета и пытаются доказать, что этот край был заселен предками татар. Выходит, средневековые авторы, многие из которых лично побывали среди башкир, изучали их культуру, образ жизни, язык, писали не о башкирах. На все эти измышления можно было бы закрыть глаза, если бы не одно обстоятельство: у авторов изложенной выше концепции просматриваются политические цели. Под выдуманной идеей о Золотой Орде как былом национальном государстве татарского народа они ставят задачу построения Великого Татарстана в пределах Золотой Орды², что подразумевает, на наш взгляд, насильственную ассимиляцию всех тюркских народов Евразии

¹ *Хакимов Р. С.* Политические аспекты единства татарской нации // Единство татарской нации. Казань, 2002. С. 21–24; *Он же.* Кто ты татарин? // Восточный экспресс. 2002. 26 апр. – 2 мая; *Исхаков Д. М.* Проблема этнического единства татар // Единство татарской нации. Казань, 2002. С. 25–34; *Ахметзянов М. Н.* Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа // Единство татарской нации. Казань, 2002. С. 204–213 и др.

² *Хакимов Р. С.* Кто ты татарин...; *Исхаков Д. М.* Проблема этнического единства татар... С. 26, 27 и др.

со стороны татар, а одними из первых в их списке на поглощение стоят башкиры.

В начале настоящей главы мы подробно информировали о том, к каким негативным последствиям привело вмешательство политиков СССР в виде решений ЦК ВКП(б) 1944–1945 гг. о состоянии идеологической работы в Татарстане и Башкортостане в освещении истории Золотой Орды. Другим не менее худшим примером служат попытки группы историков Татарстана искаженно излагать историю того же государства Золотой Орды ради приписывания татарскому народу несвойственное ему качество.

Приведенные выше два примера: а) попытки историков 70–90-х гг. XX в. преувеличенно показать роль Волжской Болгарии в истории народов Восточной Европы; б) переписать теперь эти качества Золотой Орде и татарскому народу, профессионалу-историку хочется сравнить с мыльным пузырем. Как бы ни раздувался пузырь, он все равно лопнет. На примере Волжской Булгарии он уже лопнул, а с Золотой Ордой это обязательно произойдет в скором времени. Наука не терпит фальши.

Завершая историографический обзор, хочется подчеркнуть, что близкий сосед башкирского народа татарский народ в мировой и отечественной истории занимает достойное ему почетное место. Он не нуждается ни в каких измышлениях в его истории, а современный читатель в состоянии отличить правду от лжи. Гарантией тому, что так и будет, служат опубликованные отклики на указанную концепцию татарских историков. Она, например, оперативно и жестко была раскритикована академиком АН РТ И. Р. Тагировым. Он призвал ученых возникающие спорные вопросы истории башкирского и татарского народов решать на научной основе. Концепция была осуждена одним из самых авторитетных исследователей истории Золотой Орды В. Л. Егоровым. Современные резкие изменения в оценке наследия Золотой Орды историками Татарстана, по его мнению, вызваны политической конъюнктурой, ничего общего не имеющей с наукой¹.

Своеобразной отповедью новым измышлениям служат фундаментальные труды академика АН РТ М. З. Закиева о происхождении тюрков и татар, где на основе прежде всего нарративных источников

¹ Тагиров И. Р. ...Звезда Поволжья. 2002. 23–29 мая; Егоров В. Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. С. 79.

и данных лингвистики обстоятельно охарактеризованы этапы формирования и развития тюркских народов и поволжских татар с древнейших времен до современности. Автор решительно отрешивается от домыслов горе-авторов по вопросу о роли и месте Волжской Болгарии и Золотой Орды в отечественной истории и излагает их в лучших традициях дореволюционных и советских востоковедов, в том числе казанской школы востоковедов. Академик М. З. Закиев признает факт проживания башкир на правах коренного населения с рубежа IX–X вв. и наличия у них собственных государственных образований¹.

Политическая ситуация в Среднем Поволжье в XIII–XV вв. Начало кардинальных изменений в жизни народов Среднего Поволжья связано с событиями 1236 г., когда началось массивное наступление татаро-монголов в восточную и Центральную Европу. Анализ событий как предшествующих двух десятилетий, так и последующих двух веков, показывает, что татаро-монголы к этой важной военно-политической кампании готовились весьма тщательно. В результате добровольного признания башкирами власти Чингисхана, последовавшего после длительного противостояния, о чем уже шла речь выше, татаро-монголы задолго до 1236 г. вплотную подошли к границам Волжской Болгарии и располагали всей необходимой информацией о внутренней ее обстановке. Источники указывают, что главные силы армии татаро-монголов в 1232–1236 гг. продолжали оставаться в степях Южного Урала и Нижнего Поволжья. В 1234 г. сюда возвратился признанный полководец Субэдэй, который затем возглавил наступление на кыпчакские города в низовьях Яика и Волги. Известно, что в результате длительной осады был штурмом взят город Саксин².

Очевидно, правы все исследователи, писавшие на эту тему, в том, что общемонгольский курултай 1235 г., созданный преемником Чингисхана Угедеем, целиком был посвящен обсуждению тактики и стратегии будущей войны против народов Европы. Об этом прямо говорят информированные авторы. В частности, современник тех событий Джувейни пишет, что «когда каан (Угетай) второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления

¹ Закиев М. З. Тюрки-татар этногенезы. Казан-Мәскәү, 1998; *Он же*. Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 396–431.

² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 183; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 21, 34; Халиков А. Х., Халиуллин И. Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 11.

остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Болгара, асов, Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулкана, Бури, Байдара, братьев Бату – Хорду и Тангута и нескольких царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субэдэй-Бахадур»¹. О важности предстоящей кампании и принятых там решений свидетельствует тот факт, что, по свидетельству Рашид-ад-дина, каан Угедей первоначально сам хотел возглавить поход против Европы. «Каждого из родственников он назначил в какую-нибудь страну, а сам лично намеревался направиться в кыпчакскую степь», – пишет этот автор. Узнав об этом намерении Великого хана, Менгу-каан сказал: «Мы все, сыновья и братья, стоим в ожидании приказа, чтобы беспрекословно и самоотверженно совершить все, на что последует указание, дабы каану заняться удовольствиями и развлечениями, а не переносить тяготы и трудности походов; если не в этом, то в чем же ином может быть польза родственников и эмиров несметного войска?» «Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя», – решил тогда Великий каан Угедей².

Все присутствующие всецело одобрили эту речь и сделали ее обязательным для себя руководством.

«И благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кыпчаков, русских, булар (поляков), маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и всех их завоевали; и они занялись приготовлениями (к этому походу)»³.

Во исполнение принятых решений «царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной следующего года из своих местопребываний поспешили опередить друг друга. Как свидетельствуют русские летописцы, в пределах Болгара царевичи соединились: «от множества войск земля стала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силою и штурмом

¹ Золотая Орда в источниках. Т. I. М., 2003. С. 258.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 35, 36.

³ Тизенгаузен В. Т. Указ. соч. С. 22.

взяли город Болгар, который известен в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера, подобным им, жителей, его (часть) убили, а (часть) пленили. Оттуда они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее»¹. Штурм и частичное разрушение г. Болгара действительно имели место, о чем свидетельствуют остатки мощного слоя пожарища, связываемые исследователями с событиями 1236 г.² Далее Батый повел свои войска на запад. По свидетельству Рашид-ад-дина, царевичи «Орда и Берке, сын Угедей – каана Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингисхана Кулкан занялись войною с **мокше** бургасами и арджанами и в короткое время завладели ими». В декабре 1237 г. были завоеваны земли Рязанского княжества³.

Осенью того же 1237 года все находившиеся в Поволжье царевичи «устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войною на русских». Этот курултай участников военных действий, по-видимому, состоялся на территории бывшей Болгарии, может быть, даже в г. Болгаре. На это указывает то, что эта территория с момента завладения силою становится военно-политическим центром татаро-монголов, а город Болгар столицей. Есть все основания думать, что этот важный вопрос был предварительно обсужден и положительно решен на общемонгольском курултае 1235 г.

В этой связи правдоподобным представляется предположение А. Х. Халикова о том, что, например, в 1238 г. в Болгарии постоянно находилась армия царевича Тангута⁴, что преследовало, вероятно, цель обеспечения безопасности тыла.

Мнение о том, что Среднее Поволжье с 1236 г. для татаро-монголов стало военно-политическим центром, подтверждается тем, что после завершения военной кампании в Центральной Европе в 1241 г. Батый вернулся именно сюда и с этого момента г. Болгар официально становится столицей.

Любопытна следующая деталь развития военных действий. Татаро-монголы осадили г. Киев осенью 1240 г., а в декабре штурмом завладели им⁵. Но Рашид-ад-Дин сообщает, что летом 1238 г. армии Бучека

¹ Тизенгаузен В. Т. Указ. соч. С. 23.

² Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 61.

³ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 38.

⁴ Халиков А. Х., Халиуллин И. Х. Указ. соч. С. 17.

⁵ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л. 1950. С. 215, 216.

и Буре завоевали Крым¹. Это известие заставляет думать, что уже в 1238 г. татаро-монголы с юга, т. е. через северо-причерноморские степи обошли земли русских княжеств. Так развивались события очевидно потому, что русские города оказывали завоевателям более упорное сопротивление, чем кочевые племена степи, и это потребовало колоссальных материальных и людских затрат и времени.

Уже в первые годы господства татаро-монголов среди народов Поволжья произошли открытые выступления против новых порядков. Среди них, по-видимому, самым значительным было упомянутое выше сопротивление кыпчаков во главе с ханом Бочманом. На подавление этого движения были брошены крупные силы во главе с Менгу-кааном, в составе которых было 200 судов по 100 человек в каждом. После длительного преследования по левому берегу р. Волги основные силы Бочмана были истреблены, а сам он казнен².

Источники сообщают о восстании народа мордва. Об этом говорит Юлиан и уточняет, что один мордовский князь «со всем своим народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил»³. Некоторые исследователи считают, что первый князь возглавлял этническую группу мокша, а второй – эрзя, и он ушел в лесные края современного Нижнего Новгорода⁴.

Данное выступление мордовского народа, по-видимому, по времени совпало с восстанием волжских болгар и башкир, о чем дает нам знать Плано Карпини. В частности, он говорит, что после походов против Руси, Польши, Венгрии и на Балканы, «возвратившись оттуда они (татаро-монголы. – Н. М., А. С.), пришли в землю мордванов, которые суть язычники, и победили их войной. Подвинувшись отсюда против Билеров, т. е. Великой Болгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись еще на север, против баскарт, т. е. Великой Венгрии, они победили и их»⁵.

Современные исследователи с указанным карательным походом против волжских болгар связывают слова древнерусских летописей

¹ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 39.

² Там же. С. 38.

³ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. С. 85, 86.

⁴ Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 208.

⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 47–48.

о том, что в 1240 г. «Собудай богатур и Бурундай богатырь иже взя Болгарскую землю и Суздальскую»¹. Среди историков распространено также мнение, согласно которому упомянутое восстание болгар возглавили сыновья волжского хана Боян и Джикун², и именно их усмиряли в 1240 г. армии полководцев Субэдэя и Бурундая³. Но мнение о том, что восстание Бояна и Джикун произошло в Волжской Болгарии, не может быть принято безоговорочно.

Главный источник информации Рашид-ад-Дин, сообщая об этом, пишет, что войска татаро-монголов «дошли до города Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Боян и Джикун, изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно, (но потом) опять возмутились. Вторично послали (туда) Субэдэй бахадура, пока он не захватил (их)»⁴. В приведенном отрывке нет точного указания о территории, где произошло это событие. Слова историка «пришли» и «вернулись» заставляют думать, что здесь речь идет о царевичах Дунайской Болгарии, которые могли быть приглашены в главную ставку в период, когда войска татаро-монголов совершали упомянутую выше крымскую операцию и, следовательно, находились близко и могли даже совершать военные действия на ее территории.

Наша осторожность в данном случае вызвана тем, что не все события, связанные в источниках со страной Болгарией или народом болгары, могли произойти в Волжской Болгарии, так как одновременно была Дунайская Болгария. Их четко различал в 1253 г. Г. Рубрук, называя Дунайскую Болгарию Малой Болгарией, платившей дань татаро-монголам⁵. О том, что у средневековых авторов понятия стран и народов легко искажались, красноречиво свидетельствуют труды Рашид-ад-Дина и Джувейни. У первого автора, например, поляки вы-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. СПб., 1785; *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 123.

² Там же; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 184; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 59.

³ *Халиков А. Х.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 90; *Он же.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 123; *Он же.* Беренче дәүләт. Казань, 1991. С. 184; *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 100–104.

⁴ *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. Т. II. С. 38.

⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини... С. 89, 98.

ведены под именем булары¹, а у второго они названы келарами². Кроме того, оба эти автора венгров называют «башгирдами», но причина этой путаницы нам уже ясна: после переселения западной группы башкир из низовьев рек Днепра и Дуная в Паннонию там образовалось смешанное башкиро-венгерское население, а средневековые авторы часто называют их сокращенно «башгирдами». Окончательное растворение башкир в венгерской среде, по-видимому, произошло после XIII в.

На дальнейшее развитие исторической обстановки в Среднем Поволжье решающее влияние оказало назначение г. Болгара столицей нового государства.

Выбор территории Волжской Болгарии в качестве административного центра новых завоеванных земель не был случайным. К этому времени татаро-монголы имели пятнадцатилетний опыт правления на территории Средней Азии, Сибири и Казахстана (в том числе на Южном Урале), и этот опыт им подсказал, что по отношению к покоренным народам следует вести очень гибкую политику. Посредниками в этом выступило мусульманское духовенство, которое, кстати, в Волжской Болгарии имело сильные традиции.

Источники указывают, что в войсках татаро-монголов в период 1236–1241 гг. позиции мусульманского духовенства были уже признанными. Например, как свидетельствует Рашид-ад-Дин, в 1241 г. перед битвой с войсками венгерского короля (?) на берегу реки Дуная (?) «Бату, по обычаю Чингисхана, взошел на вершину одного холма и (целые) сутки смиренно взывал к богу и тяжело вздыхал, а мусульманам приказал помолиться соборно»³. Это же событие у Джувейни описано так: «Когда войска близко подошли друг к другу, то Бату взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, горячо молился и громко плакал. Мусульманам он также приказал всем собраться и помолиться»⁴. Батый и его окружение были язычниками, семейным тотемным животным был волк и накануне решающей битвы, совершая религиозный обряд, Батый выл по-волчьи, взывая к богам с просьбой о покровительстве, но не забыл при этом и о мусульманах.

¹ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 37.

² Тизенгаузен В. Т. Указ. соч. С. 23.

³ Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 37.

⁴ Тизенгаузен В. Т. Указ. соч. С. 23.; Золотая Орда в источниках. М., 2003. С. 259.

С момента завоевания народов Среднего Поволжья татаро-монголы вступили в период коренных изменений в политической, социально-экономической и культурной жизни. Волжская Болгария как государство перестала существовать¹, а основная ее часть вошла в улусное владение (кочевье) хана Батыя и его преемников, а город Болгар стал столицей Золотой Орды. Как видно из содержания предыдущей главы, границы этих ханских кочевий проходили по левобережной Волге от низовьев Камы на севере до низовьев Волги. Параллельным курсом по правобережной Волге кочевала орда сына Батыя – Сартака, а северокавказские степи принадлежали брату Батыя Берке, Южный Урал, Северный Казахстан, Западная Сибирь до Иртыша – Шибану. Самостоятельные улусные владения составляли Крым, земли между Дунаем и Днестром, между Днестром и Днепром, между Днепром и Доном. В начальный период образования Золотая Орда делилась на 12 таких улусов². Каждый из этих улусов делился, в свою очередь, на мелкие, во главе которых стояли кочевые феодалы соответствующих рангов, и они несли определенные обязательства перед вышестоящим чиновником.

Исследователи подчеркивают, что такой принцип государственного устройства Золотой Орды на раннем этапе корнями уходит в древние кочевнические традиции, освященные создателем ее – Чингисханом. Кажущаяся примитивность такого членения государства на крупные административные единицы больше отвечала кочевому характеру хозяйства.

События 1236–1240 гг. и последующих лет в Среднем Поволжье привели к серьезным изменениям в этническом составе его населения. Самая активная часть болгарского населения была разгромлена, насильственно мобилизована в военные походы на запад или в целях спасения ушла в лесное правобережное Прикамье и на Урал. Видимо, с данной миграцией болгарского населения связано появление на юге Удмуртии болгар, оставивших болгарские эпитафии XIV в. на каменных плитах³. Таким образом, компактное болгарское население Среднего Поволжья за сравнительно короткий период было рассеяно, а вместо него сюда хлынули кыпчаки – основное кочевое население Золотой Орды, в том числе чиновники центрального государственно-

¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 30.

² Там же. С. 164.

³ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. С. 20.

го аппарата и весь обслуживающий их персонал. Надо полагать, что именно между ними, в первую очередь были перераспределены земли бывшей Волжской Болгарии. Это привело к сложению в крае новых земельных отношений, где местное население оказалось в положении, полностью зависимом от правителей Золотой Орды и ее управленческого аппарата.

Данный вывод логически вытекает не только из анализа общеисторической обстановки в регионе, но и опирается на ряд конкретных источников. Например, в исторических источниках Татарстана зафиксированы этнонимы ширин, барын, аргын, кыпчак, тама, а в эпитафических – этнонимы табын, катый, туркмен, которые совпадают с названиями крупных тюркских племенных образований XIII–XIV вв. в степной Евразии. Г. В. Юсупов справедливо считает, что происхождение указанных этнонимов связано с приходом в Среднее Поволжье кочевых племен из южных и юго-восточных степей и оседанием их в болгарской среде. После оседания названия родоплеменных образований превратились в топонимы. Он уверен, что такое же происхождение имеют топонимические названия, образованные от этнонимов тазлар, тоба, толос, татеш, мондеш, сарай, алат и другие¹.

Для многих из них, видимо, типична судьба табынцев, которые в начале XIII в. уже находились на восточных склонах Урала в составе башкир и одними из первых признали власть Чингисхана. Вскоре башкиры-табынцы оказываются на территории бывшей Болгарии, и это переселение произошло, скорее всего, по распоряжению Батые: башкиры-табынцы были надежной силой для управления завоеванной страной. Судя по шежере, табынцы оставались на Каме до начала XIV в., когда состоялось возвращение их на Урал². В плане реконструкции этнической истории Среднего Поволжья XIII–XIV вв. источники, подобные приведенным, трудно переоценить.

Города. Татаро-монголы принесли с собой таборное скотоводческое хозяйство в классической форме. Очевидец этих событий Г. Рубрук так описывает годичный цикл кочевания орды хана Батые: «Бату находится на другом (левом. – *Н. М., А. С.*) берегу (Итили. – *Н. М.,*

¹ Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпитафика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 222.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 164, 165, 217.

А. С.) в восточном направлении... Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам (т. е. на север. – *Н. М., А. С.*), а в августе начинают возвращаться»¹. Вместе с передвижением самого хана передвигалась главная ставка. Так как длительное время осени и зимы хан проводил в низовьях Волги, ему потребовалось создать здесь такие же благоприятные условия управления государством, какие существовали в г. Болгаре. Кроме того, хан Батый и его окружение прямо были заинтересованы в подъеме экономики, а достичь этого можно было созданием городов, являющихся одновременно центрами ремесла, торговли. Именно такими соображениями было продиктовано активное градостроительство, к чему вскоре приступил Батый и активно продолжили его преемники.

Первым городом, построенным татаро-монголами, был Сарай (Сарай-Бату – на левом берегу р. Волги, недалеко от ее устья)²; вскоре он становится вторым городом-столицей.

Исследователи единодушно отмечают, что в городах Золотой Орды ради процветания экономики Батый создал выгодные условия для купцов, особенно для мусульманских³. Вот какую характеристику о нем оставил современник ал-Джузджани: «Он (Бату) был человек весьма справедливый и друг мусульман; под покровительством его мусульмане проводили жизнь правильно. В лагере и у племени его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином. В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключалось ни одной беды ни по его (собственной) воле, ни от подчиненных его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские (Хорезма. – *Н. М., А. С.*) под сенью защиты его пользовались большим спокойствием и чрезвычайной безопасностью. В каждой области иранской, подпавшей власти монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял удел его, были поставлены управители его». Современники хану Батыю дали прозвище «справедливый» и «добрый»⁴. Другой его современник Джувеини (умер в 1283 г. констатирует, что «торговцы с разных сторон привозили ему различные товары; все это что бы оно ни было он брал и за каждую вещь давал цену в несколько раз превышавшую

¹ Путешествия в восточные страны Плапо Карпини... С. 118.

² Там же. С. 118, 184.

³ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 63.

⁴ Золотая Орда в источниках... С. 251.

ее стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему не без достижения своей цели»¹. Сохранились свидетельства современников Батыея о том, чтобы обеспечить новому городу Сарая благоприятные условия для связи с внешним миром на рр. Волге, Дону и, очевидно, на других крупных реках (Яик, Днепр), были организованы государственные переправы, которыми активно пользовались иностранные купцы, путешественники, дипломаты².

Активную политику строительства городов продолжил преемник Бату – Берке, кстати, первым из чингизидов, принявший религию ислам.

После хана Берке (умер в 1266 г.) градостроительное дело несколько замедлилось, но достигло наивысшего расцвета в период правления хана Узбека (1312–1340 гг.) и его сына Джанибека (1341–1357 гг.)³. Узбеком, например, был основан новый город – Сарай-Берке (или Новый Сарай). Возникновение крупных городов и мелких поселков приводит к возникновению в степях обширных оседлых районов, тянувшихся на десятки километров. Побережье Волги почти сплошь застраивается городами, поселками и деревнями. Вблизи городов-столиц появляется непрерывная полоса оседлости, состоящая из мелких городов, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями. Такой же значительный по территории район возникает на месте наибольшего сближения Волги и Дона.

О размерах, в целом о внешнем облике золотоордынских городов в Нижнем Поволжье помогают составить полное представление описания современников. Ибн-Батута (XIV в.), например, о Сарай-Бату пишет следующее «Город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись че-

¹ Золотая Орда в источниках... С. 258.

² Путешествия в восточные страны Платона Карпини... С. 185; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 76.

³ *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 77.

рез полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов»¹.

Современными археологическими исследованиями доказана правдивость сведений Ибн-Батуты о Сарай-Бату. Например, выяснено, что территория собственно городских кварталов составляет около 10 кв. км. Судя по письменным источникам, в нем проживало около 75 тыс. человек. Среди них были монголы, кыпчаки, черкесы, русские и другие. Причем, «каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их». Он был самым значительным из всех городов Золотой Орды и одним из крупнейших во всей средневековой Европе².

Золотоордынские города, в первую очередь, столица, принимают «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, минаретов, медресе, караван-сараев из кирпича. При раскопках в Сарай-Берке и других городах в Нижнем Поволжье обнаружены, кроме того, развалины роскошных дворцов, которые состояли из многочисленных комнат, обогреваемых с помощью подпольной отопительной системы. В дома вода подавалась через водопровод; в некоторых из них были устроены бассейны с проточной водой. Стены парадных помещений украшали майоликовые панно, изразцы которых были обильно покрыты сусальным золотом³.

Необходимо, однако, помнить, что все эти и другие элементы золотоордынской цивилизации создавались руками согнанных в рабство пленных людей – каменщиков, гончаров, ткачих и других ремесленников и строителей. Сейчас даже приблизительно трудно представить число людей в строительстве тех или иных городов. Но, судя по масштабам осуществленного строительства и их краткосрочности, оно было огромным.

О расцвете средневековой культуры в Золотой Орде свидетельствуют следующие факты, которые приведены в не раз упомянутом выше интересном исследовании В. Л. Егорова об исторической географии этого государства. Автор указывает, что на территории Золотой Орды сейчас выявлены развалины 110 городов и ремесленных поселков, притом 30 самых крупных из них приходится на побережье

¹ Золотая Орда в источниках... С. 143.

² Егоров В. Л. Указ. соч. С. 115.

³ См. сборники: Поволжье в средние века. М., 1970; Города Поволжья в средние века. М., 1974; Средневековые памятники Поволжья. М., 1976 и др.

Среднего и Нижнего Поволжья¹. В это число не вошли города Болгар, Биляр, Казань, Джукетау, Тубулгатау и Сувар в районе устья р. Камы, которые приобретают облик настоящих средневековых городов только в золотоордынскую эпоху. На фоне этих фактов как недооценивать, так и переоценивать масштабы происшедших перемен в социально-экономической жизни народов Поволжья невозможно. Несмотря на четкую централизацию всей политической власти крупные города обладали определенной экономической самостоятельностью, о чем свидетельствует чеканка монет.

На монетах, как правило, указывается город-место, год чеканки и имя правителя. На основе изучения этих надписей сейчас твердо установлено, что крупнейшими городами Золотой Орды, где были монетные дворы, являлись Болгар, Казань, Биляр, Мушки, Укек, Сарай-Берке, Сарай-Бату, Гюлистан, Ходжи-Тархан (все Поволжье), Крым, Кафа (Крым), Азак (Дон), Маджар (Кавказ), Сарай (Яик), Орда-Базар, Бек-Базар, Отрар (Казахстан)². Все это одновременно является показателем высокого уровня внутренней и внешней торговли во всем государстве.

Золотоордынский вклад в историческое развитие народов Среднего Поволжья наглядно можно проследить на материалах его городов. Классическим примером к сказанному служит Болгар, являющийся одним из выдающихся городов Золотой Орды.

Город Болгар в XIII–XIV вв. занимал площадь 380 га, окруженную высоким земляным валом и рвом. Археологические раскопки позволили точно определить время сооружения этого большого вала. Это – первая четверть XIV в. Хотя в домонгольское время (X – начало XIII вв.) он и являлся столицей Волжской Болгарии, но занимал очень маленькую площадь, ограниченную коренным берегом р. Волги и так называемым Малым Иерусалимским оврагом. К концу XII в. город вырос примерно в 2 раза, о чем свидетельствуют остатки построенного тогда вала (замошный вал). Но по сравнению с поздним периодом это все равно маленькое, традиционное для народов Урало-Поволжья мысовое городище. Строительство тогда велось из дерева и глины³. О том,

¹ *Егоров В. Л.* Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в Средние века. М., 2002. С. 79–84.

² *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 9–23, 137, 139; *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 139.

³ *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* М., 2001 и др.

что город Болгар домонгольского времени состоял из бревенчатых домов, имеются письменные свидетельства очевидцев. Таким является, например, арабский ученый ал-Гарнати, который в 1135–1136 гг. жил в Болгаре. Свои впечатления о городе он написал так: «А город Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба»¹. Кстати, уже говорилось в предыдущей главе, вывод о том, что домонгольский город состоял исключительно из деревянных архитектурных сооружений, подтверждается анализом состава следов пожара 1236 г. Аналитики особо подчеркивают, что постройки города тогда состояли исключительно из дерева и полностью сгорели в пожаре, устроенном татаро-монголами.

Золотоордынский Болгар по планировке принципиально новый, огромный по площади город, разделенный на многие кварталы. Жилые дома в основной части оставались бревенчатыми, но зато появились многочисленные общественные здания из камня и кирпича, руины которых сравнительно хорошо сохранились до наших дней. К числу выдающихся архитектурных сооружений можно отнести Соборную мечеть, Большой и Малый минареты, многочисленные мавзолеи, в том числе комплекс Ханская усыпальница и бани. Среди мавзолеев особенно выделяется Восточный мавзолей, который по своей планировке и строительному материалу является близкой копией мавзолея Хусейнбека и Турахана на р. Деме². Таким образом, сходство этих памятников объясняется не их принадлежностью болгарам, а тем, что построены они по традиционным для Золотой Орды канонам. В городе действовал водопровод³. Город был окружен мощными линиями рва и вала, а по валу еще шли защитные сооружения в виде частокола и опорных башен⁴.

Важно подчеркнуть, что в связи со строительством города Сарай-Бату и превращением его в столицу несколько не упало значение города Болгара как первой столицы Золотой Орды. Источники позволяют заключить, что он продолжал оставаться летней ставкой ханов, когда маршруты их кочевания проходили по Среднему Поволжью. Об этом, например, прямо говорит Марко Поло, совершивший в 60-х г. XIII в.

¹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971. С. 30; *Кавеев М. М., Полубояринова М. Д., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А., Шарифуллин Р. Ф.* Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // *Волжская Болгария в монгольское время.* Казань, 1988. С. 58–71.

² *Город Болгар. Культура, искусство, торговля.* М., 2008. С. 5–294.

³ Там же. С. 223, 321, 332–340.

⁴ *Смирнов А. П.* Волжские Болгары. М., 1951. С. 53–74.

длительное путешествие в Монголию и Китай через все Поволжье и Среднюю Азию. В то же время ханом был Берке, который «владел и жил в Болгаре до Сарае»¹. В 1251 г. в Болгаре Батыем от имени Мунке – второго после Чингисхана великого каана монголов была отчеканена первая золотоордынская монета, и до конца XIII в. он играл роль главного монетного двора². Его постигла печальная участь всех золотоордынских городов в Поволжье: во время похода Тимура в 1391 или 1395 гг. он был сильно разрушен. В героическом эпосе «Идукай и Мурадым» – общем фольклорном памятнике башкирского и татарского народов воспет город Болгар да и после разрушения. В частности, в нем говорится:

Вот Болгар перед ним встает,
Он Болгара не узнает;
В честь победы не видит ворот;
Из корана священный стих
Золотом вытеснен был на них.
Там, где стоял минарет двойной,
Пыль под разрушенною стеной,
Тлеют уголья, всюду зола:
Жизнь как будто здесь не была.
В этой дикой, внезапной глуши
Ни единой не видно души.
Был недавно Болгар таков
Шестьдесят мечетей сошлись:
Верх – блистанье жемчугов,
Камень породы редкостной низ.
Будто из-под железных бровей
Минареты раскрыли глаза.
Вот подъехал к ним Идегей,
Уничтожила их гроза!
Превратились в груды камней,
Над камнями вздыбился дым...³

Следующим выдающимся памятником золотоордынской культуры является город Биляр⁴, расположенный на р. Черемшан. Как уже говорилось в главе IX, в X – начале XIII в. по этой реке проходила гра-

¹ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 45.

² Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 43, 44.

³ Идегей. Казань, 1991. С. 160.

⁴ О золотоордынском Биляре см: Исследования Великого города. М., 1976; Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979; Культура Биляра. М., 1985 и др.

ница между башкирами и болгарами вплоть до XVIII–XIX вв. Такую роль она играла в расселении башкир Оренбуржья и татар. В свете сказанного город Биляр в этническом плане с полным основанием можно рассматривать, на первый взгляд, как общий памятник башкиро-болгарской культуры. Но есть ряд неоспоримых фактов, о чем будет сказано ниже, которые свидетельствуют, что Биляр является больше городом башкирским. Золотоордынская эпоха в Биляре, как во всем Среднем Поволжье, ознаменовалась появлением монументальных зданий из квадратных кирпичей. Среди них можно выделить многокомнатное, как считают авторы раскопок, двухэтажное здание с подпольной отопительной системой и мечетный комплекс, где центральным является здание мечети размерами 38x24 м, крыша которого поддерживалась 24 колоннами, расположенными по 4 в ряд. К мечети примыкал минарет, основание которого имело прямоугольную форму¹. Интересно отметить, кирпичная мечеть непосредственно примыкала к деревянной мечети, являвшейся, может быть более ранней по времени постройкой. Не менее интересными являются остатки большого прямоугольного здания, условно названного Караван-Сараем. Как все другие здания, оно построено из обожженных, полубоженных и сырцовых кирпичей квадратной формы. Здание разделено на комнаты внутренними стенами, также сложенными из кирпичей. Относительно хорошо сохранилась кладка стен, что позволило завершить раскопки работами по их консервации. Здание также имело оригинальную систему подпольного отопления².

В Биляре, кроме того, обнаружены следы наземных жилищ каркасного типа со стенами, обмазанными глиной. Оригинальны остатки глубоких колодцев, дополнительно оборудованных бревенчатыми срубами³.

Любопытно, что все названные общественные здания располагались в центре города, определяемого исследователями как цитадель. Она была окружена деревянными стенами, о чем свидетельствуют многочисленные железные пластинчатые гвозди и скобы. Сам город

¹ Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 21–45.

² Айдаров С. С. Архитектурное исследование руин здания Караван-Сарая в Биляре // Исследования Великого города. М., 1976. С. 101–112.

³ Хузин Ф. Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 62–99; Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001. Рис. 103–130.

был окружен тремя мощными линиями валов и рвов, имеющими длину около 10 км каждый. На плане они имеют прямоугольную форму.

Как известно, А. Х. Халиков и его коллеги по Билярской археологической экспедиции все названные монументальные памятники Биляра датируют домонгольским временем¹, что серьезно противоречит фактам. Золотоордынский их возраст подтверждается, прежде всего, тем, что по характеру материала (кирпич), строительной техники, а также архитектурным особенностям они ничем не отличаются от таких же памятников, открытых в городах Сарай-Бату и Сарай-Берке, построенных после 1243 г. А. Х. Халиков сам признает, что данная строительная традиция, в том числе дома с подпольной отопительной системой, является необычной не только для всего Поволжья, но и для Средней Азии и даже Ирана². На примерах Сарай-Бату и Сарай-Берке вряд ли можно сомневаться, что она привнесена сюда татарами-монголами.

Золотоордынский возраст всех кирпичных сооружений Биляра подтверждается всем составом находок, обнаруженных в них. Это типичные для памятников XIII–XIV вв. наконечники-срезни, сабли развитых форм, костяные петли для колчанов, топоры, стремена, серпы и многое другое³. Авторы публикаций сами признают, что многие из этих находок существовали в золотоордынскую эпоху⁴, но совершенно неожиданно для читателя относят их к домонгольскому времени. Следует отметить, что это противоречит требованиям датировки археологического материала методом сравнительной датировки, где при наличии разновременных находок возраст памятника должен быть определен по более поздним, так как ранние формы могут оказаться пережиточными и потому не иметь датирующего значения.

Известны монеты, выпущенные монетным двором города Биляра. Они безымянные, т. е. без имени хана, но имеют обозначение «Монета Биляра». Некоторые монеты датированы 1291–1293 гг.⁵ Чеканка монет

¹ Халиков А. Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976. С. 5–56 и другие работы автора.

² Халиков А. Х. Археологическое изучение центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 15.

³ Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985. Табл. III–LXXI и другие публикации.

⁴ Там же. С. 48, 49, 158 и др.

⁵ Мухамадиев А. Г. Указ. соч. С. 17; Он же. Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 109.

в конце XIII в. в г. Биляр есть самый доказательный факт, опровергающий утверждения татарских коллег о гибели города осенью 1236 г.

Все приведенные факты свидетельствуют, что в XIII–XIV вв. Биляр пережил период своего наивысшего расцвета.

В город трагедия пришла неожиданно вместе с войсками Тимура. Поскольку Биляр находится очень близко к реке Кондурча, где произошло известное генеральное сражение между Тимуром и Тохтамышем, можно думать, что трагедия произошла в 1391 г. Раскопками выявлено, что остатки многочисленных человеческих костей обнаружены под развалинами жилых домов, мечети, во рвах и на валах; трупы погибших были сброшены в колодцы¹. Все это свидетельствует о происшедшей массовой резне в городе и его разрушении.

Город после этой трагедии не восстанавливался. Его развалины еще в начале XVIII в. виднелись на поверхности земли, и их описал В. Н. Татищев. «Билиров же имя города Билярска на реке Черемшане сохраняет, где есче неколико древнего здания каменного, а особливо портал или врата великого храма и столпы видимо», – писал он². Его современник, выдающийся исследователь Урала Н. П. Рычков (XVIII в.) свидетельствует, что эти развалины особо почитались башкирами и они издалека собирались здесь каждое лето как на священное место³. Башкиры почитали город Биляр как памятник своих предков.

В том, насколько в современных исследованиях грубо искажается история народов Среднего Поволжья домонгольского и золотоордынского периодов, еще раз можно легко убедиться на материалах следующего золотоордынского города, известного как Муромский городок. Он находится на правом берегу Волги, на ее излучине, известной под названием Самарская Лука. Занимает большую площадь, равную примерно 150 га. Исследовался археологической экспедицией Самарского университета под руководством Г. И. Матвеевой⁴. По характеру памятников данный город ничем не отличается от Биляра. Выявлены остатки наземных бревенчатых домов, но главными в нем являются сооруже-

¹ Халиков А. Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 86, 87.

² Татищев В. Н. История Российская. М., 1962. С. 269.

³ Рычков П. И. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. С. 21.

⁴ Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 167–217; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 247–267.

ния из камня и кирпича. Например, открыт фундамент прямоугольного здания, размером 10,8x10 м, для чего был вырыт котлован глубиной 1,1 м. Низ фундамента сложен из крупных подтесанных известняковых камней, сменявшихся кирпичами размерами 29x29x5,5 см 25x25x5 см. Помещение, по-видимому, внутренними стенками разделялось на комнаты; оно обогревалось подпольной отопительной системой. Как во всех вышеописанных золотоордынских городах в этих целях под полом строились два магистральных канала, соединенных с отопительной печью, пристроенной с наружной стороны здания. От магистральных каналов отходили узкие дымоходные каналы. Струя горячего воздуха проходила через эти каналы и тем самым обогревала помещение. Таких кирпичных сооружений здесь обнаружено несколько.

Раскопками выявлены остатки горна для обжига, медеплавильные печи и другие хозяйственные объекты.

Вещевой материал с памятника очень богат и разнообразен. Он состоит из многочисленных железных топоров, украшений, богатой коллекции керамики, в том числе поливной, предметов вооружения и других. Все они широко распространены в XIII–XIV вв., а часть из них имеет более широкий период бытования. В датировке и исторической интерпретации Муромского городка авторы последовали ошибочному примеру А. Х. Халикова по отношению к Биляру: датировали его периодом X – началом XIII в. (1236 г.) и классифицировали его как болгарский город.

Приведенные примеры заблуждения археологов с датировкой болгарских и золотоордынских памятников Среднего Поволжья наглядно показывают, что и для археологии края этого периода важной задачей остается детальная классификация богатого источникового материала и разработка на этой основе хронологии и периодизации истории и культуры. Без этого трудно рассчитывать на быстрейшее преодоление того отставания и тех искажений, которые сейчас очевидны в изучении истории Среднего Поволжья золотоордынского периода.

В Среднем Поволжье, помимо названных, известны десятки других городов Золотой Орды. Наиболее крупными среди них были Укек вблизи Саратова, Сувар, Мохши, Кашан, Казань, Джукетау, Тубулгатау и другие. Город Тубулгатау становится одним из центров по изучению ислама, и здесь обучались посланцы башкир. Большинство этих городов в домонгольское время существовали в ранге небольших городищ-

крепостей, и по-настоящему средневековыми городами со множеством монументальных архитектурных сооружений они становятся только в золотоордынское время¹. Имеются сведения о том, что такие города были и на территории Башкортостана.

Существование многочисленных больших городов говорит о многом. Найденные в них материалы однозначно указывают на сосредоточение в городах всех видов ремесленного производства железа, цветных металлов (медь, бронза, серебро, золото), оружейного, костяного и кожевенного дела, керамического и прочего производства. Важно подчеркнуть, что та централизация политической власти и государственного устройства, которая существовала в Золотой Орде, ярко отразилась в ремесленных производствах: в них наблюдается высокая специализация, что обеспечивало массовый выпуск товаров стандартных форм и размеров для реализации через рынок. Не исключено, что основная часть ремесленных мастерских принадлежала государству и приносила ему немалый доход.

Письменность. Язык. Развитая городская культура Золотой Орды предполагает высокий уровень земледельческого хозяйства, обеспечивавшего жителей городов основными продуктами питания. В этом смысле можно думать, что вскоре после стабилизации политической ситуации в Золотой Орде плужное земледелие в Среднем Поволжье, по-видимому, вновь было восстановлено в прежних масштабах. Создается впечатление, что в Среднем Поволжье, где плужное земледелие и пастушеское скотоводство имели многовековые традиции, таборное кочевание, которое принесли татаро-монголы, существовало в XIII–XV вв. как несколько искусственное явление, параллельное оседло-земледельческому хозяйству.

Составной частью любой развитой городской культуры являются наука, литература и письменность. В Золотой Орде все они представлены яркими памятниками, о чем уже частично говорилось в предыдущей главе. Здесь ограничимся только упоминанием того, что на Урале и в Среднем Поволжье в золотоордынское время прочно и повсеместно распространяется традиция возведения художественно оформленных каменных плит с эпитафией².

¹ *Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000; Краткую справку о них см.: *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 94–120.

² *Хакимзянов Ф. С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987. С. 16–22 и др.

Изучение памятников письменности, в том числе средневожских эпитафий, позволяет сделать ряд интересных выводов о развитии этнополитической ситуации в Золотой Орде. Известно, что сами монголы в Центральной Азии пользовались уйгурским письмом, но писали по-монгольски¹. В начальный период Золотой Орды, во всяком случае до начала XIV в., это уйгурское письмо имело хождение, о чем свидетельствует обрывок бересты, найденный в погребении на берегу Волги близ Саратова и датируемый рубежом XIV–XV вв. Специалисты придерживаются мнения о том, что монгольский язык считался придворным и на нем велось все делопроизводство в Золотой Орде². Одновременно в ханской канцелярии уже времени Берке работали чиновники, которые в необходимых случаях писали по-арабски и по-персидски, пользуясь арабским письмом. Например, имеются сведения, что так писались некоторые дипломатические письма Берке, Мунге-Тимера и других ханов в Египет.

Но основное население государства говорило на тюркском языке и потому на нем, но на арабской графике написаны основные памятники письменности. Вышеупомянутое свидетельство арабского автора XIV в. ал-Омари о том, что монголы со временем «смешались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода...», четко прослеживается на развитии официального письма. Например, в середине XIV в. в Золотой Орде государственные документы писались уйгурским письмом, но по-тюркски, а во время Тохтамыша писали уже почти исключительно на тюркском языке на арабской графике³.

На единении этих двух элементов формируется так называемый старотюркский, т. е. огузо-кыпчакский письменный язык, территориально охватывающий Урало-Поволжье, Казахстан⁴. Классическим памятником этого языка является бессмертная упомянутая выше поэма «Кысса-и Юсуф» Кул Гали – автора, вышедшего из башкирской среды. Исследователи считают, что в формировании этого языка большую

¹ Путешествия в восточные страны... С. 129.

² Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 82, 85.

³ Там же. С. 81–89.

⁴ Башкорт эзэбиэте тарихы. I том. Урта быуаттар осоро. Өфө, 1990. 79–259-сы бб.

роль сыграл хорезмско-тюркский язык, имевший более развитую письменную традицию¹.

Для лучшего понимания того, что этот огузо-кыпчакский письменный язык существовал с момента зарождения Золотой Орды и лишь в XIV в. он приобретает официальный характер, нелишне привести следующие факты. Общеизвестно, в своем государстве монголы составляли абсолютное меньшинство. В этом отношении интересные сведения сообщает Рашид-ад-Дин. Он говорит, что Чингисхан своему старшему сыну Джучи выделил отряд численностью в 4000 человек, а когда Батый принял наследство отца, то эти 4000 человек находились уже под ведением старшего брата Орды. После завершения европейского похода для завоевания Ирана Орда выделил по два воина из каждого десятка, в результате набрался десяти тысячный корпус. Следовательно, его армия составляла в то время около 50 тыс. человек². При такой малочисленности монгольские воины составляли, видимо, личную гвардию царевичей. Одно из достоинств монголов при создании своей империи состояло в том, что они умели воевать и управлять своим государством при помощи покоренных народов, в данном случае бесчисленных тюркоязычных племен евразийских степей. В этом смысле Золотая Орда – это государство прежде всего народов, входивших в нее: предков современных башкир, татар, мордвы, узбеков, казахов, каракалпаков, ногайцев и многих других, и именно они являются прямыми наследниками ее богатой культуры.

Специфические особенности имели этнические процессы, которые происходили в XIII–XV вв. в Среднем Поволжье. Как показывают материалы эпиграфических памятников, здесь продолжал функционировать болгарский письменный (и разговорный) язык, но наряду с ним начинает распространяться огузо-кыпчакский (старо-тюркский) письменный язык Золотой Орды и доля его с течением времени постепенно возрастает. С XV в. он становится единственным официальным письменно-книжным языком. Данный вывод впервые был четко сформулирован Г. В. Юсуповым в работе, где дана классификация эпитафий Среднего Поволжья XIII–XVII вв. Эпитафии с элементами болгаризма автор отнес ко II стилю и датировал XIII–XIV вв.

¹ Тенишев Э. Р. О языке поэмы Кул Гали «Кысса-и Юсуф» // TURKOLOGA, 1986. С. 268–275.

² Егоров В. Л. Указ. соч. С. 156.

Это каменные плиты прямоугольной формы с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой; под аркой чаще всего располагается лепестковый орнамент. Тексты выполнены арабским письмом и содержат традиционные выдержки из корана на арабском языке. Информация об умершем передана на болгарском языке, часто с элементами кыпчакского. В словах часто встречается сочетание согласных *дж* (так называемое *джоканье*); см. *джал* (*там.* *джыл*), *джуз* (*там.* *джоз*), *джийати* (*там.* *джите*) и т. д. Числительное часто употребляется в количественной форме (*туат* четыре; *биал* пять; *тухыр* девять) вместо порядковых или порядковые, но образованные аффиксом *м* (*туатым* четвертый; *биалым* пятый; *тыжсырым* девятый) или суффиксами *ш*, *ниш* (*икиниш* второй; *джиатыш* седьмой; *уан алтыш* шестнадцатый). Не менее характерным автор считает широкое употребление в этих словах согласного *р* вместо *з* (так называемый ротацизм); см.: *кыр* (*там.* *кыз*). Происхождение этих и других особенностей эпитафий II стиля, названного древнеболгарским, автор выводит прямо из болгарского языка, на котором говорило тогда местное население Среднего Поволжья¹. Более интересным является то, что параллели всем отмеченным признакам автор находит в современном чувашском языке. Эпитафий I стиля отличаются сложным орнаментальным оформлением, содержат полные тексты на арабском языке, смешанные тексты – на арабском и огузо-кыпчакском (по Г. В. Юсупову, новобулгарском) языке или на старотюркском языке. Как уже говорилось, языком эпитафий XV–XVII вв. Среднего Поволжья становится исключительно огузо-кыпчакский.

Приведенные выводы Г. В. Юсупова об особенностях языка средневожских эпитафий XIII–XVII вв. с определенными оговорками приняты современными исследователями этой темы из Татарстана. Уточнения Ф. С. Хакимзянова, например, сводятся к тому, что различия между эпитафиями двух стилей (групп) носят не этнический, а диалектный характер и кыпчакские элементы в языке болгар присутствовали с VI–XII вв.²

Чрезвычайно полезные исследования эпиграфистов Татарстана страдают очень серьезным недостатком, и это сказалось на их общеоисторических выводах. Как видно из названия главных работ на эту

¹ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику... С. 34–101.

² Хакимзянов Ф. Х. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987. С. 22–27.

тему, авторы их исходили из ошибочного убеждения о том, что Волжская Болгария как государство продолжало существовать в XIII–XV вв. и все эпиграфические памятники оставлены болгарским населением – прямыми предками поволжских татар. В самом же деле охарактеризованные выше эпиграфические памятники являются продуктом культуры Золотой Орды, а это принципиально меняет оценку их исторического значения.

Язык эпиграфических памятников Среднего Поволжья XIII–XVII вв. ярко отразил происходившие здесь сложные этно-лингвистические процессы, в ходе которых потомки местных болгар испытывали сильное влияние в языке со стороны пришлого и осевшего в крае вместе с татаро-монголами кыпчакского населения. Результатом этого активного взаимодействия явилось формирование современного языка поволжских татар.

Те же самые материалы объективно свидетельствуют, что северная группа болгар – сувары – прямые предки чувашей – меньше испытывала на себе влияние кыпчаков и сохранила болгарский язык в относительно чистом виде. Есть полные основания утверждать, что современный чувашский язык больше сохранил живой язык волжских болгар X – начала XIII в. Не зря специалисты эти два языка выделяют в особую болгарскую группу тюркской языковой системы.

Благодаря тому, что кыпчакский этнос одинаково широко вошел в состав средневековых башкир, произошло сближение языка поволжских татар с башкирским. Эти же причины лежат в близости татарского языка с языком современных крымских, кавказских татар, казахов, узбеков и других народов степной Евразии. Кстати, у всех этих народов вплоть до начала XX в. письменно-книжный язык Золотой Орды, постепенно развиваясь, существовал как общий письменный язык (язык «тюрки»)¹. Как известно, панболгарская теория происхождения татарского народа не может объяснить этого сходства, и ее сторонники вынуждены произвольно толковать исторические факты.

Из всего изложенного у нас есть полное основание заключить, что татаро-монголы, хотя и пришли как завоеватели, но в своем государстве сумели организовать высокопроизводительный созидательный

¹ В историко-филологической литературе Татарстана этот письменный язык часто называют татарским, что сужает масштабность этого культурного явления и придает ему узконациональный характер.

труд, преобразовавший почти все сферы экономической и культурной жизни народов.

Будет уместным вкратце остановиться на вопросе о происхождении названия татарского народа. Этноним «татары» не является самоназванием поволжских и приуральских татар. В их памяти, несмотря на великие потрясения XIII–XV вв., живо сохранились предания о том, что они являются потомками волжских болгар и поэтому этноним «болгары» для них был бы исторически оправданным самоназванием. Но за ними закрепилось имя «татары», и это тоже имеет свою краткую историю.

Из письменных источников известно, что этноним «татары» (та-та-ар) в период VII–X вв. носило одно из крупных объединений племен Монголии. Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что оно принадлежало к числу тюркоязычных, но большой уверенности в этом ни у кого нет: по происхождению эти племена могли быть монголоязычными.

Другое известие об этих татарах Центральной Азии восходит к XII в., когда они в междоусобной войне оказывали упорное сопротивление монгольским племенам, правителями которых были предки Чингисхана. К 1202 г. племена татар вместе с другими были покорены Чингисханом, о чем имеются сведения в «Тайной истории монголов». «Мы сокрушили, – говорится в ней, – своих врагов – татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы в справедливое возмездие за их злодеяния поголовно нстребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси»¹.

После покорения Чингисханом татары стали играть активную роль в его завоевательных походах, составляя авангард наступающих войск; и этноним «татары» вскоре распространяется и на монголов. Во всяком случае, китайские источники начала XIII в. знают только татар, а не монголов, хотя должно было быть все наоборот².

Вполне вероятно, что по мере расширения завоевательных походов этноним «татары» приобретает более широкое значение в смысле «иноземец» или «пришелец». Историк В. Л. Егоров высказывает мнение о том, что в Европу первые сведения о татарах, т. е. нашествии Чингисхана как о новой грозной личности принесли купцы. В этой связи любопытно то, что русские летописцы и западноевропейские путешественники монголов называли только татарами.

¹ Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 165.

² Егоров В. Л. Указ. соч. С. 151–156.

Не менее интересно и то, что о населении Казанского ханства – прямого наследника культуры Золотой Орды в Среднем Поволжье – в русских летописях XVI в. сказано, что болгары «еже ныне глаголются казанцы». Позднее это определение сменяется на татары. Видимо, этому способствовали возвышение и самостоятельная политика Казанского ханства в ходе соперничества между ними и Русью и отождествление населения Казанского ханства с татарами времени Золотой Орды. Выходит, этноним поволжские «татары» в данном случае имеет русское происхождение.

Из всего вышеизложенного напрашиваются следующие выводы.

Золотая Орда как составная часть империи Чингисхана возникла в результате разрушительных завоеваний татаро-монголов. Она включала огромную территорию от Алтая до Центральной Европы, лесных районов Сибири и Урало-Поволжья на севере до степей Казахстана, Средней Азии на юге. Ее население было сложным как по языку, культуре, образу жизни, так и по уровню социально-экономического развития.

Как показывают исследования лингвистов, этнографов, историков, фольклористов и археологов, в этом обширном регионе до нашествия татаро-монголов шел активный процесс окончательного формирования современных народов (алтайцы, казахи, узбеки, кыргызы, туркмены, башкиры), которые живут в различных его районах. Истоки этого процесса охватывают многие предшествующие столетия. Насильственное включение предков этих народов в состав государства Золотая Орда задержало и усложнило окончательное формирование этих народов, но не могло его остановить. Завоеватели растворились в среде местного населения и вошли в окончательный состав различных, но самостоятельных в этноязыковом плане современных народов.

Этот беглый перечень главных факторов этнополитической истории Золотой Орды наглядно показывает полную абсурдность попыток группы современных историков убедить читателя в том, что Золотая Орда была национальным государством татарского народа с единым татарским языком и менталитетом. Чтобы не утомлять читателя пересказом уже известных ему фактов, в подтверждение своей мысли ограничимся одним примером из истории самих поволжских (казанских) татар.

Из содержания настоящей главы читателю известно, что большие изменения в этническом составе, языке, культуре, хозяйстве произош-

ли в населении Волжской Болгарии IX – начала XIII в. после того, когда она стала административным центром Золотой Орды.

В политическом плане Волжская Болгария как государство перестало существовать, но значительная часть населения осталась в своих традиционных местах обитания и в этом плане следует согласиться со всеми исследователями, которые признают факт существования этнополитического объединения Вожской Болгарии времени Золотой Орды. Но по всем этнополитическим показателям это уже качественно новое образование. Задачей исследователей Татарстана является выяснение степени новшеств (новых изменений), которые внесла золотоордынская эпоха в различные сферы жизни местного болгарского населения (язык, антропологический тип, хозяйство, культура и т. п.). Именно такого конкретного анализа не хватает во многих обобщающих трудах, посвященных истории Волжской Болгарии пред- и золотоордынского времени. Ныне существование в исторической науке Татарстана взаимоисключающих двух точек зрения: а) о негативной; б) во много раз раздутой роли Золотой Орды в истории поволжских татар затмило глаза многим татарским ученым и лишило их способности спокойно и критически изучать и оценивать факты истории своего народа.

Конечно, никто из историков Башкортостана и всех других регионов не будет спорить с коллегами из Татарстана в оценке роли и места государства Казанского ханства XV–XVI вв. в формировании татарского народа (поволжских татар). По всем этнополитическим показателям (территория, состав населения, язык, культура, религия, образ жизни и др.) именно это государство является национальным государством татарского народа в полном смысле этого слова. Такие же процессы происходили в Казахстане, Башкортостане, Нижнем Поволжье, Средней Азии, Сибири, Северном Причерноморье, на Кавказе где окончательно сложились живущие там современные народы.

Полемику со своими татарскими коллегами о роли и месте Золотой Орды в мировой и отечественной истории хочется завершить ссылкой на мнение выдающегося башкирского историка-этнографа XX в. академика Р. Г. Кузеева. Он был крупнейшим специалистом в области этнополитической истории народов Степной Евразии и, как известно, резко возражал мнению историков Татарстана в оценке наследия государства Волжской Болгарии IX – начала XIII в. как явления исключительно татарского. Этот тезис он на конкретных примерах аргументи-

ровал тем, что Волжская Болгария оставила глубокий след в истории мордовского, марийского, чувашского, башкирского и других народов Урало-Поволжья.

Чутье талантливого аналитика его не подвело, и он предвидел, что у татарских историков в скором времени могут возникнуть амбиции и претензии на политическое наследие Золотой Орды. В одной из своих последних работ успел изложить свою позицию и в этом вопросе. Он верно подметил, что такие государственные образования как Казанское ханство, Сибирское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда, Узбекское ханство, возникшие после распада Золотой Орды, каждое в отдельности пыталось представить себя у покоренных народов в качестве полноправного преемника ее истории и культуры. По глубокому убеждению академика Р. Г. Кузеева, все эти государства по современным представлениям были многонациональными и в их составе завершили свое формирование поволжские (казанские) татары, башкиры, чуваша, мишаре, крымские татары, караимы, ногайцы, кумыки, балкарцы, карачаевцы, узбеки, каракалпаки, туркмены и казахи¹. Предки этих народов, пребывая в составе Золотой Орды, оставили нам богатое культурное наследие и оно требует от нас бережного с ним обращения и объективного изучения.

¹ Кузеев Р. Г. Евразия: альтернативы теоретических подходов и перспективы изучения // Евразийство. Проблемы осмысления. Уфа, 2002. С. 87–113.

Глава XII ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Краткая историография вопроса. Период XV – первой половины XVI в. истории Башкортостана – самый близкий к нашему времени, но он слабо представлен в источниках. В это время заметно уменьшаются сведения письменных источников о Южном Урале. Кроме того, после всеобщего принятия башкирами религии ислам, в крае полностью исчезает обряд захоронения с вещами, вместе с ним один из самых распространенных видов исторических источников – языческие могильники. Поселения башкир этого времени пока почти полностью выпадают из поля зрения исследователей. Все вместе взятое послужило главной причиной слабой изученности данной темы.

Из работ на эту тему следует выделить книгу А. Н. Усманова «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству»¹, где на основе материалов исторических преданий, башкирских шежере и фрагментарных письменных источников автор дает очерк истории Башкортостана кануна вхождения его в состав России. Как известно, первой попыткой написания таких очерков явились «Очерки по истории Башкирской АССР»².

В плане изучения данной темы непреходящее значение имеет книга Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа», где на основе материалов исторической этнографии описан этнический состав башкирского народа XIII–XVI вв., составлены карты расселения отдельных этнических объединений³.

¹ Уфа, 1982.

² Ч. I. Том 1. Уфа, 1956.

³ М., 1974. См. карты 3–18.

Литература по истории Башкортостана XV–XVI вв. обогатилась серьезным исследованием В. В. Трепавлова «Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения»¹. Выше нами было отмечено, что на основе архивных документов он определил годы правления известных башкирских ханов и биев конца XV – первой половины XVI в., упомянутых в труде П. И. Рычкова (XVIII в.) и в башкирских шежере.

Свои исследования на эту тему В. В. Трепавлов завершил капитальным трудом «История Ногайской Орды»², где истории Башкортостана уделено серьезное внимание. Эти работы являются серьезным вкладом в изучение истории Башкортостана XV–XVII вв.

Вопросам этнокультурной, политической и социально-экономической истории Башкортостана рассматриваемого времени было уделено серьезное внимание в исследовании Б. А. Азнабаева, явившемся изложением содержания его докторской диссертации³.

О позитивных изменениях последних лет в изучении истории Башкортостана XV – начала XVI в. свидетельствует появление специальных работ. Здесь имеется в виду, прежде всего, работа Ю. М. Юсупова⁴, которая является первым опытом комплексного исследования темы с привлечением всех видов исторических источников. Думается, что она послужит введением будущего фундаментального труда автора по данному периоду истории Башкортостана.

Распад Золотой Орды. Возвышение мангытского юрта. Знакомство с источниками показывает, что исторические процессы, происходившие в Башкортостане в XV–XVI вв., явились логическим продолжением истории Золотой Орды и тех политических образований, которые возникли в результате ее распада. Вкратце остановимся на этом вопросе.

Все историки сходятся во мнении о том, что хан Тохтамыш был последним выдающимся правителем Золотой Орды. Благодаря своим организаторским способностям ему удалось преодолеть последствия периода смуты, наступившего после смерти хана Узбека, и восстановить единство управления на всей территории государства. Но аван-

¹ Уфа, 1977.

² М., 2002.

³ Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). Уфа, 2005.

⁴ Юсупов Ю. М. История Башкортостана XV–XVI вв. Уфа, 2009.

тюрная политика по отношению к своему бывшему покровителю Тимуру, военные походы последнего в 1390–1396 гг. в Среднюю Азию и Северный Кавказ привели к массовому разрушению расположенных здесь городов – экономической основы государства и параличу власти управления. Факты свидетельствуют, что уже к 1396 г. на территории Золотой Орды отложились четыре независимые орды вокруг гг. Сарая, Астрахани, а также в низовьях Яика и Крыму¹.

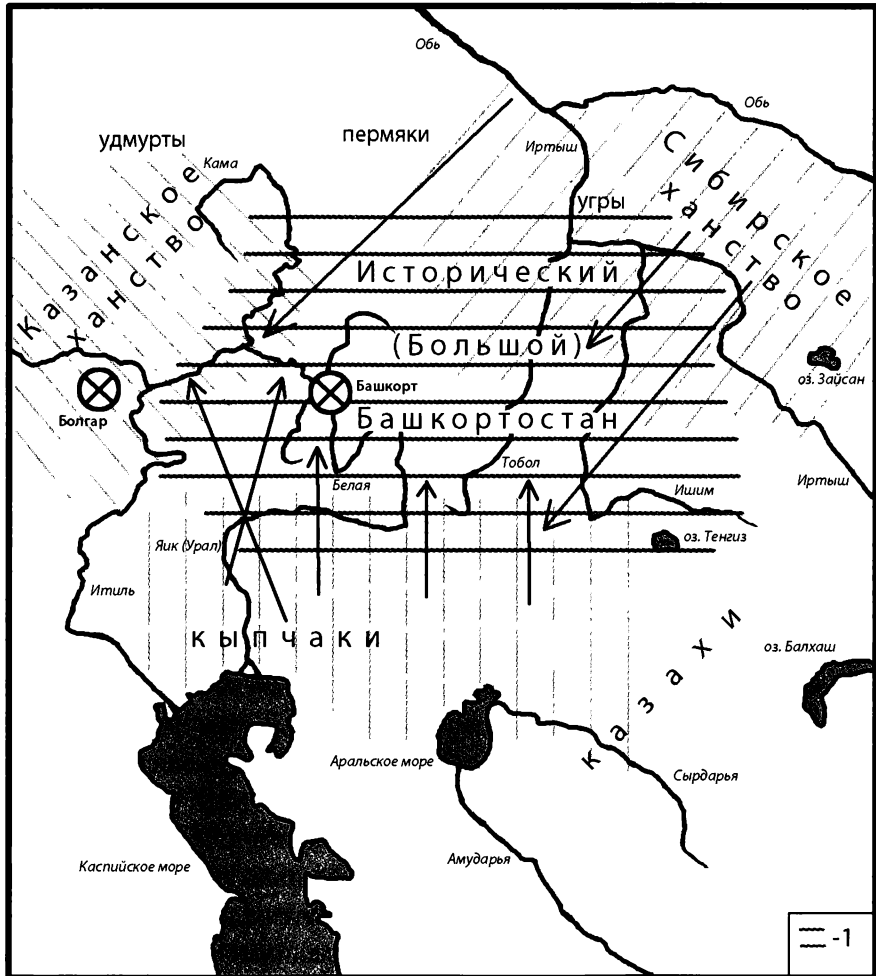
Преемники Тохтамыша на ханском троне Тимер Кутлук (1395–1399 гг.), Шадибек (1400–1407), Джалал ад-Дин (1412–1429 гг.), Барак (1422), Улу-Мухаммед (1419–1437 гг.) и другие уже не обладали реальной властью прежних ордынских ханов. Из формально существовавшего бывшего единого государства в 1417 г. отложилось Узбекское ханство в Мавераннахре, в 1428 г. – Тюменское ханство, а бежавший из Сарая Улуг-Мухаммед в 1437 г. основал Казанское ханство. Этот процесс распада Золотой Орды завершил Гаджи Гирей, основавший Крымское ханство².

Как показывают современные исследования, ранние этапы этнической истории ногаев связаны с тюрками-мангытами Средней Азии, кочевья которых в XIII – начале XIV в. располагались в среднем течении р. Амударьи. Здесь они активно контактировали с местными кыпчаками и переселившимися из Центральной Азии мангытами монгольского происхождения. Эта группа племен во главе с ногаями представляла достаточно организованную силу и оказывала эффективную помощь Джучи и его преемникам в управлении улусом. Источники указывают, что в 50–60-х гг. XIV в. ногаи и союзные с ними кыпчакские племена оказываются в низовьях Яика и Волги. Данное переселение В. Л. Егоров и В. В. Трепавлов склонны объяснить тем, что в период политической неразберихи в столице Золотой Орды в Сарае, наступившей после смерти хана Узбека, определенные политические силы в столице способствовали этому переселению с намерением с помощью ногаев захватить власть³. С этого момента начинается активное участие ногаев в политической жизни Золотой Орды. Есть все основания думать, что

¹ Сафаргалиев М. Р. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

² Там же. С. 431–453; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 752, 753.

³ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... С. 51–95 и др.; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 141–144; Егоров В. В. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1973. С. 183.

Карта № 12. Исторический (Большой) Башкортостан в XV–XVI вв.

окружение Тохтамыша в период возвышения его политической карьеры состояло из представителей этой ногайско-кыпчакской группы.

Возвышение ногаев как ведущей этно-политической силы в истории Золотой Орды периода окончательного распада происходит после поражения Тохтамыша в 1395 г., когда их лидер Эдигей утвердил свою власть в Золотой Орде.

Эдигей не принадлежал к потомству чингизидов, поэтому не смог стать ханом. К желанной цели он стремился при помощи Тимур-Кутлуга – послушного, не очень сильного в государственных делах внука Узбек-хана. Эдигей добился того, к чему стремился: Тимур-Кутлуг был избран ханом Золотой Орды, а сам оставался беклербеком (варианты: бек, бий, уло бий), т. е. вторым человеком в государстве.

Занимая должность беклербека, он фактически управлял всеми делами Золотой Орды, а свой опорный улус Мангытский юрт («ил») передоверил сыновьям, из которых самым известным был Нур ад-Дин. Согласно источникам, Эдигея постоянно сопровождала личная гвардия численностью более двухсот тысяч всадников¹. Это обстоятельство, очевидно, сыграло немаловажную роль в успешном решении всех военно-административных вопросов в свою пользу. Эдигей много сделал для консолидации и возвышения ногаев в составе Золотой Орды. Так, например, будучи правой рукой Тохтамыша, он добился освобождения от налогов территории к востоку от Волги, где располагались владения мангытов. Историки отмечают, что мангытский юрт (ил ногаев) находился в привелигированном положении и во все последующие периоды истории, что выражалось даже в уплате налогов. Эдигею пришлось постоянно вести борьбу против наследников Тохтамыша, она шла с переменным успехом. В 1419 г. он был убит по приказу сына Тохтамыша Керим-Берди.

Эдигей оставил большое потомство – около 20 сыновей, которые продолжали играть активную роль в придворных событиях. Так, например, в 1421 г. его сын Мансур, став бием, провозгласил одного из потомков чингизидов Кучук-Мухаммеда ханом и в Золотой Орде вновь восстановилась такая же ситуация, что при Эдигее. Но одновременно появились несколько претендентов на ханский трон: Улуг-Мухаммед из Крыма, Барак из Узбекской Орды, Кичи-Мухаммед и другие. Любопытно, что при соперничающих между собой правителях сыновья и внуки

¹ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 74–95.

Эдигея занимали известное положение. Среди них особо выделился Ваккас – сын Нур ад-Дина, который на протяжении двух десятилетий был главным беклеребеком (улу бием) хана Абу-л-Хайра Узбекской Орды.

Служа ханам соседних государственных образований, потомки Эдигея также способствовали возвышению Мангытского дома. После гибели Ваккаса где-то около 1447 г. его сыновья практически отделились от Золотой Орды, став во главе независимого государства – Ногайской Орды. Истинным создателем ее был Муса сын Ваккаса¹.

Хан Муса и его преемники – конкретные персонажи важных исторических событий, происходивших в Башкортостане на рубеже XV–XVI вв.

Башкортостан в составе Ногайской Орды. Ногайская Орда как приемник Золотой Орды существовала на землях Нижнего Поволжья, Западного Казахстана, включая низовья р. Сырдарья. Северная ее граница проходила по рекам Белая, Уфа, Ик.

Пожалуй, одно из самых ранних упоминаний присутствия ногаев в Башкортостане зафиксировано в грамоте Ямгурчи – брата Мусы-хана к Ивану III. В ней подчеркивается, что «Мурзин кочев на Белой Волжке был»². Согласно документу, составленному в 30-х гг. XVI в., территорией между реками Камой, Яиком и Волгой владел Кассум (Хаджи-Мухаммед, сын Мусы хана), а территорией, прилегающей к Сибири – Шейх-Мамай³. В источниках не раз упоминается о том, что северная граница кочевьев ногаев в Башкортостане доходила до Камы. Например, орда ногайского наместника Исмаиля летовала на р. Ик в районе устья р. Белой. С ногаями связана история города в районе устья р. Челновки на Каме. Речь здесь, очевидно, идет о городе Чаллы близ Набережных Челнов, основанном и принадлежащем башкирам, так как он расположен на территории западной, т. е. мензелинской группы башкир⁴. В источнике говорится о конфликте между жителями города и казанским ханом, совершившим против них усмирительный поход.

¹ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 53–54, 90–100.

² *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). Уфа, 2005. С. 22.

³ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 195; *Игнатьев Р. Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 334.

⁴ *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 30; *Хузин Ф. Ш.* Раскопки на территории пригородов Чаллынского городища // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С. 114–131.

В дипломатической переписке, составленной ногайскими правителями с российскими властями после добровольного вхождения Башкортостана, есть многочисленные упоминания отдельных районов Башкортостана, где они в свое время «брали ясак» («имал семи из башкирды дани», «сорок ногайских сборников ясака вжимали подати в Уфимском уезде с ясашных волостей с устья Белы Воложки (т. е. р. Белая), до уфимские и до айские вершины и на Катайской волости») у башкир, проживавших по всему Южному Уралу. Эти документы были составлены с претензией на право возобновления сбора дани с башкир, находившихся уже под российским протекторатом. На основе анализа этих географических ориентиров нетрудно заключить, что под властью ногаев находились земли от приволжских и оренбургских степей на западе и зауральских лесостепей на востоке. В. В. Трепавлов, в частности, уточняет, что земли вокруг зауральских озер Иткуль, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргазы входили в сферу политического влияния ногаев¹. Как сказано в одном из вышеприведенных документов, северная граница этого влияния проходила по среднему Прикамью, куда относится «устье Белы Волжки».

Политическое господство ногайцев оставило негативный след в памяти башкирского народа. Тексты башкирских шежере полны сюжетами, рассказывающими о постоянных конфликтах из-за земельных угодий. В шежере юрматинцев, например, говорится, что «в давние времена на этой земле жили ногайцы. Они кочевали во все стороны земель (по долинам рек) Зай и Шешема»². Источник подтверждает положение о том, что земли мензелинской группы башкир вплоть до Камы входили в зону активных кочевьев ногаев.

Другой пример упомянут в шежере бурзянских, кыпчакских, усерганских и тамьянских башкир. В нем повествуется о том, что на горе Туратау на р. Белой находилась ставка Тура-хана. «Он был самовластным ханом башкирского народа. Его сыном был Кусем-хан. В те времена была битва хана Бурака из Сарайчика, события были из-за земли и воды. Затем Кусем-хан своего младшего брата Бэрдэбика отправил с сильным войском с северной стороны. Бурак с правой стороны (т. е. с юга) отправил Мансура. Затем с двух сторон противостояли друг другу,

¹ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 470.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 31, 32.

готовились к битве. Ведя переговоры, заключили соглашение о следующем. Правая сторона р. Самары досталась Бурак-хану, его подданные были ногайцами. Северная сторона р. Самары досталась Кусем-хану, его подданные были башкиры». Таких примеров противостояния между башкирами и ногайцами, очевидно, было множество. Несомненно, они сопровождались разорением и разрушением веками налаженной жизни башкирского народа, исчезновением следов оседлой культуры.

Характер письменных источников привел В. В. Трепавлова к заключению о том, что Башкортостан входил в состав Ногайской Орды в качестве самостоятельного территориального подразделения – удела или наместничества, против чего трудно возразить¹.

Наместничество предполагает некоторую политическую и экономическую самостоятельность Башкортостана в составе Ногайской Орды. Изучив физико-географические условия Южного Урала и сопоставив сведения письменных источников этого времени, В. В. Трепавлов пришел к очень интересному заключению о том, что ногаи, хотя и были чистыми кочевниками и хозяевами обширного региона от горнолесного Урала до прикаспийских и приаральских степей, в Башкортостане (на Южном Урале) вели замкнутый цикл кочевания от предгорьев в степь и обратно в зависимости периодов года. Вот эта экономическая замкнутость Южного Урала с различными физико-географическими условиями, по мнению В. В. Трепавлова, обеспечивала политическую обособленность Ногайского Башкортостана. К этой мысли нам остается лишь добавить: природные условия Южного Урала оказывали решающее влияние на развитие исторических процессов на всех этапах древней и средневековой истории края.

Ранее о существовании в Башкортостане института наместничества говорил Р. Г. Кузеев². Оба исследователя считают, что наместников назначали ханы из числа своих приближенных. В качестве примера В. В. Трепавлов ссылается на свидетельство С. Герберштейна (первая половина XVI в.), согласно которому Ногайская Орда была разделена на три части: земли вокруг Сарая, земли между реками Камой, Яиком и Волгой и «частью Сибирской области и всей окрест лежащей»,

¹ Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнографии Башкирии. Уфа, 1999. С. 8–10 и др.

² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 499.

которыми на правах наместников соответственно управляли сыновья Мусы-хана Саид-Ахмед (Шидак), Хаджи-Мухаммед (Коссум) и Шейх-Мамай. Такие же, очевидно, обязанности выполнял мурза Динбай (сын Исмаила), который былые свои заслуги в 1578 г. записал в следующих словах: «...Яз кочевал за Ейком на реке на Еми, имал есми из башкирды дани». В другом источнике сообщается, что Кашум (он же Коссум, Хаджи-Мухаммед) держал в повиновении весь Башкортостан и брал с него ясак»¹.

Институт наместничества представлял сложную иерархическую систему управления. Он состоял из Верховного наместника Ногайского Башкортостана, помощников, контролировавших отдельные районы. Основная функция наместников сводилась к сбору ясака. О том, как он организовывался, красноречиво свидетельствует цитата из первоисточника, где говорится о сборе ясака с участием сорока ногайских сборщиков с башкир, проживающих в бассейне рр. Белая и Ай. О том, что сборщиков ясака на деле сопровождалось насилием и грабежом по отношению к башкирам и вызывали ожесточенное сопротивление со стороны башкир, нам известно из содержания «Сказания о Мамай-хане» – исторического предания, где за принесенные злодеяния башкиры отрубали Мамай-хану голову². Наряду с уплатой налогов и выполнением других повинностей, не меньшим злом для башкир явилась пастьба бесчисленного количества скота ногаев на лучших землях. По этому поводу в источниках есть упоминания о том, что «огромные ногайские стада заполняли всю окружающую территорию»³. Это явилось, безусловно, серьезным тормозом в ведении налаженного скотоводческо-земледельческого хозяйства у башкирского населения.

В связи с политическим господством ногаев в Башкортостане, естественно, возникает вопрос о том, какой вклад они могли внести в развитие экономики и хозяйственный уклад башкирского населения. Логика фактов подсказывает отрицательный ответ.

Правители Ногайской Орды по отношению к башкирам и другим покоренным народам вели себя как прямые наследники Золотой Орды и они ничем не отличались от своих предшественников в хозяйствен-

¹ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 8.

² Сказание о Мамай-хане // Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Уфа, 1999. С. 204, 205.

³ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 215.

ном плане. Они исстари, с момента зарождения Мангытского юрта, были чистыми кочевниками и оставались таковыми на протяжении всего XV–XVI вв. Такую особенность образа жизни ногаев единодушно подчеркивают все исследователи¹. Политическая их гегемония над башкирами обернулась усилением кочевнических традиций в хозяйстве. Источники показывают, что орды кочевых ногаев практиковали традиционные для скотоводов Южного Урала длинные меридианальные перекочевки с севера на юг (Прикаспий, Приаралье, Южный Казахстан). Но в это время на юге уже не было свободных территорий, значит, отгон скота, очевидно, был делом только правящей элиты ногаев. Поэтому, безусловно, прав В. В. Трепавлов в том, что ногаи в Башкортостане вынуждены были вести кочевое скотоводческое хозяйство, приспособленное к местным природным условиям. Они подсказывали традиционные маршруты кочевания: из гор и предгорьев в степь и обратно в предгорья; при этом предгорья, богатые пригодными для кормления скота деревьями (ильм, вяз, тальник), часто служили местом зимовки. Об этом убедительно говорится в вышеупомянутом «Сказании о Мамай-хане», где описаны маршруты летних кочевьев и районы зимовок. В то же время у нас нет уверенности в том, что Муса-хан, будучи правителем Ногайской Орды, не совершал поездки на южные зимние пастбища. То же самое можно сказать о его преемниках – Исмаиле, Шейх-Мамае и других, которые владели огромными земельными угодиями по Западному Казахстану и Левобережной Волге.

Науке известно еще несколько маршрутов кочевания ногайских ханов по Южному Уралу. О них сообщает П. И. Рычков, для которого источником послужила рукопись башкирского старшины Кидраса Муллакаева «Татарская история» (читай: «Башкирская история». – Н. М., А. С.), утерянная в ходе башкирского восстания 1735–1740 гг. Судя по содержанию, потерянная рукопись посвящалась истории башкирского народа, написанная самими башкирами к началу XVIII в.

Из рассказа Кидраса Муллакаева видно, что в последней четверти XV в. вся южная часть Башкортостана подчинялась ногайскому хану Басману. Постоянным местопребыванием Басмана являлась гора Маяк (Актюба), что входит сейчас в черту современного города Оренбурга. Ранее кочевья Басмана, по-видимому, находились южнее, но, судя по

¹ *Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... С. 186–222.*

словам историка «предколикими годами, того не помнить, который по бывшем там великом моровом поветрии, оставя прежнее свое жительство перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья, на горе, в расстоянии от Оренбурга шесть верст, где ныне поставлен маяк, построил город и именовал Актюба, то есть: Белый стан или село, от чего та гора и поныне Актюбой называется, и некоторые на ней видны развалины. Тут оный хан имел обыкновенное свое пребывание». Развалины кирпичных сооружений, возможно, мечети, в XVIII в. наблюдал и академик И. П. Фальк¹. Очевидно, здесь речь идет о башкирском городе золотоордынского времени, продолжавшем существовать до XV–XVI вв.

Личная орда Басман-хана состояла из «семнадцати тысяч кибиток» и кочевала «вверх и вниз по Яику и другим степным рекам, а именно по Берде, по Сакмаре, по Салмышу, по Юшатыру, по Таналыку, по Оре, по Кизилу, и по протчим рекам. А зимою оные кибитки, переходя Уральские горы, кочевали по рекам Белой, Соколе, Ашкадару, Куганаку, по Шкадру, по Деме, где места лесистые и теплые»².

Одновременно с Басман-ханом в центральной части Башкортостана правил его брат Тюрятан-хан. «Брат помянутого хана (Басмана), – говорится в рассказе Кидраса Муллакаева, – называемый Тюрятан-хан, тогда другое владение занял и жил на самом том месте, где ныне город Уфа». В нем он жил «в одни только зимние времена, а летом жил около Демы реки, от города Уфы в верстах в 50, где были немалые жительство; да и поныне на том озере мечеть, а на реке Ислак мечеть же и дома каменные видны, только уже обвалились». Кочевья Турахана проходили по рекам «от устья Демы по реке Казанской дороге вниз по Белой, по Кареласану (Кармасан), по Черемшану, по Куюшу, по Сюну и вверх по Аю рекам»³.

В источнике Басман и Тюрятан названы ханами, по масштабам владений они, скорее всего, были ханами локального значения, находившимися в зависимости от ногайских ханов. В соответствии с принципами государственного устройства Золотой Орды и Ногайской Орды ханские владения распадалась на более мелкие, во главе которых также стояли крупные землевладельцы.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. СПб., 1896. С. 69; Егоров В. В. Историческая география Золотой Орды в XVIII–XIV вв. М., 1985. С. 124.

² Рычков П. И. История Оренбургская... С. 69.

³ Там же. С. 11–71; Башкирские шежере... С. 32.

Из приведенных примеров видно, что регион Южного Урала с различными физико-географическими зонами обеспечивал ногаям возможность ведения круглодичного скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство способствовало постепенному оседанию в крае пришлых ногаев и образованию смешанного башкиро-ногайского населения. В пользу сказанного приведем следующий пример, подробно описанный в шежере юрматинских башкир. В нем повествуется о том, что в период активного выступления русских против Казанского ханства в 1550–1552 гг. ногайцы, проживавшие в Башкортостане, «собрались и держали совет», где приняли решение покинуть Урал и «Ядкар-мурза, во главе бесчисленных ногайцев перекочевал на Кубань... Триста ногайцев, вместе с родами отставшие от Ядкара, позднее также бежали на Кубань». Этот источник дает основание полагать, что многочисленная группа ногаев вместе со всем илом постоянно жила в Башкортостане, образуя смешанное башкиро-ногайское население. Исторические и этнографические материалы свидетельствуют, что часть ногаев осталась на Урале и вошла в состав башкирского народа в качестве самостоятельного ногайского компонента.

Говоря о роли и месте ногайского наследия в истории Башкортостана, В. В. Трепавлов высказал интересную мысль: для башкир понятие ногай в XV–XVI вв. имело политомическое значение, т. е. пребывание в полиэтническом Ногайском ханстве. Свою мысль он обосновывает тем, что в большинстве исторических источников того времени главенствует идея противостояния башкир ногаям, чем какому-либо сближению с ними. С данным выводом следует полностью согласиться.

Конфедерация племен Ногайской Орды в этнокультурном плане была многосоставной, но главенствующую роль в ней играли тюркоязычные племена кыпчакского происхождения, составлявшие основную часть населения Казахстана, Нижнего Поволжья, Сибирского ханства и юга Башкортостана. Мы еще не раз вернемся к рассмотрению этого вопроса.

В своей работе «История Оренбургская» П. И. Рычков раскрывает нам сложные моменты политической истории Башкортостана рубежа XV–XVI вв. В нем сохранились важные сведения о жестокой борьбе ногайских ханов за власть над Башкортостаном. В этой междоусобице на рубеже XV–XVI вв. особенно выделились Алтакар и Би-Тюряк

(правильнее, вероятно, бей Тюрjak). Оба они выступали в ранге мурз – вассалов Басман-хана, поскольку в возникшем споре оба обратились с жалобой друг на друга именно к нему. Хан Басман занял сторону Би-Тюрjака, но Алтакар не подчинился решению ханского суда и откочевал со своей Ордой за Яик и Эму, на юг, в данном случае в главную ставку ногаев, и начал готовиться к войне с самим Басман-ханом. Вскоре она действительно началась и в ходе этой войны Басман-хан был убит. По преданию Басман-хан вместе «со многими убитыми с ним ногайцами погребен был на горе» (Актюба), где ныне город Оренбург, и остатки этого ногайского кладбища застал еще П. И. Рычков. По мере расширения города все каменные сооружения, в том числе плиты с арабскими надписями, были растащены для различных хозяйственных нужд.

В междоусобную войну Басман-хана и Алтакара были вовлечены другие крупные феодалы, о чем свидетельствует гибель в этой войне упомянутого выше Тюрjак-хана. «Оной Тюрjак-хан, – говорится в источнике, – убит между теми же замешаниями, и Алтакар-мурза над всеми ногайцами владетелем учинился». Это трагическое событие произошло в 10-х гг. XVI в., после чего город Башкорт становится местом пребывания ногайских наместников. После описанных выше событий в Башкортостане надолго утвердилась власть ногайского хана Акназар-Салтана. По мнению В. В. Трепавлова, под именем Алтакара в источниках подразумевается Алчагир – сын Мусы-хана и в 1506–1508 гг. он являлся соправителем Ногайской Орды вместе со своим братом Саид-Ахмедом (Шейдяк).

В памяти башкирского народа Акназар-хан сохранился как один из грозных ханов времен Ногайской Орды. Согласно информации П. И. Рычкова, основанной на рассказе Кидраса Муллакаева, Акназар «всячески их (народ) изнурял и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, таком и через речку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице»¹.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская... С. 69.

Предание гласит, что Акназар-хан явился в Башкортостан из Сибири, подчинил Казанское, Астраханское ханства, Бухару, Хиву, Ташкент и другие прилегающие к Южному Уралу районы.

В. В. Трепавлову принадлежит заслуга уточнения биографии этого правителя. В одиннадцатом поколении он приходится правнуком Чингисхану и, таким образом, является кровнородственным представителем чингизидов. Он вырос в ближайшем окружении Шейх-Мамай сына Мусы, что согласуется с традицией Эдигея и его преемников держать при себе потомков Чингисхана и опираться на их авторитет. Свой замысел он закрепил, выдав Акназар-хану свою дочь. По мнению В. В. Трепавлова, Шейх-Мамай назначил своего зятя Акназара правителем Башкортостана на правах, вероятно, первого наместника, а сами мангыты (окружение Шейх-Мамай) в 1521 г. разгромили армию казахского ханства и установили над ним свою власть. Где-то около 1538 г. ногаи избрали на трон казахского хана, казалось, послушного для них Акназара, известного в казахской и прочей литературе по имени Хакк-Назар¹.

После отъезда Акназара (Хакк-Назара) в Казахстан в Башкортостане наместничали семь лет Исмаил (1538 – около 1545 гг.), а затем Ахмед Гирей (1546 – около 1558 гг.). Следует подчеркнуть, в книге, опубликованной нами в 1994 г., Ахмед Гирей был назван башкирским ханом. Это было сделано согласно историографической традиции, восходящей к трудам XVIII–XX вв., где он назван ханом башкир. В. В. Трепавлов уточнил, что Ахмед Гирей в Башкортостане пребывал как наместник Ногайской Орды². Он же сделал очень важное замечание: в Ногайской Орде отсутствовала традиция называть своих правителей ханами³, а башкиры помнят ногайских наместников как ханов и именно это отражено в исторической литературе.

Отмеченная путаница, очевидно, объясняется тем, что у башкир, пребывающих в составе Ногайской Орды, существовала своя система государственного управления во главе с национальными правителями. В этом легко убедиться при сопоставлении именных списков известных

¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... С. 205–210 и др.; *Он же*. Ногаи в Башкирии... С. 19–23.

² Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... С. 208; *Он же*. Ногаи в Башкирии... С. 19–25.

³ Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии... С. 14.

башкирских и ногайских ханов и биев. Такое сопоставление стало возможным благодаря трудоемкой работе В. В. Трепавлова по составлению именного списка правящей элиты ногаев¹. В этих списках очень мало общих имен. Это – Муса, Мамай, Бурак, Акназар, Шейх-Мамай; оно неудивительно, так как названные имена принадлежат к разряду особо знатных вождей ногаев, признанных башкирами в качестве ханов.

На современном этапе исследований по выявлению и анализу источников по истории Башкортостана XV–XVI вв. не следует, на наш взгляд, придавать особое значение этническому происхождению ныне известных башкирских ханов и биев (см. приложение). Некоторые из них могли быть ногайского, казахского, кыпчакского или башкирского происхождения. Эти имена представляют интерес в плане доказательности факта существования у башкир своих государственных образований. Все же здесь трудно пройти мимо одного факта, на который обратил внимание В. В. Трепавлов.

Он полагает, что в период господства ногаев упомянутые в башкирских источниках ханы таковыми не являлись и этот социально-политический термин мог употребляться лишь по отношению ногайских наместников. Однако территория Башкортостана делилась на отдельные улусные кочевья, которыми могли управлять родоплеменные вожди-бии как ногайского, так и башкирского происхождения².

Очень привлекательна следующая мысль указанного исследователя. У каждого из удельных князей-биев тогдашнего Башкортостана были свои резиденции – постоянное местопребывание. К числу таковых он относит городище Ак-Тюба под Оренбургом, крепость Тура-Тау под Стерлитамаком, городище Кара-Абыз близ г. Уфы и Чертово городище под Бирском³.

Возвращаясь к теме о существовании башкирских ханов на рубеже XV–XVI вв., следует сказать, что имеются достоверные сведения в пользу данного мнения. Например, один из главных действующих лиц в политических событиях, связанных противостоянием ногайских мурз Алтакара и Би-тюряка, Басман-хан в первоисточнике назван ногаем. Но Басман-хан известен также по шежере тамьянских башкир, где

¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды... С. 655–658.

² Башкирские шежере... С. 116, 117.

³ *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии... С. 12.

перечень имен дан в такой последовательности: Туман-бей – Кильдар-бей – Нахамет-бей – Басман-хан – Айкым-бей – Айдарали-бей – Шагали Шакман кеняз – Буралы-Бураш¹. В этом списке самым известным является Шагали Шакман. Он как предводитель тамьянских башкир в составе делегации южной группы башкир в 1555–1556 гг. ездил в Москву к царю Ивану Грозному с выражением воли своего народа о добровольном вхождении в состав Русского государства². Басман-хан приходится ему дедом во втором поколении. Следовательно, связанные с ним события происходили в самом начале XVI в., что подтверждается годами правления участников события Алтакара – Би-Тюряка – Басман-хана, установленными В. В. Трепавловым³. Из приведенного шежере тамьянов становится бесспорным, что башкиром является брат Басман-хана Тура-хан, резиденция (ставка) которого находилась в Уфе (Башкорт).

Приведенный отрывок из шежере тамьянских башкир однозначно указывает башкирскую принадлежность братьев-ханов Басмана и Турахана. Это наводит на мысль о том, что военный конфликт между Алтакаром (Альчагир), с одной стороны, и Басман-ханом и Тюряханом, с другой, носил не только социально-политический, но и межэтнический характер и лишь военная поддержка ногай Алтакара со стороны центральной ногайской власти помогла ему одержать победу над башкирскими ханами. Нам думается, что на Басман-хане и Турахане прерывается власть башкирских ханов в Центральном и Южном Башкортостане и, очевидно, неслучайно основными правителями – наместниками в этом регионе называют лиц бесспорно ногайского происхождения.

На основе выявленных письменных источников В. В. Трепавлов не раз подчеркивает, что средневековый город Башкорт (он же Имэн-кала) являлся резиденцией многих ногайских наместников, назначенных уже после гибели Тура-хана и Басман-хана. В их числе он называет Акназара, Динбая (сына Исмаиля), Саид-Ахмеда и других⁴. Надо полагать,

¹ Этот чрезвычайно важный в историческом плане текст шежере тамьянских башкир нам представлен аспирантом Ю. М. Юсуповым, за что приносим ему глубокую благодарность.

² Башкирские шежере... С. 150.

³ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 27.

⁴ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... С. 205, 210, 333, 366 и др.; *Он же*. Ногаи в Башкирии... С. 7, 9.

после убийства Алтакаром братьев Басман-хана и Тура-хана влияние ногаев на общественно-политическую жизнь в Башкортостане, в том числе его столице – городе Башкорт, усилилось. О былом присутствии ногаев в городе Башкорт свидетельствуют сохранившиеся топономические названия, например, Нагаево (населенный пункт вблизи г. Уфы). В XV–XVI вв. вблизи г. Башкорт, согласно источникам, существовала крепость Кунгират, которая располагалась в районе устья р. Демы¹. Ее жители в период событий вхождения Башкортостана в состав российского государства, боясь русских, переселились в Среднюю Азию, в г. Ургенч.

Башкортостан в составе Сибирского ханства. История зауральской (восточной) группы башкир XV–XVI вв. неразрывно связана с историей Сибирского ханства. Истоки этого единства восходят к VIII–XII вв., когда определенная группа башкир расселялась на территории между Уральскими горами и Иртышом, а севернее – по Оби. В пользу этого мнения говорит определенная близость материала археологических памятников этого времени, где, в частности, присутствуют поздние варианты кушнаренковской керамики, основная территория распространения которой приходится на Южный Урал и этнически связывается с башкирами. Кочевыми племенами данного круга на рубеже XI–XII вв. был создан политический союз с условным названием Ишимское ханство². О присутствии здесь башкирских племен свидетельствует факт вхождения Левобережного Иртыша в состав улуса Муйтен-бия, выделенного ему Чингисханом на «вечное» управление. В грамоте Чингисхана на имя Муйтен-бия восточные границы этого улуса определены левобережными притоками р. Иртыша³ и это дало нам в свое время восточные границы Исторического Башкортостана времени Муйтен-бия (20-е г. XIII в.) определить по левобережному Иртышу⁴.

¹ *Исхаков Д. М.* Указ. соч. С. 38.

² *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. Казань, 2002. С. 117–136.

³ *Хөсәйенов Ф. Б.* Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 57.

⁴ *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 242. Карта.

Известно, после образования Золотой Орды Западная Сибирь, в том числе зауральские районы Башкортостана попадают под власть Шибана – младшего брата Батыея и его потомки контролировали политическую власть в этом регионе вплоть до 1495 г. Из крупных политических событий XIII–XIV вв. в истории Западной Сибири следует выделить возникновение Тюменского ханства, где, кстати, пребывал в последние годы своей жизни Тохтамыш. Выдвижение Тюменского ханства, известного на раннем этапе как Тюменский юрт, связано с именем его авторитетного правителя Ибака (Ибрагим б. Махмудек) – представителя шейбанидов. Из источников известно, что Ибак, как и многие отпрыски чингизидов, претендовал на золотоордынский трон, был одним из организаторов похода на Казань, но пал жертвой заговора местной знати и был убит в 1495 г.¹ Власть в Тюменском ханстве переходит к Тайбугидам.

В истории Сибири XIV–XVI вв. активную роль сыграли представители Мангытского дома, которым принадлежала реальная власть как в Золотой Орде, так и в Сибири, Казахстане. По степени влияния на политическую жизнь этого региона и следствиям этого влияния, одним из самых могущественных среди них был – Шейх-Мамай (б. Муса). Подвластные ему земли простирались от Яика до Сырдарьи и Иртыша, включая всю территорию Башкортостана. На основании сведений документов В. В. Трепавлов пришел к заключению о том, что Башкортостаном он «как наместник Ногайской Орды, правил сурово и умело, ввел там налогообложение и полностью подчинил своей воле местную знать. При дворе мирзы (Шейх-Мамаея. – *Н. М., А. С.*) воспитывались высокородные принцы – казахский царевич Хакк-Назар б. Касим и сибирские султаны Кучум и Ахмед-Гирей, внуки Ибака». Двум из вышеназванных воспитанникам Шейх-Мамаея суждено было стать: Хакк-Назару знаменитым ханом казахов (1537–1580 гг.), а Кучуму – правителем Сибирского ханства (1537–1597 гг.). Но, прежде чем занять высокие государственные должности, они проходили в Башкортостане школу управления, «приобретение административных навыков. Башкирия выступала в роли полигона для них».

¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды... С. 113–118, 205, 210, 724.

В. В. Трепавлов особо подчеркивает, что ставка Акназар-хана находилась в городе Имэн-кала, отождествляемом теперь с городом Башкорт¹. Возможно, здесь же пребывал Кучум – будущий хан Сибири.

История Сибирского ханства времени Кучума уже выходит за рамки настоящей книги, поэтому мы ограничимся лишь следующими замечаниями.

В последние десятилетия наука обогатилась рядом фундаментальных исследований. Сюда можно отнести монографические труды Ф. Т. Валеева, Н. А. Томилова, Д. М. Исхакова и Г. Л. Файзрахманова², а также многочисленные публикации, в которых введен в научный оборот богатый источниковый материал и высказаны интересные наблюдения по истории Сибири XIV–XVI вв. В этих работах почти полностью обойден вопрос о пребывании группы башкир в составе Тюменского ханства, Сибирского ханства и роли этих ханств в истории Башкортостана, без чего изложение истории этих государственных образований будет неполным. По поводу сказанного, приведем некоторые соображения.

С момента добровольного вхождения Башкортостана с середины XVI в. по настоящее время коренным населением юга Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской областей (Средний Урал) считаются башкиры. Это очевидный факт. Также очевидно проживание в рассматриваемое время на левобережном Иртыше башкирского населения. Многие исследователи на эти факты не обращают внимания и племена Ишимского (XI–XII вв.), Тюменского (XIV–XV вв.) и Сибирского (XVI–XVII вв.) ханств называют собирательным именем сибирские тюрки, или сибирские татары. Но в таком обобщении теряется целый народ в лице восточной группы башкир.

При анализе этнического состава населения Тюменского и Сибирского ханств исследователи обращают внимание на присутствие в нем таких этнических групп населения, как айле, дуван, кошсы, табын, иштяк, которые также представлены в составе современных башкир. При территориальном соседстве изучаемых районов этническую родственность данных групп населения невозможно игнорировать. В работах

¹ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 205, 210 и др.

² Перечень этих работ см. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

некоторых историков даже утверждается мысль о том, что табынская группа башкир переселилась на Южный Урал из Сибири на рубеже XV–XVI вв. В частности, она изложена в известной книге Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа»¹. Впоследствии данный вывод автора поддержал Д. М. Исхаков². Но следует отметить, Р. Г. Кузеев в этой же книге особо подчеркивает, что табынские башкиры вместе с минцами, катаяцами, кыпчаками, пришли на Южный Урал в ходе миграций народов Степной Евразии в XIII–XIV вв. и это положение согласуется со всеми материалами историко-этнографического характера³.

Поводом для омоложения времени прихода табынцев для Р. Г. Кузеева послужила легенда об Исян-хане – потомке Каратабын-бия, проживавшего якобы во второй половине XVI в.

Нам теперь известно шежере Исян-хана, и оно позволяет более точно определить время переселения его предков на Урал (см. приложение). Из него видно, что Каратабын-бий был внуком Майкы-бия в третьем поколении и возглавил переселение табынцев на Урал. Если предположить, что Майкы-бий умер около 30-х гг. XIII в., то Каратабын-бий, скорее всего, пришел на Урал в самом начале XIV в., но отнюдь, не в конце XV – начале XVI в. Эти факты позволяют поправку Р. Г. Кузеева о позднем переселении табынцев-иректинцев рассматривать как не соответствующую действительности.

Возникшее расхождение по данному вопросу натолкнуло нас на следующее размышление. Похоже, что исторической родиной табынцев были земли по Иртышу, где похоронен праотец табынцев Майкы-бий. Не исключено, что имело место переселение табынцев на Урал в несколько этапов, чего не исключает и Д. М. Исхаков⁴. Такое позднее переселение части табынцев можно считать вполне возможным, если принять к сведению обстановку междоусобиц ведущих этнических групп, приведшую к гибели хана Ибака в конце XIV в.

В 1958 г. Мажитову Н. А. удалось иметь обстоятельную беседу с отцом известного тюрколога Дж. Г. Киекбаева Г. Г. Киекбаевым на тему

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 279–289.

² Исхаков Д. М. Указ. соч. С. 40, 41.

³ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 471–475.

⁴ Исхаков Д. М. Указ. соч. С. 40, 41 и др.

об истории прихода калсер-табынцев. Он показал ему сохранившееся у него шежере и рассказал следующее: древняя прародина калсер-табынцев (возможно, основной группы табынцев) называлась «Якуб карагай» и она находилась на востоке (Зауралье), откуда они пришли на Урал. Это очень важный географический ориентир для поиска в будущем исторической прародины табынских башкир.

Знакомство с историческими источниками XV – начала XVI в. дает основание прийти к заключению о том, что между правителями Ногайской Орды и Сибирского ханства шла открытая борьба за сферу влияния над Башкортостаном. На это указывает назначение наместниками Башкортостана то ногаев, то шибанидов. Социально-экономическое положение башкир еще более осложнялось участием в этом конфликте третьей стороны в лице Казанского ханства.

Башкортостан в составе Казанского ханства. Данный раздел считаем целесообразным начать с ответа на вопрос, где проходила граница расселения западной группы башкир и казанских татар. Выяснение этого вопроса приобретает особую актуальность в свете новейших исследований историков Республики Татарстан, в которых, вообще, не признается сам факт существования башкирского народа, а его историческую родину – Южный Урал – пытаются объявить составной частью государства волжских болгар, а затем казанских татар.

Самым ранним и достоверным документом о западной группе башкир являются путевые записи Ибн Фадлана, посетившего Волжскую Болгарию в 921–922 гг. Следует признать, что Ибн Фадлан проезжал по стране приволжской (западной) группы башкир и согласно его описанию башкиры сплошным массивом расселялись между средним течением р. Яик (Урал) и Большим Черемшаном; в стране башкир путешественник перечислил такие реки, как Иргиз, Моча, Самара, Кинель, Кондурча, а за рекой Большой Черемшан начинались земли волжских болгар¹. Поразительно, что несмотря на многочисленные исторические катаклизмы, связанные с нашествием завоевателей в XIII–XIV и XV–XVI вв., башкиры до сегодняшнего дня никуда отсюда не ушли и живут на правах коренного народа.

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 27, 84.

В документах 70–80 гг. XVI в. мы находим подтверждение проживанию башкирского населения по Самаре, близко к Волге. Так, изгиб Волги, известный как Самарская Лука, в текстах фигурирует как пограничная полоса между русскими и башкиро-ногаями. Этот факт признан и в ряде других документов конца XV–XVI вв.¹

Территория Восточного Татарстана начиная с IX–X вв. являлась составной частью Исторического Башкортостана, а самарская (приволжская) группа башкир до сих пор сохранила этническую самостоятельность в материальной и духовной культуре. Лишь насильственное отторжение этой мензелинской группы башкир от основной массы башкирского народа и включение ее в состав Татарстана в 1920 г. способствовало их рассеиванию среди основной массы татарского населения. Статистические сведения свидетельствуют, что к 1920 г. мензелинских и бугульминских башкир насчитывалось около 300 тыс. человек. История мензелинских и бугульминских башкир – особая и важная тема истории башкирского народа. Нам кажется, что граница между башкирами и татарами в пределах Казанского ханства XV–XVI вв. проходила несколько восточнее г. Биляра, где-то на уровне Набережных Челнов и к югу от них. Было бы ошибкой полагать, что восточная граница Казанского ханства проходила по Западному Приуралью: основная территория Башкортостана в XV – начале XVI в. находилась под контролем Ногайской Орды и поэтому, в состав Казанского ханства непосредственно могла войти самая западная группа башкир, населявшая территорию левобережной Волги, а также современного Восточного Татарстана не восточнее устья р. Вятки и г. Набережных Челнов, где башкиры до начала XX в. считались коренным населением. Эта самая западная группа башкир, пребывая в составе Казанского ханства, считалась податным населением, обязанным регулярно платить ясаk, но их представители входили и в число его служилых людей. Об этом свидетельствуют фрагментарные сведения архивных источников, где говорится о получении ими из рук казанских ханов ярлыков на управление своими землями². Вернемся к событиям XV–XVI вв.

¹ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 469 и др.

² *Исхаков Д. М.* Указ. соч. С. 103–112; *Юсупов Р. М.* Башкирия в системе постордынских государственных образований // *Вестник АН РБ.* 2008. Т. 13. № 2. С. 50–51.

В исторической литературе эта тема освещена достаточно полно и никаких вопросов, способных вызвать разногласия, в ней нет. Казанское ханство XV – первой половины XVI в. для народов Среднего Поволжья оставалось культурно-притягательным центром.

Западная группа башкир находилась в союзнических отношениях с Казанским ханством. В этом плане весьма любопытны свидетельства двух разновременных русских документов. В 1469 г. русские совершили неожиданный военный поход в Среднее Поволжье и ворвались в спящую Казань. Город был предан огню и грабежу. Тогда на помощь казанскому хану Ибрагиму пришли союзные народы, в том числе башкиры с реки Белой. Московский летописец дважды выделяет башкир с «Беловоложки» и «Башкирьскою»¹, имея в виду, очевидно, различные группы башкир, пришедшие на помощь татарам. Как свидетельствует Никоновская летопись, этот русский отряд с базового лагеря в районе устья р. Вятка совершил поход в пределы Башкортостана. Там по этому поводу сказано следующее: «Ходили до перевоза до Татарского да опять воротилися вверх, воюючи казанские же места, и в Белую Воложку (Башкортостан. – Н. М., А. С.) ходили воевати». Это было первое активное соприкосновение башкир с русскими у себя на родине.

Из источников видно, что по мере возрастания напряженности в отношениях с русскими среди правящей элиты Казанского ханства возникли серьезные противоречия. Только этим можно объяснить неоднократный уход (1487, 1496 гг.) в Сибирь знатных казанских татар. Это, в свою очередь, усилило противостояние Сибирского и Казанского ханств. Не следует забывать, однако, что ареной решения этих сложных межгосударственных вопросов становилась территория Башкортостана.

О башкирах середины XVI в. оставил интересные сведения активный участник падения Казанского ханства в 1552 г. Андрей Курбский. Определяя этнический состав населения Казанского ханства он называет такие народы различных языков: «мордовский, чувашский, черемисский, воитецкий, або арский, пятый башкирский – те живут башкирцы вверх великие реки Камы, в лесах, я же в Волгу впадает ниже

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 282; Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никоновская летопись. М.; Л., 1962. С. 125.

Казани двенадцать миль»¹. Из приведенных документов становится ясным, что башкирский народ не оставлял в беде своего ближайшего соседа, оказывал ему всемерную поддержку в трудную минуту. Характер источников позволяет утверждать, что в обороне Казани наряду с другими братскими соседями активное участие принимали пришедшие на помощь отряды башкир².

Итак, знакомство с источниками наглядно свидетельствует, что период вхождения Башкортостана в состав Ногайской Орды, Сибирского и Казанского ханств в XV – первой половине XVI в. был не менее драматичным, чем эпоха Золотой Орды.

Глубокий след в истории башкирского народа оставило политическое господство ногаев, которое в начале XVI в. обернулось превращением народа в полное зависимое положение, узаконенное жестокой системой сбора налогов. Знакомство с содержанием налоговой реформы, введенной Шейх-Мамаем, где «...на три двора по одному токмо котлу иметь допущал...», показывает, что это была чудовищная эксплуатация башкирского народа со стороны ногаев. Такой форме грабежа целого народа трудно найти аналог в средневековой истории Степной Евразии.

¹ История князя А. М. Курбского о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 47.

² Юсупов Ю. М. Указ. соч. С. 74.

Глава XIII КУЛЬТУРА БАШКОРТОСТАНА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

Из содержания предыдущей главы становится ясно, что политическое господство ногаев над башкирами в XV – первой половине XVI в. для последних обернулось колониальным игом. Ногаи довели башкир до крайней нищеты и почти бесправного положения. Обобщая эти факты, В. В. Трепавлов имел основание утверждать, что ногаю Шейх-Мамаю удалось «полностью подчинить своей власти местную знать»¹. Следовательно, общественную значимость функционирования собственных национальных государственных образований башкирского народа первой половины XVI в. – периода беспредельного политического господства ногаев не следует переоценивать. Они тогда, похоже, находились в полном подчинении от ногаев и выполняли все их распоряжения.

Преобразование территории Башкортостана в круглогодичные пастбища для скота ногайских чиновников привело к полному разрушению веками налаженной хозяйственной системы башкир. Если к началу XIII в. на территории Южного Урала (Исторического Башкортостана) существовали десятки постоянных поселений в виде укрепленных крепостей-городищ, то позже на многих из них жизнь прекратилась. При полной неисследованности этой группы памятников объяснить прекращение их функционирования только результатами татаро-монгольского нашествия XIII–XIV вв. было бы необъективным. Здесь следует видеть и последствия грабительского хозяйствования орды ногаев-кочевников XV – первой половины XVI в. Если сравнивать жизнь башкирского народа эпохи Золотой Орды и Ногайской Орды на документальной основе, то ногайское иго было более жестоким. Об

¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 199.

этом говорит хотя бы пример существования у башкир при Чингисхане и в составе Золотой Орды собственных национальных ханов и наличие договорных отношений с татаро-монголами, что предполагало определенную самостоятельность в ведении политической и хозяйственной жизни.

При ногаях эта относительная самостоятельность была ликвидирована. Произошедшие при ногайском господстве изменения в образе жизни башкир, привели к заметному уменьшению роли земледелия, забрасыванию постоянных поселений и превращению основной массы башкир в кочевников, вынужденных обслуживать сложное кочевое хозяйство ногаев в положении рабского населения. Неслучайно именно такое примитивное кочевое хозяйство у башкир застают и описывают первые русские путешественники XVIII в. (П. С. Паллас, И. И. Лепехин), посетившие Башкортостан вскоре после добровольного его вхождения в состав Российского государства.

У историков Башкортостана нет оснований переоценивать вхождение западной группы башкир в состав Казанского, зауральской (восточной) группы – Сибирского ханств. Каждое из этих государств стремилось показать себя прямым наследником Золотой Орды, они существовали исключительно за счет эксплуатации коренных народов. Через территорию Башкортостана проходили маршруты движения армий этих постоянно враждующих между собой государств, что тоже оказывало пагубное действие на развитие производительных сил края.

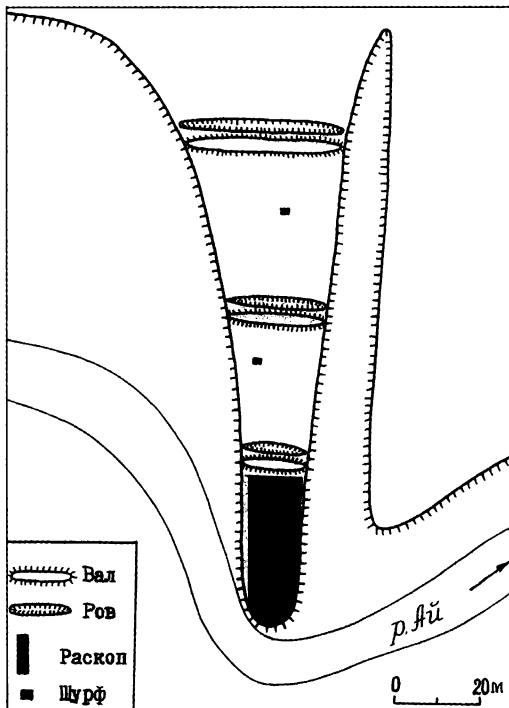
Основные направления хозяйственной деятельности башкир. Развитие исторических событий показывает, что в невероятно трудных условиях пребывания в составе Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств башкиры не растворились среди пришельцев-завоевателей XV – начала XVI в., сохранили свою этническую самостоятельность. Об этом говорят: 1) сведения письменных источников этого времени о фактах проживания башкирского населения; 2) полное совпадение территории Башкортостана, добровольно вошедшего в состав России в середине XVI в. с территорией расселения башкирских племен IX – начала XVI в.

В причинах такой жизнестойкости башкирского народа, очевидно, следует видеть существование у него хорошо приспособленной к различным природным условиям Южного Урала системы хозяйства, позволяющей одновременно развивать как кочевое или полукочевое, так

и оседло-земледельческое хозяйства.

Город Башкорт – столица Башкортостана XV – первой половины XVI в. Город Башкорт, возникший как крупный торговоремесленный и административный центр на Южном Урале на рубеже IV–V вв., не потерял значения и в XV – начале XVI в. Об этом говорит его вхождение в число городов Степной Евразии этого времени, что подтверждает карта Г. Меркатора 1554 г., где он ясно обозначен на территории современной Уфы в устье р. Уфы.

Хотя в предыдущих главах говорилось, но здесь

План Турналинского городища-крепости на р. Ай. X–XIV вв.

очень к месту еще раз упомянуть, что в начале XVI в. в г. Башкорт находилась резиденция башкирского хана Тура-хана, убитого вместе со своим братом Басманом, соперником – ногаем Алтакаром. Вероятно, именно этому Тура-хану принадлежит каменный мавзолей под названием «мавзолей Тура-хана», расположенный в 50 км от г. Уфы, на р. Деме.

В. В. Трепавлов в своем исследовании «История Ногайской Орды», не раз подчеркивает, что в первой половине XVI в. г. Башкорт (он же Имэн-Кала) не потерял столичного значения: здесь после гибели Тура-хана пребывали ханы-наместники Акназар, его предшественник Шейх-Мамай и другие наместники ногайского происхождения¹.

Этот город явился предшественником города Уфы, начало которого восходит к 1574 г., когда на территории города Башкорт, на мысу

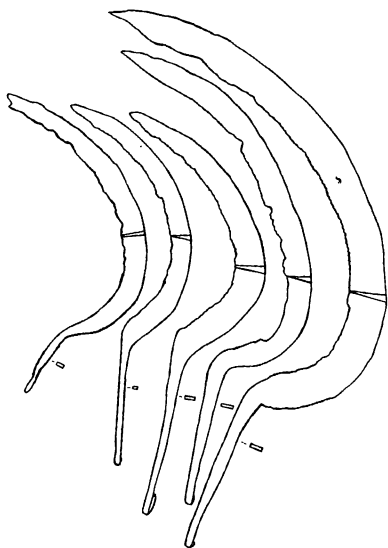
¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 205, 210, 366 и др.

у устья реки Сутолока первыми русскими переселенцами была построена крепость Уфа.

Город Башкорт не был единственным городом Башкортостана XV – первой половины XVI в. В источниках есть упоминание о городе Актюбе близ г. Оренбурга, в непосредственной близости от всемирно известного Каргалинского медного рудника. Здесь находилась резиденция (столица) башкирского хана Басмана – родного брата Тура-хана, ханствовавшего в землях вокруг г. Башкорта в самом начале XVI в. Развалины этого города в виде прямоугольных кирпичей были заметны еще в XVIII в.¹

О городе на р. Каме близ современного города Набережные Челны уже говорилось в предыдущей главе. Он возник на земле мензелинских, т. е. западной группы башкир, и его население, состоящее, очевидно из башкир и ногаев, находилось в оппозиции к властям Казанского ханства, что послужило причиной карательного похода со стороны казанской администрации². Городище многократно обследовалось в XX столетии. Результаты показали, что оно возникло в болгарское время (XI–XII вв.) и функционировало вплоть до начала XVI в., когда служило резиденцией ногайских предводителей.

Примерно XIV–XVI вв. может быть датировано Турналинское городище на реке Ай, расположенное в центральном горном хребте Уральских гор. Раскопками 1963–1965 гг. на городище обнаружены следы необычных для башкирского населения маленьких жилищ-полуземлянок размером около 3х3 м, стены которых состояли из плетня с двухсто-

Клад железных серпов на Турналинском городище. Ориентировочная дата XIII–XV вв.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. СПб., 1896. С. 69; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 124.

² Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 214; Хузин Ф. Ш., Нигаматов А. З. Раскопки на территории Чаллынского городища // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 131–144.

ронней глиняной обмазкой с очагом на полу. Выявленные жилища могут быть датированы образцами поливной посуды ориентировочно XIV–XVI вв., привезенной, вероятно, из районов города Отрара Южного Казахстана. На памятнике найден клад из пяти железных серпов прекрасной сохранности, которые, бесспорно, являются продукцией башкирских металлургов этого времени.

В. В. Трепавлов к ногайскому времени относит поздние этапы существования таких городищ-крепостей, как Кара-Абыз под Уфой, Чертово под Бирском¹. К этому же, вероятно, относится крепость Кунгират на р. Дема недалеко от г. Уфы².

Один из городов ногайского времени мог находиться вблизи Торатау близ г. Стерлитамака³. Разведочными обследованиями середины XX в. здесь выявлены следы городища с невысоким земляным валом и рвом собрана керамика I тысячелетия нашей эры. Во время своего путешествия по Башкортостану в 1768–1772 гг. это городище посетил И. И. Лепехин⁴. Памятник в данном случае вызывает особый интерес тем, что, согласно шежере башкир карагай-кыпчаков в XIV–XV вв., здесь находилась ставка башкирских ханов, среди которых перечислены такие известные ханы, как Исмагил, Алмай⁵. Есть основание предполагать, что с этим городищем Торатау мог быть связан город Карукийя, упомянутый в источниках ал-Идриси. Комментатор его труда И. Г. Коновалова считает, что этот город находился на берегу р. Анхадар, отождествляемой с рекой Ашкадар, впадающей в р. Белую около г. Стерлитамака⁶. Географические координаты памятников, указанных в источниках, сходятся на городище Торатау.

Следующим подобным башкирским городом-крепостью могло быть Охлебининское II городище (Акташ), расположенное в устье р. Сим. Городище занимает площадь 25 га, укреплено валом высотой около 2,5 м, длиной 850 м. Вал обложен камнями-валунами. Сбран-

¹ Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Уфа, 1997. С. 10.

² Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 38.

³ Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 160.

⁴ Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина. Материалы по этнографии башкир. Уфа, 2007. С. 19.

⁵ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 110–117.

⁶ Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит., 2006. С. 123, 124, 253.

ный археологический материал в виде обломков керамики, клада бронзовых обоймочек и стеклянных бусин позволяет датировать городище рубежом I тысячелетия до и н. э.¹ Но, скорее всего, это – ранний период существования памятника. С этим памятником связано историческое предание о том, что здесь находилась резиденция башкирского хана Акташа – одного из предводителей башкир, связанных своим происхождением с кыпчаками. В предании упоминаются события времени Ногайской Орды, поэтому нельзя исключить данный объект из числа городов-крепостей рассматриваемого времени². Некоторым археологическим подтверждением к сказанному могут служить три погребения с инвентарем (стремена, сабли, удила), характерным для XIII–XIV вв.³ Но эти предметы имеют широкую дату, поэтому они могли существовать на протяжении XIV–XV вв.

Перечень городищ с признаками городов-крепостей XIV – начала XVI в. можно было бы продолжить. Но на современном уровне из-за слабой изученности средневековых городищ Южного Урала всякие суждения об их истинном предназначении будут носить предварительный характер. Ввиду важности темы мы сочли нужным излагать свои соображения в плане постановки вопроса.

Есть основание считать, что Башкортостан на всем протяжении XIII–XVI вв. оставался важным поставщиком медно-железных изделий как правителям Золотой Орды, так и их преемникам XV–XVI вв. Имеются косвенные доказательства того, что в рассматриваемое время башкирами разрабатывались все ранее известные рудники по добыче медной руды. Неслучайно известный Каргалинской медный рудник близ г. Оренбурга вскоре после вхождения Башкортостана в состав Российского государства стал поставщиком медной руды для медеплавильных заводов на территории горных районов (Кананикольский, Богоявленский и др.) края, богатых лесным топливным материалом⁴.

В процессе освоения природных богатств Исторического Башкортостана в XVI–XVIII вв. первые поколения русских рудознатцев по их

¹ История культуры Башкортостана. Вып. 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996. С. 141.

² *Өмөтбаев М.* Йәдкәр. Өфө, 1984. 241–248-се бб.

³ *Иванов В. А.* Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. № 1. 1977. С. 292–295.

⁴ *Кулбахтин Н. М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII в. Уфа, 2000. С. 11–37, 81–101 и др.

признанию, шли по следам башкир-металлургов. Например, многие рудники, принадлежащие Демидовым в XVI–XVIII вв., были основаны на месторождениях по реке Багараште, ранее разрабатываемых башкирами¹.

Башкиры очень дорожили своими знаниями и опытом по добыче меди и неохотно делились с русскими. Видимо, это делалось из-за боязни потерять право распоряжаться разрабатываемыми источниками. Например, один из выдающихся российских организаторов горнозаводского дела на Южном Урале XVII–XVIII вв. В. И. Геннин пишет о находках медной руды на башкирских землях по р. Чусовой; он же сообщает, что сотник Чубар-батыр Балагушев Салгутской волости долго сопротивлялся освоению Чумашовского медного рудника². И. И. Лепехин, одним из первых обследовавший быт и культуру народов Урала в XVIII в., отмечает заслуги башкир как первых разработчиков рудных месторождений края. Он писал: «медные и железные заводы в Урале, так же выгодные к тому места по большей части башкирцам должны ствуют».

Сведения аналогичного характера содержатся в трудах В. Н. Татищева и многих архивных документах этого времени. Имеются достоверные сведения о том, что город Екатеринбург был основан на месте ранее работавших меде- и железоплавильных мастерских башкир. Схожая ситуация была с возникновением многих других металлургических заводов Пермской, Свердловской и Челябинской областей³. Эти факты свидетельствуют, что вскоре после начала широкого освоения рудных месторождений между башкирами и русскими был найден общий язык и установились доверительные отношения. Это способствовало быстрому превращению Южного Урала в крупный металлургический центр российского государства.

О серьезном вкладе башкирского народа в этом важном начинании свидетельствует яркий пример выдающегося башкирарудопромышленника Исмагила Тасимова, на личные пожертвования которого в 1773 г. в Санкт-Петербурге было основано первое в России горное училище, преобразованное затем в Горный институт. Сохрани-

¹ *Асфандияров А. З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 228–240.

² *Геннин В. И.* Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 506–510.

³ *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 45–47, 210–215 и др.

лись многочисленные архивные документы, свидетельствующие о различных инициативах Исмагила Тасимова в развитии горнорудного дела в Пермском крае. Он был высокообразованным профессионалом горного дела, способным предвидеть перспективы развития горнорудной промышленности в родном Башкортостане. Лишь такие талантливые люди с государственным мышлением могли обратиться в Российское Правительство с предложением открыть первое горное учебное заведение.

Современная российская научная общественность высоко оценила личный вклад Исмагила Тасимова в развитие горного дела: в горной Академии в С.-Петербурге в 2006 г. состоялось открытие мемориальной доски в честь ее основателя Исмагила Тасимова, прошли торжественные мероприятия по этому поводу: Акъярскому горному колледжу (село Акъяр, Хайбуллинский район, РБ) присвоено его имя и перед площадью ему был открыт памятник; в его родной деревне Куяново близ г. Перми также состоялся торжественный вечер и на нем принято решение о присвоении средней школе его имени и установке ему памятника. Благодарные потомки высоко чтят вклад в развитие образования и рудной промышленности Урала выдающегося сына башкирского народа¹.

Тему о металлургии железа и меди как об одном из ведущих направлений хозяйственной деятельности народов Башкортостана хочется завершить ссылкой на исследования современных историков, где говорится о том, что еще в XVII–XVIII вв. башкирские металлурги-оружейники своей продукцией снабжали не только внутренний рынок, но и обеспечивали запросы соседей-казахов. Архивные и другие виды источников указывают, что в каждой башкирской деревне до XVIII в. имелись свои кузницы.

Высокий уровень металлургии обеспечивал башкир боевым оружием и служил одним из важных подспорьев в их освободительной борьбе против колониального гнета Русского государства в XVII–XVIII вв. Чтобы лишить башкир этой материальной базы, в 1736 г. специальным указом царя им было запрещено иметь кузницы. После этого запрета кузнечное дело у башкир пришло в полный упадок. О былой высокой культуре обработки цветных и черных металлов башкир XVII–XVIII вв. мы можем судить лишь по случайно сохранившимся в музеях предметам оружия, конской упряжи, украшений и т. п. Они свидетельствуют, что башкирским мастерам были хорошо известны разнообраз-

¹ Муталов М. Башкир, изумивший мир // Ватандаш. Уфа, 2007. № 4. С. 76–84.

ные приемы художественной обработки металла: насечка, гравировка, штамповка, чеканка, чернение, филигрань и т. д.

О других направлениях хозяйства башкир рассматриваемого времени конкретных материалов не так много, но отправной точкой для их реконструкции могут послужить подробное описание хозяйства, быта башкир выдающимися русскими учеными XVIII в. Надо полагать, в образе жизни башкир XIV–XVI вв. и XVII–XVIII вв. существенных изменений не произошло и свидетельства ученых XVIII в. в целом, верно отражают состояние и тенденцию развития хозяйственной деятельности башкир рассматриваемого времени.

Ведущим направлением хозяйства было кочевое и полукочевое скотоводство.

Анализ письменных источников позволяет уточнить главное направление этих перекочевок: они пролегали от степей в горы и обратно. Любопытным является свидетельство академика П. С. Палласа о том, что башкиры в XVIII в. «для пастьбы своих стад избирают летом, по большей части, горы и около оных лежащие места, где и без того хлеб зреет поздно, а осенью и весною кочуют они по большей части в долины (предгорья)»¹. Такие сведения сообщает другой ученый XVIII в. И. И. Лепехин. Он пишет, что «летнее время башкирцы препровождают в степях, горах и лесах, в нарочитом расстоянии от своих домов: нередко верст за сто отходят... Тогда держат при себе весь свой скот и с ними с места на место перекочевывают, оставляя ближайšie поля к своим зимовьям, невредимыми до осеннего сенокоса»². П. И. Рычков подчеркивает, что киргизы никогда сена не запасают, а «башкирцы» заготавливают сено для рабочих лошадей³. Обеспечивать многочисленный скот заготовленным впрок сеном на всю зиму, очевидно, действительно было затруднительно, поэтому расчет делался на добывание лошадьми себе корма путем тебеневки, а также кормление скота корой и побегами таких лиственных деревьев, как вяз, ильм, липа, которыми богаты леса Южного Урала. В XVIII в. И. И. Лепехин, например, наблюдал, что башкиры «скот кормили корой илемника. Все башкирские деревни наполнены были кострами обглоданного илемника». Именно

¹ Паллас П. С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. Кн. II. Ч. II. СПб., 1786. С. 8.

² Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. С. 37.

³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. 1949. С. 92.

наличие больших запасов этого вида подножных кормов для скота привело башкир в предгорья Урала и речные долины, куда они стремились на зимний период. И. И. Лепехин пишет, что «суровые зимы, глубокие снега и сильные бураны принуждают башкирцев... препровождать зиму в деревнях в деревянных художественных дворах, где они также малолетний скот и езжалых лошадей содержат; а прочая скотина шатается через всю зиму в поле»¹.

Сведения письменных и археологических источников о роли земледелия в системе хозяйства башкир малозначительны. Ограниченность источников, по-видимому, связана с тем, что жестокая эксплуатация золотоордынскими и ногайскими ханами башкирских земель в качестве пастбищных угодий значительно подорвала основы земледельческого хозяйства, и оно заметно теряет свое значение. Именно в таком контексте следует, очевидно, понимать то место шежере юрматинских башкир, где говорится, что предшествовавшие вхождению Башкортостана в состав России «годы пришли голодные. Зима была очень долгая, (в течение) трех лет лошадей, овец не стало, хлеба совсем не уродились, многие народы обеднели и многие люди остались голодными»².

Археологический материал убедительно свидетельствует, что башкиры VIII–XIV вв. и ближайшие их предки никогда не были чистыми кочевниками и занятие земледелием для них являлось одной из традиционных форм хозяйства. Такое комплексное хозяйство, где ведущая роль принадлежала оседлому и полукочевому скотоводству, башкиры сохранили вплоть до XVIII в., и оно засвидетельствовано в трудах русских ученых-путешественников. И. И. Лепехин, например, пишет, что башкиры «сеют около деревни хлеба небольшое число», а «самые башкирцы на реке Ай переродились. Они столь же хорошие хлебопашцы, как и их соседи. На ключах из гор бьющих построена у них изрядная мушная мельница»³. Типичное для скотовода хозяйство, но с обязательным присутствием земледелия описано также в XVIII в. П. С. Палласом. Зауральские башкиры, пишет он, уходя на кочевку, «со всеми домовыми и пахотными припасами была оставлена впусте... при возвращении их домой к осени богатые плоды ожидают»⁴. Тот же исследо-

¹ Лепехин И. И. Указ. соч. С. 23.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 32.

³ Лепехин И. И. Указ. соч. С. 59, 60.

⁴ Паллас П. С. Указ. соч. Кн. II. Ч. II. С. 157.

ватель указывает на существование определенной системы в ведении земледельческого хозяйства: «на новине сеют они два года ячменя, два года овес, два года озимую рожь, еще один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь»¹. Широко применялось ими опаливание полей, преследующее цель выжигания стерни и сорных трав, очищая тем самым поля и уничтожая личинки вредных насекомых. По своему характеру практика опаливания полей восходит к древней подсеčno-огневой системе².

Источники убедительно свидетельствуют, что в жизни башкир XIV–XVI вв. значительное место занимала охота. Это видно из того, что в первые десятилетия пребывания в составе России главную статью ясака башкир составили меха лисиц, куниц, о чем рассказывается в шежере юрматинцев, минцев, усерган и тамьянцев³. Попутно следует подчеркнуть, что башкиры обязаны были в качестве выплаты ясака поставлять московскому правительству определенное количество лошадей, что полностью соответствовало основному направлению хозяйства.

О значении охоты, пчеловодства в хозяйстве башкир XIV–XVI вв. позволяют также судить этнографические примеры, зафиксированные исследователями в XIX – начале XX в. Систематизируя собранные этнографические материалы о способах охоты, рыболовства у башкир, С. И. Руденко отмечает, что они различались в зависимости от природных условий Южного Урала. У степных башкир, в частности, практиковались охотничьи приемы, характерные для евразийских кочевников-скотоводов: преследование зверей верхом на лошадях, охота с ловчими птицами (соколы, беркуты). На охоту они часто выезжали коллективно, устраивая облавы, что также сближает их с традициями, широко известными у древних гуннов, тюрков, монголов и других кочевых народов. В горно-лесных районах Урала башкиры охотились, преследуя зверей на лыжах по глубокому снегу или насту, ловили зверей капканами, петлями и другими ловушками. Эти приемы С. И. Руденко отнес к числу таежных. Они часто практиковались у народов Волго-Камского бассейна (татары, чуваша, удмурты, мари) и Сибири. Не меньшим разнообразием отличалось рыболовство.

¹ Паллас П. С. Указ. соч. Кн. II. Ч. II. С. 65.

² Бикбулатов Н. В. Системы земледелия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 30–32.

³ Башкирские шежере... С. 33, 34, 53, 73.

Башкиры по существу охотились на всех зверей, которые обитали на Урале: бобра, лисицу, волка, медведя, лося, диких коз, выдру, куницу и других. Прослеживая эволюцию охоты и рыболовства в хозяйстве башкир, С. И. Руденко сделал вывод, что их роль накануне присоединения Башкортостана к России была более значительной. Позднее же, в связи с истреблением промысловых зверей и переходом к оседлой жизни большинства населения, значение их постепенно падало¹.

Башкортостан – классическая страна пчеловодства, бортничества, и этому способствовали благоприятные природные условия. О крупной роли бортничества в экономике башкир можно заключить из того, что мед также входил в состав товаров, выплачиваемых башкирами русским в качестве ясака. В шежере минских башкир в 1567 г. по этому поводу, например, написано: «Ясак, который мы платили милостивому великому царю сто семьдесят одна куница, восемнадцать батман меда»². Аналогичного содержания шежере бурзьянских, кыпчакских, усерганских и тамьянских башкир³. Интересно, что в «Книге Большому Чертежу», написанной в 1627 г., указано, что «кормля их (башкир) мед, зверь и рыба»⁴.

Излюбленным занятием башкир считалось бортничество, связанное с заготовкой в деревьях с дуплом мест для поселения диких пчел. Изготавливались деревья с искусственными дуплами. Дупленицы, как и борти, являлись личной собственностью; на каждой из них ставилась тамга, знак собственности владельца. В документах XVII–XVIII вв. содержатся сведения о том, что некоторые башкиры имели до 600 и более бортей⁵.

Для восстановления быта башкир большой интерес представляют материалы Берековского селища в Мелеузовском районе, датированного примерно XV–XVII вв. На низком берегу р. Нугуш хорошо сохранились следы множества жилищ-полуземлянок, два из которых были обследованы Н. А. Мажитовым в 1965 г. Раскопки позволили выявить очертания двух прямоугольных полуземлянок размером 4х2 м, слабо углубленных в землю. В заполнении ям встречены кости животных,

¹ Руденко С. И. Башкиры. М.; Л., 1955. С. 86–124.

² Башкирские шежере... С. 53.

³ Там же. С. 78, 127 и др.

⁴ Книга Большому Чертежу. 1838. Цитируется: Руденко С. И. Башкиры... С. 96.

⁵ Руденко С. И. Указ. соч. С. 96–98.

обломки керамики, железный кочедык, куски чугуна и другие мелкие предметы. Состав находок не оставляет сомнения в том, что ямы являются котлованом от жилищ-полуземлянок, стенки которых могли состоять либо из сруба, либо из плетня с глиняной обмазкой. Видимо, полуземлянки отапливались очагами, построенными на невысоких деревянных рамах-подставках. Примерно так же выглядели, вероятно, остальные жилища данного памятника, служившего местом поселения большой группы людей. Впадины от жилищ-полуземлянок здесь располагаются беспорядочно, плотно друг к другу. Создается впечатление, что данное поселение являлось стойбищем-зимником на протяжении длительного времени, а множество ям образовалось от частой смены жилищ-полуземлянок¹.

Существование у башкир XV–XVI вв. жилищ, подобных берековским, подтверждается данными письменных источников. В шежере юрматинцев говорится о строительстве жилищ-полуземлянок путем выкапывания ям².

Важно подчеркнуть, что по внешнему облику Берековское поселение – зимник башкир XV–XVI вв. – мало отличается от Турналинского городища XIII–XIV вв. на р. Ай, о котором уже шла речь выше. Оно, как и Берековское поселение, состояло из маленьких прямоугольных жилищ-полуземлянок. С другой стороны, описанные жилища по внешнему виду очень напоминают башкирские жилища, увиденные и описанные в XIII в. И. И. Лепехиным в д. Имангулово нынешнего Оренбуржья³.

Примерно так же описывает башкирские деревни П. С. Паллас, посетивший зауральскую группу башкир. И здесь мы видим ту же конструкцию печей в домах. Исследователь, например, пишет, что «каждому дому были маленькие круглые в земле выкладенные с открытым по середине сводом печи, имеющие по сторонам горизонтальные в полтора аршина длиною трубы, над коих отверстием поставлено стоймя выдолбленное сосновое в сажень длиною дупло»⁴. В этом описании ценным является расположение в земле печи. Следовательно, дома

¹ Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 164.

² Башкирские шежере... С. 31.

³ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... С. 8.

⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Кн. I. Ч. II. СПб., 1786. С. 157.

зауральских башкир мало отличались от описанных выше жилищ полуполуземляночного типа. Необходимо помнить, что башкирам были известны и наземные бревенчатые дома, а также войлочные юрты. Не подлежит сомнению, что различия в типах жилищ имели прежде всего социальное значение и маленькие полуполуземлянки принадлежали беднейшим группам башкир.

Ногайский период завершает длительный многовековой дорусский период развития башкирского народа. Он был богат сложными историческими событиями, центральным из которых явилось длительное господство над башкирами Ногайского, Казанского и Сибирского ханств. Но в этнокультурном и социальном плане ногайский этап явился логическим продолжением тех тенденций, которые существовали или возникли в золотоордынскую эпоху. Письменные источники, особенно шежере, убедительно свидетельствуют о передвижениях крупных племенных объединений башкир (юрматы, минцы, табынцы, кыпчаки, бурзяне и др.). Они носили локальный характер и происходили, в целом, в пределах Исторического Башкортостана. Из новых этнических образований можно выделить, насколько позволяют это сделать источники, небольшие группы ногайцев, включившихся в состав юрматинцев (ногай-юрматы), кыпчаков (ногай-кыпчак), бурзянцев (ногай-бурзян) и других крупных племенных образований. О масштабности ногайского этнического компонента в составе башкир говорят широко распространенные повсюду на Южном Урале названия деревень с этнонимом Ногай. Несмотря на это, удельный вес ногайцев в составе башкир, по сравнению с кыпчакским компонентом предшествующего периода (XIII–XIV вв.) был незначительным. Это неудивительно, так как основной этнический состав населения Ногайского, равно как Сибирского, Казанского ханства, состоял из племенных образований кыпчакского происхождения. В этом смысле понятие «ногайцы» имеет больше политическое, нежели этническое значение.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в XV–XVI вв. продолжался активный процесс консолидации башкирских племен в рамках единого народа и он сопровождался включением и последующей ассимиляцией этнических групп ногайского происхождения. В свете сказанного представляется, что история Ногайского, Казанского и Сибирского ханств и башкирского народа тесно связана между собой и должна быть изучена без противопоставления их друг другу.

Быт и культура населения Башкортостана. Накопленные археологические материалы в сочетании с письменными источниками позволяют достаточно полно представить быт и культуру населения Башкортостана XIV–XVI вв. Сильно смешанный характер населения не позволяет четко различить, например, собственно башкирские памятники от ногайских или других этнических групп.

Следует сразу оговориться, что вышеупомянутые маленькие жилища-полуземлянки, выявленные на II Берековском поселении и Турналинском городище из плетня с двухсторонней глиняной обмазкой и очагом на полу не характеризуют основной тип башкирских жилищ. Необычный вид этих полуземлянок бросается в глаза еще и потому, что они построены в краю, богатым строительным лесом. Поэтому напрашивается вывод, что эти полуземлянки являлись временками для проживания кочевой группы людей на местах зимовок скота, призванных его обслуживать. В социальном плане, видимо, они образовывали самую бедную прослойку населения.

Основным же типом жилищ башкир были наземные бревенчатые дома, существование которых засвидетельствовано в источниках IX–X вв., автора XII в. ал-Идриси. Как известно, он пишет, что город Карукийя состоит из построек из дерева и шатров (юрт. – *Н. М., А. С.*) из войлока¹. Кстати, на городище Уфа-II выявлены следы бревенчатых сооружений, деревянных настилов, скорее всего, от полов жилищ и округлых на плане глиняных заливок, которые, возможно, принадлежали фундаментам круглых юрт. Описанный в источниках вид города Карукийя IX–X вв. и археологические следы бревенчатых домов и округлых юрт с глинобитным полом и деревянным настилом сверху – типичная этнографическая особенность поселений в регионах, где полукочевое скотоводческое хозяйство являлось ведущим направлением хозяйства. Так же, очевидно, выглядел внешний вид башкирских городов Намджан, Гурхан, Каср и Маср IX–X вв.² и башкирские города и поселения XV–XVI вв. В качестве этнографического примера можно привести современные казахские или киргизские города, где рядом с домами по поводу важных семейных торжеств сооружают юрты из

¹ Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006. С. 124.

² Там же. С. 123, 128.

войлока. Кроме того, следы юртообразных жилищ постоянно встречаются в поселениях золотоордынского времени на юге Восточной Европы и в этом плане выявленная архитектура башкирских поселений X–XVI вв. вполне вписывается в общий быт народов Степной Евразии эпохи Средневековья.

Башкортостан являлся активной зоной международной торговли и это наложило яркий отпечаток на характер материальной культуры всего населения. Например, в курганах Россыпино, Каменно-озерное, Жанаталап, датируемых самым концом XIV в., (Оренбуржье), найдены роскошные халаты из китайской, иранской и неаполитанской парчи¹. Уникальными образцами декоративно-прикладного искусства башкир XIV–XVI вв. могут быть рассмотрены роскошные седла, покрытые двумя слоями кожи, сшитые серебряной проволокой, образующей на поверхности сложный орнаментальный узор. Они встречаются и в женских, и в мужских погребениях. К седлам на ремнях привешивались по паре железные стремяна арочной формы. Конечно, башкирские женщины любили украшать себя золотыми, серебряными серьгами, перстнями, всевозможными подвесками, которые вряд ли типологически серьезно отличались от тех, которые были характерны для XIII–XIV вв.

Сохранился кожаный защитный щит, обшитый из толстой кожи. Он хранится в Национальном музее Республики Татарстан и в коллекционной описи он зарегистрирован как башкирский щит. Вероятный его возраст XV–XVI вв. и считается редким этнографическим экспонатом.

Щит оригинален тем, что вся его поверхность украшена многочисленными кругами, между которыми располагаются зоны коротких взаимопересекающихся насечек. Этот сложный орнамент наносился в виде рифленых линий на досчатой основе, а затем она накладывалась на сырую кожу под пресс (груз) и находилась там до тех пор, пока на поверхности кожи не образовывались выпуклые орнаментальные узоры. Его орнамент полностью копирует орнамент кушнаренковской керамики VI–XII вв. и свидетельствует о преемственной связи изобразительного искусства башкир XV–XVI вв. и современных башкир с племенами Южного Урала VI–XII вв.

¹ Раскопки Н. А. Мажитова 1975 г.

Попутно нелишне напомнить, что как этнографические пережитки у современных башкир сохранились различные виды деревянной утвари (кадочки, ковши, подносы, чаши и другие), которые украшены орнаментом, полностью повторяющим орнамент глиняной посуды кушнаренковской группы племен Южного Урала VI–XII вв. Это также важное доказательство того, что многими корнями изобразительное искусство средневековых и современных башкир восходит к культуре раннесредневековых племен Исторического Башкортостана VI–XII вв.

Нам известны этнографические образцы таких редких предметов, как кожаные колчаны, налучники, украшенные сложным тисненным орнаментом или серебряными накладками специфических форм. По удобству употребления, красоте формы и сложности изготовления они могут быть оценены как шедевры декоративно-прикладного искусства башкирского народа XVII–XIX вв., но у нас нет никаких сомнений в том, что они были в широком хождении у башкирского народа и в XIV–XVI вв. То же самое можно сказать о саблях, копьях и стрелах с металлическими наконечниками, стременах и многих других предметах вооружения и конского снаряжения башкир XVII–XIX вв., которые сохранились как музейные реликвии, но типологически восходят к экземплярам, широко распространенным в XIV–XVI вв.

В заключение следует особо отметить одну очень важную особенность наряда башкирской женщины. По разнообразию форм, орнаменту в них много древних реликтовых явлений, и для историка, изучающего происхождение народа, они представляют исключительный интерес. Башкирские женщины украшали себя такими изящными по красоте украшениями, как нагрудники и наколки, которые возникли на Южном Урале еще в бронзовом веке и, развиваясь и видоизменяясь, сохранились до наших дней, образуя один из самых ярких элементов костюма современной башкирской женщины.

Таким образом, археологический материал в совокупности с другими видами источников ярко демонстрирует формирование и развитие башкирского народа как эстафету поколений различных народов и эпох, каждое из которых вносило что-то свое, и сохранилось до наших дней. Исследователю остается лишь определить время и истоки появления этих новинок и их дальнейшее эволюционное развитие.

Духовная культура. Религия. Литература. Наука. Анализ вопросов развития духовной культуры башкирского народа считаем целесообразным начать с роли ислама, ибо к XV–XVI вв. она заняла прочные позиции в жизни народа.

На основе их текстов надмогильных камней В. В. Вельяминов-Зернов определил имена башкирских ханов Тугаш-хана, Дауд-хана, Килик-хана, похороненных в районе устья р. Ик на Белой¹. Годы жизни названных ханов можно определить не ранее XIV в., но в целом XIV–XVI вв. Эти века совпадают временем массового появления на Южном Урале каменных и кирпичных мавзолеев, к числу которых следует отнести мавзолеи: 1) на озере Кисяне в Челябинской области²; 2) Бэндэбике на р. Б. Ик (Кугарчинский р-н, РБ)³; 3–4) развалины двух мавзолеев близ пос. Приуральск на р. Урал (Кувандыкский р-н, Оренбургье; (обследования С. А. Попова⁴ и Н. А. Мажитова); 5) типтяре на р. Урал (Оренбургье, раскопки С. А. Попова); 6) Хусейн-бека на р. Дема; 7) Турахана на р. Дема;⁵ и 8–9) следы фундамента двух мавзолеев рядом с мавзолеем Турахана (осмотр Н. А. Мажитова).

С каждым из перечисленных мавзолеев (кэшэнэ) связаны исторические предания о захороненных в них людях, но легенда о мавзолее Бэндэбикэ, ввиду оригинальности, заслуживает особого упоминания. Согласно легенде, в мавзолее захоронена весьма уважаемая у степных башкир женщина по имени Бэндэбикэ. Ее муж Ерэнсэ-сэсэн во главе своей дружины собрался совершить грабительский набег казахам. Узнав об этом, жена Бэндэбикэ говорила ему, что с соседями-казахами надо жить в дружбе, и отговаривала от этой поездки. Но упрямый муж не послушался и отправился в свой авантюрный поход.

Ему навстречу со своей дружиной вышел казахский богатырь, и, согласно обычаям, бой между башкирами и казахами должен был начаться после единоборства батыров. В этом поединке Ерэнсэ-сэсэн по-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного Отделения императорского археологического общества. Ч. IV. СПб., 1859. С. 267, 268.

² Отчет археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 55–58.

³ Мажитов Н. А. Отчет о раскопках средневекового мавзолея Бэндэбике в Кугарчинском районе БАССР // Научный архив ИА. АН РБ. Р-1. № 4009.

⁴ Попов С. А. Работы в Оренбургской области // Археологические открытия. 1970. М., 1971. С. 177, 178.

⁵ Смирнов Н. А. Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 88–100.

терпел неудачу, и в момент, когда казахский батыр хотел вонзить ему в грудь кинжал, вдруг он заулыбался. Удивленный этим, казах спрашивает, «почему ты улыбаешься, ведь сейчас ты умрешь». В ответ ему Ерэнсэ-сэсэн рассказал, что его жена Бэндэбикэ всячески отговаривала его от этого набега и теперь, вот, он вспомнил ее слова. Об услышанном казахский батыр рассказал своим аксакалам, а те ответили: «Бэндэбикэ уважаемая женщина не только для башкир, но и для казахов и, давайте, ради уважения к ней мы отпустим ее мужа, пусть он расскажет ей о своем позорном поступке».

Когда Ерэнсэ-сэсэн, возвращаясь домой, узнал, что жена Бэндэбикэ умерла от горя и позора, разогнал своего коня и бросился с высокой горы. А Бэндэбикэ сородичи схоронили в могиле, над которой построили кирпичный дом¹.

Развалины этого мавзолея в 1967–1968 гг. были исследованы Н. А. Мажитовым. Сооружение представляет собой прямоугольник размерами 9х11 м и состоит из двух частей: тамбура, откуда дверной проем ведет в погребальную камеру. Пол был застлан квадратными саманными кирпичами, а стены, сохранившиеся на высоту 1,40–1,80 м, уложены кирпичами серого и красно-коричневого оттенка, которые образуют ромбический узор в средней части длинных стенок. Над прямоугольным основанием в свое время был сооружен восьмигранный барабан, переходящий в округлый купол, для вывода которого были использованы обожженные трапециевидные кирпичи. Весь «барабан» и купол к моменту раскопок был провален внутрь. Сама могила изнутри обложена обожженными кирпичами и закрыта крышей, построенной из вертикально поставленных кирпичей. В могиле находился женский костяк без вещей.

Единственными датирующими вещами мавзолея служат размеры кирпичей. По размерам они несколько меньше кирпичей золотоордынского времени. Если принять во внимание тенденцию уменьшения размеров кирпичей в памятниках архитектуры Урало-Поволжья, Казахстана эпохи средневековья, то время сооружения мавзолея Бэндэбикэ можно ориентировочно определить XV – началом XVI в.

¹ Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн // Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 204–206.

Эти памятники следует рассматривать как доказательство полного утверждения ислама в Башкортостане к моменту добровольного вхождения его в состав России.

Существовало два направления проникновения ислама в Башкортостан. Первое исходило из районов Средней Азии и оно подтверждается текстом надмогильной плиты Хусейн-бека на р. Деме. Там сказано:

«Справедливый в своих решениях хаджи Хусейн-бек сын Омар бека... из Туркестана (покойного)...¹

Сохранилась фотография этого немного разрушенного мавзолея (снимок известного археолога 60–80-х гг. XIX в. Р. Г. Игнатьева), судя по которому мавзолей имел прямоугольное основание с высоким восьмигранным куполом. В 1911 г. по инициативе уфимского муфтия этот мавзолей был заново отстроен и его нынешний вид не отражает его первоначальную форму: судя по фотографиям, полностью повторял форму хорошо сохранившегося мавзолея Тура-хана.

Города Волжской Болгарии считаются вторым исходным районом проникновения ислама среди башкир. В этих городах, вероятно, находились медресе, где обучались башкирские дети, которые, возвращаясь домой, обратили в ислам своих земляков. Информация об этом опубликована в нескольких источниках², но мы излагаем эти события по труду В. В. Вельяминова-Зернова.

Имея в виду болгарские города, В. В. Вельяминов-Зернов пишет: «...первый, кто пришел с западной стороны Урала и учился у сподвижников, принадлежал к племени башкурт и был Аиткул сын Заиткулов, пришедший с р. Ай. Потом были Кутли-бай сын Давлет-баев, Аит-Коеды сын Муйнаков, Аит-Имган сын Килгимов, Ураз-бахты сын Бурханов и Тайман сын Таймасов. Все они, придя с реки Ай и научившись, вернулись домой и обратили в мусульманство своих сородичей. Да помилует их всех Господь бог.

Еще были последователи, пришедшие с р. Уфы. Место, куда вливается р. Уфа, есть р. Белая. В числе последователей, пришедших оттуда из владения Ногайского хана Байджура-хана были Джан-кул сын Еман-

¹ Юсупов Г. В. Указ. соч. С. 118.

² Березин И. Болгар на Волге. УЗКУ. Кн. III. Казань, 1852. С. 149–159; Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877; Смирнов А. П. Указ. соч. С. 88–89.

кулов, Иман-кул сын Недеров и Яманат сын Сарманов. Могилы их находятся при устье р. Уфы, близко того места, где р. Уфа соединяется с рекой Белой, и недалеко оттуда, где пониже с западной стороны течет р. Дим. Последователь, пришедший из аула Терме, был Ахмед-кутли сын Ахмедов. Пришедшие с Димы были Суфи Уразбахты и Айда-гуль сыновья Айд-куловы, Мослов сын Темир Пулатов, Москов-Асан сын Юсуф, Муллагул Алимгул, и Алла-гувата сыновья Ишбулатовы. Могилы их находятся на берегу р. Димы.

Еще были последователи, пришедшие учиться Сермесана и Кармасана, именно: Ибрагим сын Исмаил, Солейман сын Мусин, Джемалгул сын Иман-гулов и Алдар сын Калдаров. Могилы их находятся на Сармасане и Кармасане.

С реки Белой, их стоявшего там аула Тугыш-хан два человека, сделавшись последователями и обучавшись в Булгаре, вернулись к себе и обратили в мусульманство башкуртские и мишерские племена, жившие на р. Ик. Они были: один Мурадым хафиз, другой Мухсин хафиз, сыновья Юлдашевы. Еще на р. Мензеле, близ Дустум и Ил-бахты, сыновья Ниязовы. Они были из известнейших последователей в Булгаре.

Близко от того места, где р. Ик вливается в р. Белую, были два последователя: один Дауд-хан, а другой – Килик-хан, оба они были одного рода. Они тоже обратили в мусульманство башкуртские и мешерские племена, которые не были мухамеданами. Был еще последователь Ильбахты-сын Уразбахтыев»¹.

В источниках центрами исламского образования в Волжской Болгарии, где обучались посланцы из Башкортостана, кроме города Болгар, названы Тубулга-Ата, Сувар и подразумеваются другие города. Похоже, речь идет о событиях XV–XVI вв., когда Волжская Болгария как государство перестала существовать, и под болгарями подразумевалось население Казанского ханства. Но традиционно население еще продолжало называться болгарями.

Отметим, активное проникновение ислама и утверждение его как важного фактора национальной идеологии башкирского народа, по единодушному мнению исследователей, приходится на время ханства Узбека (1312–1341 гг.).

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 267.

Правители Ногайской Орды считали себя продолжателями политики укрепления ислама в своем государстве: в нем строго соблюдались все мусульманские обряды и праздники. Такая же ситуация, очевидно, была и в Башкортостане. Известно, в конце XV в. во многих башкирских селениях существовали мечети¹.

Ислам, став национальной религией башкирского народа, сыграл важную роль в консолидации разрозненных групп племен в рамках единого народа. В этом отношении очень показательным является текст шежере минских башкир, где описываются события, развернувшиеся в Башкортостане после падения Казани в 1552 г. По стране тогда ходили посланцы Ивана Грозного, приглашая добровольно прийти и признать его власть, а в коллективах обсуждался вопрос о том, как реагировать на эти призывы. Когда было принято решение о добровольном вхождении в состав русского государства, стали выбирать состав делегаций для поездки в Москву, и одним из важнейших критериев для поездки было знание своей религии и способности думать о будущем своего народа. Один из уважаемых духовных лиц тогда сказал: «Человеку, не знающему молитв и своей родословной, не пристало говорить речи перед падишахом, (человек) не осведомленный о будущем не может быть у власти»². Данный документ свидетельствует о том, какие важные изменения успел произвести ислам за относительно короткий период в сознании башкирского народа.

Важным достижением национальной культуры башкирского народа XIV–XVI вв. стало широкое распространение арабской письменности, о чем говорит повсеместное возведение каменных надмогильных камней с надписями с отрывками из Корана и информацией об умерших. Обучение арабской графике велось в медресе, а писали на камнях, деревянных досках, коже и бересте. О том, что береста выполняла роль бумаги, говорит сохранившаяся до сих пор народная поговорка «тузға язмағанды һөйләмә» – «не говори то, что не написано на бересте».

Тот очевидный факт, что башкиры еще с IX–X вв. поддерживали активные торгово-экономические, культурно-дипломатические связи со всем евразийским миром, предполагает существование у них налажен-

¹ *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 569; см. также: *Фаизов Г. Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 52.

ной культуры ведения государственного делопроизводства. Например, официально известно о получении ханом Муйтен-бием из рук Чингисхана грамоты на право управления обширными землями в качестве самостоятельного улуса в составе империи самого Чингисхана. Этот факт предполагает, что Муйтен-бий умел писать и читать, но пока трудно ответить на основе какой графики – рунической или арабской. Организация переписей населения, сбор налогов и прочих повинностей в пользу Ногайской Орды в XV–XVI вв. также требовали существования соответствующей официальной письменной документации.

Даже при беглом обзоре источников читателя поражает обилие у башкирского народа фольклорных памятников в виде эпосов, легенд и преданий. К легендарным героическим эпосам «Урал-батыр», «Акбузат» в XIV–XVI вв. прибавились такие же героические эпосы, как «Идукай и Мурадым», «Сказание о Мамай хане», «Алдар и Зухра», «Бабсак и Кусяк» и другие, которые отражают миропонимание и эстетические взгляды народа того времени.

Непревзойденным представителем литературы тюркских народов Урало-Поволжья является автор всемирно известного дастана «Киссаи Юсуф», автором которого, согласно шежере, является Кул Гали – выходец из среды айлинских башкир. Этот дастан в многочисленных рукописных вариантах был известен среди башкир и поволжских татар, его творчество проходило в ряде волжских городов, и литературоведы Татарстана не без основания считают его одним из классиков болгарской литературы XII–XIII вв. Примерные годы жизни Кул Гали приходятся на 1174–1248 гг. В своих произведениях он отразил реальные события из жизни башкир и болгар этого времени и мы по праву можем его называть выдающимся представителем тюркской мировой литературы¹.

Литературоведы отмечают, что вместе с исламом в среде башкир распространялись такие новые течения исламской литературы, как суфизм, проникнутый идеей полного подчинения догмам ислама. В них проповедовался отказ от всех земных благ во имя райской жизни в загробном мире. Всю земную жизнь человек смиренно должен готовить себя к встрече с Богом. Стремление человека к единению своей души с аллахом образно выразил в своем творчестве Ахмет Ясави (1105–

¹ Башкорт әзәбиәте тарихы... Өфө, 1990. 99–127-се бб.

1166) – один из виднейших родоначальников суфийской литературы среди тюркоязычных народов. Он имел многочисленных талантливых учеников, произведения которых пользовались популярностью. Так, Ахмет Ясави цель своей жизни кратко изложил в следующей фразе: «Я, жалкий раб божий, Ходжахмет, ради бога, ради истинной жизни, которая наступит после смерти, отрекаюсь от бренного мира, его государства, от всего удовольствия и наслаждения, и пошел по пути святых духовных лиц; чем моя жизнь на этом пути принесет мне больше мучений, физических и духовных страданий, тем легче будет в том мире; я, даже будучи безвинным, готов быть убитым от чьей-то руки: самопожертвование поможет мне быстрее встретиться с самим всевышним»¹. Творчество Ахмета Ясави было хорошо известно башкирам.

Высшим достижением культуры башкир XV–XVI вв. является возникновение письменной истории народа, примером чему является «Башкирская история», рассказанная в начале XVIII в. П. И. Рычкову башкиром Кидрасом Муллакаевым. Судя по переизложенному содержанию, данный труд, погибший в период башкирского восстания начала XVIII в., включал подробное повествование истории башкирского народа XIII–XVI вв. Последовательный рассказ событий, связанных с тем или иным ханом, не оставляет сомнения в том, что его авторы были современниками этих событий. Не исключено, что Кидрас Муллакаев рассказал по памяти содержание некогда существовавшего шежере, куда, как правило, записывались важнейшие события в жизни башкирских племен.

Башкирские шежере в XII–XVI вв. представляли собой серьезные правовые документы. Об этом лишний раз свидетельствует шежере юрматинских башкир. В нем говорится, что в 1557–1558 гг., после возвращения предводителя Татигач-бия из Казани, где произошло официальное признание власти российского государя, башкиры собрались на курултай для обсуждения выдвинутых русскими условий, в том числе размеров новых земельных угодий и уплаты ясака. «Чтобы друг другу, родам, и родственникам жить в мире, чтобы не чинить насилия народу, напишем договорные письма»². Приведенный отрывок не оставляет никакого сомнения в существовании у башкир в XV–XVI вв. официаль-

¹ Харисов А. И. Башкорт халкының әзәби мирасы. Өфө, 1965. 179–185-се бб.

² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 34.

ной письменной документации. Аналогичные же записи вскоре после вхождения в состав России появились в шежере минских, бурзянских, кыпчакских, усерганских, тамьянских башкир. Обращает на себя внимание то, что между башкирами и русскими заключались письменные договорные грамоты, в которых русское правительство обязалось «не причинять башкирскому народу страданий», признавались права башкир на землю, свободу религии («никогда не насиловать в другую религию»), а башкиры дали слово «нести искреннюю службу». В шежере минцев привлекает внимание фраза «шежере писалось в 1567 г.».¹ Эти и другие примеры по поводу обсуждения условий Российского государства ясно указывают, что в XVI в. повсюду среди башкир в письменном виде велись родословные (шежере) и в них записывались важнейшие события в истории народа.

¹ Башкирские шежере... Уфа, 1960. С. 53, 79.

**Именной указатель башкирских ханов и биев
по сведениям шежере усерганских башкир**

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Башджурт (Башкорт)	Около IX в.	Посредник в налаживании дипломатических отношений между хазарами и вторгшимися около IX в. на Южный Урал кыргызами	<i>Бартольд В. В.</i> Соч. VIII в. М., 1973. С. 46, 47.
Баба Төкләс	XI в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Тырма	XI в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Казансы	XI в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Ишламкыя	XII в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Кары кыя	XII в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Котлоғ кыя	XII в.		Башкирские шежере. Уфа, 1985. С. 54-60.
Туксаба	XII в.		
Мөйтән-бий	20–30-е гг. XIII в.	Встречался с Чингисханом, получил из его рук ярлык на управление огромными землями по Южному Уралу (Улус Муйтен-бия)	<i>Хусаинов Г. Б.</i> Духовный мир башкирского народа. Уфа, 2003. С. 45.
Шакмаклы-бий	30-е гг. XIII в.	Сын Муйтен-бия	Там же.
Бүзкә (Бүрәкә)-бий	40–50-е гг. XIII в.	Внук Муйтен-бия, сын Шакмаклы-бия, современник Тукан-хана, вероятно, сына Бату	Там же; <i>Рашид-ад-Дин.</i> Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1966. С. 229.
Йәрукә (Серкә)-бий	50–60-е гг. XIII в.	Сын Бүзкә-бия, современник Тукан-хана – сына Бату, правнук Муйтен-бия	<i>Хусаинов Г. Б.</i> Указ. соч. С. 45.
Манғыт	50–60-е гг. XIII в.	Современник Туғырл (вероятно Тугрылча)-хана, внука Батыя	Там же; <i>Рашид-ад-дин.</i> Указ. соч. С. 229.

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Урал-бий	20–30-е гг. XIV в.	Сын Мангыт-бия, современник Узбек-хана (1312–1341 гг.)	<i>Хусаинов Г. Б.</i> Указ. соч. С. 45.
Инсан-бий	40–50-е гг. XIV в.	Сын Урал-бия, современник Дженибека (1341–1357 гг.)	Там же.
Бүйәт-бий	40–50-е гг. XIV в.	Современник Бирдибек-хана (1357–1359 гг.)	Там же.
Арбан-бий	80–90-е гг. XIV в.	Современник Тохтамышша (1380–1396 гг.)	Там же.
Тумбай-бий	80–90-е гг. XIV в.	Современник Тохтамышша и Арбан-бия	Там же.
Тимер Карабуға-бий	Рубеж 70–80-х гг. XIV в.	Современник Бурак (скорее всего, Булак-хана). Рубеж 70–80 гг. XIV в.	Там же; <i>Федоров-Давыдов Г. А.</i> Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 193..
Карас-бий	Конец XV в.		<i>Хусаинов Г. Б.</i> Указ. соч. С. 45.
Сарбаш-бий	Конец XV в.	Современник Тура-хана	Там же.
Һарыш-бий	Начало XVI в.	Современник Кусем-хана	Там же; <i>Трепавлов В. В.</i> Ногаи в Башкирии.
Һарыбаш-мурза	20–40-е гг. XVI в.	Современник Тура-хана	<i>Хусаинов Г. Б.</i> Указ. соч. С. 45.
Сурабан-бий	40–50-е гг. XVI в.	Умер в г. Казани как заложник башкир власти Ивана Грозного	<i>Хусаинов Г. Б.</i> Указ. соч. С. 45.

**II. Именной указатель башкирских ханов и биев
XIII – первой половины XVI в. по сведениям письменных источников**

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Имя хана неизвестно, возможно, Муйтен-бий	20–30-е гг. XIII в.	Венгерский монах Юлиан во время второго приезда в страну башкир на Урале встречался с башкирским ханом и отмечает присутствие при нем посла татаро-монголов. Скорее всего, эта встреча произошла в г. Башкорт.	<i>Аннинский С. А.</i> Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв., о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М., 1941. С. 81.
Имя хана неизвестно	20–30-е гг. XIV в.	Венгерский монах Иоганка в 1320 г. совершил путешествие в Башкортостан и прожил здесь 6 лет. Свои впечатления о государственном устройстве он запечатлел так: башкирский хан и его окружение фанатично преданы исламу; судьями являются татары-монголы. Скорее всего, резиденция башкирского хана находилась в г. Башкорт	Там же. С. 92–94.
Даут-хан	XIV–XV вв.	Оба хана известны по текстам надмогильных плит, являются выходцами одного рода. Похоронены на месте впадения р. Ик в Белую. Принимали активное участие в распространении ислама среди башкир	<i>Вельяминов-Зернов В. В.</i> Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного Отделения императорского археологического общества. Ч. IV. СПб., 1852. С. 267, 268.
Килик-хан	XIV–XV вв.	Известен по названию деревни по р. Белой	Там же.
Байджура-хан	XV–XVI вв.	Ханствовал на землях вокруг г. Уфы. Принимал активное участие в распространении ислама среди башкир	<i>Березин И.</i> Булгар на Волге // Ученые записки Казанского Университета. Кн. III. 1852. С. 150.

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Ямгурчи	1480-е гг.		<i>Рычков П. И.</i> История Оренбургская. Уфа, 2001. С. 181–182; <i>Трепавлов В. В.</i> Ногаи в Башкирии. XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 17–27.
Тура-хан	Начало XVI в.	Братья	<i>Трепавлов В. В.</i> Указ. соч. С. 17–27.
Басман-хан	Начало XVI в.		
Алчагир-хан	Начало XVI в.		Там же. С. 17–27.
Исмаил (Измаил)-хан	1538–1545 гг.		Там же. С. 17–27.
Акназар-хан (Хакк-Назар)	Около 1522–1538 гг.		Там же. С. 17–18.
Нурадин	20–30-е гг. XV в.		<i>Трепавлов В. В.</i> История Ногайской Орды. М., 2002. С. 83.
Муса-хан	Умер в самом начале XVI в.	Отец Мамай	Там же. С. 100–103 и др.
Мамай-хан, сын Мусы	Первая четверть XVI в.		Там же. С. 165–179.

III. Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере ирэклинской (северной) группы табынских башкир

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Уйшин Майкы-бий	10–30-е гг. XIII в.	Современник и сподвижник Чингисхана и Джучи-хана; умер и похоронен на Иртыше	Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 164, 165; Башкирские родословные. Уфа, 2002. С. 391–393.
Алчак-бий	20–30-е гг. XIII в.	Сын Майкы-бия; умер на Иртыше	Там же.
Булгаир-бий	30–40-е гг. XIII в.	Внук Майкы-бия; умер на Иртыше	Там же.
Карача-Карагазиз-бий (Каратабын)	Вероятно, 50–70-е гг. XIII в.	Завоевал Восточное Зауралье вплоть до уровня Миасса, Миндака и утвердился как местный правитель в составе Табынского ханства	Там же.
Ахмедшейх-бий	70–90-е гг. XIII в.	При нем потомки Майкы-бия расширили свое политическое влияние над всем Северным Башкортостаном, включая Осинский и Кунгурский края, вплоть до земель Мензелинского уезда (возникло Табынское ханство). Вскоре табынцы разделились на степных и лесных ирэклинцев (табынцев)	Там же.
Абдал-бий	XIV в.	----	Там же.
Чулман-бий	XIV в.	----	Там же.
Кулман-бий	XIV в.	----	Там же.
Дюрмен-бий	XV в.	----	Там же.
Худайгул-бий	XV в.	----	Там же.
Худояр-бий	10–20-е гг. XVI в.	----	Там же.
Давлетяр-бий	20–30-е гг. XVI в.	----	Там же.

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Давлетбай-бий	30–40-е гг. XVI в.	----	Там же.
Исян (Асан)- бий	40–50-е гг. XVI в.	Современник падения г. Казани. Был принят Иваном Грозным. Признал его власть. Его могила находится недалеко от дер. Нижней Чокорый в Татышлинском районе Башкортостана	Там же.
Бурак-хан	60–70-е гг. XVI в.	Сын Исян-хана	Там же.
Кючюган (Кючюм)-хан	Конец XVI в.		
Кийик-бий	50–60-е гг. XVIII в.		

**IV. Именной указатель башкирских ханов и биев
по сведениям шежере башкир-кыпчаков**

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Кыпсак	XII–XIII вв.		Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 95, 96.
Хушняк	XIII в.		Там же.
Казанкап	XIII в.		Там же.
Буда-бий	XIII в.		Там же.
Кухеш	Рубеж XIII– XIV вв.		Там же.
Найман	Рубеж XIII– XIV вв.		Там же.
Турнак	10–20-е гг. XIV в.		Там же.
Буга-бий	20–30-е гг. XIV в.	На надмогильной плите 1340 г. есть надпись: «Кукляр сын Буги». Возможно, Буга-бий есть отец Ку- кляра	Там же.
Кукляр	Умер в 1340 г.	На надмогильной плите арабски- ми буквами выведена надпись: «Надмогильный знак Кукляра сын Буги»	Там же.
Кушкар-бий	Брат Ямгурчи бия. Рубеж XV–XVI вв.	Сын Буга-бия. Владел землями по р. Яик в районе устья р. Сакмары. Профессор В. В. Трепавлов счи- тает, что Ямгурчи-бий был ногай- цем по происхождению и жил на рубеже XV–XVI вв.	Там же.
Ямгурчи-бий	Рубеж XV–XVI в.		Там же.
Илэк-бий	Рубеж XV–XVI в.		Там же.
Бурзян-бий	Рубеж XV–XVI в.		Там же.
Алсак-бий	Рубеж XV–XVI в.		Там же.
Акназар-бий	30–40-е гг. XVI в.		Там же.
Байназар-бий	40–50-е гг. XVI в.		Там же.
Кидрас-бий	50-е гг. XVI в.	Получил грамоты от Ивана Гроз- ного	Там же.

**V. Именной указатель башкирских ханов и биев
по сведениям шежере башкир карагай-кыпчакской группы**

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Дешт-Кыпчак			Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 115, 116
Исмагил-хан	XIII–XIV вв.	Его предки владели землями по р. Зилим. Похоронен в районе устья р. Зилим	Там же.
Алмай-султан	XIII–XIV вв.	Владел землями по р. Зилим и по- хоронен там	Там же.
Кузы-султан	XIV–XV вв.		Там же.
Бускун-султан	XV в.		Там же.
Булат-бий	XV в.		Там же.
Бабсак-бий	XV в.		Там же.
Тура-хан	Начало XVI в.		<i>Трепавлов В. В.</i> Ногаи в Башкирии. XV– XVI вв. Княжеские роды Ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 17–27.
Кусяк-бий			

VI. Именной указатель башкирских ханов и биев

по сведениям шежере башкир-юрматинцев (вариант Шибан-хана)

Имя хана (бия)	Примерные годы ханства (бийства)	Достоверные сведения, уточняющие годы ханства (бийства)	Литературные источники
Шибан-хан	XIII в.		Башкирские родос- ловные. Уфа, 2002. С. 67, 68.
Буджан-хан	XIII–XIV вв.		Там же.
Исмагил-хан	XIII–XIV вв.		Там же.
Алмалы-хан	XIII–XIV вв.		Там же.
Юрматы-бий	XIII–XIV вв.		Там же.
Юрми-бий	XIV–XV вв.		Там же.
Гали-бий	XIV–XV вв.		Там же.
Аккучкар-бий	XIV–XV вв.		Там же.
Худайбак	XV в.		Там же.
Худайбид- кураист	XV в.		Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БДС – Башкирский диалектологический сборник
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВДТЯ – Вопросы диалектологии тюркских языков
ВЭТНСП – Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья
ВЯ – Вопросы языкознания
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО – Записки русского археологического общества
ЗРГО – Записки Русского географического общества
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения института этнографии
МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
МИА – Материалы и исследования по археологии
МКМУ – Материалы конференции молодых ученых
ОИАК – Отчет историко-археологической комиссии
ОКВАЭ – Отчет Камской (Воткинской) археологической экспедиции
ПДУЮУ – Проблемы древних угров Южного Урала
ПКЮУ – Памятники кочевников Южного Урала
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СТ – Советская тюркология
СЭ – Советская этнография
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции

ТООКУ – Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете

ТООАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии

ТСИ – Труды Самаркандского института

УЗБУ – Ученые записки Башкирского государственного университета

ЭИНССТ – Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий

ЭПСО – Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
------------------	---

Раздел I. ДРЕВНОСТЬ

Глава I. Каменный век	8
Первичное заселение территории Урала	8
Среднекаменный век (мезолит)	16
Неолит	18
Энеолит	20
Глава II. Бронзовый век	29
Абашевские племена	31
Срубные племена	34
Андроновские племена	37
Городища-крепости типа Аркаим	40
Глава III. Эпоха раннего железа	55
Древнейшие письменные источники о племенах Южного Урала ..	55
Образ жизни и культура дахо-сако-массагетских племен	62
Общественный строй и историческая судьба дахо-сако-массагетов и исседонов	77
Племена лесной и лесостепной зоны Южного Урала	83
Племена ананьинской культуры	83
Племена Южного Зауралья в эпоху раннежелезного века	87
Глава IV. Южный Урал в гуннскую эпоху	91
Кочевники степной зоны	91
Кангюй	96
Усуни	97
Юечжи	99
Оседлые племена лесостепной и лесной зоны	104
Племена Южного Урала раннежелезного века – древнейшие предки башкирского народа	107
Эпос «Урал-батыр» – источник о древних предках башкир	114

Глава V. Южный Урал в IV–VIII вв.	126
Историческая обстановка в южноуральских степях в III–IV вв.	126
Племена раннебахмутинской (мазунинской) культуры	132
Эпоха Великого переселения народов (IV–V вв.)	136
Племена турбаслинской культуры	139
Племена кушнаренковской культуры	149
Племена селенташской культуры	152
Племена бахмутинской культуры	156
Племена Восточного Зауралья V–VIII вв.	160
Западно-Тюркский каганат	163
Хозяйство и общественная жизнь племен Южного Урала VI–VIII вв.	169
Глава VI. Город Башкорт – столица средневекового Башкортостана	174
Городища-крепости на территории г. Уфы	174
Городище Уфа-II – крупнейшая крепость на Южном Урале. История изучения	176
Городище Уфа-II – цитадель (Кремль) большого средневекового города Башкорт	184
Глава VII. Башкортостан в IX–X вв.	190
Исторический Башкортостан по данным письменных источников	190
Древние мадьяры	201
Культура башкир IX–X вв.	214
Происхождение башкир	229
Лингвистический аспект	230
Антропологический аспект	238
Этнографический аспект	245
Об этнониме «башкорт»	253
О религии башкир	256
Глава VIII. Башкортостан в X–XII вв.	268
Города. Поселения	269
Хозяйство башкир IX–XII вв.	280
Скотоводство	282
Металлургическое производство	285

К вопросу о государственных образованиях башкир в IX – начале XIII в.	290
---	-----

Глава IX. Волжская Болгария и башкиры	300
Именьковская культура	300
Болгары	305
Культура болгар	309
Волжская Болгария в X – начале XIII в.	313
Хозяйство. Города. Ремесла	317
Глава X. Башкортостан в составе Золотой Орды	329
Чингисхан – основатель империи монголов	329
Некоторые сведения о Золотой Орде	342
Общественно-политическая жизнь Башкортостана в составе Золотой Орды	347
Культура башкир золотоордынского времени (XIII–XIV вв.)	377
Раннемусульманские памятники Башкортостана	389
Глава XI. Золотая Орда в судьбах народов Степной Евразии	394
Историография вопроса	394
Политическая ситуация в Среднем Поволжье в XIII–XV вв.	403
Города	410
Письменность. Язык	421
Глава XII. Политическая история башкирского народа в XV– первой половине XVI в.	430
Краткая историография вопроса	430
Распад Золотой Орды. Возвышение мангытского юрта	431
Башкортостан в составе Ногайской Орды	435
Башкортостан в составе Сибирского ханства	446
Башкортостан в составе Казанского ханства	450
Глава XIII. Культура Башкортостана XV – первой половины XVI в.	454
Основные направления хозяйственной деятельности башкир ...	455
Город Башкорт – столица Башкортостана XV – первой половины XVI в.	456
Быт и культура населения Башкортостана	468
Духовная культура. Религия. Литература. Наука	471

Приложение

Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере усерганских башкир	479–480
Именной указатель башкирских ханов и биев XIII – первой половине XVI в. по сведениям письменных источников	481–482
Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере иреклинской (северной) группы табынских башкир	483–484
Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере башкир-кыпчаков	485
Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере башкир карагай-кыпчакской группы	486
Именной указатель башкирских ханов и биев по сведениям шежере башкир-юрматинцев (вариант Шибан-хана)	487
Список сокращений	488

Научное издание

**МАЖИТОВ Нияз Абдулхакович
СУЛТАНОВА Альфия Ниязовна**

**ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА
ДРЕВНОСТЬ. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Редактор *Л. О. Хаирова*

Художник *А. Р. Тергулов*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *Н. Г. Пятаева*

Корректоры *Р. А. Бондаренко, А. Р. Галимова, Г. Н. Гутова*

Подписано в печать 22.04.10.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,0+2,0 вкл. Усл. кр.-отг. 39,0. Уч.-изд. л. 24,10+2,20 вкл. Тираж 1300 экз.
Заказ 1.0065.10.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Отпечатано с предоставленных файлов
на Государственном унитарном предприятии Республики Башкортостан
«Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

